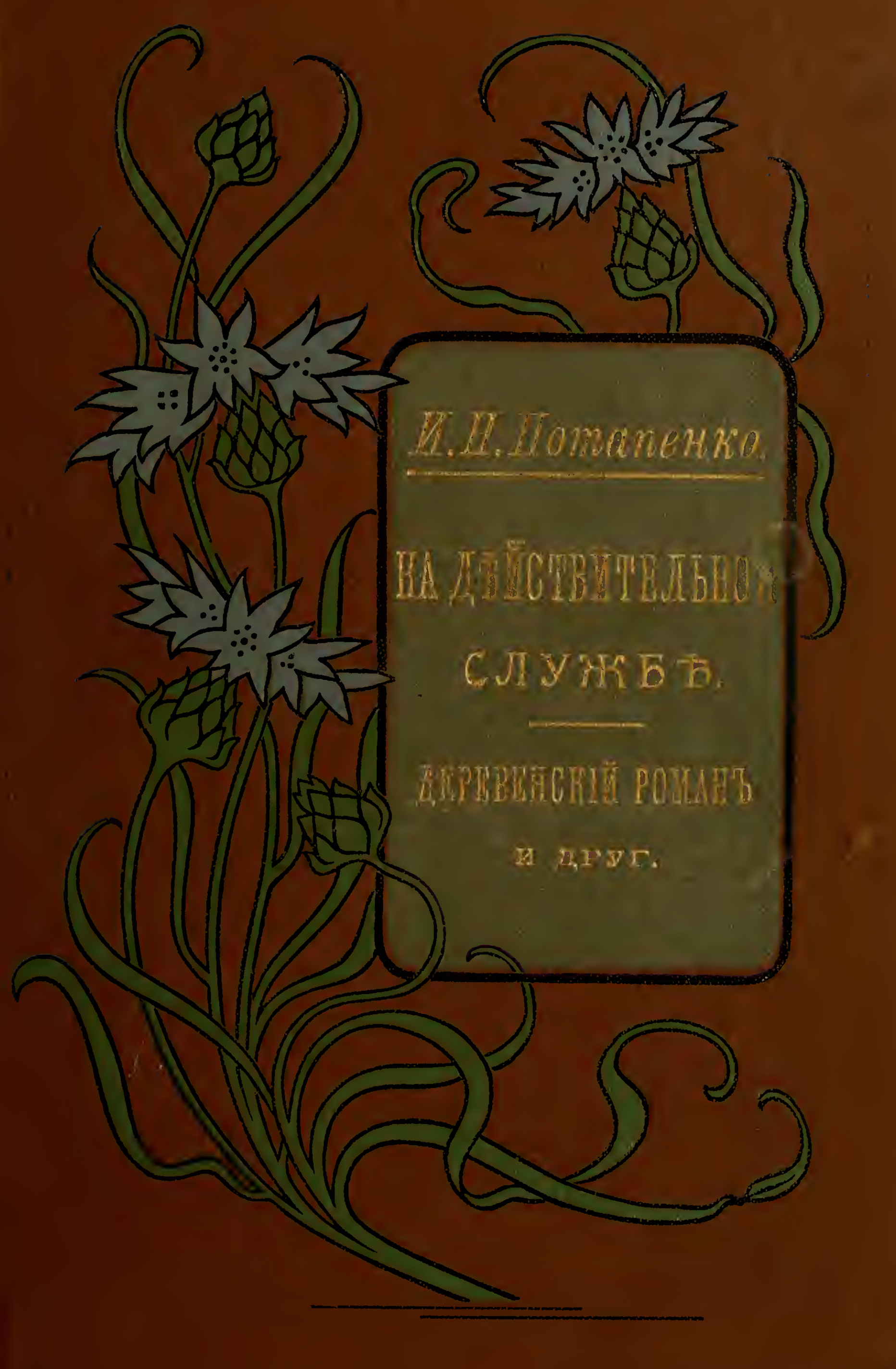

Изданіе А. Ф. Маркса СПБ.

OMNIVM
LVX
CIVIVM
MDCCCLII
MDCCC
LXXVIII
BOSTON
PUBLIC
LIBRARY

Сочиненія, томъ II.

И. Н. Потапенко.

НА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБѢ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ РОМАНЪ

и другіе

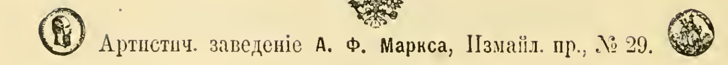
ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

изъ духовнаго быта:

Шестеро.—Исполнительный органъ.—Октава.—Жены.—Блудный сынъ.—Крылатое слово.—Игра словъ.—Надежда и упованіе.—Искушеніе.—Овца.

3-е изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Артистич. заведеніе А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

НА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБѢ.

НА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБѢ.

Повѣсть.

I.

Среди встрѣчающей публики, наполнявшей огромный сараеобразный залъ желѣзнодорожнаго вокзала, рѣзко выдѣлялись двѣ фигуры. Обѣ онѣ принадлежали къ духовному сословію и были одѣты въ длинныя рясы. Но на этомъ кончалось сходство между ними, и, вглядѣвшись въ нихъ повнимательнѣе, сейчасъ же можно было догадаться, что это люди разныхъ положеній. Тотъ, что стоялъ у круглаго афишнаго столба и внимательно читалъ распредѣленіе поѣздовъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, по всѣмъ признакамъ, принадлежалъ къ духовной аристократіи губернскаго города. На немъ была темно-зеленая атласная ряса; на груди его красовался большой крестъ на массивной цѣпи и еще что-то на цвѣтной лентѣ. Полныя щеки его, молочнаго цвѣта, окаймлялись сѣдоватой растительностью, которая внизу сгущалась и впадала въ широкую тщательно расчесанную бороду. На рукахъ были черныя перчатки, на головѣ—темно-сѣрая мягкая пуховая шляпа. Отъ времени до времени онъ вынималъ изъ-подъ рясы массивные золотые часы и повидимому былъ недоволенъ, что время идетъ не такъ скоро, какъ ему хотѣлось.

Другой помѣщался на скамейкѣ въ самомъ углу, прижатый огромнымъ узломъ, принадлежавшимъ какому-то толстому мѣщанину, который сидѣлъ рядомъ. Прежде всего бросалась въ глаза его совершенно сѣдая, очень длинная

борода, которая казалась еще длиннѣе оттого, что онъ склонилъ голову, такъ что борода касалась колѣнъ. На колѣняхъ лежали руки съ длинными, неуклюжими пальцами и съ выпуклыми синими жилами. Полы сѣрой порыжѣвшей отъ времени рясы раздвинулись, и изъ-за нихъ выглядывали большіе сапоги изъ грубой юхты. Старикъ былъ тонокъ, сухощавъ и сильно сутуловатъ. Блѣдное лицо его казалось мертвеннымъ, благодаря тому, что онъ закрылъ глаза и дремалъ. Но иногда шумъ, происходившій на платформѣ, заставлялъ его просыпаться; онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ обводилъ взоромъ многочисленную публику, къ которой повидимому не привыкъ, и потомъ, какъ бы сообразивъ, въ чемъ дѣло, опять погружался въ дремоту.

Духовному лицу въ атласной рясѣ надоѣло, наконецъ, изучать расписаніе поѣздовъ; оно уловило минуту, когда сидѣвшій въ сѣрой рясѣ открылъ глаза, и подошло къ нему. Послѣдній тотчасъ же быстро схватился, всталъ и по возможности выпрямился.

— Смотрю, смотрю, знакомое лицо... и не могу опредѣлить, гдѣ я могъ васъ видѣть!—сказало лицо въ атласной рясѣ пріятнымъ баритономъ съ растяжкой.

— А я такъ сію минуту узналъ васъ, отецъ-ректоръ!.. Я, ежели изволите помнить, діаконъ села Устимьевки, Игнатій Обновленскій.

Ректоръ выразилъ удовольствіе, смѣшанное съ удивленіемъ.

— Обновленскій... Обновленскій... Вашъ сынъ... Да, да, да, да! Такъ вы отецъ Кирилла Обновленскаго?! Очень пріятно, очень пріятно!.. Хорошій былъ ученикъ, образцовый!.. Знаете, вѣдь мы за него получили благодарность отъ академіи... Какъ же, какъ же!.. Очень, очень пріятно! Что же онъ теперь? Кончилъ?

Дьяконъ Игнатій Обновленскій былъ видимо обрадованъ одобреніемъ столь важнаго лица, какъ ректоръ семинаріи. Въ его большихъ глазахъ заиграли искры, и самые глаза увлажились. Онъ готовъ былъ плакать отъ восторга всякій разъ, когда столь лестно отзывались о его младшемъ сынѣ Кириллѣ.

— Ахъ, ваше высокопреподобіе, онъ кончилъ... первымъ магистрантомъ кончилъ... Да, первымъ магистрантомъ.

— Ну, и что же, оставленъ при академіи? Первыхъ всегда оставляютъ.

— Нѣтъ, не оставленъ!

И голосъ дьякона вдругъ дрогнулъ и понизился. Старикъ былъ смущенъ. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, первыхъ всегда оставляютъ, а Кириллъ не оставленъ!? Почему же онъ не оставленъ? Писалъ вѣдь онъ: «дорогіе, говоритъ, мои старики, ѣду я къ вамъ и больше уже отъ васъ не уѣду»... значитъ, не оставленъ...

— Гмъ... Это странно!.. — сказалъ отецъ-ректоръ. — Признаюсь, даже не понимаю.

У дьякона задрожала голова; сердце его сжалось не то отъ какого-то непонятнаго дурного предчувствія, не то отъ стыда передъ отцомъ-ректоромъ за то, что его сынъ, за котораго семинарія даже благодарность получила, все-таки не оправдалъ полностью всѣхъ надеждъ.

— И я не понимаю!..—почти шопотомъ сказалъ онъ. Что-то стояло у него въ горлѣ и мѣшало говорить.

— А я вотъ племянника жду. Тоже академикъ. Вмѣстѣ съ вашимъ Кирилломъ въ академію отправили. Сюда и назначенъ, въ нашу семинарію,—сказалъ отецъ-ректоръ, какъ бы желая загладить впечатлѣніе непріятнаго разговора.

Но дьяконъ уже не слушалъ его. Глухой звонъ, доносившійся съ платформы, свидѣтельствовалъ, что поѣздъ уже близко. Онъ засуетился, весь задвигался и ринулся къ двери, куда хлынула встрѣчающая публика. Черезъ минуту онъ былъ на платформѣ и съ трепетнымъ замираніемъ сердца слѣдилъ глазами за приближавшимся поѣздомъ. Онъ внимательно присматривался, не увидитъ ли издали дорогую голову своего сына гдѣ-нибудь въ окнѣ вагона, но, разумѣется, ничего не видѣлъ. Поѣздъ съ торжественнымъ гудѣніемъ вкатился подъ высокую стеклянную крышу вокзала. Дьяконъ застылъ на мѣстѣ и съ растеряннымъ видомъ смотрѣлъ разомъ на выходы изъ всѣхъ вагоновъ. Въ глазахъ его все путалось и смѣшивалось. Казалось, онъ видѣлъ всѣхъ выходящихъ и суетливо снующихъ по платформѣ съ чемоданами и узлами, слышалъ разговоры, привѣтствія, поцѣлуи, но въ то же время все это для него было точно во снѣ. Вѣдь это вонъ тамъ отецъ-ректоръ облобызалъ молодого человѣка съ дорожной сумкой, одѣтой черезъ плечо, а потомъ пожалъ руку другому молодому человѣку, высокому, блѣдному, съ длинными русыми волосами, висѣвшими изъ-подъ шляпы, съ небольшими усиками и бородкой клиномъ.

Вотъ они идутъ сюда. Высокій молодой человѣкъ даже не идетъ, а почти бѣжитъ, а у него, у дьякона, сердце такъ вотъ и замираетъ, голова кружится и ноги дрожатъ, и ужъ совсѣмъ не понимаетъ онъ, что это такое дѣлается. Онъ сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ Кирилла и не хочетъ отпустить его, цѣлуетъ его въ голову и не хочетъ перестать, словно это не свиданіе, а разлука. Кириллъ силой вырвался отъ старика.

— Ну, ладно, ладно, поцѣлуемся еще!..—сказалъ онъ крѣпкимъ басоватымъ голосомъ. — Тамъ багажецъ есть, надо получить.

Старикъ покорно послѣдовалъ за нимъ. Онъ то забѣгалъ впередъ, то отставалъ, попадалъ не въ ту дверь, тащилъ чужой чемоданъ, но ничего не разспрашивалъ, а только жадно глядѣлъ на высокую фигуру своего сына, на его походку, на длинныя ноги, на черный казенный сюртукъ, и отъ всего приходилъ въ умиленіе.

Когда они получили чемоданъ и сѣли на извозчика, Кириллъ спросилъ:

— А Мурка здорова?

— Марья Гавриловна? Слава тебѣ, Господи! Ждетъ тебя!..

— Что же она встрѣчать не пришла?

— Желала, очень желала. Да матушка, Анна Николаевна, не дозволила. Дѣвицѣ, говоритъ, неприлично.

— Ну, а мать, сестра, братъ Назаръ? здравствуютъ?

— Кланяются. Назаръ въ священники просился, да отказалъ владыка. Еще, говоритъ, послужи.

А самъ дьяконъ въ это время подумалъ: «Сперва о Муркѣ своей спросилъ, а потомъ о матери. Не порядокъ».

— Куда держать прикажете?—спросилъ извозчикъ, которому забыли сказать это.

— Въ соборный домъ, въ соборный домъ!—поспѣшно сказалъ дьяконъ и прибавилъ, обращаясь къ сыну: — Мы къ о. Гаврiилу заѣдемъ, тамъ и лошади мои стоятъ... Покушаемъ, да и въ Устимьевку, къ вечеру дома будемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... переночевать надо... дѣло есть: Надобно побывать у преосвященнаго!

Хотѣлъ старикъ спросить: зачѣмъ? да воздержался. А между тѣмъ въ головѣ его копошились непріятныя мысли: «Первымъ магистрантомъ кончилъ и къ преосвященному. Зачѣмъ? — думалъ онъ: — къ преосвященному ходитъ нашъ братъ—простой человѣкъ. Ну, тамъ во священника,

либо въ діакона просится. А то магистрантъ, первый магистрантъ... Чего ему?» Но, подавленный восторгомъ по поводу того, что горячо любимый сынъ наконецъ пріѣхалъ и сидитъ рядомъ съ нимъ на дрожкахъ, старикъ молчалъ, отложивъ свои вопросы на послѣ. А сынъ не догадывался о его думахъ. Онъ смотрѣлъ по сторонамъ и удивлялся разнымъ перемѣнамъ въ губернскомъ городѣ за послѣдніе два года. Строятъ новую церковь, замостили Вокзальную улицу, не мало новыхъ домовъ выросло.

— Растетъ наша губернія!—замѣтилъ онъ вслухъ: — и соборный домъ заново окрашенъ!

Двухъэтажный соборный домъ, къ которому они подъѣхали, былъ окрашенъ въ темно-коричневый цвѣтъ. Неподалеку отъ него, на большой площади, огороженной желѣзной рѣшеткой, возвышался соборъ, зданіе большое, но неуклюжее и угловатое. Они расплатились съ извозчикомъ и вошли въ калитку, а потомъ поднялись во второй этажъ. Отецъ Гавріилъ Фортификантовъ занималъ весьма приличную и просторную квартиру въ соборномъ домѣ. По чину онъ былъ третьимъ священникомъ, и такъ какъ обыватели губернскаго города отличались богобоязненностью, то доходъ у него былъ хорошій. Гости поднялись по узкой деревянной лѣстницѣ, застланной парусинковой дорожкой, прошли обширный стеклянный коридоръ и вступили въ покои отца Гавріила Фортификантова. Уже изъ передней можно было замѣтить, что въ залѣ происходитъ нѣкоторое движеніе, но солидное, лишенное всякой суетливости. На порогѣ ихъ встрѣтилъ самъ отецъ Гавріилъ и сперва осѣнилъ Кирилла благословеніемъ, а потомъ уже обнялъ и трижды облобызалъ. Тотъ же часъ изъ гостиной вышла солидная матушка, Анна Николаевна, въ свѣтло-голубомъ капотѣ, съ наколкой на головѣ; она тоже поцѣловалась съ Кирилломъ. Въ этомъ домѣ говорили ему «ты» и обращались, какъ съ сыномъ. Уже со второго богословскаго класса онъ считался женихомъ Марьи Гавриловны. Конечно, такое довѣріе къ сыну бѣднаго сельскаго дьякона объяснялось особенными успѣхами Кирилла въ наукахъ. Уже тогда было извѣстно, что онъ поѣдетъ въ академію.

Сѣли. Разговоръ вертѣлся на подробностяхъ путешествія и нѣкоторыхъ городскихъ новостяхъ. Было уже часовъ одиннадцать—матушка пригласила къ завтраку.

— А гдѣ же Мура?—спросилъ Кириллъ:—Марья Гав-

риловна?—поправился онъ, вспомнивъ, что при родителяхъ онъ никогда еще такъ не называлъ ея.

— Она одѣвается!—сказала матушка, но Мура была одѣта. Матушка просто «выдерживала» ее, считая, что дѣвицѣ неприлично выбѣгать навстрѣчу мужчинѣ. Положимъ, онъ ея женихъ, но вѣдь два года они не видались. Мало ли какія могли произойти перемѣны?

«Когда же отецъ Гавріилъ начнетъ разспрашивать его?» трепетно думалъ дьяконъ. Онъ сильно разсчитывалъ на эти разспросы, самъ же не рѣшался начать ихъ. Онъ просто-таки побаивался сына, сознавая свое дьяконское ничтожество передъ его магистрантствомъ.

Въ столовую вошла Марья Гавриловна. Она поздоровалась съ Кирилломъ по-дружески, но чинно и сдержанно. Кириллъ нашелъ, что она возмужала и потолстѣла. У нея было довольно обыкновенное круглое лицо съ румяными полными щеками и живыми карими глазами. Густые черные волосы, тщательно причесанные, выростали въ длинную, толстую косу, спускавшуюся ниже пояса. Ея чинныя манеры очевидно были неискренни. Она вся зардѣлась и отъ волненія молчала. Ей хотѣлось прижаться къ своему любимцу, котораго она ждала съ такимъ нетерпѣніемъ и теперь находила прекраснымъ.

— Такъ вотъ оно какъ, Кириллъ Игнатьевичъ. Ты первый магистрантъ духовной академіи! Честь и слава тебѣ!—промолвилъ отецъ Гавріилъ отчасти торжествующимъ тономъ, но, въ то же время, и съ оттѣнкомъ легкой шутки.

У дьякона дрогнуло сердце. «Сейчасъ онъ объяснится», сообразилъ онъ, и вслѣдствіе волненія началъ ѣсть съ преувеличеннымъ аппетитомъ. Мура пристально взглянула на пріѣзжаго и съ своей стороны подумала: «какой онъ теперь, должно-быть, ученый!»

— Да, птица важная!—шутя, отвѣтилъ Кириллъ.

— А еще бы не важная? Большой ходъ тебѣ будетъ, очень большой ходъ!..

«Вотъ, вотъ начинается»,—думалъ дьяконъ.

Кириллъ промолчалъ на это. Но отецъ Гавріилъ рѣшился исчерпать всю тему и продолжалъ:

— Но какъ же ты безъ всякаго назначенія? Развѣ имѣешь что-либо особенное?

— Ничего не имѣю, о. Гавріилъ. Вотъ весь передъ вами!

«Ага, ага, такъ и есть! Чудеса какія-то, истинно чудеса!»—размышлялъ дьяконъ и, боясь, чтобы сынъ не прочиталъ этихъ мыслей на его лицѣ, смотрѣлъ прямо въ тарелку.

— Это удивительно! Первый разъ слышу, чтобы первый магистрантъ и такъ вотъ... Ничего даже не предложили... Удивительно!..

— Какъ не предложили? Оставляли при академіи — самъ отказался!..

Послѣ этихъ словъ всѣ разомъ, и о. Гавріилъ, и матушка, и Мура, и даже дьяконъ, положили вилки и ножи на столъ.

— Вотъ оно что!—пробормоталъ дьяконъ, но тутъ же испугался. Можетъ - быть, этого не слѣдовало говорить? Можетъ-быть, Кириллу это непріятно, обидно?

— При духовной академіи... И ты отказался! Да ты прямо безумецъ!—воскликнулъ о. Гавріилъ.

— Именно, безумецъ!—подтвердила матушка.

Мура ничего не сказала. У нея только сжалось сердце отъ сожалѣнія: «Въ столицѣ жили бы?»—мелькнуло у нея въ головѣ. Жизнь въ столицѣ представлялась ей недостижимой мечтой.

— Что-жъ мнѣ дѣлать, если я люблю васъ всѣхъ, люблю свой теплый югъ, деревню, въ которой выросъ, и мужичка, который выкормилъ меня, и моихъ близкихъ!—серьезно и вдумчиво произнесъ Кириллъ. — Вотъ я и пріѣхалъ къ вамъ. Любите, коли милъ вамъ!—прибавилъ онъ.

Всѣ переглянулись, а о. Гавріилъ сказалъ:

— Это похвально. Любовь къ родинѣ и къ ближнему— это превосходно. Но зачѣмъ же отказываться отъ того, что пріобрѣтено трудомъ и талантомъ? Ты могъ пріѣхать къ намъ, повидаться съ нами и вновь уѣхать. И деревню увидѣть, и прочее. Но отказываться отъ профессорства, да еще гдѣ? — въ столичной духовной академіи — это прямо преступно.

— Преступно!—повторила матушка съ величайшей экспрессіей.—Именно преступно!

— И при чемъ тутъ деревня! —продолжалъ о. Гавріилъ. — Вѣдь все равно, не будешь же ты жить въ деревнѣ?

— Я буду жить въ деревнѣ,—твердо и отчетливо сказалъ Кириллъ. — Я буду сельскимъ священникомъ.

Эти слова поразили всѣхъ точно трубный звукъ. Въ первое мгновеніе никто не повѣрилъ. «Шутитъ!»—мелькнуло у всѣхъ въ головѣ, и всѣ подняли взоры на Кирилла. Кириллъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, серьезный, сосредоточенный и блѣдный. Въ глазахъ его свѣтилась твердая воля и безповоротное рѣшеніе. Всѣ поняли, что это не шутка.

О. Гавріилъ покраснѣлъ и, шумно отодвинувшись отъ стола вмѣстѣ со стуломъ, промолвилъ чуть не гнѣвно:

— Да ты пріѣхалъ издѣваться надъ нами!

— Я? Надъ вами?—съ глубокой и искренней скорбью въ голосѣ спросилъ Кириллъ.

Матушка быстро поднялась съ мѣста и, принявъ гордую осанку человѣка, который оскорбленъ въ лучшихъ своихъ чувствахъ, промолвила:

— Моя дочь не для деревни! — и затѣмъ, обратившись къ Марьѣ Гавриловнѣ, прибавила повелительно:

— Марья, иди къ себѣ!

Кириллъ тоже поднялся и, отойдя къ окну, сталъ въ полъоборота, повидимому разстроенный и потрясенный. Онъ исподлобья смотрѣлъ на свою невѣсту, ожидая, что она предприметъ. Мура повиновалась. Она чувствовала, что у нея сейчасъ польются слезы, и, считая это для себя позорнымъ, поспѣшно повернулась къ двери и быстрыми, неровными шагами вышла. Матушка послѣдовала за нею. О. Гавріилъ сидѣлъ съ краснымъ лицомъ и сдвинутыми бровями. Казалось, онъ хотѣлъ разразиться громовой рѣчью, но вмѣсто этого онъ вытеръ салфеткой усы, всталъ, перекрестился и, даже не взглянувъ ни на Кирилла, ни на дьякона, послѣдовалъ за женой и за дочерью.

Дьяконъ сидѣлъ неподвижно, опустивъ голову и свѣсивъ руки. Онъ никакъ не могъ хорошенько взять въ толкъ, что̀ такое передъ нимъ случилось. Въ головѣ его бродили отрывочныя фразы: «О. Гавріилъ какъ разсердились!... И матушка! Первый магистрантъ! Сельскій священникъ... Господи, Создатель мой!» И онъ боялся поднять голову, чтобы не встрѣтиться со взорами сына.

Кириллъ нѣсколько минутъ простоялъ у окна, потомъ энергично зашагалъ по комнатѣ, шумя стульями, которые цѣплялись за его длинныя ноги. Пройдясь туда и обратно и какъ бы убѣдившись, что эта прогулка не представляетъ никакихъ удобствъ, онъ остановился за спиной старика и промолвилъ дрожащимъ голосомъ:

— Что жъ, отецъ, возьмемъ нашъ чемоданчикъ и махнемъ!

Дьяконъ вздрогнулъ.

— Какъ? Куда? Какъ же это? Значитъ, совсѣмъ, окончательно?!

— Надо такъ думать!—съ горькой улыбкой сказалъ Кириллъ!

— И тебѣ... тебѣ не жаль, Кирюша?—робкимъ и мягкимъ голосомъ спросилъ дьяконъ.

— Какъ не жаль? Жаль, больно мнѣ, сердце разрывается... Да вѣдь прямо же отказали!

— Отказали! — гробовымъ шопотомъ повторилъ старикъ.

Сколько разочарованія и разбитыхъ надеждъ заключалось для него въ этомъ словѣ! Въ жизни его были двѣ гордости. Первая—это его сынъ, который въ ученьи всегда былъ первымъ и даже въ духовной академіи отличился, первымъ магистрантомъ кончилъ. Вторая гордость — это предстоящее родство съ семействомъ о. Гавріила Фортификантова. Смѣлъ ли онъ, сельскій дьяконъ, бѣдный, незамѣтный, темный, состарившійся въ забвеніи, смѣлъ ли онъ мечтать о такомъ родствѣ! Мечта, однако, готова была осуществиться; онъ былъ бы принятъ въ домъ протоіерея и считался бы здѣсь своимъ человѣкомъ — и вдругъ!

Онъ поспѣшно поднялся, застегнулъ шейную пуговицу своей поношенной ряски и съ покорностью отчаянія сказалъ:

— Пойдемъ, сынокъ!

Они вышли въ сѣни. Кириллъ ступалъ твердо; у него стучало въ вискахъ и сердце билось неровно, но онъ зналъ, что иначе поступить не можетъ. Дьяконъ робко и неслышно сѣменилъ ногами. Двери во всѣ комнаты были наглухо закрыты. За ними не было слышно ни разговора, ни движенія. Они уже были въ стеклянномъ коридорѣ, когда дьяконъ спросилъ шопотомъ:

— Какъ же это? Не простившись? а?

— Не хотятъ!—глухо отвѣтилъ Кириллъ и, прихвативъ чемоданъ, сталъ спускаться по лѣстницѣ. Дьяконъ замѣшкался. Онъ тихонько пріотворилъ дверь въ кухню, поманилъ пальцемъ горничную и шепнулъ ей:

— Анюта, ежели будутъ освѣдомляться... мы на Московскомъ постояломъ дворѣ.

Анюта посмотрѣла на него съ изумленіемъ и заперла за нимъ двери, когда онъ спустился внизъ.

Молча дьяконъ заложилъ лошаденокъ въ свою таратайку, подобралъ сѣно, свалившееся на землю церковнаго двора; молча они усѣлись и выѣхали на улицу.

Московскій постоялый дворъ помѣщался на окраинѣ города. Подъѣзжая къ нему, Кириллъ могъ бы вспомнить, какъ десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ они здѣсь останавливались всякій разъ, когда отецъ привозилъ его съ каникулъ въ семинарію. На этомъ обширномъ дворѣ стояла ихъ телѣга, которая служила яслями для старой клячи. Обширный, довольно грязный и лишенный какихъ бы то ни было приспособленій «номеръ» остался все такимъ же, точно пятнадцать лѣтъ для него не проходили вовсе. Но Кириллу было не до воспоминаній. Войдя въ комнату и швырнувъ кое-какъ чемоданъ, онъ зашагалъ изъ угла въ уголъ, да такъ энергично, что дьяконъ предпочелъ удалиться къ старому знакомому, содержателю постоялаго двора, и тутъ же сталъ выкладывать ему все, что накипѣло у него на душѣ.

— Знаете что, отецъ-дьяконъ!—сказалъ содержатель постоялаго двора, человѣкъ солидной комплекціи и положительныхъ правилъ.—Вы не обидьтесь, что я вамъ скажу: у вашего сына, должно-быть, что-то въ головѣ не въ порядкѣ. Повѣрьте, что такъ!

Дьяконъ обидѣлся.

— Ну, ужъ извините. У моего сына такая голова, что дай Богъ вашему сыну такую!—сказалъ онъ не безъ ядовитости.

— Мой сынъ будетъ содержать постоялый дворъ, зачѣмъ ему такая голова? А вашъ—переучился!... Знаете, у него умъ за разумъ зашелъ. Нѣтъ, вы не обижайтесь, отецъ-дьяконъ, я по сочувствію говорю!

Дьяконъ вышелъ отъ него совершенно разстроенный и, войдя въ свой номеръ, спросилъ убитымъ голосомъ:

— Завтра къ преосвященному пойдешь, что ли?

Кириллъ сѣлъ на протертомъ стулѣ и посмотрѣлъ на отца простымъ, дружескимъ взглядомъ.

— Присядьте, батюшка, потолкуемъ. Мы съ вами еще толкомъ и не побесѣдовали!—сказалъ онъ голосомъ, выражавшимъ спокойствіе.

Дьяконъ поспѣшно присѣлъ на кровати, которая начала жалобно пищать подъ нимъ.

— Зачѣмъ мнѣ теперь идти къ преосвященному?—промолвилъ Кириллъ:—вѣдь чтобы сдѣлаться священникомъ, надобно жениться. А я другихъ дѣвушекъ не знаю, кромѣ Марьи Гавриловны. Съ нею я подружился и свыкся, и она со мной. Теперь мои мысли спутались.

— Спутались, именно спутались!...—какъ эхо, повторилъ дьяконъ.

Кириллъ улыбнулся.

— Нѣтъ, не то, что вы думаете. Вы считаете меня помѣшаннымъ, я знаю.

— Даже и не думалъ... Богъ съ тобой!—поспѣшилъ опровергнуть дьяконъ.—Никогда я этого не думалъ!

— А я хочу только, чтобы былъ какой-нибудь смыслъ въ моей жизни, вотъ и все. Вѣдь вы, батюшка, у меня не глупый человѣкъ, только бѣдностью забитый. Пусть никто не понимаетъ, а вы должны понять. Съ малолѣтства я жилъ въ деревнѣ; деревня наша, Устимьевка, бѣдная. И видѣлъ я мужика, какъ онъ во тьмѣ кромѣшной живетъ и убивается. Темнота его отъ бѣдности, батюшка, а бѣдность отъ темноты. Такъ одна за другую и цѣпляется. За бѣдность полюбилъ я его тогда еще, въ дѣтствѣ, только любовь эта глохла во мнѣ, спала, потому что жилъ я безсознательно, шелъ по вѣтру и ничего у меня своего не было. Ну, учился я много и прилежно, съ книжной премудростью познакомился, съ людьми умными разговаривалъ и умъ мой развился. И понялъ я, что жить зря недостойно ума человѣческаго. Такое я себѣ правило усвоилъ: коли ты умомъ просвѣтился, то и другого просвѣти, ближняго. И тогда жизнь твоя оставитъ слѣдъ. А кого просвѣщать, какъ не темнаго деревенскаго человѣка? Свѣтить надобно тамъ, гдѣ темно, батюшка. А ужъ какъ темно тамъ, сами знаете. И для этого самаго, дорогой мой отецъ, я презрѣлъ карьеру и рѣшился сдѣлаться сельскимъ священникомъ. Теперь скажите, батюшка, помѣшанный я или нѣтъ?

Дьяконъ сидѣлъ съ поникшей головой. Наконецъ-то онъ дождался объясненія отъ сына, и каждое слово изъ этой маленькой рѣчи запало въ его душу. Не вполнѣ понималъ онъ то, что говорилъ сынъ, но чувствовалъ, что въ словахъ его есть нѣчто хорошее, справедливое. И радостно было ему, что сынъ такъ правдиво разсуждаетъ, и жалко разстаться съ мечтой о возвышеніи ихъ незамѣтнаго рода, и стыдно за то, что онъ осмѣлился заподозрить Кирилла

въ умственномъ помраченіи. Всѣ эти ощущенія смѣшались въ его сердцѣ, и онъ молчалъ. Кириллъ всталъ и подошелъ къ нему близко.

— Что-жъ, батюшка, одобряете или нѣтъ?

Дьяконъ порывисто обнялъ его грудь обѣими руками и, припавъ къ нему головой, промолвилъ дрожащимъ голосомъ:

— Ты правдивый человѣкъ... По-евангельски, по-евангельски!...

Кириллъ поцѣловалъ его въ сѣдую голову, и лицо его озарилось радостной улыбкой.

— Вотъ это хорошо, батюшка, что вы меня понимаете!.. Легче жить на свѣтѣ, когда кто-нибудь понимаетъ тебя. Я вѣдь знаю, что мать и всѣ родные накинутся на меня. А на васъ я надѣялся.

— Да, да! Но вотъ Мура-то твоя какъ? Ежели ты любишь, свыкся, говоришь, такъ это горько.

Кириллъ молча сталъ ходить по комнатѣ, а дьяконъ, посидѣвъ еще съ минуту, вышелъ, чтобы не мѣшать ему. Онъ постоялъ на крылечкѣ, подумалъ, и вдругъ на лицѣ его появилось выраженіе рѣшимости. Онъ вернулся въ сѣни, взялъ свою шапку и, крадучись, вышелъ со двора. Тутъ онъ ускорилъ шаги и почти бѣгомъ направился къ соборному дому.

II.

Здѣсь онъ засталъ семейный совѣтъ, которому предшествовали очень важныя обстоятельства.

Мура, выйдя изъ столовой, сидѣла въ своей комнатѣ въ трепетномъ ожиданіи, что изъ этого выйдетъ. Когда же къ ней вошла матушка и объявила, что Кириллъ съ отцомъ ушли и произошелъ окончательный разрывъ, она разрыдалась и объявила, что ни за кого больше замужъ не пойдетъ.

— Глупости! Не пойдешь же ты жить въ деревню! — возразила матушка.

— Мнѣ все равно; я люблю его и буду жить тамъ, гдѣ онъ! И вы это напрасно, напрасно... Я прямо сбѣгу къ нему!... Скандалъ вамъ сдѣлаю.

Марья Гавриловна, вообще скромная и мягкая, иногда, а именно въ рѣшительныхъ случаяхъ, проявляла характеръ матушки, который ей достался, конечно, по наслѣдству. Отецъ Гавріилъ въ такихъ случаяхъ удалялся въ кабинетъ

и запирался въ клѣть свою, предоставляя косѣ наскакивать на камень. И если бы это былъ обыкновенный житейскій случай, то и тутъ произошло бы то же самое. Но случай былъ особаго рода, поэтому матушка не только смирила свой характеръ передъ дочерью, а даже признала главенство отца Гавріила и предложила ему высказаться по этому важному предмету. Они принялись вдвоемъ дѣйствовать на Муру добрымъ словомъ.

— Знаешь ли ты, что̀ такое деревня и какая тамъ жизнь?—говорилъ о. Гавріилъ. — Глушь, живого человѣка нѣтъ, одни мужики. Смертельная тоска и скука. Мужики—народъ грубый, необразованный, грязный, а тебѣ съ ними придется компанію водить. Зимой вьюга, снѣгомъ все занесено. Лѣтомъ зной.

— Мнѣ все равно, я люблю его! — твердо отвѣчала Мура.

Отецъ Гавріилъ, какъ бы убѣдившись въ тщетности своей попытки, замолчалъ и сталъ придумывать болѣе дѣйствительный доводъ.

— И, главное, ты вотъ что подумай! — заговорила, въ свою очередь, матушка: — ну, ты его любишь. Хорошо. Да онъ-то тебя любитъ ли? По-моему—не любитъ. Сама посуди: когда человѣкъ любитъ, то дѣлаетъ для своей невѣсты все самое пріятное. Такъ я говорю, отецъ Гавріилъ?

— Именно такъ!—подтвердилъ отецъ Гавріилъ, вспомнивъ при этомъ, что въ свое время и онъ старался сдѣлать своей невѣстѣ, нынѣ матушкѣ, пріятное.

— Ну, а онъ, видишь, какъ поступаетъ! Зарубилъ себѣ тамъ что-то въ головѣ, и ради этой глупости готовъ тебя закопать въ могилу. Нѣтъ, не любитъ онъ тебя.

— Ахъ, нѣтъ, матушка, любитъ, ей-Богу, любитъ!—съ удареніемъ произнесъ четвертый голосъ, и, оглянувшись на дверь, всѣ поняли, что это не кто иной, какъ дьяконъ, вошедшій незамѣтно, въ родѣ привидѣнія. Онъ на этотъ разъ даже не казался робкимъ и забитымъ; во всѣхъ его движеніяхъ видна была рѣшимость. Онъ приложилъ правую руку къ сердцу и съ сильнымъ удареніемъ произнесъ:

— Отецъ Гавріилъ! Ахъ, матушка! послушайте, ради Господа-Бога! Сынъ мнѣ сказалъ: «Э, зачѣмъ, говоритъ, мнѣ теперь идти къ преосвященному, когда мнѣ отказали! Все одно, говоритъ, жениться я не могу, потому ни одной женщины на свѣтѣ не знаю и знать не хочу, кромѣ какъ

Мура. И теперь, говоритъ, всѣ мои мысли спутались». Отецъ Гавріилъ! Матушка!

И дьяконъ заплакалъ. Мура, услышавъ изъ его устъ такое трогательное признаніе, опять разрыдалась, а о. Гавріилъ съ матушкой потупились и молчали.

— Чѣмъ же онъ объясняетъ?—спросила послѣ молчанія матушка, не глядя на него.

— Желаетъ поступать по-евангельски!

На лицѣ матушки выразилось крайнее недоумѣніе.

— Отецъ Гавріилъ, развѣ въ евангеліи это сказано, чтобы непремѣнно въ деревнѣ жить?

Отецъ Гавріилъ не отвѣтилъ на этотъ не совсѣмъ удачный вопросъ. Онъ сказалъ:

— Мое мнѣніе таково: Марія наша — дѣвица взрослая. Ей извѣстно, что ее ожидаетъ. Ежели любовь ея такъ сильна, что она на это рѣшается, предоставимъ... А ея дѣло впослѣдствіи мужа образумить! Вотъ. Я такъ полагаю, что онъ потомъ образумится. А въ городъ всегда перевести можно. Вотъ. А впрочемъ, рѣшай сама! — обратился онъ къ матушкѣ.

Дьяконъ подошелъ къ нему и поцѣловалъ его въ руку и въ лобъ, и, повернувшись къ матушкѣ, сказалъ:

— Матушка, позвольте и вамъ...

— Только я не буду виновата!—промолвила матушка и протянула ему руку, которую онъ съ большимъ чувствомъ облобызалъ. Мура бросилась къ ней, и произошла трогательная сцена общихъ объятій.

Дьяконъ рысью побѣжалъ на постоялый дворъ и черезъ полчаса притащилъ Кирилла къ Фортификантовымъ. Но прежде, чѣмъ окончательно получить титулъ жениха, Кириллу пришлось выдержать получасовое собесѣдованіе съ о. Гавріиломъ, потомъ съ матушкой. Сущность этихъ бесѣдъ сводилась къ убѣжденію образумиться. Кириллъ былъ въ благодушномъ настроеніи и не возражалъ. Онъ даже нашелъ возможнымъ пообѣщать, что ежели опытъ укажетъ ему что-либо лучшее, то онъ образумится. Наконецъ, ему было дозволено остаться съ Мурой.

— Мура,—сказалъ онъ:—я долженъ объяснить тебѣ...

— Не объясняй, Кириллъ, ничего я понимать не хочу... Я тебя люблю, вотъ и все...

И она прижалась къ нему съ такой довѣрчивостью, что онъ больше не пытался объяснять. Вечеромъ они гуляли

вдвоемъ. Кириллъ разсказывалъ ей про роскошные дворцы, про мосты, про музеи и театры.

— Хорошо тамъ!—несмѣло восклицала Мура, боясь, чтобы онъ не принялъ это за упрекъ.

— Хорошо! Только жизни тамъ нѣтъ. Не живутъ тамъ, а только время проводятъ. Жизнь тамъ сгораетъ въ пламени дѣловитости и развлеченій. По своей волѣ я бы тамъ и года не прожилъ!

«А я бы вѣкъ прожила!»—думала про себя Мура.

На утро Кириллъ проснулся рано. Преосвященный принималъ съ восьми часовъ. Одѣвшись въ казенную черную пару, которая лежала на немъ неуклюже, и напившись чаю, когда въ домѣ протоіерея всѣ еще спали, онъ вышелъ. Дьяконъ не спалъ и проводилъ его до воротъ. Онъ даже хотѣлъ напутствовать его благословеніемъ, потому что визитъ преосвященному представлялся ему чѣмъ-то необычайнымъ, даже потрясающимъ, съ чѣмъ бываютъ связаны мысли другого порядка. Но это какъ-то не вышло. Дьяконъ, однакоже, остановилъ Кирилла у воротъ и сказалъ:

— Конечно, преосвященный къ тебѣ отнесется съ уваженіемъ, потому что ты—ученый человѣкъ и съ отличіемъ. Однакожъ, соблюдай почтительность... И вотъ еще: ежели будетъ прилично и увидишь съ его стороны расположеніе, упомяни о братѣ твоемъ, Назарѣ. Не будетъ ли, молъ, милости насчетъ священства?

Кириллъ засталъ въ пріемной у архіерея цѣлую кучу народа, все больше сельскаго духовенства въ поношенныхъ рясках и кафтанахъ. Одни имѣли видъ благолѣпный, какъ вотъ эти двое довольно полныхъ отцовъ, просящихъ разрѣшенія помѣняться мѣстами. Другіе со страхомъ и трепетомъ ожидали ссылки въ монастырь за неодобрительную жизнь. Попадались и женщины съ заплаканными глазами, очевидно вдовы духовныхъ лицъ, ходатайствующія о пенсіи или о томъ, чтобы имъ разрѣшили жить въ сторожкѣ той церкви, при которой ихъ мужья продьячили тридцать-сорокъ лѣтъ. Магистранта духовной академіи, Кирилла Обновленскаго, сейчасъ же впустили къ архіерею, а толпа осталась попрежнему ждать. Владыка принялъ его дружески. Благодарность, которую получила семинарія за Обновленскаго, коснулась и его.

— Знаю, знаю, освѣдомленъ. Отецъ - ректоръ академіи писалъ мнѣ. Надѣялись на тебя, а ты возьми да и отка-

жись. По болѣзни, гм!.. Какая же тебѣ болѣзнь приключилась? На видъ ты здоровъ.

Преосвященный былъ очень старъ, но отличался бодростью и любилъ побесѣдовать. Совершенно сѣдая борода его постоянно тряслась. Онъ былъ высокаго роста и довольно полнъ. Лицо у него было простое и незлобивое, и самъ онъ былъ добродушный человѣкъ, но любилъ показать, что строгъ и держитъ епархію въ ежовыхъ рукавицахъ. Отъ этого получалось такое противорѣчіе: всѣ знали и говорили, что преосвященный строгъ, даже очень строгъ, но въ епархіи не набралось бы больше десятка наказанныхъ. Покричитъ, покричитъ, да и отправитъ домой съ миромъ. Кириллъ сѣлъ на указанное самимъ преосвященнымъ мѣсто и сказалъ:

— Я совершенно здоровъ, ваше преосвященство. Ежели я выставилъ причиной моего отказа болѣзнь, то это лишь ради формальности.

— Что-то не пойму! Говори-ка яснѣй, мой сынъ!

— Да, ваше преосвященство, я именно для того и обезпокоилъ васъ своимъ визитомъ, чтобы высказать вамъ свои намѣренія. Прошу васъ, дайте мнѣ мѣсто сельскаго священника!

— Какъ? Что такое? Ты окончилъ академію первымъ магистрантомъ и хочешь идти въ село?

Это было естественно, что преосвященный изумился. Подобная просьба встрѣчалась первый разъ въ его жизни. Обыкновенно академики хлопотали у него о самыхъ лучшихъ мѣстахъ, всегда норовили попасть въ соборъ, или ужъ если и соглашались въ другую городскую церковь, то непремѣнно настоятелями.

— Не понимаю, объясни, объясни!—прибавилъ преосвященный и съ большимъ любопытствомъ устремилъ на него взоры.

— Хочу послужить меньшому брату, темному человѣку, единому отъ малыхъ сихъ,—вдумчиво произнесъ Кириллъ.

— Дѣльно, дѣльно!—сказалъ архіерей:—только не понимаю, какъ это ты рѣшился.

— Городъ меня не соблазняетъ, доходы меня не занимаютъ!—продолжалъ Кириллъ:—сердце мое лежитъ къ селу, гдѣ я провелъ мое дѣтство.

— Это весьма дѣльно! Да благословитъ тебя Богъ!—въ восхищеніи произнесъ архіерей.—Я буду ставить тебя въ

примѣръ другимъ.—Онъ поднялся, подошелъ къ Кириллу и поцѣловалъ его въ лобъ.

— Но какой приходъ я тебѣ дамъ? У меня имѣются лишь бѣдные приходы, а всѣ лучшіе заняты. Ты же достоинъ самаго лучшаго прихода.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ Кириллъ:—мнѣ этого не надо. Мнѣ такой приходъ дайте, чтобы я могъ безбѣдно существовать съ семействомъ.

— Да благословитъ тебя Богъ, да благословитъ!—повторилъ преосвященный, будучи совершенно растроганъ безкорыстіемъ молодого человѣка. У него явилось желаніе тутъ же сдѣлать ему какую-нибудь пріятность, отличить его чѣмъ-нибудь.

— У тебя есть братъ — діаконъ Назаръ. Скажи ему, чтобы пріѣхалъ ко мнѣ, я сдѣлаю его священникомъ и дамъ ему хорошее мѣсто.

Кириллъ поклонился, а архіерей продолжалъ:

— Иди съ Богомъ. Избери себѣ жену, а тамъ и къ сану іерейскому готовься. Мѣсто я тебѣ назначу.

Онъ благословилъ молодого человѣка, обнялъ его и прибавилъ:

— А все-таки жаль, что нашъ городъ тебя лишается. Ты былъ бы хорошимъ проповѣдникомъ!.. Я помню, какъ ты еще въ бытность въ семинаріи хорошо по гомилетикѣ шелъ, помню, помню! Такъ скажи брату—пусть пріѣзжаетъ!

Кириллъ вышелъ отъ архіерея въ радостномъ настроеніи. Первое, что его радовало, это то, что старикъ, повидимому, понялъ его. Пріятно было также обрадовать отца и Назара и всю семью извѣстіемъ объ архіерейской милости. Публика, наполнявшая архіерейскую пріемную, пропустила его почтительно; всѣ глядѣли на него съ завистью. Всѣ уже знали, что онъ первый магистрантъ, и думали: «Счастливый, сейчасъ получитъ лучшее мѣсто въ епархіи. Даетъ же Богъ людямъ счастье! И какой молодой, почти мальчишка!..»

Въ архіерейскомъ дворѣ Кириллъ встрѣтилъ отца-ректора съ племянникомъ. Евгеній Андреевичъ Межовъ— такъ звали ректорскаго племянника — былъ одѣтъ очень парадно. Его черный сюртукъ былъ уже очевидно не казенный, а сшитый по заказу, сидѣлъ хорошо и былъ сдѣланъ изъ тонкаго сукна. И шляпа на немъ была новая, котелокъ съ широкой синей лентой и съ шнуркомъ, прикрѣпленнымъ къ пуговицѣ пальто. На рукахъ черныя перчатки, штиблеты новые, съ лакированными носками.

Держался онъ ровно и вообще смотрѣлъ солиднымъ франтомъ. Ради торжественнаго случая онъ сбрилъ свои бѣлобрысыя бакенбарды и пригладилъ брильянтиномъ небольшіе усики. Отецъ-ректоръ былъ въ черной шелковой рясѣ съ регаліями на груди, въ камилавкѣ и съ палкой. У воротъ стоялъ семинарскій экипажъ. Было очевидно, что ректоръ привезъ своего племянника для представленія архіерею.

— Представлялся?—спросилъ Межовъ на ходу, торопясь за своимъ дядюшкой.

— Да,—кратко отвѣтилъ Кириллъ.

— А я вотъ хлопотать пріѣхалъ съ дядюшкой!.. Ты знаешь, инспектора нашего перевели... Такъ я хлопочу.

— Такъ скоро?—удивился Кириллъ. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что Межовъ кончилъ курсъ въ академіи не важно и не имѣлъ основанія даже разсчитывать на магистерство.

— Ну, что жъ, дядюшка хлопочетъ... Видишь, инспекторомъ меня не утвердятъ, а только исправляющимъ должность. Но вѣдь это все равно... Жалованье идетъ полностью.

— Конечно, конечно,—разсѣянно сказалъ Кириллъ.

— И квартира, и даже отопленіе... Вѣдь это не дурно?

— Не дурно!..

Тутъ къ нимъ подошелъ о. ректоръ.

— Что же вы думаете съ собой дѣлать, Обновленскій?—спросилъ онъ съ какимъ-то—не то участіемъ, не то неодобреніемъ.

Кириллъ не имѣлъ никакого желанія откровенничать. Ректора онъ никогда не любилъ за его потайной, неискренній характеръ.

— Право, не знаю еще!.. Вотъ съѣзжу къ роднымъ, посовѣтуюсь.

— Такъ, такъ... Это слѣдуетъ... Пойдемъ, однако, Евгеній, замѣшкались!

Кириллъ поклонился и разошелся съ ними.

«Какъ, однако, легко преуспѣваетъ человѣкъ при добромъ желаніи!»—подумалъ онъ, вспомнивъ о малыхъ талантахъ молодого Межова.

III.

Таратайка дьякона Игнатія Обновленскаго была лишена рессоръ; на каждой кочкѣ ее подбрасывало; трескъ отъ

пея раздавался версты на двѣ кругомъ. Всѣ ея составныя части обладали способностью издавать особенные, характерные звуки. Шкворень, соединявшій переднія колеса съ ящикомъ, хрипло гудѣлъ, отъ времени до времени пристукивая; широкія крылья вмѣстѣ со ступеньками издавали трепетный, дребезжащій звукъ, въ которомъ опредѣленно слышалась однообразная печальная нотка. Эта нотка давала тонъ всей музыкѣ и слышна была далеко. Оглобли при поворотахъ и даже при простыхъ движеніяхъ лошаденокъ круто скрипѣли. Вся эта симфонія хорошо была извѣстна уѣзду, и всякій, заслышавъ ее, могъ съ закрытыми глазами сказать, что ѣдетъ устимьевскій дьяконъ.

Они ѣхали уже часовъ пять, сопровождаемые густымъ облакомъ сѣрой пыли, которая — разъ ее потревожатъ — долго неподвижно стоитъ въ воздухѣ, свидѣтельствуя всякому, что здѣсь проѣхали. Путешественники были совершенно сѣры отъ этой пыли. Дьяконъ дремалъ, пошатываясь изъ стороны въ сторону, опрокидываясь и поспѣшно крестясь, когда повозку внезапно подбрасывало. Кириллъ глядѣлъ по сторонамъ и вспоминалъ. По обѣ стороны широкой, извилистой дороги желтѣла подпаленная солнцемъ и поспѣвающая рожь. Вдали чернѣли баштаны, еще недавно только взошедшіе. Кое-гдѣ вырисовывались хутора изъ десятка землянокъ съ широкими огородами, съ высоко торчащимъ журавлемъ у колодца. Тамъ чабаны подгоняли къ черному корыту у колодца «шматокъ» овецъ, казавшійся живымъ сѣрымъ пятномъ на желтомъ фонѣ степи. Кругомъ было глубокое молчаніе; всѣ живыя существа попрятались въ тѣнь, ища спасенія отъ знойныхъ солнечныхъ лучей.

Кириллъ съ какимъ-то грустнымъ удивленіемъ думалъ, что все это было такъ же два года тому назадъ, какъ будто онъ только вчера оставилъ родной уѣздъ, да такъ же оно было и десять, и двадцать лѣтъ назадъ. Все такъ же сѣро, блѣдно и скучно, никакой перемѣны, никакого движенія—ни впередъ, ни назадъ.

— А ну, старина, подтянемся! Вонъ Устимьевка!—сказалъ Кириллъ, указывая взоромъ влѣво, куда сейчасъ должна была повернуть дорога.

Устимьевка открылась вдругъ вся, съ бѣлой церковью, съ жалкимъ помѣщичьимъ садомъ, запущеннымъ и наполовину высохшимъ отъ засухи и безводія, съ каменнымъ зданіемъ кабака съ черепичной крышей, открывавшимъ въѣздъ въ село, съ тремя коротенькими мельницами, заострен-

ными кверху, съ кладбищемъ безъ зелени, холоднымъ и непривѣтнымъ. Въ сторонѣ стоялъ помѣщичій домъ съ прогнившей досчатой крышей, съ развалившейся и выцвѣтшей штукатуркой, съ развалившимися службами безъ крышъ, съ черными дырьями вмѣсто оконъ... Этотъ покинутый домъ теперь ничѣмъ уже не напоминалъ о томъ, что прежде здѣсь жили люди со всевозможными удобствами и съ полнымъ комфортомъ. Въ общемъ, Устимьевка производила впечатлѣніе чего-то бѣднаго, сѣраго и до невозможности скучнаго. Свѣжему человѣку, при видѣ ея, хотѣлось проѣхать мимо. Ея разбросанныя хаты, перемѣшанныя съ землянками, пустынныя гумна, колодцы съ солоноватой водой не сулили усталому, измученному зноемъ путнику ни прохлады, ни радушія, ни покоя.

— Такая-то сѣрота да бѣднота наша Устимьевка!—со вздохомъ промолвилъ дьяконъ.

Но въ глазахъ Кирилла свѣтилась радость.

— Родная бѣднота, батюшка! Ни на что ее не промѣняю!—сказалъ онъ, и дѣйствительно ощущалъ въ груди радостное чувство. Онъ мысленно сравнивалъ себя съ плѣнникомъ, возвращающимся на родину, и чужими казались ему и столица съ ея непрестаннымъ шумомъ, съ которымъ онъ никогда не могъ свыкнуться, и казенная наука, не съумѣвшая привязать его къ себѣ, и все, что осталось позади, за исключеніемъ Муры, которую онъ почему-то пріурочивалъ къ далекому прошлому, а слѣдовательно и къ Устимьевкѣ.

— Оно конечно!—сказалъ дьяконъ и, стряхнувъ съ себя сонливость, ударилъ концомъ вожжей по лошаденкамъ. Лошади, въ виду приближенія дома, и безъ того бѣжали быстрѣе, мелко сѣменя ногами. Вотъ они минули кабакъ и подъѣхали къ церкви. Дьяконъ снялъ шляпу и перекрестился.

— Пріѣхали!—выразительно сказалъ онъ:—благодареніе Богу! А вонъ и церковь. А вонъ нашъ домишко. Все въ старомъ живемъ. Отецъ Агаѳонъ, настоятель-то, ужъ двадцать лѣтъ собирается церковный построить, да все откладываетъ... Тѣснимся очень!..

Проходившіе по деревенской улицѣ мужики, завидѣвъ или, лучше сказать, заслышавъ дьяконскую таратайку, обычнымъ движеніемъ снимали шапку, но, приглядѣвшись, что съ дьякономъ сидитъ какая-то новая личность, пристально всматривались, и если узнавали Кирилла, то при-

вѣтливо улыбались ему. Одна баба не выдержала и, указывая пальцемъ на гостя, крикнула отъ всего сердца:—Да это-жъ Кирюша пріѣхалъ! Вотъ!

Кириллъ снялъ шляпу и низко поклонился ей. Ему было пріятно, что здѣсь называютъ его тѣмъ самымъ именемъ, которымъ называли пятнадцать лѣтъ назадъ. Наконецъ они подъѣхали къ дьяконскому дому. Это была обыкновенная глиняная мужицкая хата, но окна въ ней были бо̀льшихъ размѣровъ, и содержалась она чище. Хата стояла бокомъ къ улицѣ; фасадъ ея выходилъ во дворъ. Ворота были настежь раскрыты—они въѣхали. Маленькія зеленыя ставни оконъ были закрыты. Три собаки извивались около таратайки, любовно вертя хвостами; но когда Кириллъ соскочилъ съ повозки, онѣ вдругъ выразили недоумѣніе и стали подозрительно ворчать.

— Начинается плохо!—шутя, сказалъ Кириллъ:—собаки меня не одобряютъ!

Дьяконъ не сказалъ ни слова, а только прикрикнулъ на собакъ. Онъ зналъ, что въ шуткѣ Кирилла есть смыслъ, и былъ увѣренъ, что скоро разыграется потрясающая сцена.

Дверь изъ хаты съ шумомъ раскрылась, и оттуда разомъ высыпала вся родня Кирилла. Онъ поцѣловалъ высокую женщину съ морщинистымъ и такимъ же блѣднымъ, какъ у него, лицомъ, тонкую и стройную. Лицо это было строго и, пожалуй, непривѣтливо. Это была его мать. Пятнадцатилѣтняя сестренка Мотя смотрѣла на него любопытными, веселыми глазками, но какъ-то дичилась и конфузилась. Семинаристъ Меѳодій старался быть солиднымъ и сдержаннымъ. Ему было 17 лѣтъ. Кириллу даже показалось, что онъ отнесся къ нему недружелюбно. Старая тетка, Анна Евграфовна, неизвѣстно почему плакала. Родственники цѣловались съ нимъ какъ-то формально. Никто не спѣшилъ выразить ему свои чувства. Меѳодій зачѣмъ-то вмѣшался въ распряжку лошадей и замѣтилъ отцу, что сѣделка сильно третъ лошади спину и что ее надо подшить войлокомъ.

— Господи! Весь въ пыли!—звонкимъ голосомъ воскликнула Мотя и, стащивъ съ него пальто, выбѣжала на средину двора и принялась встряхивать его.

— Пойдемъ же въ горницу!—сказала дьяконша:—что мы тутъ на солнцѣ стоимъ! Ты скоро, отецъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не дожидайтесь, идите!.. я приду!..

Дьяконъ лелѣялъ въ душѣ тайную надежду, что разспросы начнутся безъ него, и что ему не придется быть свидѣтелемъ перваго разочарованія. Кириллъ вошелъ въ комнату вслѣдъ за матерью; за нимъ, шурша стоптанными башмаками, вошла тетка. Мотя прибѣжала послѣ и сейчасъ же скрылась въ сосѣднюю комнату. Въ углу на трехъугольномъ столикѣ передъ большимъ образомъ Божьей Матери въ золоченной ризѣ теплилась лампада. Длинный диванъ, одѣтый въ сѣрый чехолъ изъ парусины, былъ главнымъ украшеніемъ этой парадной комнаты, въ которой принимали гостей. Передъ нимъ стоялъ круглый столикъ, накрытый бѣлой вязанной скатертью. На немъ кувшинъ съ букетомъ домашнихъ цвѣтовъ. У стѣны клеенчатые стулья съ высокими спинками, шкапъ съ посудой за стеклянными дверцами и стѣнное зеркало, сильно наклонившееся впередъ. Дьяконша чинно остановилась посреди комнаты и стала набожно креститься къ образамъ. Потомъ она поцѣловала лежавшій на угольникѣ крестъ, дала поцѣловать его Кириллу и теткѣ.

— Ну, садись же, Кириллъ, и разскажи намъ, что ты теперь есть!..—сказала она и сама сѣла на стулъ. Кириллъ помѣстился на диванѣ. Онъ чувствовалъ сильное смущеніе. Ему съ перваго шага поставили вопросъ, на который онъ хотѣлъ бы отвѣтить послѣднимъ. Онъ молчалъ.

— Красавчикъ какой! Писанный?—произнесла наконецъ тетка, и это, повидимому, ее успокоило. Она перестала плакать. Мотя стояла на порогѣ и съ кокетливой полуулыбкой глядѣла на брата. Вошелъ Меѳодій, грузно сѣлъ на стулъ и закурилъ папиросу.

— Значитъ, ты кончилъ академію? Такъ, что ли?—возобновила вопросъ дьяконша.

— Кончилъ!—отвѣтилъ Кириллъ.

— Ну, и теперь же что? Профессоромъ будешь?

— Нѣтъ, не буду, маменька, профессоромъ!

— А какъ же? Протопопомъ?

— Протопопомъ тоже не буду!

— Неужели въ монахи пойдешь? Что-жъ, архіереемъ хорошо быть... Только долго ждать.

— Не совѣтую въ монахи идти!.. Свѣтъ глазамъ завязать!—жалобно сказала тетушка.

— И не пойду я въ монахи, архіереемъ не буду.

— Чѣмъ же?

— Хочу въ селѣ жить... Сельскимъ священникомъ!..

— Вотъ тебѣ и на!.. Священникомъ всякій семинаристъ бываетъ! Для чего же въ академію ѣздилъ?

— Для науки, маменька!

— А наука для чего? Вонъ отца Порфирія, что въ Кривой-Балкѣ, священника сынъ, въ прошломъ году академію кончилъ... Такъ сейчасъ ему въ уѣздномъ городѣ первое мѣсто дали.

— Это бываетъ... Да, сказать правду, я еще самъ хорошенько не знаю, что будетъ. Ну, какъ же вы поживаете?

Кириллъ сказалъ это, чтобы смягчить жестокость своего заявленія. Но впечатлѣніе уже было произведено. На его вопросы отвѣчали вяло. Семинаристъ смотрѣлъ на него подозрительно и по всѣмъ признакамъ хотѣлъ задать ему какой-то каверзный вопросъ, но не рѣшался. Мотя въ глубомъ разочарованіи совсѣмъ удалилась въ сосѣднюю комнату и сѣла у окна. И мать, и она, и семинаристъ, и тетка, а болѣе всѣхъ самъ дьяконъ давно уже сжились съ мыслью, что Кириллъ будетъ профессоромъ семинаріи, а тамъ, пожалуй, и ректоромъ. Но главное, никто не понималъ этой странной перемѣны, и все объясняли ее внѣшними обстоятельствами. Тетка опять принялась плакать. Кириллу подали ѣсть. Онъ выпилъ рюмку водки и сказалъ:

— Славная у васъ рыба, хорошо пахнетъ!

— Изъ города! Своей у насъ негдѣ поймать!—отвѣтила дьяконша. И послѣ этого всѣ замолчали.

Кириллъ ѣлъ тоже молча. Радостное настроеніе, съ которымъ онъ вступилъ въ предѣлы Устимьевки, замѣтно уступало мѣсто досадѣ. Не ожидалъ онъ такого сухого свиданія. Онъ понималъ, что все это зависитъ отъ его сообщенія. Скажи онъ, какъ всѣ говорятъ, что будетъ профессоромъ или протоіереемъ, у всѣхъ были бы радостныя лица, всѣ были бы удовлетворены. Понималъ онъ и то, что мать затаила въ душѣ обиду, которую онъ нанесъ всему семейству. Она сдержала себя изъ приличія, ради перваго свиданія. Но завтра она разразится потокомъ горькихъ упрековъ и слезъ. Эта женщина, много поработавшая въ своей жизни и еще больше проболѣвшая, была раздражительна и желчна. Втолковать ей, въ чемъ дѣло, заставить понять его идею—Кириллъ даже не думалъ пытаться. Лишенная всякаго образованія, почти неграмотная, она неспособна была пони-

мать такія отвлеченныя вещи, какъ служеніе ближнему на евангельской почвѣ.

Тетка, сморкаясь отъ слезъ, вышла посмотрѣть, скоро ли дьяконъ придетъ. Дьяконша пошла къ Мотѣ. Кириллъ методически ѣлъ рыбу, медленно отрѣзывалъ кусочки свѣжаго огурца и разжевывалъ съ необычайною серьезностью. Во всемъ чувствовалась неловкость. Меѳодій, скрутивъ новую папиросу и закуривъ ее отъ прежней, дымилъ нестерпимо. Каверзный вопросъ такъ и свѣтился въ его глазахъ. Онъ всталъ и, подойдя ближе къ столу, сѣлъ у окна.

— Скажи пожалуйста, Кириллъ,—конфиденціальнымъ тономъ сказалъ онъ, опасливо поглядывая на дверь, куда ушла мать: — вѣдь это неправда?

— Что именно?—спросилъ Кириллъ.

— Да вотъ это... Ты вѣдь не кончилъ академію? Тебѣ что-нибудь помѣшало?

Кириллъ улыбнулся.

— Это потому, что я не иду въ архіереи? Нѣтъ, братъ, кончилъ... А не вѣришь, такъ вотъ тебѣ!

Онъ вынулъ изъ бокового кармана сложенную вчетверо толстую бумагу и подалъ ее брату. Тотъ развернулъ бумагу, взглянулъ на нее и порывисто бросилъ на столъ.

— Ну, я этого не понимаю, совсѣмъ не понимаю! ужъ это что-то особенное! Прямо магистрантомъ кончилъ... Вотъ посмотрите, маменька, Мотя... Вѣдь онъ прямо магистрантъ! и еще первый! У насъ вотъ инспекторъ былъ, и тотъ до сихъ поръ только дѣйствительный студентъ. Нѣтъ, ей-Богу, ну, вотъ ей-Богу, не понимаю!

— Это я тебѣ послѣ объясню!—сказалъ Кириллъ и перешелъ къ молочной кашѣ съ сахаромъ, которую очень любилъ. Дьяконша и Мотя пришли и разсматривали дипломъ.

— Его надо въ рамку помѣстить!—сказала Мотя. Она припомнила, что у настоятеля о. Агаѳона всѣ дипломы— и на священство, и на набедренникъ, и на скуфью — висѣли въ рамкахъ на стѣнѣ.

— Что жъ, только и остается!—со вздохомъ замѣтила діаконша.

Меѳодій ходилъ по комнатѣ съ видомъ негодованія и все говорилъ, что онъ не понимаетъ. Тетка съ красными вѣками явилась и съ умиленіемъ разглядывала дипломъ.

— Ну, что? Подкрѣпился? а? Накушался?—спросилъ

вошедшій дьяконъ. Какъ человѣкъ, привыкшій соразмѣрять и взвѣшивать каждый свой шагъ, онъ пытливо заглянулъ въ лица всѣхъ присутствующихъ и понялъ, что уже — свершилось.

— Славная у васъ рыбица!—сказалъ Кириллъ и радостно взглянулъ на отца, какъ на единственнаго человѣка, который понимаетъ и одобряетъ его намѣренія.

— Изъ города!—сказалъ дьяконъ:—у насъ вѣдь въ колодцахъ рыба не водится!

Тутъ дьяконъ понялъ, что теперь самое время развеселить всѣхъ пріятной новостью.

— А знаешь, Ариша,—обратился онъ собственно къ дьяконшѣ: — Кириллъ-то у преосвященнаго былъ; преосвященный цѣловалъ его и сказалъ: «есть, говоритъ, у тебя братъ — дьяконъ Назаръ; онъ, говоритъ, во священники просился; такъ ты»...

И видя, что всѣ домашніе слушаютъ его съ напряженнымъ любопытствомъ, дьяконъ на минуту остановился для того, чтобы подразнить ихъ.

— Или, можетъ, не разсказывать? а?

— Ну, какъ же?!.. Что же преосвященный сказалъ

— А-га! любопытно! А вотъ возьму и не скажу!

— Ну, вотъ еще... Тогда зачѣмъ было начинать!—Впрочемъ, всѣ знали, что дьяконъ, въ концѣ концовъ, разскажетъ, и конечно ему самому хотѣлось этого больше, чѣмъ всѣмъ остальнымъ.

— «Такъ ты, говоритъ, скажи ему, чтобы онъ пріѣхалъ, и я его сдѣлаю священникомъ».

— Сказалъ?

Суровое и сухое лицо дьяконши расцвѣло. Священство Назара — это была завѣтная ея мечта. Даже академическая карьера Кирилла стушевывалась передъ этимъ благомъ. Что Кириллъ! Вольная птица, заберется куда-нибудь за двѣ тысячи верстъ, и поминай его какъ звали. Назаръ же — человѣкъ, привязанный къ мѣсту, коренной, куча дѣтей у него. Онъ будетъ жить до вѣку на ея глазахъ. Да, это обидно, что младшій сынъ ея, магистрантъ, идетъ въ сельскіе священники, но зато какое огромное счастье, что старшій сынъ, дьяконъ, будетъ священникомъ, хотя бы и сельскимъ. Меѳодій радостно потиралъ руки; Мотя прыгала въ сосѣдней комнатѣ, потому что ей передъ Кирилломъ неловко было прыгать; тетушка рыдала отъ радости.

— Да ты правду ли говоришь?—допытывалась дьяконша.

— Ну, вотъ, стану я лгать въ такомъ предметѣ! А не вѣришь—спроси у Кирилла!

— Правда, правда!—сказалъ Кириллъ:—это мнѣ сказалъ преосвященный!

— Господи, какъ это чудесно!

Всѣ были взволнованы, подходили другъ къ другу и дѣлились восторженными восклицаніями, говорили о томъ, какъ будетъ радъ Назаръ и его жена Луня, какъ они устроятся на новомъ мѣстѣ, какъ отдадутъ старшую дочку въ епархіальное училище, для чего прежде не хватало денегъ.

— Эхъ, знаешь что, старуха!? Теперь я на покой,—съ умиленіемъ воскликнулъ дьяконъ.—Пора вѣдь мнѣ! Посмотри, какъ я сгорбился!

— Куда на покой?

— А такъ, на покой! Подамъ за штатъ и пойдемъ къ сыну жить! Что жъ мнѣ! Меѳодій скоро семинарію кончитъ, а Матрену на казенный коштъ возьмутъ...

Лицо дьяконши вдругъ сдѣлалось суровымъ и строгимъ. Его какъ будто передернуло.

— Этого никогда не будетъ!—рѣзко сказала она.

— Ну, что жъ такое!? Назаръ—онъ добрый.

— Всѣ добрые, пока въ карманъ, а какъ изъ кармана—такъ волками дѣлаются... Знаю я. Нѣтъ ужъ, лучше въ работницы пойду, а на шею никому не сяду.

Кириллъ смотрѣлъ на блѣдное лицо матери и думалъ о томъ, какъ, должно-быть, жизнь ея была несладка, если она такъ глубоко озлобилась. Прежде онъ какъ-то не замѣчалъ этого.

— Ну, ну, пошла уже!—добродушно сказалъ дьяконъ и махнулъ рукой въ сторону жены:—и вотъ всегда такъ. На людей злобится, никому не вѣритъ, даже дѣтямъ своимъ кровнымъ не вѣритъ.

— И не вѣрю!—выразительно подтвердила дьяконша.

— То-то, что не вѣришь. А я вотъ всѣмъ вѣрю. Всякому созданію Божію вѣрю. По-христіански.

— И всякій тебя обходитъ за то.

— А пускай его обходитъ. Онъ обходитъ, а я себѣ стою на мѣстѣ. Все равно, какъ дубъ столѣтній: ты его хоть милліонъ разъ обойди, а онъ будетъ стоять нерушимо. Вотъ оно что!..

Эта маленькая размолвка скоро была забыта. Дьяконъ

не настаивалъ на своемъ намѣреніи подать «за штатъ». Всю жизнь онъ уступалъ Аринѣ Евстафьевнѣ — неужели же теперь было не уступить? Скоро опять заговорили объ архіерейской милости и вновь оживились. Къ вечеру созрѣлъ проектъ объ извѣщеніи Назара.

Назаръ состоялъ дьякономъ въ селѣ Чакмарахъ, верстахъ въ тридцати отъ Устимьевки. На другой день рано утромъ запрягли лошаденокъ въ таратайку. Кириллъ съ Меѳодіемъ выѣхали со двора и направились по широкой степной дорогѣ, которая вела въ Чакмары. Солнце едва поднялось, надъ полемъ носилась утренняя прохлада. Кириллъ чувствовалъ необычайную бодрость духа. Онъ говорилъ брату о томъ, что на него благотворно дѣйствуетъ деревня и что онъ не промѣняетъ ее ни на какія столицы.

— Что тутъ хорошаго? Ни людей, ни развлеченій. Одна скука!—возразилъ Меѳодій.—Вообще, я тебя не понимаю, братъ!

— Если бы мнѣ сказали это, когда я былъ въ твоемъ возрастѣ, я точно такъ же не понялъ бы!—отвѣтилъ Кириллъ: — тогда я, какъ ты теперь, тяготѣлъ къ большому городу: мнѣ казалось, что тамъ только жизнь, а здѣсь — сонъ и прозябаніе. Теперь я думаю иначе. Жизнь только здѣсь, здѣсь люди живутъ по существу, а тамъ продѣлываютъ безконечный рядъ условностей. Все тамъ условно— и приличіе, и уваженіе, и порядочность, и умъ, и чувство. На все есть кодексъ, и человѣкъ тамъ—рабъ этого кодекса. Тамъ можно жить только для себя, здѣсь можно кое-что удѣлить и ближнему. Возьми хоть это: жизнь въ городѣ дорога. Чтобы жить прилично, надо всѣ силы посвящать на добываніе средствъ. У человѣка не остается ни времени, ни силъ на то, чтобы быть человѣкомъ. А здѣсь жизнь стоитъ пустяки. Времени много, работай, сколько хочешь. Здѣсь, и только здѣсь, ты—хозяинъ своего времени, своихъ силъ и способностей. Только здѣсь ты можешь отдать всего себя на служеніе ближнему!..

— Скажи, пожалуйста, этому обучаютъ въ академіи?— спросилъ Меѳодій, у котораго рѣчи брата вызвали одно только недоумѣніе.

— Чему?

— Вотъ этому всему, что ты говоришь.

— Нѣтъ,—сказалъ Кириллъ съ улыбкой:—этому не обучаютъ въ академіи...

Они пріѣхали въ Чакмары часамъ къ двѣнадцати. На-

заръ встрѣтилъ ихъ радушно, обнялъ Кирилла и съ большимъ чувствомъ поцѣловалъ его. Онъ замѣтилъ съ сожалѣніемъ, что Кириллъ сильно похудѣлъ.

— Зато ты все толстѣешь. Пора бы остепениться!—сказалъ Кириллъ.

Назаръ безнадежно махнулъ рукой. Это было его несчастье. Онъ былъ невѣроятно толстъ, такъ что подчасъ становился тяжелъ самому себѣ. Никакія мѣры не помогали. Ужъ онъ и моціонъ дѣлалъ, и спать послѣ обѣда прекратилъ, и купался; онъ примѣнялъ къ себѣ все, что̀ бы ему ни посовѣтовали. Кто-то сказалъ ему, что крѣпкій чай обладаетъ свойствомъ высушивать человѣка. Онъ сталъ пить крѣпкій чай денно и нощно. Посовѣтовали ему уксусъ пить—онъ бросилъ чай и принялся за уксусъ. Одного онъ не могъ примѣнить къ себѣ—умѣренности въ пищѣ. Аппетитъ у него былъ страшный, а обширная утроба помѣщала массу питательныхъ веществъ. Ѣлъ онъ буквально за пятерыхъ и при этомъ выпивалъ не одну рюмку доброй водки. Назару было уже лѣтъ за сорокъ; у него было семеро дѣтей, а жена его, Лукерья Григорьевна, называвшаяся въ родственномъ кругу Луней, подавала надежды принести еще столько же. Эта маленькая, тоненькая, чрезвычайно подвижная и вѣчно веселая женщина представляла полную противоположность Назару, у котораго вѣчно распухали ноги, а самого его постоянно тянуло къ дивану. Можно считать, что собственно жена была главой дома. Назаръ свято исполнялъ однѣ дьяконскія обязанности, но и то лишь потому, что Лунѣ поручить это было никакъ невозможно. Во все прочее онъ, по тяжеловѣсности своей, не мѣшался, а Луня прекрасно справлялась сама и съ хозяйствомъ, и съ педагогіей, и даже, вдобавокъ ко всему, просфоры пекла. На все у нея хватало силъ, никогда она не жаловалась на усталость или на то, что у нея слишкомъ много дѣла. Она жила дѣломъ. Назаръ обожалъ свою жену и былъ просто влюбленъ въ нее, считая ее красавицей, несмотря на то, что ея смуглое лицо было уже все въ морщинахъ, а въ волосахъ прежде времени появилась сѣдина.

Меѳодій побѣжалъ въ загонъ, гдѣ возилась съ теленкомъ Луня, и сообщилъ радостную новость. Она бросила теленка и взволнованно полетѣла къ мужу. Тутъ она изобразила печаль и разыграла для шутки маленькую сцену.

— А знаешь, Назаръ, Кириллъ былъ у архіерея, и архіерей сказалъ ему, что, должно-быть, говоритъ, брату твоему Назару придется въ заштатъ подать.

— Господи помилуй!—съ испугомъ воскликнулъ Назаръ и даже перекрестился при этомъ.—За что же бы это?

— А потому, говоритъ, больно онъ толстъ, служить не можетъ.

Но видя глубокое отчаяніе, въ которое привела эта шутка легковѣрнаго Назара, Луня разсмѣялась и повѣдала ему всю правду. Кириллъ подтвердилъ, Назаръ, разумѣется, пришелъ въ неописанный восторгъ и готовъ былъ бы подскочить отъ радости, если бы ему позволилъ это его вѣсъ. Тотчасъ же онъ началъ мечтать о предстоящихъ улучшеніяхъ, которыя неизбѣжно должны послѣдовать въ его жизни, — о просторной квартирѣ, объ отдачѣ дочки въ науку, о воспитаніи подростающихъ дѣтей, наконецъ, самая главная и самая пылкая мечта его была о томъ, чтобы взять отпускъ, поѣхать въ Кіевъ или Харьковъ и полѣчиться тамъ у самаго лучшаго доктора отъ толщины,—все это должно было осуществиться разомъ, благодаря одному архіерейскому слову.

Братья пообѣдали вмѣстѣ, а послѣ обѣда молодые люди поѣхали обратно въ Устимьевку. Мотя выбѣжала имъ навстрѣчу и, сѣвъ въ таратайку около церкви, разсказала, что дома произошла непріятная сцена. Арина Евстафьевна всю ночь не спала. Въ душѣ ея боролись два ощущенія: радость — по поводу предстоящаго возвышенія Назара, и горе—по поводу непонятнаго добровольнаго униженія Кирилла. Встала она съ головной болью и съ разстроенными нервами. Дьяконъ сразу это понялъ и съ утра началъ заговаривать, что ему нужно побывать у отца-настоятеля. Но она пристала къ нему неотступно. Сначала были только вздохи и укоры общаго свойства.

— У людей все идетъ по-людски,—говорила дьяконша:— дѣти выростаютъ и достигаютъ толку. У иного сынъ еле-еле семинарію дотянулъ, а смотришь — сходилъ туда-сюда, и мѣсто въ городѣ получилъ.

Тутъ слѣдовали примѣры: архіерейскаго иподіакона сынъ кончилъ по третьему разряду, а получилъ мѣсто въ городѣ въ кладбищенской церкви. Чакмарскаго священника два сына, — оба изъ четвертаго класса вышли, и ничего, — въ священники вылѣзли. А у нихъ, у Обновленскихъ, все не по-людски: сынъ удивлялъ всѣхъ своими успѣхами, кончилъ

академію первымъ и будетъ въ селѣ киснуть. Всѣ будутъ на нихъ пальцами показывать,—дескать, вотъ какіе вы мизерные, и академія вамъ не помогла, и первенство вамъ ни къ чему. А отецъ, вмѣсто того, чтобы сыну внушить, на путь истины наставить, еще подхваливаетъ, умиляется. Видно, Богъ наказалъ ее за великіе грѣхи.

Потомъ начались слезы, которыя перешли въ рыданія. Тетка, разумѣется, тоже плакала, но тихонько, спрятавшись въ темный чуланчикъ. Кончилось тѣмъ, что Арина Евстафьевна слегла въ постель. Когда Кириллъ вошелъ къ ней въ комнату, подошелъ къ ней и поцѣловалъ у нея руку, она встрѣтила его съ упрекомъ:

— Вотъ до чего довели меня дѣтки! Въ постель слегла!..

И тутъ она опять разрыдалась. Кириллъ сѣлъ на кровати, взялъ ее руку и заговорилъ тихимъ, ласковымъ голосомъ:

— Вы больны, маменька, не сможете слушать меня спокойно, а то бы я вамъ объяснилъ.

— Что ты мнѣ объяснишь? Что ты мнѣ можешь объяснить?—трагически воскликнула Арина Евстафьевна.

— Объяснить свое рѣшеніе, маменька! Вы негодуете на то, что я отказался отъ выгодныхъ мѣстъ и иду въ село священникомъ. Разсудите же, маменька! Мы съ вами всю жизнь были бѣдны, вы всю жизнь неустанно трудились, трудъ изсушилъ васъ, истомилъ. Бѣдность и трудъ, маменька, это—наше достояніе, они сдѣлались нашими родными. Что бѣдно и трудится, то наше. Ну, что же, я хочу послужить своему родному. Не хочу служить богатымъ, а бѣдности хочу послужить. Хочу жить такъ, какъ вы жили. За вашу трудовую жизнь я питаю къ вамъ глубокое уваженіе. Хочу тѣмъ же заслужить уваженіе и я. У васъ же я научился этому. Вы своимъ примѣромъ заронили въ мою душу сѣмена, а я ихъ взростилъ.

Трудно сказать, что подѣйствовало на дьяконшу. Едва ли ея озлобленной душѣ были доступны эти доводы. Но ласковый голосъ сына, его любовный взглядъ, быть-можетъ, теплота его руки, которой онъ нѣжно сжималъ руку матери, подѣйствовали на нее успокоительно. Съ лица ея исчезло напряженное выраженіе злобы и отчаянія, она тихо привлекла къ себѣ Кирилла и поцѣловала его въ голову.

— Ахъ, Кириллъ! — сказала она тихимъ голосомъ: — такъ-то мы на тебя надѣялись, такъ-то надѣялись! Думали, что возвышеніе нашему семейству будетъ, а ты вотъ что придумалъ.

Но все это она сказала спокойнымъ, примирительнымъ голосомъ.

— Будетъ и возвышеніе! Погодите. Дайте сперва мнѣ свое сердце удовлетворить. Все будетъ, маменька.

Кириллъ посидѣлъ съ нею съ полчаса. Дьяконъ, подслушивавшій ихъ разговоръ въ сосѣдней комнатѣ, дивился искусству сына разгонять бурю,—искусству, которому онъ не могъ научиться за всю жизнь, несмотря на свою полную покорность Аринѣ Евстафьевнѣ. Скоро и дьяконша встала съ постели и принялась за свои обычныя дѣла. И разговоровъ этихъ она больше не возбуждала.

Проѣздомъ въ городъ заѣзжалъ Назаръ. Здѣсь его торжественно благословили. Арина Евстафьевна сдѣлала ему подробныя напутственныя указанія, какъ малому дитяти. Добродушный Назаръ выслушалъ ихъ покорно и серьезно принялъ ихъ къ свѣдѣнію. Онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ дитя и, пускаясь въ путь съ столь важными намѣреніями безъ Луни, чувствовалъ, что почва подъ нимъ не тверда. Дѣло стояло такъ, что ежели преосвященный не измѣнитъ своего милостиваго рѣшенія, то Назару придется одному прожить въ городѣ, гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ, не меньше какъ недѣлю, а это представлялось ему настоящимъ подвигомъ.

Слѣдующіе два дня послѣ его отъѣзда въ домѣ устимьевскаго дьякона были полны тревожнаго выжиданія. Одинъ Кириллъ былъ спокоенъ; онъ зналъ, что архіерей сдѣлалъ свое обѣщаніе серьезно и не измѣнитъ своему слову. Робкій дьяконъ боялся вѣрить такому счастью, пока не увидитъ его воочію. Арина Евстафьевна, въ душѣ которой глубоко сидѣлъ пессимизмъ, твердила, что надѣяться слѣдуетъ только на дурное: оно никогда не заставитъ себя ждать, а по части хорошаго всегда пообождать слѣдуетъ. «Иной разъ по всѣмъ видимостямъ добро должно бы выйти, а на конецъ—злющее зло получается». Но по истеченіи двухъ дней можно уже было построить силлогизмъ такого рода, что будь Назару неудача—онъ уже вернулся бы, а если сидитъ въ городѣ—значитъ, къ сану готовится.

— А, можетъ, его на эпитемью тамъ поставили, вотъ онъ и сидитъ! — замѣтила все-таки Арина Евстафьевна, хотя въ душѣ больше склонялась къ общему мнѣнію.

Наступило воскресенье. Дьяконъ облачился въ чистенькую ряску, примазалъ и пригладилъ волосы и вообще принялъ видъ торжественный и благолѣпный.

— Ужъ это вѣрно, что сегодня его рукополагаютъ!—съ торжественнымъ умиленіемъ повторялъ онъ и служилъ въ этотъ день въ церкви съ особой настроенностью, подчеркивая слова и произнося ихъ нараспѣвъ. Волненіе его съ каждымъ часомъ усиливалось. Придя изъ церкви, онъ, въ противность обычаю, совсѣмъ отказался отъ рюмки водки и отъ вяленаго рыбца съ свѣжимъ лукомъ. Онъ и отъ обѣда отказался, просто не могъ ѣсть отъ волненія. Вѣчный дьяконъ, онъ считалъ священство недосягаемымъ идеаломъ, и вотъ Назаръ, который, казалось, былъ такъ же, какъ и онъ, осужденъ на вѣчное дьяконство, сегодня взбирается на эту высокую ступеньку жизненной лѣстницы. Сильно волновалась и Арина Евстафьевна, но прятала свое волненіе внутрь себя и неискренно твердила, что не вѣритъ.

Наконецъ, къ вечеру пріѣхалъ Назаръ. Онъ вошелъ въ комнату торжественно-сіяющій и, остановившись на порогѣ, внимательно и набожно осѣнилъ себя крестомъ, поклонился иконамъ, а затѣмъ обратившись къ семьѣ, которая вся сидѣла за чаемъ, молча поблагословилъ ее. Тутъ всѣ поняли, что̀ свершилось, чинно поднялись и тоже стали креститься. Радость была до того велика, что въ первое время всѣ молчали. Оправившись, всѣ чинно подошли поочередно къ новому іерею и взяли у него благословеніе. Затѣмъ стали разспрашивать Назара, какъ все это случилось. Онъ разсказывалъ по порядку съ мельчайшими подробностями, а когда дошелъ до описанія своего перваго визита къ архіерею, то, обращаясь къ Кириллу, сказалъ:

— Про тебя онъ говорилъ страсть какъ хвалебно. «Онъ, говоритъ, примѣръ всей епархіи. И собственно ради его христіанскаго смиренія я тебя призвалъ въ священники». Велѣлъ сказать, что мѣсто тебѣ хорошее приготовилъ, чтобы скорѣе женился и къ нему пріѣзжалъ.

Вся семья, кромѣ отца, смотрѣла недоумѣвающе на Кирилла.

Назаръ ночевалъ въ Устимьевкѣ. Кириллъ уѣхалъ въ городъ на другой день.

IV.

Двѣ недѣли, что Кириллъ провелъ въ городѣ, были для него мучительны. Просилъ онъ отца Гавріила, и матушку, и Муру, чтобы вѣнчанье было скромное, но его и слушать не хотѣли.

— Многаго хочешь! — говорила матушка.—Ужъ и такъ

тебѣ во всемъ уступили, во всемъ. Ну, а въ этомъ ужъ извини. Въ этомъ я не уступлю!

И матушка вздыхала при воспоминаніи о той уступкѣ, которую она сдѣлала Кириллу. Мура съ своей стороны говорила, что ей ужасно хочется провести брачный вечеръ среди блеска огней и шума гостей. Она откровенно призналась Кириллу, что давно и постоянно объ этомъ мечтала. Отецъ Гавріилъ прямо заявилъ, что этого требуетъ его положеніе въ городѣ. Противиться такимъ доводамъ было безполезно.

И вотъ второй этажъ церковнаго дома расцвѣтился огнями, въ соборѣ зажгли главное паникадило, пѣли архіерейскіе пѣвчіе, а апостола читалъ громоносный басъ, состоявшій при соборѣ сверхъ штата и предназначенный въ протодіаконы. Весь цвѣтъ духовной молодежи города, всѣ дочки, ждавшія жениховъ въ видѣ академиковъ, съ толстыми маменьками, учителя семинаріи, батюшки и даже кое-кто изъ семинаристовъ старшихъ классовъ, все это было въ церкви, а изъ церкви перешло въ церковный домъ и веселилось тамъ напропалую до утра. Мура была весела, оживлена и миловидна въ своемъ бѣлоснѣжномъ нарядѣ съ массой цвѣтовъ на головѣ. Кириллъ былъ мѣшковатъ въ непривычномъ фракѣ, но это ему шло, какъ академику, въ которомъ предполагалось много серьезности и учености. Изъ устимьевской родни на праздникѣ присутствовали только Меѳодій и Мотя; старики убоялись блеска и сказали: «куда намъ! гдѣ намъ!» Луня не могла оставить ребятишекъ, а Назаръ просто сослался на свою толщину. При томъ же онъ какъ разъ въ это время переѣзжалъ въ свой приходъ, въ село Гурьево, куда онъ былъ назначенъ настоятелемъ.

Черезъ два дня послѣ свадьбы Кириллъ явился къ архіерею.

— А-а!.. — привѣтливо встрѣтилъ его архіерей: — знаю, знаю. Отецъ Гавріилъ мнѣ сказывалъ. Хорошую дѣвицу въ жены взялъ. Ну, а я тебѣ мѣсто уготовалъ. Это будетъ поблизости къ твоей роднѣ. Мѣстечко Луговое знаешь?

— Мѣстечко Луговое?!

— Ты что же, недоволенъ?

— Тамъ два священника, ваше преосвященство!

— Ну, и ты будешь настоятелемъ.

— Боюсь я этого. Уживемся ли?

— Ты-то? Съ твоей-то голубиной кротостью? Нѣтъ, нѣтъ, ужъ ты не возражай. Я рѣшилъ, такъ тому и быть. Все-таки въ мѣстечкѣ есть и базаръ, и школа, и почта. Не глушь какая-нибудь... Готовься. Въ пятницу праздникъ, мы тебя въ діаконы возведемъ, а въ воскресенье и въ іереи. Иди съ Богомъ.

Кириллъ больше не возражалъ. Но онъ былъ крайне недоволенъ назначеніемъ. Мѣстечко Луговое—огромное по размѣрамъ, съ массой прихожанъ. Это его не пугало. Но тамъ онъ будетъ не одинъ. Всѣ его планы будутъ встрѣчать противодѣйствіе въ товарищѣ. Найти въ немъ помощника онъ даже не разсчитывалъ. Пойдутъ несогласія, дрязги, подкопы, то-есть какъ разъ то, чего онъ больше всего боялся. Но настойчиво возражать архіерею, который съ перваго же шага такъ много для него сдѣлалъ и такъ сочувственно отнесся къ его планамъ, онъ не рѣшился. Онъ сказалъ себѣ: «Будь, что будетъ. Чтобы тамъ ни было, я буду тянуть свою линію. Ничто не заставитъ меня свернуть съ намѣченнаго пути и жить не такъ, какъ я рѣшилъ. Почемъ знать? Можетъ-быть, это и къ лучшему!»

Съ этого времени онъ началъ ощущать постоянное волненіе. То, что теоретически сложилось въ его головѣ, начинало осуществляться. Подходила практика, къ которой надо быть готовымъ. Иногда онъ садился около Муры, бралъ ея руки и говорилъ:

— Ахъ, Мура! страшно! Задача трудная, хватитъ ли силъ?

Мура совсѣмъ неясно представляла себѣ сущность этой «задачи». Но и ей дѣлалось страшно, потому что онъ такъ говорилъ. Сомнѣніе, однако, проходило; онъ тутъ же прогонялъ изъ головы мрачную мысль и объявлялъ, что это не больше, какъ настроеніе, и что онъ не имѣетъ никакихъ основаній сомнѣваться въ своихъ силахъ.

— Мы такіе молодые съ тобой, Мура!.. Когда состаримся, тогда будемъ сомнѣваться!..

Мура подтверждала и это. Она была его отголоскомъ. Она любила въ немъ своего мужа — молодого, умнаго, симпатичнаго, сердечнаго, считая его необычайно развитымъ и даже ученымъ, а его идеи высокими и для нея недосягаемыми.

Въ пятницу Кириллъ пришелъ домой изъ церкви въ рясѣ. Мура, увидавъ его въ этомъ костюмѣ, чуть не упала въ легкій обморокъ, а очнувшись, начала плакать.

— О чемъ же ты?—спрашивалъ Кириллъ, стараясь утѣшить ее лаской, но это не помогало. Страннымъ казался ей Кириллъ въ своемъ новомъ костюмѣ. Она привыкла любить его въ сюртукѣ, въ видѣ обыкновеннаго молодого человѣка; она находила его стройнымъ и довольно ловкимъ. И вдругъ все это исчезло подъ широкой и длинной рясой, подъ этимъ костюмомъ, разгоняющимъ всякія мысли о любви, о романѣ. Теоретически она допускала, что Кириллъ надѣнетъ рясу, но когда это случилось воочію, когда онъ предсталъ передъ нею уже посвященный, безъ малѣйшей надежды снять когда-нибудь рясу и принять видъ обыкновеннаго молодого человѣка, какого она любила, когда все уже было кончено и навсегда — сердце у нея невольно сжалось, и она не въ силахъ была удержать слезы.

— Ахъ, Мура, Мура! Да вѣдь я тотъ же! Не перемѣнился же я оттого, что надѣлъ рясу!..

— Какой ты странный, некрасивый, смѣшной!—произнесла Мура, уже улыбаясь сквозь слезы.

Онъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало и также улыбнулся. Дѣйствительно, видъ у него былъ странный. Короткіе волосы, вчера только постриженные «въ послѣдній разъ», начисто выбритые подбородокъ и щеки — тоже «въ послѣдній разъ»; маленькіе, едва пробивающіеся усики, совершенно юношеское выраженіе лица, тонкій станъ, все это придавало ему такой видъ, будто онъ въ шутку нарядился въ рясу — это одѣяніе солидныхъ пастырей, предполагающее и бороду, и длинные волосы, и солидное сложеніе. Но это было не въ шутку, и Мура это знала. Оттого она и плакала.

Матушка поздравила его, и при этомъ какъ-то косо посмотрѣла на его костюмъ. Она была оскорблена въ лучшихъ своихъ чувствахъ. Затаенное желаніе большинства духовныхъ женъ—пустить своихъ дѣтей по свѣтской части. Она именно и разсчитывала, что ея зять, который съ такимъ блескомъ шелъ въ академіи, будетъ инспекторомъ въ семинаріи, либо даже профессоромъ въ какой-нибудь академіи, и развѣ уже достигнувъ сорокалѣтняго возраста, вступитъ въ рясу и сразу займетъ мѣсто каѳедральнаго протоіерея. Но разъ она допустила это, — должна была сносить; поэтому она ограничилась сухимъ поздравленіемъ и не прибавила ни одного укоризненнаго слова. Отецъ Гавріилъ, участвовавшій въ посвященіи

Кирилла, отнесся къ этому факту спокойно; ему было извѣстно, что архіерей одобряетъ поступокъ Кирилла, и онъ втайнѣ возлагалъ на это обстоятельство большія надежды. Надоѣстъ Кириллу въ деревнѣ, дурь пройдетъ. тогда преосвященный сразу дастъ ему лучшее мѣсто въ городѣ.

Въ воскресенье Кириллъ былъ рукоположенъ во священники. Много передумалъ онъ и перечувствовалъ въ теченіе тѣхъ немногихъ минутъ, когда на него, по чину церковному, возлагали этотъ санъ. Вотъ пришла та минута, когда онъ формально и всенародно связалъ себя узами долга, безъ исполненія котораго онъ находилъ жизнь неинтересной и несправедливой. Въ этотъ мигъ онъ почувствовалъ уваженіе къ себѣ, къ своей послѣдовательности, къ своему характеру. Онъ зналъ многихъ людей, которые говорили о лежащемъ на нихъ громадномъ долгѣ, и у которыхъ не хватало рѣшимости перейти отъ словъ къ дѣлу. И всю жизнь они говорятъ объ этомъ долгѣ и не идутъ дальше этихъ словъ. Онъ оставилъ ихъ позади, намѣтилъ себѣ цѣль, и вотъ сегодня онъ ступилъ твердою ногой на дорогу, которая поведетъ его къ этой цѣли. Онъ не то чтобы возгордился или осуждалъ кого-нибудь, нѣтъ, — но въ эту торжественную минуту онъ не могъ же оставаться равнодушнымъ къ самому себѣ и не похвалить себя за твердость духа.

Марья Гавриловна была въ церкви. Сердце у нея усиленно билось, когда надъ Кирилломъ совершали обрядъ. Ей казалось, что этотъ обрядъ косвеннымъ образомъ и надъ нею совершается, и когда Кирилла облачили въ священническую ризу, она мысленно сказала себѣ: «вотъ ужъ я и матушка-попадья!» Но вообще за эти три дня она приглядѣлась къ костюму Кирилла и свыклась съ новымъ положеніемъ. Послѣ обѣдни Кириллъ сказалъ ей нѣсколько торжественнымъ, многозначительнымъ тономъ:

— Теперь, Мура, жизнь настоящая начнется. До сихъ поръ мы все только готовились!

И весь этотъ день настроеніе его было какое-то повышенное; глаза горѣли вдохновеннымъ блескомъ, точно обрядъ, совершенный надъ нимъ въ церкви, въ самомъ дѣлѣ переродилъ его. Мура пугалась этой перемѣны, которая какими-то неуловимыми путями отдаляла отъ нея Кирилла. Иногда онъ вдругъ начиналъ казаться ей чужимъ, онъ— священникъ съ сосредоточенно-строгимъ взглядомъ, гово-

рящій тономъ проповѣдника. Развѣ это тотъ милый, сердечный, близкій ей Кириллъ, котораго она полюбила? И въ эти минуты ей становилось жутко; будущее представлялось ей смутнымъ, неизвѣстнымъ и холоднымъ. Но это было минутное настроеніе, которое исчезало, опять приходило и опять исчезало.

Началась пробная недѣля. Кириллъ ежедневно служилъ въ архіерейской церкви. Приходя домой, онъ обыкновенно былъ нервно возбужденъ и выражалъ крайнее нетерпѣніе.

— Скорѣе бы на мѣсто отправиться! — повторялъ онъ по нѣскольку разъ въ день: — и какъ долго тянутся эти приготовленія!

— Вотъ ужъ не понимаю! Не понимаю!—возражала матушка:—чего тутъ торопиться! Надоѣстъ еще въ глуши-то киснуть! Господи—какъ надоѣстъ!

— Дорваться до дѣла, зарыться въ него съ головой, съ душой и тѣломъ, отдаться ему безраздѣльно!..—восторженно говорилъ Кириллъ, не обращаясь ни къ кому и неопредѣленно глядя въ пространство.

Матушка широко раскрывала глаза, пожимала плечами и уходила изъ комнаты. «Нѣтъ, думала она, — необдуманно поступили мы, выдавъ за него Марью. Ничего не вижу я въ немъ хорошаго. Городитъ несуразное... Похоже на то, словно у него одной клепки не хватаетъ»... Но Мурѣ она не высказывала своихъ заключеній.

Едва только кончилась пробная недѣля, въ воскресенье послѣ обѣдни Кириллъ заторопился съ отъѣздомъ. Мура была готова. Онъ всю недѣлю подгонялъ ее; она уложила все свое приданое въ сундуки. Къ этому дню пріѣхалъ изъ Устимьевки дьяконъ. Онъ взялся нанять фуру и сопровождать ее съ разнымъ скарбомъ до самаго Лугового; Кириллъ же съ Мурой поѣдетъ на почтовыхъ днемъ позже, когда тамъ все уже будетъ приведено въ порядокъ. Въ понедѣльникъ раннимъ утромъ дьяконъ, усердно помолившись Богу, двинулся въ путь, а Кириллъ пошелъ къ архіерею за обычнымъ напутствіемъ.

Архіерей вышелъ къ нему въ темно-зеленой шелковой рясѣ, въ клобукѣ и съ длинными четками. Онъ собирался выѣхать со двора. Кирилла удивилъ нѣсколько строгій видъ, съ которымъ онъ его встрѣтилъ. Онъ не улыбался, не шутилъ и вообще отнесся къ нему болѣе начальственно. Кириллъ объяснилъ это тѣмъ, что онъ теперь священникъ,

въ рясѣ, и слѣдовательно архіерей является его прямымъ начальникомъ. Онъ и раньше замѣтилъ, что съ людьми, носящими гражданское платье, архіереи обращаются снисходительнѣе и проще. Архіерей говорилъ съ нимъ стоя и самъ стоялъ, тогда какъ прежде онъ всегда приглашалъ его садиться и самъ садился.

— Ты отправляешься на мѣсто своего служенія?—спросилъ онъ, перебирая четки обѣими руками.

— Да, думаю завтра отправиться,—отвѣчалъ Кириллъ.

— Слѣдовательно, ты не раздумалъ и стоишь на своемъ?

— Нѣтъ, не раздумалъ.

— А то я тебѣ далъ бы хорошее мѣсто здѣсь, въ купеческой церкви.

— Благодарю васъ. Но я хочу въ деревню...

Архіерей нахмурилъ брови и пристально посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Ты хочешь этого непремѣнно? — выразительно спросилъ онъ.

Кирилла удивилъ этотъ вопросъ и эта перемѣна въ тонѣ.

— Да, я хочу этого, ваше преосвященство!

— Помни, однако,—строго-наставительно сказалъ архіерей:—что въ твоемъ новомъ санѣ никакія умствованія не должны быть допускаемы. Ты долженъ быть пастыремъ твоихъ овецъ, не болѣе.

— Добрымъ пастыремъ, ваше преосвященство.

— Разумѣется, добрымъ,—слегка возвысивъ тонъ, перебилъ его архіерей:—но не думаешь ли ты, что всѣ прочіе пастыри не таковы? Нехорошо начинать службу съ такими горделивыми мыслями.

Все это было до послѣдней степени странно, и каждое новое слово архіерея приводило Кирилла въ изумленіе. Откуда все это? Кто внушилъ ему эти подозрѣнія?

— Вотъ что, сынъ мой!—прибавилъ архіерей, какъ бы нѣсколько смягчившись:—ты для меня загадка. Одно изъ двухъ: или ты добрая и простая душа, или въ тебѣ сидитъ демонъ возмущенія.

— Возмущенія,—воскликнулъ Кириллъ.—Вы прежде не думали такъ, ваше преосвященство.

Въ лицѣ архіерея можно было замѣтить легкое смущеніе. Казалось, ему даже сдѣлалось стыдно за это испытаніе, которому онъ подвергъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Онъ улыбнулся, поднялъ руку и потрепалъ Кирилла по плечу.

— Нѣтъ, я знаю, что у тебя невинная душа! — мягко и дружескимъ тономъ сказалъ онъ: — однакоже, блюди! Мнѣ извѣстно, что, будучи въ академіи, ты съ умниками знакомства велъ. Я уважаю умныхъ людей, хотя бы и свѣтскихъ, но свѣтскія идеи неприложимы къ іерейскому сану. Служи меньшему брату, единому отъ малыхъ сихъ, это хорошая идея, но удаляйся всякой предвзятости. И остороженъ будь, ибо твою добрую идею немногіе понимаютъ, а непонимающіе во всякомъ добрѣ могутъ зло отыскать! Остороженъ будь! Это тебѣ мое отеческое напутствіе!

Онъ съ большимъ чувствомъ поблагословилъ Кирилла и даже облобызалъ его, и, отпуская, прибавилъ:

— Дерзай!

Кириллъ вышелъ отъ него въ большомъ недоумѣніи. Не было никакого сомнѣнія, что у архіерея съ кѣмъ-то была про него рѣчь. Этотъ «кто-то» конечно человѣкъ свѣдущій про его жизнь въ академіи. Кто бы это могъ быть?

Онъ нанялъ извозчика и поѣхалъ въ соборный домъ. У самыхъ воротъ, когда онъ уже слѣзъ съ брички, ему попался на глаза молодой Межовъ, который подлетѣлъ къ нему и прямо заявилъ:

— Утвердили, братъ, таки - утвердили. Разумѣется, сперва исправляющимъ должность, а потомъ и совсѣмъ утвердятъ.

Кириллъ понялъ, что рѣчь идетъ объ инспекторствѣ. Межовъ осмотрѣлъ его и продолжалъ:

— А ты уже въ рясу облачился?! Скоро. Вотъ, признаюсь тебѣ откровенно, чего я не понимаю, такъ именно этого!

— Ну, что жъ я съ тобой подѣлаю, коли ты не понимаешь! — поспѣшилъ отвѣтить Кириллъ.

— То-есть, какъ сказать... Я понимаю... Деревня, сліяніе съ народомъ и прочее... Только это, извини, глупо!

— До свиданія... Я спѣшу! — оборвалъ его Кириллъ, кивнувъ головой, и быстро скрылся въ калитку. Не любилъ онъ разговаривать съ этимъ господиномъ. О чемъ бы они ни начали разговоръ, всегда оказывалось, что ихъ мнѣнія какъ разъ противоположны. Они какъ-то органически, безнадежно расходились во взглядахъ. Къ тому же Межовъ былъ болтливъ и любилъ развивать свои взгляды въ многословныхъ тирадахъ.

«Этотъ сболтнулъ дядюшкѣ-ректору, а дядюшка-ректоръ

повѣдалъ архіерею съ соотвѣтствующими случаю комментаріями, вотъ и вся исторія»,—подумалъ Кириллъ, и для него въ самомъ дѣлѣ стало все ясно.

V.

Въ среду, около двухъ часовъ дня, почтовая таратайка, окруженная густымъ клубомъ пыли, изъ глубины котораго, какъ изъ таинственнаго облака, раздавался зычный лязгъ почтоваго колокольчика, вкатилась въ предѣлы мѣстечка Лугового. Съ перваго взгляда можно было понять, что это поселеніе лишь по недоразумѣнію сдѣлалось мѣстечкомъ. По какому-то случайному признаку, люди вообразили, что мѣсто это бойкое, удобное, и давай строить хату къ хатѣ. А можетъ-быть, въ прежнее время здѣсь пролегала большая торговая дорога, которая собрала сюда народъ; а потомъ, съ проложеніемъ новыхъ усовершенствованныхъ путей, пунктъ этотъ остался въ сторонѣ.

Луговое было безъ толку разбросано на разстояніи добрыхъ двухъ верстъ въ длину да на версту въ ширину. Хаты были приземистыя, крытыя старымъ, давно почернѣвшимъ камышомъ, и это были хаты прежнихъ владѣльцевъ, у которыхъ нѣкогда былъ еще достатокъ. Онѣ прилегали къ главной улицѣ, неподалеку отъ узенькой рѣчки, поросшей куширемъ и окаймленной густой стѣной зеленаго камыша. На этой улицѣ стояла и церковь, небольшая и невысокая, съ единственнымъ зеленымъ куполомъ и безъ колокольни. Колокола висѣли подъ деревяннымъ навѣсомъ, укрѣпленнымъ на двухъ столбахъ. Далѣе, въ обѣ стороны шли узкіе проулки, застроенные большею частью землянками съ низенькими земляными крышами, на которыхъ привольно росли бурьянъ и лопухъ, а кое-гдѣ—посѣянный лукъ и даже огуречная гудина. Такимъ образомъ было ясно, что позднѣйшія поколѣнія отличались уже откровенной бѣдностью и селились прямо въ землянкахъ.

При самомъ въѣздѣ въ мѣстечко, справа разстилался довольно обширный садъ, но сильно запущенный, со множествомъ высохшихъ деревьевъ, поросшій высокимъ бурьяномъ и чужеяднымъ кустарникомъ. Въ самомъ саду помѣщался помѣщичій домъ, квадратный, съ почернѣвшей и покоробившейся деревянной крышей, небольшой и, повидимому, неблагоустроенный.

Почтовая таратайка направилась къ церкви и остановилась у крыльца чистенькаго каменнаго домика съ зеле-

ной крышей, примыкавшаго къ самой церковной оградѣ. На крыльцѣ стоялъ и привѣтливо улыбался устимьевскій дьяконъ. Онъ былъ доволенъ и благорасположенъ, потому что квартирка въ церковномъ домѣ оказалась удобной, приличной и помѣстительной.

— Только народъ здѣсь все ободранный, голоштанникъ какой-то!.. Сомнительно, чтобы здѣсь доходъ былъ хорошій!—прибавилъ дьяконъ, когда молодые хозяева вошли въ домъ и сняли съ себя страшно запыленныя верхнія платья. Впрочемъ, онъ разсказалъ и кое-что утѣшительное. Онъ уже побывалъ у священника. Отецъ Родіонъ Манускриптовъ уже пятнадцать лѣтъ сидѣлъ въ Луговомъ и, конечно, зналъ, какіе здѣсь доходы. Сначала онъ принялъ дьякона сухо.

— Вы кто такой? Я васъ не знаю. Вашъ сынъ—молоденекъ, и въ настоятели лѣзетъ, а я пятнадцать лѣтъ здѣсь корплю.

Но дьяконъ объяснилъ, что Кириллъ не просился въ настоятели, а случилось это потому, что онъ первый магистрантъ академіи.

— Магистрантъ?! Вотъ какъ! Ну, тогда конечно, конечно... Тогда другая статья.

Слово «магистрантъ» въ глазахъ отца Родіона Манускриптова было волшебнымъ. Оно давало человѣку всѣ права на первенство во всѣхъ отношеніяхъ. Самъ онъ достигъ священства исподволь, путемъ долгихъ просьбъ, ибо курса семинаріи не кончилъ. Получивъ столь значительное разъясненіе, онъ открылъ свою душу устимьевскому дьякону и повѣдалъ ему, что въ сущности доходы здѣсь хороши, ежели дѣйствовать умѣючи. Народъ—голытьба, это правда, но есть дворовъ десять богатыхъ, а кромѣ того, наѣзжаютъ по воскресеньямъ достаточные хуторяне. Народъ это такой, что ежели его пригласить да угостить чаемъ и водкой, то онъ тебѣ на другое воскресенье полную засѣку жита привезетъ.

— Хуторянами и живемъ по преимуществу! — прибавилъ отецъ Родіонъ. — А собственно Луговое, такъ это, можно сказать, «велика Ѳедора, да дура». Толку съ него мало. Народъ бѣдственный и притомъ грубый. Три кабака здѣсь есть, такъ они всегда полны, а церковь пустуетъ. Помѣщица тоже здѣсь есть, но странная особа. Церковь не посѣщаетъ и вообще къ духовнымъ лицамъ не благоволитъ... Ну, а въ общемъ—жить можно.

Все это дьяконъ разсказалъ Кириллу и прибавилъ отъ себя:—ты съ отцомъ Родіономъ сойдись. Да и помѣщицу посѣти. Можетъ, она къ твоей учености снизойдетъ. Все-таки подмога.

Тутъ онъ заторопился, наскоро выпилъ чаю и уѣхалъ въ Устимьевку, сказавъ, что отецъ-настоятель будетъ сердиться за его долговременное отсутствіе.

Утомленный дорогой, Кириллъ рѣшилъ въ этотъ день не предпринимать ничего. Онъ дѣятельно помогалъ Мурѣ разставлять мебель, вынимать изъ сундуковъ платье и бѣлье и все это распредѣлять по комодамъ и шкапамъ. День былъ жаркій, августовскій. Они открыли окна въ небольшой палисадникъ, въ которомъ цвѣли настурціи, георгины и анютины глазки, посаженные, должно-быть, ихъ предшественниками. Изъ оконъ видны были мужицкія хаты, съ узенькими гумнами, гдѣ копошились крестьяне, мелькали въ воздухѣ цѣпы и раздавался торопливый стукъ ихъ. Бабы загребали солому и сметали зерно въ кучу. Мура глядѣла на все это съ дѣтскимъ любопытствомъ. Первый разъ въ жизни она видѣла, какъ дѣлается хлѣбъ. Этотъ стукъ возбудилъ въ ней непонятную тревогу. Мысль, что она здѣсь хозяйка, въ этой чужой для нея мѣстности, съ неизвѣстными ей людьми и обычаями, не уживалась въ ея головѣ. Ей все казалось, что она не болѣе, какъ путница, и все это оригинальный дорожный эпизодъ.

Уже вечерѣло. Они сидѣли въ спальнѣ у раскрытаго окна и отдыхали послѣ возни. Имъ показалось, что въ передней комнатѣ, которую они назвали «прихожей», скрипнула дверь и что-то зашевелилось. Марья Гавриловна вздрогнула, поднялась и заглянула въ дверь.

— Добрый вечеръ, матушка!—сказала вошедшая женщина и низко поклонилась.

Она была невысокаго роста, плотная, съ выдающимся впередъ животомъ. Лицо ея было красно, точно она передъ этимъ цѣлый день стояла у раскаленной плиты; на этомъ лицѣ все было крупно и какъ-то особенно прочно сдѣлано. Густыя черныя брови, соединенныя въ одну прямую линію, толстый носъ, задранный кверху, съ назойливо раскрытыми широкими ноздрями, широкій ротъ съ толстыми губами малиноваго цвѣта, массивный четырехъугольный подбородокъ и короткая толстая шея. На головѣ у нея былъ платокъ темно-сѣрый шерстяной, дважды обер-

нутый вокругъ шеи, несмотря на то, что было жарко и душно. Бѣлая сорочка была грязновата, а ситцевая юбка сильно подтыкана, что придавало всей этой смѣшной фигурѣ дѣловитый видъ.

— А что вамъ? — съ недоумѣніемъ спросила Марья Гавриловна.

Ей показалось страннымъ, какъ это можно входить въ чужой домъ безъ приглашенія и безъ доклада. Ей было извѣстно, что такъ дѣлаютъ нищіе и подозрительные люди.

— Съ благополучнымъ прибытіемъ!—сказала женщина и опять поклонилась столь же низко. Голосъ у нея былъ мужественный, крѣпкій. Она продолжала:—можетъ, помогти что-нибудь?!

Мура подозрительно осмотрѣла ее и ничего не отвѣтила. Вышелъ Кириллъ.

— А ты кто такая будешь?—спросилъ онъ.

Женщина и ему поклонилась:

— Добрый вечеръ и вамъ, батюшка! Я здѣшняя женщина, Ѳекла, а по прозванію Чипуриха. Я одинокая удова. Имѣю земляночку тутъ близенько. Всѣмъ батюшкамъ служила, и покойному отцу Парфентію служила, и который батюшкой передъ вами былъ — отецъ Мануилъ, и ему тоже служила. Вотъ и вамъ, ежели надобится, служить буду.

— Что жъ, — сказалъ Кириллъ, обращаясь къ Мурѣ: — пускай служитъ. У насъ никого нѣтъ.

Мура позвала его въ спальню и тихонько спросила:

— А не опасно? Можетъ, у нея какія-нибудь мысли?

Кириллъ разсмѣялся.

— Какія у нея могутъ быть мысли? Взгляни на ея лицо, и ты увидишь, что у нея въ головѣ никакихъ мыслей нѣтъ, ни дурныхъ, ни злыхъ.

— Ну, вотъ и отлично, Ѳекла! Служи, а мы тебя не обидимъ!

— Ну, гдѣ жъ тамъ обидѣть! За что меня обижать?! Да и много ли мнѣ нужно, бѣдной удовѣ?!

И Ѳекла начала «служить». Это былъ первый узелъ, который связалъ молодую чету съ населеніемъ Лугового. Ѳекла служила исправно, по крайней мѣрѣ для перваго раза. Она суетилась, стучала въ кухнѣ лоханями и посудой, разставляла ихъ по разнымъ угламъ, мыла полы, стирала пыль и вообще заслужила самую искреннюю благодарность Марьи Гавриловны. Когда стемнѣло, она объ-

явила, что пойдетъ ночевать въ свою землянку. Мура дала ей полтинникъ, который привелъ Ѳеклу въ неописанный восторгъ. Она схватила обѣ руки молодой матушки и звонко поцѣловала ихъ, чѣмъ привела Муру въ крайнее смущеніе. Выйдя на улицу, она съ трепетнымъ замираніемъ сердца, съ головой, наполненной впечатлѣніями и новостями, съ минуту постояла и подумала, куда ей идти. Въ свою землянку ее не тянуло. Тамъ не было ни души, — значитъ, не передъ кѣмъ было облегчиться. Надо было выбрать такое мѣсто, гдѣ было много бабъ, куда и сосѣдки, узнавъ о томъ, что она была у новаго священника, придутъ. Однимъ словомъ, она жаждала широкой аудиторіи и наконецъ рѣшила, что лучше всего пойти къ церковному старостѣ, въ домѣ котораго помѣщалась масса бабъ. Туда она и направилась.

Въ скорости послѣ ея ухода дверь въ прихожей опять скрипнула, и послышались шаги тяжелыхъ чоботъ. Оказалось, что это былъ церковный сторожъ. Онъ хотѣлъ представиться новому настоятелю и заявилъ, что его зовутъ Кирилломъ.

— А васъ, батюшка, какъ прикажете величать?

— И меня Кирилломъ зовутъ!—отвѣтилъ батюшка.

— Ото и добре! Легче запамятуется! Уже своего собственнаго имени никогда не забудешь!—философски замѣтилъ церковный сторожъ и прибавилъ:—а насчетъ опасности не сумнѣвайтесь! Я всю ночь на церковныхъ ступенькахъ сплю, а ежели проснусь, такъ сейчасъ въ большой колоколъ звонить начинаю. А можетъ, угодно приказать, чтобъ я не звонилъ? Потому, какъ бы молодой матушкѣ безпокойства отъ моего звону не было.

Кириллъ сказалъ ему, чтобы онъ звонилъ попрежнему.

Наступила ночь. Мура, утомленная дорогой, уборкой и массой новыхъ впечатлѣній, заснула, едва только опустилась на постель. Но Кириллъ не могъ уснуть. Сегодня онъ еще частный человѣкъ, ничѣмъ фактически не связанный съ тою новою жизнью, которая ему предстоитъ, а завтра начнется его служеніе. Онъ противъ всякаго желанія мысленно провѣрялъ свою готовность приступить къ этому служенію. Онъ не зналъ еще, что̀ собственно преподнесетъ ему жизнь и въ какихъ формахъ онъ выразитъ свое воздѣйствіе на нее. Примѣровъ передъ его глазами не было. Были примѣры совсѣмъ другого рода.

Традиція духовнаго званія, сколько ему было извѣстно,

состояла въ постоянной борьбѣ съ прихожанами изъ-за дохода. Прихожанинъ норовитъ дать поменьше; духовенство мало обезпечено и вынуждено драть побольше. Больше заработать, получше устроиться, обезпечить семейство—вотъ неизбѣжныя его задачи.

Душа Кирилла возмущалась при мысли о такой программѣ. Удастся ли ему провести свою? Удастся ли ему возбудить къ себѣ довѣріе въ прихожанахъ? Не станутъ ли они смѣяться надъ нимъ? Вѣдь традиція вырабатывалась вѣками. Къ дурному люди привыкаютъ такъ же, какъ и къ хорошему. Устанавливалась она дружными усиліями многихъ поколѣній, которыя дѣйствовали въ разное время, повсемѣстно, но все въ одномъ и томъ же направленіи. А онъ одинъ хочетъ поднять мечъ противъ всей этой несмѣтной рати, противъ ея вѣкового дѣла.

Сквозь открытыя окна въ комнату западалъ блѣдный лучъ мѣсяца: съ деревни доносился отдаленный лай собакъ; сторожъ проснулся и прозвонилъ двадцать ударовъ. Мура сквозь сонъ спросила его, почему онъ не ложится спать.

— Ночь больно хороша. Не спится,—отвѣтилъ онъ, и мысли его перешли на Муру.

Вотъ она спитъ беззаботно,—молодая, полная жизни и здоровья. И она любитъ его искренно, и сердце у нея доброе. И вотъ, имѣя около себя такое существо, можетъ ли онъ сказать, что онъ не одинъ? Станетъ ли она ободрять его, помогать ему? На эти вопросы, которые пришли ему въ голову въ такой ясной формѣ въ первый разъ, онъ не могъ отвѣтить. Это дурно, что они раньше не сговорились. Богъ знаетъ, чего она ждетъ и что можетъ случиться.

— Ложись спать, Кириллъ!—полураскрывъ глаза, промолвила Марья Гавриловна.

И Кириллу показалось, что это какъ бы отвѣтъ на его сомнѣнія. Нѣтъ, съ этой стороны ему нечего бояться. Она любитъ его. Въ немъ сосредоточены всѣ ея радости. Ну, значитъ, она будетъ идти съ нимъ рука-объ-руку, что бы ни случилось.

На другой день уже въ девять часовъ сторожъ явился къ нимъ и объявилъ, что въ церкви дьякъ и дьяконъ дожидаются отца-настоятеля.

— Да и тытарь пришелъ, только вотъ отца Родіона нѣтъ. Можетъ, прикажете извѣстить ихъ?

Но Кириллъ счелъ своимъ долгомъ лично навѣстить отца Родіона. Онъ надѣлъ рясу и велѣлъ сторожу вести его къ священнику.

Отецъ Родіонъ жилъ въ собственномъ домѣ, который построилъ, какъ онъ объяснилъ, для того, чтобы послѣ его смерти было гдѣ главу преклонить вдовѣ и дочерямъ, которыхъ у него было полдюжины. — «А то вѣдь ежели въ церковномъ домѣ, такъ сейчасъ пріѣдетъ новый и на улицу ихъ выгонитъ». Поэтому онъ свою половину церковнаго дома великодушно уступилъ товарищу. Домъ его стоялъ неподалеку отъ рѣчки, отдѣльно отъ крестьянскихъ хатъ, и отличался отъ нихъ размѣрами, черепичной крышей и желтыми ставнями.

Отецъ Родіонъ находился въ томительномъ состояніи духа. По правиламъ ему слѣдовало первому пойти къ настоятелю и представиться. Но такъ какъ настоятель этотъ былъ «молоденекъ», а онъ, отецъ Родіонъ, пятнадцать лѣтъ уже славилъ Господа въ чинѣ іерейскомъ, да почти столько же въ меньшихъ чинахъ, то самолюбіе не позволяло ему этого. И зналъ онъ, что ежели настоятель пришлетъ за нимъ, онъ, въ концѣ концовъ, долженъ будетъ пойти, и все-таки не двигался съ мѣста.

Приходъ Кирилла вывелъ его изъ затрудненія.

— Пришелъ представиться вамъ, отецъ Родіонъ. Зовутъ меня Кирилломъ, а по фамиліи Обновленскій,—сказалъ Кириллъ.

— Оно бы слѣдовало, чтобы я вамъ представился, отецъ Кириллъ, потому вы есть настоятель!..

— Ну, какое тутъ въ деревнѣ настоятельство?! — простымъ и искреннимъ тономъ сказалъ Кириллъ:—въ товарищи меня возьмите, вотъ и все!..

— Оно конечно. Такъ бы и слѣдовало!

— Такъ и будетъ!—подтвердилъ Кириллъ.—Куда мнѣ въ настоятели, когда я и служить-то какъ слѣдуетъ еще не умѣю!

Отецъ Родіонъ велъ себя сдержанно и говорилъ съ разстановкой, обдумывая каждое слово. Кто его знаетъ, что онъ за птица. Говоритъ-то онъ хорошо, а какъ до дѣла дойдетъ, неизвѣстно, что будетъ. Въ видѣ мѣры предосторожности, онъ для этого случая и рясу одѣлъ самую поношенную и обтрепанную, хотя была у него новая, хорошая ряса. Пусть не думаетъ, что онъ нажилъ тутъ деньги: пожалуй, еще сократить его вздумаетъ.

Они съ четверть часа поговорили о разныхъ общихъ предметахъ. Отецъ Родіонъ спросилъ, правда ли, что Кириллъ первымъ магистрантомъ академію кончилъ? Кириллъ отвѣтилъ.

— А что же васъ, позвольте спросить, въ деревню заставило поѣхать? Удивительно это!

— Здоровье!—отвѣтилъ Кириллъ:—здоровьемъ я слабъ, и городъ мнѣ вреденъ.

«Не стану я объяснять ему. Не пойметъ, пожалуй»,—подумалъ онъ, глядя на пухлое лицо отца Родіона съ довольно-таки тупымъ выраженіемъ.

— Ага, это дѣйствительно, что деревенскій воздухъ поправляетъ человѣка!—сказалъ отецъ Родіонъ и подумалъ: «Оно какъ будто не видно, чтобы здоровье его было плохое».

Во всякомъ случаѣ, послѣ короткаго разговора его недовѣріе къ новому товарищу значительно смягчилось. «Что-жъ, можетъ, онъ и чудакъ, а сердцемъ добръ и не фордыбачитъ, носа не задираетъ». Но у него былъ наготовѣ одинъ вопросъ, который долженъ былъ послужить самымъ вѣрнымъ пробнымъ камнемъ. И когда они поднялись, чтобы идти въ церковь, онъ сказалъ:

— Вотъ что̀, отецъ Кириллъ, дабы не было никакихъ недоумѣній, надо бы спервоначалу изъяснить касательно доходовъ.

— А что собственно, отецъ Родіонъ?

— Насчетъ дѣлежа. У насъ такъ: двѣ копейки идетъ священникамъ, а третья на остальной причетъ.

— Ну, что-жъ, коли это обычай, я нарушать его не стану.

— Такъ-то, такъ! А вотъ касательно этихъ двухъ копеекъ, которыя вотъ на священниковъ идутъ... Какъ съ ними быть?

— Съ ними? А, разумѣется, пополамъ дѣлить!

«Нѣтъ, онъ-таки хорошій человѣкъ! Истинно хорошій!—подумалъ отецъ Родіонъ:—отецъ Мануилъ такъ тотъ себѣ большую долю бралъ... А ей-Богу, онъ-таки хорошій человѣкъ».

И съ этого момента взглядъ отца Родіона просвѣтлѣлъ, движенія сдѣлались болѣе свободными и рѣчь потекла живѣе.

— Ужъ вы извините, отецъ Кириллъ, семейство мое я вамъ впослѣдствіи представлю, потому оно въ настоящее

время не въ порядкѣ! — сказалъ онъ, и послѣ этого они отправились въ церковь.

Луговская церковь оказалась зданіемъ стариннымъ. Ея невысокіе своды были черны отъ сырости и кадильнаго дыма, иконы до такой степени стерты, что различать на нихъ лица могли только коренные прихожане луговской церкви. Все здѣсь требовало капитальнаго ремонта, начиная съ дыряваго, двадцать лѣтъ не крашеннаго пола, паникадила съ позеленѣвшими отъ времени подсвѣчниками и кончая самой церковью. Притомъ же церковь была очень не велика, не больше, какъ душъ на триста.

— И то пустуетъ! — съ сожалѣніемъ замѣтилъ о. Родіонъ.

У самаго входа съ правой стороны, на возвышенномъ мѣстѣ, передъ стойкой стоялъ тытарь—приземистый, широкоплечій мужикъ, съ короткой сѣдоватой бородой, съ тщательно смазанными церковнымъ масломъ и прилизанными волосами. Онъ былъ въ цвѣтной узорчатой жилеткѣ, въ ситцевой рубашкѣ, широкихъ штанахъ, однако жъ, городского покроя, и безъ сюртука.

— Карпо Михайловичъ Куликъ, нашъ церковный староста!—отрекомендовалъ его о. Родіонъ.—Одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ поселянъ. Имѣетъ достатокъ. Три сотни овецъ и прочее.

Куликъ наклонилъ голову и подставилъ ладони для полученія благословенія. Кириллъ благословилъ его молча.

— Трр-етье трр...— началъ-было Куликъ, но никакъ не могъ выговорить всю фразу.

— То-есть третье трехлѣтіе онъ тытаремъ служитъ,— пояснилъ о. Родіонъ:—онъ заика!—прибавилъ онъ; а Куликъ отдернулъ шелковый платокъ, покрывавшій стойку, и глазамъ Кирилла представился цѣлый рядъ систематически разложенныхъ кучекъ восковыхъ свѣчей разнаго калибра, отъ самаго тоненькаго, двухкопеечнаго, до полтинничныхъ-свадебныхъ. Было очевидно, что Куликъ не даромъ прослужилъ три трехлѣтія въ должности тытаря, и во всякомъ случаѣ научился въ порядкѣ содержать свѣчной столъ.

Едва только Кириллъ дошелъ до середины церкви, какъ съ обоихъ клиросовъ ему навстрѣчу пошли двѣ фигуры, очень мало похожія одна на другую, и въ то же время заключавшія въ себѣ общую черту, сближавшую ихъ. Слѣва шла невысокая фигура въ сѣрой ряскѣ, съ массой кудрявыхъ черныхъ волосъ на головѣ. Ввалившіяся щеки,

острый носъ и желтый цвѣтъ лица, на которомъ даже растительность была невѣроятно скудна, какъ на неплодородной почвѣ, говорили о снѣдающемъ этого человѣка недугѣ. Другая фигура, которая шла отъ праваго клироса, была высокаго роста и атлетическаго сложенія. Узкій полукафтанъ плотно облегалъ ея полновѣсные, упругіе члены. Фигура тяжело ступала, и утлый полъ сгибался подъ нею. Сходство же между ними заключалось въ томъ, что оба они шли, опустивъ руки по швамъ, и болѣзненное лицо перваго выражало такое же смиреніе, какъ и красное, пышащее здоровьемъ, волосастое лицо второго. Съ одинаковой покорностью наклонились передъ настоятелемъ кудрявая голова худого человѣка и лысая, ярко блестящая голова атлета, и совершенно на одинъ манеръ подставили они свои ладони для благословенія.

— Діаконъ Симеонъ Стрючокъ! — болѣзненнымъ альтикомъ проговорилъ невысокій человѣкъ въ ряскѣ.

— Дьячокъ Дементій Глущенко!—громовымъ басомъ отрекомендовался атлетъ.

И, получивъ благословеніе, они стали въ видѣ воротъ, сквозь которыя прошли Кириллъ и о. Родіонъ. Осмотрѣли алтарь. Кириллъ нашелъ, что зданіе церкви находится въ опасности, а утварь требуетъ перемѣны.

— Средствъ не имѣемъ... А то давно бы! — сказалъ о. Родіонъ. Но въ сущности ему до сихъ поръ и въ голову не приходили подобныя мысли. Онъ исходилъ изъ той точки зрѣнія, что для Бога все едино, гдѣ бы и на чемъ бы ни служить Ему.

Окончивъ осмотръ, Кириллъ попросилъ всѣхъ къ себѣ. Ѳекла Чепуриха, несмотря на то, что Мура еще спала, давно уже приготовила самоваръ. Кириллъ угостилъ чаемъ весь причтъ луговской церкви.

VI.

Къ удивленію отца Родіона, въ воскресенье церковь была наполнена чисто луговскими прихожанами. Были конечно и хуторяне, но главный контингентъ молящихся состоялъ изъ коренныхъ жителей мѣстечка. Но удивленіе отца Родіона достигло высшаго предѣла, когда, во время чтенія дьякономъ Стрючкомъ евангелія, въ церкви появилась и стала слѣва, позади клироса, сама помѣщица, Надежда Алексѣевна Крупѣева.

Собственно въ этомъ ничего не было удивительнаго, такъ

какъ этому воскресенью предшествовала изрядная агитація со стороны причта, церковнаго старосты, сторожа и въ особенности Өеклы Чепурихи. Каждый вечеръ Өекла собирала гдѣ-нибудь на заваленкѣ бабъ и описывала имъ новаго священника, молодую матушку, и какъ они живутъ, и что они говорятъ. Про Кирилла она разсказывала, что онъ «добрѣющей души», а про Муру, что «ее трудно раскусить: дикая она какая-то; въ хозяйствѣ ничего не смыслитъ». Изъ другихъ источниковъ было извѣстно, что Кириллъ невѣроятно ученый человѣкъ. Тытарь Куликъ разсказалъ, что такихъ ученыхъ на все государство только и есть двѣнадцать человѣкъ. Надо полагать, что ученость Кирилла возбудила любопытство и помѣщицы. Всѣ ожидали, что новый настоятель скажетъ вступительную проповѣдь, въ которой покажетъ передъ луговскими прихожанами всю свою необычайную ученость. Ждали также, что ученый настоятель устроитъ и служеніе какое-нибудь особенное, торжественное. Но съ перваго же шага началось разочарованіе.

— Настоящая иголица! Тонкій да безбородый! — говорили прихожане, по мнѣнію которыхъ священникъ долженъ быть плотнаго сложенія, имѣть окладистую бороду и громкій голосъ. Не нравилась и служба новаго священника.

— Бормочетъ тамъ что-то себѣ подъ носъ, ничего и разобрать нельзя. Ужъ отецъ Родіонъ, даромъ что мало ученый, а лучше служитъ. У него каждое слово слышишь. Въ чемъ же эта самая ученость? А бабы брехали... Ну, народъ!..

Когда же и обѣдня кончилась, а новый настоятель даже никакой проповѣди не сказалъ, то разочарованіе было окончательное.

— Какой тамъ ученый?! Видно, малоумный оказался, вотъ его и прислали къ намъ. Двѣнадцать, говоритъ, на всю Россію, ну, такихъ, я думаю, двѣнадцать тысячъ найдется, даже дѣвать ихъ некуда!

Отецъ Родіонъ стоялъ всю обѣдню въ алтарѣ. Передъ концомъ онъ подошелъ къ Кириллу и тихонько сказалъ ему:— Отецъ Кириллъ, здѣсь въ церкви помѣщица присутствуетъ. Это—рѣдкость. Надо бы ей просфору вынести!

Кириллу былъ хорошо извѣстенъ обычай выносить помѣщикамъ просфору. Обычай этотъ не нравился ему еще въ дѣтствѣ.

— Нѣтъ, отецъ Родіонъ, не надо!—сказалъ Кириллъ:— пока еще я не знаю никакихъ ея заслугъ... А вы знаете, отецъ Родіонъ?

— Положимъ, что ничего такого... Но все жъ таки помѣщица... Я всегда выношу ей просфору.

— Простите меня, отецъ Родіонъ, — но я ей просфоры не вынесу!—мягко отвѣтилъ Кириллъ.

И болѣе наблюдательные прихожане замѣтили, что новый священникъ не вынесъ просфоры помѣщицѣ. Замѣтили еще и другое. Когда кончилась обѣдня, хуторяне запрягли коней въ свои «дилижаны» и поѣхали домой. Точно такъ же разошлись по домамъ и мѣстные богачи. Кириллъ никого не пригласилъ къ себѣ на чай или закуску. Всѣ эти обстоятельства вызвали два толкованія. Одни говорили, что Кириллъ гордецъ, а другіе—что онъ для всѣхъ хочетъ быть равенъ. Присматривались къ выраженію лица помѣщицы — не обижена ли она невниманіемъ къ ней новаго священника? Но ничего такого не замѣтили. Она вышла изъ церкви, поговорила о чемъ-то съ двумя бабами—послѣ оказалось, что она спросила, какъ ихъ зовутъ, сѣла въ экипажъ и поѣхала домой.

Понятное дѣло, что въ этотъ день деревенскіе разговоры вертѣлись главнымъ образомъ на новомъ священникѣ. И надо сказать, что въ общемъ преобладало неодобреніе.

Но въ этотъ же день случилось обстоятельство, которое совершенно спутало луговскихъ прихожанъ. Антонъ Бондаренко, землянка котораго находилась на самомъ краю села, вздумалъ выдавать свою дочку замужъ. Это было немножко странно, потому что свадебный сезонъ обыкновенно начинается въ концѣ сентября. Но дѣло въ томъ, что дочка его Горпина какъ-то совершенно неожиданно стала полнѣть. Когда это сдѣлалось очевиднымъ, Марко Працюкъ, молодой, рослый парень, который не отрицалъ своей вины въ этомъ обстоятельствѣ, отложилъ въ сторону цѣпъ и лопату и послалъ къ Антону сватовъ. Такъ какъ съ этого воскресенья начиналась седьмица новаго священника, то Антонъ пришелъ къ Кириллу. Это было часовъ въ семь вечера. Кириллъ только-что отслужилъ вечерню и, вернувшись домой, засталъ Муру за чайнымъ столомъ.

— А дома батюшка?—спросилъ Антонъ у Ѳеклы, которая совсѣмъ основалась въ кухнѣ.

— Чай пьютъ. Можешь и подождать!

— Такъ вѣдь мнѣ не близкій свѣтъ домой-то идти. Версты двѣ будетъ, сама знаешь.

— Ну, не могу же я отъ стола оторвать... Сейчасъ только изъ церкви пришли...

Разговоръ этотъ происходилъ въ сѣнцахъ. Кириллъ слышалъ его отъ слова до слова. Онъ отворилъ дверь и обратился къ Антону:

— Что тебѣ?

Антонъ снялъ шапку и поклонился.

— Къ вашей милости, батюшка! Дѣло есть!

— Зайди въ хату! — сказалъ Кириллъ. Антонъ вошелъ и поклонился Марьѣ Гавриловнѣ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Дочку надобно перевѣнчать!.. Такъ вотъ я пришелъ...

— Что жъ, перевѣнчаемъ! Когда хочешь?

— Завтра бы!..

— Ладно, и завтра можно! Часовъ въ десять приходите въ церковь!

Антонъ опять поклонился и молчалъ.

— Ну, такъ иди съ Богомъ! — сказалъ Кириллъ. Но Антонъ не двигался съ мѣста. Онъ не только не считалъ дѣло конченнымъ, но даже не думалъ, что оно началось. По его мнѣнію, недоставало самаго главнаго. Во всякомъ случаѣ, батюшка перевѣнчаетъ Горпину, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, на то онъ и батюшка.

— А сколько же за вѣнчаніе будетъ, батюшка?—спросилъ наконецъ Антонъ.

— Да уже дашь сторублевку! — сказалъ Кириллъ и самымъ серьезнымъ образомъ посмотрѣлъ ему прямо въ глаза. Антонъ саркастически ухмыльнулся и выразительно мотнулъ головой.

— Гм... такихъ денегъ я сроду и не видалъ даже...

— Ну, что-жъ, а я меньше не возьму!..

Антонъ поднялъ на него глаза, стараясь понять, шутитъ новый батюшка или глупъ отъ природы. «Должно-быть, онъ шутникъ!»—подумалъ Антонъ и сказалъ:

— Нѣтъ, ужъ вы, батюшка, настоящую цѣну говорите!..

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ Кириллъ.

— Антономъ Бондаренкомъ.

— Такъ вотъ что, Антонъ: цѣну настоящую ты спрашивай, когда на базаръ придешь. Станешь порося покупать, такъ тебѣ и скажутъ настоящую цѣну, а ко мнѣ ты

пришелъ по дѣлу церковному, святому. Церковь—не базаръ, въ ней никакой торговли не можетъ быть!

Антонъ смотрѣлъ на него недоумѣвающимъ взглядомъ.

«Что-то я не второплю! — размышлялъ онъ про себя:— чи онъ жадный, чи Господь его знаетъ!»

— Иди себѣ съ Богомъ!—прибавилъ Кириллъ. Но Антонъ не двигался съ мѣста.

— Какъ же оно будетъ, батюшка?—спросилъ онъ.

Кириллъ возвратился къ столу, сѣлъ и взялъ стаканъ съ чаемъ.

— Много у тебя земли?—спросилъ онъ.

— Земли? Четыре съ половиной. Да плавни съ полдесятины будетъ.

— А хлѣбъ уродилъ у тебя?

— Хлѣбъ? Да какъ сказать! И уродилъ, и не уродилъ. Жито Богъ далъ хорошее. Съ двухъ десятинъ почти что шестнадцать четвертей собралъ, ячменю съ полдесятины четвертей пять взялъ. Полдесятины баштану... «Огирокъ» ничего, а кавунъ весь погорѣлъ, вся «гудина» повяла, проса полдесятины... едва свое вернулъ. А десятина пшеницы даже совсѣмъ изъ-подъ земли не вышла. Ну, а сѣно плавное въ нашихъ мѣстахъ всегда хорошее. Высокое, густое... Дай Богъ, чтобы на всемъ свѣтѣ такое сѣно было. Повѣрите, батюшка, это не сѣно, а какъ бы вамъ сказать—шелкъ.

— Такъ ты, выходитъ, богачъ, Антонъ Бондаренко. Какъ же мнѣ съ тебя сторублевку не взять?

Антонъ опять выпучилъ глаза. Никакъ не могъ уловить онъ тонкой усмѣшки, которою Кириллъ сопровождалъ свои слова. Видя его недоумѣніе, Кириллъ сказалъ прямо:

— Ну, иди съ Богомъ, Антонъ. За вѣнчанье дашь, сколько сможешь. А не сможешь, и такъ повѣнчаемъ. И всѣмъ своимъ землякамъ скажи, чтобы со мной не торговались.

Антонъ поблагодарилъ и ушелъ чрезвычайно смущенный. Онъ даже не зналъ, разсказывать ли землякамъ о своемъ разговорѣ съ батюшкой. По дорогѣ онъ разсчиталъ, что можетъ безобидно для себя дать за вѣнчанье карбованецъ, не считая свѣчей, которыя онъ купитъ особо. Будь это у о. Родіона, дешевле пяти рублей не отдѣлался бы, а съ свѣчами и всѣ семь. Это было такъ пріятно, что онъ боялся, какъ бы кто не помѣшалъ, не отсовѣтовалъ новому священнику. Очевидно, новый батюшка просто не знаетъ порядковъ. А ежели это дойдетъ до о. Родіона, который

ему растолкуетъ, то дѣло приметъ другой оборотъ. Поэтому Антонъ рѣшилъ сохранить это пока въ секретѣ, а когда уже дѣло кончится, разсказать землякамъ. И когда его спросили: много ли взялъ новый батюшка за вѣнчанье?—онъ безъ запинки отвѣтилъ:

— Шесть карбованцевъ слупилъ!

— Ого! Видно, порядки знаетъ!

— А то нѣтъ?! — окончательно покривилъ душой Антонъ: — не даромъ же онъ, сказываютъ, ученый да переученый!

Когда Антонъ ушелъ и дверь за нимъ затворилась, Кириллъ всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Знаешь, это даже обидно, до какой степени въ нихъ глубоко сидитъ эта болѣзнь! — заговорилъ онъ, обращаясь къ Мурѣ. — Вѣдь онъ приходитъ ко мнѣ прямо, какъ къ торговцу: вашъ товаръ, наши деньги! И я увѣренъ, что онъ недоволенъ, даже, пожалуй, возмущенъ... Нѣтъ, ты обрати вниманіе: я священникъ, я долженъ освятить союзъ его дочери съ ея женихомъ, онъ за этимъ пришелъ. И онъ говоритъ мнѣ: продай мнѣ на пять рублей Божіей благодати! Я долженъ былъ сказать: нѣтъ, нельзя, это стоитъ десять, и наконецъ, довольно поторговавшись, мы согласились бы на семи рубляхъ... Какого же мнѣнія онъ будетъ обо мнѣ?

— Однако, Кириллъ, надо же чѣмъ-нибудь жить священнику!—возразила ему Марья Гавриловна.

— Конечно, надо, Мура, конечно! Но это надо какъ-нибудь иначе устроить. Такая форма обидна мнѣ... Обидна!..

Мура ничего больше не возражала, но онъ нисколько не убѣдилъ ее. Она съ малолѣтства видѣла, какъ спокойно торговались за разныя требы, и привыкла думать, что это въ порядкѣ вещей, и что иначе быть не можетъ.

На другой день утромъ произошло вѣнчанье Горпины съ Маркомъ Працюкомъ. Вѣнчанье было немноголюдно, такъ какъ пора была горячая да и про Горпину было извѣстно, что она уже не дѣвушка. Молодые торопились, чтобы поспѣть на гумно, собираясь вечеромъ устроить пирушку. Послѣ вѣнчанья Антонъ подошелъ къ Кириллу и, сильно конфузясь, сказалъ:

— Какъ уже вы разрѣшили, батюшка, такъ вотъ... карбованецъ могу!..

Кириллъ спокойно взялъ отъ него рублевую бумажку и тутъ же передалъ ее дьякону, отцу Симеону. Дьяконъ

взглянулъ на рублевку и совершенно непроизвольно скорчилъ такую жалкую мину, что дьячокъ Дементій, уносившій въ алтарь вѣнцы, сейчасъ же понялъ, что дѣло неладно. Черезъ полминуты они о чемъ-то шушукались на клиросѣ. Вслѣдъ за этимъ Дементій крупными шагами побѣжалъ черезъ всю церковь, догналъ уходившаго Антона и схватилъ его за рукавъ.

— Ты, бычачья голова, рехнулся, что ли? — спросилъ онъ его низкимъ, сдержаннымъ голосомъ.

— Чего? — проговорилъ Антонъ, хотя отлично зналъ, чего хочетъ дьякъ.

— Какъ чего? За вѣнчанье карбованецъ даешь?

— А ей-Богу же, Дементій Ермилычъ, я больше не имѣю!

— Да я тебя не спрашиваю, имѣешь ты или нѣтъ, а ты скажи, сколько тебѣ батюшка назначилъ?

— Батюшка? Батюшка сказали: «сколько въ силахъ, столько и дашь»... Ну, я...

Дьячокъ Дементій совершенно растерялся, до такой степени это было дико. Этимъ воспользовался Антонъ и поспѣшилъ удрать, боясь, чтобы съ него не слупили чего-нибудь лишняго. Дементій возвратился на клиросъ уже болѣе сдержанными шагами и повѣдалъ дьякону то, что узналъ отъ Антона. Въ это время Кириллъ, снявъ облаченіе, вышелъ изъ алтаря и направился къ выходу. Они замолкли, но на лицахъ ихъ явно выражалось изумленіе и неудовольствіе, хотя они и старались скрыть эти чувства. Кириллъ очень хорошо видѣлъ это, но сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и вышелъ изъ церкви.

— Нѣтъ, что-жъ это такое, отецъ Семенъ, я васъ спрашиваю?—во все свое широкое горло крикнулъ тогда дьячокъ Дементій.—Этакъ и съ голоду пропасть можно! Ежели за вѣнчанье не брать, такъ за что же брать?

— Новые порядки, Дементій Ермилычъ! — слабымъ теноркомъ отвѣтилъ болѣзненный дьяконъ и прибавилъ: — ковшикъ съ виномъ уберите, Дементій Ермилычъ!

Дьячокъ Дементій ринулся къ стоявшему посреди церкви низенькому квадратному столику, схватилъ ковшъ и помчался съ нимъ въ алтарь. Все это онъ продѣлалъ съ неудержимымъ негодованіемъ. Дьяконъ же стоялъ, смиренно опустивъ голову, какъ человѣкъ, привыкшій смиряться передъ всевозможными невзгодами жизни.

— Знаете что? — сказалъ дьячокъ, вернувшись изъ алтаря:—пойдемъ къ о. Родіону и разскажемъ ему.

— А надо, надо! — отвѣтилъ дьяконъ. И, выйдя изъ церкви, они направились прямо къ о. Родіону.

VII.

Отецъ Родіонъ принялъ ихъ запросто. Онъ былъ въ широкихъ нанковыхъ шароварахъ, спускавшихся въ голенищи невысокихъ сапогъ, и въ коротенькой курткѣ. Когда они вошли въ комнату, которую называли гостиной, о. Родіонъ стоялъ у клѣтки, висѣвшей надъ окномъ, и осторожно и сосредоточенно перемѣнялъ воду канарейкамъ.

— А! наше воинство пожаловало! — промолвилъ онъ, оставшись въ прежней позѣ и не покидая своего занятія.— Ну, какъ дѣла?

— Нехорошо, о. Родіонъ!—пожаловался дьячокъ Дементій, въ груди котораго еще кипѣло негодованіе.

— Ну-у? Что же именно?

— Сейчасъ вѣнчали Антонову Бондаренкову дочку. А за вѣнчанье получили рубъ-карбованецъ.

— Это какимъ же манеромъ?

Отецъ Родіонъ все еще оставался спокойнымъ и не оставлялъ своего идиллическаго занятія.

— Очень просто. Кончили это мы вѣнчанье, подходитъ Антонъ къ о. Кириллу...

Дьячокъ Дементій началъ разсказывать, какъ было дѣло, останавливаясь на мельчайшихъ подробностяхъ. Когда онъ дошелъ до объясненія Антона и повторилъ его отвѣтъ: «батюшка, говоритъ, сказали, — сколько, говоритъ, въ силахъ, столько, говоритъ, и дашь», то о. Родіонъ внезапно оставилъ клѣтку, которая начала раскачиваться изъ стороны въ сторону.

— Вотъ оно что! Ну, это, могу сказать, нехорошо! — сказалъ онъ.

— Весьма даже нехорошо! — жалобно подтвердилъ дьяконъ.

— Вѣдь это только одинъ разъ надо сдѣлать, а тамъ ужъ пойдетъ. Это *имъ* очень понравится!..

Подъ выраженіемъ *имъ* о. Родіонъ разумѣлъ прихожанъ. Онъ пригласилъ причтъ садиться, и началось основательное обсужденіе положенія дѣла.

— Признаться, я сразу замѣтилъ въ немъ что-то такое... этакое... подозрительное,—говорилъ о. Родіонъ:—но однако, ежели такъ дальше пойдетъ, то можно и пожаловаться.

Совѣщаніе длилось болѣе часу. Въ концѣ концовъ было рѣшено не спѣшить и выждать, что дальше будетъ. Можетъ, это отъ неопытности: просто, человѣкъ не знаетъ порядковъ.

Первая седьмица Кирилла была богата требами. У кузнеца Пахома, подковывавшаго всю деревню, умерла старуха-мать. Кузнецъ не особенно печалился, потому что старуха долго болѣла, никакой пользы ему не приносила, представляя только лишній ротъ вдобавокъ къ семи ртамъ, которые составляли его собственное семейство. Онъ пришелъ прямо къ дьячку Дементію.

— Что, должно-быть, Мавра Богу душу отдала?—спросилъ Дементій.

Въ мѣстечкѣ было извѣстно, что Мавра плоха. Притомъ же въ такое горячее время кузнецъ не сталъ бы шляться къ дьячку безъ важной причины.

— Вотъ какъ вы угадали, Дементій Ермилычъ. Именно, отдала! Царство ей небесное!

— Ну, такъ что же?

— Схоронить бы!

— А ты возьми да и закопай ее. А мы въ воскресенье пойдемъ на кладбище да и отпоемъ. Можетъ, къ тому времени еще кого-нибудь Господь приметъ. Такъ разомъ уже.

— Хотѣлось бы какъ слѣдуетъ, Дементій Ермилычъ!

— Да вѣдь мнѣ хотѣлось бы быть архіереемъ, мало чего! Не велика была птица твоя Мавра! Небось, за четыре гривны хочешь всѣмъ соборомъ схоронить!

— Что жъ, Дементій Ермилычъ,—чѣмъ смогу, отплачу. Можетъ, когда-нибудь коняку подковать придется.

— Это ты мнѣ и такъ подкуешь!.. Нѣтъ, Пахомъ, брось ты это!.. У меня у самого пшеница не домолочена!

— Коли такъ, придется къ самому батюшкѣ пойти!—и Пахомъ направился къ Кириллу.

«Вишь, пронюхали, каковъ этотъ батюшка. Къ отцу Родіону, небось, не пошелъ бы»,—подумалъ Дементій и рѣшилъ выждать, что̀ скажетъ Кириллъ.

Пахомъ пришелъ къ Кириллу и заявилъ о томъ, что у него вчера умерла мать. Онъ собирался изложить свою просьбу о похоронахъ.

— Все ли у васъ готово?—спросилъ Кириллъ.

— Все, какъ полагается.

— Ну, такъ кликни тамъ дьяка, либо дьякона!

Пахомъ замялся.

— Дьякъ говоритъ: «сами, говоритъ, заройте, а мы въ воскресенье отпоемъ!.. Мнѣ, говоритъ, молотить надо, я за четыре гривны не могу дѣла бросить».

Кириллъ промолчалъ, одѣлъ рясу и шляпу и вышелъ. Съ крыльца былъ виденъ токъ Дементія. Дьякъ былъ въ ситцевой рубахѣ безъ кафтана. Соломенная шляпа съѣхала у него на затылокъ. Онъ усердно стучалъ цѣпомъ; потъ катился съ него градомъ. Увидѣвъ батюшку, вышедшаго на крыльцо, онъ удвоилъ усердіе. Кириллъ постоялъ съ минуту и подумалъ: «а вѣдь у него большое семейство!» Онъ прошелъ ограду, вышелъ въ калитку и приблизился къ току Дементія. Дьякъ остановился и почтительно снялъ шляпу.

— Помогай Богъ!—сказалъ Кириллъ.

— Прикажете на похороны сбираться? — спросилъ Дементій.

— Нѣтъ, ничего, я самъ отпою. Дьяконъ тоже, я думаю, занятъ?

— Баштанъ сбираетъ!

— Ну, ладно, я самъ справлюсь! — сказалъ Кириллъ. Въ это время сторожъ принесъ ему узелокъ съ облаченіемъ. Кириллъ взялъ узелокъ и пошелъ вслѣдъ за Пахомомъ. Дементій смотрѣлъ ему въ спину и думалъ: «Что ты есть за чудакъ? Богъ ли въ твоемъ сердцѣ живетъ, или ты лицемѣръ? Не разберешь тебя».

Кириллъ отпѣлъ Мавру и проводилъ ее на кладбище. Когда кузнецъ, по окончаніи обряда, протянулъ ему руку съ кучей мѣдяковъ, онъ сказалъ, что не надо. Только-что передъ этимъ онъ видѣлъ мизерную обстановку, среди которой ютился Пахомъ съ своимъ многочисленнымъ семействомъ. «Какъ я возьму у нищаго?»—подумалъ Кириллъ и сказалъ:

— Зимой у меня будетъ повозка. Когда въ ней шина сломается, я позову тебя, ты мнѣ спаяешь ее!..

— Что угодно сдѣлаю вамъ, батюшка, за вашу доброту!— съ большимъ чувствомъ сказалъ Пахомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ очень тронутъ вниманіемъ новаго священника. Въ мѣстечкѣ Луговомъ такъ уже водилось, что особое отпѣваніе полагалось только богатымъ покойникамъ. «Меньше какъ за два карбованца съ мѣста не сдвинусь»,—прямо говорилъ предмѣстникъ Кирилла. Для бѣдняковъ считалось достаточнымъ, что ихъ относили на

кладбище домашними средствами, а потомъ разомъ отпѣвали, когда набиралось ихъ съ полдюжины. Въ особенности это практиковалось лѣтомъ, когда всѣ — и священники, и причтъ — были заняты каждый своимъ хозяйствомъ. Прихожане свыклись съ этимъ обычаемъ, который велся испоконъ-вѣку, и не протестовали. Бывали иногда отдѣльныя попытки склонить причтъ на уступку, когда въ небогатой семьѣ умирало почтенное лицо, какъ это случилось у кузнеца Пахома. Иногда въ добрую минуту удавалось сойтись на карбованцѣ съ обѣщаніемъ въ будущемъ, по окончаніи молотьбы, принести мѣрку жита. Вообще вопросъ о требахъ въ мѣстечкѣ былъ поставленъ прямо и открыто.

Это было въ пятницу. Къ хатѣ Дементія подъѣхалъ благоустроенный «дилижанъ», запряженный парой шустрыхъ лошадокъ. Въ передку сидѣлъ парень въ бѣлой холщевой рубашкѣ и въ соломенномъ брилѣ съ широкими полями. Въ задней части, на люлькѣ съ рессорами, помѣщался увѣсистый мужикъ съ сильно обросшимъ темнымъ лицомъ, съ маленькими глазками и густыми сѣдыми бровями. Мужикъ былъ въ синемъ чекменѣ, подпоясанномъ краснымъ шарфомъ; на головѣ у него была фуражка синяго сукна, и вообще онъ имѣлъ видъ городского мѣщанина. Онъ сошелъ съ дилижана и оказался человѣкомъ небольшого роста, ступавшимъ тяжело и увѣренно. Дементій, сгребавшій на току въ кучу зерно, увидѣвъ его, тотчасъ положилъ лопату и пошелъ къ нему черезъ дощатыя ворота.

— Марко Андреевичъ! Зачѣмъ васъ Богъ принесъ? Ну, что, какъ у васъ тамъ на хуторахъ? Да идите же въ хату!..

Дементій говорилъ и смотрѣлъ чрезвычайно привѣтливо. Очевидно, Марко Андреевичъ Шибенко, богатый хуторской прихожанинъ, былъ желаннымъ гостемъ. Хуторянинъ слегка шевельнулъ густыми длинными усами, что означало улыбку, и протянулъ Дементію смуглую и корявую руку.

— Вашими молитвами, Дементій Ермилычъ, живемъ! — пробурчалъ онъ отрывисто и слегка заикаясь.—А въ хату, это можно!.. Слухай ты, Митько! Снеси одинъ мѣшокъ въ сѣни!

— Вотъ это добре! Не забываете насъ!..

Митько сталъ лѣниво слѣзать съ своего возвышеннаго сидѣнья, а хозяинъ и гость пошли въ хату. Въ сѣняхъ

ихъ встрѣтила супруга Дементія, Антонина Егоровна, женщина еще довольно молодая, а по комплекціи и здоровью вполнѣ подходящая къ своему супругу. Она копошилась около кабицы, разводя огонь подъ котелкомъ, въ которомъ еще двигались живые раки. Ее окружали ребятишки съ смуглыми головами и грязными носами, въ длинныхъ сорочкахъ безъ пояса и безъ штановъ, съ большими животами и босоногіе.

Антонина Егоровна извинилась, что не можетъ подать руку Марку Андреевичу, потому что вся измазана сажей.

— Вы не обижайтесь, — прибавилъ Дементій: — она у меня всегда рохлей ходитъ.

Когда они вошли въ хату, Антонина Егоровна сейчасъ же переселилась въ чуланъ, вымыла руки, переодѣла кофту, достала графинчикъ съ водкой, вяленаго рыбца и въ скорости появилась въ комнатѣ со всѣмъ этимъ добромъ.

— А чья будетъ нынче у васъ седьмица? — спросилъ прежде всего Марко Андреевичъ.

— Новаго, отца Кирилла! — сказалъ Дементій и при этомъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой.

— Ага, вотъ мы его и попробуемъ! Я новую засѣку построилъ. Ну, завтра зерно ссыпать будемъ, а безъ святченья, сами знаете, невозможно такое дѣло дѣлать. Хочу сегодня, чтобы окропили.

— Что жъ, мы съ удовольствіемъ, Марко Андреевичъ. Ужъ вы конечно насъ не обидите.

— Вотъ еще! Да я хоть впередъ готовъ. Вотъ даже сію минуту!.. Извольте, Дементій Ермилычъ, сами уже батюшкѣ передайте!

Марко вынулъ изъ-за пазухи вязанный кошелекъ, отсчиталъ три трехрублевки и одну рублевку и подалъ Дементію. Дементій взялъ.

— Ежели бы всѣ прихожане такъ обращались, такъ мы бы богачами были!—сказалъ онъ, сжимая въ кулакѣ ассигнаціи:—только такими, какъ вы, милостивцами и живемъ!

Но въ это время у него въ головѣ мелькнула мысль, которая омрачила его лицо. «Чего добраго, и тутъ новый настоятель штуку выкинетъ!—подумалъ онъ:—возьметъ да и дастъ ему сдачи. Отъ него станется!»

— А отчего бы вамъ, Марко Андреевичъ, не подождать до воскресенья? а?—спросилъ онъ не безъ задней мысли.— Въ воскресенье будетъ седьмица о. Родіона, дѣло, значитъ, будетъ вѣрное.

— Такъ говорю же — зерно готово, — завтра ссыпаемъ. Никакъ нельзя подождать!..

— Такъ, такъ!.. Ты, Антонина, угощай тутъ Марка Андреевича, а я схожу къ батюшкѣ, доложу...

— Можетъ, и мнѣ уже разомъ пойти? познакомиться, значитъ! Я ему два мѣшка жита привезъ для знакомства.

— Нѣтъ, ужъ вы погодите... сперва я, а потомъ вы...

«А ежели онъ тебя да съ твоимъ житомъ попретъ куда не слѣдуетъ!—подумалъ Дементій:—вотъ уже истинно-чудаковатый батюшка!»

Дементій пошелъ къ Кириллу. Онъ засталъ настоятеля за письменнымъ столомъ. Марья Гавриловна сидѣла на диванѣ и читала книжку.

— А! садитесь, пожалуйста, я сейчасъ! — сказалъ Кириллъ, продолжая писать.—Мура, вотъ это нашъ дьячокъ, Дементій Ермилычъ Глущенко!

Мура протянула ему руку. Дементій взялъ эту руку всей своей огромной ладонью, сжалъ ее и отъ смущенія потрясъ съ необычайнымъ рвеніемъ. Но сѣсть онъ не рѣшился, а остался стоять, отступя отъ дивана назадъ два шага. Мура спросила его, велико ли у него семейство. Онъ отвѣтилъ, что, благодареніе Богу, не маленькое, и прибавилъ, что старшаго сына уже свезъ въ духовное училище.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Кириллъ, повернувшись къ нему вмѣстѣ со стуломъ.

— Съ хуторовъ пріѣхалъ мужикъ, Марко Шибенко. Проситъ поѣхать къ нему и засѣку освятить.

— Что-жъ, поѣдемъ!

— Онъ мужикъ богатый, первый на хуторѣ!.. Ну, и самъ предложилъ десять карбованцевъ... я даже и не спрашивалъ. Такъ прикажете принять? — тономъ виноватаго объяснялъ Дементій.

— Самъ предложилъ? — спросилъ Кириллъ, вглядываясь въ его физіономію.

— Ей-Богу, отецъ Кириллъ, я и не спрашивалъ, даже намекомъ.

— Ежели онъ богатъ и самъ предложилъ, отчего же не взять.

— Разумѣется, отчего не взять! Вотъ онѣ и деньги!

— Положите ихъ въ общую кружку!.. И собирайтесь, поѣдемъ!

«Вотъ и разбери его! — размышлялъ Дементій, возвра-

щаясь домой.—Ежели богатый да еще самъ предложилъ!.. А не все ли мнѣ равно, богатый или небогатый. Много ли ихъ, этихъ богатыхъ? Самъ, говоритъ, предложилъ! Такъ вѣдь это Марко Андреевичъ, хуторянинъ: хуторяне — совсѣмъ другой народъ! Дождись-ка отъ нашихъ луговскихъ, чтобы они тебѣ сами предложили! Еще бы! Держи карманъ!» —Проходя черезъ свои сѣни, онъ увидалъ въ углу мѣшокъ съ житомъ, туго набитый и хорошо завязанный.— «Вотъ онъ сейчасъ и виденъ, хуторянинъ! Самъ привезъ, никто не тянулъ его. Да какой мѣшокъ: кругленькій, веселенькій, пудиковъ шесть будетъ! Это ежели даже по шести гривенъ, такъ и то три рубля шестьдесятъ будетъ. Деньги!»

Марко Андреевичъ успѣлъ уже выпить добрыхъ пять рюмокъ и отказывался отъ шестой на томъ основаніи, что надо идти къ батюшкѣ.

— Оно, знаете, неловко. Водкой отдавать будетъ!

Это было единственное опасеніе, такъ какъ хмелѣлъ онъ начиная со второго полштофа.

Онъ пошелъ къ Кириллу. Батюшка уже облачился въ рясу. Марья Гавриловна въ сосѣдней комнатѣ рылась въ комодѣ, доставая ему чистый платокъ. Марко Андреевичъ вошелъ въ сѣни и, ради благовоспитанности, несмотря на то, что было совершенно сухо, тщательно вытеръ подошвы о деревянный порогъ. Разглядѣвъ, что налѣво ведетъ большая двустворчатая дверь, а направо—низенькая ординарная, онъ сообразилъ, что направо будетъ кухня, и взялъ влѣво. Онъ растворилъ дверь и вошелъ. На порогѣ онъ остановился и, устремивъ спокойные взоры въ уголъ, трижды перекрестился, а потомъ поклонился хозяину.

— Я Марко Шибенко съ хуторовъ, батюшка!—сказалъ онъ, прищуривая глаза.

— А! вотъ мы къ вамъ и поѣдемъ! я готовъ!—отвѣтилъ Кириллъ, думая, что Шибенко пришелъ торопить его.

— Нѣтъ, это само собою, а я насчетъ другого дѣла.

— У васъ дѣло? Садитесь, разсказывайте!

— Покорно благодаримъ. Только спервоначалу дозвольте благословеніе взять.

Кириллъ спохватился. Онъ никакъ не могъ привыкнуть давать благословеніе всякому, кто къ нему приходилъ. По всегдашней привычкѣ рука его протягивалась для пожатія, между тѣмъ здѣсь ни одинъ визитъ не обходился безъ благословенія. Марко подошелъ къ нему, взялъ благословеніе и поцѣловалъ руку.

— А теперь вотъ и дѣло!—сказалъ онъ уже болѣе развязнымъ тономъ: — мы своихъ батюшекъ очень уважаемъ и всегда стараемся оказывать имъ угожденіе.

— Садитесь, что же вы стоите! — пригласилъ Кириллъ.

— Покорно благодаримъ!—отвѣтилъ Марко, сейчасъ же воспользовался приглашеніемъ и сѣлъ на стулѣ, вытянувшись и держа ногу къ ногѣ.—Что намъ Богъ по милости Своей посылаетъ, тѣмъ мы и съ духовными лицами раздѣляемся. Такъ уже для перваго знакомства дозвольте, батюшка, два мѣшка жита вамъ въ презентъ.

— Мнѣ? За что же? Я еще ничѣмъ не заслужилъ!

— Вы за насъ молитесь. Мы только и дѣлаемъ, что грѣшимъ, а вы все отмаливаете. Вотъ за это самое! Притомъ уваженіе имѣемъ къ духовному сану. Такъ уже не откажите принять два мѣшочка.

— Да я, право... Я ничего не имѣю противъ. Только это какъ-то странно!.. Извольте, я приму!.. Благодарю васъ!..

Кириллъ сконфузился. Подобнаго предложенія онъ не предвидѣлъ. Ему, однако, было извѣстно, что нѣтъ большей обиды для мужика, какъ отказъ принять отъ него даръ.

— Вотъ и спасибо вамъ. Намъ главное, чтобы душевность была. Ежели нашимъ братомъ не брезгуютъ, мы всегда готовы снабдить. А матушку не дозволите повидать?

— Отчего же? И матушку можно. Мура! Вотъ тутъ съ тобой хотятъ познакомиться!

Марья Гавриловна вышла съ платкомъ въ рукѣ и съ недоумѣніемъ осмотрѣла Марка Андреевича, сидѣвшаго на стулѣ. Она рѣшительно не понимала, почему ему пришло желаніе познакомиться съ нею. При ея появленіи онъ всталъ и сдѣлалъ ногами движеніе, слегка напоминавшее расшаркиванье.

— Такъ вотъ это матушка? Молоденькія какія, Господи Боже нашъ!

И онъ совершенно внезапно подошелъ къ Мурѣ, схватилъ ея руку и поцѣловалъ. Мура не успѣла принять мѣры къ отклоненію этого порыва.

— Я съ хуторовъ, матушка! Жалуйте къ намъ, милости просимъ! Ужъ мы васъ такъ примемъ, такъ примемъ!.. Мы духовныхъ личностей уважаемъ. Соберемъ весь хуторъ, хлѣба вамъ пять возовъ навеземъ! Только пріѣзжайте!

Для Муры все это были странныя вещи. Не понимала она, почему онъ такъ горячо приглашаетъ, зачѣмъ она поѣдетъ на хутора, съ какой стати они будутъ собирать на-

родъ и везти ей пять возовъ хлѣба. Она молчала и глядѣла на него съ нескрываемымъ недоумѣніемъ.

— Ну, спасибо, спасибо! — сказалъ за нее Кириллъ. — Намъ, однако, пора ѣхать.

Марко повторилъ еще разъ свое приглашеніе и вышелъ вслѣдъ за Кирилломъ. На крыльцѣ онъ остановился и крикнулъ по направленію къ Дементьевой хатѣ:

— Эй, Митько! подъѣзжай сюда, да снеси-ка батюшкѣ въ кладовку два мѣшка, что въ передку лежатъ.

Митько зашевелился, зануздалъ лошаденокъ, и черезъ минуту дилижанъ запѣлъ всѣми своими составными частями. Митько обогнулъ ограду и подъѣхалъ къ калиткѣ. Минутъ пять онъ возился съ мѣшками, потомъ поправилъ сѣно въ дилижанѣ, устроилъ мѣста для сидѣнья. Появился Дементій въ сѣромъ кафтанѣ съ узломъ подъ мышкой. Въ узлѣ были облаченія. Онъ сказалъ, что отцу-дьякону нездоровится. Они размѣстились и поѣхали.

Хутора, называвшіеся иногда Чубатовыми, потому что поселившіеся тамъ вольные крестьяне жили на землѣ, прежде принадлежавшей помѣщику Чубатову, большею же частью извѣстные просто подъ именемъ хуторовъ, лежали верстахъ въ десяти отъ Лугового. Почти всѣ хуторяне владѣли землей, кто дюжиной десятинъ, кто двумя десятками, а было двое, именно старый Ерема Губарь и Марко Шибенко, которые, владѣя каждый тридцатью десятинами, снимали еще въ аренду у луговской помѣщицы по нѣскольку десятковъ десятинъ. Несмотря на это, хуторяне не только не щеголяли красивыми и просторными домами, но половина изъ нихъ ютилась въ землянкахъ, а другая половина успѣла построить мужицкія вальковыя хаты съ камышевой крышей, изъ двухъ малопомѣстительныхъ комнатъ — черной и чистой — праздничной, съ прибавкой чулана для малолѣтней птицы, новорожденныхъ телятъ и поросятъ. Когда хуторянъ, которые почти всѣ были богаты, спрашивали, почему они не построятъ себѣ хорошихъ домовъ, они отвѣчали:

— Некогда намъ возиться! Да намъ что! Мы привычны къ своимъ землянкамъ. Въ большомъ домѣ семья раздробится по разнымъ угламъ — сумно какъ-то. А въ малой землянощкѣ всѣ въ кучѣ, жмемся другъ къ дружкѣ, оно и весело, и тепло!

Зато при небольшихъ хатахъ стояли высокія засѣки, обширные сараи для домашняго скота, для зимовки овецъ,

для птицы, словомъ, для всякой худобы. Можно было подумать, что настоящимъ хозяиномъ здѣсь была именно эта худоба, а люди при ней жили въ качествѣ смиренныхъ и невзыскательныхъ прислужниковъ и ютились въ неблагоустроенныхъ хатахъ и землянкахъ.

Едва только дилижанъ поднялся на возвышенную плоскость, по которой шла широкая дорога, какъ среди безконечнаго поля вырисовались Чубатовы хутора. Можно было сосчитать четыре десятка дворовъ съ огородами, гдѣ торчали высокія скирды сѣна и соломы и граціозные фигурные стоги хлѣба въ снопахъ. При каждомъ дворѣ былъ колодецъ, и тонкіе журавли съ бадьями возвышались надъ ними, точно молчаливые стражи, призванные защищать отъ внѣшняго врага брошенный среди степи одинокій хуторъ.

Черезъ полчаса они уже миновали нѣсколько землянокъ и подъѣхали къ хатѣ Марка Андреевича. Хата эта ничѣмъ не отличалась отъ другихъ, только постройка для худобы была здѣсь повнушительнѣе, да ярко желтѣла подъ солнцемъ обширная новая засѣка. Во дворѣ толкались человѣкъ двадцать мужиковъ и бабъ въ обыкновенныхъ рабочихъ костюмахъ. Видно, пришли сюда прямо съ токовъ, устроивъ себѣ маленькій праздникъ. Едва только Кириллъ вошелъ во дворъ, какъ вся гурьба стала поочередно подходить къ нему за благословеніемъ.

— Новый батюшка! — говорили они между собой. — Да и молодой же какой!—прибавляли бабы и почему-то громко вздыхали.

Затѣмъ Марко пригласилъ его въ хату. Въ тѣсной хатѣ съ низенькимъ потолкомъ и маленькими окнами, за длиннымъ четырехъугольнымъ столомъ сидѣло съ десятокъ мужиковъ, большею частью почтеннаго возраста. Это были главы хуторскихъ семействъ. Они встали и вышли изъ-за стола. Кириллъ перекрестился къ мрачнымъ образамъ, повѣшеннымъ въ самомъ углу, и поклонился присутствующимъ.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ.

Въ отвѣтъ послышался неопредѣленный гулъ отвѣтнаго привѣтствія. Началось подхожденіе къ рукѣ. Вслѣдъ затѣмъ изъ-за печки вышла баба, стройная, краснощекая и нарядная, въ шелковомъ «очипкѣ» и цвѣтной спидницѣ.

— А вотъ это моя баба! — сказалъ Марко.

Маркова баба тоже взяла благословеніе.

— Такъ приступимъ! — сказалъ Кириллъ.

Дементій развязалъ узелокъ и подалъ ему облаченіе. Му-

жики глядѣли на него съ большимъ любопытствомъ и размышляли о томъ, какіе нынче молодые попы пошли. Когда Кириллъ облачился, всѣ вышли во дворъ, и здѣсь, подъ палящими лучами южнаго солнца, передъ столикомъ съ миской, наполненной водой, совершилось освященіе новой засѣки Марка Шибенка.

— А теперь пожалуйте закусить, чѣмъ Богъ послалъ!— сказала Маркова баба.

Кириллъ принялъ предложеніе и первый вошелъ въ хату Здѣсь уже все преобразилось. Столъ былъ накрытъ бѣлой скатертью и уставленъ мисками и тарелками съ жаренымъ окунемъ и постными пирогами. Два увѣсистыхъ штофа водки премировали надъ всѣми съѣстными снадобьями.

— Просимъ покорно вонъ туда, батюшка!—сказала хозяйка, указывая на мѣсто въ углу подъ иконами, самое почетное мѣсто, куда обыкновенно сажаютъ наиболѣе уважаемыхъ гостей.

Кириллъ сѣлъ, а рядомъ съ нимъ помѣстился Дементій; вокругъ стола сѣли душъ пятнадцать мужиковъ и между ними всего двѣ бабы.

— Спервоначалу водочки выкушайте! — сказалъ Марко, вмѣстѣ съ своей бабой не участвовавшій въ трапезѣ, и налилъ Кириллу изрядный стаканчикъ водки, а затѣмъ и всѣмъ гостямъ. Всѣ выпили по полной, а Кириллъ отхлебнулъ четверть рюмки и поставилъ ее.

— Э, батюшка! какъ же такъ? Надо всю выпить! — сказалъ убѣждающимъ голосомъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не надо! — сказалъ Кириллъ: — больно велика рюмка!

— Это мнѣ обидно! Тогда и засѣка моя не будетъ полная! Это уже всему міру извѣстно!

— А о чемъ же мы Богу молились, хозяинъ? Не о томъ ли, чтобы засѣка была полна? — серьезно спросилъ Кириллъ.

— Оно конечно, это само собой!..

Мужики съ серьезнымъ видомъ уставились въ тарелки и молчали, только Марко повторялъ свое: «оно конечно». Но черезъ минуту его смущеніе прошло, и онъ сказалъ:

— А теперь и по второй, чтобы и въ предбудущія времена засѣкѣ моей Богъ зерно давалъ!

При этомъ онъ наполнилъ стаканчики. Дементій уже протянулъ руку, чтобы взять свой, но въ это время Кириллъ сказалъ:

— По моему мнѣнію, человѣку одной рюмки довольно!

Мужики удивленными взорами переглянулись другъ съ другомъ. Дементій отдернулъ руку отъ стаканчика и сталъ гладить ею свою роскошную бороду. Но хозяйка приняла эту рѣчь за шутку и промолвила:

— А ну, батюшка, еще стаканчикъ выкушайте, а то безъ васъ и другіе не пьютъ!

— Зачѣмъ же я стану пить, когда мнѣ это непріятно и вредно? Притомъ же священнику и не идетъ пить этого.

— А у насъ батюшки всегда здорово пьютъ!—вставилъ одинъ изъ гостей.

Нѣкоторые на это одобрительно промычали; другіе же, какъ бы смутно почувствовавъ неловкость сказанной фразы, сконфузились.

— А по-моему, какой же это батюшка, ежели онъ съ нами выпить не желаетъ? — выпалилъ другой гость.

На это всѣ отвѣтили глубокимъ молчаніемъ.

— А какъ васъ зовутъ и гдѣ ваша хата? — спросилъ Кириллъ, обратившись къ автору послѣдняго изреченія.

— Зовутъ меня Сидоромъ Товкачемъ, а хата моя, батюшка, ежели будетъ ваша милость пожаловать къ намъ,— третья отъ Марковой хаты! — отвѣтилъ мужикъ.

— Ну, такъ я и буду знать, и въ хату Сидора Товкача никогда уже не заѣду! Пить водки я не умѣю — значитъ, я ему не батюшка!

Товкачъ покраснѣлъ до ушей и до такой степени былъ подавленъ, что не нашелся, что сказать. Кириллъ продолжалъ:

— А прочимъ, кто и безъ водки меня за батюшку почитать согласенъ, я разскажу, почему я водки много не пью. Не пью я ее оттого, что дорожу своимъ здоровьемъ, хочу долго на свѣтѣ прожить, да притомъ всегда быть умнымъ человѣкомъ. А водка, ежели ее пить больше, чѣмъ слѣдуетъ, здоровью вредитъ, жизнь сокращаетъ. Тебѣ назначено прожить семьдесятъ лѣтъ, а ты пьешь много водки и проживешь только пятьдесятъ. Ты умный человѣкъ и всѣ тебя уважаютъ, а отъ водки твой умъ тупѣетъ, туманится, и смотришь — изъ умнаго ты сталъ дуракомъ, и всѣ надъ тобой смѣются. Такъ разсудите: есть ли мнѣ какая-нибудь выгода пить ее?

— Да такъ оно и выходитъ, что выгоды никакой нѣтъ! — подтвердилъ кто-то.

Смущенные хозяева больше никому не предлагали водки.

рѣшивъ, что настоящая пирушка будетъ послѣ отъѣзда батюшки.

Послѣ того, какъ былъ съѣденъ сладкій пирогъ со сливами, Кириллъ всталъ, а за нимъ и всѣ поднялись. Когда онъ вышелъ изъ хаты, пошли тихіе разговоры:

— Вотъ ученый, такъ истинно ученый, даромъ что молодой! И серьезный какой! А нашъ-то Товкачъ, можно сказать, прямо въ ступу попалъ! Необразованность!

Когда Кириллъ, сопровождаемый Дементіемъ, собирался сѣсть въ дилижанъ, къ нему подошелъ Сидоръ Товкачъ и почтительно снялъ шапку.

— Прошу прощенія, батюшка! — смущенно проговорилъ онъ: — такъ это выпалилъ я по необразованности своей... А чтобы чувствовать, такъ ей-Богу же нѣтъ!

И онъ попросилъ у Кирилла благословенія.

— Пріѣзжайте ко мнѣ, Сидоръ, съ вашими земляками, мы потолкуемъ! Вотъ у васъ грамотныхъ мало, школы нѣтъ, а на водку денегъ много тратите... Народъ вы все съ достаткомъ!..

Сидоръ выслушалъ это приглашеніе въ почтительномъ молчаніи.

Обратно повезъ ихъ уже не самъ Марко, а подростокъ изъ его работниковъ.

— Вѣдь они настоящія дѣти!—сказалъ Кириллъ, обращаясь къ Дементію, который сидѣлъ рядомъ съ нимъ: — какъ дѣти, они вѣрятъ всему: и хорошему, и дурному. Поэтому надо не пропускать ни одного случая сказать имъ хорошее!.. Не правда ли, Дементій Ермилычъ?

— Это само собой! — отвѣтилъ Дементій, съ одной стороны польщенный тѣмъ, что ученый настоятель съ нимъ въ разсужденіе вступилъ, а съ другой стороны искренно сожалѣвшій, что не могъ остаться въ Марковой хатѣ. «То-то они теперь расхваливаютъ новаго батюшку, да при этомъ дуютъ штофъ за штофомъ!»—думалъ онъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ.

VIII.

— Ну, теперь нажмемъ! Теперь седьмица отца Родіона пойдетъ! — сказалъ дьячокъ Дементій дьякону Симеону Стрючку въ субботу во время вечерни.

— Ужъ дѣйствительно, Дементій Ермилычъ, приходится нажимать! Этакая богатая недѣля! Ежели бы это была Родіонова седьмица, у насъ въ кружкѣ на малый случай

сорокъ карбованчиковъ было бы. Гдѣ жъ таки—вѣнчанье, трое похоронъ, засѣку святили, старуху Мирошничиху маслособоровали—все требы важныя!.. А у насъ четырнадцать съ полтиной!.. Стыдно сказать! Прямо, стыдно сказать!

Однимъ словомъ, младшій причтъ луговской церкви былъ недоволенъ первой седьмицей новаго настоятеля. Былъ ли доволенъ ею отецъ Родіонъ, этого пока еще никто не зналъ. Онъ принялъ докладъ дьякона о состояніи кружки за недѣлю молча и даже ничего не отвѣтилъ на вопросъ Дементія: «какъ вамъ это покажется, о. Родіонъ?» Повидимому онъ, какъ человѣкъ основательный, еще не составилъ себѣ опредѣленнаго взгляда на новое явленіе.

Зато по деревнѣ ходили самые разнообразные и оживленные толки. Антонъ, благополучно отдѣлавшись карбованцемъ за вѣнчанье, разсказалъ землякамъ, какъ было дѣло.

— Видишь, черезъ тебя мы согрѣшили, осудили его!—говорили ему мужики:—а онъ вотъ какой!

Въ воскресенье пріѣзжали къ обѣднѣ хуторяне и разсказали кое-кому изъ луговскихъ обывателей о томъ, что произошло у Марка при освященіи новой засѣки. Это еще болѣе оживило толки о новомъ настоятелѣ.

Надо, однако, сказать, что деревня и не думала приходить къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ заключеніямъ. Толки ограничивались большею частью фактами.

— Мирошничихѣ сказалъ: «ты, говоритъ, старуха выздоравливай; встанешь, заработаешь, поквитаемся, а ежели помрешь, такъ на томъ свѣтѣ сочтемся!»—сообщалъ кто-нибудь.

— Ишь ты какой!.. На томъ, говоритъ, свѣтѣ! Гмъ...—замѣчали слушатели.

— Какъ хоронили Прошку, Авдѣихинаго младенца, а Авдѣиха ему тычетъ это четыре пятака. А онъ посмотрѣлъ это, что въ Авдѣихиной хатѣ полтора горшка да полрогача стоитъ, взялъ да и говоритъ: «ладно, спасибо, только я тебѣ сдачи дамъ!» Пошарилъ онъ въ карманѣ и суетъ ей полтинникъ: «ты, говоритъ, старшему пузырю рыбнаго жиру купи и пускай пьетъ, потому онъ сильно золотушный».

— Чудасія да и только! Умный человѣкъ этого не сдѣлаетъ.

— Это смотря!.. Изъ какой, значитъ, мысли человѣкъ выходитъ.

— А чубатовцамъ приказалъ двѣ рюмки водки пить. «Больше, говоритъ, невозможно».

— Двѣ рюмки мужику мало. Плевое дѣло!

— Даже черезчуръ мало! Напримѣръ, крестины. Что-жъ, двумя рюмками развѣ можно окрестить? Или опять свадьба... Нѣтъ, невозможно!..

Это было осенью. День стоялъ пасмурный, собирался дождь. Кириллъ въ это время былъ на требѣ. Марья Гавриловна только-что поднялась съ постели и едва кое-какъ одѣлась. Въ комнату вошла Ѳекла и объявила:

— Какая-то-сь коляска подъѣхала! Видно, городская!

У Марьи Гавриловны сердце сильно забилось. Она выбѣжала на крылечко.

— Мамочка!

И черезъ три секунды она была въ объятіяхъ Анны Николаевны Фортификантовой.

— И это вы рѣшились поѣхать одна въ такую даль?

— Во-первыхъ, и не даль, какихъ-нибудь пятьдесятъ верстъ, а во-вторыхъ, и не одна—съ кучеромъ!

Оказалось, что мать соскучилась по дочери и пріѣхала навѣстить ее. Мура несказанно обрадовалась ей, начала хохотать, прыгать, каждую секунду подбѣгала къ ней, обнимала ее и кончила тѣмъ, что заплакала

— Это, мамочка, отъ радости!

Анна Николаевна осталась довольна квартирой. Ее нѣсколько оскорбляла Ѳекла, которая сейчасъ же вступила съ нею въ разговоръ, объявила, что она «бѣдная удова» и служитъ всѣмъ священникамъ. Когда же Мура вышла, она подошла ближе къ Аннѣ Николаевнѣ и сказала таинственнымъ голосомъ:

— Ужъ вы, матушка, обратите вниманіе. Жить не умѣютъ. Другой бы батюшка уже бы пару коровъ да десятокъ овецъ имѣлъ, птица бы своя была, а у нихъ нѣтъ. Срамъ сказать: муку покупаемъ! Батюшка—и вдругъ муку покупаетъ! Никогда этого у насъ не бывало. Я при трехъ настоятеляхъ была, и всегда даже продавали муку. Нѣтъ, вы ихъ научите уму-разуму!

Какъ ни обидно это было для Анны Николаевны, тѣмъ не менѣе она приняла къ свѣдѣнію сообщеніе Ѳеклы. Какъ это въ самомъ дѣлѣ, живя больше двухъ мѣсяцевъ въ приходѣ, который считается богатымъ, ровно ничего не пріобрѣсти?

— Ну, разскажи же, какъ тебѣ живется!—сказала Анна Николаевна.

— Живется хорошо. Я довольна!—отвѣтила Мура.

— Нѣтъ, ты объясни, какъ именно. Какъ время проводишь и прочее...

— Время провожу больше съ книжкой. Кириллъ—то въ церкви, то на требѣ, то въ школѣ, то такъ по деревнѣ ходитъ.

— И ты сидишь одна?

— Ну, да, а что-жъ такое?

— И знакомыхъ никого? Здѣсь же есть помѣщица. Я думаю, онъ сдѣлалъ ей визитъ.

— Кто? Кириллъ? Ни за что. Онъ сказалъ: «будетъ дѣло—пойду; а такъ—я не знаю, что она за птица». Съ семействомъ священника я познакомилась. Шесть дѣвицъ. Совсѣмъ не интересно.

— Выходитъ, что ты умираешь отъ скуки.

— Кириллъ все говоритъ мнѣ: «знакомься съ мужиками; тутъ что ни шагъ, то интересный типъ!»

Анна Николаевна разсмѣялась и подумала: «нѣтъ, у него дѣйствительно гвоздь въ головѣ!»

Пришелъ Кириллъ и выразилъ удовольствіе по поводу пріѣзда тещи. — Вотъ вы увидите, какъ здѣсь хорошо, въ деревнѣ, и сами сюда переѣдете,—сказалъ онъ.

— Ну, ужъ это извините! Этого никогда не дождетесь!—съ достоинствомъ отвѣтила Анна Николаевна.

Вопросъ о мѣстѣ жительства въ ея глазахъ отождествлялся съ вопросомъ о повышеніи и пониженіи. Въ столицу—повышеніе съ увеличеніемъ доходовъ; въ деревню — пониженіе съ уменьшеніемъ таковыхъ; поэтому предположеніе Кирилла заключало въ себѣ элементы кровнаго оскорбленія.

Въ теченіе дня Анна Николаевна воочію убѣдилась, что у нихъ дѣйствительно все купленное, и что Ѳекла была права. За всякой мелочью, которая нужна была для кухни,—масло, лукъ, картофель,—Ѳекла бѣгала въ лавочку; сливки, поданныя къ чаю, стоили почти столько же, сколько стоятъ онѣ въ городѣ!

— Послушай, мой дружокъ, вѣдь это очень дорого все стоитъ, ежели каждую мелочь покупать! Развѣ у васъ такіе большіе доходы?

— Кириллъ отдаетъ мнѣ все, что получаетъ, до копейки.

— Ну, и сколько же примѣрно въ мѣсяцъ?

— Рублей двадцать, двадцать-пять принесетъ.

— Это весь доходъ? Хорошенькій приходъ, нечего сказать! Спасибо, надѣлили... Это за академію, за магистрантство! Ну, а проживаете вы сколько?

— Рублей пятьдесятъ!

— Откуда же берете?

Марья Гавриловна смѣшалась и покраснѣла.

— Все равно, мамочка! Наши доходы потомъ увеличатся... Мы наверстаемъ!..

Анна Николаевна смотрѣла на нее сначала съ недоумѣніемъ, а потомъ вдругъ ее осѣнила мысль.

— Я понимаю!—гробовымъ голосомъ произнесла она:— ты тронула капиталъ!

— Мамочка, такъ что же изъ этого? Вѣдь это начало, потомъ пойдетъ лучше, я пополню... Только ему, Кириллу, не говорите, мамочка. Онъ вѣдь не знаетъ. Онъ живетъ какъ младенецъ.

Анна Николаевна ничего не возразила, но при этомъ воинственно сдвинула брови и рѣшила «хорошенько поговорить» съ зятемъ.

На другой день, когда Кириллъ отправился на требу, Анна Николаевна приняла нѣсколько визитовъ. Первой явилась супруга отца Родіона. Это была женщина порядочнаго роста, широкоплечая и толстая. Несмотря на свои пятьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ, она явилась въ свѣтло-розовой шелковой накидкѣ и съ голубой ленточкой въ волосахъ, въ которыхъ, впрочемъ, не было ни одной сѣдины. Надо, однако, сказать, что кокетство здѣсь не играло никакой роли. Матушка просто полагала, что ничѣмъ такъ не выразитъ почтеніе къ пріѣзжей соборной протоіерейшѣ, какъ радостнымъ костюмомъ.

— Ужъ вы извините, а я къ вамъ съ жалобой на вашего зятя,—почти сразу начала матушка. — Помилуйте! Новые обычаи завелъ; съ прихожанъ ничего не спрашиваетъ — «сколько, говоритъ, дашь». Ну, а они, извѣстно, народъ прожженный, и даютъ грошъ! Повѣрите ли, мой мужъ на рѣдкость получалъ шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, а то больше—восемьдесятъ, сто, даже до ста-двадцати. А теперь двадцать, двадцать-пять. Чѣмъ же жить-то? У меня полдюжины дочерей!.. Оно конечно, это отъ неопытности!.. Молодой человѣкъ, извѣстно! Однакожъ, отчего бы не придти къ мужу, къ отцу Родіону, совѣта не

спросить... Онъ хотя и настоятель, вашъ зять, а мой мужъ—опытный!

Вслѣдъ за матушкой явились жены дьякона и дьячка. Эти даже не рѣшались занять предложенныя имъ мѣста на стульяхъ. Соборная протоіерейша нагнала на нихъ робость. Тѣмъ не менѣе онѣ въ одинъ голосъ объявили, что при тѣхъ скудныхъ доходахъ, какіе пошли съ пріѣздомъ новаго настоятеля, жить невозможно.

— Я сама это понимаю, сама понимаю! — говорила въ отвѣтъ Анна Николаевна, взволнованная всѣми этими сообщеніями: — ужъ повѣрьте, что это такъ не останется. Я поговорю съ нимъ. Ради дочери поговорю!

Жены, дѣйствовавшія, разумѣется, по довѣренности отъ своихъ смиренныхъ мужей, ушли съ надеждой въ сердцахъ.

— Мнѣ надо поговорить съ тобой, милый зятекъ!—сурово сдвинувъ брови, сказала Анна Николаевна Кириллу. Наступали сумерки. Мура сидѣла на крыльцѣ, передъ чайнымъ столомъ, дочитывая главу романа. Анна Николаевна воспользовалась ея отсутствіемъ, чтобы начать и кончить этотъ, какъ она была увѣрена, непріятный разговоръ.

— Я къ вашимъ услугамъ, дорогая Анна Николаевна!—сказалъ Кириллъ благодушно. Онъ почти зналъ, о чемъ будетъ рѣчь и въ какомъ тонѣ.

— Не понимаю твоего образа дѣйствій!.. Не понимаю! Только два мѣсяца живешь, а ужъ кругомъ тебя всѣ недовольны.

— Не всѣ, Анна Николаевна, не всѣ!

— Всѣ. Отецъ Родіонъ крайне недоволенъ; дьячокъ и дьяконъ жалуются, что имъ жить не на что. Какъ же не всѣ?

— А прихожане? Я думаю, что они вамъ не жаловались.

— Стану я разговаривать съ твоими прихожанами! Да это и не важно, довольны они или нѣтъ. Помилуй, братецъ мой, ты распустилъ ихъ! За требы они даютъ, сколько хотятъ, доходы причта втрое уменьшились. Я даже и объяснить этого не могу. Это просто — сумасшествіе какое-то!

— Да вѣдь намъ хватаетъ! Слава Богу, и ѣдимъ и пьемъ изрядно, и одѣваемся не въ шкуры звѣриныя!

Анна Николаевна вглядѣлась на него пристально, какъ бы желая постигнуть, въ самомъ ли дѣлѣ онъ младенецъ, или только прикидывается такимъ.

— Послушай, Кириллъ! — сказала она, понизивъ голосъ: — ежели такъ жить на свѣтѣ, не знаючи, что собственно у тебя подъ носомъ дѣлается, такъ можно завтра и по міру пойти. Доходовъ у тебя—двадцать-пять въ мѣсяцъ, а проживаете вы пятьдесятъ... Понимаешь ты?

Кириллъ посмотрѣлъ на нее исподлобья, покраснѣлъ, какъ-то съежился и крѣпко скомкалъ полу рясы, которою передъ тѣмъ игралъ.

— Это все Мура виновата... Я не зналъ! — проворчалъ онъ и, быстро поднявшись, прибавилъ: — Благодарю васъ за сообщеніе, Анна Николаевна! Мы это измѣнимъ!

— То-то, измѣнимъ! Разумѣется, измѣнить надо!.. Я не къ тому, Кириллъ, говорю, чтобы мнѣ было жалко или что. Только жъ это непремѣнно надо, чтобы на черный день оставалось. Я только такъ, совѣтую.

Кириллъ смотрѣлъ въ окно и молчалъ. Анна Николаевна, убѣдившись, что произвела сильное впечатлѣніе, вышла на крыльцо къ чаю.

— Что ты такъ долго? — спросила ее Марья Гавриловна.

— Нѣтъ... Такъ... У меня, знаешь, башмакъ узкій... Пока натяну на ногу...

Кириллъ долго оставался одинъ въ комнатѣ. Когда, наконецъ, онъ вышелъ,—было уже темно, и Анна Николаевна не могла разглядѣть выраженіе его лица.

На другой день утромъ теща уѣхала въ городъ, захвативъ съ собою «капиталъ», чтобы его въ банкъ положить.

— Это вѣрнѣе будетъ,—сказала она Мурѣ.—Впрочемъ, она оставила четыре сотни «на всякій случай». Уѣзжая, она не сказала Кириллу ни одного наставительнаго слова, полагая, что и такъ довольно... Мурѣ же она шепнула, отозвавъ ее въ сторону:

— Я желаю тебѣ, Марія, счастья и надѣюсь, что такъ оно и будетъ. Но въ случаѣ ежели что, сію минуту пріѣзжай ко мнѣ. Все, что у насъ есть, тебѣ принадлежитъ!..

«Ничего мнѣ не надо. Что бы ни случилось, я останусь съ Кирилломъ!»—подумала Мура, и когда мать отъѣхала, она подошла къ мужу, взяла его подъ руку и тихонько произнесла:

— Ты знаешь, Кириллъ... я...

Она не договорила и покраснѣла. Кириллъ нѣжно поцѣловалъ ея руку и сказалъ:

— Бѣдная моя Мурка!..

IX.

— Мура! Я хотѣлъ бы сосчитать, сколько намъ стоитъ жизнь! Это любопытно!—сказалъ однажды Кириллъ.

Мура догадалась, что это «мамочкино дѣло»; но видя, что онъ дѣйствуетъ не прямымъ путемъ, а дипломатическимъ, рѣшила и съ своей стороны пустить въ ходъ хитрость.

— Изволь!—сказала она, взяла карандашъ и бумагу и принялась громко высчитывать. Пользуясь полнымъ невѣдѣніемъ Кирилла, она ставила на все цѣны наполовину меньше. Въ концѣ концовъ вышло, что они проживаютъ около двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ, т. е. почти столько же, сколько зарабатываютъ. Получился даже какой-то остатокъ въ нѣсколько десятковъ копеекъ.

«Эге! значитъ, Анна Николаевна сказала это такъ себѣ, для острастки!»—подумалъ Кириллъ и разсказалъ Мурѣ о своемъ разговорѣ съ протоіерейшей.

— Ты же видишь эти цифры!—чрезвычайно правдивымъ тономъ отвѣтила Марья Гавриловна.

Результатомъ этого разговора было то, что Ѳекла продолжала возмущаться хозяйственными порядками въ домѣ настоятеля и все осталось попрежнему.

Прошло уже четыре мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Кириллъ поселился въ Луговомъ. Отношенія его къ прихожанамъ и къ причту настолько уже опредѣлились, что о. Родіонъ, все время разсчитывавшій, что «молодой человѣкъ въ разумъ придетъ», однажды сказалъ отцу Симеону и Дементію:

— Нѣтъ, это не молодость, а загвоздка, други мои! Вотъ оно что!

— Именно, отецъ Родіонъ, загвоздка,—согласились причетники:—и притомъ каверзная!

— Это надобно перемѣнить!—объявилъ о. Родіонъ.

— Обязательно!—подтвердилъ причтъ.

И въ самомъ дѣлѣ, надо было подумать объ этомъ. Луговскіе прихожане не только пользовались новыми порядками, а прямо злоупотребляли ими. Люди далеко не бѣдные давали за большія требы пустяки. Иной за погребеніе совалъ гривенникъ. Сначала для причта это уравновѣшивалось тѣмъ, что въ седьмицу отца Родіона они драли вдвое больше. Но въ послѣднее время прихожане стали

хитрить. Они всѣми силами старались оттянуть требы такъ, чтобы онѣ приходились на седьмицу настоятеля, оставляя о. Родіону только самыя неотложныя. Въ эту осень изъ двухъ десятковъ вѣнчаній какихъ-нибудь пять-шесть пришлись на долю о. Родіона; остальныя пошли къ Кириллу. Обычай платить «сколько можешь» очень понравился луговскимъ прихожанамъ.

Когда о. Родіонъ убѣдился, что «тутъ не молодость, а загвоздка», онъ одѣлъ парадную рясу и камилавку и въ такомъ офиціальномъ видѣ отправился къ настоятелю. Уходя, онъ сказалъ матушкѣ, что намѣренъ «хорошенько поговорить съ нимъ».

Первая увидѣла его Ѳекла. И парадный видъ его, и самый этотъ визитъ показались ей настолько необыкновенными, что она побѣжала въ комнаты и оповѣстила Кирилла:

— Отецъ Родіонъ идетъ къ намъ! Въ камилавкѣ и въ новой рясѣ!

— А, милости просимъ!

О. Родіонъ, тяжело ступая и размахивая широкими рукавами рясы, взошелъ на крыльцо. Кириллъ вышелъ къ нему навстрѣчу и ввелъ его въ комнату. Поздоровавшись съ Мурой, которая тутъ сидѣла, о. Родіонъ грузно сѣлъ и сказалъ:

— А я давненько у васъ не былъ, отецъ Кириллъ!

— Давненько, давненько! Всего одинъ разъ и были, о. Родіонъ!

— Да и вы у меня не болѣе того, отецъ Кириллъ!.. Оно, знаете, когда очень близко живешь и часто видаешься, не замѣчаешь!

Сначала казалось, что о. Родіонъ просто хотѣлъ нанести визитъ. Но, сдѣлавъ еще два-три общихъ замѣчанія, онъ какъ-то особенно громко откашлянулся въ сторону и сказалъ:

— А я къ вамъ собственно по дѣлу, отецъ Кириллъ!

— А что такое, отецъ Родіонъ?

— Есть, есть такое дѣло... важное дѣло!

И сказавъ это, онъ взялъ свою бороду лѣвой рукой и приподнялъ ее вверхъ, потомъ выпустилъ и опять то же самое продѣлалъ. Мура встала и тихо вышла въ другую комнату. Она поняла, что стѣсняетъ.

— Отецъ Кириллъ, такъ невозможно, невозможно! — прямо заявилъ о. Родіонъ:—сами посудите, у меня шесть

взрослыхъ дочерей и никто ихъ не сватаетъ... Долженъ же я промыслить о нихъ, чтобы и прокормить, и одѣть... Наконецъ и приданое кое-какое сколотить надобно... Вѣдь шестеро ихъ, шестеро...

— Отецъ Родіонъ?!

— Опять же возьмите вы для примѣра Дементія. У него тоже куча, надобно всѣхъ пристроить къ ученью. Но я вамъ скажу, что даже и не объ этомъ рѣчь, а хотя бы о томъ, чтобы прокормить ихъ домашними способами. И того нѣту, отецъ Кириллъ...

— Отецъ Родіонъ?!

— Нѣтъ, ужъ вы позвольте, отецъ Кириллъ, дайте мнѣ договорить. Знаете, я не разговорчивъ, мнѣ трудно это, но ежели я уже началъ, такъ сдѣлайте милость! Четыре мѣсяца я ждалъ, что вы сами поймете, анъ вижу, нѣтъ. Ну, что-жъ, думаю, отверзи уста! Вотъ и отверзъ. И вы на меня не сердитесь, отецъ Кириллъ, но только, ей-же-ей, такъ невозможно! Невозможно, отецъ Кириллъ!

— О чемъ это вы говорите, отецъ Родіонъ? Вы словно на кого-то жалуетесь...

— Именно жалуюсь! На кого? На васъ, на васъ, отецъ Кириллъ! Вы рѣшились сдѣлать насъ нищими... До вашего пріѣзда мы не только довольно зарабатывали на прокормленіе свое и прочее тому подобное, но еще и откладывать по малой дозѣ на черный день могли. Теперь же—страшно сказать! Даже на прокормленіе не хватаетъ. Въ какихъ-нибудь четыре мѣсяца вы... извините меня, отецъ Кириллъ... вы распустили прихожанъ въ конецъ, вы испортили приходъ!

— Испортилъ?

— Да, испортили. Луговое считалось лучшимъ изъ сельскихъ приходовъ въ цѣломъ уѣздѣ, а теперь... Теперь это нищенскій приходъ...

Отецъ Родіонъ, вышедшій изъ дому съ твердымъ намѣреніемъ быть сдержаннымъ и говорить спокойно, не могъ удержать равновѣсія, когда рѣчь зашла о приходѣ. Пятнадцать лѣтъ приходъ былъ предметомъ зависти всего уѣзда, и вдругъ какой-нибудь молокососъ, только-что напялившій рясу, начинаетъ мудрить и доводитъ его до такого состоянія, что хоть бросай. И отецъ Родіонъ возвысилъ голосъ:

— Нѣтъ, отецъ Кириллъ, это надо оставить. Конечно,

вы молоды, неопытны; но когда отъ этой неопытности страдаютъ другіе, можно и совѣта спросить.

— Вы укоряете меня за то, что я не назначаю цѣны за требы, позволяю платить, кто сколько можетъ? — спросилъ Кириллъ, такъ какъ о. Родіонъ, наконецъ, остановился.

— Вотъ именно, именно!—поспѣшилъ подтвердить о. Родіонъ:—въ этомъ все зло, въ этомъ корень всего зла.

— Но я иначе не могу, отецъ Родіонъ, не могу. Это противно моей натурѣ, всѣмъ моимъ понятіямъ... Не могу...

— Позвольте, отецъ Кириллъ, это несправедливо: вы одинъ, а насъ трое и у каждаго семейство. Мы себѣ жили во славу Божію, и никому отъ этого вреда не было. Вдругъ пріѣхали вы и говорите: «нѣтъ это вредно, что они живутъ на свѣтѣ; надобно ихъ сжить со свѣта». Мы—коренные, отецъ Кириллъ, а вы, извините меня, вы—случайный. Мы живемъ, какъ всѣ живутъ, а вы хотите не только сами жить по-своему, но чтобъ и мы по-вашему жили... Справедливо ли это?

Кириллъ задумался. Онъ думалъ о томъ, до какой степени понятія его и о. Родіона различны. Вѣдь вотъ онъ даже не пытался объяснять старому священнику свое поведеніе. Пусть думаютъ, что это капризъ, неопытность, все, что угодно, все это они могутъ понять! Но что это цѣлая система, вытекающая совершенно изъ другого взгляда на священство, на призваніе пастыря, этого даже и сказать нельзя было! Сказать это—значило открыто объявить войну.

— Можетъ-быть, это и несправедливо, отецъ Родіонъ, но я иначе не могу,—сказалъ онъ задумчиво и съ разстановкой.

— Какъ?! Хотя бы оно было и несправедливо, вы все-таки будете такъ поступать?

— Да, да, да!.. Я буду такъ поступать, отецъ Родіонъ, потому что иначе я не могу.

— Но вы не одни. Съ вами связано наше благосостояніе!

Кириллъ всталъ и, нѣсколько раздраженный, заходилъ по комнатѣ.

— Послушайте, почтеннѣйшій отецъ Родіонъ! Я это предвидѣлъ и просилъ преосвященнаго назначить меня куда-нибудь въ глухую деревеньку, гдѣ я былъ бы одинъ; но онъ назначилъ меня сюда. Что-жъ, я не виноватъ, это

не моя воля. А ужъ каковъ есть, таковъ и буду... Я вамъ говорю это откровенно, отецъ Родіонъ, и вы поймете, что это такъ: пріѣхалъ я сюда не для доходовъ. Доходы я могъ бы имѣть въ городѣ получше вашихъ луговскихъ, когда бы захотѣлъ. Подумайте-ка, отецъ Родіонъ: человѣкъ академію хорошо кончилъ, любое мѣсто въ городѣ могъ бы взять, а поѣхалъ въ деревню! Неужели же онъ не подумалъ хорошенько о томъ, что дѣлаетъ? И неужели послѣ этого вы будете надѣяться повліять на меня своими доводами?

— Значитъ, брось всякую надежду.—такъ, что ли?

— Нѣтъ, не такъ. Поѣзжайте къ преосвященному и попросите, чтобы онъ перевелъ меня въ другой приходъ, маленькій. Можете прибавить, что я буду радъ.

О. Родіонъ поднялся, взялъ шапку и палку и мрачно сказалъ:

— До свиданія!

Выходя, онъ подумалъ: «Надо полагать, этотъ ученый академикъ—просто сумасшедшій!» Дома онъ нашелъ разумѣется, и дьячка Дементія, и дьякона о. Симеона. Они сидѣли въ передней. Волненіе ихъ было такъ сильно, что они не могли даже затѣять разговора, а сидѣли молча и оба смотрѣли въ стѣну. Когда вошелъ о. Родіонъ, они оба встали и сейчасъ же догадались, что переговоры кончились неудачно. Если бы это было не такъ, о. Родіонъ сейчасъ же заговорилъ бы, сказалъ бы: «а, вы здѣсь? вотъ это хорошо, кстати!» А теперь онъ прошелъ мимо и хотя бы слово, какъ въ ротъ воды набралъ. Минуты черезъ двѣ онъ вышелъ безъ камилавки и сказалъ:

— Дементій, душа моя, сходи-ка, заложи гнѣдого въ бричку... А то моего работника нѣтъ дома. Поѣду къ помѣщицѣ!

«Ага!—одновременно подумали дьякъ и дьяконъ:—дѣло не выгорѣло!»

Дементій пошелъ закладывать гнѣдого, а о. Симеонъ — помогать ему. Черезъ пять минутъ послѣ этого со двора о. Родіона выѣхала бричка, въ которой сидѣлъ о. Родіонъ въ своей парадной формѣ, съ просфорой въ рукѣ. На козлахъ возсѣдалъ Дементій; бричка направилась къ помѣщичьей усадьбѣ.

А о. Симеонъ пошелъ домой. Но уже черезъ какой-нибудь часъ о. Симеонъ опять поспѣшилъ къ о. Родіону, потому что бричка вернулась обратно.

Это было во вторникъ, день не служебный. Часовъ въ шесть этого же дня къ квартирѣ настоятеля подъѣхалъ верховой, повидимому, объѣздчикъ или приказчикъ изъ экономіи, и, поклонившись Кириллу, который сидѣлъ на крыльцѣ, подалъ ему небольшой запечатанный конвертикъ съ надписью: «Милостивому государю отцу Кириллу Обновленскому». Кириллъ раскрылъ конвертъ и вынулъ оттуда визитную карточку, на которой подъ литографированной строчкой: «Надежда Алексѣевна Крупѣева», было написано чернилами, мелкимъ и твердымъ почеркомъ: «убѣдительно проситъ отца Кирилла пожаловать къ ней по весьма важному дѣлу. Если надо, будетъ немедленно присланъ экипажъ».

— Да, у меня своихъ лошадей нѣтъ!—сказалъ Кириллъ машинально.

— Такъ прикажете, батюшка, сейчасъ прислать?—спросилъ верховой.

— Если у госпожи помѣщицы важное ко мнѣ дѣло, то разумѣется!

— Такъ мы сейчасъ!

Верховой повернулъ назадъ и ускакалъ.

«Весьма важное дѣло?—раздумывалъ Кириллъ:—что бы это могло быть? Развѣ треба какая-нибудь? Тогда бы сказали. Надо же облаченіе взять и причетника».

— Какъ думаешь, Мура, что бы это могло быть такое?

— По-моему, вотъ что: отецъ Родіонъ успѣлъ пожаловаться на тебя помѣщицѣ, вотъ она и зоветъ тебя для внушенія...

Кириллъ разсмѣялся.

— Что такое? Для внушенія? Что же она за благочинный такой? Знаешь что, Мура? Я думаю, лучше не ѣздить къ ней...

— А по-моему, надо ѣхать. Ты обѣщалъ, пришлютъ экипажъ... Могутъ подумать, что ты струсилъ. Притомъ вѣдь это только предположеніе... Можетъ-быть, у нея, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь важное. А главное, Кириллъ... Я давно хотѣла сказать тебѣ...

— Ну? что такое?

— Ну, вотъ ты познакомишься съ нею и меня познакомишь, — все-таки будетъ человѣкъ, съ которымъ можно двумя словами перекинуться... А то вѣдь я совсѣмъ одна.

Экипажъ помѣщицы не заставилъ долго ждать себя. Кириллъ надѣлъ рясу и причесалъ волосы, которые успѣли уже сильно отрости, и поѣхалъ. Помѣщичій домъ стоялъ

верстахъ въ трехъ отъ церкви, особнякомъ отъ села. Это былъ цѣлый небольшой хуторъ, состоявшій изъ построекъ для рабочихъ, для скота, для склада зерна, для кузни и т. п. Самый же домъ, въ которомъ жила помѣщица, едва мелькалъ своей почернѣвшей отъ времени крышей сквозь вѣтви садовыхъ деревьевъ. Садъ былъ огромный, но какой-то безалаберный и сильно запущенный.

Экипажъ въѣхалъ въ ворота, проѣхалъ садомъ и подкатилъ къ крыльцу помѣщичьяго дома. Какая-то чисто одѣтая баба, которую Кириллъ не разъ видѣлъ въ церкви, стояла на ступенькахъ крыльца, кланялась и говорила: «пожалуйте, батюшка, барыня васъ дожидаются!» Когда Кириллъ сталъ подыматься на крыльцо, баба взяла у него благословеніе. Затѣмъ она повела его въ комнаты. Пройдя черезъ нѣсколько обширныхъ комнатъ, почти пустыхъ, онъ вошелъ въ столовую и остановился на порогѣ. Небольшой круглый столъ, накрытый бѣлой скатертью и уставленный посудой, стоялъ по срединѣ. На немъ стоялъ кипящій самоваръ. За столомъ на высокомъ стулѣ сидѣлъ черноглазый мальчуганъ лѣтъ шести, а рядомъ—сама Надежда Алексѣевна Крупѣева, которую Кириллъ видѣлъ въ церкви въ первый день своего служенія. Она тотчасъ же поставила на столъ сливочникъ, быстро поднялась и пошла ему навстрѣчу:

— Я очень рада, что вы согласились пріѣхать!—сказала она звонкимъ радушнымъ голосомъ. Ея смуглое лицо было привлекательно, въ темныхъ глазахъ свѣтился умъ; почти высокаго роста, стройная, она держалась ровно и даже, какъ показалось Кириллу, немножко задорно. Въ общемъ она произвела на него благопріятное впечатлѣніе. На видъ ей было лѣтъ тридцать.

— Мнѣ сказали, что у васъ важное дѣло!

— Да, если хотите! Прошу васъ, садитесь пожалуйста... Я налью вамъ чаю... Это мой сынишка!

Кириллъ поклонился и сѣлъ. Мальчуганъ оставилъ чай и съ удивленіемъ глядѣлъ на гостя въ длинной рясѣ и съ длинными волосами.

— Это священникъ, мой милый! Онъ первый разъ видитъ такъ близко священника! — пояснила хозяйка и продолжала:—Да, есть важное дѣло. Видите ли, у меня нѣсколько часовъ тому назадъ былъ отецъ Родіонъ, вашъ помощникъ.

— И жаловался вамъ на меня! — съ улыбкой сказалъ Кириллъ.

— И жаловался на васъ. Онъ говоритъ, что вы распустили прихожанъ, что съ вашимъ пріѣздомъ причтъ впалъ въ бѣдность...

— И вы пригласили меня затѣмъ, чтобы сдѣлать мнѣ достодолжное внушеніе.

— Боже меня сохрани... и совершенно напротивъ! — отвѣтила Крупѣева, отчеканивая каждое слово.

Кириллъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Напротивъ? Значитъ, вы одобряете мой образъ дѣйствій?

— Н-не совсѣмъ... Но объ этомъ послѣ. Отцу Родіону я обѣщала поговорить съ вами. Онъ очень, очень былъ взволнованъ. Конечно, онъ на этомъ не остановится и поѣдетъ къ архіепископу. Вы должны имѣть это въ виду.

— Я?

— Ну, да.

— Я ничего не сдѣлалъ противозаконнаго и никого не боюсь!

— Вотъ вы какой! Скажите, это правда, что вы кончили академію и очень учены?

— Что я кончилъ академію, — правда, а что очень ученъ,—разумѣется, неправда.

Помѣщица поставила передъ нимъ стаканъ чаю и указала на сливки и на хлѣбъ:

— Пожалуйста, прошу васъ!..

— Благодарю. Я привыкъ пить чай съ женой.

— Вы меня познакомьте съ нею! Позвольте заѣхать къ ней?

Кириллъ поклонился и прибавилъ:

— Она будетъ очень рада! Вѣдь она одна здѣсь!

— Вотъ и отлично! Я завтра же буду у нея... Ну-съ, а насчетъ вашего причта какъ вы полагаете? Думаете вы, что это неосновательная претензія?

— Я этого не думаю. Дѣйствительно, они теперь зарабатываютъ очень мало. Пожалуй, что имъ, при ихъ семействахъ, и не хватаетъ. Но я не могу допустить тѣхъ коммерческихъ пріемовъ, какіе практикуются.

— Знаете что? Можно было бы помочь горю... Если бы, напримѣръ, выдавать причту постоянное, опредѣленное жалованье?!

— Откуда?

— Ну, хотя бы изъ моихъ средствъ! Почему же вы на меня смотрите съ такимъ изумленіемъ.

— Да какъ же? Съ какой стати вамъ давать свои сред-

ства на подобное, чуждое вамъ, дѣло? Развѣ это не удивительно?

— Вотъ видите, какой вы! Первый разъ у меня въ домѣ и уже обижаете меня.

Она сказала это съ шутливой строгостью, какъ говорятъ съ хорошо знакомыми людьми. Кириллъ смѣшался. Онъ вообще былъ невысокаго мнѣнія о своемъ умѣньѣ разговаривать съ дамами и легко допускалъ, что въ самыхъ простыхъ его словахъ могли отыскать то, чего онъ и не думалъ говорить.

— Извините, можетъ-быть, я не такъ выразился.

— Нѣтъ, нѣтъ, я пошутила, — поспѣшила замѣтить хозяйка, видя его смущеніе.—Я только хочу сказать, отчего вы не допускаете во мнѣ искренняго желанія помочь хорошему дѣлу. Ну, хотя бы отъ скуки?!

Она разсмѣялась. Кириллъ возразилъ серьезно:

— Нѣтъ, не то. Я только не думалъ, что это дѣло вамъ покажется хорошимъ.

Они условились въ другой разъ произвести точный расчетъ. Теперь же было рѣшено въ принципѣ, что Надежда Алексѣевна Крупѣева назначитъ изъ своихъ средствъ опредѣленное жалованье причту съ условіемъ отказаться отъ всякихъ доходовъ. Затѣмъ помѣщица обѣщала завтра заѣхать къ Мурѣ и познакомиться.

Кириллъ возвратился домой въ радостномъ настроеніи. Пріѣхавъ сюда съ единственной цѣлью «поработать ближнему», онъ въ глубинѣ души страдалъ, видя, что плодомъ этой работы было недовольство его сотрудниковъ. Теперь причины этого недовольства были устранены. «Я всегда думалъ, что на свѣтѣ есть хорошіе люди!»—размышлялъ онъ, а когда пріѣхалъ домой, принялся расхваливать Крупѣеву передъ Мурой. Мура была очень довольна, что завтра начнется знакомство съ живымъ человѣкомъ.

X.

Надежда Алексѣевна Крупѣева уже около пяти лѣтъ жила безвыѣздно въ Луговомъ.

Огромный, запущенный садъ, въ которомъ стоялъ каменный домъ съ потускнѣвшими отъ времени стѣнами, съ покоробившейся крышей, считался нѣкогда образцовымъ. Въ немъ были густыя алеи широко разросшейся сирени; не мало насчитывалось тѣнистыхъ уголковъ, тщательно воздѣланныхъ зеленыхъ полянокъ, поэтическихъ бесѣдокъ, за-

драпированныхъ плющомъ и дикимъ виноградомъ. Садъ славился вишней-шпанкой, которая была извѣстна и въ губернскомъ городѣ подъ именемъ «крупѣевской» и бралась на расхватъ. Не мало въ немъ было яблонь и грушъ; водился даже виноградъ и воздѣлывалась малина.

Все это было до освобожденія, когда жилъ и владѣлъ Луговымъ отецъ Надежды Алексѣевны, старикъ Крупѣевъ, страстный хозяинъ, умѣвшій извлекать пользу изъ земли и изъ людей. Особенною его любовью пользовался садъ, для котораго онъ держалъ ученаго и дорогого садовника изъ нѣмцевъ. Зато и уходъ былъ за этимъ садомъ, «какъ за живымъ человѣкомъ». Садъ былъ раздѣленъ на небольшіе участки и къ каждому участку былъ приставленъ человѣкъ, который своей шкурой отвѣчалъ за каждое деревцо, за порядокъ, чистоту и даже за плодородіе земли въ его участкѣ.

Старики Крупѣевы умерли лѣтъ черезъ пять послѣ освобожденія. Огорченіе свело ихъ въ могилу одного за другимъ. Имѣніе перешло къ сыну Андрею, который при новыхъ порядкахъ пошелъ по земской службѣ и былъ мировымъ судьей въ уѣздѣ. При немъ хозяйство изъ года въ годъ шло на убыль. Этотъ болѣзненный и нервный человѣкъ любилъ природу, любилъ поля, заросшія зеленой травой, и желтѣющую ниву, и тѣнистый садъ, но любилъ все это какъ художникъ, способный по цѣлымъ часамъ заглядываться на красивые пейзажи и совершенно неспособный возиться со всѣмъ этимъ. Огромное имѣніе давало, разумѣется, изрядный доходъ, но не было и половины того, что оно могло дать. Андрей этого не замѣчалъ, вполнѣ довольный, что доходовъ хватаетъ на всѣ нужды. Половину онъ проживалъ, растрачивая деньги вполнѣ безалаберно, ничего не пріобрѣтая и не доставляя удовольствія ни себѣ, ни другимъ. Другая же половина шла сестрѣ, Надеждѣ Алексѣевнѣ, которая жила въ Москвѣ у обѣднѣвшей тетки по отцу, содержа на свои средства и тетку и ея многочисленное семейство.

Надеждѣ Алексѣевнѣ было двадцать два года, когда она получила извѣстіе о смерти брата. Андрей Крупѣевъ умеръ тридцати шести лѣтъ отъ роду, позабывъ жениться, и Надежда Алексѣевна оказалась единственной владѣлицей огромнаго имѣнія. Перемѣну эту она почувствовала съ самой невыгодной стороны. До сихъ поръ она получала отъ брата готовыя деньги; теперь надо было думать о томъ, что̀ дѣлать съ имѣніемъ. Тамъ не было никого, кому можно

было довѣриться. Молодая дѣвушка ничего въ дѣлахъ не понимала. Въ Луговое ее вовсе не тянуло: съ восьми лѣтъ она привыкла къ большому шумному городу, такъ какъ старики послѣ освобожденія безвыѣздно жили въ Москвѣ. Здѣсь она получила образованіе, сначала подъ строгимъ надзоромъ отца, а потомъ на полной волѣ, потому что вполнѣ зависѣвшая отъ нея тетка не смѣла при ней возвысить голоса и поневолѣ потакала всѣмъ ея прихотямъ.

Развитіе ея шло капризно, находясь въ полной зависимости отъ ея нервной и своеобразной натуры. При старикахъ она прилежно готовила уроки, вела себя тихо и скромно и переходила изъ класса въ классъ въ числѣ лучшихъ учеництъ. Послѣ ихъ смерти затосковала и въ теченіе цѣлаго года не брала въ руки книжки и осталась на другой годъ въ томъ же классѣ. Въ четырнадцать лѣтъ она какъ бы проснулась и вдругъ, къ удивленію тетки, оказалась дѣвочкой живой и даже взбалмошной. Ея способности какъ-то вдругъ обострились; явилась какая-то почти неестественная любознательность; она съ одинаковымъ рвеніемъ набрасывалась на учебники и на всякаго рода книги, какія попадались подъ руку. Она заставила тетку записаться въ библіотекѣ и поглощала книгу за книгой до одурѣнія. Въ семьѣ тетки, гдѣ много было дѣтей всѣхъ возрастовъ, она тѣмъ не менѣе чувствовала себя вполнѣ одинокой. Это происходило отъ того, что ее, какъ источникъ благосостоянія всей семьи, на каждомъ шагу отличали, стараясь предоставить разныя преимущества: лучшій кусокъ, болѣе дорогую одежду, болѣе удобную комнату, постель помягче, и, кромѣ того, все семейство старалось выразить передъ ней любовь и преданность. Впечатлительная дѣвочка замѣчала это и мало-по-малу усвоила взглядъ на себя, какъ на существо особенное и во всякомъ случаѣ высшее, чѣмъ окружавшее ее потомство тетки. Съ теченіемъ времени изъ этого сознанія вышло почти явное презрѣніе къ роднѣ. Большую часть времени, свободнаго отъ гимназическихъ занятій, она проводила въ своей комнатѣ наединѣ съ книгами, къ которымъ привязалась до болѣзненности. Знакомые тетки не интересовали ея, она почти не замѣчала ихъ, а другихъ пріобрѣсти она не имѣла возможности. И вотъ въ семнадцать лѣтъ, когда она кончила гимназію и была уже почти совершенно сформировавшейся дѣвушкой, она оказалась одинокой, съ своей дикаватой натурой, чуждавшейся какого бы то ни было

общенія съ людьми, хаотическимъ міросозерцаніемъ, въ которомъ было все, кромѣ того, что было пригодно для жизни, съ ясно сознаннымъ презрѣніемъ къ людямъ, которые ее окружали и были единственными близкими людьми.

Послѣ гимназіи началось томленіе. Гимназія отнимала у нея большую часть дня, и теперь она увидѣла, что у нея слишкомъ много времени. Случайно завязались два-три знакомства, случайно же она попала на курсы, которые тогда только зарождались и вызывали много разговоровъ. Но знакомства ея не шли дальше первыхъ. Тотъ взглядъ на людей, который она усвоила себѣ въ семьѣ тетки, она невольно перенесла и сюда, смотрѣла на людей недовѣрчиво и ни съ кѣмъ не сходилась. Курсы тоже мало удовлетворяли ее. Привыкнувъ учиться по книжкамъ, которыя можно было прочитывать въ одинъ присѣстъ, она тяготилась той основательной медленностью, съ которой преподавалась наука, распадавшаяся на отдѣлы, части, лекціи. Систематичность и послѣдовательность возмущали ее. Она не могла безъ досады слышать обычную фразу, которой начиналась почти каждая новая лекція: «въ предыдущей лекціи мы остановились на томъ-то». Зачѣмъ остановились? Она не выносила этихъ остановокъ. Познакомившись на первой лекціи съ началомъ предмета, она хотѣла бы тутъ же, не вставая съ мѣста, исчерпать его до конца. Кончалось тѣмъ, что она подыскивала подходящія книги, зарывалась въ нихъ и охладѣвала къ «курсу». Однимъ словомъ, курсы, которые для другихъ были откровеніемъ и въ то же время служили, вдобавокъ, для сближенія разрозненныхъ людей, для нея оказались ничѣмъ и только раздражали ее.

Извѣстіе о смерти брата застало ее въ состояніи полнаго недовольства собой и окружающей жизнью. Нервы ея были расшатаны. Не было никого, съ кѣмъ бы она могла поговорить по душѣ, потому что она никому не довѣряла и ни съ кѣмъ не сблизилась. Она всѣмъ своимъ существомъ жаждала какой-нибудь перемѣны. Съ этимъ извѣстіемъ перемѣна сама собой приходила. Надо было что-нибудь дѣлать съ имѣніемъ.

Къ этому времени старшій сынъ тетки успѣлъ уже побывать въ полку и выйти оттуда въ отставку въ чинѣ подпоручика, противъ всякаго, однакожъ, желанія. Онъ-то и почувствовалъ вдругъ влеченіе къ сельскому хозяйству и поѣхалъ на югъ, въ Луговое.

Потомство тетки къ этому времени было разсортировано

по разнымъ угламъ, тотъ женился, та вышла замужъ, кто былъ опредѣленъ въ пансіонъ. Въ домѣ сдѣлалось еще скучнѣе, чѣмъ прежде. Хотя она и очень мало соприкасалась съ жизнью этого семейства, но по крайней мѣрѣ въ домѣ былъ несмолкаемый шумъ, который не могъ миновать ее и къ которому она привыкла. И въ это именно время ей пришла въ голову мысль о томъ, что есть еще огромный міръ, котораго она совсѣмъ не знаетъ, и, можетъ-быть, этотъ міръ придется ей больше по вкусу, чѣмъ тотъ, который окружалъ ее. Не привыкшая ни у кого спрашиваться и ни съ кѣмъ совѣтоваться, она смотрѣла на каждую свою мысль, какъ на рѣшеніе. Въ одинъ мигъ было рѣшено, что она поѣдетъ за границу, а черезъ двѣ недѣли она уже была въ Германіи, конечно, въ сопровожденіи тетки, которой она почти приказала ѣхать. Тетка не могла ослушаться, потому что это значило бы оставить на произволъ судьбы не только племянницу, но и ея доходы.

Около двухъ лѣтъ Надежда Алексѣевна таскала за собой старуху, останавливаясь недѣли на двѣ, на три то въ Берлинѣ, то въ Гамбургѣ, то въ Вѣнѣ, то перескакивая вдругъ въ Мадридъ, а оттуда возвращаясь въ Аѳины. Все это было ново и интересно, но ни одно впечатлѣніе не западало въ душу молодой дѣвушки настолько, чтобы всецѣло овладѣть ею, увлечь ее въ ту или другую сторону. Она все еще никому и ничему не принадлежала, находясь во власти собственнаго одиночества и глубокаго недовольства. Старухѣ была не по силамъ эта порывистая скачка изъ одного угла Европы въ другой, и она стонала, но втихомолку, боясь, чтобы взбалмошная племянница не сказала ей: «ну, такъ поѣзжайте въ Москву, а я одна останусь!» Поэтому она искренно обрадовалась, когда онѣ засѣли въ Римѣ на цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Надежда Алексѣевна съ непонятнымъ и пришедшимъ такъ же внезапно, какъ и всѣ другія ея увлеченія, жаромъ посѣщала музеи и окрестности вѣчнаго города, изучая то и другое съ основательностью ученаго, со справками и руководствами подъ рукой. Казалось, этотъ новый для нея міръ давно минувшаго поглотилъ ее, но этого увлеченія хватило только на полгода, а тамъ опять пришли недовольство и апатія. Старой теткѣ пришлось опять укладывать вещи.

Онѣ поѣхали въ Парижъ.

Тутъ кончается исторія странствованія Надежды Алексѣевны Крупѣевой. То, что произошло въ Парижѣ и послѣ

него, можетъ быть разсказано въ двухъ словахъ: до двадцати четырехъ лѣтъ она не думала о любви; въ ея голову не западала мысль о томъ, что она можетъ принадлежать какому-нибудь мужчинѣ. Казалось, что въ ея жилахъ текла холодная кровь — до такой степени ей чужда была эта мысль. Случайные ухаживатели, которые попадались ей въ Москвѣ и за границей, казались ей нахалами и ничего отъ нея не слышали, кромѣ дерзостей. Но это проснулось въ ней такъ же внезапно, какъ и все, что она переживала, и овладѣло ею съ такой силой, какую только могла проявить ея нервная и почти дикая натура. Это совпало съ ея знакомствомъ съ m-r Тенаръ, который оказался на два года моложе ея и по внѣшности обладалъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлаться предметомъ первой любви двадцати - четырхлѣтней дѣвушки, никогда не любившей. Высокаго роста, изящный, съ открытымъ, очень красивымъ лицомъ, смуглая блѣдность котораго какъ бы говорила о пережитой душевной борьбѣ, юный инженеръ подкупалъ своею веселостью и искренностью. Старая тетка рѣшительно не могла понять, какъ это могло случиться, что черезъ какихъ-нибудь три недѣли знакомства Надежда Алексѣевна Крупѣева превратилась въ m-me Тенаръ и уже жила своимъ маленькимъ домомъ въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Парижа.

Немного понималъ въ этой исторіи и m-r Тенаръ. Красивая русская дѣвушка остановила его вниманіе, и онъ совершенно искренно сталъ ухаживать за нею. Видя ея крайнее увлеченіе, онъ предложилъ ей замужество, потому что она была очень богата. Родные его вполнѣ раздѣляли этотъ взглядъ и одобряли. Это была буржуазная семья средняго состоянія, перебивавшаяся на какихъ-нибудь три тысячи франковъ годового дохода. Вступленіе въ семью богатой русской помѣщицы было всѣмъ по вкусу. Едва они поселились втроемъ, т. е. Надежда Алексѣевна съ мужемъ и тетка, какъ началось постепенное переселеніе къ нимъ всѣхъ Тенаровъ. Тетка приходила въ ужасъ, разводила руками, но ничего не могла подѣлать, потому что племянница была неприступна. Надежда Алексѣевна какъ будто ничего не замѣчала. Она всецѣло отдавалась своему новому чувству, постоянно проводя время съ мужемъ, не отпуская его ни на шагъ. Парижъ, который они осматривали вдвоемъ, для нея весь сосредоточивался въ любимомъ человѣкѣ. Въ театрѣ ли, въ экипажѣ ли, во время про-

гулки, она, казалось, глядѣла не на окружающій міръ, а на отраженіе этого міра въ глазахъ ея мужа. На новую родню она смотрѣла поверхностно и какъ будто не обращала на нее вниманія. Это продолжалось около года. Она родила сына и встала съ постели совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Словно этимъ актомъ рожденія она закончила циклъ своей любви; она поднялась трезвая, холодная и сумрачная и сразу съ невыразимымъ презрѣніемъ отнеслась къ семейству Тенаровъ, по-хозяйски населявшему ея квартиру. Съ какой стати? Что̀ они ей, эти чужіе люди, съ которыми у нея нѣтъ ничего общаго, кромѣ ея состоянія, которое они, къ ужасу тетки, такъ развязно дѣлили? Болѣе другихъ чужимъ показался ей мужъ. Она только теперь, когда глаза ея прояснились, разглядѣла его и увидѣла передъ собой обыкновеннаго, ограниченнаго, разсчетливаго буржуа, для сочувствія которому въ ея сердцѣ не было ни одной струны! Результатомъ этого открытія былъ большой скандалъ. Она попросила Тенаровъ оставить ее въ покоѣ, взяла ребенка и уѣхала въ Россію, не сказавъ даже мужу объ этомъ ни слова. Она пріѣхала вмѣстѣ съ теткой прямо въ Луговое, гдѣ нашла управляющаго-кузена, изнывавшаго отъ delirium tremens, отправила его вмѣстѣ съ теткой въ Москву, пообѣщавъ помогать имъ, и поселилась безвыѣздно въ старомъ домѣ посреди запущеннаго сада. Здѣсь она вся сосредоточилась на воспитаніи сына, ни съ кѣмъ не знакомилась, никого не принимала. Черезъ полгода послѣ отъѣзда ея изъ Парижа въ Луговое пріѣхалъ молодой Тенаръ; она приняла его вѣжливо, позволила прожить въ отдѣльномъ флигелѣ недѣлю, затѣмъ снабдила его деньгами и попросила больше не пріѣзжать. Потомъ она вошла въ дѣятельную переписку съ однимъ московскимъ адвокатомъ и ко времени знакомства съ Кирилломъ со дня на день ждала развода.

Черезъ недѣлю послѣ знакомства Кирилла съ помѣщицей, о. Родіонъ получилъ отъ помѣщицы приглашеніе пожаловать къ ней. Онъ ѣхалъ туда съ надеждой, что Крупѣевой удалось уломать Кирилла. Причтъ ожидалъ у него, лелѣя ту же надежду. Но не прошло и часа, какъ онъ возвратился домой гнѣвный и красный отъ волненія. Дьякъ Дементій даже не посмѣлъ разспрашивать, а просто пошелъ къ бричкѣ и сталъ помогать кучеру выпрягать

лошадь. Дьяконъ же, о. Симеонъ, отошелъ къ сторонкѣ и, скрестивъ на своей впалой груди худенькія ручонки, смиренно смотрѣлъ на Дементія и кучера. Вотъ одна изъ дочерей о. Родіона вынесла стулъ и поставила его во дворѣ, неподалеку отъ порога. Вышелъ о. Родіонъ, одѣтый уже по-домашнему, т. е. въ курткѣ и клѣтчатыхъ штанахъ. Онъ сѣлъ и такъ посмотрѣлъ на дьякона и Дементія, что тѣ сейчасъ же подошли къ нему.

— Радуйся, Христово воинство! Тебѣ великая корысть будетъ!—сказалъ о. Родіонъ, не глядя на нихъ и такимъ тономъ, что воинство и не думало радоваться.

— Н-да... Ужъ, должно-быть, что корысть?..—съ горькой ироніей проговорилъ дьякъ Дементій.

— А какъ же? Не вѣрите? А вотъ же вамъ: помѣщица изъ своихъ средствъ даетъ намъ постоянное жалованье. Мнѣ и настоятелю по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ, отцу Симеону тридцать, а тебѣ, Дементій, двадцать пять. Довольны вы? а?

Причтъ, очевидно, не совсѣмъ понялъ и стоялъ въ молчаливомъ недоумѣніи.

Что̀ можно было, въ самомъ дѣлѣ, сказать на это, когда луговской приходъ въ самые слабые мѣсяцы доставлялъ причту вдвое болѣе, а въ зимнее время, когда народъ женился, выходилъ замужъ, молебствовалъ и т. п., попадались и такіе мѣсяцы, когда даже дьякъ Дементій зарабатывалъ до семидесяти рублей. Это была насмѣшка, обида, что угодно, только не серьезное предложеніе. Отказаться отъ дохода, отъ права запрашивать и торговаться, — это значило отдаться въ полную власть прихожанамъ и безпрекословно исполнять всѣ требы.

Такъ какъ причтъ не отвѣчалъ на его ироническій вопросъ, да и отвѣтъ былъ ясенъ, то о. Родіонъ больше не прашивалъ, а прямо заявилъ:

— Завтра же ѣду къ преосвященному... Завтра же! Что онъ тутъ мутитъ? По міру насъ пустить хочетъ? Надо его подрѣзать!

Но тутъ возникло одно затрудненіе. Для того, чтобы поѣхать въ городъ, надо было не то чтобъ отпроситься, а просто заявить объ этомъ настоятелю. О. Родіонъ до того былъ озлобленъ противъ Кирилла, что ни за что не хотѣлъ идти къ нему и даже встрѣчаться съ нимъ. Онъ рѣшилъ написать ему. Вынесли на дворъ чернильницу и бумагу, и онъ тутъ же, въ присутствіи причта и вдоба-

вокъ еще матушки, которая вышла вся красная отъ негодованія, написалъ:

«Почтеннѣйшій и достолюбезнѣйшій отецъ Кириллъ! По домашней моей собственной надобности имѣю неотложную нужду въ отлучкѣ въ губернскій городъ. О чемъ почитаю себя обязаннымъ увѣдомить ваше благословеніе. Съ почтеніемъ іерей Родіонъ Манускриптовъ».

Письмо было запечатано въ пакетъ огромной сургучной печатью и, по надписаніи полнаго титула, отправлено Кириллу съ церковнымъ сторожемъ. Прочитавъ это посланіе, Кириллъ посмотрѣлъ на него, какъ на простое извѣщеніе; ему и въ голову не пришелъ тайный смыслъ этихъ простыхъ словъ. Самъ онъ чрезвычайно былъ радъ участію, которое приняла помѣщица въ нуждахъ причта, и ему лично пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ казались прекраснымъ содержаніемъ. Зато какъ онъ ликовалъ при мысли, что теперь уже въ его приходѣ не будетъ торговли церковными требами и — что самое главное — причтъ не будетъ имѣть никакихъ поводовъ къ претензіямъ! Онъ рѣшилъ предварительно поговорить объ этомъ съ о. Родіономъ и объявить о новомъ положеніи прихожанамъ въ церкви, въ ближайшее воскресенье.

На другой день, едва стало свѣтать, о. Родіонъ выѣхалъ со двора. Утро было холодное, дулъ изрядный вѣтеръ съ сѣвера. О. Родіонъ былъ въ теплой касторовой рясѣ съ приподнятымъ воротникомъ, который сверху былъ повязанъ темно-коричневымъ гаруснымъ шарфомъ, въ высокой, въ родѣ бобровой, шапкѣ и въ глубочайшихъ калошахъ, на теплой подкладкѣ, совсѣмъ по-зимнему. Онъ выѣхалъ парой, разсчитывая къ обѣду быть въ городѣ, отдохнуть, собраться съ мыслями, а завтра къ архіерею. Изъ-за высоко приподнятаго воротника видны были только круглые глаза съ надвинутыми густыми бровями, сурово смотрѣвшіе прямо въ спину кучеру. Собираясь къ архіерею, о. Родіонъ всю ночь не спалъ, сильно волнуясь и обдумывая ту рѣчь, какую онъ смиренно поведетъ... «Положимъ, я не ученъ,—разсуждалъ онъ:—но я старъ и ни въ чемъ дурномъ не замѣченъ. Долженъ онъ обратить вниманіе на мои слова».

Въ городѣ онъ остановился у своего стараго пріятеля дьякона купеческой церкви, Авксентія Лучкова. Они были товарищами по семинаріи, обоихъ ихъ изрядно сѣкли въ старой бурсѣ за лѣность, и ради этого же порока обоихъ разомъ уволили, когда они, посидѣвъ по два двухлѣтія въ

философскомъ классѣ, собрались возсѣсть тамъ же на третье. О. Родіону удалось, впрочемъ, скоро пролѣзть въ іереи, а Лучковъ очень скоро потерялъ жену, вслѣдствіе чего остался вѣчнымъ дьякономъ. Это былъ очень длинный и очень тонкій человѣкъ съ краснымъ лицомъ, на которомъ было убійственно мало волосъ. О. Авксентій, въ качествѣ вѣчнаго вдовца, сильно выпивалъ съ горя, но имѣлъ настолько благоразумія, чтобы пить только двѣ недѣли въ мѣсяцъ, когда бывали не его седьмицы.

Манускриптовъ попалъ какъ разъ въ неседмичную недѣлю; поэтому, сколько ни старался онъ втолковать пріятелю, въ чемъ заключается его горе, тотъ ничего не могъ понять, и каждыя пять минутъ, прикладываясь къ водкѣ, спрашивалъ:

— Чего же ты, Родя, къ преосвященному пойдешь?— А затѣмъ прибавлялъ:—Охота жъ тебѣ! Я вотъ сколько діаконствую, а ни разу не былъ... Зачѣмъ? Вотъ теперь меня никто не замѣчаетъ, и я живу себѣ, а ежели пойду, покажусь на глаза, сейчасъ замѣтятъ: «ахъ ты, красная рожа! подавай за штатъ!» Я того держусь мнѣнія, что нашему брату надлежитъ стараться, чтобы его не замѣчали...

Но о. Родіонъ держался другого мнѣнія, и на другой день къ восьми часамъ утра былъ уже въ пріемной у архіерея вмѣстѣ съ толпой просителей. Онъ былъ въ сѣренькой, довольно потертой ряскѣ, чтобы вѣрнѣе обратить вниманіе на свою бѣдность, и въ камилавкѣ. Старыя ноги его дрожали отъ робости, сердце ускоренно билось. По мѣрѣ приближенія того часа, какъ долженъ былъ выйти архіерей, туманъ все больше и больше застилалъ его мысли. По временамъ онъ какъ бы терялъ изъ памяти суть своего дѣла, и ему казалось, что на обычный вопросъ преосвященнаго: «что тебѣ, отецъ?»—онъ не будетъ въ состояніи отвѣтить ни одного слова. Когда же въ сосѣдней комнатѣ, отдѣленной отъ пріемной шелковою темно-коричневой портьерой, послышались мягкіе звуки приближающихся архіерейскихъ туфлей, о. Родіонъ почувствовалъ, что его тошнитъ отъ страха и даже слегка качнуло въ сторону.

Наконецъ, портьера раздвинулась, и вошелъ преосвященный въ шелковомъ свѣтломъ кафтанѣ, въ маленькой скуфьѣ и съ неизмѣнными четками въ рукахъ. Покачивая своей сѣдой бородкой, онъ началъ справа и подошелъ къ ка-

кому-то церковному старостѣ, который просилъ о похвальномъ листѣ. О. Родіонъ стоялъ третьимъ. Тутъ онъ замѣтилъ, что съ той минуты, какъ архіерей вошелъ въ пріемную, у него исчезъ всякій страхъ, какъ это всегда бываетъ въ самую критическую минуту. Осталось только утомленіе отъ пережитаго волненія, и намѣсто прежняго тумана выступило совершенно ясное представленіе о томъ, что̀ онъ скажетъ архіерею.

Дошло и до него. Преосвященный пристально вглядѣлся въ него и сказалъ шутливымъ тономъ:

— Ты мнѣ незнакомъ, отецъ. Видно, тебѣ ладно живется, что ко мнѣ не заглядывалъ!

— Безъ нужды не имѣю обыкновенія безпокоить ваше преосвященство!—твердо сказалъ о. Родіонъ и прибавилъ:— я священникъ Родіонъ Манускриптовъ!

— Откуда?

— Изъ мѣстечка Луговаго!

— Мѣстечко Луговое... Луговое... Что-то весьма знакомое, а не припомню. Что же тебѣ надобно, отецъ Родіонъ Манускриптовъ? Фамилія у тебя хорошая, звучная!

— Изъ того самаго мѣстечка Луговаго, ваше преосвященство, куда вамъ благоугодно было послать настоятелемъ священника Обновленскаго, изъ академиковъ, — пояснилъ о. Родіонъ.

— Обновленскій!.. Кириллъ, Кириллъ? — воскликнулъ архіерей, и лицо его оживилось пріятной улыбкой:—этого я знаю. Магистрантъ, умница такой и хорошій христіанинъ!

Этотъ отзывъ сразу повергъ о. Родіона въ уныніе. Онъ никакъ не ожидалъ, что Кириллъ на такомъ хорошемъ счету у архіерея. Напротивъ, онъ даже былъ склоненъ думать, что его, магистранта, не даромъ же заслали въ деревню, тогда какъ другіе академики, и даже не магистранты, получаютъ лучшія мѣста въ городѣ. Какъ онъ теперь начнетъ излагать свою жалобу? А преосвященный, какъ бы для того, чтобы окончательно смутить его, прибавилъ, обращаясь ко всѣмъ просителямъ:

— Этого юнаго священника я ставлю въ примѣръ прочимъ. Магистрантъ академіи и пошелъ по своей волѣ въ деревню послужить единому отъ малыхъ сихъ!

Просители сдѣлали умиленныя лица, причемъ каждый въ душѣ разсчитывалъ, что это послужитъ къ успѣху его просьбы. Но о. Родіонъ, который не спускалъ глазъ съ

архіерея, замѣтилъ, что лицо его вдругъ приняло озабоченное выраженіе. И преосвященный обратился къ нему какимъ-то явно встревоженнымъ голосомъ:

— Имѣешь сообщить что-либо, его касающееся?

— Имѣю, ваше преосвященство!

— Пойдемъ, пойдемъ! Это меня интересуетъ!

И преосвященный жестомъ повелѣлъ ему слѣдовать за собой.

О. Родіонъ былъ вполнѣ доволенъ. Въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ нѣтъ любопытныхъ просителей, онъ, не обинуясь, разскажетъ все. Миновавъ портьеру, они прошли длинную и узкую комнату, уставленную одними стульями, потомъ повернули налѣво и вошли въ гостиную съ мягкой, развалистой мебелью, съ изящными рѣзными столиками, со множествомъ картинъ на стѣнахъ, какъ показалось о. Родіону, свѣтскаго содержанія. Архіерей здѣсь остановился, сѣлъ и указалъ мѣсто о. Родіону, который не смѣлъ ослушаться и тоже сѣлъ, стараясь, однакожъ, занять какъ можно меньше мѣста.

— Ну, ну, разскажи, разскажи, отецъ! Очень меня занимаетъ этотъ юный пастырь! — сказалъ архіерей, и его пухлыя руки машинально занялись безконечнымъ перебираніемъ четокъ.

— Не могу ничего доложить утѣшительнаго вашему преосвященству! — началъ съ сокрушеніемъ о. Родіонъ, какъ будто сердечно жалѣлъ именно о томъ, что долженъ разочаровать архіерея.

И онъ по порядку, самымъ подробнымъ образомъ, изложилъ, въ чемъ дѣло, изложилъ добросовѣстно, ничего не прибавивъ и не преувеличивъ. Преосвященный слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ. Но лицо его не выражало ни сочувствія, ни порицанія. Когда же о. Родіонъ горестно описалъ послѣдній эпизодъ съ назначеніемъ жалованья отъ помѣщицы и остановился, преосвященный вдругъ всталъ и задумчиво заходилъ по комнатѣ. О. Родіонъ тоже поднялся и стоялъ, слѣдя за прогулкой архіерея не только взорами, но и всѣмъ туловищемъ. Но вотъ преосвященный остановился.

— Такъ, такъ!.. — произнесъ онъ вдумчиво:—а скажи мнѣ, но по чистой совѣсти, іерейской совѣсти, скажи, не внушаетъ ли онъ прихожанамъ чего-либо такого смутнаго? Напримѣръ, противнаго властямъ предержащимъ?

— Нѣтъ, ваше преосвященство, нѣтъ! — поспѣшно и

даже съ жаромъ отвѣтилъ о. Родіонъ: — этого грѣха на душу свою не приму. Чего нѣтъ, о томъ прямо и говорю: нѣтъ!

Опять лицо архіерея прояснилось. Онъ подошелъ къ о. Родіону и, положивъ руку ему на плечо, сказалъ простымъ, почти пріятельскимъ тономъ:

— Тебя я понимаю, отецъ Манускриптовъ, понимаю, ибо самъ я грѣшникъ. Но надо и его умѣть понять. Удалились мы съ тобой отъ апостольскаго житія, а онъ, этотъ юный пастырь, приблизиться къ нему хочетъ. Ну, разсуди, — съ духовной точки зрѣнія, — худо ли онъ поступаетъ? Нѣтъ, не худо, а хорошо. Помѣщица тоже благородная женщина, и ей надобно благодарность послать. А по-мірскому, конечно, ты обиженъ — признаю, признаю. Большое имѣешь семейство?

— Шесть дочерей, ваше преосвященство! — отвѣтилъ о. Родіонъ.

— Шесть дочерей?! — съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ ужаса воскликнулъ архіерей:—благословилъ же тебя Богъ! Нечего сказать!

— И онъ опять заходилъ по комнатѣ.

— Да, да, да!—говорилъ онъ какъ бы самъ съ собою:—столкновеніе двухъ началъ: плотскаго и духовнаго! Ему бы въ монахи пойти! Такъ нѣтъ, не пошелъ, жажда дѣятельности, съ людьми хочетъ жить, на міру. Миссіонеръ изъ него былъ бы чудесный. Да, да, да!.. Ну, чего жъ ты собственно хочешь? а?—спросилъ онъ наконецъ, остановившись.

— Какъ вамъ заблагоразсудится, ваше преосвященство!—смиренно отвѣтилъ о. Родіонъ.

— Ишь, хитрецъ! какъ заблагоразсудится. Я тутъ ничего не придумаю. Не могу же я ему предписать: оставь благія начинанія и поступай дурно! Вѣдь это дурно, что духовныя лица торговлю святыней производятъ, дурно вѣдь; но смотримъ сквозь пальцы, потому что средствъ большихъ не имѣемъ, а между тѣмъ — плоть немощна. Что же я съ тобой подѣлаю?

— Ваше преосвященство! Онъ, т. е. отецъ Кириллъ, говорилъ: если будетъ угодно его перевести въ другой приходъ...

— Нѣтъ, этого я не могу сдѣлать! Это было бы похоже на наказаніе; а наказывать его мнѣ нѣтъ причины. Развѣ вотъ что: могу тебя перевести!

При этомъ предложеніи о. Родіонъ опустилъ голову и отвѣтилъ убитымъ голосомъ:

— Не смѣю указывать вамъ, ваше преосвященство!

Тутъ архіерей взглянулъ на часы и сказалъ, что онъ заболтался. О. Родіонъ ушелъ, получивъ приказаніе ѣхать домой и дожидаться перевода. Хотѣлъ онъ замолвить слово о дьяконѣ Симеонѣ и о дьячкѣ Дементіи, но подумалъ, что не стоитъ мѣшаться не въ свое дѣло.

Въ тотъ же день о. Родіонъ Манускриптовъ возвращался на своей парѣ въ Луговое съ своими мрачными думами. Ѣхалъ онъ городъ съ надеждой отвоевать свое прежнее благополучіе, а вышло Богъ знаетъ что. Пятнадцать лѣтъ онъ мирно процвѣталъ въ Луговомъ; обзавелся большимъ хозяйствомъ, построилъ прочный и просторный домъ, и вдругъ все это приходится бросить и идти на что-то новое и неизвѣстное, на старости лѣтъ вновь обзаводиться. И всему этому виной этотъ сумасшедшій магистрантъ, который, вдобавокъ, какимъ-то чудомъ попалъ въ милость къ преосвященному. Не понималъ онъ и не одобрялъ этой милости. Много лѣтъ онъ живетъ на свѣтѣ, а не слыхалъ объ этихъ новшествахъ, безъ которыхъ всѣ хорошо обходятся.

Дома онъ засталъ поджидавшій его причтъ.

— Добился я того, что меня переведутъ въ невѣдомыя мѣста!—коротко и мрачно объяснилъ онъ имъ.

— А намъ что выйдетъ?—спросилъ Дементій.

— Вамъ? Надо полагать, что ничего не выйдетъ!

Причетники сейчасъ же ушли. По дорогѣ они разсуждали о томъ, что своя шкура дороже всего.

XI.

Луговская зима была длинна и скучна. Съ конца ноября выпалъ снѣгъ и окрасилъ всю окружность въ бѣлый цвѣтъ. Низкія мужицкія хаты утопали въ снѣгу, который окутывалъ ихъ чуть не до крышъ. Но въ декабрѣ вдругъ повѣяло тепломъ, снѣгъ растаялъ, и дороги, и поля, все превратилось въ грязь, въ которой вязли и люди, и животныя, и телѣги. Къ Рождеству опять ударилъ морозъ, крѣпкій и сухой. Началась настоящая южная зима—безснѣжная, вѣтреная, не столько суровая сама по себѣ, сколько кажущаяся такой южанину, привыкшему къ долгому и жаркому лѣту. Морозъ съ короткими перерывами простоялъ до фе-

враля, а тамъ наступила ранняя оттепель, и кое-гдѣ изъ-подъ земли выглянула зеленая травка.

Въ церковномъ домѣ, гдѣ жилъ настоятель, было тепло. Домъ былъ построенъ солидно, а топливо—камышъ—было дешево. Вдовая Ѳекла то и дѣло таскала его въ комнаты связку за связкой, а печи глотали его одинъ за другимъ; камышъ таялъ въ нихъ, какъ снѣгъ.

Марья Гавриловна коротала дни однообразно, испытывая страшную скуку. Съ Крупѣевой она познакомилась, но не сошлась. Для Надежды Алексѣевны она оказалась слишкомъ простою. Два-три вечера, проведенныхъ вмѣстѣ, и уже было высказано все, что могли онѣ сказать одна другой. Надежда Алексѣевна съ первой же встрѣчи отнеслась къ ней съ формальной предупредительностью, о которую разбилось горячее стремленіе Муры сойтись поближе съ «живымъ образованнымъ человѣкомъ». Наивная дочка соборнаго протоіерея въ глубинѣ души своей дѣлила людей на два лагеря: «образованныхъ» и «простыхъ», и была увѣрена, что достаточно двумъ людямъ принадлежать къ лагерю «образованныхъ», чтобы тотчасъ же сойтись по душѣ. Но «образованность» обѣихъ женщинъ до такой степени была различна, что онѣ почти не понимали другъ дружку! Мура кончила гимназію и прочитала десятокъ книгъ, про которыя ей сказали, что это хорошія книги и что ихъ непремѣнно надо прочитать. Всю жизнь она была на попеченіи родителей, и замужество было ея первымъ самостоятельнымъ шагомъ. Надежда Алексѣевна прожила жизнь оригинальную, полную разнообразныхъ впечатлѣній, многому научилась изъ книгъ и изъ жизни, а главное—составила себѣ опредѣленные взгляды на жизнь и на людей. Поэтому она не могла отнестись къ Мурѣ иначе, какъ съ холодной любезностью, а Мура къ ней—съ нѣкоторымъ удивленіемъ и даже робостью.

Тѣмъ не менѣе разъ въ недѣлю, большею частью по субботамъ, къ церковному дому подъѣзжалъ экипажъ, въ которомъ сидѣла Надежда Алексѣевна съ своимъ мальчикомъ. Съ неизмѣнно любезной улыбкой она, не выходя изъ экипажа, звала Марью Гавриловну, усаживала ее рядомъ съ собой и увозила къ себѣ. Онѣ вмѣстѣ обѣдали, а послѣ вечерни являлся Кириллъ, начинался разговоръ, который тянулся до полуночи. Во время этихъ разговоровъ Мура, молча, сидѣла, слушала обоихъ и скучала.

Съ января Марья Гавриловна начала готовить приданое

своему будущему наслѣднику. Это наполняло ея дни. Протоіерейша прислала ей ручную машину, на которой она шила безъ конца.

Но Кириллъ не скучалъ. Прежде всего онъ былъ радъ, что остался на приходѣ одинъ. Отца Родіона перевели въ другой приходъ черезъ мѣсяцъ послѣ его визита къ архіерею. Но архіерей очевидно не спѣшилъ съ назначеніемъ. Кириллъ не тяготился массой работы и благополучно справлялся со всѣми требами. Каждая треба служила ему поводомъ познакомиться съ какой-нибудь стороной мужицкаго быта. Онъ никогда не отказывался отъ приглашенія остаться на похоронномъ обѣдѣ, явиться на закуску по поводу крестинъ и т. д. Здѣсь было столько случаевъ высказать передъ прихожанами свой взглядъ на тотъ или другой предметъ. Мужики привыкли къ этому и слушали его безъ того формально внимательнаго вида, который позволяетъ сейчасъ же забывать слышанное. Проповѣдей въ церкви онъ не говорилъ. Онъ считалъ этотъ способъ бесѣды малоудобнымъ. Проповѣдь выслушивается при исключительной обстановкѣ; для прихожанина она является не простой бесѣдой пастыря съ нимъ, а однимъ изъ моментовъ обѣдни, которую онъ выслушиваетъ болѣе или менѣе формально. Онъ искалъ бесѣды на житейской почвѣ, при вполнѣ житейской, обыденной обстановкѣ.

Кириллу казалось, что работа его приноситъ плоды. Уже одно то его утѣшало, что торговля требами была совершенно искоренена. Прихожанинъ только заявлялъ о томъ, что у него въ домѣ смерть или родины, или свадьба, и безъ всякихъ разговоровъ совершался церковный обрядъ. Замѣтилъ также Кириллъ, что на обѣдахъ и закускахъ, гдѣ онъ присутствовалъ, хозяева не рѣшались угощать больше, чѣмъ двумя рюмками водки, а гости и по второй пили, какъ бы слегка совѣстясь.

Конечно, онъ зналъ, что въ его отсутствіе они угощаются попрежнему и что кабаки въ Луговомъ все-таки прекрасно торгуютъ, но эта совѣстливость при немъ все-таки утѣшала его; онъ разсчитывалъ на привычку.

Кромѣ неустанной работы по церковной службѣ, Кириллъ отдавалъ много времени школѣ. Онъ посѣщалъ ее почти каждый день и очень скорбѣлъ по поводу того, что учитель относился къ дѣлу холодно и не любилъ своего занятія.

— Зачѣмъ вы сдѣлались учителемъ, если это дѣло вамъ не нравится, если у васъ нѣтъ призванія къ этому?—спра-

шивалъ его Кириллъ, когда тотъ въ сотый разъ высказывалъ передъ нимъ недовольство своимъ существованіемъ.

— Призванія? — отвѣчалъ тотъ: — у всякаго человѣка есть призваніе кушать хлѣбъ, батюшка!

Кириллъ принимался возражать противъ этого взгляда. Онъ горячо доказывалъ, что такъ жить нельзя, что такое разсужденіе годится, пожалуй, для сапожнаго ремесла, но не для дѣла обученія темнаго человѣка. Онъ говорилъ, что такъ относиться къ живому дѣлу нечестно.

— Эхъ, батюшка! — возражалъ ему учитель: — вотъ эти самыя слова и я говорилъ восемь лѣтъ назадъ, а теперь пожилъ и вижу, что это чепуха. Жизнь—одна скука. Одно только и есть средство — жениться, взявши десятинъ двѣсти земли, да заняться хозяйствомъ.

Учителю, Андрею Ѳедоровичу Калюжневу, было лѣтъ тридцать. Происходилъ онъ изъ городской чиновничьей семьи средней руки, учился въ гимназіи, но при переходѣ изъ шестого класса въ седьмой споткнулся и бросилъ. Года три онъ все готовился и собирался то въ военную службу, то въ университетъ, то на фабрику въ качествѣ рабочаго. Но кончилось тѣмъ, что онъ пошелъ въ сельскіе учителя, такъ какъ это оказалось самымъ простымъ и легкимъ. О деревнѣ онъ не имѣлъ понятія, но отправлялся туда не безъ идейной загвоздки. Кое-что слышалъ онъ и о народѣ, и о безкорыстной службѣ на поприщѣ просвѣщенія меньшаго брата, и ему, тогда еще очень юному, пришлись эти идеи по душѣ. Но дѣйствительность оказалась скучной; идеи, какъ взятыя съ вѣтру, скоро и вывѣтрились, и Калюжневъ съ теченіемъ времени превратился въ работника изъ-за куска хлѣба, не понимающаго своего предмета, скучающаго своимъ ремесломъ и ищущаго перемѣны.

Кириллъ охотно посѣщалъ помѣщицу. Надежда Алексѣевна всегда принимала его съ живостью и даже съ увлеченіемъ. Она всегда искала въ жизни чего-нибудь выдающагося, а этотъ сельскій священникъ, настолько образованный, что съ нимъ можно было вести теоретическіе споры, священникъ, ведущій борьбу съ тѣми самыми пороками, которые отталкивали и ее отъ духовныхъ лицъ, священникъ, стремящійся воплотить въ жизнь идеи, которыя и ей казались симпатичными, былъ для нея цѣлымъ открытіемъ. Сначала она отнеслась къ нему, какъ къ явленію только интересному, но смотрѣла на него подозрительно и все ждала, когда же, наконецъ, онъ попроситъ у

нея даровой зимовки для своихъ коровъ или десятину плавни для выкоса сѣна, или вообще какое-нибудь даяніе, къ чему пріучили ее о. Родіонъ и его прежній товарищъ. Но Кириллъ ничего не просилъ. Однажды она даже спросила его, не нуждается ли онъ въ чемъ-либо по хозяйству, и предложила свои услуги.

— У меня и хозяйства-то нѣтъ,—отвѣтилъ Кириллъ:— а если бы и нуждался, то у васъ не попросилъ бы!..

— Вотъ какъ! Почему же?

— А вотъ видите, у насъ съ вами, слава Богу, порядочныя отношенія, а чуть я отъ васъ приму матеріальную услугу, ужъ сейчасъ буду зависѣть отъ васъ, и вы ужъ непремѣнно хоть на одну іоту станете уважать меня меньше.

Надежда Алексѣевна, что называется, «занялась» оригинальнымъ священникомъ. Въ тѣ вечера, которые они проводили втроемъ, гдѣ Мура являлась какъ бы ассистентомъ ихъ бесѣды, она заставляла его высказывать свои взгляды на жизнь и незамѣтно, по частямъ, разсказала ему всю свою исторію.

— Знаете что? — откровенно заявлялъ Кириллъ, выслушивая отъ нея разсказы про московскую и заграничную жизнь: — вы не жили еще, а только капризничали!

И онъ развивалъ ей свою теорію. Жить можно только въ деревнѣ, гдѣ и природа настоящая, и люди настоящіе, и нужда настоящая. Жить безъ пользы для кого-нибудь— безсмысленно и обидно. У каждаго найдется гдѣ-нибудь маленькій уголокъ, гдѣ онъ можетъ принести пользу. Нѣтъ надобности стремиться во что бы то ни стало сдѣлать грандіозное дѣло: что-нибудь полезное сдѣлай, и уже въ твоемъ существованіи есть плюсъ.

— Скажите, отецъ Кириллъ, отчего мнѣ иногда кажется, что вы первый вполнѣ искренній человѣкъ, котораго я встрѣчаю въ жизни? — спросила его однажды Надежда Алексѣевна.

— Извините-съ! Искренніе люди есть на свѣтѣ, я самъ ихъ встрѣчалъ не мало! — горячо возразилъ Кириллъ. — Вы ихъ не замѣчали, потому что смотрѣли на людей свысока и поверхностно. Можетъ-быть, я первый человѣкъ, которому вы сдѣлали честь вглядѣться въ него какъ слѣдуетъ.

Наступила весна. Въ апрѣлѣ Мура уже перестала ѣздить къ Крупѣевой. Ея положеніе сдѣлалось серьезнымъ. Написали въ городъ Аннѣ Николаевнѣ; она пріѣхала и привезла съ собой акушерку. Едва протоіерейша переступила

порогъ церковнаго дома, какъ сдѣлалась мрачнѣе ночи. Опытнымъ глазомъ она сейчасъ же поняла, что благосостояніе молодой четы въ теченіе почти года нисколько не улучшилось. Кое-гдѣ видны были слѣды бѣдности. Взглядъ ея, привыкшій останавливаться на мелочахъ, впился въ порядочную дыру въ вязаной скатерти, которою былъ накрытъ столъ. Въ обстановкѣ ничто не измѣнилось, но въ ней и не прибавилось ни одной вещицы. Все стояло такъ, какъ было устроено для перваго обзаведенія, т. е. скудно, ничего, кромѣ предметовъ первой необходимости, какъ въ номерѣ плохой гостиницы: столы, диванъ, кровати, комоды, нѣсколько стульевъ, зеркало на комодѣ, стѣнные часы и иконы въ углу. Она обошла дворъ, чуланъ, два сарая — всюду было пусто. На огородѣ сиротливо лежали нѣсколько связокъ камыша—это осталось отъ зимы; въ сараѣ не оказалось никакихъ признаковъ какого бы то ни было экипажа, хоть плохенькой брички; въ другомъ сараѣ, приспособленномъ подъ конюшню, не было и тѣни лошади. Чуланъ также былъ пустъ. Она заглянула въ погребъ — и тамъ никакихъ признаковъ не только «полной чаши», а хотя бы какого-нибудь достатка.

«Ничего у нихъ нѣтъ, ничего не нажили, — съ болью думала протоіерейша: — моя дочь — нищая».

На этотъ разъ она уже сама обратилась къ Ѳеклѣ съ разспросами. Съ Мурой нельзя было говорить, въ виду ея положенія. Ѳекла окончательно убила ее своимъ докладомъ.

— Боже мой, Боже мой! — говорила она съ самымъ искреннимъ соболѣзнованіемъ: — что только у насъ дѣлается, даже словъ не подберешь, чтобы разсказать. Все покупное: молочко стаканами покупаемъ; сметану, масло, все, все изъ лавки беремъ!.. Средствъ нѣту коровку завести! Помѣщица дарила цѣлыхъ двѣ — мнѣ это приказчикъ ихній говорилъ — не захотѣли: «не могу, говорятъ, подарковъ принимать»... Съѣздить куда—у почтаря лошадей беремъ... Повѣрите ли, бѣдная матушка лишнее яичко скушать стѣсняются!... При ихнемъ-то положеніи, сами посудите, каково это! Доходу никакого! При прежнихъ попахъ, бывало, засѣка ломится отъ зерна, хлѣба этого дѣвать некуда, и курочка, и поросеночекъ, и теленочекъ, и всякая всячина. А теперь даже деньгами не берутъ... Вотъ какіе порядки!.. Дьяконъ съ дьячкомъ прямо чуть не съ голоду мрутъ — это я вамъ истинно говорю...

«Что-жъ это такое? Что-жъ это такое? — въ отчаяніи

думала Анна Николаевна: — такую ли судьбу я готовила своей дочери!»

Она хотѣла переговорить съ Кирилломъ, но потомъ рѣшила, что изъ этого ничего не выйдетъ.

«Я просто поѣду къ преосвященному, и о. Гаврiила заставлю поѣхать. Пусть онъ его образумитъ. А нѣтъ, возьму да увезу Мурку къ себѣ... Что это въ самомъ дѣлѣ? Коли онъ святымъ хочетъ быть, зачѣмъ не пошелъ въ монахи, зачѣмъ женился? Бѣдная моя Мурка!..»

Съ Кирилломъ Анна Николаевна почти не разговаривала и старалась даже не смотрѣть на него, а на Муру глядѣла съ печалью и сожалѣнiемъ.

Роды кончились благополучно; протоiерейша прожила девять дней. Едва только Мура встала съ постели, она распрощалась и уѣхала, взявъ съ собою акушерку. Она не хотѣла даже остаться на крестинахъ, только взяла съ Муры слово, что она назоветъ сына, въ честь дѣдушки, Гаврiиломъ. Она уѣхала съ твердымъ рѣшенiемъ дѣйствовать.

Марья Гавриловна замѣчательно счастливо перенесла болѣзнь. Вставши съ постели, она уже чувствовала себя почти совсѣмъ здоровой и кормила сына прекраснымъ молокомъ. Мальчишка тоже былъ здоровъ. Его крестили и назвали Гаврiиломъ. Кумовьями были — Надежда Алексѣевна и дьякъ Дементiй, который, стоя рядомъ съ помѣщицей, ужасно конфузился. Зато, когда кончился обрядъ и Крупѣева собралась уѣхать, онъ улучилъ минуту, когда на крыльцѣ не было больше никого, и на правахъ кума попросилъ у нея одну десятинку земли подъ баштанъ. Надежда Алексѣевна сейчасъ же согласилась, и Дементiй былъ очень доволенъ.

Скоро послѣ этого случилось событiе, котораго давно ожидали въ Луговомъ. Однажды—это было въ субботу передъ вечерней—церковный сторожъ разглядѣлъ подъѣзжавшую къ церкви кибитку, очень стараго фасона, на высокихъ колесахъ и всю крытую клеенкой, въ родѣ тѣхъ «фуръ», въ которыхъ ѣздятъ евреи, помѣщаясь въ нихъ по двадцати душъ. Кибитка, запряженная парой, страшно тарахтѣла, потому что была безъ рессоръ. У калитки она остановилась, сбоку поднялся болтавшiйся кусокъ клеенки и образовалось окошко. Въ это окошко выглянула женская головка съ миловиднымъ личикомъ, въ шляпкѣ, изъ-подъ которой выглядывали свѣтло-русые завитки волосъ.

— А гдѣ тутъ домъ священника отца Родіона Манускриптова? — спросила молодая женщина.

— Отца Родіона домъ?—спросилъ въ свою очередь сторожъ: — а на что вамъ этотъ домъ, когда онъ стоитъ пустой? Отца Родіона уже съ полгода какъ нѣту!

Тутъ женская головка спряталась, и на мѣстѣ ея появилась голова мужчины въ черной поярковой шляпѣ. Лицо было смуглое, загорѣлое. Сторожъ замѣтилъ небольшіе усы и бородку. Волоса были коротко острижены.

— Здравствуй, любезный! — сказалъ онъ пріятнымъ теноркомъ: — ты, должно-быть, церковный сторожъ?

— Такъ и есть. Я — церковный сторожъ.

— А я — священникъ, на мѣсто отца Родіона. Покажи намъ его домъ, мы тамъ жить будемъ... Мы его купили.

Сторожъ не спѣша снялъ шапку и тоже не спѣша сказалъ:

— Пожалуйте!

Онъ проводилъ ихъ до самаго дома и тутъ же увидѣлъ, что по большой дорогѣ тянутся три воза съ мебелью и всякимъ хозяйственнымъ скарбомъ. Затѣмъ онъ отправился къ Кириллу и доложилъ:

— Новый священникъ, который на мѣсто отца Родіона присланъ, прибылъ.

— А, прибылъ? Милости просимъ!—сказалъ Кириллъ и подумалъ: — «Теперь это уже не такъ страшно. *Мои* порядки пустили корни».

— И такіе же молодые, какъ вы, батюшка!—прибавилъ сторожъ.

На это Кириллъ ничего не сказалъ, но подумалъ, что это къ лучшему. Молодой скорѣй пойметъ его, чѣмъ старый.

На другой день, во время воскресной службы, прихожане съ удивленіемъ разступились и дали дорогу новому священнику, который пробирался къ алтарю. Онъ былъ маленькаго роста и крѣпкаго сложенія; лицо его дышало здоровьемъ и самоувѣренностью. Темно-лиловая ряса сидѣла на немъ какъ слѣдуетъ и была ему къ лицу. Онъ ступалъ не быстро, сдержанной благочестивой походкой. Поднявшись на возвышеніе у алтаря, онъ ударилъ поклонъ и приложился къ иконѣ иконостаса. Видъ у него былъ такой, точно онъ собирался сейчасъ повернуться лицомъ къ народу и сказать краткую проповѣдь или, по крайней мѣрѣ, объявить: «я — священникъ Макарій Силоамскій, присланъ на мѣсто Родіона Манускриптова». Но онъ этого не сдѣ-

лалъ, а вошелъ въ алтарь черезъ боковую дверь. Тутъ онъ ударилъ три земныхъ поклона и, поклонившись затѣмъ Кириллу, который стоялъ у престола въ облаченіи, благоговѣйно сталъ поодаль. Такъ онъ простоялъ всю обѣдню, причемъ все время обнаруживалъ несомнѣнное благочестіе: шепталъ молитвы, въ надлежащихъ мѣстахъ билъ поклоны или наклонялъ только голову, а лицо его все время выражало молитвенную сосредоточенность. Послѣ обѣдни онъ тутъ же въ алтарѣ подошелъ къ Кириллу и вѣжливо взялъ у него благословеніе.

— Позвольте представиться: священникъ Макарій Силоамскій! — сказалъ онъ.

Кириллъ въ свою очередь представился и пригласилъ его зайти къ нему послѣ обѣдни.

— Да, да, разумѣется, необходимо переговорить, — сказалъ Силоамскій.

Послѣ обѣдни онъ пилъ чай у Кирилла. Онъ оказался веселымъ и разговорчивымъ человѣкомъ, очень много говорилъ про семинарію, про учителей, ректора и инспектора. Онъ прошлымъ лѣтомъ кончилъ курсъ и цѣлый годъ былъ псаломщикомъ. Кириллъ помнилъ его, когда онъ былъ еще юношей, въ первомъ классѣ, а Кириллъ тогда кончалъ семинарію.

— Когда я, передъ отъѣздомъ, зашелъ откланяться къ преосвященному, онъ говорилъ мнѣ о васъ много пріятнаго. Сказалъ, что вы очень умный и что у васъ всѣ должны учиться! — сообщилъ между прочимъ Силоамскій.

— Спасибо преосвященному! — отвѣтилъ Кириллъ.

— Такъ ужъ я надѣюсь, что будемъ жить въ мирѣ и согласіи! — сказалъ новый священникъ, поднявшись, чтобы откланяться.

— Я буду этому очень радъ!

Кириллъ воздержался отъ всякихъ объясненій. Все объяснится само собой.

Передъ вечеромъ Обновленскіе отправились къ помѣщицѣ. Мура посѣтила Надежду Алексѣевну въ первый разъ послѣ родовъ. Они сидѣли въ столовой за чайнымъ столомъ. Окна въ садъ были открыты. Тамъ уже цвѣла сирень и комната была полна ея ароматомъ. Кириллъ разсказывалъ о своемъ знакомствѣ съ новымъ священникомъ и выразилъ удовольствіе по поводу того, что онъ молодой и что это его первый приходъ.

— Въ него еще не въѣлась рутина, притомъ и корыст-

ные виды еще не успѣли овладѣть имъ. Молодая душа доступнѣе добру, и вы увидите, что онъ будетъ мнѣ добрымъ товарищемъ!..

Надежда Алексѣевна слушала эти рѣчи съ скептической улыбкой. Глаза ея, устремленные на Кирилла, казалось, говорили: «Какой ты еще наивный и чистый ребенокъ! Не сыскать тебѣ товарища, потому что ты одинъ только и есть такой!»

Въ это время доложили, что пріѣхалъ новый священникъ. Надежда Алексѣевна рѣшила принять его въ другой комнатѣ и вышла туда.

Но дверь была полураскрыта, и Обновленскіе могли слышать разговоръ.

Силоамскій вошелъ степенно и прежде всего сталъ отыскивать образа. Найдя маленькую иконку въ углу подъ самымъ потолкомъ, онъ трижды перекрестился и поклонился въ ея направленіи. Затѣмъ онъ поклонился и хозяйкѣ.

— Позвольте представиться: вновь назначенный священникъ Макарій Силоамскій.

Надежда Алексѣевна отвѣтила поклономъ и пригласила садиться.

— Давно прибыли?—спросила она собственно для того, чтобы былъ какой-нибудь разговоръ.

— Вчерашняго дня. Но, несмотря на это, сегодня уже почелъ своимъ долгомъ отстоять обѣдню, а также представиться моему старшему товарищу, отцу Кириллу. Засимъ поспѣшилъ нанести визитъ вамъ. Позвольте разсчитывать, многоуважаемая Надежда Алексѣевна, что встрѣчу съ вашей стороны благосклонность.

— Я къ вашимъ услугамъ!

— Нѣтъ, я пока никакой просьбой васъ не обезпокою, но на будущее время случиться можетъ какая-либо нужда. Напримѣръ, заведется коровка-другая — гдѣ ее содержать? Или, напримѣръ, сѣнца недохватъ — къ кому обратиться, какъ не къ благосклонной помѣщицѣ?

— Я къ вашимъ услугамъ! — повторила Надежда Алексѣевна и поднялась съ лицомъ еще болѣе холоднымъ, чѣмъ при встрѣчѣ.

— Болѣе не смѣю васъ безпокоить! — сказалъ о. Макарій и, тоже поднявшись, медленно наклонилъ голову, приложивъ правую руку къ груди. Надежда Алексѣевна кивнула головой и прибавила:

— Вотъ сюда!.. Не угодно ли! Эта дверь ведетъ въ садъ... У васъ, вѣроятно, свои лошади?

— Да-съ, парочку имѣю!.. За женой взялъ. Ничего, коники шустрые... Мое почтенье!..

Надежда Алексѣевна возвратилась въ столовую и сейчасъ же начала говорить о садовникѣ, который три дня гдѣ-то пьянствуетъ и не появляется въ саду. Она вообще избѣгала говорить о людяхъ дурно, считая это удѣломъ сплетницъ.

— Что же вы ничего не скажете о вашемъ гостѣ? — спросила ее Мура.

— Онъ произвелъ на меня дурное впечатлѣніе! — сказала Надежда Алексѣевна и продолжала о садовникѣ. Кириллъ печально опустилъ голову и думалъ:

«Не успѣлъ показаться на глаза, какъ уже спѣшитъ предупредить: я попрошайка, имѣйте это въ виду! Еще ничего ему не нужно, а онъ уже боится, чтобы не сочли его человѣкомъ самостоятельнымъ. Странное дѣло! откуда это берется? Въ семинаріи этому не обучаютъ, а жилъ онъ еще слишкомъ мало. Неужели это вошло уже въ кровь и передается изъ рода въ родъ, какъ особая способность? Какъ это грустно, какъ это грустно!»

Вечеръ прошелъ вяло. Надежда Алексѣевна была подъ вліяніемъ дурного впечатлѣнія. Она старалась занимать гостей, но изъ этого ничего не выходило. Кириллъ слушалъ невнимательно и отвѣчалъ неохотно. Онъ думалъ «объ особой способности, вошедшей въ кровь» у его собратовъ и «передаваемой изъ рода въ родъ».

Они уѣхали домой рано, какъ только пробило девять часовъ. Мура спѣшила къ ребенку. Едва они взошли на крыльцо церковнаго дома, какъ были удивлены необычайнымъ присутствіемъ въ сѣнцахъ ихъ квартиры гостей. Это были дьяконъ Симеонъ и дьякъ Дементій. Они сидѣли на табуреткахъ, поставленныхъ Ѳеклой спеціально для нихъ. При появленіи хозяевъ оба почтительно встали, а шляпы ихъ оказались въ рукахъ.

— Что же это вы, господа, здѣсь сидите? Отчего не пожалуете въ комнату?—спросилъ Кириллъ:—Ѳекла, ты что же не пригласила?

— Да я, батюшка, просила ихъ въ комнату, такъ не захотѣли, — отвѣтила Ѳекла.

— Нѣтъ, ничего-съ!.. Воздухъ хорошій теперь! — нѣжно сказалъ дьяконъ.

Кириллъ пригласилъ ихъ въ комнату. Марья Гавриловна ушла въ спальню и занялась сыномъ.

— Ну, что скажете, господа? — спросилъ Кириллъ причетниковъ, заставивъ ихъ сѣсть.

Дьяконъ откашлялся и промолвилъ, нѣсколько запинаясь:

— Мы къ вамъ, отецъ Кириллъ, по своему дѣлу... Давно уже собирались мы вотъ съ Дементіемъ Ермилычемъ обезпокоить ваше вниманіе, но между прочимъ...

Дьякъ Дементій очевидно нашелъ, что дьяконъ городитъ неподходящее, поэтому онъ съ своей стороны громоносно откашлялся и выпалилъ:

— Пропадаемъ, отецъ Кириллъ, прямо пропадаемъ!

Кириллъ поднялъ на него свои взоры.

— Какимъ образомъ? — спросилъ онъ.

— Прямо почти что съ голоду, отецъ Кириллъ, пропадаемъ!

— Съ голоду?

— Съ голоду, отецъ Кириллъ! Крѣпились мы долго, боялись обезпокоить васъ... Но, наконецъ, нѣту силъ... Семейства большія имѣемъ, а корму никакого; самый, можно сказать, слабый... Жалованья, которое отъ помѣщицы, никакъ не хватаетъ, землицы мало, съ доходовъ брать воспрещено и никакихъ нѣтъ.

— Это дѣйствительно, дѣйствительно! — подтвердилъ дьяконъ.

— Не объ излишкѣ хлопочемъ, отецъ Кириллъ, а о пропитаніи, прямо о насущномъ. Дѣти плачутъ, кушать хотятъ, отецъ Кириллъ.

Кириллъ уже ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину и наклонивъ голову. Ему теперь показалось совершенно яснымъ, что дьякону и дьячку дѣйствительно должно было не хватать ихъ малаго жалованья. Ему самому въ обрѣзъ хватало его жалованье, а у нихъ его было гораздо меньше, между тѣмъ дѣтей у нихъ масса, тогда какъ у него одинъ, да и тотъ еще ничего не стоитъ ему. Положеніе его было затруднительное. Онъ самъ создалъ ихъ бѣдность, а помочь былъ безсиленъ. Если бы у него что-нибудь оставалось, онъ охотно предложилъ бы имъ, но этого остатка не было. Отступиться же отъ новыхъ, введенныхъ имъ, порядковъ онъ не могъ. Это была первая его побѣда, которую онъ высоко цѣнилъ.

— Отецъ Кириллъ! — осторожно воззвалъ дьяконъ.

Кириллъ остановился и посмотрѣлъ на него.

— Мы собственно съ просьбой.

— Ну-те! ну-те! — нетерпѣливо сказалъ Кириллъ. Ему такъ хотѣлось, чтобы эта просьба была для нихъ существенна, а для него исполнима.

— Землицы у насъ мало, а у васъ, отецъ Кириллъ, побольше, и даже очень порядочно церковной земли. И притомъ она у васъ гуляетъ... Такъ не отдадите ли намъ, примѣрно, за четвертый снопъ?

— А сколько мнѣ земли приходится?—оживленно спросилъ Кириллъ.

— Собственно вамъ сорокъ четыре десятины, да въ плавняхъ шесть, а всего пятьдесятъ!

— Вотъ и отлично! Отлично!—радостно воскликнулъ Кириллъ:—вы ее засѣвайте... Засѣвайте себѣ! А мнѣ ничего не надо! Мнѣ некогда, не умѣю я, да притомъ мнѣ хватаетъ... Да, да! Засѣвайте, пожалуйста!

Причетники смотрѣли на него съ недоумѣніемъ.

— Какъ же это?.. — началъ-было Дементій, но рѣшилъ, что лучше промолчать.

Кириллъ подумалъ съ минуту.

— Но скажите: тогда уже довольно будетъ? — спросилъ онъ.

— Мы очень благодарны, чувствительно благодарны! — въ одинъ голосъ отвѣтили причетники и низко поклонились.

— Ну, идите съ Богомъ и работайте, да только на меня не сердитесь!

Причетники еще разъ поклонились и поспѣшили уйти.

— Блаженный, истинно блаженный! — сказалъ дьяконъ почти на ухо Дементію, когда они завернули уже за церковь.

— Завтра же чуть свѣтъ начнемъ рыть, а то, чего добраго, раздумаетъ... Помѣщица отговоритъ, либо этотъ отецъ Макарій.

— А Макарій, кажись, не таковскій! Выжига порядочная... Это уже видно... Въ церковь пришелъ и такого на себя благолѣпія напустилъ, а самъ, между прочимъ, сейчасъ къ помѣщицѣ полѣзъ, и ужъ навѣрняка канючилъ что-нибудь.

— Э, что! Намъ теперь хорошо будетъ! — сказалъ Дементій съ искреннимъ удовольствіемъ, похлопывая дьякона по спинѣ, причемъ тотъ гнулся, какъ лоза, подъ тяжестью его руки: — по двадцать пять десятинъ прибавляется, да своихъ по пятнадцати, а всего по сорокъ! Да мы съ вами—

помѣщики, отецъ-дьяконъ, а? Блаженный, такъ и есть, что блаженный! Въ головѣ у него какая-то недостача!

Когда Кириллъ вошелъ въ спальню, Мура спросила его:

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ, Кириллъ?

— Они бѣдствуютъ, Мура, дѣйствительно бѣдствуютъ!— отвѣтилъ онъ.

— Но вѣдь за землю мы могли бы получить рублей шестьсотъ.

— А ты знаешь эту ариѳметику? — искренно удивился Кириллъ.

— Мнѣ Ѳекла объяснила! — угрюмо отвѣтила Мура и больше не сказала ни слова.

Ѳекла, также слышавшая этотъ разговоръ, съ страшнымъ негодованіемъ громыхала въ кухнѣ рогачами.

XII.

Отецъ Макарій Силоамскій принадлежалъ къ числу тѣхъ «студентовъ семинаріи», которые съ самаго перваго класса, т. е. еще съ дѣтскаго возраста, всѣ свои способности и стремленія пріурочиваютъ къ опредѣленной цѣли—къ приходу. Приходъ имъ рисуется исключительно въ видѣ доходной статьи, съ мѣшками жита и мѣрками проса — въ видѣ доброхотныхъ приношеній отъ болѣе зажиточныхъ прихожанъ, съ цыплятами и курами — живыми и жареными, съ пикантнымъ ароматомъ свѣжаго книша, съ грудами всякаго хлѣба, со всевозможными льготами и преимуществами, которыя пастырю долженъ оказывать всякій, и вообще съ полной чашей матеріальнаго довольства, гдѣ всего вдоволь и все готовое. Ко всему этому, въ видѣ дополненія, прибавляется служебная часть—обѣдня, вечерня, утреня и требы. Но никогда имъ и въ голову не приходитъ мысль о томъ, съ какимъ народомъ они будутъ имѣть дѣло, какія обязанности возлагаетъ на нихъ состояніе на приходѣ, будутъ ли они вліять на паству и какъ будутъ вліять. И когда они достигаютъ желанной цѣли, то вырабатываются изъ нихъ пастыри — исполнители требъ. Ихъ зовутъ на требу — они идутъ, а прихожане съ своей стороны несутъ имъ доходы. И прихожане смотрятъ на нихъ, какъ на исполнителей, и не чаютъ отъ нихъ никакой духовной пищи, кромѣ той, какая полагается по чину служенія и по требнику.

Эти «студенты семинаріи» любознательность свою ограничиваютъ учебниками, а изъ литературы читаютъ лишь

то, что находится въ христоматіяхъ и разныхъ пособіяхъ. По части богословской литературы они уходятъ не дальше этого. Такимъ образомъ извнѣ ничто имъ не мѣшаетъ вести свою линію, т. е. готовиться къ приходу въ смыслѣ доходной статьи. Впослѣдствіи, когда имъ приходится попасть въ кружокъ образованныхъ людей, они нерѣдко поражаютъ краткими, но авторитетными отзывами о томъ, что Гоголь былъ хорошій писатель, Тургеневъ написалъ «Бѣжинъ лугъ», а Пушкинъ—«Телѣгу жизни» и «Бѣсы». На приходѣ онъ начинаетъ выписывать «Ниву» и «Епархіальныя вѣдомости», вполнѣ ограничивая этимъ всѣ свои связи съ интеллигентнымъ міромъ; а ежели на нихъ посмотрѣть со стороны, то становится грустно отъ ихъ ограниченности и темноты, и думается: чему они могутъ научить темнаго человѣка? Какимъ свѣтомъ просвѣтить его? Мало-по-малу, съ годами, они забываютъ даже то, что находится въ христоматіяхъ, и вмѣсто того, чтобы возвышать пасомыхъ до своего уровня, незамѣтно уподобляются имъ, впитывая въ себя всѣ ихъ предразсудки и заблужденія.

Отецъ Макарій Силоамскій въ бытность въ семинаріи состоялъ также и архіерейскимъ пѣвчимъ. У него былъ высокій теноръ, и одно время его свѣтскіе знакомые совѣтовали ему даже готовиться на сцену. Но онъ смотрѣлъ на вещи здраво, за славой не гонялся и журавлю на небѣ предпочиталъ синицу въ рукахъ, т. е. приходъ. Архіерей назначилъ его въ Луговое за его пѣвческія заслуги, такъ какъ за Луговымъ оставалась репутація прекраснаго прихода. Онъ купилъ домъ о. Родіона черезъ какого-то посредника и пріѣхалъ въ Луговое съ самыми радужными «приходскими» мечтами. Но на первыхъ же похоронахъ онъ былъ ужасно смущенъ, не получивъ никакого дохода. Ему было неловко на первомъ дебютѣ обратиться съ претензіей прямо къ мужику. Поэтому онъ освѣдомился у причта.

— А какъ же насчетъ вознагражденія? У васъ какъ? когда даютъ? До или послѣ?

— У насъ совсѣмъ не даютъ!—сказалъ Дементій и при этомъ съ невѣроятнымъ лукавствомъ посмотрѣлъ на дьякона.

Взглядъ его говорилъ: «блюдите, отецъ-дьяконъ, какую онъ сейчасъ рожу скорчитъ!»

Но Силоамскій рожи никакой не скорчилъ, а взглянулъ на него въ упоръ, почти гнѣвно.

— Я не ради шутки спрашиваю! — сердито сказалъ онъ:—а нужно же мнѣ знать порядки!

Дементій опять выразительно покосился на дьякона: «нѣтъ, вы-таки блюдите, отецъ-дьяконъ, блюдите!»

— Порядокъ у насъ такой, что за требы ни копейки! Совершенно даромъ. Вполнѣ. Только вотъ хлѣбъ, который на панихидкахъ и прочее, это принимаемъ.

— Вы, кажется, хотите морочить меня! — попрежнему сердито, но въ то же время съ легкимъ оттѣнкомъ тревоги сказалъ Силоамскій.

— Какъ же можно? Развѣ я посмѣлъ бы? Отецъ-дьяконъ, подтвердите!

— Истинно такъ!—сказалъ дьяконъ:—до отца Кирилла были доходы и очень даже хорошіе, а отецъ Кириллъ вывели это.

— Какъ вывели? Какимъ же образомъ жить? Надо же жить какъ-нибудь! Да нѣтъ... я просто этого не понимаю!

«А вотъ погоди, поймешь», — подумалъ Дементій и объяснилъ:

— А жить? Жить надо на жалованье! Госпожа помѣщица отъ себя жалованье назначила: священникамъ по пятидесяти въ мѣсяцъ, а намъ много поменьше!..

Силоамскій машинально вынулъ цвѣтной платокъ и вытеръ потъ, выступившій у него на лбу. Онъ почувствовалъ себя такъ, какъ будто внезапно попалъ въ ловушку.

— Такъ вотъ какіе порядки! Приходъ безъ дохода?! Ха-ха!.. Ну, это мы посмотримъ, это мы посмотримъ!.. Надо обсудить, по какому праву такъ распоряжается настоятель! Мы посмотримъ!

Онъ сказалъ это съ нескрываемой злобой и, забывъ о необходимости сохранить благочестивый видъ, снималъ облаченіе съ такой энергіей, словно хотѣлъ разорвать его на части.

Дементій и дьяконъ ужасно злорадствовали. Силоамскій имъ не нравился, и они даже цѣной воспоминанія о потерѣ прежнихъ доходовъ съ удовольствіемъ ранили его сердце этимъ объясненіемъ. Сами они уже совсѣмъ успокоились. На землѣ Кирилла, которую они подѣлили пополамъ, уже зеленѣли первые всходы, и они въ самомъ дѣлѣ чувствовали себя помѣщиками. Силоамскій отправился сперва домой, но сейчасъ же выскочилъ изъ комнаты, схватилъ шляпу и помчался къ Кириллу. Войдя въ квартиру настоятеля, онъ даже забылъ поздороваться и прямо

приступилъ къ дѣлу. Онъ сразу началъ кричать высочайшимъ теноромъ:

— Позвольте, отецъ Кириллъ! Что же это такое? Что это за порядки? По какому праву? На какихъ такихъ основаніяхъ?

— Въ чемъ дѣло? Въ чемъ дѣло? — спросилъ Кириллъ, вставая изъ-за обѣденнаго стола и вытирая салфеткой губы.

Марья Гавриловна смотрѣла на Силоамскаго съ испугомъ.

— Да нѣтъ, я васъ спрашиваю: на какомъ основаніи? Гдѣ такой законъ? Покажите мнѣ его, этотъ законъ! — продолжалъ Силоамскій, совершенно обезумѣвшій отъ разочарованія въ «лучшемъ доходнѣйшемъ приходѣ». — Хотя вы настоятель, но этого вамъ не дано. Нѣтъ, этого не дано! Извините-съ!

— Да въ чемъ же дѣло, о. Макарій? Я ничего понять не могу!

— Какъ въ чемъ дѣло? Вы искоренили законные доходы и завели какое-то жалованье, какіе-то тамъ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ... Очень мнѣ нужно ваше жалованье! Я имѣю право на законный доходъ!

— Да, — сказалъ твердо и внушительно Кириллъ: — у насъ такіе порядки, и вамъ придется подчиниться имъ!

— Ни за что! Чтобы я подчинился этимъ порядкамъ, которые вы выдумали? Да никогда! Я отказываюсь отъ вашего жалованья, и буду требовать то, что мнѣ слѣдуетъ. Да какое вы имѣете право? Это превышеніе правъ! Я буду жаловаться — и васъ... васъ въ монастырь сошлютъ... Вы не думайте, что вы тамъ магистрантъ, такъ вамъ все позволятъ! Преосвященный меня знаетъ, я былъ у него пѣвчимъ... Вотъ что!..

— Хотя я и не былъ пѣвчимъ, тѣмъ не менѣе прошу васъ уйти отсюда, потому что вы неприлично себя ведете! — промолвилъ Кириллъ, съ трудомъ скрывая раздраженіе.

Этотъ молоденькій пастырь, едва начавшій жить своимъ трудомъ, уже такъ настойчиво и горячо требуетъ доходовъ, требуетъ права обратить свое служеніе въ ремесло! Это его и бѣсило, и приводило въ негодованіе, и глубоко печалило. А онъ еще такъ надѣялся на его молодость, которая, какъ онъ думалъ, мало чувствительна къ корысти. Но вотъ о. Родіонъ былъ старъ и насквозь пропитанъ старыми порядками, а между тѣмъ онъ такъ стремительно и даже нагло не требовалъ своихъ правъ на доходъ.

Услышавъ приглашеніе уйти, сказанное притомъ суровымъ тономъ, Силоамскій остановился и какъ-то сразу охладѣлъ. Онъ не желалъ оскорблять настоятеля и даже не хотѣлъ ссориться съ нимъ. Это было не въ его правилахъ. Но въ порывѣ своего негодованія онъ не замѣтилъ, что раскричался и былъ дѣйствительно неприличенъ.

— Извините! — сказалъ онъ Марьѣ Гавриловнѣ и поклонился ей: — я дѣйствительно, въ увлеченіи, того... хватилъ черезъ край и, можетъ-быть, сказалъ что-либо обидное. Но позвольте мнѣ объясниться.

Но Кириллъ уже не слушалъ его. Онъ въ сильномъ волненіи ходилъ по комнатѣ. Покой его былъ отравленъ. Болѣе полугода онъ былъ одинъ на приходѣ, и ему казалось, что новые порядки уже привились окончательно, неискоренимо, что они въ Луговомъ сдѣлались уже закономъ, противъ котораго спорить нельзя. Но главнымъ образомъ его мучило сознаніе, что этотъ молодой такъ же мало понимаетъ его, какъ и старый о. Родіонъ, и даже еще меньше. Что же это? Неужели онъ такъ и останется воевать въ полѣ одинъ? Неужели эта вѣковая атмосфера, среди которой развивается новое поколѣніе пастырей, такъ охватила ихъ всецѣло и пронизала насквозь, что совсѣмъ нѣтъ къ ихъ умамъ доступа для свѣтлой идеи, для осмысленнаго отношенія къ своей задачѣ. Да какая у нихъ задача? Никакой задачи у нихъ нѣтъ, кромѣ общей всѣмъ людямъ — жить въ свое удовольствіе и обезпечить старость.

Кириллъ остановился и посмотрѣлъ на Силоамскаго грустными глазами. Онъ сказалъ пониженнымъ и какъ будто утомленнымъ голосомъ:

— Что намъ объясняться, отецъ Макарій! Ужъ видно, сразу, что мы не поймемъ другъ друга. Разные мы съ вами, слишкомъ даже разные! Разныя у насъ понятія, цѣли, стремленія. Вамъ нуженъ доходъ, а мнѣ его не нужно; васъ онъ радуетъ, а меня оскорбляетъ! Вы пріѣхали сюда за тѣмъ, чтобы обезпечить себя, а я—за тѣмъ, чтобы послужить бѣднымъ и темнымъ людямъ. Что-жъ намъ объясняться! И такъ ясно. Одно только скажу: дѣлайте, что хотите, а порядками, которые я завелъ, я не поступлюсь. Вотъ все, что могу сказать вамъ!..

И Кириллъ опустился на диванъ, блѣдный и совершенно разстроенный. Силоамскій взглянулъ на него исподлобья, потомъ перенесъ этотъ взглядъ на Марью

Гавриловну, расправилъ свою шляпу, повернулся къ двери и вышелъ.

Въ теченіе цѣлой недѣли Силоамскій хранилъ въ себѣ злобу и ничего не предпринималъ. Послѣ тирады, произнесенной Кирилломъ, онъ почувствовалъ, что его рѣшимость во что бы то ни стало настоять на своемъ правѣ какъ-то вдругъ поколебалась. Онъ понялъ, что у Кирилла это во всякомъ случаѣ не самодурство, и странное дѣло— онъ опредѣлилъ это совершенно тѣмъ же выраженіемъ, какъ и о. Родіонъ. Онъ сказалъ:

— Тутъ есть загвоздка!

Прошла недѣля. Однажды вечеромъ Силоамскій пригласилъ къ себѣ дьякона о. Симеона и любезно предложилъ ему откушать вмѣстѣ съ нимъ и съ матушкою чаю. Матушка была очень молоденькая и недурная собой блондинка; она говорила звонкимъ груднымъ голосомъ и чуть-чуть пришепетывала.

— Знаете, это просто ужасно, просто ужасно!—говорила она дьякону, и при этомъ ея свѣтлые глазки готовы были заплакать.—Мы потратились, купили этотъ домъ, и вдругъ такой сюрпризъ. Возможно ли, чтобы начальство терпѣло такой произволъ?

— Да-съ! А вотъ терпитъ! Мы съ Дементіемъ Ермилычемъ уже цѣлый годъ страдаемъ! — съ лицемѣрнымъ сочувствіемъ сказалъ дьяконъ, не упомянувъ, разумѣется, о землѣ Кирилла.

— А скажите, пожалуйста, отецъ-дьяконъ, что это за личность—помѣщица?—спросилъ Силоамскій.

— Помѣщица-съ? Такъ личность... Господь ее знаетъ, что она за личность. Мы ея никогда и не видимъ. Сидитъ въ своемъ саду, словно медвѣдь въ берлогѣ. Ни съ кѣмъ не водится и отъ духовныхъ лицъ отдаляется.

— Гмъ... значитъ, подозрительная. Это бываетъ.

— Вотъ только съ отцомъ Кирилломъ очень сошлась. Часто ѣздятъ другъ къ другу.

— Такъ, такъ! Это весьма подозрительно. Весьма!.. Я поѣду къ архіерею и доложу ему.

— Къ архіерею? Не совѣтовалъ бы!

— Это почему? Архіерей ко мнѣ расположенъ. Я вѣдь у него пѣвчимъ былъ, въ хорѣ пѣлъ!..

— Какъ же, какъ же! Онъ даже соло выдѣлывалъ, да!..— не безъ нѣкоторой гордости подтвердила матушка.

— А все-таки не совѣтую! — сказалъ дьяконъ: — не совѣтую.

— Да почему же, скажите пожалуйста? Вѣдь это прямое беззаконіе!.. Вѣдь нѣтъ такого закона, нѣтъ!..

— Оно положимъ. Только вотъ отецъ Родіонъ тоже такъ говорилъ, а поѣхалъ къ преосвященному, и вышло дѣло скверное. Преосвященный сказалъ ему: «Я, говоритъ, этого священника, т. е. отца Кирилла,—всей епархіи въ примѣръ ставлю, и всѣ его дѣйствія очень даже одобряю!» Вотъ что сказалъ преосвященный. А когда отецъ Родіонъ намекнулъ на переводъ его, т. е. отца Кирилла, такъ преосвященный говоритъ: «нѣтъ, мнѣ его наказывать не за что, а вотъ тебя, — т. е. отца Родіона, — пожалуй, переведу»,— и перевелъ. Вотъ какіе взгляды имѣетъ преосвященный владыка!..

— Ну, это положимъ!—самоувѣренно возразилъ Силоамскій:—то отецъ Родіонъ, а то я. Это далеко не одно и то же!..

— Еще бы! сказала матушка: — я же говорю вамъ, что онъ даже выдѣлывалъ соло. Это не всякій можетъ!

Однимъ словомъ, Силоамскій рѣшилъ послѣдовать примѣру о. Родіона и отправиться къ архіерею. Онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ матушкой, которая была городского происхожденія.

Уже послѣ поѣздки о. Родіона въ губернскомъ городѣ стали носиться кое-какіе разсказы о молодомъ священникѣ Обновленскомъ, который, будучи магистрантомъ, поѣхалъ на приходъ въ деревню и тамъ завелъ небывалый порядокъ, отказавшись отъ всякихъ доходовъ. Но тогда эти разсказы просуществовали среди духовнаго сословія недолго. Никто на нихъ не настаивалъ; самъ о. Родіонъ разсказалъ двумъ-тремъ пріятелямъ въ порывѣ накипѣвшаго негодованія, но послѣ діалога съ архіереемъ своихъ разсказовъ не возобновлялъ и даже на вопросы отмалчивался.

Силоамскіе объѣхали всѣхъ своихъ знакомыхъ, которыхъ у нихъ было множество. О. Макарій посѣтилъ батюшекъ, а супруга его матушекъ. Силоамскій зашелъ даже къ ректору семинаріи, о. Межову, и разсказалъ ему про Кирилла.

— Да, да, я это почти предвидѣлъ и предупреждалъ владыку. Въ немъ и тогда еще, когда онъ пріѣхалъ изъ академіи, былъ замѣтенъ нѣкій духъ отчужденія и заносчивости.

— Онъ всегда былъ немножко сумасшедшій, а теперь совсѣмъ помѣшался!—замѣтилъ присутствовавшій здѣсь мо-

лодой Межовъ, съ большимъ успѣхомъ исполнявшій теперь должность инспектора семинаріи. — Помилуйте, съ какой стати магистранту лѣзть въ деревню? Есть ли тутъ хоть капля смысла?

— Знаете что, Силоамскій!—предложилъ ректоръ:—вы не спѣшите къ архіерею. Я самъ прежде съѣзжу къ нему и поговорю съ нимъ серьезно. Необходимо общими усиліями образумить этого молодого человѣка! Или вотъ что: явитесь вы къ архіерею завтра часовъ въ десять, и я тамъ буду.

Разсказы про чудачества Кирилла удивительно быстро облетѣли всѣ церковные дома губернскаго города и къ вечеру того же дня долетѣли до о. Гавріила Фортификантова и до Анны Николаевны.

— Что-жъ это такое, скажите пожалуйста?!—восклицала Анна Николаевна:—онъ уже сдѣлался басней на весь городъ, на всю губернію! И это мой зять, мужъ моей дочери?! Да неужели же это такъ и останется? Отецъ Гавріилъ! Ты долженъ принять мѣры! Ты долженъ поѣхать къ архіерею, просить, требовать, я не знаю что... Надо спасти нашу дочь!..

О. Гавріилъ, обладавшій спокойнымъ характеромъ и обо всемъ на свѣтѣ полагавшій, что «перемелется — мука будетъ», тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе настойчивыхъ требованій жены, поѣхалъ къ ректору посовѣтоваться. Они условились вмѣстѣ отправиться къ архіерею. Они пріѣхали вмѣстѣ. У подъѣзда стояла архіерейская карета, запряженная четверней вороныхъ цугомъ. Они поспѣшили подняться наверхъ. Ректоръ шелъ впереди, ступая съ большимъ достоинствомъ; за нимъ мелкой походкой ретиво поднимался Силоамскій, и уже въ нѣкоторомъ отдаленіи, задумчиво опустивъ голову, вяло двигался о. Гавріилъ Фортификантовъ. Архіерей сейчасъ же вышелъ. Онъ былъ въ темно-зеленой рясѣ съ отливами и въ клобукѣ съ длинной мантіей. Въ правой рукѣ у него была солидная трость съ дорогимъ набалдашникомъ, а въ лѣвой — четки, но не тѣ черныя, вязаныя изъ шелковыхъ нитокъ, а парадныя, изъ какихъ-то рѣдкихъ и красивыхъ камешковъ. Онъ очевидно спѣшилъ куда-то.

— А, какой почтенный тріумвиратъ!—сказалъ онъ веселымъ тономъ. — И я уже знаю, зачѣмъ вы пришли! Ты, пѣвчій, пріѣхалъ съ жалобою на Кирилла Обновленскаго, такъ что ли? Ужъ я по глазамъ вижу! А отецъ-ректоръ желаетъ поддержать тебя своимъ авторитетомъ! Что же до

тебя, отецъ Гавріилъ, то ты, полагаю, ради доброй компаніи пришелъ! Ну, въ чемъ дѣло? Говорите! Кто будетъ говорить?

— Дѣйствительно, ваше преосвященство!—началъ-было Силоамскій.

— Ну, вотъ, ну, вотъ! Я же угадалъ! съ жалобой! Доходу нѣтъ? а? Такъ?

— Съ своей стороны считаю долгомъ сказать...—съ вѣсомъ заговорилъ ректоръ, но архіерей и ему не далъ договорить.

— Стыдитесь, други мои, стыдитесь!..—внушительно проговорилъ онъ:—радоваться надлежитъ такому явленію, какъ этотъ молодой священникъ, а вы—съ жалобой! Блага городской жизни презрѣлъ, почести отвергъ, безкорыстно ближнему служитъ. Что же тутъ дурного? Ну, ты, отецъ-ректоръ, догматикъ ты извѣстный, скажи, что тутъ дурного по существу дѣла?

— Ваше преосвященство! у него съ помѣщицей подозрительныя дѣла!—поспѣшно сказалъ Силоамскій, боясь, чтобы архіерей не перебилъ его на первомъ словѣ.

Это заявленіе вызвало удивленіе на лицѣ ректора, а о. Гавріилъ покраснѣлъ отъ негодованія.

— Глупецъ!—строго сказалъ архіерей.—За эту ложь тебя слѣдовало бы въ монастырь на мѣсяцъ послать. Ничего подозрительнаго въ его дѣлахъ нѣтъ; душою онъ чистъ, какъ младенецъ!

И, сказавъ это, архіерей пошелъ къ выходу. Тріумвиратъ стоялъ огорошенный столь неожиданнымъ оборотомъ дѣла.

Когда они вышли во дворъ, кареты уже не было. Какъ-то само собой вышло, что всѣ трое пошли въ разныя стороны. Особенно быстро и неизвѣстно куда скрылся Силоамскій, которому было совѣстно, такъ какъ онъ понималъ, что своимъ заявленіемъ о помѣщицѣ онъ испортилъ всю музыку.

Послѣ этого эпизода въ отношеніяхъ между луговскимъ причтомъ наступило затишье. Силоамскій пріѣхалъ изъ города съ такимъ видомъ, словно ничего не случилось. Объ архіерейскомъ пріемѣ ни онъ, ни матушка не сказали никому ни слова. Когда дьяконъ, сильно заинтересовавшійся исходомъ дѣла, однажды осмѣлился спросить Силоамскаго, что сказалъ ему архіерей, тотъ отвѣтилъ съ самымъ простымъ и невиннымъ видомъ:

— Нѣтъ, я, знаете, раздумалъ и у архіерея не былъ.

Неловко какъ-то, знаете, дурно докладывать о товарищѣ. Оно похоже какъ бы на ябеду. Нѣтъ, я такъ рѣшилъ: поживу здѣсь немного, а тамъ просто попрошу перевода куда-нибудь, даже не объясняя причинъ.

Съ Кирилломъ Силоамскій былъ чрезвычайно вѣжливъ и почтителенъ; никогда не возвышалъ голоса и для бóльшаго доказательства своего смиренія послалъ свою жену съ визитомъ къ Мурѣ. Матушки поговорили съ четверть часа, очень ловко соблюдая всѣ условія самаго тонкаго такта. Мура отдала визитъ, но этимъ и ограничилось знакомство.

Наконецъ, Силоамскій не выдержалъ. Не получая никакихъ доходовъ и не успѣвъ ни засѣять, ни отдать въ аренду церковной земли, онъ смотрѣлъ на время, проведенное въ Луговомъ, какъ на потерянное. Поэтому онъ еще разъ съѣздилъ въ городъ, потратилъ массу энергіи, пустилъ въ ходъ всѣ свои пѣвческія связи и добился-таки перевода. Въ іюлѣ старый домъ о. Родіона опять опустѣлъ, и опять Кириллъ, къ своему полному удовольствію, остался одинъ на приходѣ.

XIII.

Между тѣмъ луговскому населенію и цѣлому уѣзду грозила бѣда. Почти въ теченіе цѣлаго мая и весь іюнь съ неба не упало ни дождинки. Рожь, поднявшаяся - было на двѣ четверти, вдругъ преждевременно пожелтѣла и выбросила жалкій колосъ, лишенный зерна. Рожь пропала повсемѣстно, и ее скосили на солому. Надѣялись, что къ Ивану Предтечѣ погода перемѣнится, ударитъ дождь и подыметъ пшеницу, но надежда не оправдалась, и вотъ едва поднявшаяся пшеница стала вянуть, не успѣвъ даже заколоситься. Степь на десятки верстъ кругомъ представляла грустное зрѣлище. Пожелтѣвшія нивы и черныя поля. Уныло бродилъ по безплоднымъ пастбищамъ домашній скотъ, изможденный голодомъ и нестерпимо палящимъ зноемъ, останавливаясь среди голыхъ полей и по цѣлымъ часамъ безнадежно глядя на свѣтло-голубое небо, гдѣ не было видно ни клочка облака. По временамъ на него вдругъ находило какое-то изступленіе, и онъ цѣлой гурьбой, стуча копытами по высохшей землѣ, мчался къ луговой рѣчонкѣ, но, видя вмѣсто воды извилистое, узкое русло, такъ какъ рѣчка давно уже высохла, начиналъ стонать съ невыразимой тоской. Въ колодцахъ берегли воду какъ золото, поили скотъ изъ рукъ, боясь, чтобы колодцы не высохли и не пришла смерть отъ

жажды. У селянъ, однако, былъ запасъ прошлогодняго хлѣба, который они и старались расходовать экономно. Притомъ и надежда не оскудѣвала. Жито пропало — надѣялись на пшеницу; стала желтѣть пшеница—возложили надежду на просо. Но вотъ и іюль приходилъ къ концу, и Илія прошелъ безъ дождя, наступилъ августъ, и были похоронены всѣ надежды.

Кириллъ повсюду, и въ церкви, и на требахъ, встрѣчалъ мрачныя лица селянъ и самъ съ каждымъ днемъ становился все мрачнѣе. Проходя мимо кабака, онъ слышалъ доносившіеся оттуда крики, пѣсни и ругательства и припоминалъ, что въ лучшее время эти крики были слышны рѣже и раздавались не такъ рѣзко. И онъ думалъ о томъ, какъ страшно устроено это существо, этотъ темный деревенскій человѣкъ, который въ голодные дни все-таки находитъ кое-что для того, чтобы пропить. Онъ останавливалъ, увѣщевалъ, старался образумить.

— Батюшка!—отвѣчали ему подвыпившіе:—все одно съ голоду попухнемъ! А такъ и умирать веселѣе!

— Не надо умирать, а бороться надо!—говорилъ Кириллъ, но тутъ же самъ начиналъ понимать, что это пустыя слова, потому что борьба немыслима. «Не бороться, а выносить терпѣливо, покорно, въ ожиданіи лучшаго»,—думалось ему.

Съ половины августа появились случаи скотскаго падежа. Скотъ издыхалъ отъ истощенія и жажды, издыхалъ среди поля, гдѣ стоялъ. Въ разныхъ концахъ деревни раздавался плачъ.

— Такъ и съ нами будетъ, какъ съ скотинкой!—говорили мужики и, глядя на издохшую корову, обливались такими же горячими слезами, какъ если бы умеръ близкій человѣкъ.

Кириллъ приходилъ домой разстроенный и мрачный. Тяжелыя мысли наполняли его голову. Онъ видѣлъ людей совершенно безпомощныхъ, которымъ угрожалъ близкій голодъ. Онъ говорилъ слова утѣшенія, и тутъ же съ болью въ сердцѣ сознавалъ, что эти слова никого не утѣшатъ, что нужна помощь дѣйствительная, помощь дѣломъ, хлѣбомъ. На него напала какая-то нерѣшительность. Бывали минуты, когда ему казалось, что вся его дѣятельность, которую онъ такъ высоко ставилъ, — пустая забава, не больше. Что онъ дѣлалъ? Поучалъ, просвѣщалъ, можетъ-быть, кого-нибудь сдѣлалъ умнѣе, просвѣтилъ чью-нибудь заблуждавшуюся душу, но вотъ надо сохранить людямъ здоровье и даже жизнь—и онъ безсиленъ. Онъ пересталъ

брать доходы, это хорошо, но теперь это уже не заслуга, потому что все равно у мужиковъ давать нечего.

Однажды къ нему пришли звать на похороны, какъ разъ въ то время, когда они обѣдали съ Мурой. Явился паренекъ въ грязной, затасканной сорочкѣ, босой, съ лицомъ блѣднымъ и испещреннымъ пятнами. У него умерла мать.

— Отчего она умерла?—съ тревогой въ голосѣ спросилъ Кириллъ, который еще три дня тому назадъ видѣлъ его мать, Арину Терпелиху, когда она, сгибаясь подъ тяжестью ведеръ, несла отъ колодца домой воду.

— А Богъ ее знаетъ!—тупо глядя въ пространство, отвѣтилъ паренекъ.—Надо полагать, съ пищи.

— Что значитъ: съ пищи?—съ еще большею тревогой продолжалъ свой допросъ Кириллъ, уже предчувствуя въ душѣ своей что-то грозное.

— Вчерась похлебки изъ высѣвокъ поѣла, такъ ее и подвело.

— Изъ высѣвокъ? Это значитъ: изъ отрубей!—какимъ-то особенно глухимъ голосомъ пояснилъ онъ Мурѣ. — Отруби ѣдятъ... Вотъ до чего дошло!..

Онъ ходилъ по комнатѣ почти въ изступленіи. Въ груди у него зачиналась страшная буря. Онъ чувствовалъ, что какъ будто какая-то сила побуждаетъ его и насильно гонитъ куда-то, на какой-то подвигъ, и онъ перестаетъ принадлежать самому себѣ. Мура смотрѣла на него съ изумленіемъ и со страхомъ. Она тихо сказала пареньку:

— Иди, батюшка придетъ!

И когда паренекъ вышелъ, тихо спросила:

— Кириллъ, что съ тобой!

Она встала и подошла къ нему. Лицо его было блѣдно; большіе глаза горѣли, какъ у больного. Она взяла его за руку, онъ остановился.

— Что съ тобой, Кириллъ?—дрожащимъ голосомъ повторила Мура.

— Ахъ, Мура!—простоналъ онъ и припалъ головой къ ея груди. Мура чувствовала, что онъ плачетъ, старалась успокоить его, но ничего не понимала.

— Кириллъ, отчего это? Почему ты плачешь?

— Какъ? Развѣ ты не видишь? Начинается голодъ, вотъ первая смерть отъ голода, голодная смерть, Мура, среди людей, среди оживленныхъ городовъ, гдѣ бойко идетъ торговля и люди веселятся и предаются излишествамъ!

Вѣдь это ужасно, Мура! Смотрѣть на это нельзя сложа руки! Нельзя ѣсть этотъ сытный обѣдъ, когда женщина умираетъ отъ похлебки изъ отрубей... Нельзя, нельзя!.. Надо дѣйствовать!..

Онъ говорилъ это задыхающимся голосомъ и при этомъ глядѣлъ въ окно, откуда видна деревня. Его воображенію представлялось, что смерть уже ходитъ по всѣмъ хатамъ и что онъ уже опоздалъ съ своею помощью. Вѣдь опоздалъ же онъ помочь этой женщинѣ, которая умерла отъ похлебки.

— Но что же мы можемъ подѣлать, Кириллъ? Вѣдь мы сами бѣдны!—сказала Мура.

Но Кириллъ не отвѣтилъ на это. Онъ порывисто надѣлъ на себя рясу, схватилъ шляпу и выбѣжалъ изъ комнаты. Онъ почти бѣжалъ по дорогѣ къ помѣщицѣ. Вѣтеръ вздувалъ полы его рясы, и онъ, размахивая руками и дѣлая большіе шаги, походилъ на огромную птицу, несущуюся низко надъ самой землей.

— Куда это нашъ батюшка такъ бѣжитъ?—съ недоумѣніемъ спрашивали другъ у друга встрѣчные мужики. — Можетъ, что случилось такое. И блѣдный какой, точно смерть, и глаза какъ горятъ!..

Кириллъ не замѣтилъ, какъ прошелъ три версты. Онъ сильно дернулъ калитку сада, прошелъ садовой аллеей и не обратилъ вниманія на свирѣпый лай цѣпной собаки, которая, несмотря на то, что часто его видѣла, не могла никакъ примириться съ его рясой. Онъ поднялся на крыльцо и вошелъ въ переднюю. Тутъ ему встрѣтилась горничная.

— Гдѣ Надежда Алексѣевна?—спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, прошелъ въ столовую.

Надежда Алексѣевна только-что сѣла за обѣденный столъ. Рядомъ съ нею, на высокомъ стулѣ, сидѣлъ мальчикъ съ подвязанной подъ самую шею салфеткой. Взглянувъ на Кирилла, она оставила ложку и поднялась. Видъ его былъ до такой степени необычайный, что она и не подумала пригласить его обѣдать, а прямо обратилась къ нему съ тревожнымъ вопросомъ:

— Что случилось? Говорите скорѣй! Что-нибудь съ Марьей Гавриловной, съ Гаврюшей?

— Нѣтъ, нѣтъ! Голодъ! Люди мрутъ отъ голода!—возвышеннымъ голосомъ отвѣчалъ онъ и, поднявъ руку, медленнымъ жестомъ указалъ по направленію къ деревнѣ:— Тамъ!—прибавилъ онъ.

Его тонъ, голосъ и движенія были величественны. Какъ бы почувствовавъ призваніе, онъ въ эту минуту не могъ говорить просто, а могъ только призывать, будить, проповѣдовать. Тѣ слова, которыя онъ скажетъ сейчасъ, полчаса назадъ показались бы ему напыщенными, а этотъ величественный жестъ—театральнымъ.

— Гдѣ тамъ?—спросила Надежда Алексѣевна.

Ей было извѣстно, что на селѣ не ждали урожая, въ ея собственной экономіи было тоже оскудѣніе, хотя далеко не въ той степени, потому что было много земли и кое-гдѣ все-таки уродило. Но она не подозрѣвала, что дошло до голода.

— На деревнѣ! — отвѣтилъ Кириллъ прежнимъ голосомъ. — За мной только-что приходили — хоронить; умерла Терпелиха отъ мякинной похлебки! Значитъ, уже ѣсть совсѣмъ нечего. А мы съ вами вотъ вкусно и сытно обѣдаемъ и всячески наслаждаемся жизнью. Послушайте, Надежда Алексѣевна, я отдамъ все, что имѣю, но это ничтожныя крохи. Помощь нужна существенная! Вы можете помочь и должны, должны, и поможете. Вѣдь у васъ хорошее сердце!..

Никогда онъ не рѣшился бы сказать ей это въ обыкновенную минуту. Онъ счелъ бы это навязчивостью, вмѣшательствомъ въ чужія дѣла, даже попрошайничествомъ, хотя бы для другихъ. Но теперь ему не было дѣла до этихъ тонкостей житейскаго обихода; онъ смотрѣлъ прямо на дѣло и видѣлъ передъ собою фактъ—ужасную смерть отъ голода. Его блѣдное лицо дышало суровымъ вдохновеніемъ, горячіе взгляды западали глубоко въ душу. Передъ Надеждой Алексѣевной стоялъ не тотъ скромный священникъ, который иногда даже стѣснялся высказать свои взгляды, а если воодушевлялся, то видимо старался подавить въ себѣ порывъ и высказаться мягко. Передъ нею стоялъ вдохновенный пророкъ, въ длинной библейской одеждѣ, съ блѣднымъ лицомъ аскета, съ выраженіемъ глубокаго страданія мученика.

Она была потрясена и его разсказомъ, и его видомъ и манерой. Она почувствовала, что и ее охватываетъ возвышенное настроеніе, что и ею овладѣваетъ неотразимое желаніе сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ хорошее дѣло.

Охваченная этимъ чувствомъ, она взяла его руку и крѣпко пожала ее и затѣмъ быстро вышла въ другую комнату.

Черезъ двѣ минуты она возвратилась и, подойдя къ Кириллу, подала ему небольшой свертокъ ассигнацій.

— Здѣсь немного,—сказала она суровымъ и дрожащимъ голосомъ:—всего около трехсотъ рублей. Но въ городѣ у меня есть еще... Могу взять! Позвольте, — прибавила она, приложивъ руку ко лбу, какъ бы что соображая:—мнѣ надо поговорить съ приказчикомъ!..

Позвали приказчика. Этотъ старикъ, съ длинной бородой и умными, проницательными глазами, служилъ еще при покойномъ Крупѣевѣ и происходилъ изъ крѣпостныхъ. Въ качествѣ приказчика или, какъ его называли, эконома, онъ пережилъ безалаберное управленіе молодого Крупѣева и пьяный режимъ теткина сына, а теперь руководилъ всѣмъ хозяйствомъ.

— Есть у насъ запасъ хлѣба?—спросила его Надежда Алексѣевна.

— Не много, что съ прошлаго лѣта осталось!—отвѣтилъ тотъ.—Ежели для продажи, такъ даже не стоитъ пачкаться: пудовъ до ста пшеницы, да жита четвертей сорокъ. Ячменя пудовъ триста будетъ, да самимъ надобно. Да и всего, при нынѣшнемъ урожаѣ, пожалуй, самимъ не хватитъ.

— Ладно, ступай себѣ...

Но приказчикъ не уходилъ, а очевидно что-то хотѣлъ сказать.

— Барыня! Тамъ четверо мужиковъ просятъ хоть по мѣркѣ жита отпустить... Не дадите, говорятъ, съ голоду помирать придется.

— Выдать сейчасъ же! сію минуту!

— Слушаю-съ!

И приказчикъ ушелъ.

— Теперь пойдемте!—сказалъ Кириллъ.

— Пойдемте!—отвѣтила она и, наскоро сдѣлавъ распоряженіе насчетъ сына, очень быстро собралась. И ему, и ей почему-то казалось, что надо непремѣнно идти пѣшкомъ, что ѣхать въ экипажѣ туда, гдѣ голодъ и смерть, непристойно, оскорбительно. И они пошли большой степной дорогой. Опять прохожіе съ недоумѣніемъ останавливались, видя священника и помѣщицу, поспѣшавшихъ на деревню съ взволнованными и встревоженными лицами. Они шли молча. Надежда Алексѣевна едва поспѣвала за Кирилломъ.

Смерть Терпелихи была только вывѣской несчастья, посѣтившаго Луговое. Терпелиха умерла случайно, потому что съ голоду набросилась на мякинную похлебку и съѣла

ея слишкомъ много. Но голодъ поселился уже въ половинѣ хатъ огромнаго мѣстечка. Хлѣба въ этихъ хатахъ совсѣмъ не было, а отрубей прошлогоднихъ осталось немного, то, чего не доѣли свиньи. Въ нѣкоторыхъ домахъ пробовали убивать на мясо скотъ, но несчастныя животныя были до такой степени худы и изможденны, что убой почти не достигалъ цѣли. Дѣти вяло играли въ дворахъ, блѣдныя, съ опухшими животами. Кириллъ и Надежда Алексѣевна начали съ крайней хаты, и съ каждымъ дворомъ ихъ отчаяніе росло. Почти во всѣхъ хатахъ оказывались больные, которые валялись на печкахъ безъ всякаго присмотра, потому что остальнымъ было не до нихъ. Мужчины пытались ходить на заработки, но идти приходилось слишкомъ далеко, потому что во всемъ уѣздѣ былъ неурожай. Притомъ плата за рабочіе руки до того понизилась, что не стоило работать. Было очевидно, что формальный голодъ длился уже нѣсколько недѣль, и теперь послѣдствія его должны обостриться.

— Почему же вы таили? Почему никто не обратился за помощью ко мнѣ?—спрашивала Надежда Алексѣевна.

Но на это ей отвѣчали молчаніемъ. И ей почудилось, что даже и теперь ея помощь принимали они неохотно, съ недовѣріемъ. «Пожалуй, если бы со мною не было священника, они не пустили бы меня въ домъ»,—думалось ей, и все это казалось ей естественнымъ и понятнымъ. Сколько лѣтъ она жила здѣсь бокъ-о-бокъ съ деревней и не интересовалась тѣмъ, что здѣсь дѣлается, что думаютъ и какъ живутъ эти люди. Она затворилась въ скорлупѣ своего презрѣнія къ людямъ и занималась любовью къ своему сыну. Но развѣ эти люди вызвали въ душѣ ея презрѣніе? Нѣтъ, другіе, а она уклонялась и отъ этихъ, и ее видѣли только по большимъ праздникамъ въ церкви, изъ которой она спѣшила домой и опять затворялась одна въ своемъ полуразрушенномъ замкѣ, окруженномъ садомъ. За это равнодушіе они платили ей недовѣріемъ.

Они ходили до поздней ночи и пришли въ церковный домъ совершенно усталые. Мура былъ въ ужасномъ безпокойствѣ. Она не могла понять, куда дѣвался Кириллъ, и вообразила Богъ знаетъ что.

— Ахъ, если бы ты могла видѣть, что тамъ дѣлается.— восклицалъ онъ: — ты оставила бы все и пошла туда. Голодные и больные—и ниоткуда помощи!.. Какая ужасная судьба захолустья! Пока все благополучно, живетъ оно

себѣ изо дня въ день, кое-какъ перебивается и ничего не требуетъ. Но чуть стряслась бѣда — тутъ и оказывается, что оно вполнѣ одиноко, точно на островѣ среди океана! Боже мой: сколько въ столицахъ и городахъ толкается людей съ умомъ, съ образованіемъ и сердцемъ, но безъ дѣла или даже съ глупымъ дѣломъ! Да идите же сюда, идите въ это темное захолустье! Здѣсь васъ томительно ждетъ живая работа! И какая жестокость! Подлинно—homo homini lupus est. Эти жадные лавочники сейчасъ же воспользовались бѣдой и подняли цѣны на съѣстные припасы до невѣроятныхъ размѣровъ, точно во время войны! Ужасно!

— Это очень грустно!—съ искреннимъ соболѣзнованіемъ сказала Марья Гавриловна:—но мы ничего не можемъ подѣлать... Мы вѣдь сами ничего не имѣемъ!

Кириллъ промолчалъ, но сурово нахмурилъ брови. Надежда Алексѣевна задумчиво смотрѣла въ окно. Она думала о томъ, какое это странное супружество и какъ мало они подходятъ другъ къ другу. Онъ — пылкій энтузіастъ, идеалистъ, почти фанатикъ своей идеи, способный ради нея забыть обо всемъ на свѣтѣ; она—ограниченное существо, встрѣчающее удивленіемъ всякую свѣжую мысль, всякій сколько-нибудь нешаблонный поступокъ. Она не понимаетъ его нисколько, а онъ такъ мало внимателенъ къ своему собственному положенію, что, повидимому, до сихъ поръ этого не замѣчаетъ.

Кириллъ засѣлъ за письма. Онъ писалъ въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ въ губернскій городъ всевозможнымъ властямъ, описывая мрачными красками положеніе Лугового; требовалъ врача, лѣкарствъ, хлѣба... Затѣмъ онъ составилъ воззваніе для помѣщенія въ газетѣ, гдѣ онъ умолялъ гражданъ о помощи. Приготовивъ все это, онъ сейчасъ же снарядилъ церковнаго сторожа, взялъ крѣпкую и быструю лошадь у Крупѣевой и отправилъ его въ городъ. Исполнивъ это, онъ опять пошелъ на село. Было около трехъ часовъ утра. Въ деревнѣ уже просыпались. Надежда Алексѣевна потребовала изъ дому экипажъ, съѣздила въ усадьбу, убѣдилась, что сынъ ея спитъ спокойно, и тотчасъ вернулась въ деревню.

Они неустанно работали въ теченіе двухъ сутокъ. Всюду, гдѣ была нужда, они раздавали деньги и хлѣбъ, но главное вниманіе сосредоточивали на больныхъ, которыхъ было множество. Они старались разгадать болѣзнь, но не могли. Былъ жаръ и бредъ, и Кириллъ догадывался, что это

брюшной тифъ, но рѣшительно безъ всякихъ основаній, потому что онъ не зналъ симптомовъ. Въ эти дни ему пришлось похоронить троихъ, а Терпелиха была четвертой. На третій день къ нимъ пристала доброволица. Это была жена мѣстнаго писаря, женщина лѣтъ сорока, съ совершенно изрытымъ оспой лицомъ и съ добрымъ сердцемъ. Нѣкогда она была сестрой милосердія, ѣздила даже въ Турцію и кое-что помнила изъ лѣчебныхъ пріемовъ. Она сейчасъ же принялась растирать, ставить компрессы, горчичники и припарки, и даже давала что-то внутрь.

На третій день пріѣхалъ изъ города докторъ, и этимъ пока ограничилась помощь губернскаго города.

XIV.

Марья Гавриловна проводила теперь цѣлые дни въ слезахъ. Кириллъ оставлялъ ее одну. Онъ изрѣдка, раза два въ день, заходилъ домой, растерянно передавалъ ей свои впечатлѣнія и опять уходилъ. Мура десять разъ собиралась поговорить съ нимъ, но это не удавалось. Однажды она насильно заставила его выслушать себя.

— Кириллъ, что же ты дѣлаешь? Что ты дѣлаешь? — спросила она, держа платокъ наготовѣ, потому что слезы лились у нея каждую минуту.

Кириллъ посмотрѣлъ на нее неопредѣленнымъ взглядомъ и какъ будто не понялъ вопроса.

— Ты посмотри на себя, на что ты сталъ похожъ?! Лица на тебѣ нѣтъ! Вѣдь ты заболѣешь, умрешь...

— Полно, Мура, объ этомъ вовсе не слѣдуетъ думать! Это мой долгъ, я его исполняю!

— Ты выдумалъ себѣ этотъ долгъ! Ты забываешь, что у тебя жена и ребенокъ!

— Да, Мура, ты права! Бываютъ минуты и даже часы, когда я это забываю. Но развѣ можно помнить, когда передъ тобой столько горя и страданій!—задумчиво промолвилъ Кириллъ.

— Всѣхъ страданій не утолишь, всего горя не излѣчишь!

— Не говори такъ, Мура! не говори, прошу тебя! Такъ говорятъ люди, которые не хотятъ утолить ни одного страданія, излѣчить ничьего горя. Всѣхъ не утолишь — такъ утоли тѣ страданія, которыя видишь, сдѣлай то, что въ силахъ. И откуда ты набралась этой проклятой житейской мудрости, заглушающей въ тебѣ голосъ сердца? Ахъ, Мура, если бы ты знала, какъ мучительно мнѣ это слышать отъ

тебя!.. Вѣдь ты моя жена, мы связаны съ тобой неразрывно. И что же? Ты хватаешь меня за полу и хочешь удержать меня дома, когда я иду на святое дѣло милосердія и состраданія! Но вѣдь мы еще такъ молоды! Только теперь, въ эти годы, человѣкъ охотно отдается благороднымъ порывамъ и жертвуетъ своимъ личнымъ благомъ. Вѣдь придутъ года спокойной зрѣлости, когда и мы, вѣроятно, будемъ коснѣть въ равнодушіи ко всему, кромѣ своего маленькаго гнѣзда. Зачѣмъ же спѣшить, Мура? Зачѣмъ спѣшить?

— Не понимаю я этого, не понимаю, Кириллъ, и вижу только одно, что ты меня вовсе не любишь! Ты всѣхъ любишь больше, чѣмъ меня и нашего сына!..

— Полно, Мура! Что-жъ, это правда, я всѣхъ людей люблю, а тебя и Гаврюшу люблю особо. Что-жъ мнѣ дѣлать, если я не могу иначе?... Нѣтъ, нѣтъ, Мура,—съ приливомъ бодрости и почти весело прибавилъ онъ и при этомъ подошелъ къ ней, взялъ ея руку и поцѣловалъ ее въ голову: — не говори этого, не останавливай меня! Ты здорова и сынъ нашъ здоровъ, вы теперь не нуждаетесь въ моихъ заботахъ, а тамъ—если бы ты знала, если бы ты видѣла, какъ тамъ въ этомъ нуждаются!,.

Онъ ушелъ, а Мура опять принялась плакать. А тутъ еще явилась Ѳекла съ своими причитаньями.

— Что это дѣлается, совсѣмъ даже понять нельзя! — восклицала она, вытирая слезы передникомъ: — какъ посмотрю я на васъ, матушка, несчастненькая вы, какъ есть несчастненькая! Вотъ даже покушать вамъ какъ слѣдуетъ нечего... яичко да сметанка, словно монашенка какая?

Мура дѣйствительно питалась теперь сухояденіемъ. Кириллъ роздалъ прихожанамъ все августовское жалованье, и они довольствовались тѣмъ, что доставала Ѳекла въ долгъ у лавочниковъ.

Ѳекла продолжала:

— День и ночь одна-одинешенька, съ малюточкой маленькимъ словно не мужняя жена, а вдовица сирая! А онъ, муженекъ-то, батюшка-то нашъ, тамъ съ панной этой... Господь его знаетъ!.. Я не говорю, чтобы что, Боже сохрани, какъ можно! А все-жъ-таки, Господь его знаетъ!..

Мура смотрѣла въ окно, чтобы спрятать лицо отъ Ѳеклы. Но послѣднія слова какъ-то надорвали ее, и она громко зарыдала.

Въ окно она видѣла, какъ Кириллъ шелъ по деревенской

дорогѣ, какъ онъ встрѣтился съ маленькимъ, толстенькимъ господиномъ—она знала, что это докторъ, присланный изъ города; потомъ ихъ нагнала коляска, въ которой сидѣла Надежда Алексѣевна; Кириллъ и докторъ сѣли въ экипажъ, и они втроемъ поѣхали на другой конецъ деревни. Мура отвернулась отъ окна. Было ли это слѣдствіе разстройства нервовъ, или на нее повліяли намеки Ѳеклы, но она въ эту минуту ясно почувствовала непріязнь къ Надеждѣ Алексѣевнѣ.

Какой-то неопредѣленный гулъ въ церковной оградѣ заставилъ ее вздрогнуть. Она вытерла слезы и выбѣжала на крыльцо. Когда она увидѣла подъѣхавшій къ самому крыльцу экипажъ, сердце у нея страшно забилось и дыханіе сперлось. Черезъ двѣ секунды она лежала безъ чувствъ въ объятіяхъ Анны Николаевны, а старый дьяконъ Обновленскій дрожащими руками поддерживалъ ее.

Муру внесли въ комнату и положили на диванѣ; она лежала въ обморокѣ. Пока принимали кое-какія мѣры, Ѳекла шопотомъ успѣла вкратцѣ познакомить ихъ съ положеніемъ дѣла.

— И повѣрите ли, милая матушка, что онѣ терпятъ, такъ даже уму непостижимо: день денской однѣ съ младенцемъ! кушать, повѣрите ли, кушать нечего! Отецъ Кириллъ все съ панной этой по хатамъ...

И все до малѣйшей подробности. Старый дьяконъ слушалъ, повѣсивъ голову и чувствуя себя виноватымъ за сына. Его нарочно выписали изъ Устимьевки и взяли въ Луговое для того, чтобы онъ своимъ отеческимъ внушеніемъ образумилъ сына. Хотя онъ очень хорошо зналъ, что это ему не удастся, тѣмъ не менѣе не смѣлъ ослушаться приказанія соборной протоіерейши и поѣхалъ.

— Не чаяла я застать здѣсь что-нибудь доброе,—со слезами говорила протоіерейша:—но такихъ дѣлъ я отъ твоего сына не ожидала, нѣтъ, не ожидала!

А дьяконъ все сидѣлъ съ опущенной головой и положивъ руки на колѣни. Онъ зналъ, что скажетъ ему сынъ. Онъ скажетъ: «вѣдь это, батюшка, по-евангельски; я самарянинъ, взявшій на плечи болящаго и омывающій его раны!» И старикъ ничего не найдется отвѣтить ему.

Мура пришла въ себя и встала съ дивана.

— Ахъ, молоко испортилось!—сказала она:—чѣмъ я покормлю Гаврюшку?!

На разспросы матери она сперва отмалчивалась, но

потомъ разсказала все. Анна Николаевна рѣшительно объявила, что больше она не потерпитъ этого посмѣянія и проучитъ его такъ, что онъ сразу опомнится. Она велѣла Мурѣ сію же минуту собирать узлы и укладывать вещи. Ѳекла вполнѣ одобряла это и дѣятельно помогала.

— А, такъ, такъ, голубушка-матушка! И повѣрьте, что онъ, батюшка, образумится!—говорила она.

Мура испугалась этого рѣшенія, просила подождать, подумать, но протоіерейша была неумолима.

— Если онъ любитъ тебя и сына, то повѣрь, что сейчасъ же прилетитъ за вами; а не любитъ, чортъ съ нимъ!— рѣшительно заявила она, и дьяконъ, который слышалъ это, не могъ вынести такого отзыва и вышелъ. Онъ пошелъ на село искать сына, чтобы предупредить его о грозящей бѣдѣ. Но пока онъ искалъ Кирилла, узлы были увязаны, и Мура, обливаясь слезами, уѣхала въ городъ съ матерью и сыномъ.

Докторъ опредѣлилъ въ Луговомъ эпидемію брюшного тифа.

Это былъ на видъ смѣшной человѣкъ—небольшого роста, толстенькій и плечистый. Ходилъ онъ мелкой, но ужасно твердой походкой, подчеркивая каждый шагъ и при каждомъ шагѣ выдвигая то одно, то другое плечо. Лицо у него было красное, съ широкой, но не длинной четырехъугольной бородой русаго цвѣта съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, носъ вздернутый кверху, глаза сѣрые, большіе, а волосы на головѣ густые, остриженные ежомъ. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрую парусину, съ парусиновой же фуражкой, козырекъ которой торчалъ перпендикулярно къ большому лбу.

Онъ приступилъ къ дѣлу энергично и сразу сталъ обращаться съ Кирилломъ и Крупѣевой, какъ со старыми знакомыми. Звали его Аркадіемъ Андреевичемъ Сапожковымъ.

— Вы бы, барынька, выспались хорошенько, а то вы вмѣсто рта въ ухо лѣкарство льете! — говорилъ онъ Надеждѣ Алексѣевнѣ.

Это было преувеличено. Надежда Алексѣевна очень внимательно исполняла обязанности сестры милосердія; но въ тотъ день, когда пріѣхалъ докторъ, она дѣйствительно была страшно утомлена безсонницей. Въ теченіе двухъ сутокъ она не смыкала глазъ. Кириллу онъ сказалъ, что изъ него могла бы выйти прекрасная сидѣлка, а писареву жену похвалилъ за ловкость, только убѣдительно просилъ не ставить горчичниковъ. У него былъ одинъ большой

недостатокъ: на каждомъ шагу онъ бранился въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете? — кротко спрашивалъ его Кириллъ:—неужели нельзя безъ этого?

— Положительно немыслимо, батюшка, положительно немыслимо!—отвѣчалъ тотъ.—Вотъ-съ, напримѣръ, я довольно ловкій лѣкарь: видите—люди выздоравливаютъ. Но отнимите у меня право выражаться по душѣ, клянусь честью, вся моя ловкость къ чертямъ пойдетъ!.. Это, знаете, помогаетъ, ужасно помогаетъ! Надо вамъ знать, батюшка, что я десять лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою молокососомъ, въ военномъ лазаретѣ упражнялся, тамъ и научился этому...

Онъ прибавилъ, что присутствіе женщинъ всегда стѣсняетъ его, потому что при нихъ надо прикусывать языкъ.

— Но вы, батюшка, меня удивляете! — говорилъ онъ Кириллу.—Много я въ своей жизни батюшекъ видѣлъ—и молодыхъ, и старыхъ, и важныхъ, и скромныхъ. Но всѣ они большею частью запирались въ клѣть свою въ подобныхъ случаяхъ. Страшно боялись заразиться. А вы — храбрый батюшка!

Сапожковъ работалъ неустанно, и ему удалось значительно ослабить эпидемію. Это было тѣмъ легче, что теперь уже ни въ одной хатѣ не ѣли мякину, а вездѣ былъ хлѣбъ. Узнавъ, что торговцы подняли цѣну на съѣстные продукты, Сапожковъ полетѣлъ на базаръ, гдѣ было зданіе въ родѣ гостинаго двора, въ которомъ размѣстились еврейскія лавки. Здѣсь онъ разыгралъ грозное начальство и поднялъ страшный крикъ.

— Ахъ, вы сякіе-такіе! — кричалъ онъ и топалъ при этомъ ногами. — Да я васъ... Знаете ли, что я могу сдѣлать? Я могу всѣхъ васъ въ тюрьму засадить, ежели вы только не станете сію же минуту продавать по-человѣчески! Могу сейчасъ же изъ города вызвать роту солдатъ! Слыхали?

И въ доказательство своего могущества онъ прибавилъ нѣсколько очень крѣпкихъ словъ.

Базаръ струсилъ и понизилъ цѣны до нормальныхъ. Этотъ маленькій докторъ вообще дѣйствовалъ крайне рѣшительно. Онъ видѣлъ, что у его добровольныхъ помощниковъ не хватаетъ силъ, да и число ихъ слишкомъ незначительно — всего трое, тогда какъ у него формальныхъ больныхъ насчитывалось десятка три. Поэтому онъ разыскивалъ старухъ, тащилъ ихъ къ больнымъ и заставлялъ ихъ быть сидѣлками.

— Все равно, даромъ только воздухъ портишь!—говорилъ онъ при этомъ. — Что? Боишься заразы? Смерти боишься? Эка важность! Ну, умрешь, похоронятъ, сгніешь, черви съѣдятъ, и все тутъ! Ступай! Нечего мѣшкать!

Мужики были отъ него въ восторгѣ; особенно имъ нравилось, что онъ употребляетъ крѣпкія словечки.

— Могу васъ увѣрить, что многіе изъ нихъ отъ одного этого выздоравливаютъ!—говорилъ онъ Кириллу.—Услышитъ родное словечко, и духъ возрадуется и воспрянетъ!..

Дьяконъ Обновленскій нашелъ Кирилла, по указанію мужиковъ, на другомъ концѣ села. Въ хатѣ, куда онъ вошелъ, было темновато. На него сразу повѣяло какимъ-то больничнымъ воздухомъ. Онъ замѣтилъ двѣ группы. Одна, въ которой были докторъ и Надежда Алексѣевна, возилась у высокой кровати. Тутъ подъ овчиннымъ тулупомъ лежала пожилая женщина, откинувъ голову назадъ и закрывъ глаза. Докторъ возился съ термометромъ. Дьяконъ прищурился, стараясь разглядѣть Кирилла, но не нашелъ его. Тогда онъ обратилъ вниманіе на другую группу. На низкомъ «припечкѣ» лежалъ мальчуганъ лѣтъ десяти, прикрытый какой-то женской кофтой. Кириллъ держалъ его за руку. Дьяконъ подошелъ къ нему. Взглянувъ на сына, онъ испугался худобы и блѣдности его лица. Кириллъ самъ походилъ на больного.

— Кириллъ!—тихо сказалъ онъ надъ самымъ его ухомъ, и когда Кириллъ поднялъ на него глала, дьяконъ покачалъ головой. Кириллъ оставилъ руку больного и всталъ. Онъ поцѣловалъ отца въ губы.

— Видите, батюшка, что у насъ дѣлается! Ужасно!—сказалъ онъ, и, обратившись къ доктору и Крупѣевой, прибавилъ:—это мой отецъ! Добрѣйшій старикъ!

Докторъ приподнялся и подалъ дьякону руку. Надежда Алексѣевна кивнула ему головой и пристально посмотрѣла на него, какъ бы вглядываясь въ черты его лица.

— Выйдемъ на минутку!—сказалъ Кириллу дьяконъ.

— Видишь, я не одинъ пріѣхалъ, теща твоя тоже тутъ... Она гнѣвается, и жена твоя тоже недовольна.

— А вы?—спросилъ Кириллъ.—И вы недовольны?

— Не обо мнѣ рѣчь. Протоіерейша, Анна Николаевна, хочетъ увезти жену твою и сына.

Кириллъ на минуту задумался, какъ бы размышляя, хорошо это или дурно. Потомъ онъ сказалъ:

— Что-жъ, это хорошо, что они уѣдутъ. Тамъ имъ лучше

будетъ. Здѣсь безпокойство и недостатокъ. Когда это кончится, Мура пріѣдетъ.

— А тебѣ не будетъ скучно, Кириллъ?

— Нѣтъ,—твердо промолвилъ онъ:—не будетъ!..

Дьяконъ сѣлъ на заваленкѣ, а Кириллъ ушелъ въ хату.

Старикъ оставилъ мысль о томъ, чтобы подѣйствовать на сына. Тонъ, которымъ говорилъ Кириллъ, не допускалъ никакой надежды. Видно было, что онъ глубоко проникся своимъ призваніемъ и никакія обстоятельства, никакія личныя и самыя тяжелыя потери не въ силахъ оторвать его отъ дѣла, которому онъ отдался всѣмъ существомъ своимъ. И странное дѣло! Дотолѣ встревоженный, теперь, повидавшись съ сыномъ, онъ какъ-то сразу успокоился, точно побѣжденный его подвижническимъ видомъ, его спокойною рѣчью.

Углубленный въ размышленіе, дьяконъ вдругъ очнулся, почувствовавъ, что рядомъ съ нимъ на заваленкѣ кто-то сѣлъ. Онъ взглянулъ на сосѣда. Это былъ глубокій старикъ, совершенно сѣдой, съ сморщеннымъ лицомъ, съ мутными, выцвѣтшими глазами. Онъ плакалъ, вытирая слезы кулакомъ.

— Э, дѣдъ! Что плакать? Богъ милостивъ? — сказалъ дьяконъ, желая его утѣшить.

— Ахъ, миленькій, я не объ томъ, не объ томъ!—дряблымъ голосомъ промолвилъ дѣдъ, очевидно зрѣніемъ не различая, кто рядомъ сидитъ съ нимъ.—Отъ радости плачу, миленькій, отъ радости!

— Чему жъ ты радуешься, дѣдъ?

— Христовы люди на землѣ проявились, вотъ что! Все одно, какъ бы мученики. Примѣрно, батюшка: младъ, а какіе подвиги подѣялъ... Ахъ-ахъ-ахъ!.. Восемь десятковъ на свѣтѣ живу, миленькій, а такого не видалъ. Истинно посланецъ Божій!... И опять же барынька и лѣкарь какъ трудятся... Ангелы, а не человѣки!.. Истинно ангелы. И знаешь, миленькій: когда видишь этакихъ людей—и грѣшить стыдно... Ангелы, ангелы!..

Старикъ крестился и плакалъ. Умиленный дьяконъ едва сдерживалъ слезы.

Когда они съ Кирилломъ возвратились въ церковный домъ, тамъ было пусто. Кириллъ зашелъ въ спальню, взглянулъ на комодъ, съ котораго были убраны всѣ мелкія принадлежности туалета Муры, посмотрѣлъ на дѣтскую кроватку,

на которой лежалъ обнаженный тюфячокъ, и какое-то непріятное чувство отчужденности стѣснило ему грудь. «Уѣхать, даже не простившись!—мысленно укорилъ онъ Муру:—какъ же далеки мы другъ отъ друга!»

Съ отцомъ онъ говорилъ мало. Дьяконъ поскорѣе уложилъ его спать. Глядя на его горящіе глаза и лихорадочно высохшія губы, онъ сильно боялся за здоровье Кирилла.

«Да и не жилецъ ты, нѣтъ, не жилецъ!»—съ грустью думалъ онъ далеко за полночь, сидя у его изголовья. Думалъ онъ также и о томъ, откуда у его сына взялась такая горячая душа. Мать — озлобленная женщина, самъ онъ—робкій, забитый человѣкъ. Вотъ Назаръ — совсѣмъ другой, да и Меѳодій еще съ третьяго класса о хорошемъ мѣстѣ помышляетъ. «Въ кого же ты удался, сыночекъ?»—мысленно спрашивалъ старикъ, не спуская глазъ съ блѣднаго лица Кирилла. А Кириллъ спалъ глубокимъ сномъ послѣ сорока восьми часовъ бодрствованія и работы.

XV.

Былъ пасмурный день. Трезвонъ небольшихъ колоколовъ луговской церкви раздавался въ этотъ день какъ-то особенно торжественно. Церковь была биткомъ набита народомъ, и даже въ оградѣ было тѣсно. Такая толпа близъ церкви бываетъ только въ ночь Пасхи. Послѣ тяжелой недѣли наступило воскресенье. Къ этому дню на деревнѣ уже вздохнули свободнѣе. Знанія маленькаго доктора Сапожкова, энергія Кирилла, которая вдохновляла и подталкивала къ работѣ импровизированный кружокъ добровольцевъ, и щедрость Крупѣевой—сдѣлали свое дѣло. Кириллъ служилъ обѣдню. Никогда еще прихожане не видѣли его такимъ, каковъ онъ былъ теперь. Сильно похудѣвшій, со впалыми щеками, блѣдный, онъ казался въ своемъ священническомъ облаченіи выше, чѣмъ прежде. Утомленный мучительной недѣлей, онъ ступалъ медленно и молитвы произносилъ, не спѣша и вдумчиво выговаривая каждое слово. Голосъ его былъ тихъ, но въ церкви стояла такая тишина, въ воздухѣ носилось такое вниманіе, что ясно было слышно каждое его слово.

Въ церкви была Надежда Алексѣевна. Она тоже была блѣдна и замѣтно похудѣла. Рядомъ съ нею стоялъ и съ удивленіемъ разглядывалъ церковь и все происходившее вокругъ ея черноглазый мальчикъ. Крупѣева никогда не

водила его въ церковь. Но въ этотъ день ей захотѣлось, чтобы онъ непремѣнно видѣлъ, какъ Кириллъ служитъ и народъ молится. Дьяконъ Обновленскій забрался на клиросъ и скромно подтягивалъ Дементію. Неподалеку отъ клироса стоялъ докторъ Сапожковъ, который считалъ свое порученіе оконченнымъ и собирался въ этотъ день уѣхать въ городъ.

Обѣдня кончилась, народъ сталъ выходить изъ церкви, но не расходился по домамъ, а оставался въ оградѣ. Толпа суетилась до того, что движеніе должно было прекратиться. Повидимому, всѣ чего-то ждали. Вотъ уже въ церкви не осталось никого изъ прихожанъ. Только Крупѣева и докторъ ждали, пока разоблачится Кириллъ, такъ какъ Надежда Алексѣевна просила ихъ отобѣдать у нея. Писарева жена тоже получила приглашеніе, но, какъ особа застѣнчивая и скромная, ютилась въ полутемномъ углу, не рѣшаясь присоединиться къ нимъ. О. Семенъ и Дементій возились въ алтарѣ, а старый дьяконъ ждалъ на клиросѣ. Наконецъ, Кириллъ вышелъ изъ алтаря, поздоровался съ помѣщицей и съ докторомъ. Тутъ къ нимъ присоединился старикъ, писарева жена тоже вышла изъ своего угла, и они всѣ двинулись къ выходу.

Кириллъ шелъ впереди. Едва онъ показался на папертн, какъ мигомъ съ нѣсколькихъ сотенъ головъ снялись шапки, въ толпѣ пронесся какой-то неопредѣленный гулъ, и потомъ вдругъ водворилась тишина. Кириллъ остановился, пораженный этой неожиданной сценой, за нимъ остановились прочіе.

Тутъ толпа немного раздвинулась, изъ нея выдѣлился высокій, тонкій, словно засушенный старикъ съ остренькой, совершенно бѣлой, рѣденькой бородкой, съ маленькими глазками и маленькимъ лысымъ черепомъ. Полусогнувшись, онъ опирался на толстую палку, держа на ея верхушкѣ крестообразно ладони.

— Батюшка!—воскликнулъ онъ дребезжащимъ, но громкимъ и внятнымъ голосомъ, и при этомъ голова его затряслась.— Батюшка и вы всѣ, господа! Посѣтилъ насъ Господь и, по бѣдности своей, не имѣемъ, чѣмъ заплатить вамъ! А ужъ какъ мы чувствуемъ—вотъ пускай весь міръ скажетъ, какъ мы чувствуемъ! Одно скажу: такого батюшки и господъ такихъ, должно-быть, еще и на свѣтѣ не было и не будетъ. Вотъ какъ мы чувствуемъ!

Старикъ приподнялъ руку и вытеръ рукавомъ своей старой и страшно затасканной чумарки набѣжавшія слезы.

Въ этотъ моментъ произошло нѣчто еще болѣе неожиданное. Старикъ опустился на колѣни и ударилъ земной поклонъ. Многіе послѣдовали его примѣру. Другіе кланялись въ поясъ и твердили слова благодарности, сливавшіяся въ какое-то гудѣніе. Нѣсколько умиленныхъ бабъ взобрались на паперть, схватывали концы рясы Кирилла и прикладывали ихъ къ губамъ. Почти у всѣхъ блестѣли слезы на глазахъ.

Надежда Алексѣевна, потрясенная этой захватывающей сценой, прислонилась къ небольшой колонкѣ, боясь, чтобы ноги ея не подкосились. Это было уже слишкомъ для ея утомленныхъ нервовъ. Кириллъ, наоборотъ, ощущалъ въ груди своей невѣроятный приливъ мужества и энергіи. Онъ чувствовалъ, что именно въ эту минуту между нимъ и его прихожанами установилась крѣпкая, неразрывная связь, что теперь онъ имѣетъ могучую власть надъ этой толпой. Почувствовалъ онъ, что все то, что онъ говорилъ имъ раньше, были слова и слова, которыя, вѣроятно, пропускались ими мимо ушей, но если онъ скажетъ имъ то же самое теперь, то оно глубоко западетъ въ ихъ души и отзовется въ нихъ, какъ неотразимое внушеніе. Онъ долженъ былъ говорить, и, поднявъ руку столь же величественно, какъ тогда, когда онъ призывалъ на помощь Надежду Алексѣевну, онъ сказалъ:

— Друзья мои, слушайте, слушайте! Богъ посѣтилъ насъ за грѣхи, но кто изъ насъ можетъ сказать, что онъ и впредь не будетъ грѣшить и не заслужитъ того же! Подобное несчастье можетъ повториться и опять застать насъ врасплохъ. Такъ послушайте жъ меня теперь, когда сердца ваши очищены умиленіемъ, дайте сейчасъ же клятву никогда не пить лишняго, а деньги, которыя тратили на это, откладывать въ общую кассу для помощи ближнему—на черный день!

— Такъ, такъ!—отвѣчали ему:—мы закроемъ кабаки и сдѣлаемъ приговоръ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—возразилъ Кириллъ.—Приговоръ можно нарушить. Вы закроете кабаки и будете за тридцать верстъ ѣздить за водкой. Не нужно приговора. Вы только дайте обѣщаніе мнѣ вотъ здѣсь на этомъ мѣстѣ. Обѣщаете?

— Обѣщаемъ! — прогремѣла толпа, какъ одинъ человѣкъ.

Не успѣлъ Кириллъ сойти съ послѣдней ступеньки, какъ почувствовалъ, что его кто-то обнялъ и цѣлуетъ въ губы. Это былъ старикъ, говорившій рѣчь. Цѣлованье длилось безъ конца. Цѣловались со всѣми и докторъ, и Надежда Алексѣевна, и даже старый дьяконъ, который плакалъ больше всѣхъ.

Надежда Алексѣевна едва дошла до экипажа. Въ теченіе получаса она испытала такую массу сильныхъ впечатлѣній, что нервы ея подались. Совершенно обезсиленная, она велѣла везти себя домой.

Когда гости ея, перецѣловавшись чуть не со всей деревней, пріѣхали, она вышла къ нимъ совсѣмъ больная. Кириллъ, напротивъ, былъ бодръ и оживленъ, и много говорилъ за обѣдомъ. Онъ восторженно мечталъ вслухъ о томъ, какъ теперь онъ будетъ работать при совершенно новыхъ условіяхъ. Теперь у него съ прихожанами установилась неразрывная связь, онъ въ одну недѣлю пріобрѣлъ огромное вліяніе на нихъ. Онъ говорилъ о совершенномъ искорененіи пьянства, о сбереженіяхъ, которыя дадутъ возможность улучшить хозяйство, о школѣ для взрослыхъ.

— Да, да! Надежда Алексѣевна! У насъ съ вами теперь есть твердая почва подъ ногами. Мы сегодня завоевали Луговое! И теперь мы съ вами далеко пойдемъ! — восклицалъ онъ.

Надежда Алексѣевна какъ-то болѣзненно улыбалась, а глаза ея смотрѣли на него загадочно и грустно. Она любезно предлагала гостямъ кушанья, но сама почти ничего не ѣла и въ разговоръ не вмѣшивалась. Тотчасъ послѣ обѣда подали таратайку для доктора и старика Обновленскаго, который рѣшилъ съѣздить прежде въ городъ, чтобы навѣдаться къ Фортификантовымъ и разнюхать, каково тамъ настроеніе.

— Ахъ, милые, симпатичные люди, жаль мнѣ съ вами разставаться! Ужасно жаль!—говорилъ Сапожковъ, усаживаясь половчѣе въ таратайкѣ на импровизированной подушкѣ изъ сѣна. — Не забудьте, батюшка, зайти къ этой бабѣ, какъ ее? Перепичка, что ли!.. Ей надо перемѣнить компрессъ!—прибавилъ онъ.

Дьяконъ молча поцѣловался съ Кирилломъ и прибавилъ къ этому:

— Подумай, сыночекъ, и о себѣ! Богомъ и совѣстью это не возбраняется.

Кириллъ просилъ его расцѣловать всю семью и передать Мурѣ, что теперь въ Луговомъ благополучно и пусть она поскорѣй пріѣзжаетъ съ Гаврюшкой. Тутъ и писарева жена распрощалась съ обществомъ и ушла домой, совершенно довольная, что наградой за ея труды было знакомство съ такимъ, по ея мнѣнію, блестящимъ обществомъ.

Надежда Алексѣевна и Кириллъ остались одни.

— Пройдемтесь по саду!—сказала она. — Я хочу освѣжиться!

Они сошли съ крыльца. Солнце въ этотъ день не выглядывало изъ-за облаковъ, но облака были спокойныя, свѣтло-сѣрыя, похожія на сгустившійся туманъ и не грозившія дождемъ. Слабый вѣтерокъ едва колыхалъ вѣтви деревьевъ. Подъ ногами изрѣдка хрустѣли кое-гдѣ уже осыпавшіеся сухіе листья. Воздухъ былъ пропитанъ пріятной свѣжестью и дышалось легко.

Они шли рядомъ. Мальчуганъ побѣжалъ впередъ. Ему были хорошо знакомы всѣ закоулки сада, такъ какъ въ этомъ саду вмѣстѣ съ домомъ проводилъ онъ все свое время. Этотъ маленькій благовоспитанный дикарь почти не видѣлъ людей и всѣхъ ихъ, кромѣ матери и главнаго приказчика, считалъ чужими и дичился ихъ. Только въ послѣднія недѣли онъ привыкъ къ Кириллу и сталъ признавать его своимъ человѣкомъ.

Надежда Алексѣевна набросила на плечи бѣлый вязанный платокъ и, ежеминутно нервно вздрагивая, куталась въ него.

— Вы совсѣмъ расклеились, Надежда Алексѣевна! — сказалъ Кириллъ, глядя на ея блѣдное лицо и болѣзненно-утомленный видъ.

Она горько улыбнулась и, нервно передернувъ плечами, крѣпко закуталась въ платокъ.

— Да вѣдь пора мнѣ расклеиться и... подать въ отставку!

И она засмѣялась короткимъ и какъ будто вынужденнымъ смѣхомъ. Кириллъ подумалъ: «нездорова, нездорова», и не возражалъ.

— Что же вы не возражаете?—продолжала Крупѣева:—отчего не говорите: «какъ? вы — такая молодая и уже въ отставку? едва успѣли сдѣлать одно маленькое дѣльце — и уже пасуете?» Отчего жъ вы этого не говорите? Дайте мнѣ руку,—меня прямо шатаетъ.

Кириллъ не умѣлъ подавать руку дамамъ, и ему казалось, что широкіе рукава рясы служатъ для этого препятствіемъ. Но Крупѣева сама приблизилась къ нему, взяла его руку и крѣпко оперлась на нее.

— Вамъ нуженъ отдыхъ, Надежда Алексѣевна! — сказалъ Кириллъ.

Крупѣева не слышала этого или не обратила вниманія.

— Я прожила глупую жизнь!—тихо говорила она, какъ бы для того, чтобы онъ только одинъ слышалъ:—въ жизни моей былъ одинъ только крупный и достойный вниманія фактъ, и между тѣмъ онъ былъ самой капитальной глупостью!.. Люди, которыхъ я встрѣчала, вызывали во мнѣ одно презрѣніе... Вы единственный человѣкъ, котораго я уважаю!..

Кириллъ чувствовалъ, что она вся дрожитъ, а тихій говоръ ея готовъ былъ превратиться въ плачъ.

— Вотъ мы и работаемъ вмѣстѣ! — мягко сказалъ онъ.

— Послушайте,—продолжала она тѣмъ же тихимъ голосомъ:—зачѣмъ вы носите рясу? Вѣдь вы не вѣруете... Снимите ее!..

Въ тихомъ, едва слышномъ голосѣ ея слышалось требованіе.

— Кто вамъ сказалъ это? Я вѣрую въ Бога, Который помогаетъ мнѣ дойти до сердца этихъ темныхъ людей. Безъ Него я никогда этого не достигъ бы!.. — отвѣтилъ Кириллъ глубоко убѣжденнымъ тономъ.

— Пусть такъ! Зачѣмъ же вамъ эта одежда?

— Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы имѣть право вмѣшиваться въ ихъ жизнь. Эта одежда служитъ мнѣ проводникомъ!..

— Ахъ! — болѣзненно простонала она: — это все слова, все слова! Зачѣмъ же все для нихъ? Развѣ я не такой же бѣдный и достойный сочувствія человѣкъ, какъ и они? Развѣ мы тоже не имѣемъ права на долю счастья? А я хочу же, наконецъ, счастья!.. Послушайте!..

Словно пораженный внезапной острой болью, онъ вдругъ отскочилъ отъ нея и смотрѣлъ на нее изумленными глазами.

— Вы... Вы?.. — спрашивалъ онъ и чувствовалъ, что языкъ ему не повинуется, и онъ не въ силахъ вымолвить то, что хотѣлъ.

Надежда Алексѣевна приблизилась къ стволу яблони, вѣтви которой свѣшивались надъ ихъ головами, и, протя-

нувъ руку, слабо оперлась о стволъ. Она не глядѣла на Кирилла. Лицо ея, казавшееся теперь темнымъ при сѣромъ цвѣтѣ воздуха, выражало полный упадокъ духа, уныніе и безконечную тоску. Она говорила все тѣмъ же слабымъ голосомъ, который, казалось, каждую минуту готовъ былъ надорваться.

— Да, и вы виноваты въ этомъ! Зачѣмъ вы явились ко мнѣ съ вашей правдивостью, которой я еще ни въ комъ не встрѣчала, съ вашей глубокой искренностью, въ существованіе которой я не вѣрила. Вы подвинули меня выйти изъ моей покойной спячки, которая по крайней мѣрѣ не порождала во мнѣ никакихъ запросовъ, никакихъ желаній, ни тревогъ. Я жила какъ въ дремотѣ—вы разбудили меня. Своимъ вдохновеннымъ видомъ вы наэлектризовали меня, и я пошла за вами, не спрашивая, куда и зачѣмъ. И когда я дошла до такого состоянія, что не могу безъ васъ обходиться, что способна сдѣлаться вашей покорной рабой и всюду слѣдовать за вами, вы смотрите на меня съ изумленіемъ. Почему же? Здѣсь нѣтъ правды, вы первый разъ со мной не искренни! Вы должны сочувствовать мнѣ. Должны—это такъ естественно, мы такъ сроднились, такъ понимаемъ другъ друга!

— Вы говорите это мнѣ, священнику, у котораго есть жена!—рѣшился, наконецъ, возразить онъ.

— Жены вашей вы не любите, вы не можете любить ее, и не говорите этой неправды! — рѣзко остановила она его, и потомъ голосъ ея опять упалъ и сталъ еще слабѣе прежняго:—простите меня и забудьте все, что я вамъ сказала... Я ошиблась... Я сегодня уѣду отсюда!

И она быстро прошла впередъ по аллеѣ, потомъ свернула налѣво, гдѣ, закрытый большими деревьями, безпорядочно росъ густой кустарникъ. Кириллъ постоялъ нѣсколько секундъ. Первое его движеніе было — вслѣдъ за ней; ему показалось, что шаги ея были неровны, что она сейчасъ должна упасть и ей необходима помощь. Но затѣмъ онъ подумалъ, что его участіе будетъ для нея мучительно. Онъ повернулъ назадъ. Ему почудилось, что она плачетъ, и онъ все-таки пошелъ къ выходу. Онъ боялся обернуться и съ ужасомъ думалъ о только-что происшедшей сценѣ, которая была для него совершенной неожиданностью.

Онъ шелъ домой съ такой поспѣшностью, словно боялся погони. Теперь онъ припоминалъ то, на чемъ прежде не

останавливалось его вниманіе. Припоминалъ онъ то оживленіе, которое появлялось въ лицѣ Надежды Алексѣевны, когда онъ приходилъ къ ней, припоминалъ ту странную рѣшимость, съ которой она по одному его слову пошла за нимъ и открыла свой кошелекъ и свои засѣки и кладовыя для мужиковъ, до которыхъ еще наканунѣ ей не было дѣла. Припоминалъ, наконецъ, тѣ долгіе взгляды, которые она останавливала на немъ, когда онъ говорилъ съ мужиками, въ особенности сегодня близъ церкви. И все это вмѣстѣ съ неожиданной развязкой, которая только-что произошла, казалось ему удивительно страннымъ и непонятнымъ. Онъ былъ слишкомъ простъ. Онъ не понималъ, какъ можно говорить о любви съ человѣкомъ, у котораго есть жена и ребенокъ, въ особенности если этотъ человѣкъ священникъ.

Когда онъ пришелъ домой, уже вечерѣло. Въ вечернемъ воздухѣ чувствовалась сырость, отъ которой надо было прятаться въ комнату. Онъ вошелъ въ квартиру, прошелся по комнатамъ и вдругъ какъ бы впервые почувствовалъ, что онъ одинокъ. Ему захотѣлось увидѣть Муру и сына, и какой-то мучительный холодъ сковалъ его сердце.

Долго онъ бродилъ изъ угла въ уголъ, прислушиваясь къ звуку собственныхъ шаговъ. Эти звуки, которыхъ онъ прежде не слышалъ, потому что былъ не одинъ, были ему непріятны. Въ головѣ его роились тысячи мыслей и впечатлѣній, и онъ думалъ о томъ, какъ трудно согласить различныя требованія людей отъ жизни.

Пришла Өекла и внесла въ комнату зажженную свѣчу.

— А тутъ вамъ, батюшка, письма есть! — сказала она. Өекла смотрѣла на него исподлобья. Она не одобряла его поведенія и не могла простить ему отъѣзда Муры, да и всего остального.

— Письма?—спросилъ Кириллъ и съ большимъ оживленіемъ пошелъ ей навстрѣчу.

— Да, одно уже давно тутъ вотъ на угольникѣ лежитъ. Должно-быть, изъ города. Десятскій принесъ. А другое сейчасъ прислали отъ помѣщицы.

Кириллъ протянулъ руку. Өекла дала ему маленькій конвертъ.

Въ конвертѣ была визитная карточка, на оборотной сторонѣ которой было написано: «Прошу васъ, какъ друга, забыть все, что было сегодня, и сохранить обо мнѣ только

добрую память. Я уѣзжаю сейчасъ. Когда вылѣчусь отъ *моей болѣзни*, вернусь и буду вашей помощницей, а теперь не могу. Жму вашу руку. Людей попрежнему направляйте въ мою контору. Я сдѣлала распоряженіе. Какая у васъ свѣтлая, прекрасная душа!»

Кириллъ медленно разорвалъ карточку на части и опустилъ клочки въ корзину. Ему представилось блѣдное, изможденное лицо Надежды Алексѣевны, когда она говорила ему свои странныя рѣчи, ея блестѣвшіе въ это время глаза и порывисто дышавшая грудь. И онъ вдругъ почувствовалъ къ ней жалость, какъ къ больному другу, и пожалѣлъ о томъ, что ему не пришлось на прощанье пожать ея руку. Вѣдь она съ такимъ самоотверженіемъ жертвовала и своими средствами, и временемъ, и здоровьемъ. «Да, это болѣзнь, но она пройдетъ, и Надежда Алексѣевна вернется. Мы встрѣтимся друзьями!»—думалъ онъ. Тутъ онъ вспомнилъ о другомъ письмѣ. На конвертѣ съ почтовымъ штемпелемъ была рука Анны Николаевны.

«Значитъ, не отъ Муры», — подумалъ онъ и вскрылъ конвертъ. Протоіерейша писала кратко, но величественно: «Любезный зять, Кириллъ Игнатьевичъ! Твои сумасшедшіе поступки вывели насъ изъ терпѣнія, и мы были вынуждены взять отъ тебя жену твою, а нашу дочь, вмѣстѣ съ нашимъ внукомъ. Мы полагали, и это такъ натурально, что ты на другой же день прилетишь въ городъ за своимъ семействомъ, но ошиблись, ты и не думаешь объ этомъ. Жена твоя обливается слезами, но къ тебѣ не поѣдетъ, хотя бы изъ одной гордости. Ты получишь опять семейство лишь послѣ того, какъ образумишься. Любящая тебя и желающая тебѣ и своей дочери счастья теща Анна Фортификантова». Внизу же послѣ подписи была приписка: «Преосвященный готовъ дать тебѣ мѣсто въ городѣ, въ купеческой церкви, если пожелаешь».

Кириллъ сложилъ письмо и положилъ его на угольникъ. Онъ раза два прошелся по комнатѣ, потомъ остановился передъ окномъ и взглянулъ на деревню. Въ сгустившемся вечернемъ сумракѣ мужицкія хаты казались сѣрыми точками; кое-гдѣ свѣтились огоньки. Ему представилось, что онъ, ради личнаго счастья, ради спокойной и довольной жизни, покидаетъ эту сѣрую деревню и переселяется въ городъ на приходъ богатой купеческой церкви. И эта мысль показалась ему нелѣпой, неосуществимой.

— Образумиться! Это значитъ — пойти по протоптанной

дорожкѣ, жить безъ мысли, безъ идеи! Нѣтъ, никогда я не образумлюсь! Никогда! Пусть я буду одинокъ, пусть даже лишатъ меня сына!

Но тутъ онъ почувствовалъ, что сынъ ему нуженъ, и рѣшилъ, что онъ рано или поздно вернетъ его. Сына онъ самъ будетъ учить—мыслить и жить, этого онъ никому не уступитъ. Онъ перельетъ въ него свою горячую душу и сдѣлаетъ его такимъ же борцомъ, какъ и самъ онъ. Да одинокъ ли онъ? А эти сѣрыя хаты, въ которыхъ идетъ такая кипучая жизнь и которымъ онъ такъ необходимъ? Развѣ онъ не покорилъ ихъ, развѣ не сроднился съ ними?

Кириллъ вспомнилъ о Перепичкѣ, надѣлъ рясу, прихватилъ палку и твердой походкой вышелъ на улицу.

ШЕСТЕРО.

ШЕСТЕРО.

(Разсказъ.)

I,

— Охъ, мученица я, мученица - страстотерпица, да и только! И вотъ же къ другимъ Господь милосердъ! У перекопскаго дьяка прошлымъ лѣтомъ двоихъ въ одну недѣлю прибралъ... Да чего ты раздираешься? Ну, чего, скажи, Бога ради, чего-о?

— Натонька, Натонька, Христосъ съ тобою, что ты говоришь? Грѣхъ даже думать такими мыслями, а ты слова говоришь... Ахъ, ты, Боже мой!

Натонька лежала, свернувшись въ клубокъ, на коротенькомъ неуклюжемъ диванчикѣ, обитомъ зеленымъ трипомъ, съ желтыми пятнами въ различныхъ мѣстахъ. Въ крѣпко натопленной комнатѣ съ низкимъ и слегка покатымъ потолкомъ, съ маленькими окнами, зеленоватыя неровныя стекла которыхъ придавали пропускаемому ими свѣту печальный сѣроватый оттѣнокъ, было душно и пахло дымкомъ, но, несмотря на это, Натонька вздрагивала и плотнѣе прикрывалась старою касторовою рясой отца Антонія. Въ комнатѣ стоялъ невообразимый гвалтъ, производимый шестью ребятишками, изъ коихъ старшему было семь лѣтъ, а самый младшій еще только пытался ползать по дырявому ряденцу, разостланному на полу. Вся эта компанія играла и шумѣла, причемъ старшій, Тимошка, изображалъ священника, подражая въ манерахъ и интонаціи мѣстному настоятелю, отцу Панкратію, а прочіе выполняли обязанности причетниковъ, «тытаря» и прихожанъ. Но именно «тытарь», роль котораго досталась четырехлѣт-

ней Пашѣ, въ чемъ-то сбился, за что получилъ отъ пятилѣтняго разбойника Васьки тяжеловѣсную затрещину. За Пашу заступилась шестилѣтняя Маринка, блѣдная дѣвочка съ серьезнымъ, задумчивымъ выраженіемъ глазъ, на Маринку наступалъ Тимошка, подымался общій ревъ, и все это тянулось къ коротенькому дивану за утѣшеніемъ. Натонька, у которой трещала голова и разламывало кости, должна была каждую минуту вставать и чинить судъ и расправу. Понятно, что это ее раздражало и доводило до бѣшенства. А отецъ Антоній сидѣлъ за небольшимъ четыреугольнымъ столикомъ, спиной къ Натонькѣ и къ дѣтямъ, и, широко разложивъ на столѣ свои локти въ обѣ стороны и наклонившись всѣмъ туловищемъ впередъ, усердно писалъ метрическую книгу. Со дня на день въ село ожидался благочинный, у котораго во всякое время можетъ явиться желаніе проревизовать книги, а отецъ Антоній, изъ-за болѣзни Натоньки, запустилъ это дѣло. Между тѣмъ для него очень важно, чтобы благочинный нашелъ все въ исправности.

И онъ ужасно торопился,—до такой степени торопился о. Антоній, что предоставилъ Натонькѣ жаться отъ лихорадочной дрожи подъ его касторовою рясой и не разспрашивалъ, что у нея болитъ и какъ она себя чувствуетъ.

Въ оконце видна была церковь, площадь около церкви и часть замерзшей рѣки. На площади и на церковной крышѣ, и на низкомъ берегу рѣчки, и на самомъ льду лежало ровное, гладкое и блещущее на солнцѣ бѣлое покрывало изъ свѣжаго, выпавшаго ночью, снѣга. Мужикъ въ кожухѣ съ заплатами, въ сивой шапкѣ и въ высокихъ сапогахъ, оставлявшихъ на мягкомъ снѣгу полуаршинные слѣды, везъ по льду свѣже-сжатый камышъ. Худая лошаденка ступала по гладкой дорогѣ легко, а деревянные полозья съ загнутыми кверху передами, казалось, катились за нею сами собой.

— Ты бы пустила, Натонька, ребятъ на улицу. Пусть бы снѣжкомъ поиграли. Славно такъ на улицѣ! — сказалъ о. Антоній, не перемѣняя позы и продолжая писать метрическую книгу.

— Ахъ, да пускай бѣгутъ! Пускай хоть сквозь землю провалятся! Дай ты мнѣ минуту покоя! — надрывающимся голосомъ воскликнула Натонька и съ шумомъ повернулась на другой бокъ, лицомъ къ спинкѣ дивана.

Отецъ Антоній покачалъ головой, но ничего не сказалъ. «Охъ ты, Господи, Господи! Какія слова! — думалъ онъ.—

Это болѣзнь въ ней говоритъ, а сама-то она не чувствуетъ такъ, сама-то добрая Натонька... Ахъ, бѣдняжечка!»

И сталъ онъ думать о томъ, какъ бы выгнать изъ Натоньки эту болѣзнь, которая Богъ знаетъ съ чего привязалась къ ней. Фельдшеръ смотрѣлъ ее и сказалъ, что лихорадка. И два года уже тянется эта лихорадка. Походитъ Натонька, походитъ денька три, а тамъ и сляжетъ, да недѣлю и валяется. А то и на ногахъ ходя перемогается, жмется и охаетъ. И на грудь жалуется, и кости ей ломитъ; Богъ ее знаетъ, что за болѣзнь. Совѣтовался о. Антоній съ однимъ знакомымъ докторомъ въ городѣ. Доктору-то пріѣхать въ село нельзя, времени нѣтъ, а городъ далеко, сорокъ верстъ, — гдѣ тутъ зимой тащить больную? Да и сама Натонька не хочетъ, никакъ не уговоришь ее. Это, говоритъ, такъ, легкая простуда,—весна придетъ, солнышко пригрѣетъ и сама пройдетъ. Фельдшеръ порошки хинные давалъ, но отъ нихъ только пуще въ головѣ шумитъ, а помощи никакой. Одна тутъ баба есть, Метеличиха, коренья какіе-то давала, настой велѣла дѣлать и по понедѣльникамъ да по пятницамъ натощакъ пить,—тоже ничего не помогаетъ. Можетъ, оно и въ самомъ дѣлѣ, какъ весна придетъ, солнышко вылѣчитъ. Ребятишки вотъ очень раздражаютъ ее. Ей бы полежать, да соснуть хорошенько, а тормошатъ ее. Вотъ она и изъ себя выходитъ, и слова говоритъ такія, которыхъ въ сердцѣ у ней вовсе нѣтъ. А замѣнить ее некому. Сестра его, о. Антонія, изрѣдка наѣзжаетъ. Живетъ у братьевъ по очереди. Не выписать ли ее теперь изъ Тягинки? Что-то на этотъ разъ Натонька крѣпко залегла. А все отъ бѣдности. Приходъ небогатый, а у него еще дьячковская вакансія, потому что дьякона въ приходѣ совсѣмъ по штату не полагается. Получаетъ двадцать копеекъ съ рубля. Вотъ и живи, какъ хочешь. Шутка ли, за восемь лѣтъ супружества шестерыхъ ребятъ наплодили! А ему-то всѣхъ 28, да Натонькѣ 26, сколько это еще у нихъ дѣтишекъ можетъ быть и чѣмъ ихъ кормить, да одѣвать, да обувать? Вотъ ежели бы архіерей смилостивился, да во священника рукоположилъ, другая бы жизнь пошла. Натонька себѣ въ помощь какую-нибудь женщину взяла бы и поправилась бы, дѣтей бы воспитать можно, въ люди вывести; а то вѣдь, пожалуй, придется безъ науки оставить, а ужъ это, по нынѣшнимъ временамъ, такая бѣда, что хуже не надо. Да, если бы владыка смилостивился, хорошо было бы!

Передъ самыми оконцами прокатили городскія аккуратныя нарядныя сани, запряженныя парой, и проѣхали мимо. Отецъ Антоній сейчасъ узналъ ихъ и того, кто въ нихъ сидѣлъ.

— Гм... А вотъ и благочинный пріѣхалъ. Сейчасъ къ отцу Панкратію прокатилъ,—вслухъ сказалъ онъ.—Эхъ, а метрическія-то книги не готовы. Но, авось, не потребуетъ. Пойти спросить—не было ли чего по моей части...

И онъ всталъ изъ-за стола, аккуратно посыпалъ свое писанье песочкомъ, высыпалъ песокъ обратно въ стеклянную баночку и, бережно закрывъ книгу, отложилъ ее къ стѣнѣ.

— Ну, дѣтвора, одѣвайся! Сейчасъ на улицу выпущу. Ну, ну, Тимошка, одѣвай Пелагею, Васька—Аксютку, а Маринка Сашу въ саночкахъ повезетъ. Живѣй!

— Охъ, боюсь, какъ бы они Сашу не уронили?— больнымъ голосомъ промолвила Натонька.

«Ишь ты, ишь ты,—подумалъ о. Антоній:—слова-то какія страшныя говоритъ, а сама боится за дѣтей, самой жалко. То-то!»

— Нѣтъ, ничего, Маринка у меня умница! Ты, Натонька, не тово... не тревожься. Ужъ я самъ все устрою. Ты поспи, поспи... Оно къ вечеру и здоровехонька будешь.

Ребятишки, между тѣмъ, бросили игру и принялись одѣвать другъ друга. Жалобный пискъ смѣнился восторженнымъ крикомъ, потому что всѣ были рады яркому солнцу и бѣлому снѣгу. Черезъ три минуты гвалтъ уже перешелъ на церковную площадь. Комья снѣга полетѣли въ разныя стороны. Потомство о. Антонія рѣзвилось съ самымъ безпечнымъ весельемъ, не обращая вниманія на то, что на нихъ была надѣта невозможнѣйшая рвань съ дырьями и заплатами.

— Ишь ты, какъ кувыркаются! Радые какіе!—воскликнулъ о. Антоній, глядя въ окошко и въ то же время надѣвая поверхъ кафтана зимнюю рясу.

— Ты прикажи имъ на ледъ не бѣгать, а то тамъ ополонка есть, того и гляди влетятъ въ ополонку, — сказала Натонька.

— Да ужъ ладно, ужъ ты не безпокойся, ты спи себѣ, голубка, спи... Э, ничего, поправимся. Дастъ Богъ, владыка смилуется, ну, и тово... желаніе наше... тово... сбудется. Тогда и поправимся! Спи себѣ, Натонька, а я къ отцу Панкратію сбѣгаю: можетъ, благочинный что знаетъ...

Отецъ Антоній нагнулся и поцѣловалъ Натоньку въ лобъ.

— Марья пускай на ребятъ поглядываетъ,—промолвила Натонька, провожая его глазами.

Дьяконъ сдѣлалъ ей рукой успокоительный жестъ и вышелъ въ сѣни, осторожно притворивъ за собою дверь. Въ темныхъ сѣняхъ онъ нащупалъ другую дверь и заглянулъ въ миніатюрную кухоньку. Марья съ подтыканною «спидницей» толкла въ небольшомъ горшочкѣ сало для «засмажки» борща. Это была молодая, здоровая, краснощекая дѣвка съ необычайно живымъ и веселымъ лицомъ. Эта Марья, у которой отецъ былъ горькій пьяница, а мать вѣчно лежала съ имъ же переломанною ногой, благодаря чему въ хатѣ у нихъ было пусто и холодно,—всегда была весела и ни минуты не оставалась безъ пѣсни, и не было такого парня въ селѣ, который, проходя мимо нея, удержался бы, чтобъ не ущипнуть ее за мясистую руку или не смазать всею ладонью по спинѣ. А она въ отвѣтъ на это визжала и заливалась смѣхомъ. Марья и теперь, помѣшивая засмажку, мурлыкала какую-то пѣсню.

— Слушай, Марья, ты на дѣтей поглядывай, чтобы на рѣчку не ходили,—сказалъ ей дьяконъ и прибавилъ вполголоса:—а ежели какой заплачетъ, либо озябнетъ или что другое, возьми въ кухню, а въ горницу не пускай, — матушкѣ отдохнуть надо. Слышала?

— А вже-жъ слышала, хиба жъ я глухая!—скаля зубы, отвѣтила Марья.

Дьяконъ опять очутился въ темныхъ сѣняхъ и, нащупавъ уже третью дверь, вышелъ на улицу. Глубокій снѣгъ закрылъ и дорогу къ церкви, и тропинку къ дому о. Панкратія. Только мелкіе слѣды дѣтскихъ ногъ, да двѣ параллельныя полосы отъ саней благочиннаго портили эту бѣлоснѣжную гладь, отражавшую своими безчисленными кристаллами яркіе лучи солнца. Морозъ стоялъ изрядный, но тѣмъ пріятнѣе было чувствовать на своемъ лицѣ и на рукахъ какъ бы чуть-чуть пробивающуюся, сквозь морозный воздухъ, солнечную теплоту.

Отецъ Антоній, глубоко ступая сапогами въ снѣгъ, повернулъ направо и пошелъ прямо къ дому настоятеля.

О. Панкратій Шептушенко жилъ въ церковномъ домѣ, который самъ для себя построилъ и, надо отдать ему справедливость, построилъ крѣпко и удобно. Съ внѣшней стороны этотъ домъ не блисталъ архитектурными красотами, но зато онъ былъ длиненъ и широкъ, вдвое выше

любой мужицкой хаты, съ желѣзною крышей и, главное, каменный, тогда какъ все населеніе деревни ютилось большею частью въ землянкахъ, и только «богачи» возводили свои замки изъ желтой глины, смѣшанной съ кизякомъ. Къ дому были и службы подходящія: конюшня, скотный загонъ, помѣстительный амбаръ, множество сараевъ и сарайчиковъ и, вдобавокъ ко всему, цѣлая десятина сада, по преимуществу вишневаго, но не безъ яблони и не безъ груши. Все это было построено на землѣ церковной, т. е. отведенной обществомъ въ вѣчное владѣніе причта, и на деньги церковныя, т. е. пожертвованныя опять-таки тѣми же самыми прихожанами, и нѣкогда, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, предназначалось для всего причта, но о. Панкратій нашелъ, что по его обширному хозяйству весь этотъ домъ, со всѣми принадлежностями, какъ разъ будетъ впору ему одному, и предоставилъ остальному причту жить въ наемныхъ хатахъ, не возбраняя, впрочемъ, строить и собственныя. Причтъ сначала подумывалъ-было о томъ, чтобы жаловаться по начальству, но, принявъ во вниманіе дюжину жирныхъ стоговъ хлѣба и четыре огромнѣйшихъ скирды сѣна, стоявшихъ на току у о. Панкратія, двѣ полныя засѣки еще прошлогодняго зерна, пятерку шустрыхъ и крѣпкихъ лошадей, чуть не цѣлое стадо коровъ, тысячу овецъ, «дилижанъ» *) крытый и «дилижанъ» простой, да еще одноколку,—принявъ все это во вниманіе, а также и то, что о. Панкратій находился въ добрыхъ отношеніяхъ со всею консисторіей, причтъ пришелъ къ заключенію, что о. Панкратію дѣйствительно какъ разъ подъ стать занимать весь церковный домъ.

О. Панкратій Шептушенко среди губернскаго духовенства былъ одинъ изъ очень немногихъ. Это былъ священникъ-помѣщикъ или, лучше сказать, арендаторъ, потому что церковной земли было у него немного, какихъ-нибудь полсотни десятинъ. Попавъ въ небогатый приходъ, о. Панкратій обратилъ свое вниманіе на землю и вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ онъ велъ обширнѣйшее хозяйство, засѣвая ежегодно не менѣе двухъ тысячъ десятинъ земли, а въ послѣдніе годы онъ даже держалъ въ долгосрочной арендѣ цѣлое имѣніе сосѣдняго помѣщика Антюхина, который сошелъ съ ума и оставилъ дѣла въ неопредѣленномъ положеніи.

---

*) Особаго рода повозка, перенятая зажиточными поселянами у нѣмцевъ-колонистовъ.

Особенно дѣятельно о. Панкратій занялся землей послѣ того, какъ похоронилъ еще въ цвѣтущемъ возрастѣ жену, оставившую ему сына и дочку. Отъ скуки ли, или по врожденному влеченію, онъ весь погрузился въ хозяйство. Онъ велъ обширныя связи съ городскими торговцами; купцы изъ русскихъ и евреевъ бывали у него запросто, осматривая его засѣки, ощупывая овечью шерсть и пробуя творогъ да сметану. О. Панкратія можно было видѣть въ городѣ на ярмаркѣ торгующимъ или мѣняющимъ лошадей, договаривающимъ цѣлую партію косарей съ громадильницами, ссыпающимъ зерно изъ своихъ мѣшковъ въ хлѣбные склады. Все онъ любилъ дѣлать самъ, и на все у него хватало энергіи и здоровья. Теперь ему было уже подъ шестьдесятъ, но старческія болѣзни еще не пришли къ этому бодрому, цвѣтущему старику, у котораго и сѣдыхъ волосъ-то было немного. Скинувъ рясу и какимъ-то особеннымъ способомъ пришпиливъ кверху полы кафтана, о. Панкратій властно ходилъ по городскому базару въ своихъ высокихъ сапогахъ и мѣховой шапкѣ, переходя отъ торговца къ торговцу, разузнавая цѣны и заключая сдѣлки. Въ такомъ видѣ можно было застать его и въ самой задней комнатѣ трактира, куда онъ прошелъ черезъ хозяйское помѣщеніе («чтобы не было соблазна»), въ компаніи хлѣбнаго, молочнаго или шерстяного торговца, гдѣ уговаривались и писали условія. И никто не дивился его духовному кафтану въ столь неподходящей обстановкѣ, потому что къ этому всѣ привыкли давно.

О. Антоній вошелъ въ обширный дворъ о. Панкратія. Сани благочиннаго стояли посреди двора, лошадей не было видно,—ихъ отвели въ конюшню. По двору, съ середины котораго снѣгъ былъ сметенъ въ одну кучу, бродили куры, гуси, утки и вмѣстѣ съ ними свиньи; два огромныхъ пса, при видѣ его, гнѣвно зарычали и съ лаемъ кинулись къ нему, но тотчасъ узнали въ немъ своего человѣка и принялись вилять хвостами и лизать ему руки. Домъ выходилъ во дворъ широкимъ и длиннымъ закрытымъ крыльцомъ. Сюда вошелъ о. Антоній. Здѣсь, на небольшомъ дубовомъ столикѣ, приготовляла закуску старая экономка о. Панкратія, какая-то дальняя его родственница. Рыбецъ—розовый, мясистый и жирный—лежалъ уже на тарелкѣ готовый; нарѣзывался балыкъ, чистился лукъ и тутъ же лежали крупныя маслины.

— Добраго здоровья, Аксинья Мелентьевна! — сказалъ о. Антоній, кивнувъ ей нѣсколько разъ головой, и началъ

выдѣлывать трепака на постланной у входа рогожѣ, стараясь отряхнуть снѣгъ отъ сапогъ.

— Гу-у-мм...—кисло протянула Аксинья Мелентьевна и, бросивъ на столъ вилку и ножъ, обѣими руками ухватилась за лѣвую щеку.—Затворяйте двери, отецъ Антоній, а то холодомъ такъ и несетъ... У меня зубы!..

О. Антоній поспѣшилъ притворить дверь.

— Отца-благочиннаго можно повидать? — спросилъ онъ ласковымъ голосомъ.

— Вы не повѣрите, какъ я страдаю зубами! — сказала ему въ отвѣтъ Аксинья Мелентьевна. —И что ни дѣлала, ничего не помогаетъ! Такое страданіе! Иной разъ думаешь, если бъ только не грѣхъ, руки на себя наложила бы! Ей-Богу!

— А вы бы ладану положили. Вы не пробовали ладану? Очень помогаетъ! — посовѣтовалъ о. Антоній.

— Отъ ладану зубъ крошится, я пробовала. А какъ здоровье вашей супруги, отецъ Антоній, Натальи Парѳентьевны? все хвораетъ, а?

— Хвораетъ бѣдняга, ужъ не знаю, чѣмъ и облегчить ее...

— Ахъ, отецъ Антоній, это не приведи Богъ, когда хозяйка въ постели! Не приведи Богъ. У васъ вѣдь дѣтей куча!.. А какъ она, на грудь не жалуется?

— Бываетъ... Ломитъ у нея въ груди и тоже задышка бываетъ...

— Гм... Знаете, что я думаю, отецъ Антоній? Вы не обидьтесь, а только я думаю, что у нея чахотка... У меня мужъ отъ чахотки померъ и тоже вотъ такъ все маялся—года три.

О. Антоній посмотрѣлъ на нее большими, испуганными глазами.

— Что это вы, Господь съ вами, какое слово сказали? И какъ это у васъ языкъ повернулся... Господи ты, Боже мой!.. — и онъ даже перекрестился. — Можно, что ли, въ комнаты, къ отцу-благочинному?

— Идите, идите!.. Они тамъ съ отцомъ Панкратіемъ.

И Аксинья Мелентьевна вытерла рукавомъ слезы, которыя были вызваны ѣдкимъ запахомъ лука, но о. Антонія этотъ жестъ потрясъ еще больше,—ему показалось, что она уже оплакиваетъ его бѣдную Натоньку.

О. Антоній вошелъ въ залу, въ которой не оказалось ни души, и прошелъ въ гостиную. Здѣсь, въ мягкихъ креслахъ, за круглымъ столомъ, сидѣли двѣ характерныя

духовныя фигуры, къ которымъ теперь прибавилась не менѣе характерная третья фигура о. Антонія.

Съ перваго же взгляда о. Панкратій производилъ впечатлѣніе человѣка крѣпкаго, энергичнаго, подвижного и самостоятельнаго. Средняго роста, коренастый, онъ далеко не былъ худъ,—у него было даже маленькое брюшко и слегка раздутыя щеки, но по всѣмъ признакамъ эти придатки, обозначавшіе хорошее питаніе, довольную и спокойную жизнь, нисколько не обременяли его. Большіе и въ то же время быстрые глаза съ острымъ, проницательнымъ взглядомъ смотрѣли увѣренно, безъ малѣйшей тѣни безпокойства и заискиванья передъ начальствомъ; движенія его были просты, спокойны, какъ у тароватаго хозяина, которому пріятно принять почтеннаго гостя въ теплѣ, въ хорошей обстановкѣ, съ приличною закуской и выпивкой. Своимъ видомъ, манерой говорить и держаться онъ какъ бы ежеминутно повторялъ: я тебя принимаю съ уваженіемъ, это такъ, потому что ты—благочинный и, слѣдовательно, нѣкоторая спица въ колесницѣ, но помни, что я въ тебѣ не особенно нуждаюсь, и ежели чуть что, мнѣ наплевать, потому что у меня своихъ сто тысячъ въ банкѣ!

Лицо у о. Панкратія было волосатое, суровое и смуглое, да вдобавокъ еще отъ постояннаго нахожденія среди хозяйства сильно загорѣлое. На головѣ тоже было много волосъ, но волосы эти лежали смирно, не топорщились и спокойно ниспадали до плечъ, а когда о. Панкратію надо было хлопотать по дѣламъ, заплетались въ косу и прятались подъ шапку. О. Панкратій принималъ гостя въ кафтанѣ, не считая нужнымъ облачаться въ рясу.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производилъ благочинный. Состоя въ родствѣ съ самимъ архіереемъ, онъ получилъ это назначеніе, такъ сказать, не по лѣтамъ. Совсѣмъ еще молоденькій, съ маленькою бородкой и недлинными, но кудрявыми волосами, онъ былъ одѣтъ необыкновенно чистенько и складно; узкіе рукава его свѣтленькаго кафтана такъ аккуратно охватывали бѣлую некрупную руку, точно созданную для того, чтобъ ее цѣловали, и пуговицы на этихъ рукавахъ и на шеѣ были такіе миніатюрныя, голубенькія, и такъ умѣренно мягко скрипѣли его сапоги, и самъ онъ былъ такой мягкій, деликатный и, если можно такъ сказать, ко всему и ко всѣмъ любовный. Казалось, что этотъ человѣкъ съ добрыми голубыми глазами, съ яснымъ симпатичнымъ лицомъ, обрамленнымъ золотисто-

русою, какъ бы еще молодою растительностью, не способенъ никого обидѣть, да можетъ-быть это такъ и было. Говорилъ онъ хорошимъ литературнымъ языкомъ, который звучалъ очень странно на ряду съ тою смѣсью литературнаго, славянскаго и малороссійскаго, посредствомъ которой выражалъ свои мысли о. Панкратій. Всѣ знали, что молодой благочинный, пріѣхавшій вмѣстѣ съ архіереемъ изъ какой-то сѣверной губерніи, имѣетъ непосредственный доступъ къ владыкѣ, и, разумѣется, цѣнили это.

— А, отецъ-дьяконъ!—съ пріятельскою улыбкой встрѣтилъ онъ о. Антонія:—а я собирался-было къ вамъ завернуть. Очень радъ съ вами повидаться!

Онъ подалъ о. Антонію руку и свѣтскимъ образомъ пожалъ его руку. Онъ вообще считалъ себя свѣтскимъ человѣкомъ и говорилъ, что только благодаря настойчивому требованію архіерея сдѣлался духовнымъ.

— Садитесь-ка, отче Антоніе!—сказалъ о. Панкратій, ногой подвигая ему стулъ.

Онъ всегда называлъ дьякона на «ты», за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда былъ недоволенъ имъ. На это ему давала право разность возрастовъ, да еще и то, что онъ очень доброжелательно относился къ о. Антонію и зналъ его еще мальчишкой.

Оба они смотрѣли на о. Антонія снизу вверхъ, потому что нашъ герой отличался необыкновенно большимъ ростомъ. Если принять во вниманіе, что онъ былъ при этомъ чрезвычайно тонокъ, держался всегда прямо и что на его тонкой и длинной шеѣ была посажена маленькая головка съ цѣлою кучей темныхъ, густыхъ кудрей, торчавшихъ какъ-то кверху, да взять еще безусое и безбородое лицо съ мелкими, почти дѣтскими чертами,—то станетъ ясно, что о. Антоній въ самомъ дѣлѣ представлялъ своеобразную фигуру.

Онъ сѣлъ, откашлялся и сказалъ своимъ нѣжнымъ теноркомъ:

— А я увидалъ, какъ вы мимо нашихъ оконъ проѣхали, ну, и тово... взялъ, да и пришелъ вотъ... Не усидѣлъ... Безпокоюсь очень!

— Это вы по поводу вашей просьбы?

— Да, ужъ конечно... Насчетъ чего больше, отецъ-благочинный?

— Я видѣлся съ преосвященнымъ и говорилъ съ нимъ... Не могу сказать, чтобъ онъ былъ очень расположенъ...

— Не расположенъ? — какимъ-то беззвучнымъ голосомъ спросилъ о. Антоній.—Такъ, значитъ, не расположенъ... — повторилъ онъ уже для самого себя.

— У него, у преосвященнаго, странный характеръ, — продолжалъ благочинный:—вообразите, что онъ васъ любитъ!

— Любитъ?!—тономъ горькаго скептицизма промолвилъ о. Антоній.

— Да, представьте себѣ, какой странный характеръ! Когда я сказалъ ему о вашемъ желаніи и доложилъ ваше прошеніе, онъ промолвилъ: «А, этотъ длинный? Знаю, знаю, онъ славный малый и небезграмотный человѣкъ! Знаю». — Какъ же, говорю, ваше преосвященство, онъ школой церковно-приходской занимается, самъ все устроилъ и отлично, говорю, дѣло ведетъ, за недосугомъ настоятеля!— Я долженъ былъ это сказать, — прибавилъ благочинный, обратившись къ о. Панкратію, на что тотъ кивнулъ головой въ знакъ того, что ничего не имѣетъ противъ.—Да-съ, такъ это я говорю. А онъ: «Вотъ видишь, видишь? Я всегда на него надѣялся... Этотъ длинный всегда мнѣ нравился»... Ну, я думаю, значитъ дѣло въ шляпѣ! Анъ не тутъ-то было. «А все-таки, говоритъ, я его священникомъ не сдѣлаю...»

— Что же такъ? — спросилъ о. Антоній все съ тою же горечью въ голосѣ, такъ какъ отъ объясненія ему никакъ не могло сдѣлаться легче.

— Да представьте себѣ, въ чемъ причина. Онъ, говоритъ, въ тонъ попадать не умѣетъ. Когда, говоритъ, я служилъ въ Предтеченскомъ монастырѣ, и онъ, т. е. вы, отецъ Антоній, былъ вторымъ дьякономъ, такъ онъ,—говоритъ преосвященный,—никакъ въ тонъ не попадалъ. Пѣвчіе въ фа, а онъ въ соль-бемоль, и такая, говоритъ, рѣзня выходила, что хоть уши затыкай... Было это или нѣтъ, скажите, пожалуйста?

— Это было, отецъ-благочинный! Но развѣ я виноватъ? Я никогда не служилъ съ архіереемъ, а меня поставили прямо вторымъ дьякономъ, и хоть бы репетицію какую-нибудь сдѣлали, а то прямо — одѣвай стихарь и служи. Понятно, я оробѣлъ. Гдѣ жъ тутъ въ тонъ попадать! Такъ это жъ совсѣмъ особь статья. А такъ вообще уставъ я знаю, какъ свои пять пальцевъ, и самъ владыка меня экзаменовалъ...

— Вотъ, вотъ, онъ и вспомнилъ. Онъ, говоритъ, и уставъ хорошо знаетъ, и вообще владыка васъ любитъ, и

священникомъ сдѣлаетъ, только надо повременить. Вотъ онъ и сказалъ: «Пускай, говоритъ, въ тонъ попадать научится. Онъ еще молодой человѣкъ»...

— Эхъ, эхъ, эхъ, эхъ!—вставилъ до сихъ поръ молчавшій о. Панкратій. — Хорошо ему разсуждать, коли у него дѣтей нѣтъ, а вотъ какъ у отца Антонія ихъ шестеро, такъ не то что въ тонъ не попадешь, а и рясу наизнанку иной разъ надѣнешь.

— Да, если бы не дѣти! — со вздохомъ промолвилъ о. Антоній:—если бы не дѣти!..

Разговоръ на этомъ оборвался. Принесли закуску и водку. О. Панкратій сейчасъ же вошелъ въ роль хозяина и началъ предлагать благочинному и дьякону выпить и закусить. Благочинный объявилъ, что голоденъ, и принялся за рыбца, а о. Антоній отказался и съ какою-то грустью слѣдилъ за челюстями благочиннаго,—тѣми самыми челюстями, которыя только-что сообщили ему такую непріятную вѣсть, а теперь работаютъ надъ рыбцомъ.

— Знаете, что я вамъ скажу?—обратился о. Панкратій къ обоимъ.—По-моему, все это чепуха, ей-Богу — чепуха! Я такъ полагаю, что если бы секретарь консисторіи захотѣлъ, да шепнулъ бы архіерею то, другое, третье, такъ все это дымомъ разлетѣлось бы. Такъ я полагаю.

— Н-не думаю! — сказалъ благочинный, но такимъ неувѣреннымъ тономъ, что, очевидно, онъ именно такъ и думалъ.

— А я такъ даже увѣренъ. Вы меня извините, отецъ-благочинный, вы человѣкъ еще молодой и этого знать не можете. А я-то знаю, и даже очень хорошо знаю! Необходимо надо къ секретарю съѣздить, но, разумѣется, съѣздить умѣючи...

— Чего не знаю, о томъ умолчу, — дипломатически замѣтилъ благочинный и, выпивъ третью рюмку, сдѣлалъ естественный переходъ отъ рыбца къ сардинамъ.

— А я вамъ прямо говорю и не скрываю, что вотъ такъ точно я маялся, когда просилъ для сына мѣсто въ Духовкѣ. Чего только ни говорилъ архіерей: и молодъ, и неопытенъ, и легкомысленъ — это сынокъ-то мой... А я взялъ да поѣхалъ къ секретарю. Такъ и такъ, молъ, разсказалъ дѣло, къ вашему вліянію прибѣгаю, а чтобы вы какъ-нибудь не позабыли, изложилъ въ письменной формѣ и вотъ въ семъ конвертѣ имѣю честь представить. Онъ не дуракъ и сейчасъ же понялъ, и конверта при мнѣ не распечаталъ. «Хорошо, говоритъ, мы посмотримъ». Ну, ладно,

думаю, мнѣ только и надо, чтобы ты посмотрѣлъ, а ужъ тамъ, что дальше будетъ—извѣстно. И что же вы думаете? Послѣзавтра прихожу: ужъ докладъ сдѣланъ и резолюція готова: назначить!

Благочинный считалъ своимъ долгомъ не поддерживать подобный разговоръ и до сихъ поръ дѣлалъ видъ, что даже не слушаетъ. Но какъ разъ въ это время выпилъ четвертую, и языкъ его самъ, противъ его воли, завертѣлся и спросилъ:

— А много дали?

— Этого не скажу! Всякій по своимъ средствамъ даетъ. Одно могу сказать, что я переплатилъ. Онъ за дешевле это сдѣлалъ бы. Вѣдь ловкій человѣкъ, этотъ секретарь! У, ловкій, я вамъ скажу! Вотъ я двадцать лѣтъ бьюсь, собственными руками, ногами и головой работаю, а въ результатѣ какихъ-нибудь шестьдесятъ тысченокъ (о. Панкратій никогда никому не объявлялъ дѣйствительной суммы), а онъ, секретарь, за двѣнадцать лѣтъ двѣститысячный домъ нажилъ! Развѣ не ловкій?

— Да, я вамъ доложу, отецъ Панкратій, я лучше знаю!— вдругъ заговорилъ благочинный, утратившій всякую волю надъ своимъ языкомъ. — Два студента семинаріи мѣтили на одно мѣсто — хорошее мѣсто. Пришелъ одинъ къ нему и оставилъ пакетъ, а черезъ часъ пришелъ другой и также оставилъ пакетъ. Онъ принялъ оба, а мѣсто-то далъ, разумѣется, одному. А штука-то въ томъ, что одинъ далъ двѣсти, а другой триста; ну, этому послѣднему и мѣсто досталось.

— А двѣсти возвратилъ?

— И не думалъ! Ха-ха-ха-ха! Даже и не подумалъ!

— Да чего же архіерей смотритъ?

— Архіерей? — продолжалъ благочинный уже веселымъ тономъ. — Архіерей много ли можетъ видѣть? Тоже вѣдь надо войти въ его положеніе! Онъ наблюдаетъ нашъ міръ грѣховный или у себя въ пріемной, когда сей міръ является въ качествѣ просителя, и ужъ конечно въ самомъ благочестивомъ видѣ, или изъ окна кареты, когда міръ мелькаетъ передъ нимъ, а онъ его благословляетъ, или на парадномъ обѣдѣ, когда міръ является во фракѣ и большею частью со звѣздою, или, наконецъ, когда онъ по епархіи ѣздитъ и его встрѣчаютъ чистенькія, принарядившіяся духовныя лица... А жизнь-то настоящую, мірскую жизнь, архіереямъ трудно видѣть.

— Правда, отецъ-благочинный, истинная правда!—съ убѣжденіемъ сказалъ о. Панкратій, а дьяконъ только глубоко вздохнулъ.

— Да, разумѣется, правда! Да знаете ли, кто мнѣ это сказалъ? Самъ архіерей, ей-Богу, самъ сказалъ. Онъ такъ именно думаетъ. «И ничего, говоритъ, мы не можемъ противъ этого зла подѣлать, потому такое наше положеніе. Когда бы мы, говоритъ, были мірскіе люди, то и міръ могли бы знать»,—вотъ что онъ сказалъ, архіерей-то!..

Тутъ о. благочинный почувствовалъ, что онъ начинаетъ говорить лишнее, и мгновенно замолчалъ. Какъ ни упрашивалъ его о. Панкратій выпить пятую рюмку; онъ не согласился.

О. Антоній поднялся.

— Что же, отецъ-благочинный, по вашему мнѣнію, мнѣ теперь дѣлать?—спросилъ онъ, кротко смотря съ своей высоты въ веселые глаза благочиннаго. Тотъ ничего не отвѣтилъ, а только развелъ руками и сдѣлалъ мину недоумѣнія и невѣдѣнія.

— Да что же дѣлать? — отвѣтилъ за него о. Панкратій. — Одно — ѣхать въ городъ и побывать у секретаря. Такъ и сдѣлайте, отецъ Антоній!

О. Антоній не выразилъ своего мнѣнія по поводу этого совѣта, попрощался и вышелъ. «Вотъ она, справедливость-то! — думалъ онъ дорогой. — Школу, говоритъ, устроилъ и уставъ знаетъ, и все такое, а только въ тонъ не попадаетъ... Шестеро дѣтей, вѣдь Господи ты, Боже мой! Ваше преосвященство, вонмите!»

«Гм... Поѣзжай къ секретарю! Да съ чѣмъ же ѣхать? Развѣ онъ пойметъ, ежели я ему скажу, что у меня шестеро дѣтей и жена больная? Гдѣ тамъ? Вѣдь онъ навѣрное каменный, всѣ они тамъ каменные.

«А что я Натонькѣ скажу? Вѣдь она ждетъ, бѣдняжечка, не дождется, чтобы радостную вѣсть получить, а тутъ на̀ тебѣ! Охъ, горе мое, горе, что я ей скажу, бѣдняжкѣ? Правду сказать невозможно—разстроится, заплачетъ, жизнь проклинать начнетъ...

«Грубая баба эта Аксинья, безъ всякой деликатности. Что ей въ голову пришло? У Натоньки чахотка!... Съ чего? Господи Боже мой, какъ людямъ ничего не сто̀итъ жестокое слово сказать! И какъ прямо! Грубая баба и только».

Онъ рѣшилъ во всякомъ случаѣ правды не говорить Натонькѣ.

Ребятишки вертѣлись около самой церковной ограды. Они возвели изъ снѣга огромнѣйшую бабу, и Василько, чтобы укрѣпить голову на плечахъ, взбирался на табуретъ, вынесенный изъ дому. Только Маринка отсутствовала; оказалось, что она въ кухнѣ укачиваетъ Сашу.

О. Антоній снялъ рясу въ кухнѣ и, стряхнувъ сапоги, подошелъ къ печкѣ, въ которой лѣниво горѣлъ кизяковый кирпичъ домашняго изготовленія. Здѣсь онъ хорошенько обогрѣлся и только тогда рѣшился войти въ комнату.

Натонька дремала, но сейчасъ же при его входѣ открыла глаза.

— Что же сказалъ благочинный?—спросила она. Очевидно, все это время она только объ этомъ и думала.

— Да ничего, Натонька, ничего такого... Архіерей, говоритъ, къ вамъ благосклоненъ.

— Значитъ, сдѣлаетъ?

— А разумѣется, сдѣлаетъ... Только, говоритъ, чуточку повременить надобно... Ну... тово... чтобы, то-есть, самъ себя ему лично показалъ... Повидать желаетъ...

— Архіерей-то?

— Ну, да, архіерей, а то кто же больше?

— Экія чудеса! Что онъ, не видалъ тебя, что ли, не наглядѣлся?

— Должно - быть, что не наглядѣлся, Натонька... Да пускай смотритъ, коли ему хочется, не убудетъ меня отъ этого...

И о. Антоній, чтобы окончательно развеселить Натоньку, разсыпался мелкимъ смѣшкомъ доброй дружеской шутки. А на душѣ у него въ это время была страшная горечь. Съ чѣмъ поѣдетъ онъ? Ни занять негдѣ, ни продать нечего. Развѣ клячу свою единственную, да корову? Что же за нихъ дадутъ! Въ концѣ зимы, когда кормъ у всѣхъ на исходѣ и вдвое вздорожалъ, дадутъ гроши. Да и какъ оставить семейство безъ молока и лошаденки? Нѣтъ, изъ этого ничего не выйдетъ, и онъ только напрасно обнадеживаетъ Натоньку.

Но Натонька торопилась.

— Коли надо показаться, то поѣзжай немедля. Надо ковать желѣзо, пока горячо.

— Ладно, ладно, Натонька, я и поѣду! Вотъ только изъ Тягинки сестру Дуню вытребую.

И онъ, рѣшительно не зная, съ какими шансами поѣдетъ и что будетъ дѣлать въ городѣ, сѣлъ и написалъ

Дунѣ, чтобы скорѣе пріѣзжала. Больше всего на свѣтѣ онъ боялся теперь, чтобы Натонька не раздражалась, не начала бы проклинать жизнь и говорить жестокія слова.

II.

Село Бутищево было большое, но безтолковое село. Люди здѣсь размножались быстро и лѣпили хату къ хатѣ, а больше землянку къ землянкѣ, но почему они именно здѣсь селились, а не на другомъ, болѣе удобномъ мѣстѣ, этого они и сами не знали. Земли у бутищевцевъ было мало, раздробили ее на кусочки, и никого уже не могла она прокормить. Въ прежнія времена рѣчка кормила, бутищевцы забрасывали сѣти и ловили окуней, судаковъ и карповъ, но лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда имѣніе отъ коренного владѣльца Бутищева перешло къ купившему его мѣщанину Скрыдлову, вдругъ оказалось, что рѣчка со всею ея рыбой и съ окружающими ее камышами принадлежитъ ему, Скрыдлову, и сталъ онъ за право поймать окуня и срѣзать снопъ камыша брать страшныя деньги. Тогда мужики сжались на своихъ раздробленныхъ надѣлахъ, живя впроголодь и расширяя предѣлы Бутищевки новыми землянками. Довольно сказать, что даже кабатчикъ Іесей нашелъ для себя невыгоднымъ пускать дальнѣйшіе корни въ Бутищевкѣ и, по здравымъ размышленіямъ, перенесъ свое «заведеніе» за десять верстъ, на хуторъ Чиркинъ, гдѣ было всего десятка три хатъ, но зато хатъ богатыхъ, гдѣ жили мужички хлѣбосольные, пьющіе водку большими порціями. Такимъ образомъ ко всѣмъ бѣдамъ бутищевцевъ прибавилась еще новая: надо было бѣгать за водкой десять верстъ, что, разумѣется, нисколько не отрезвило бутищевцевъ. Нѣкоторые даже находили, что такъ лучше. «Оно даже довольно пріятно—съ проходкой!»

Но большинство сожалѣло о перенесеніи «заведенія» на Чиркинъ хуторъ. Вѣдь это было единственное веселое мѣсто въ Бутищевкѣ, и безъ него какъ-то сумрачно жить стало. Многіе даже вступали въ переговоры съ Іесеемъ, уговаривая его вернуться, но изъ этого никакой пользы не вышло, ибо Іесей дѣйствовалъ не зря, а на основаніи политико-экономическаго закона — спроса и предложенія. Въ Чиркинѣ хуторѣ былъ большой спросъ на водку, вотъ онъ и понесъ туда свое предложеніе. При такомъ положеніи дѣла, само собою разумѣется, въ Бутищевкѣ не было ни одного благодѣтеля, у котораго о. Антоній могъ бы пере-

хватить что-нибудь для своего путешествія. О новомъ помѣщикѣ, мѣщанинѣ Скрыдловѣ, нельзя было и думать. Онъ только и дѣлалъ, что ходилъ да придумывалъ, что̀ бы еще превратить въ копейки, и очень скорбѣлъ, что все уже, до послѣдней камышинки, превращено и больше превращать нечего. Оставалось о. Антонію одно: пойти къ о. Панкратію и просить у него взаймы. Вѣдь все-таки о. Панкратій знаетъ его и долженъ имѣть къ нему довѣріе.

Это было дня черезъ четыре послѣ свиданія съ благочиннымъ. Снѣгъ стаялъ и по всему видно было, что больше ужъ его не выпадетъ. Рѣка покрылась водой поверхъ льда, и обыватели не рѣшались не только ѣздить, но и ходить по ней, — ледъ сталъ хрупокъ. Конецъ февраля принесъ съ собою теплые лучи почти весенняго солнца. Кое-гдѣ изъ-подъ земли вылѣзла ранняя травка, птицы защебетали бойчѣй. О. Антоній сказалъ Натонькѣ, что понесетъ метрическую книгу настоятелю, но въ дѣйствительности дѣло было не въ книгѣ, и онъ чувствовалъ, что совершаетъ великій шагъ. Ежели о. Панкратій откажетъ, то и все дѣло пропало: больше не у кого просить. Были, однакожъ, нѣкоторыя предзнаменованія, которыя онъ считалъ для себя благопріятными.

Вчера только у о. Панкратія былъ хлѣбный скупщикъ Авдѣй Дракинъ и закупилъ у него всю прошлогоднюю пшеницу. О. Панкратій долженъ быть радъ и тому, что продалъ хлѣбъ, и тому, что стойко выдержалъ и дождался хорошей цѣны. А главное, онъ получилъ задатокъ и слѣдовательно никакъ не можетъ сказать, что денегъ при себѣ нѣтъ.

Въ виду такихъ добрыхъ предзнаменованій, о. Антоній и отправился къ настоятелю. Это было въ воскресенье, послѣ обѣдни. О. Панкратій пилъ чай и принялъ его ласково.

— Чайку не хочешь ли, отецъ-дьяконъ?

— Нѣтъ, пилъ уже, спасибо! Я къ вамъ по дѣлу, отецъ Панкратій.

— По дѣлу, такъ дѣло и говори, а я буду слушать.

— Да все о томъ же, отецъ Панкратій, о моей судьбѣ...

— Гм... что же я могу подѣлать въ твоей судьбѣ? Когда бы я былъ архіерей, такъ вѣрь, что я тебя соборнымъ протопопомъ сдѣлалъ бы.

— Нѣтъ, я насчетъ, вотъ чего: вы тогда сказали: поѣзжай къ секретарю! А къ секретарю съ пустыми руками ѣхать нельзя...

— А это ужъ само собою разумѣется. Что-жъ ему визитъ твой нуженъ, что ли?

— Я жъ это самое и говорю. А у меня ничего нѣтъ....

— А коли ничего нѣтъ, тогда и таскаться нечего! — чрезвычайно резоннымъ тономъ заключилъ о. Панкратій.

«Не понимаетъ», — подумалъ дьяконъ и въ эту минуту онъ уже, собственно говоря, почувствовалъ, что толку отъ о. Панкратія никакого не добьется. Но надо было идти до конца.

— А я думалъ... — началъ-было о. Антоній, но ему показалось, что онъ не такъ началъ, и онъ остановился.

— Что же ты думалъ, отецъ Антоній,—спросилъ хозяинъ, но и въ этомъ вопросѣ, и въ лицѣ, и глазахъ его дьяконъ опять-таки не прочиталъ ничего, подающаго надежду. А о. Панкратій взялъ, да еще прибавилъ:—ты думалъ, должно-быть, что деньги тебѣ съ неба свалятся? Такъ на небѣ, братъ, и денегъ-то вовсе нѣтъ...

— Нѣтъ, я хотѣлъ попросить васъ... Можетъ, вы смилостивились бы и дали бы мнѣ заимообразно... А я бы постомъ великимъ поправился и отдалъ бы...

— Нѣту, братъ, у меня денегъ! — коротко сказалъ о. Панкратій и больше никакихъ объясненій этому обстоятельству не далъ.

— Нѣту? — печально переспросилъ о. Антоній и тоже замолкъ. Его всегда поражало и онъ никакъ понять не могъ, какъ это люди умѣютъ просто отказывать.

Деньги у него въ карманѣ лежатъ, вчера только получилъ, свѣженькія, и всѣ это знаютъ, и самъ онъ этого не скрываетъ, даже хвастался передъ церковнымъ старостой: вотъ, молъ, денежки получилъ; покрѣпился зиму съ хлѣбомъ и цѣлую тысячу на томъ выигралъ, а онъ, ни мало не смущаясь, говоритъ: нѣту денегъ. Будь у него, у о. Антонія, въ карманѣ деньги и попроси у него кто-нибудь, и, положимъ, онъ почему-либо не хотѣлъ бы дать, такъ онъ путался бы полчаса, деликатно извиняясь, объясняясь, а въ концѣ концовъ, надо полагать, все-таки далъ бы. Но что скажешь на «нѣтъ»?—ничего. Надежда, значитъ, разлетѣлась, какъ дымъ. И теперь о. Антоній ясно видѣлъ, что надѣяться не имѣлъ никакого основанія. Развѣ онъ не зналъ, что у о. Панкратія правило — никому взаймы не давать? Бывали случаи, что мужикъ передъ нимъ въ ноги падалъ, плакалъ, прося дать ему тридцать рублей на лошадь, — ему пахать было нечѣмъ, — обѣщалъ отработать,

но о. Панкратій отвѣчалъ одно: нѣту денегъ! Это у него былъ такой принципъ. Дѣло въ томъ, что о. Панкратій, при своемъ обширномъ дѣлѣ, которое во всякомъ случаѣ было нѣкоторымъ уклоненіемъ отъ церковнослужительскихъ обычаевъ, избѣгалъ всего, что могло набросить на него дурную тѣнь. Его богатство доставило ему множество завистниковъ и враговъ. Малѣйшій поводъ раздули бы и сдѣлали бы изъ него ростовщика и кулака. Поэтому онъ поставилъ себѣ за правило разъ навсегда: никому денегъ ни подъ какимъ видомъ не давать, а отвозить ихъ въ банкъ, гдѣ имъ спокойнѣе лежать.

О. Антоній зналъ все это, но думалъ, что для него, какъ для сослуживца, о. Панкратій сдѣлаетъ исключеніе. Послѣ довольно продолжительнаго молчанія о. Панкратій сказалъ:

— Ты вотъ что, дьяконъ, обратись ты къ моей дочкѣ, Марьянѣ Панкратьевнѣ, у нея подчасъ случаются деньги... можетъ, и дастъ!...

— Марьяна Панкратьевна? — спросилъ о. Антоній: — крутыя онѣ очень, Марьяна Панкратьевна.

— Ну, ужъ это, братъ, не мое дѣло... Это ужъ тамъ какъ знаешь... Можетъ, она для тебя помягчѣе будетъ... Попробуй! Да вотъ, коли хочешь, и сейчасъ можно. Она какъ разъ идетъ сюда.

Дѣйствительно, изъ залы вошла въ столовую Марьяна Панкратьевна. На ней былъ клѣтчатый длинный капотъ, сильно заношенный и засаленный, и сидѣлъ-то онъ на ней какъ чужой, или словно былъ шитъ, когда она была потолще и поокругленнѣе. Можетъ-быть, это такъ и было, потому что Марьяна Панкратьевна, проводившая скучную одинокую жизнь при отцѣ, знала лучшіе дни, когда она и тѣломъ, должно-быть, была поплотнѣй, и лицомъ веселѣй. На видъ ей можно было дать всѣ сорокъ, тогда какъ въ дѣйствительности ей было на цѣлыхъ пять лѣтъ меньше. Это было то, что называется—сухая женщина. Съ своими длинными руками, болтавшимися въ широкихъ рукавахъ, съ тонкими пальцами, со впалою грудью, со скуластымъ смугло-желтымъ лицомъ, съ жидкими подстриженными волосами, она дѣйствительно производила впечатлѣніе высохшей. Марьяна Панкратьевна была вдова; мужъ ея, священникъ, умеръ, проживъ съ нею три года и не оставивъ ей дѣтей. Со смертью его она стала быстро старѣть и сохнуть. Конечно, она ничего не имѣла противъ того, чтобы

еще разъ выйти замужъ, и ей, разумѣется, ради богатства о. Панкратія, дѣлали не одно предложеніе. Но идеаломъ ея, прочно засѣвшимъ въ ея головѣ, былъ священникъ. «Нѣтъ ужъ,—говорила она искателямъ ея руки:—чтобы я послѣ попадьи да стала чиновницей, либо купчихой? Это все одно, какъ ежели бъ генерала въ солдаты разжаловать». Такого высокаго мнѣнія была она о своемъ званіи. Между тѣмъ кандидатамъ въ священники, какъ извѣстно, на вдовахъ жениться нельзя. И Марьяна Панкратьевна отказывала всѣмъ искателямъ. Очень можетъ быть, что теперь она была бы менѣе разборчивою и рѣшилась бы измѣнить своему идеалу. Но къ ней уже не сватались, и она привыкла считать себя вѣчною вдовицей. Жила она совсѣмъ особнякомъ, въ отдѣльномъ флигелѣ, и въ дѣла о. Панкратія вовсе не вмѣшивалась.

У нея было свое собственное дѣло, именно три тысячи рублей, оставшихся послѣ смерти мужа изъ приданаго: она ихъ дѣятельно развивала и теперь владѣла уже капитальцемъ тысячъ въ пятнадцать. Дорогу къ ея флигелю хорошо знали бутищевскіе мужики, которые очень рѣдко уходили отъ нея обиженными.

— Вотъ, Марьяна, отецъ-дьяконъ имѣетъ къ тебѣ какое-то дѣло!—сказалъ прямо о. Панкратій.—Я не успѣлъ разспросить его, да онъ тебѣ объяснитъ...

Сказавъ это, о. Панкратій вышелъ, прошелъ залу, и затѣмъ шаги его замолкли въ кабинетѣ.

О. Антоній поклонился, и такъ какъ ему не протянули руки, то этимъ и ограничился. Марьяна свысока смотрѣла на причетниковъ и не подавала руки состоящимъ въ санѣ ниже священническаго.

— Что вамъ? — сурово спросила она.

— Мнѣ? мнѣ... тово... денегъ бы достать надо бы... Случай такой, Марьяна Панкратьевна... очень трудный случай...

— Денегъ? у меня? А что-жъ вы у отца не взяли?

— Отецъ Панкратій говоритъ, что у нихъ нѣту!

— Ну, у меня, положимъ, есть...

— Есть?—радостно спросилъ о. Антоній, какъ будто это было все равно, что ему дали.

— Есть, да только вамъ невыгодно будетъ.

— Мое такое положеніе, что всяко будетъ выгодно... очень трудное положеніе.

— А сколько бы вы хотѣли?

— Да я бы... тово... рубликовъ полтораста всего! — О. Антоній до сихъ поръ о цифрѣ еще не думалъ и сказалъ эту сумму нечаянно, но онъ тутъ же распредѣлилъ: Сто рублей секретарю суну, а пятьдесятъ на расходы. «Еще Натонькѣ шелковый платокъ куплю, а ребятамъ гостинцы».

— Невыгодно вамъ будетъ, отецъ Антоній! Даже жалко мнѣ васъ, такъ невыгодно!

— Да сколько же, Марьяна Панкратьевна? — Онъ уже весь проникся нетерпѣніемъ и въ душѣ рѣшилъ: «Сколько бы ни содрала — возьму! Ежели священникомъ сдѣлаютъ, легко будетъ отдать!»

— Нынче у насъ двадцать восьмой февраль? Такъ двадцать восьмого марта отдадите. Возьмите полтораста, а принесете двѣсти. А кромѣ того запродажную на озимый хлѣбъ...

— Какъ на озимый хлѣбъ? — воскликнулъ о. Антоній.

— Да вы сѣяли озимую?

— Сѣялъ, семь десятинъ посѣялъ.

— Ну, вотъ вы мнѣ такую бумажку напишите, будто вы мнѣ запродали жатву, что значитъ выростетъ. Это на всякій случай... Мнѣ оно не нужно. Сами знаете, я хлѣбомъ не занимаюсь.

Смотрѣлъ на нее о. Антоній и дивился, что могутъ на свѣтѣ существовать такія женщины. «И это еще попадья и священническая дочь!—думалъ онъ.—Въ епархіальномъ училищѣ образованіе получила. Господи ты, Боже мой!» Впрочемъ, удивленіе о. Антонія происходило больше оттого, что это случилось съ нимъ. Онъ поневолѣ вникнулъ въ это явленіе. Но и раньше онъ зналъ, что Марьяна мужикамъ не даромъ раздавала деньги. Дастъ одному десять карбованцевъ весной, а на Покрову двадцать беретъ. Но мужикъ, какъ обладатель собственной земли, казался ей болѣе прочнымъ, поэтому она не требовала у него обезпеченія. А дьякона каждую минуту могутъ согнать съ мѣста, перевести въ другой приходъ, и поминай какъ звали.

Недолго думалъ о. Антоній. Да что и думать, коли нужно до зарѣза? И онъ сказалъ:

— Такъ позвольте ужъ сейчасъ получить, Марьяна Панкратьевна.

— Значитъ, вы согласны?

— Согласенъ!

— Тяжеленько вамъ будетъ! Жаль мнѣ васъ!

— Что дѣлать? Случай трудный, очень трудный случай, Марьяна Панкратьевна.

Какъ ни безобразны были условія этого займа, все-таки о. Антоній боялся, чтобы она не раздумала и не отказала бы, поэтому страшно торопился. Вѣдь отъ этихъ денегъ зависѣла его судьба.

Но Марьяна не имѣла въ виду мучить его. Черезъ четверть часа онъ былъ уже дома. Натонька встала съ постели. Въ этотъ день она чувствовала себя хорошо. О. Антоній старался говорить съ нею спокойно и резонно, но въ груди его клокотала радость, которой такъ и хотѣлось вырваться наружу. Полтораста рублей были у него въ карманѣ, и онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто его сдѣлали уже священникомъ и дали ему самостоятельный приходъ.

— Когда бъ скорѣе Дуняша пріѣзжала! Надо въ городъ ѣхать! — повторялъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ часто выходилъ на дорогу и смотрѣлъ, не ѣдетъ ли Дуняша. Но вотъ по грязной дорогѣ, по которой ручьями лились весеннія воды, показалась мужицкая повозка, вся забрызганная жидкою грязью. Въ передкѣ, свѣсивъ ноги на воздухъ, такъ что онѣ поминутно касались заднихъ ногъ лошади, сидѣлъ мужикъ, а за его спиной, на сидѣньѣ изъ соломы, покрытой ряденцомъ, помѣщалась Дуняша. Это была рослая и стройная дѣвушка съ молодымъ, цвѣтущимъ лицомъ, съ звонкимъ голосомъ и живыми движеніями. Пріѣхавъ, она тотчасъ же начала приводить въ порядокъ хозяйство о. Антонія. Лишенная всякаго образованія, эта дѣвушка отлично постигла хозяйство и не могла ни минуты просидѣть безъ дѣла.

Братья,—ихъ было четверо и все неудачники, не выше дьякона,—считали счастьемъ, когда она къ нимъ пріѣзжала. Она и съ дѣтьми возилась, и на кухнѣ орудовала, и коровъ доила, и шила, — словомъ, это была «золотая дѣвушка»,— таковъ былъ единодушный отзывъ о ней всѣхъ четверыхъ братьевъ. Ей было всего 20 лѣтъ, случалось не мало женихов, но она не спѣшила замужъ, зная себѣ цѣну и цѣня также дѣвическую свободу. «Я себѣ вольная пташка,— говорила она:—отъ брата къ брату, словно мотылекъ, порхаю; а тамъ пойдутъ дѣти, придутъ болѣзни и прощай веселье. Насмотрѣлась я довольно на эту жизнь. Успѣется еще». Съ ея пріѣздомъ домъ о. Антонія оживился, повеселѣлъ и даже Натонька какъ будто снисходительнѣе стала смотрѣть на міръ Божій.

— Вотъ спасибо тебѣ, Дуняша, что пріѣхала, — говорилъ о. Антоній:—я сегодня же укачу въ городъ.

— Сдѣлай милость! Безъ тебя обойдемся! — шутила Дуняша.

О. Антоній дѣйствительно въ тотъ же день собрался и укатилъ въ городъ. Дорога была прескверная. Худая кляча то и дѣло спотыкалась и падала въ глубокія свѣже-размытыя лужи. О. Антоній былъ весь сѣрый отъ грязи. Ѣхалось больше шагомъ и пришлось прошлепать всю ночь. Мѣста тѣ таковы, что на разстояніи сорока верстъ не встрѣтишь ни одной хаты. Только подъ городомъ, когда уже зарозовѣла заря, начались поселки и пошли все гуще и гуще, пока не слились съ самымъ городомъ. Городъ былъ великъ и буквально плавалъ въ грязи. Улицы, скверно вымощенныя какимъ-то каменнымъ сбродомъ, были сплошь покрыты жидкою грязью, которая блестѣла, какъ сталь, и маскировала щедро разсыпанные по мостовой рытвины и ухабы, благодаря которымъ на каждомъ шагу экипажи неожиданно принимали почти вертикальное положеніе, а лошади становились на дыбы. Пѣшеходы, когда собирались перейти улицу, примѣрялись съ такимъ видомъ и дѣлали такія ухищренія, будто хотѣли броситься вплавь. Все было мокро, сыро и грязно, и люди, дѣятельно копошившіеся въ этомъ болотѣ, казались терпѣливо несущими какое-то наказаніе.

О. Антоній заѣхалъ сперва на постоялый дворъ. Было еще рано по городскому счету,—семь часовъ. Притомъ надо было почиститься и привести себя въ порядокъ. Секретарь встаетъ, вѣроятно, часовъ въ восемь, а въ десять идетъ на службу. Вотъ между этими часами и можно посѣтить его. О. Антоній напился чаю, который послѣ ночной поѣздки показался ему необыкновенно вкуснымъ, и досталъ бумагу и конвертъ. На бумагѣ онъ написалъ прошеніе о производствѣ его въ священники и, бережно сложивъ ее, втиснулъ въ самую середину цѣльную сторублевку и все это вмѣстѣ положилъ въ конвертъ. Все это онъ дѣлалъ удивительно смѣло и увѣренно, вѣроятно потому, что былъ въ номерѣ постоялаго двора и одинъ. При этомъ онъ еще вспомнилъ разсказъ о. Панкратія и благочиннаго, и это ободрило его. Ему казалось теперь это простымъ дѣломъ, и онъ ни на минуту не сомнѣвался, что сдѣлаетъ все, какъ слѣдуетъ, т. е. какъ разсказалъ о. Панкратій. Въ девять часовъ онъ уже былъ въ передней секретаря.

— Какъ же сказать объ васъ, батюшка? — спрашивала его какая-то старуха, не то экономка, не то монашенка, не то сама секретарша.

— Да какъ-нибудь... Все одно... они меня не знаютъ! По своему дѣлу, скажите!

— Извѣстно, не по чужому! — сказала старуха и ушла куда-то въ мракъ длиннаго и узкаго коридора.

Но о. Антоній ее даже не слышалъ. Онъ слышалъ только собственный голосъ, который показался ему чужимъ, — до такой степени этотъ голосъ былъ робокъ и тонокъ. И ничего такого пугающаго онъ не встрѣтилъ здѣсь. Передняя была, какъ у всѣхъ: два стула, столъ, вѣшалка, зеркало. Въ полураскрытую дверь онъ видѣлъ въ залѣ мягкую мебель въ сѣрыхъ чехлахъ, уголъ какого-то инструмента въ родѣ фисгармоніи. Старуха тоже не представляла ничего необыкновеннаго, — словомъ, все было такъ, какъ у людей. Но о. Антонія охватила робость невѣроятная. Должно-быть, это происходило отъ того, что въ карманѣ у него лежалъ большой конвертъ съ прошеніемъ, въ которомъ была сторублевка. Какова-то еще будетъ судьба этой сторублевки? Можетъ, вывезетъ, а можетъ, и навѣки погубитъ. Старуха опять появилась изъ мрака и пригласила его за собой. Ему тоже пришлось пройти мрачный коридоръ, затѣмъ повернуть налѣво, открыть дверь и вдругъ совершенно неожиданно очутиться въ кабинетѣ секретаря. Кабинетъ былъ очень малъ, съ низенькимъ потолкомъ, съ небольшими двумя окнами, выходившими на дворъ, съ неуклюжимъ письменнымъ столомъ, зеленое сукно котораго истерлось и было покрыто чернильными пятнами. Въ углу на низенькомъ столикѣ стояло множество образовъ и передъ самымъ большимъ изъ нихъ теплилась лампада. Въ комнатѣ пахло гарью отъ лампады, которая мигала и трещала. Квартира была наемная, и ничто не свидѣтельствовало, что у секретаря есть домъ въ двѣсти тысячъ. Да, это былъ онъ. О. Антоній видѣлъ его раза два въ консисторіи и сейчасъ же узналъ. Громадная фигура съ большою сѣдою головой, лицо совсѣмъ бритое и все, не исключая лба и ушей, красное, какъ у человѣка, только-что выдержавшаго хорошую баню; въ длинномъ черномъ сюртукѣ, широкоплечій, порядочно сутуловатый, онъ всегда обдавалъ просителей какимъ-то холодомъ, сухостью, непривѣтливостью. Казалось, что ему было все равно до всѣхъ людей на свѣтѣ, и онъ скорбѣлъ только объ одномъ, что его потревожили. Онъ стоялъ неподалеку отъ двери и какъ-то въ полъоборота, точно собираясь плюнуть куда-то въ сторону. Изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей смотрѣли большіе бычачьи, совершенно

холодные глаза. О. Антоній поклонился по-монашески, т. е. въ поясъ.

— Какъ ваша фамилія? — спросилъ хозяинъ какимъ-то мальчишескимъ голосомъ, совсѣмъ не соотвѣтствовавшимъ его внѣшности. Отъ такой крупной фигуры ожидалось нѣчто въ родѣ грома. А онъ еще гнусилъ, растягивая слова, произнося гласныя немного на *э* и въ носъ. Губы его сложились въ презрительную мину, словно онъ заранѣе уже презиралъ ту фамилію, которую ему скажутъ.

— Дьяконъ села Бутищевки, Антоній...

— Бубырко!—закончилъ за него хозяинъ и свободнымъ жестомъ указалъ ему на стулъ, а самъ тяжелыми шагами подошелъ къ креслу и сѣлъ. Сѣлъ и о. Антоній.

— Точно... Бубырко! Я... отецъ-благочинный... то-есть... тово... Подавалъ уже одинъ разъ... тово...

— Знаю!—прогнусилъ хозяинъ.

— А владыко написалъ... рано, молъ, написалъ владыко...

— Знаю!—повторилъ хозяинъ и все время смотрѣлъ на о. Антонія въ упоръ своими неподвижными глазами.

— А у меня шестеро дѣтишекъ... И школу я... тово... устроилъ школу... и уставъ...

— Знаю!—еще разъ подтвердилъ хозяинъ.

О. Антоній перевелъ духъ и издалъ глубокій вздохъ. Этотъ упорный взглядъ, какъ бы подстерегавшій его, слѣдившій за каждымъ его движеніемъ, просто потрясалъ его. О. Антонію казалось, что рука его не осмѣлится залѣзть въ карманъ и вынуть оттуда завѣтный конвертъ.

— Теперь я къ вашей помощи прибѣгаю... Одна надежда на васъ, — продолжалъ онъ, и рука его вдругъ очутилась около кармана. Но, поигравши тамъ пальцами, она вдругъ ушла обратно и легла на колѣнѣ.

— Что-жъ, ежели владыко... — началъ-было секретарь, но о. Антоній перебилъ его:

— Прошеніе вамъ я приготовилъ и осмѣлюсь подать...

— Прошеніе? Это пожалуй... Не мѣшаетъ!..

Рука, контролируемая упорнымъ взглядомъ хозяина, точно боявшагося, чтобы она не ошиблась, быстро всунулась въ карманъ и вытащила оттуда конвертъ, который своимъ измятымъ и скомканнымъ видомъ навелъ ужасъ на о. Антонія.

— Конвертъ... тово... измялся!—сказалъ онъ, судорожно сжимая конвертъ дрожащею рукой. Шагъ, который онъ долженъ былъ сейчасъ сдѣлать, былъ именно такого рода

шагъ, что могъ и осчастливить и погубить. А что, если о. Панкратій и благочинный разсказали ему сказки, подшутили надъ нимъ?

— Ничего, разгладимъ! — отвѣтилъ хозяинъ, сосредоточивая свой взглядъ на конвертѣ.

— Такъ вотъ... благоволите... тово... принять... прошеніе.

Онъ положилъ конвертъ на письменный столъ и сейчасъ же быстро поднялся и началъ кланяться. Секретарь между тѣмъ взялъ конвертъ и какъ-то небрежно, точно ненужную вещь, отстранилъ его на середину стола. Но о. Антоній уже былъ въ передней. Никогда еще въ жизни онъ не торопился такъ, какъ теперь. Ему мерещилось, что тамъ, въ кабинетѣ, секретарь открылъ конвертъ, изъ котораго вывалилась сторублевка. Секретарь поблѣднѣлъ и весь затрясся. Онъ ринулся въ переднюю и кричитъ ужаснымъ прерывающимся голосомъ: «Какъ ты смѣлъ? Мнѣ? Секретарю? Ты? Дьяконъ? А? Оскорбленіе? Владыкѣ, въ синодъ! Рясу долой! Въ монастырь, на эпитемію!»

«О, Господи, спаси и помилуй! — мысленно воскликнулъ о. Антоній, залѣзая правою ногой въ лѣвую калошу. — Что я надѣлалъ! Что я надѣлалъ! Погубилъ дѣтей, Натоньку погубилъ!»

Ему казалось это неизбѣжнымъ: секретарь долженъ обидѣться. Какъ это можно? Такое лицо, такой постъ, и вдругъ ему—взятку. Да это ужасно! Зачѣмъ ему? У него хорошее жалованье.

Вотъ онъ на лѣстницѣ, уже внизу, отворяетъ дверь, но никакой погони за нимъ нѣтъ. Вдохнувъ полною грудью свѣжій влажный воздухъ, онъ немного успокоился и даже рѣшилъ подождать минуты двѣ: ужъ ежели погибать, такъ сію минуту. Чего ждать? Пусть ужъ разомъ. Онъ оглянулся на дверь секретарской квартиры; она была неподвижна и молчалива.

Наконецъ, совершенно придя въ себя, онъ понялъ, что никакой погони за нимъ не будетъ, что конвертъ съ его содержимымъ пришелся какъ нельзя болѣе по душѣ секретарю и что, по всей вѣроятности, надо такъ считать, что его дѣло въ шляпѣ. Придя къ такому пріятному убѣжденію, онъ рѣшилъ, что весь этотъ день ему слѣдуетъ какъ можно дальше держаться и отъ консисторіи, и отъ архіерейскаго дома. Неровенъ часъ, попадешься на глаза архіерею и все дѣло испортишь. Но цѣлый день надо было какъ-нибудь скоротать. Онъ побывалъ и на базарѣ, гдѣ нашелъ

не мало бутищевскихъ мужиковъ, и на постояломъ дворѣ, гдѣ пробовалъ заснуть, но не могъ, потому что ему мѣшало волненіе. Въ губернскомъ городѣ у него не мало было знакомыхъ среди причта городскихъ церквей, но онъ боялся даже встрѣтиться съ ними. Сейчасъ пойдутъ разспросы, зачѣмъ да почему, а онъ не выдержитъ, разскажетъ, что пріѣхалъ проситься въ священники; ну, разумѣется, тотъ съ насмѣшкой, другой съ завистью, третій съ предостереженіемъ. Богъ съ ними, лучше не нарушать мирное теченіе жизни! Ему не спалось оттого, что грудь его вся была наполнена ожиданіемъ. Но за счастливый исходъ своего дѣла онъ не боялся. Секретарь — сила; ежели онъ принялъ и ничего не сказалъ, то, значитъ, сдѣлаетъ. Все-таки о. Антоній нашелъ нужнымъ побывать у благочиннаго. Онъ не имѣлъ въ виду ни о чемъ просить его, а только засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Благочинный къ нему расположенъ, хлопоталъ за него у архіерея, надо же человѣку показать, что помнишь это и цѣнишь.

Благочинный о. Іоаннъ Веселѣновъ жилъ такимъ же веселенькимъ домкомъ, каковъ былъ и самъ. Все у него глядѣло привѣтливо, — и чистенькая лѣстница, и просторный стеклянный коридоръ съ массою растеній, и небольшія, уютныя, залитыя свѣтомъ, комнаты съ веселыми свѣтлыми обоями, и множество мягкой мебели, обитой розовымъ и голубымъ атласомъ, и хорошенькая горничная, и привѣтливая жена, и ласковыя дѣти, — словомъ, пріятно было войти въ этотъ домъ и провести здѣсь часъ - другой. Повидимому, здѣсь не дѣлали разницы между гостемъ важнымъ и простымъ.

— А! отецъ Антоній пріѣхалъ! Милости просимъ! Жена, Анюта, отецъ Антоній пріѣхалъ! Знаешь, изъ Бутищевки дьяконъ! А ну-ка, чаю тамъ, что ли! Хотите чаю, отецъ Антоній, съ вареньицемъ? Ну, какъ здоровье вашей супруги? Отецъ Панкратій какъ поживаетъ? Все дѣлами занимается, а? А вотъ это моя старшая дочь! Не бойся, Нюра, подойди, это отецъ Антоній изъ Бутищевки; онъ добрый, онъ не кусается...

И вышла матушка, вышли дѣти, дали чай, варенье, и о. Антоній чувствовалъ себя какъ въ своемъ кругу. О. Іоаннъ жилъ, какъ свѣтскій человѣкъ. Ничто въ его обстановкѣ не напоминало о томъ, что онъ — духовное лицо, да притомъ еще стоящее на такой стезѣ, что недалеко и отъ каѳедральнаго протоіерея. Въ кабинетѣ на стѣнахъ не красовались виды Аѳонской горы или доморощенныя гравюры;

висѣли только географическія карты и какой-то маленькій пейзажъ въ черной рамкѣ. Въ стеклянномъ шкапу стояли солидные переплеты съ надписями: «Шлоссеръ», «Бокль», «Шиллеръ», «Пушкинъ», «Тургеневъ» и т. п. надписями, значенія которыхъ о. Антоній не понималъ. Въ залѣ стояло фортепіано, матушка играла вальсъ, дѣти вертѣлись.

О. Антонія оставили обѣдать. Стѣсняемый присутствіемъ матушки и дѣтей, онъ никакъ не могъ улучить минуту, чтобы разсказать благочинному о своемъ визитѣ секретарю. Между тѣмъ, ему ужасно хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своею удачей. Но послѣ обѣда выпала такая минута. Они сидѣли въ кабинетѣ. Благочинный сладостно протянулъ ноги на мягкой кушеткѣ и потягивалъ сигару. О. Антонію тоже была предложена сигара, но онъ отказался. Онъ не умѣлъ курить сигары, а курилъ претолстыя папиросы, которыя крутилъ собственноручно и вставлялъ въ длинный мундштукъ изъ обыкновеннаго бутищевскаго камыша.

— А я, отецъ-благочинный, былъ у секретаря!—сказалъ о. Антоній.

— Ага, все по тому же дѣлу?

— Все по тому же... Просилъ о содѣйствіи, и онъ обѣщалъ. Суровый человѣкъ онъ... Видно, очень строгъ въ своей должности.

— Не знаю; я консисторіи не касаюсь. Владыко хотѣлъ назначить меня членомъ, но я отклонилъ! Богъ съ ними! Тамъ интриги всякія...

— А я-таки, отецъ-благочинный, конвертъ ему оставилъ... съ прошеніемъ, хе-хе-хе!.. — промолвилъ о. Антоній, понизивъ голосъ и даже оглянувшись на дверь.

— Представьте себѣ, что если я послѣ обѣда не выкурю сигары, такъ все равно, что и не обѣдалъ!... — сказалъ благочинный.

— Привычка! — замѣтилъ гость и въ то же время не безъ тревожнаго удивленія подумалъ: — «Я ему про конвертъ, а онъ про сигару!»

Въ это время въ залѣ раздались звуки фортепіано. О. Антоній продолжалъ:

— Далъ это я ему, а онъ этакъ рукой отстранилъ на средину стола и говоритъ: «Это, говоритъ, хорошо»...

— Ты бы, Анюта, что-нибудь изъ Мендельсона сыграла,— крикнулъ благочинный женѣ и сейчасъ же обратился къ гостю:—я очень люблю Мендельсона; это мой любимый композиторъ. Вотъ слушайте, слушайте... Романсъ безъ словъ...

О. Антоній долженъ былъ слушать и, ужъ конечно, больше не возобновлялъ разговора ни о секретарѣ, ни о конвертѣ.

Онъ ушелъ на постоялый дворъ, когда уже стемнѣло и на улицахъ губернскаго города смрадно горѣли «фотоженные» фонари.

Онъ думалъ, разумѣется, о томъ, какъ пріятно будетъ завтра узнать въ консисторіи радостную вѣсть. Чего добраго, можетъ-быть, все совершится въ этотъ пріѣздъ, и онъ, къ невыразимому восторгу Натоньки и Дуняши, пріѣдетъ въ Бутищево священникомъ.

Думалъ онъ также о томъ, какіе на свѣтѣ бываютъ странные люди. Секретарь, напримѣръ, если правда, что о немъ говорятъ, владѣетъ домомъ въ двѣсти тысячъ, а беретъ съ бѣднаго человѣка сто рублей. А вотъ благочинный такъ даже слушать объ этомъ не хочетъ! Противно ему, что ли, или изъ политичности вмѣшиваться не хочетъ? Кто ихъ разберетъ? А какъ они живутъ! Какая разница! У одного все мрачно, тяжело, непривѣтливо, а у другого все такъ пріятно, радостно, уютно. Хорошо, однако, быть секретаремъ, недурно также быть и благочиннымъ. И тотъ, и другой по-своему отлично живутъ. Скверно только быть дьякономъ въ плохомъ приходѣ, да еще на дьячковской вакансіи, съ шестью душами дѣтей и съ больною женой.

На другой день, въ двѣнадцать часовъ дня, о. Антоній прогуливался по аллеямъ архіерейскаго сада. Онѣ были посыпаны пескомъ и плотно утрамбованы, и ходить по нимъ было хорошо. О. Антоній зналъ, что именно въ это время секретарь бываетъ съ докладомъ у архіерея, и выжидалъ, когда докладъ кончится. Онъ мысленно переживалъ всѣ перипетіи этого доклада. Вотъ секретарь развернулъ его прошеніе и читаетъ: «А! — говоритъ архіерей: — это тотъ, что въ тонъ попадать не умѣетъ? Я же сказалъ, что ему еще рано!» — «Ваше преосвященство! — отвѣчаетъ секретарь: — если онъ тогда не попадалъ въ тонъ, то это единственно потому, что ему не было дано репетиціи, но вообще онъ человѣкъ достойный и способный! У него шестеро дѣтей, ваше преосвященство, и позволю себѣ поставить на видъ вашему преосвященству...» И долго, долго говоритъ секретарь, говоритъ онъ страсть какъ умно, какъ о. Антонію, конечно, и не вообразить, а архіерей все слушаетъ. И чувствуетъ онъ, архіерей, что секретарь его убѣдилъ и что дьякона Антонія Бубырко нельзя не сдѣлать священникомъ, его непремѣнно надо сдѣлать священ-

никомъ. И говоритъ архіерей: «Ну, дѣлать нечего! не хотѣлъ, а вижу, что надо! Ты убѣдилъ меня, секретарь! Давай перо!»—и беретъ архіерей перо и пишетъ: «Благословляю діакона Антонія Бубырко рукоположить въ санъ священника». Секретарь складываетъ бумагу, кладетъ ее въ портфель и идетъ въ консисторію. На соборныхъ часахъ пробило часъ дня. Надо дать время секретарю передать бумаги столоначальнику. Столоначальника онъ знаетъ. Это древній человѣкъ, очень-очень древній, чуть ли не съ основанія консисторіи служитъ. Онъ такой же бритый, какъ и секретарь, только маленькій и лысый и не мрачный, а напротивъ, любезный и льстивый. Когда много лѣтъ тому назадъ былъ другой секретарь, который носилъ бакенбарды, то и онъ носилъ бакенбарды. Пожалуй, и ему придется что-нибудь дать.

На тѣхъ же соборныхъ часахъ пробило половина второго. О. Антоній разсчиталъ, что теперь всѣ формальности кончены, и пошелъ въ консисторію. Столоначальникъ былъ углубленъ въ сличеніе какой-то копіи съ подлиннымъ.

— Я сейчасъ, сейчасъ, повремените минутку, батюшка,— сказалъ онъ съ улыбкой. Улыбка у него была некрасивая, потому что не было зубовъ. О. Антоній ждалъ совершенно спокойно. Никакого дурного предчувствія у него не было.

— Дьяконъ Антоній Бубырко? — спросилъ столоначальникъ.—Есть, есть. Вотъ ваше прошеніе-съ!

Онъ взялъ со стула развернутое прошеніе и поднесъ его къ самому носу о. Антонія. Дьяконъ Антоній Бубырко прочиталъ написанное синимъ карандашомъ рукою архіерея: «Въ тонъ попадать не научился, а посему несвоевременно». А ниже стояло уже написанное рукою секретаря и чернилами: «Отказать».

— И больше ничего-съ! — прибавилъ все съ тою же улыбкой столоначальникъ и положилъ прошеніе обратно на столъ.

Какъ-то въ одно мгновеніе все спуталось въ головѣ о. Антонія. Глаза заволоклись туманомъ, и онъ не видѣлъ ни столоначальника, ни писцовъ, ни стоявшаго тутъ же какого-то дьячка, униженно кланявшагося и о чемъ-то слезно просившаго. Что такое случилось? Натонька плачетъ. Дуняша ходитъ мрачная, какъ туча, чего даже никогда не бывало; Марьяна Панкратьевна требуетъ деньги и говоритъ: «Тяжеленько вамъ, о. Антоній, жаль мнѣ васъ, о. Антоній», а веселый благочинный стоитъ гдѣ-то наверху,

какъ бы въ облакахъ, куритъ сигару и посмѣивается! Но это былъ одинъ только мигъ. О. Антоній сейчасъ же опомнился и подумалъ: «мало!». И у него явилась дерзкая мысль — зайти къ секретарю и при всѣхъ — при чиновникахъ, при членахъ консисторіи, при просителяхъ спросить его: «Сколько вамъ надо доплатить, господинъ секретарь?» Но опять же отъ смѣлыхъ мыслей, порой зарождающихся въ головѣ деревенскаго дьякона, состоящаго на дьячковской вакансіи, до смѣлыхъ поступковъ очень далеко. Къ секретарю онъ не пошелъ, а вышелъ вонъ и отправился на свой постоялый дворъ. И шелъ онъ, и выкатывалъ повозку, и запрягалъ въ нее лошадь, и расплачивался съ хозяиномъ какъ-то безчувственно. Ему даже было досадно, что онъ какъ будто не скорбитъ, не убивается, не думаетъ о Натонькѣ, о дѣтяхъ. Это было отчаяніе выше мѣры. У него не было силы скорбѣть. Только позднимъ вечеромъ, когда уже до Бутищева оставалось верстъ десять, онъ вдругъ воспрянулъ и шибко погналъ лошаденку.

Неизвѣстно почему у него заболѣло сердце, забилось тревожно, и что-то подгоняло его спѣшить.

Онъ пріѣхалъ домой около полуночи и прежде всего его поразило то, что въ такую позднюю пору въ домѣ свѣтились огни.

III.

Натонька лежала въ жару. У нея былъ бредъ.

Дуняша встрѣтила его съ заплаканными глазами. Дѣтишки спали въ другой комнатѣ, но блѣдная Маринка въ одной рубашоночкѣ сидѣла у ногъ больной на постели и не сводила съ нея испуганныхъ глазъ.

— Что съ нею?—спросилъ о. Антоній.

— Тс... Иди сюда.

Дуняша схватила его за рукавъ рясы и потащила за собой въ кухню. Здѣсь она положила руки и голову на столъ и зарыдала.

— Антоша, Антоша, какой ты несчастный!—воскликнула она сквозь слезы.

— Несчастный по всѣмъ статьямъ!... — прошепталъ отецъ Антоній.

Онъ предчувствовалъ то, что ему скажутъ, и это было до такой степени ужасно, что онъ не спрашивалъ.

— Сейчасъ, какъ ты уѣхалъ, она слегла, — говорила Дуняша, стараясь сдержать слезы. — Голову ей ломило,

грудь камнемъ сдавливало, кашель, кашель, такой страшный кашель, и вдругъ кровь пошла горломъ... Мы испугались, Боже мой, какъ испугались!.. Ну, хоть за фершаломъ послали... Пришелъ, посмотрѣлъ... Господи ты, Боже мой! Отвелъ это онъ меня и говоритъ: «А знаете... а вѣдь у нея, у матушки, чахотка, и въ очень большомъ градусѣ... Такъ похоже на то, какъ бы въ послѣднемъ... И наврядъ, говоритъ, она больше нѣсколькихъ дней проживетъ...» Антоша, Антоша!..

У о. Антонія подкосились колѣни, и онъ какъ-то непроизвольно опустился на лавку. Онъ былъ блѣденъ, какъ стѣна, но не плакалъ, а только нижняя губа его какъ-то безсильно вздрагивала, а глаза установились на Дуняшу и пугали ее своимъ безсмысленнымъ видомъ.

— А знаешь, — говорилъ онъ слабенькимъ, дѣтскимъ голосомъ и, чего никогда съ нимъ не было, заикаясь, — и тамъ не удалось... Сто рублей далъ секретарю... У Марьяны взялъ... И ничего... Въ тонъ не попадаетъ... въ то-о-онъ...

Тутъ пришли слезы, и о. Антоній зарыдалъ страшно, громко и некрасиво, какъ баба. Дуняша подошла къ нему и старалась утѣшить его, говорила, что еще неизвѣстно, что фельдшеръ ничего не понимаетъ, но это не помогло. О. Антоній рыдалъ и безжалостно стучалъ головой объ столъ.

— Ты ее потревожишь, — сказала Дуняша. Тогда онъ всталъ и началъ ходить по земляному полу кухни, держась обѣими руками за голову.

— Дуняша, Дуняша, что же это такое? Какъ же это... тово... какъ же мы будемъ? Дѣтишки... Шестеро... малъ-мала-меньше... Господи, помилуй!... — лепеталъ о. Антоній, бросая косые взгляды на темный, закоптѣлый образъ, висѣвшій въ углу, какъ бы именно оттуда ожидая рѣшенія своего вопроса. Дуняша прислонилась головой къ холодной стѣнѣ и тихонько плакала.

Скрипнула дверь и вошла Марья. Веселая и беззаботная, Марья теперь была блѣдна, и глаза ея тоже были красны.

— Васъ, батюшка, просятъ, матушка просятъ васъ!..

— Меня?!.

О. Антоній снялъ рясу, всю забрызганную грязью, вымылъ лицо, особенно тщательно промывая глаза, чтобы скрыть слѣды слезъ, причесалъ волосы и тихонько на цыпочкахъ, пошелъ въ комнату. Всю свою небольшую силу воли онъ употребилъ на то, чтобы сдѣлать свой голосъ ровнымъ, а лицо спокойнымъ и даже веселымъ.

— Натонька! И что это ты вздумала, Господи Боже мой? Взяла да и тово... слегла...—любовнымъ голосомъ промолвилъ онъ, цѣлуя ее въ горячій лобъ.

— Умирать вздумала, Антоша. Видно, Богъ за грѣхи...—она закашлялась и выплюнула кровь.

— Что ты, что ты, Натонька? Экъ, выдумала что! Еще поживемъ! Вотъ солнышко пригрѣетъ, встанешь...

Но о. Антоній чувствовалъ, что голосъ его говорилъ совсѣмъ не то, что говорили слова! Всего ужаснѣе было то, что онъ заикался и никакъ не могъ избавиться отъ этого. Это его приводило въ отчаяніе, потому что выдавало его головой.

— Пригрѣетъ, да не меня, — медленно покачивая головой, сказала Натонька.—Хоть бы дѣтей-то моихъ оно ласково пригрѣло! Я уже это чувствую... И фершала видѣла, и Дуняшины слезы, и слышала, какъ ты сейчасъ голосилъ въ кухнѣ... Чувствую, Антоша, чувствую!... Хочу поговорить съ тобой. Какъ бы ты Маринку спать унесъ, не мѣсто ей тутъ, не идетъ слушать...

— Мариночка, пойдемъ спатки! — промолвилъ о. Антоній, обращаясь къ дѣвочкѣ.

Но Маринка крѣпко обѣими ручонками ухватилась за ноги матери.

— Нѣтъ, не пойду отъ мамы! Никуда не пойду... И въ могилку съ нею! — проговорила она какимъ-то необычайно убѣжденнымъ, вразумительнымъ голосомъ.

Изъ глазъ Натоньки выкатились двѣ слезы.

— Пускай останется! — прошептала она. — Присядь, Антоша, возьми стулъ и присядь.

О. Антоній покорно взялъ стулъ и присѣлъ у изголовья.

— Что въ городѣ? Архіерей какъ?—спросила Натонька.

— Архіерей... ничего!.. Ничего, Натонька!..

— Антоша, ты не обманывай! Меня, можетъ, завтра на свѣтѣ не будетъ. Говори правду,—отказалъ?

— Отказалъ, Натонька!—совершенно убитымъ голосомъ проговорилъ о. Антоній и опустилъ голову.

— То-то! И какъ же онъ, совсѣмъ или такъ, на время?—продолжала допытывать она.

— На время, Натонька! Написалъ: несвоевременно, потому въ тонъ не попадаетъ. Въ тонъ-то, Господи помилуй!

— Правду говоришь, Антоша?

— Правду, Натонька, какъ на исповѣди!..

— А у насъ шестеро, Антоша! Подростутъ, чѣмъ ты обучишь ихъ? Шестеро!..

— Шестеро, Натонька!.. Шестеро!..

— Антонъ! — совсѣмъ тихо промолвила она, чтобъ не слышала Маринка, но дѣвочка была вся слухъ и не пропускала ни одного слова.—А ежели я умру, ты вдовцомъ будешь?

— Господи ты, Боже мой!—прошепталъ о. Антоній.

— Вдовцомъ будешь, Антоша... А вдовца священникомъ сейчасъ не сдѣлаютъ... Нельзя... Законъ такой... До сорока лѣтъ ждать, а тамъ еще захотятъ ли... Это вѣдь за особыя заслуги только... А какія у тебя, Антоша, заслуги?

О. Антоній всталъ, тяжело вздохнулъ, провелъ рукой по лбу и опять сѣлъ.

— Да что же это, Господи, Господи?—шептали его губы, а рука сама поднималась и дѣлала крестное знаменіе.

— Малодушествовать нельзя, Антоша, а обсудить надо!.. Шестеро, вѣдь!.. Коли ты на всю жизнь дьякономъ останешься, да и въ такой бѣдности, какъ наша, дѣтишки нищими будутъ... А за что? Чѣмъ они, бѣдные, виноваты?

— Что же подѣлаешь, коли воля Господня?..

— А ежели я умру, ты на всю жизнь дьяконъ!

— Что же останется намъ? Не придумаю, Натонька, нѣтъ... не могу придумать!

Голова о. Антонія была дѣйствительно слишкомъ слаба для того, чтобы разобраться во всей этой громадной кучѣ горя. Онъ совсѣмъ потерялъ способность разсуждать, и ему казалось, что выхода нѣтъ, и остается только примириться съ судьбой. Натонька кашляла, и это еще больше потрясало его.

— Слушай, Антоша, не теряй времени... Пока я жива, ты еще не вдовецъ... Поѣзжай къ преосвященному... Поѣзжай сейчасъ, сію минуту поѣзжай... Пади ему въ ноги, облейся слезами и скажи все, какъ есть... скажи, что умираю, и тогда всему конецъ... Сердце-то есть у архіерея... Поѣзжай...

Опять кашель, и еще разъ говоритъ она задыхающимся голосомъ:

— Поѣзжай... Пади къ ногамъ... А то завтра умру... Навѣки дьяконъ...

— Натонька, Натонька!.. Что ты?.. Господи Боже мой! Что ты говоришь?..

— Говорю—поѣзжай... Поѣзжай, Антоша!.. Шестеро ихъ... Поѣзжай!..

— Какъ же я поѣду, коли ты... Натонька, какъ же я поѣду?..

— Поѣзжай... Умереть-то я и безъ тебя умру, коли Богъ прикажетъ. Поѣзжай сейчасъ!

— Натонька, не могу я, не могу..

— Антонъ! Иди сюда!.. Ближе, ближе!.. Дай мнѣ руку свою... Вотъ такъ! Жили мы съ тобой восемь лѣтъ согласно, любовно и ты меня слушался... А мнѣ теперь умереть надо, а ты... ты не слушаешься... Ну, я же Господомъ Богомъ молю тебя: послушайся, поѣзжай... Антоша, голубчикъ мой! Послѣдняя это моя просьба... Поѣзжай!.. Сердце мое чувствуетъ, что сжалится архіерей... Непремѣнно сжалится... Смотри, Маринка наша славная дѣвочка, добрая, умная головка, такъ неужели ей безъ образованія расти и по людямъ шататься?.. А всѣ другіе, всѣ шестеро,.. Ну, перекрести меня... Поцѣлуй меня хорошенько и поѣзжай... Можетъ, Богъ дастъ, я дождусь тебя, и какъ отрадно мнѣ будетъ умереть, коли все исполнится... Поѣзжай, Антонъ, голубчикъ...

О. Антоній съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ, какого еще никогда въ жизни не ощущалъ въ груди своей, осѣнилъ ее три раза большимъ, медленнымъ, вдумчивымъ крестомъ и поцѣловалъ ее въ губы. Потомъ онъ взялъ на руки Маринку и тоже перекрестилъ ее и поцѣловалъ. Затѣмъ онъ повернулся къ комнатѣ, гдѣ спали дѣти, и осѣнилъ ее все такимъ же большимъ крестомъ...

— Поѣду, — сказалъ онъ глухимъ, но твердымъ голосомъ:—коли ты требуешь и сердце твое чувствуетъ... Поѣду! Горько мнѣ будетъ... нестерпимо горько, а поѣду, коли ты велишь, Натонька!..

Шаги его сдѣлались твердыми и взглядъ увѣреннымъ. Онъ весь проникся сознаніемъ, что исполняетъ, быть-можетъ, послѣднюю волю Натоньки.

Онъ вышелъ въ сѣни, потомъ во дворъ. Дуняша сидѣла на заваленкѣ съ поникшею головой. Марья возилась съ коровой. Звѣзды уже погасли, и надъ селомъ разстилался блѣдный свѣтъ ранняго утра. О. Антоній прошелъ въ сарай, гдѣ стояла лошаденка. Она была худа и имѣла понурый видъ.

«Не довезетъ, куда ей! Сейчасъ сорокъ верстъ сдѣлала!»— подумалъ о. Антоній.

Притомъ онъ сознавалъ, что ѣхать надо быстро. Сегодня суббота. Если архіерей смилуется, то завтра и рукополо-

жить, а ежели опоздать, такъ придется ждать недѣлю, до слѣдующей службы, а мало ли что можетъ случиться за недѣлю? Онъ вышелъ обратно во дворъ.

— Марья,—сказалъ онъ:—бѣги сейчасъ къ почтарю и чтобъ сію минуту пара лошадей мнѣ была и дилижанъ... Въ городъ! Да только скажи, чтобы не привязывалъ колокольчика...

— Ты въ городъ?—спросила Дуняша.

— Въ городъ, Дуняша; сама посылаетъ...

— За докторомъ?

— Эхъ, Дуняша, что докторъ? Докторъ ничего не поможетъ... Фершалъ правду сказалъ. За одинъ этотъ день она такъ подалась, бѣдняга, что на смерть похожа. И сама говоритъ—умру!..

— А въ городъ зачѣмъ же?

— Такое дѣло, Дуняша, что и самъ не знаю, какъ будетъ... Ужъ лучше не спрашивай... Можетъ, Натонька, тебѣ скажетъ... Приказала ѣхать... Смотри, Дуняша, на тебя вся надежда... Береги ее... А въ случаѣ чего, не приведи Господи... Завтра я пріѣду... Эхъ, горе мое, горе!..

Онъ ходилъ по двору, заглядывалъ въ сарай, прошелъ къ рѣкѣ. Почтарь медлилъ. Уже совсѣмъ разсвѣло, когда къ хатѣ дьякона подъѣхалъ «дилижанъ», запряженный парой.

О. Антоній вошелъ въ комнату, ударилъ три земныхъ поклона къ образамъ, сталъ на колѣни и прошепталъ молитву, потомъ обернулся къ Натонькѣ и сказалъ:

— Ѣду, Натонька! Пусть будетъ по-твоему!

Она только одобрительно покачала головой. Онъ нагнулся, Натонька обвила его шею ослабѣвшими холодными руками, прижала его голову къ щекѣ и прошептала:

— Прощай, Антоша! Ужъ до твоего пріѣзда я проживу! Силы есть!.. Такъ и знай...

Онъ вышелъ, шатаясь, влѣзъ въ «дилижанъ» и быстро покатилъ по мягкой, влажной дорогѣ.

Сорокъ верстъ пути, когда у человѣка на душѣ столько горя, сомнѣній и недоумѣній,—это безконечно долгая дорога.

Если бы онъ былъ одинъ, онъ просто рыдалъ, и ему было бы легче. Но впереди сидѣлъ ямщикъ, бутинцевскій мужикъ Макаръ, хорошо знакомый о. Антонію. Макаръ былъ любопытенъ и въ началѣ путешествія допытывался:

— Что это вамъ такъ приспичило, отецъ-дьяконъ? Видно, дѣло какое важное! Прежде все на своей ѣздили, а тутъ вдругъ на почтовыхъ..

— Значитъ, надо!—отвѣчалъ о. Антоній.

— Мабуть, по службѣ что-нибудь? Архіерей требуетъ?—приставалъ Макаръ.

— Замолчи ты, ради Бога!.. Чего присталъ? Не до тебя мнѣ...

Макаръ почесалъ затылокъ и замолчалъ. А дьякону дѣйствительно было не до него и не до его вопросовъ. Въ головѣ его копошился цѣлый рой мыслей, которыя то углублялись куда-то въ далекое прошедшее, то забѣгали въ туманное и неизвѣстное будущее, то парили надъ диваномъ, на которомъ лежала больная Натонька. Припомнилъ онъ свою жизнь, припомнилъ и повторилъ ее всю съ чувствомъ и разумѣніемъ, словно собирался принять великую исповѣдь.

Давнее то было время и смутно помнится оно. Отецъ его былъ дьячкомъ въ селѣ, и множество у него было сыновей и дочерей. До десяти лѣтъ бѣгали они гурьбой въ однѣхъ рубашонкахъ, босикомъ по грязи и по солнцу, никто за ними не смотрѣлъ, дѣлали, что хотѣли, знали то, что подмѣчали пытливымъ дѣтскимъ окомъ, знали многое, чего дѣтямъ знать не слѣдуетъ и чего другія дѣти не знаютъ. Отецъ самъ училъ ихъ грамотѣ: «азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, зѣло»; старикъ онъ былъ и училъ по-старинному: букварь, часословъ и, какъ высшая мудрость, псалтырь,—вотъ и вся наука. Сначала псалмы читались, потомъ псалмы учились наизусть,—дальше этого не могла пойти изобрѣтательность стараго дьячка, который самъ ничего иного не зналъ, кромѣ книгъ церковнаго обихода. А въ десять лѣтъ вдругъ свезли въ городъ и забросили въ школу.

Школа эта была бурса, настоящая дореформенная бурса, которую Антоша засталъ при послѣднемъ издыханіи, но тѣмъ не менѣе могучею и сильною всѣми своими особенностями. Вдругъ ни съ того, ни съ сего засадили его за латынь и греческій, втиснули въ сложную махинацію авдиторовъ, сѣкуторовъ, розогъ, линеекъ и т. п. страшныхъ вещей, которыя сразу запугали воображеніе дикаго мальчика, привыкшаго къ свободѣ, къ солнцу и простору деревенской улицы. Онъ ничего не понималъ: ни требованій бурсацкой дисциплины, ни правилъ латинской грамматики, и его за это сѣкли, драли за уши, за чубъ, сажали въ карцеръ, лупили линейками и корешками розогъ по ладонямъ,—однимъ словомъ, «учили» разными способами, какіе были въ распоряженіи старой бурсы. Когда Антоша вспоминаетъ это

время, онъ ничего не ощущаетъ, кромѣ какой-то дикой боли, тупой, совершенно дурацкой, ни на чемъ не основанной обиды. Почему? за что? за какую вину? Вѣдь всѣ били его, слабаго, всѣ—отъ инспектора до послѣдняго лѣнтяя, у котораго были здоровые кулаки. На битьѣ была основана вся наука и все воспитаніе. Но ему пришлось терпѣть это только два года. Вдругъ все отъ верху до низу перемѣнилось. Всѣ стали вѣжливы, деликатны, пріѣхали новые учителя, которые говорили даже «вы», розги уничтожены, никого не бьютъ, никто не плачетъ. Но Антоша уже запуганъ, забитъ, огорошенъ, учится плохо и еле-еле перелѣзаетъ изъ класса въ классъ, засиживаясь въ каждомъ классѣ по два года и прочно присвоивъ себѣ кличку «осла». Кое-какъ дотянулъ онъ до семинаріи, побылъ въ ней годъ, но дальше уже совсѣмъ пойти не могъ и оставилъ это, повидимому, несвойственное ему занятіе.

Старый дьякъ былъ тогда еще живъ. Антошѣ пошелъ двадцатый годъ. Былъ онъ уже вполнѣ зрѣлый юноша, и нужно было думать, что̀ съ нимъ дѣлать. Одна дорога—поступить въ понамари, а потомъ въ дьяки, да этимъ и закончить карьеру. Такъ многіе и дѣлали. Но тутъ помогло одно обстоятельство. Въ губерніи не такъ давно умеръ нѣкій протопресвитеръ, важное лицо, бывшій благочинный и членъ консисторіи. Протопресвитеръ оставилъ весьма изрядное состояніе и между прочимъ, по духовному завѣщанію, учредилъ пріютъ для сиротъ-дѣвушекъ духовнаго званія. Въ пріютѣ этомъ обучали грамотѣ, рукодѣлію и хозяйству,—однимъ словомъ, готовили женъ для младшаго причта, но такъ какъ основатель его былъ лицо почтенное, то пріютъ сейчасъ же получилъ привилегію. Было объявлено, что всякій причетникъ, взявшій себѣ въ жены «пріютку», тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право на немедленное производство въ дьяконы. И Антошѣ пришлось воспользоваться этою привилегіей. Вотъ какъ о. Антоній, когда его спрашивали объ этомъ и когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, разсказывалъ о своемъ сватовствѣ:

— Говоритъ мнѣ батько: «Ну, сыночекъ, доучился, кончилъ курсъ, видно, что не хотѣлъ умнѣе своего родителя быть. Ѣдемъ-ка въ пріютъ жениться, все же таки дьякономъ будешь, дьяконскій-то хлѣбъ не Богъ знаетъ какъ бѣлъ, а все же бѣлѣе дьячковскаго». А я... мнѣ что? Мнѣ все одно. Ничего не понималъ я тогда толкомъ. Жениться, такъ жениться... съ женой что дѣлать—извѣстно я пони-

малъ... Вотъ и повезли меня туда. Пріѣхали это мы: я, мои родные и еще сватъ—одинъ знакомый дьяконъ. Пріѣхали и прямо въ классъ. Ужъ конечно онѣ, т. е. дѣвицы-пріютки, знали, что это женихъ пріѣхалъ, вырядились въ чистенькія платья, бѣлые передники надѣли и сидятъ рядышкомъ, душъ ихъ восемь было, иная шьетъ, иная вышиваетъ... Входимъ мы; я, разумѣется, позади сѣмейю, потому, какъ хотите, странно какъ-то... Пришелъ человѣкъ неизвѣстно откуда и долженъ себѣ подругу на всю жизнь выбрать. Я былъ тогда такой же высокій, какъ теперь. Прошлись мы по комнатѣ раза два, а я все смотрю имъ въ лица... Ну, какъ бы вамъ сказать, совершенно какъ товаръ въ лавкѣ, либо на базарѣ. Однако, нельзя же даромъ такъ-то ходить, надо, чтобы какой-нибудь толкъ былъ. Вотъ мать моя и подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «Мой совѣтъ, тебѣ, Антоша, вонъ ту взять, которая съ русою косой за вышиваньемъ сидитъ». Но скажу я вамъ, что не нравилась мнѣ русая коса, вотъ не знаю почему, а не нравилась. А сидѣла этакъ въ уголку смугленькая такая, худенькая, да блѣдненькая; взглянулъ я на нее, и такъ мнѣ жалко сдѣлалось, что она такая себѣ заморенная, и сердце такъ и застучало... Ну, думаю, должно-быть, это и есть судьба моя! И говорю матери: «Нѣтъ, говорю, не русая, а черная коса, вонъ та!»—и показалъ пальцемъ. А мать говоритъ: «Что-жъ, это твое дѣло, не мнѣ съ ней жить, а тебѣ». Съ тѣмъ мы и вышли. Сейчасъ пошли къ о. Исидору на закуску,—о. Исидоръ, тамошній священникъ и начальникъ пріюта,—гляжу, и моя черная коса здѣсь, чай разливаетъ: раскраснѣлась вся, вижу, въ волненіи. Насъ познакомили. Тутъ я узналъ, что зовутъ ее Натальей Пароентьевной, и сію же минуту въ душѣ своей въ Натоньку ее перекрестилъ. Только пили это всѣ чай, вдругъ, смотрю, никого въ комнатѣ нѣтъ, всѣ куда-то исчезли, остался только я да Натонька, т. е. тогда еще Наталья Пароентьевна. Сидитъ она на диванѣ и въ окошко глядитъ, словно и не обо мнѣ думаетъ. Понялъ я, что насъ нарочно оставили, чтобы, значитъ, объясниться... Никогда въ жизни этого со мной еще не бывало, чтобы я оставался съ дѣвушкой глазъ на глазъ, а чтобы еще объясняться, такъ объ этомъ я даже понятія не имѣлъ. И трепетало мое сердце, струсилъ я, т. е., какъ слѣдуетъ быть. Однако, что же дѣлать-то? Все одно—надо. Пріѣхалъ жениться, такъ надо жениться. Подошелъ и говорю: «Наталья Пароентьевна! вамъ вѣдь все хорошо извѣстно, и

объясняться тутъ нечего. Желаю, говорю, имѣть васъ женою своей, и въ дьяконскій санъ, говорю, преосвященнѣйшій владыка меня рукоположить обѣщалъ, и даже мѣсто есть въ селѣ Бутищевомъ, хотя на дьячковской вакансіи». А она глаза опустила: «Мнѣ, говоритъ, извѣстно... я согласна!» Тутъ я даже ручку у ней поцѣловалъ. На другой день обвѣнчались, а тамъ и во дьякона производство получилъ.

Такъ разсказывалъ о. Антоній, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, но теперь, разумѣется, онъ вспоминалъ это иначе. Вспоминалъ онъ съ нѣжностью, но горечью полна была его душа. Пришлись они съ Натонькой другъ другу по душѣ, словно и въ самомъ дѣлѣ были другъ для друга созданы. Пошли у нихъ дѣти одинъ за другимъ, «безъ удержу», какъ говорила сама Натонька, и съ каждымъ новымъ ребенкомъ росла ихъ бѣдность. Натонька всегда была хилая, болѣзненная, но все была на ногахъ, а только въ послѣдніе два года стала сваливаться. О. Антоній былъ образцовымъ причетникомъ, и архіерей благоволилъ къ нему, и у него были всѣ шансы на то, чтобы быть произведеннымъ въ священники. Тутъ опять-таки должно было помочь то обстоятельство, что Натонька была «пріютка». Но вдругъ случилась эта исторія съ непопаданіемъ въ тонъ, и надежда его осѣклась. Вспомнилъ о. Антоній, какую хорошую жизнь прожилъ онъ съ Натонькой, какъ лелѣялъ мечту, что вотъ, наконецъ, придетъ время, когда онъ получитъ священническій приходъ. Натонька поправится, и заживутъ они на славу. И вдругъ нежданно-негаданно такое горе.

Ѣдетъ онъ въ городъ, Натонька послала его. Можетъ быть, выпадетъ счастье, архіерей сжалится, но какое же это счастье, когда Натонькѣ оно не достанется? Да и самъ онъ,—что онъ такое будетъ безъ Натоньки? Вѣдь жизнь-то еще долга: ему только 28 лѣтъ. И эта долгая предстоящая жизнь показалась ему какою-то темною, холодною могилой.

Когда онъ думалъ о томъ, что̀ дѣлается теперь тамъ, дома, то сердце его обливалось кровью и холодъ сковывалъ все его тѣло. Что же это онъ дѣлаетъ? Натонька умираетъ тамъ, и въ самомъ дѣлѣ умираетъ, онъ въ этомъ убѣдился, а онъ ѣдетъ хлопотать о какомъ-то повышеніи. Да, вѣдь, это ужасно — думать о повышеніи въ такія минуты, когда любимый, самый дорогой человѣкъ умираетъ...

А шестеро? Вѣдь, шестеро ихъ... Вѣдь, стоитъ только

пропустить моментъ, и вдругъ, по волѣ Божіей, сдѣлаешься вдовцомъ, и на всю жизнь бѣднякъ, и дѣти — нищіе.

Вотъ и городъ, опять этотъ грязный городъ, который вчера выгналъ его своею черствостью, своею несправедливостью. Опять онъ въѣзжаетъ въ него въ качествѣ смиреннаго просителя, но совсѣмъ съ другими чувствами. О. Антоній вынулъ часы и взглянулъ: около двѣнадцати. Какъ разъ въ это время у архіерея пріемъ просителей.

— Живо, живо поѣзжай къ архіерейскому дому!—крикнулъ онъ Макару.

Макаръ хлестнулъ по лошадямъ. Онѣ въѣхали въ глубокую грязь городской улицы, и жидкія брызги посыпались на нихъ отъ лошадиныхъ ногъ. Когда дилижанъ остановился у воротъ архіерейскаго дома и о. Антоній сошелъ на землю, Макаръ сказалъ ему:

— Э, отецъ-дьяконъ, какъ же вы пойдете къ архіерею, коли вы весь сѣрый отъ грязи?.. И ряса, и лицо, и волосы, все въ грязи!..

Но о. Антоній не обратилъ вниманія на это замѣчаніе. Онъ только провелъ рукавомъ по лбу и размазалъ грязь на лицѣ, и почти бѣгомъ пустился къ завѣтной двери, которая вела въ архіерейскіе покои.

IV.

Въ обширной пріемной архіерея, съ нѣсколькими твердыми стульями у стѣнъ, съ портретами митрополитовъ и важныхъ чиновъ духовнаго вѣдомства на стѣнахъ, было душъ десять народу. Большею частью это были духовныя особы разныхъ ранговъ; всѣ они принарядились, каждый по мѣрѣ своихъ силъ, примазали волосы елеемъ, опять-таки различнаго достоинства — кто съ запахомъ розоваго масла, а кто прямо отъ лампадки,—причесались и стояли посреди пріемной полукругомъ. Архіерей еще не выходилъ, но ожидался съ минуты на минуту. Уже молодой, краснощекій келейникъ выглянулъ раза три и подсчиталъ просителей. У архіерея былъ съ докладомъ кто-то изъ болѣе почтенныхъ особъ, допускаемыхъ во внутренніе покои. Просители уже давно подтянулись и придали своимъ лицамъ смиренно-благочестивое выраженіе. Въ это время въ передней послышался странный разговоръ, никогда, можетъ-быть, небывалый въ этихъ молчаливыхъ покояхъ, привыкшихъ къ хожденію на цыпочкахъ и къ бесѣдѣ вполголоса.

— Позвольте, батюшка, такъ невозможно!.. Сперва надо келейнику сказать... — говорилъ швейцаръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ прямо преосвященнаго надо, самого преосвященнаго...—отвѣчалъ съ дрожью и заиканіемъ взволнованный тенорокъ.

— Да притомъ надобно сапоги вытереть, батюшка, и опять же пообчиститься... этакъ невозможно... всѣ полы загадите! — убѣдительно заявилъ швейцаръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, ничего... Я такъ, мнѣ не до того... я такъ!..

Слышно было даже, какъ будто кто-то кому-то оказывалъ сопротивленіе.

— Нельзя же, батюшка!

— Отойди!

— Да вамъ же хуже будетъ!

— Мнѣ и такъ худо, хуже не будетъ... Пусти!..

— Какъ угодно.

И благочестивое выраженіе лицъ просителей вдругъ смѣнилось крайнимъ недоумѣніемъ. Въ пріемную, вырвавшись отъ швейцара, вбѣжалъ о. Антоній, таща на огромныхъ сапогахъ по фунту грязи, съ замазаннымъ лицомъ, съ растрепанными волосами.

— Преосвященнѣйшій владыко не выходилъ еще? — спросилъ о. Антоній, опять-таки громче, чѣмъ это полагается.

— Нѣтъ, не выходилъ!—отвѣтили присутствовавшіе, съ изумленіемъ и вмѣстѣ со страхомъ осматривая просителя, осмѣлившагося войти въ такомъ небрежномъ видѣ.

На шумъ вышелъ келейникъ и, увидѣвъ о. Антонія, подбѣжалъ къ нему:

— Что вы, что вы, батюшка? Развѣ можно въ такомъ видѣ?

О. Антоній посмотрѣлъ на него съ своей высоты глубоко презрительнымъ взглядомъ.

— Отойди, Бога ради! — промолвилъ онъ такимъ голосомъ и съ такимъ выраженіемъ, что келейникъ дѣйствительно отошелъ, даже отскочилъ отъ него и только пожалъ плечами. Въ это время изъ внутреннихъ покоевъ вышелъ благочинный, о. Іоаннъ, съ бумагами въ рукахъ. Онъ-то и былъ на докладѣ. Увидѣвъ о. Антонія, онъ подошелъ къ нему.

— Отецъ-дьяконъ? Какъ вы рѣшились?

— Рѣшился, отецъ-благочинный!

— Вы навѣки испортите свое дѣло.

— Ахъ, отецъ-благочинный, хуже не будетъ, хуже не будетъ... — пролепеталъ о. Антоній.

Благочинный отвелъ его въ сторону и тихонько сказалъ:

— Надѣюсь, что вы никакихъ постороннихъ личностей не замѣшаете.

О. Антоній понялъ, въ чемъ дѣло. Благочинный вообразилъ, что онъ пришелъ жаловаться на секретаря за взятку.

— Ахъ, не о томъ, отецъ-благочинный, не о томъ! Вотъ какое горе!—промолвилъ онъ, прижимая кулакъ къ груди.

— О чемъ же?

Но въ это время вышелъ самъ преосвященный. Высокій, плотный старикъ, въ темно-синей шелковой рясѣ, съ длинною круглою бородой, съ шелковистыми сѣдыми волосами, съ строгимъ выраженіемъ лица,—онъ производилъ внушительное впечатлѣніе. На докладѣ онъ почти не говорилъ, а только выслушивалъ и принималъ къ свѣдѣнію. Онъ обладалъ удивительною памятью, все запоминалъ и потомъ рѣшалъ въ своемъ кабинетѣ.

— Кто здѣсь шумѣлъ? — спросилъ прежде всего архіерей. Но вмѣсто отвѣта послышался стукъ бѣгущихъ ногъ, и кто-то со всего размаха бросился ему въ ноги и схватилъ его колѣни.

— Ваше преосвященство, ваше преосвященство! Это я... это горе, горе мое шумѣло!.. Великое горе, ваше преосвященство...

Первое движеніе архіерея было — отступить. Лицо его покраснѣло и сдѣлалось гнѣвнымъ. Но когда онъ увидѣлъ, что человѣкъ, испачканный грязью, есть не кто иной, какъ дьяконъ Антоній Бубырко, когда онъ услышалъ его надорванный голосъ и заикающуюся, прерывистую рѣчь, онъ смягчился и промолвилъ:

— Въ чемъ же твое горе? Встань, діаконъ!

— Горе небывалое!.. Горе... ваше преосвященство... жена у меня... Господи, Боже ты мой!.. Уми-раетъ... Умираетъ, ваше преосвященство...

Но тутъ уже ничего нельзя было разобрать изъ того, что говорилъ о. Антоній, потому что онъ началъ горько рыдать.

Архіерей сначала подумалъ, что ему дѣлать съ этимъ человѣкомъ, а потомъ, видя, что онъ ничего отъ него не добьется, обратился къ благочинному:

— Отецъ-благочинный! допроси, пожалуйста! Чего онъ хочетъ отъ меня?

— Пойдемте, отецъ-дьяконъ!—сказалъ благочинный, взявъ его за рукавъ рясы.

О. Антоній поднялся съ пола и покорно пошелъ за благочиннымъ. Они вошли въ маленькую, низенькую дверь и остановились въ миніатюрной комнатѣ, гдѣ стояли мраморный умывальникъ и зеркало. Благочинный началъ съ того, что покачалъ головой:

— Какъ можно такъ, отецъ-дьяконъ? Трудно ли разгнѣвать преосвященнаго?

— Себя не помню, отецъ-благочинный... Такое горе, такое горе!.. Натонька, жена моя, въ чахоткѣ умираетъ... Господи ты, Боже мой! Не сегодня—завтра я вдовецъ, и тогда уже все пропало... Вѣчный дьяконъ, отецъ-благочинный!.. А у меня шестеро... Что я съ ними буду дѣлать? Сама послала, бѣдняжечка... умираетъ, а послала... Ради дѣтей, говоритъ... я, говоритъ, и безъ тебя умру... а можетъ преосвященный сжалится... Подумайте, отецъ-благочинный, какое мое положеніе!.. Жена умираетъ, а я здѣсь... Можетъ, умерла уже, а я... я тутъ... отецъ-благочинный!

И вдругъ, неожиданно для благочиннаго, онъ упалъ на колѣни и, рыдая, умоляюще протянулъ къ нему руки. Благочинный всячески успокаивалъ его и утѣшалъ.

— Погодите, вотъ владыко кончитъ пріемъ, мы ему доложимъ! Посидите здѣсь смирно, а я уже самъ ему объясню. Будете сидѣть смирно?

— Буду, отецъ-благочинный!—твердо сказалъ о. Антоній и сѣлъ на стулъ съ высокою спинкой. Онъ сидѣлъ такъ минутъ двадцать и ни о чемъ въ это время не думалъ. Уже пріемъ у архіерея кончился, и благочинный доложилъ ему, что могъ, про о. Антонія. Архіерей велѣлъ позвать его къ себѣ.

Когда о. Антоній шелъ обратно въ пріемную, онъ чувствовалъ, что въ груди его какъ бы остыло что-то, еще недавно сжигавшее его пламенемъ. Ноги его какъ-то деревянно шагали, руки висѣли безпомощно, голова была пуста, и никакихъ словъ не находилъ онъ, чтобы сказать архіерею.

«Перегорѣло, — думалъ онъ: — все горе во мнѣ перегорѣло!»

И теперь онъ боялся архіерея, какъ всегда, какъ боялись его и тѣ десять душъ, что стояли раньше въ пріемной.

Въ пріемной были только архіерей, благочинный и келейникъ. О. Антоній стоялъ передъ лицомъ владыки и дрожалъ.

— А что,—сказалъ архіерей:—ежели жена твоя умерла, и ты уже вдовецъ?

— На все воля Божья,—покорно отвѣтилъ о. Антоній.

— Такъ-то такъ, но ты просишь священства, а священство, какъ самъ знаешь, вдовцамъ до сорокалѣтняго возраста не дается...

— Знаю, ваше преосвященство!

— Такъ какъ же съ этимъ быть? Вѣдь отвѣчать передъ Богомъ придется!

— Ваше преосвященство! Отвѣтимъ! Шестеро дѣтишекъ!.. Они вымолятъ!..

Архіерей задумался и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ взадъ и впередъ.

— А можетъ, жена твоя еще и проживетъ!..—говорилъ онъ, какъ бы разсуждая вслухъ.—Дѣйствительно, жаль мнѣ тебя, жаль... Ты достоинъ. И шестеро, говоришь, шестеро? Все маленькіе, а? каша? а? Гм... И какъ это вы торопитесь дѣтей плодить... Ну, діаконъ,—промолвилъ онъ, остановившись:—ужъ ради шестерыхъ-то твоихъ пріемемъ грѣхъ! Готовься на завтра.

— Ваше преосвященство!—вырвалось изъ груди о. Антонія; онъ хотѣлъ-было протянуть руки, но въ этотъ моментъ у него закружилась голова и силы его оставили. Благочинный и келейникъ едва успѣли поддержать его.

— Ишь, какой бѣдненькій,—сочувственно сказалъ архіерей и покачалъ головой.—Надо его ободрить. Насчетъ жены-то его... Что-жъ, можетъ Богъ и продлитъ ея дни, а не то... Ну, что-жъ... На все Его воля!—прибавилъ онъ, обратившись къ благочинному и келейнику, и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ очень разстроенный.

«Вѣдь вотъ жизнь-то какова и какія даетъ коллизіи,—думалъ архіерей, съ волненіемъ прохаживаясь по кабинету и нервно шевеля четками:—а мы-то, власть надъ этою сѣрою массой имущіе, сидимъ въ своихъ покояхъ и ничего этого не знаемъ. О жизни судимъ по докладамъ, да по прошеніямъ, да по представленіямъ консисторіи. Я его промучить захотѣлъ за то, что въ тонъ попадать не умѣетъ, это былъ мой капризъ, а у него вонъ какое грандіозное горе и какая тягостная задача».

И въ эту минуту архіерею, потрясенному только-что происшедшею сценой и настроенному на добрыя чувства, захотѣлось воочію увидѣть, какъ живетъ подчиненное ему духовенство, что чувствуетъ и какое горе переживаетъ каж-

дый изъ этихъ смиренныхъ дьяконовъ, дьячковъ и пономарей, обремененныхъ семействами и всю жизнь мечтающихъ о повышеніи.

О. Антонія привели въ чувство, и онъ медленно побрелъ съ архіерейскаго двора. Онъ не въ силахъ былъ теперь ни радоваться, ни скорбѣть. Его несильный умъ никакъ не могъ сколько-нибудь привести въ систему всѣ тѣ разнообразныя ощущенія, которыя пришлось испытать ему въ теченіе послѣднихъ сутокъ. Страхъ передъ подачей пакета секретарю, свѣтлая надежда послѣ принятія этого пакета, ласковый пріемъ у благочиннаго, разочарованіе въ консисторіи, отчаяніе при видѣ умирающей Натоньки, борьба между любовью къ ней и необходимостью уѣхать ради дѣтей, сцена у архіерея, и это счастье, которое должно совершиться завтра,—все это слѣдовало одно за другимъ, нисколько одно изъ другого не вытекая, спутывало его мысли и чувства. Страшное горе — потеря жены — онъ долженъ былъ переживать вмѣстѣ съ величайшимъ счастьемъ — достиженіемъ священническаго сана. Въ самомъ дѣлѣ, это было какое-то почти сверхъестественное совмѣщеніе двухъ противоположныхъ чувствъ. Нѣтъ большаго горя для лица, носящаго духовный санъ, какъ потеря жены, да еще любимой, какою была Натонька для о. Антонія. Вѣдь это — вѣчное одиночество, вѣчный холодъ холостой жизни среди живущаго полною жизнью міра, среди житейскихъ соблазновъ и требованій строгой морали, сопряженныхъ съ званіемъ. Съ другой стороны, священничество, это—высшій идеалъ, къ какому можетъ стремиться причетникъ, и слѣдовательно высшее счастье. И вотъ и то, и другое разомъ упало на голову о. Антонія. Одно только онъ ясно чувствовалъ, — что онъ въ этотъ моментъ преступникъ передъ Натонькой. Она умираетъ, и такъ еще самоотверженно, думая лишь о будущемъ его и дѣтей, она, быть-можетъ, теперь переживаетъ страшныя мученія, а онъ здѣсь дѣлаетъ карьеру, готовится къ повышенію. И какъ ни старался о. Антоній, никакъ не могъ онъ примирить въ душѣ своей эти разнообразныя ощущенія. Поэтому во всю остальную часть этого дня, весь вечеръ, который онъ провелъ въ церкви, безуспѣшно стараясь слушать вечерню, такъ какъ нужно было готовиться къ завтрашнему событію, всю ночь, совершенно безсонную, утро слѣдующаго дня и даже во время обѣдни, когда совершалось его рукоположеніе, онъ находился въ какомъ-то тупомъ состояніи без-

различія, безчувственности. Сердце у него нестерпимо болѣло, лицо было блѣдно и глаза, глубоко впавшіе въ орбиты, горѣли тусклымъ огнемъ. Даже архіерей обратилъ вниманіе на его недобрую внѣшность и, стоя въ алтарѣ, сказалъ ему тихо:

— Ободрись, Антоній, не думай о земномъ! Помни, какой санъ принимаешь!

Но о. Антоній не ободрился, а все такъ же безчувственно и угрюмо достоялъ всю обѣдню до конца. По окончаніи обѣдни онъ улучилъ минуту и подошелъ къ архіерею.

— Ваше преосвященство! — сказалъ онъ, скрестивъ ладони и этимъ самымъ прося благословенія: — благословите отправиться домой! А вамъ за ваше благодѣяніе отплатитъ Богъ!

Тонъ, которымъ онъ говорилъ, дышалъ глубокою печалью и какою-то безнадежною покорностью судьбѣ.

— Поѣзжай, отецъ Антоній, поѣзжай! Твое дѣло особенное!—сказалъ архіерей, благословляя его большимъ крестомъ.

О. Антоній поспѣшно снималъ облаченіе, это новое для него священническое облаченіе, одно ощущеніе котораго при другихъ обстоятельствахъ доставило бы ему массу счастья.

Теперь было не до того. Онъ торопился, его тянуло, толкало вонъ изъ церкви на почтовую станцію, гдѣ онъ неотступно требовалъ лошадей сейчасъ, сію минуту, да чтобы были быстрыя и сильныя, чтобы мчались безъ остановки и безъ отдыха. Ничего не видя передъ собой и не слыша того, что говорили ему почтарь и ямщикъ, онъ садился въ дилижанъ и умолялъ ямщика ѣхать скорѣе. Ямщикъ попался бравый, о. Антоній не пожалѣлъ ему двухъ рублей на водку, и онъ безжалостно хлесталъ лошадей, а лошади были горячи и мчались напропалую, не обращая вниманія на грязь и ямы по дорогѣ.

Вотъ уже вдали виднѣется узкая полоса бутищевской рѣчки, потомъ начинаетъ вырисовываться церковь, домъ новаго помѣщика Скрыдлова; выплываютъ одна за другой хаты и землянки. О. Антоній старается разглядѣть свою хату, но не видитъ ея, а между тѣмъ, ему кажется, что если бы онъ увидѣлъ хоть одинъ уголъ своей хаты, то понялъ бы все. Мысли его начинаютъ быстро перегонять одна другую. То ему мерещится мрачная картина смерти: Натонька лежитъ на столѣ, худая, желтая и холодная; дѣтишки прячутся по угламъ и испуганно молчатъ, только

одна Маринка, блѣдная умница, Натонькина любимица, съ безконечно-грустною задумчивостью смотритъ на мать своими большими глазами... Дуняша плачетъ и поглядываетъ въ оконце, не ѣдетъ ли онъ... Сердце его разрывается на части. То вдругъ ему все это кажется невозможнымъ, неестественнымъ, дикимъ. Съ какой стати? Почему такъ скоро? Натонька еще можетъ поправиться и прожить многіе годы. И какова же будетъ ея радость, когда она узнаетъ, что онъ вернулся священникомъ! И онъ уже совершенно увѣренъ, что это именно такъ и есть, что иначе и быть не можетъ, и торопитъ ямщика единственно для того, чтобы поскорѣе обрадовать Натоньку. Да, если она жива, то одна эта радость можетъ вылѣчить ее отъ самой тяжкой болѣзни! Вѣдь, священникъ онъ, приходъ дадутъ, достатокъ будетъ, дѣтей воспитаютъ они, Боже мой, Боже мой!..

Они поровнялись съ домомъ помѣщика Скрыдлова, минули садъ, рядъ землянокъ. Уже онъ видитъ свой токъ; изъ-за стога соломы выглядываетъ камышевая крыша хаты. Дуняша бѣжитъ ему навстрѣчу... Съ чѣмъ она? Съ какою вѣстью? Не выдержитъ онъ, сердце разорвется.

— Стой!

Лошади съ разгону остановились; онъ выскочилъ изъ дилижана. Дуняша припала головой къ его груди и рыдаетъ...

— Натонька? — спрашиваетъ онъ дикимъ, плачущимъ голосомъ.

— Кончилась, Антоша!.. Въ эту ночь!.. Какъ ты уѣхалъ, лучше стало... Думала, полегчало... А вдругъ какъ хлынетъ кровь горломъ-то... ничѣмъ не удержать... задушило ее, бѣдняжечку... А передъ этимъ тебя вспоминала... Послѣднее ея слово было: помоги ему Богъ достигнуть священства!..

— И Богъ помогъ мнѣ... Помогъ... А ей-то, ей, голубушкѣ, нѣтъ, не помогъ... Его святая воля! — бормоталъ о. Антоній, ломая руки отъ отчаянія и глядя на Дуняшу совершенно потеряннымъ взоромъ.

Онъ вошелъ въ домъ медленною, неровною походкой человѣка, разбитаго въ конецъ. Увидѣвъ Натоньку, лежащую на столѣ, прикрытую до половины парчой, съ вѣнкомъ изъ помертвѣвшихъ цвѣтовъ, съ четырьмя свѣчами у изголовья, желтую и высохшую отъ муки, онъ припалъ къ холоднымъ рукамъ, сложеннымъ на груди, и долго-долго безмолвно и безъ слезъ молилъ ее простить его за то, что онъ мало о ней думалъ, и за то, что онъ теперь безъ нея будетъ пользоваться преимуществомъ только сегодня полученнаго сана.

Въ комнатѣ было душъ двадцать народу, больше деревенскія бабы, но были тутъ и Марьяна Панкратьевна, и Аксинья Мелентьевна, и понамарша, а когда о. Антоній поднялъ голову, которая казалась ему свинцовой, въ хату вошелъ о. Панкратій и съ нимъ старый понамарь, неся въ рукахъ облаченіе и кадило.

— Совершимъ литію соборнѣ! — какимъ-то торжественнымъ голосомъ промолвилъ о. Антоній.

— Совершимъ! — сказалъ о. Панкратій и началъ облачаться въ ризу.

Понамарь подалъ о. Антонію стихарь, но тотъ отрицательно покачалъ головой.

— Ризу... Нынче рукоположенъ... Охъ, Натонька, только тебѣ и досталось, что литія моя!—проговорилъ онъ сквозь слезы глубоко-убитымъ голосомъ.

Дѣти пугливо выглядывали изъ другой комнаты, а Маринка въ самомъ дѣлѣ стояла около матери и съ безконечною, недѣтскою грустью смотрѣла на нее своими большими глазами.

Сторожъ сбѣгалъ въ церковь и принесъ о. Антонію ризу. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на то, какъ онъ надѣвалъ ее. Изъ кадила поднялся дымъ ладана. Началась литія...

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ОРГАНЪ.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ОРГАНЪ.

(Разсказъ).

I.

Въ девять часовъ вечера у воротъ помѣщичьяго дома въ Козляевкѣ остановилась почтовая таратайка, и вмѣстѣ съ тѣмъ разомъ оборвался звонъ колокольчика, подвѣшеннаго къ дугѣ.

— Кто-то пріѣхалъ на почтовыхъ!—сказалъ безпокойно Амосовъ своей женѣ, которая сидѣла противъ него за чайнымъ столомъ.

— Можетъ-быть, становой?! — промолвила Софья Николаевна.

— Чего добраго... — отвѣтилъ Амосовъ такимъ тономъ, какъ будто пріѣздъ становаго долженъ былъ означать какое-нибудь несчастье.

— Поди, узнай, кто тамъ пріѣхалъ? — сказала Софья Николаевна горничной и потомъ, когда та ушла, прибавила:—Ахъ, Господи! Даже ночью не даютъ покою!..

Амосовъ иронически улыбнулся.

— Назвались груздемъ, полѣзайте въ кузовъ! — сказалъ онъ:—сами виноваты!..

Софья Николаевна хотѣла-было возразить, но въ это время въ столовой раздался такой шумъ, словно вошли разомъ десять гостей и всѣ стали говорить въ перебивку.

Но вошелъ только одинъ—земскій врачъ Крыницкій, въ сопровожденіи горничной, которая еще на порогѣ сдирала съ него сѣрую крылатую накидку, на которой лежалъ толстый слой пыли.

— Фу, фу-ты! Измаялся, разбился, пыли наглотался,

проголодался!.. Охъ, не гоните, пожалуйста, дайте поѣсть и попить! Будьте милосерды! Здравствуйте!

Крыницкій говорилъ громко, словно его должна была слышать огромная толпа гдѣ-нибудь на площади; его высокіе сапоги стучали по полу точно молоты, самъ онъ былъ высокъ, широкоплечъ и тяжелъ. При его появленіи лица хозяевъ оживились. Очевидно, ему были рады.

Поздоровавшись съ хозяевами, Крыницкій сѣлъ безъ приглашенія, а стулъ подъ нимъ такъ внушительно заскрипѣлъ, что онъ долженъ былъ наклониться и посмотрѣть на ножки,—цѣлы ли?

— Фу-ты! — повторилъ онъ, свирѣпо запустивъ обѣ руки въ кучу своихъ темныхъ густыхъ волосъ, концы которыхъ были сѣры отъ пыли. — Ну, должность, я вамъ скажу!

Его забросали вопросами: откуда онъ? что случилось? Но онъ мотнулъ головой и сдѣлалъ рукой выразительный безнадежный жестъ.

— Нѣтъ, прежде накормите странника, а потомъ ужъ!..

Къ нему пододвинули блюдо съ телячьими котлетами, и онъ сталъ уписывать ихъ съ такимъ видомъ, какъ будто не ѣлъ по крайней мѣрѣ три дня. Въ промежуткахъ между двумя кусками, когда ротъ его былъ не надолго свободенъ, онъ произносилъ короткія фразы:

— Представьте себѣ!.. Подняли въ три часа утра... Стакана чаю проглотить не дали!.. Экстренно... Экстренниссимо... Лошадей прислали... Любезность какая!.. Скачи! Да куда? Въ Комисаровку! Шестьдесятъ верстъ безъ передышки!.. Случай тамъ... Ну, ладно... Скачу! Нельзя вѣдь... Обязанность! Земскій врачъ — не человѣкъ... а, такъ сказать... инструментъ лѣчебный... Прискакалъ!.. Случай есть!.. Дѣйствительно, есть!.. Съ чѣмъ васъ и поздравляю!.. Нѣтъ ли огурчика солененькаго, Софья Николаевна, голубушка? А?

И земскій врачъ, въ ожиданіи соленаго огурца, о которомъ онъ, по причинѣ сильнаго голода, сперва забылъ, а теперь, слегка подкрѣпившись, вспомнилъ, на время пріостановилъ операцію съ телячьей котлетой.

— Какой же тамъ случай, Модестъ Степанычъ?—спросилъ Амосовъ въ то время, какъ Софья Николаевна добывала огурцы.

— Случай? Ну, вотъ... Васъ это больше интересуетъ, чѣмъ судьба человѣка, въ три часа ночи поднятаго съ по-

стели, унесеннаго на почтовой таратайкѣ, этомъ ужасномъ инструментѣ, орудіи пытки, придуманномъ единственно для того, чтобы отбивать печонки земскимъ врачамъ... Случай?! Случай еще впереди... А между прочимъ — случай весьма занимательный... О! вотъ и огурчикъ! Голубушка Маша, давай его сюда! Вотъ!

Получивъ отъ горничной огурецъ, земскій врачъ опять принялся за питаніе и началъ говорить съ перерывами.

— Да... Такъ пріѣзжаю въ Комисаровку... Тамъ уже чины управы... Чиновникъ особыхъ порученій... Фельдшеръ... Имъ-то изъ города двѣнадцать верстъ... А мнѣ шестьдесятъ!.. Не могли командировать Здыбина... Онъ-то въ городѣ сидитъ и практикой занимается... Жену исправника лѣчитъ... Массажемъ... Ха-ха-ха!.. Ну, хорошо... Одиннадцать часовъ... Думаю, закусить бы! А въ Комисаровкѣ ничего нѣтъ, кромѣ кабака, гдѣ на стойкѣ лежитъ одинъ соленый огурецъ, да и тотъ скверный!.. Думаю, въ городъ поѣду, закушу въ ресторанчикѣ Амаліи Өедоровны и пивомъ нѣмецкимъ запью... Кстати, нѣтъ ли у васъ бутылочки пивца! Безъ пива—все равно, что ничего не ѣлъ... Привычка!.. Да, въ городѣ, думаю!.. И совсѣмъ уже собрался... Вдругъ верхового чортъ несетъ... Изъ Матвѣевскаго хутора... Пожалуйте, случай!.. Еще тридцать верстъ!.. А? Какъ вамъ понравится? Ѣду въ Матвѣевку... А тамъ случай еще почище!.. Ну, а оттуда въ городъ уже далеко... Къ вамъ ближе... Вотъ я и прикатилъ... И ночевать останусь... Какъ себѣ хотите!..

Все это было въ порядкѣ вещей. Крыницкій давно былъ хорошъ съ Амосовыми, часто заѣзжалъ къ нимъ и нерѣдко оставался ночевать. Обычнымъ явленіемъ было также и то, что Модестъ Степановичъ разсказывалъ свои приключенія въ преувеличенно-трагическомъ видѣ. Все, безъ сомнѣнія, имъ не выдумано, но было немножко не такъ. Разбудили его, должно-быть, не въ три часа, а въ семь. На почтовой таратайкѣ, проживающая у него въ качествѣ ключницы, красивая и румяная Аграфена Игнатьевна, конечно, устроила ему мягкое и удобное сидѣнье изъ шести подушекъ, а въ Комисаровкѣ проживалъ батюшка, о. Семенъ Мравіевъ, большой пріятель Крыницкаго, и ужъ конечно Модестъ Степановичъ заѣхалъ къ нему на минуту и хватилъ рюмки двѣ водки съ соотвѣтствующей закуской. Амосовы хорошо знали его манеру говорить, и его, повидимому, трагическія приключенія вызывали на ихъ лицахъ улыбку.

— Но, однако, какіе же это случаи? — повторилъ свой вопросъ Амосовъ.

— Какъ какіе? Самые настоящіе: колики, рвота и то, что при дамахъ сказать нельзя, а затѣмъ—смерть!

— Какъ смерть?

Амосовъ произнесь эти слова съ ужасомъ. Его розовое, красивое пухлое лицо вдругъ сдѣлалось блѣднымъ.

— Да такъ: смерть да и только! Комисаровскій мужикъ, можно сказать, на моихъ глазахъ отошелъ въ вѣчность, а хуторская баба еще крѣпится, но, должно-быть, будетъ ему попутчицей... Да вы что же это поблѣднѣли такъ? И барынька обезпокоилась...

— По... пожалуйста... Модестъ... Модестъ Степанычъ... Вѣдь это... это холера?..—произнесъ Амосовъ дрожащимъ голосомъ и сильно заикаясь.

— Asiatica, голубчикъ, asiatica!..—спокойно подтвердилъ Крыницкій.

Амосовъ вдругъ поднялся и отскочилъ къ другому концу стола.

— Но... Послушайте... Такъ... какъ же вы... рѣ... рѣшились...

— Что такое? Пріѣхать къ вамъ? А вы струсили? Ха-ха-ха-ха!.. Да это пустое! Я не могу васъ заразить! Холерная зараза передается черезъ воду и черезъ... Ну, и еще тамъ черезъ кое-что...

Но это заявленіе, несмотря на то, что оно было сдѣлано тономъ положительнымъ и увѣреннымъ, нисколько не успокоило Амосова. Онъ опустился на другой стулъ и сидѣлъ блѣдный, съ испуганнымъ взоромъ, подавленный. Софья Николаевна сильно обезпокоилась.

— Успокойся, Сереженька,—говорила она.—Что это ты? Вѣдь докторъ говоритъ... Онъ знаетъ... Развѣ Модестъ Степанычъ рѣшился бы, если бы это было не такъ... Ахъ, Боже мой! Зачѣмъ вы это разсказали!.. Вы знаете, какой онъ мнительный...

— Да вамъ мнительнымъ-то и не слѣдуетъ быть! — замѣтилъ Крыницкій:—мнительныхъ-то она первыхъ и схватываетъ... Бодрость духа, это—главное!..

Амосовъ посмотрѣлъ на него гнѣвно.

— Что это вы, докторъ... нарочно говорите?.. Удивляюсь... Удивляюсь вашей неделикатности...

Онъ опять поднялся и докончилъ свою рѣчь:

— Да, я никакъ... не ожидалъ этого отъ васъ, докторъ!

Вы могли поступить осто... рожнѣй... Я... извините... я... просто не могу оставаться...

И онъ неровными шагами, держась правой рукой за лѣвую сторону груди, вышелъ изъ столовой. Софья Николаевна съ волненіемъ встала и промолвила съ глубокимъ укоромъ:

— Ахъ, Боже мой, что вы надѣлали, докторъ!.. Что вы надѣлали! Развѣ вы не знаете, какой онъ мнительный!—и, схватившись обѣими руками за голову, она поторопилась вслѣдъ за мужемъ.

Крыницкій съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на дверь, которая закрылась за нею. «Что за чудаки!—подумалъ онъ.— Что онъ такое въ самомъ дѣлѣ натворилъ? Кажется, они— пріятели, и вдругъ такой пріемъ! Неужели они въ самомъ дѣлѣ боятся, чтобы онъ ихъ не заразилъ? Фу-ты, пропасть! Что за невѣжество! Вѣдь это всякій школьникъ знаетъ, что холера передается только посредствомъ жидкостей. Но дѣло явное — они струсили. То-есть струсилъ собственно онъ, Амосовъ, Сергѣй Владиміровичъ, а Софья Николаевна побѣжала утѣшать своего ненагляднаго красавца, на котораго не надышится».

Но тутъ для него рельефно выступилъ вопросъ о томъ, какъ ему быть? Онъ вынулъ часы и убѣдился, что было половина десятаго. Ночевать здѣсь никакъ нельзя остаться. Они скажутъ, что онъ заразилъ весь домъ. А случится у какой-нибудь судомойки колика,—объявятъ его распространителемъ заразы. Какъ быть? Экая глупость, что онъ отпустилъ ямщика и велѣлъ ему пріѣхать завтра въ девять часовъ утра! Почтарь живетъ на другомъ концѣ села, а село большое, на четыре версты. Тащиться туда послѣ цѣлаго дня приключеній не Богъ-знаетъ какое удовольствіе. Теперь бы лечь да выспаться сладко, а они вотъ что выдумали!

Докторъ осмотрѣлъ столъ. Передъ нимъ стояла свѣжеоткупоренная бутылка съ холоднымъ пивомъ, и онъ не могъ удержаться, чтобы не налить себѣ два стакана и не выпить ихъ одинъ за другимъ.

Онъ уже вышелъ въ переднюю, гдѣ было полутемно, и отыскалъ на вѣшалкѣ свою накидку, но тутъ ему пришла въ голову смѣхотворная мысль. Онъ нащупалъ у себя въ карманѣ небольшой бумажный свертокъ, въ которомъ была склянка съ карболовымъ порошкомъ. Онъ вернулся въ столовую, положилъ свертокъ на столъ и написалъ на бумагѣ карандашомъ: «Сіе развести въ двухъ бутылкахъ воды и

омыть то мѣсто, на коемъ сидѣлъ зараженный земскій врачъ Крыницкій, дабы уничтожить заразу въ корнѣ».

Выходя на улицу черезъ открытую калитку, онъ думалъ. «Это ихъ взбѣситъ, но подѣломъ. Вѣдь свиньи въ самомъ дѣлѣ! Онъ носится съ своей откормленной персоной, какъ дурень съ ступой, а она бережетъ каждый волосъ на его головѣ! Противно!»

Крыницкій покинулъ усадьбу съ негодованіемъ, и только когда вышелъ на широкую площадь, отдѣлявшую помѣщичью экономію отъ села, почувствовалъ всю безысходность своего положенія.

— Э,—сказалъ онъ себѣ: — пойду къ батюшкѣ! У него свѣтится, значитъ — еще не спятъ... Какъ-нибудь подойду осторожно и постучусь въ окно. Авось, собаки и не почуютъ...

Въ гостепріимствѣ батюшки онъ ни на минуту не сомнѣвался. У о. Макарія Шестикрылова онъ состоялъ чѣмъ-то въ родѣ лейбъ-медика.

Онъ направился черезъ дорогу. Ему удалось счастливо дойти до палисадника, огороженнаго довольно высокимъ дощатымъ заборомъ, и тутъ, собравъ всю свою ловкость, онъ съ опасностью жизни перелѣзъ черезъ заборъ. Когда онъ былъ на верхушкѣ и ему оставалось только прыгнуть внизъ, онъ подумалъ: «Я спасенъ, собакамъ сюда не добраться»; когда же онъ спрыгнулъ, то шумъ отъ паденія этой туши разомъ встревожилъ всѣхъ собакъ, и вдругъ около батюшкина дома поднялся страшный лай и визгъ.

Онъ постучалъ въ окно; не слышатъ. Онъ постучалъ сильнѣе. Встревожились, кто-то подошелъ къ окну съ внутренней стороны. Кажется, онъ попалъ въ кабинетъ о. Макарія и, можетъ-быть, старикъ стоялъ уже на молитвѣ.

— Кто стучится?—спросилъ о. Макарій.

— Это я!—отвѣтилъ Крыницкій, совершенно не сообразивъ, что этого недостаточно.

— То-есть, кто именно?—спросилъ батюшка.

— Крыницкій, земскій врачъ!

— Модестъ Степанычъ?

— Онъ самый! Впустите ради Бога! Ваши собаки меня съѣдятъ!.. Мнѣ ночевать негдѣ!..

— Ахъ, Боже мой... Ахъ... Гм!..

Произошла легкая пауза. Тамъ, очевидно, замялись.

— Ну, такъ что же, отецъ Макарій? А? — нетерпѣливо спросилъ докторъ.

— А сейчасъ, сейчасъ!..—какъ-то нерѣшительно отвѣтилъ

батюшка.—А, можетъ, Модестъ Степанычъ, вы изъ Комисаровки?

— Ну, да, да!.. Да вы сперва впустите, а тамъ поговоримъ... А то вашъ черный песъ, кажется, собирается перескочить черезъ заборъ!.. Онъ меня разорветъ на части!..

— Сейчасъ, сейчасъ!.. Маланья! Выйди-ка за ворота, прикрикни на собакъ!.. А это правда, что тамъ былъ холерный случай?

— Да вы откуда узнали?

— Вашъ ямщикъ, проѣзжая мимо, сообщилъ Андрону Пильченко, а Андронъ пришелъ ко мнѣ и сообщилъ. Такъ это правда?

— Послушайте, драгоцѣнный мой батюшка!—не безъ раздраженія сказалъ Крыницкій.—Вы, кажется, смѣетесь надо мной!.. Что за манера—говорить сквозь ставню?..

— Ахъ, Боже мой! Что вы, Модестъ Степанычъ? Какъ я могу смѣяться?.. Только, право, я... я просто не знаю...

— Что такое?

— Да какъ же?! Вы отъ холернаго случая... Какъ же это такъ?..

— Вы меня боитесь?

— Не то, чтобы... А всякому жизнь дорога... Ахъ, ты, Боже мой!..

О. Макарій издалъ тяжелый вздохъ, который, несмотря на лай собакъ, былъ слышенъ въ палисадникѣ. Очевидно, онъ переживалъ страшныя колебанія. Крыницкій выругался вслухъ. Вотъ ужъ этого онъ совсѣмъ не ожидалъ. О. Макарію шестьдесятъ лѣтъ, а его матушкѣ около этого. И эти старцы дрожатъ надъ жизнью, да еще по такому глупому случаю! Что же удивительнаго, что Амосовъ на него разсердился? Право, онъ, кажется, кончитъ тѣмъ, что пойдетъ пѣшкомъ къ себѣ домой, въ Путилово. Это составитъ около тридцати верстъ; къ утру, пожалуй, дойдетъ, и ужъ тамъ, по крайней мѣрѣ, его навѣрное впустятъ.

— Знаете что, Модестъ Степанычъ?—продолжалъ сквозь ставню батюшка: — вы зайдите къ дьяку Амвросію. Онъ одинокъ, и у него есть хорошій диванъ...

— Да какъ я пойду къ дьяку, когда вездѣ собаки?—спросилъ докторъ.

— Васъ Маланья проводитъ. Маланья! Скоро ли ты нарядишься? Живѣе!—крикнулъ о. Макарій, и по голосу его можно было судить о радости, что онъ, наконецъ, придумалъ исходъ.

Крыницкій не возражалъ. Онъ слушалъ неистовый, раздирательный лай собакъ и думалъ только о томъ, скоро ли стукнетъ засовъ, скрипнетъ калитка и войдетъ спасительная Маланья, которая усмиритъ собакъ.

Въ домѣ все замолкло. О. Макарій, смущенный собственной невольной нелюбезностью, предпочелъ не продолжать разговора. Слышно было, какъ онъ еще одинъ разъ поощрилъ Маланью. Наконецъ, желанная Маланья вышла и кое-какъ усмирила собакъ.

II.

— Это тутъ будетъ недалеко!—сказала Маланья, когда Крыницкій былъ выпущенъ изъ палисадника. — Церковь знаете? Такъ въ церковномъ домѣ и живетъ дьякъ.

Крыницкій зналъ, что церковь—въ полуверстѣ, и былъ утѣшенъ тѣмъ, что это все-таки въ шестьдесятъ разъ ближе, чѣмъ къ нему въ Путилово.

— А онъ одинъ, дьякъ-то? Вѣдь онъ вдовецъ? — спросилъ онъ.

— Онъ—вдовецъ; только дочка у него есть..

— Дочка? Какъ же отецъ Макарій сказалъ, что онъ одинокъ?

— Да дочки теперь нѣту. Она гоститъ въ городѣ у бабушки. Она въ городѣ и учится... въ монастырѣ. Небольшая, годковъ будетъ ей двѣнадцать.

Въ это время они шли широкой деревенской дорогой. По обѣ стороны дороги тянулись ряды хатъ съ примыкавшими къ нимъ дворами. Небо немного прояснилось и стало свѣтлѣе. Крыницкій увидѣлъ церковь и церковный домъ, въ которомъ не было видно свѣта. Большая собака порычала на нихъ, но, узнавъ Маланью, сейчасъ успокоилась.

Маланья постучалась въ дверь, которую какъ-то очень быстро отперли. Передняя, освѣтилась, потому что дьякъ Амвросій вошелъ со свѣчой. Высокій, худой, съ узкой, коротенькой сѣдоватой бородкой, съ косичкой на затылкѣ, въ длинномъ полукафтанѣ, онъ походилъ на отшельника.

— Кого это Богъ принесъ?—спросилъ онъ.

— Да вотъ докторъ ночевать къ вамъ пришли! — отвѣтила Маланья.

— Докторъ? Ахъ, ты, Господи! А я совсѣмъ-то и не узналъ васъ! Такъ милости просимъ! Я сердечно радъ!

Амвросій видимо обрадовался и сказалъ свое приглашеніе въ высшей степени привѣтливо.

— Спасибо, хозяинъ!—сказалъ докторъ:—только я долженъ предупредить васъ, — меня уже изъ двухъ домовъ прогнали: я прямо отъ двухъ холерныхъ больныхъ...

— Неужто холера пришла къ намъ?—озабоченно спросилъ Амвросій.

— Пришла. Въ Комисаровкѣ и на Матвѣевскомъ хуторѣ...

— Ахъ, ты, Господи! Несчастье какое! Голодъ, а за голодомъ она! Ахъ-ахъ-ахъ!..

И Амвросій съ глубокимъ сокрушеніемъ покачалъ головой.

— Такъ вотъ я вамъ прямо и говорю,—сурово сказалъ Крыницкій:—я прямо отъ холерныхъ. Ежели боитесь, такъ и говорите: сейчасъ уйду!

И онъ подумалъ въ это время: «Прогонитъ, непремѣнно прогонитъ! Вишь, какую жалобную рожу сдѣлалъ!»

— Батюшка вы мой! Да что вы? Я радъ, я сердечно радъ, что у меня будетъ такой почтенный гость!.. Что вы это! Пожалуйте, пожалуйте!.. Ты себѣ, Маланья, иди съ Богомъ и кланяйся батюшкѣ... Скажи, что довела... Пожалуйте сюда!

Квартира дьяка Амвросія состояла изъ двухъ комнатъ. Прежде у него было четыре, но когда умерла его жена и онъ остался одинъ съ дѣвочкой, дьяконъ, жившій съ нимъ по сосѣдству въ томъ же домѣ, оттягалъ у него двѣ комнаты. Онъ сказалъ: «На что тебѣ, Амвросій, такая пропасть? Ты почти-что одинъ, тебѣ даже скучно будетъ въ четырехъ комнатахъ. А я... погляди, какъ размножился. Просто некуда дѣвать ихъ». Амвросій ничего не возразилъ и, принявъ во вниманіе, что дьяконъ дѣйствительно страшно размножился, отдалъ ему двѣ комнаты.

Въ одной стоялъ письменный столъ и иконы, въ другой кровать, диванъ и тутъ же посудный шкапъ и обѣденный столъ. По всему было видно, что жизнь здѣсь была проста и неприхотлива.

— А вотъ мы сейчасъ самоварчикъ поставимъ!—сказалъ Амвросій. — Садитесь-ка, гость, да папироску выкурите, коли есть свои, а я не держу... Сперва мы чайку попьемъ, а потомъ и спать ляжемъ...

— Нѣтъ, пожалуйста не безпокойтесь! я уже поѣлъ и пивомъ запилъ,—отвѣтилъ Крыницкій, вынулъ портсигаръ и закурилъ папиросу.

— Нѣтъ, ужъ такъ никакъ невозможно!.. — возразилъ Амвросій.—Да вы знаете что? Вы думаете, это я для васъ хлопочу? Нѣтъ, это я для себя. Одинъ я никогда чаю не

пью. Не стоитъ для одного человѣка и самоваръ безпокоить. А когда кто завернетъ ко мнѣ, — сейчасъ ставлю, потому люблю попить чайку...

Противъ такого объясненія Крыницкій ничего не могъ возразить.

— Ну, дѣлайте, какъ хотите! — сказалъ онъ и, оперпшись на локоть, полуприлегъ на диванѣ. Но не успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ Амвросій принесъ съ кровати и подложилъ ему подъ голову подушку.

— Ножки протяните! — любовно сказалъ онъ. — Такъ вамъ ловчѣй будетъ!..

И исчезъ гдѣ-то въ передней. Оттуда до слуха Крыницкаго доносился трескъ лучины, потомъ запахло дымкомъ, а затѣмъ Амвросій принялся, очевидно, раздувать огонь въ самоварѣ. Земскій врачъ, послѣ цѣлодневныхъ злоключеній, лежа на мягкомъ диванѣ и мягкой подушкѣ, и, говоря правду, въ пріятномъ ожиданіи чая, предавался размышленіямъ. Дьячка Амвросія онъ зналъ давно. Онъ же лѣчилъ его жену, — къ сожалѣнію, неудачно. Но этотъ человѣкъ всегда казался ему какимъ-то жалкимъ и ничтожнымъ. Жена управляла имъ деспотически, въ особенности во время своей болѣзни, командуя имъ, какъ крѣпостнымъ человѣкомъ, и онъ сгибался передъ нею, говорилъ тихимъ, смиреннымъ голосомъ и изъ кожи лѣзъ, чтобъ исполнить ея малѣйшій капризъ. «Жалкая личность!» всегда думалъ о немъ Крыницкій. Теперь онъ ждалъ, что, услышавъ про холеру, Амвросій испугается пуще Амосова и о. Макарія; но вышло наоборотъ. Амвросій принялъ его съ радостью, и вотъ онъ отдыхаетъ на диванѣ и ждетъ чая. Значитъ, во всякомъ случаѣ этому человѣку свойственны мужество и благородство.

Вошелъ Амвросій и сѣлъ на стулѣ около стола.

— Кажется, Модестъ Степановичъ? Я памятью слабъ!.. — промолвилъ онъ.

— Такъ и есть! — отвѣтилъ Крыницкій.

— Такъ какъ же это вы съ батюшкой не поладили, Модестъ Степановичъ?

— Да какой тамъ не поладилъ! Я его даже и не видѣлъ. Онъ черезъ окно объявилъ мнѣ, что не впуститъ...

— Гм... Удивительно! Старый человѣкъ всегда долженъ быть готовъ къ смерти, а онъ ея боится...

— Ну, а вотъ помѣщики, кажется, не стары, а они, узнавъ, что я отъ холерныхъ, чуть не выгнали меня изъ дому...

— Скажите пожалуйста! А образованные люди! Какъ же это они такъ невѣжливо? Гм... Пожалуй, теперь меня къ себѣ не пустятъ...

— А вы зачѣмъ тамъ бываете?

— Какъ зачѣмъ? А у насъ же комитетъ! Мы кормимъ голодающихъ... У насъ вѣдь больше половины села безхлѣбныхъ. Ну, а я... Софья Николаевна меня называетъ «исполнительный органъ» комитета. Да ужъ безъ меня они шагу не сдѣлаютъ!..

— Вотъ какъ!—съ любопытствомъ сказалъ докторъ.—Я зналъ, что они занимаются кормленіемъ голодающихъ, но о вашемъ участіи ничего не зналъ...

— Ну, какое тамъ участіе! Я человѣкъ бѣдный, я ничего не могу дать. А трудами дѣйствительно готовъ содѣйствовать. Комитетъ составляютъ помѣщики Амосовы, батюшка и нашъ старшина — богатѣющій мужикъ. Они, извѣстно, деньгами даютъ, а я такъ... съ боку-припека...

— Какія же они деньги даютъ? Мнѣ извѣстно, что имъ земство выдало тридцать тысячъ пособія, да по газетамъ они собрали тысячи три. А сколько вы израсходовали?

— Тысячъ до тридцати пяти...

— Ну, и выходитъ, что Амосовы, батюшка и старшина всѣ вмѣстѣ тысячи двѣ своихъ израсходовали... Это не много...

— Позвольте! Мнѣ извѣстно за достовѣрное, что старшина двѣ своихъ внесъ чистыми деньгами... Даже квитанцію получилъ. Я самъ носилъ ему квитанцію...

— Ну, вотъ... значитъ, Амосовы и батюшка еще заработали пять сотенныхъ... Такъ, что ли?

Докторъ произнесъ это съ замѣтнымъ злорадствомъ. Ему было пріятно хоть заглазно помянуть дурнымъ словомъ Амосовыхъ и батюшку, которые поступили съ нимъ такъ неделикатно. Но Амвросій перебилъ его:

— О, нѣтъ, что это вы! Какъ можно! Развѣ могутъ такіе люди?.. Что вы!

— Ну, да! Толкуйте: «что вы!» Молодцы!.. Ха-ха-ха!..

Дьякъ Амвросій очень былъ смущенъ этимъ смѣхомъ, какъ-то замялся и объявилъ, что пойдетъ посмотрѣть самоваръ.

«Такъ вотъ каковъ этотъ дьякъ!—думалъ Крыницкій:— «исполнительный органъ!» Знаю я, что̀ такое значитъ въ подобныхъ доброхотныхъ комитетахъ «исполнительный органъ»! Это человѣкъ, который дѣлаетъ все, что называется — «за спасибо». Онъ въ сущности и душа всего дѣла. Какъ

же это онъ мнѣ казался такимъ жалкимъ и ничтожнымъ? Нѣтъ, право, онъ, кажется, занимательный экземпляръ, надо къ нему присмотрѣться».

Амвросій накрылъ круглый столъ бѣлой скатертью, приготовилъ посуду, нарѣзалъ булки и принесъ самоваръ.

— Вотъ только по части съѣдобной у меня никакого запаса нѣтъ!—съ сожалѣніемъ сказалъ онъ:—а то, если вамъ угодно, я у отца-дьякона что-нибудь раздобуду.

Крыницкій увѣрилъ его, что онъ совершенно сытъ, и они принялись пить чай. Дьякъ подробно разспрашивалъ о холерѣ въ Комисаровкѣ, касался даже медицинской части и очень былъ огорченъ тѣмъ, что медицина не знаетъ никакихъ средствъ противъ холеры.

— Какъ же это такъ?—говорилъ онъ.—Самая гибельная болѣзнь, и противъ нея ничего нѣтъ!.. Ее-то и надо бы приструнить! Примѣрно—лихорадка или больной животъ... съ ними я могу прожить пятьдесятъ лѣтъ... У меня вотъ животъ постоянно заболѣваетъ; чуть что съѣлъ лишнее гдѣ-нибудь на поминкахъ, такъ сейчасъ и зудитъ... И лѣчить я его давно пересталъ, ничего—живу... А ужъ это такая болѣзнь, что надо бы постараться... Сколько народу губитъ!.. Вотъ и къ намъ пришла... И у насъ будетъ косить... У нашего народа животы тощіе. Вотъ она ихъ и скрутитъ!..

— Скрутитъ! Непремѣнно скрутитъ!—подтвердилъ докторъ вполнѣ спокойнымъ тономъ, но Амвросія отъ этого заявленія передернуло.

— Такъ какъ же такъ? Вѣдь жаль человѣчества!..—сказалъ онъ, и въ голосѣ его въ самомъ дѣлѣ слышалась жалость.

Дьякъ больше и больше заинтересовывалъ доктора, но усталость начала брать свое, и его потянуло ко сну. Амвросій сейчасъ же замѣтилъ, что у доктора глаза служатъ невѣрно и захлопоталъ насчетъ постели. У него нашлось и чистое бѣлье, и запасная подушка, и одѣяло. Черезъ двѣ минуты докторъ раздѣлся и съ удовольствіемъ растянулся на мягкомъ, длинномъ, широкомъ диванѣ. «Могъ ли я ожидать, что найду здѣсь, въ церковномъ домѣ, не только пріютъ и постель, но интереснáго собесѣдника въ лицѣ дьяка Амвросія? — размышлялъ Крыницкій, лежа на спинѣ.— Надо съ нимъ познакомиться поближе».

Дьякъ погасилъ свѣчу и на цыпочкахъ ушелъ въ кабинетъ. Тамъ передъ образомъ горѣла лампада, и докторъ уже въ полудремотѣ замѣтилъ, что Амвросій долго тамъ

оставался. «Творитъ молитву!»—подумалъ онъ и тотчасъ же заснулъ.

Когда на другой день онъ проснулся часовъ въ восемь, дьяка уже не было въ постели, но зато тотчасъ появился самоваръ и на этотъ разъ съ молокомъ и масломъ. Очевидно, все это Амвросій досталъ для гостя у дьякона.

III.

Черезъ день Крыницкій снова былъ въ Козляевкѣ, но не по доброй волѣ. За нимъ прислали. Оказалось, что бабу схватила холера, настоящая холера; баба умерла на глазахъ у доктора, и Крыницкому оставалось только «констатировать» это.

Онъ отправился въ волость и велѣлъ старшинѣ созвать мужиковъ. Когда собралось обывателей съ сотню, Крыницкій объявилъ своимъ зычнымъ голосомъ:

— Братцы, не стану закрывать вамъ глаза на правду! Холера появилась у васъ въ Козляевкѣ!

Мужики сняли шапки и перекрестились. Крыницкій подробно изложилъ имъ, какъ нужно вести себя, что можно ѣсть, чего нельзя, какія мѣры надо принимать, послалъ гонца въ уѣздный городъ въ земскую аптеку за лѣкарствами и за карболкой. Мужики разошлись мрачные. «Теперь пойдетъ косить!»—говорили они и все крестились и крестились, глядя на церковь.

Послѣ сходки докторъ зашелъ къ дьяку Амвросію. Онъ вспомнилъ о пріятно проведенной у него ночи, и его потянуло туда. Но дьяка не было дома. Какъ разъ въ это время онъ хлопоталъ въ баракѣ, гдѣ происходилъ общій обѣдъ. Дьякъ всегда самъ присутствовалъ при этомъ, самъ выдавалъ провизію и слѣдилъ за порядкомъ. Крыницкій растянулся у него на диванѣ и ждалъ. Ему хотѣлось непремѣнно повидаться съ дьякомъ. Вѣдь это теперь былъ предметъ его наблюденія. А интересно было видѣть, какое впечатлѣніе на него произведетъ извѣстіе о появленіи холеры въ Козляевкѣ, и что онъ на это скажетъ. «Ужъ на этотъ разъ, я думаю, и онъ струситъ и попроситъ меня переодѣться!—размышлялъ докторъ.—Но нѣтъ, что подѣлываетъ теперь Амосовъ? Воображаю, какіе тамъ страхи! Хотѣлъ бы я это видѣть!»

Дьякъ наконецъ пришелъ.

— Ахъ, дорогой же гость у меня!—воскликнулъ онъ:—вотъ спасибо, вотъ спасибо!

— Да я, батюшка, къ вамъ прямо отъ холерной бабы!..— заявилъ Крыницкій:—слыхали?

Дьякъ тяжело вздохнулъ.

— Слыхалъ! Пришла-таки, не минула! Что-жъ, несчастье, Господнее наказаніе! Ну, что-жъ, будемъ вѣдаться съ нею! Вѣдались съ голодомъ-батюшкой, повѣдаемся и съ холерой-матушкой!

— Ну, оно, знаете, лучше бы съ нею не вѣдаться!.. Да какъ вы съ нею вѣдаться-то будете?

— А ужъ это вы намъ скажите! Это ваше докторское дѣло!

Амвросій присѣлъ къ столу и принялъ позу человѣка, собирающагося вступить въ серьезный, дѣловой разговоръ.

— Оно и кстати, господинъ докторъ, что вы ко мнѣ пожаловали!—сказалъ онъ:—какъ я человѣкъ комитетскій, то ко мнѣ весь народъ за всякимъ пустякомъ обращается. Такъ ужъ вы научите меня всему этому...

— Чему же васъ научить, батюшка мой?

— Какъ при ней быть, при холерѣ, какіе способы въ ходъ пускать...

— Способы? Одинъ только способъ и есть: хоронить мертвыхъ...

— Что вы! Неужто такъ-таки ничего и нѣтъ?—съ ужасомъ спросилъ Амвросій.

— Да, по совѣсти говоря,—ей-Богу, нѣтъ. Или по крайней мѣрѣ вамъ того достать нельзя, что есть...

— А что бы такое, напримѣръ?

— А вотъ что: какъ только кто заболѣлъ въ хатѣ,— сейчасъ его вонъ оттуда да въ отдѣльное помѣщеніе, чтобы оно было подальше отъ деревни, и чтобы никто съ нимъ не соприкасался. Ну, можете вы это?

— Нѣтъ!—съ грустью сказалъ дьякъ:—невозможно!

— Хорошо-съ. Далѣе — надо, чтобы всѣ пили только переваренную воду и умывались такой водой и вообще совсѣмъ сырой воды не употребляли. Это возможно?

— Гдѣ тамъ! Развѣ услѣдишь!

— Превосходно-съ. Затѣмъ надобно, чтобы никто не ѣлъ сырыхъ овощей и фруктовъ и вообще тяжелой пищи, какъ-то: соленыхъ огурцовъ, селедокъ, рыбцовъ, гороху и чтобы вообще пища была легкая, питательная и удобоваримая...

— Охъ, Господи, Господи!

Дьякъ всталъ и взялся за голову. Лицо его выражало отчаяніе.

— Ничего этого нельзя сдѣлать, и даже какъ разъ все наоборотъ!.. Да что же вы за доктора такіе, Господи прости меня, грѣшнаго!—почти гнѣвно воскликнулъ онъ.—Все-то вы знаете, да то, что вы знаете, никуда не годится...

— А вы не сердитесь!.. Это правда, что знаемъ мы если не все, то много,—и все это никуда не годится... Вы это вѣрно сказали! Да... Къ сожалѣнію, это такъ...

Дьякъ качалъ головой и ходилъ по комнатѣ.

— Ну, а все же какіе-нибудь способы есть, а? — спросилъ онъ.

Крыницкій посмотрѣлъ на него съ величайшимъ вниманіемъ.

— Да изъ чего вы-то волнуетесь, скажите пожалуйста?—спросилъ онъ, не спуская съ него любопытнаго взгляда.

— Гм... Вотъ еще! Есть же у меня сердце-то!.. Жаль смотрѣть, я думаю, когда человѣкъ, какъ дичь подстрѣленная, падаетъ... У всякаго человѣка есть жалость въ сердцѣ!..—отвѣтилъ Амвросій.

Докторъ помолчалъ, подумалъ и потомъ вдругъ сказалъ:

— Послушайте, вы мнѣ чертовски нравитесь... Какъ васъ по батюшкѣ-то?

— Евлампіевичъ,—отвѣтилъ дьякъ.

— Такъ вотъ что, Амвросій Евлампіевичъ: скажите мнѣ, Бога ради, какъ это вы такъ сохранились? Откуда у васъ эта младенческая чистота сердца?

— Вотъ тебѣ и разъ! — съ удивленіемъ промолвилъ дьякъ:—что такое человѣкъ говоритъ! Такой я, какъ и всѣ!

— Нѣтъ, не такой! Вѣдь я васъ давно знаю. И признаюсь вамъ откровенно, прежде я былъ о васъ совсѣмъ другого мнѣнія. Помните, какъ ваша покойница жена была больна, а я ее лѣчилъ, вѣдь вы такъ себя вели, какъ будто у васъ своей собственной души нѣтъ. Ей-Богу! Она вами помыкала, какъ пѣшкой, а вы, какъ угорѣлый, бѣжали исполнять ея приказанія. Вы мнѣ казались жалкимъ, безхарактернымъ, тряпкой... Чѣмъ же объяснить, что вы тогда были такой, а теперь другой?

— Н-да!.. Вотъ-что, вотъ-что!—сказалъ Амвросій и сѣлъ на прежнее мѣсто. — Въ экое вы мѣсто прицѣлились!... Н-да!—и онъ призадумался, какъ бы мысленно переживая все то, что напомнилъ ему докторъ.—Какъ вамъ сказать?!—началъ онъ тономъ человѣка, собирающагося сказать многое:—это дѣйствительно такъ было, что покойница мною орудовала... Только это отъ другихъ причинъ. И удивительно это!

Отчего это, когда человѣкъ по добротѣ уступаетъ и, скажемъ, гнется и умаляется, — всегда говорятъ: онъ жалкій человѣкъ! Отчего это? Вотъ и вы, да и покойница—восемь лѣтъ со мною прожила—а все такъ думала.—Онъ немного придвинулся къ дивану и продолжалъ: — Какъ уже вы задѣли этотъ предметъ, то я вамъ скажу: жизнь моя съ покойницей была страдательная. Хорошая она была женщина, и я любилъ ее всѣмъ сердцемъ, да только болѣзная отъ самаго перваго дня нашего сожитія. Еще какъ у отца и матери жила,—болѣзнь ее ѣла. Заѣдешь, бывало, къ отцу-дьякону въ городѣ (это ея родитель-то) и видишь ее: блѣдная, скучная, глаза такіе печальные, лицо худое. И отецъ-дьяконъ смотритъ на нее и жалуется: «вотъ, говоритъ, наказаніе мнѣ Господь послалъ. Двадцать-седьмой годъ дѣвкѣ, а никто не беретъ... И другимъ, говоритъ, мѣшаетъ. Вонъ сестры помоложе, и женихи имъ сыскивались, да не могу отдать, потому старшая есть... Неловко, постыдно!» А отчего ея никто не беретъ, такъ это я вамъ скажу: былъ у нея, у покойницы, недостатокъ. Въ боку у нея что-то было не на мѣстѣ, ребро ли сломано, или какъ, не могу вамъ сказать. И ходила она какъ-то все бочкомъ-бочкомъ, бѣдняжка... Посмотрѣлъ я, посмотрѣлъ, взялъ да и женился на ней... Жалко ее стало, да и отца-дьякона,—онъ человѣкъ хорошій и куча дѣтей у него,—освободить хотѣлось. Она мнѣ нравилась, покойница. Лицомъ была пригожа, и слова, хоть рѣдко она говорила ихъ, но ужъ непремѣнно умныя скажетъ. Дьяконъ-то меня лобызалъ: «все, говоритъ, мое семейство ты спасъ. Она, говоритъ, дѣвица добрая, только, извѣстно, съ порокомъ кто возьметъ». Вотъ мы и зажили. Первый годъ моя Машенька весела была, просто не узнать ея, какъ перемѣнилась... А какъ родила дочку, тоже Машенькой назвали,—такъ сейчасъ и пошла вся на убыль. Первое дѣло — эта боковая болѣзнь у ней страдательно заныла. Кричитъ моя Машенька, плачетъ, даже самому больно было глядѣть; а второе—невры проявились...

— Нервы!—машинально поправилъ Крыницкій.

— Ну, да, да! Невры!.. Ужъ это я всегда перевру! Стала она какъ бы припадочная. То слезами по цѣлымъ суткамъ истекаетъ, то смѣхомъ заливается, то въ обморокъ впадаетъ. И при всемъ томъ чуть-что не по ея—сейчасъ раздражительность и страданіе въ боку. Пошутитъ ли кто, дверью хлопнетъ, чай не горячъ, борщъ холоденъ — сейчасъ вся задрожитъ и за бокъ возьмется и заплачетъ. И вотъ съ того

времени началась моя страдательная жизнь. Я такъ себѣ сказалъ: ты одинъ около ней, отъ тебя зависитъ, чтобы меньше она страдала,—ну, и твори такъ. Вотъ и было оно такъ, какъ вы говорите. Принижался я, уничтожался и всякое ея дыханіе ловилъ, только бы облегчить... Что мнѣ? Я человѣкъ здоровый, я все снесу, мнѣ ничего. А она болѣзная съ малыхъ лѣтъ... Одно только, что другіе скажутъ: жалкій, молъ, человѣкъ, подбашмачный! А пускай говорятъ, лишь бы моя совѣсть молчала. Вотъ и вы такъ подумали, а теперь вотъ передумали... Обидно мнѣ только было, что и покойница говорила: тряпка ты, а не человѣкъ; никакого у тебя форсу нѣту, даже противно! Не понимала она, значитъ, что это я такъ для ея пользы... И всю жизнь не понимала. За три года до смерти ноги у ней отнялись, еще капризнѣе стала, а я еще тише да мельче сдѣлался. Не было у меня ни своей воли, ни своего желанія, ни своей жизни... Все только на нее смотрѣлъ да ей угождалъ. А когда ее Богъ прибралъ къ себѣ, я себѣ подумалъ: хотя и много ты страдала въ жизни, а все же, можетъ, я хоть на каплю сбавилъ твоихъ мукъ! И за то слава Богу! Такъ-то. Какъ кому, а мнѣ такъ истинная отрада, ежели кому-нибудь сбавлю горя! Послѣ покойницы осталась мнѣ дочка Машенька, великое мое утѣшеніе въ жизни.

— А гдѣ ваша дочь теперь?—спросилъ Крыницкій.

— Въ городѣ, у отца-дьякона, у дѣда то-есть. Скучно ей тутъ. А только придется взять ее теперь.

— Зачѣмъ же?

— Всѣ подъ Богомъ. Теперь болѣзнь ходитъ. Стариковъ-то она прежде всего валитъ; можетъ, и меня свалитъ. Кто-же мнѣ глаза-то закроетъ? Да вотъ въ воскресенье поѣду въ городъ и возьму ее. Ужъ тогда васъ не приму ночевать. Негдѣ будетъ!—прибавилъ дьякъ съ улыбкой.—А теперь извините, пойду въ бараку. У меня вторая партія обѣдать будетъ.

— Ну, идите. Только вотъ что, батюшка: заѣзжайте-ка вы ко мнѣ, мы съ вами еще потолкуемъ насчетъ способовъ!..—сказалъ докторъ.

— А есть?—съ глазами, просіявшими отъ надежды, спросилъ Амвросій.

— Поищемъ. Пороемся въ книжкахъ, подумаемъ... Пріѣзжайте!.. Должны же вы отдать мнѣ визитъ!..

— Всенепремѣнно пріѣду! Возьму у отца-дьякона лошадь и пріѣду!..—отвѣтилъ дьякъ.

«Нѣтъ, ужъ я тебя не выпущу изъ виду, — подумалъ Крыницкій: — прелюбопытнѣйшій психологическій экземпляръ.»

IV.

Черезъ нѣсколько дней, когда Крыницкій опять пріѣхалъ въ Козляевку, Амвросій пригласилъ его къ себѣ.

— Зайдемъ ко мнѣ, докторъ! — сказалъ онъ. — Покажу вамъ свою дщерь!

— Какъ? вы ее привезли?—спросилъ Крыницкій, у котораго почему-то при этомъ извѣстіи что-то кольнуло въ сердцѣ. «Не любитъ онъ ея, что ли? — думалъ онъ: — вѣдь самъ говорилъ, что она — единственное утѣшеніе ему въ жизни, и какъ неостороженъ! Другой бы упряталъ ее подальше, а онъ выписалъ».

— Сама теща пріѣзжала! Хотѣла назадъ увезти, да не могу! Можетъ, мои послѣдніе дни... какъ же я разстанусь?..

Докторъ промолчалъ. Онъ не хотѣлъ направлять его мысли въ мрачную сторону.

Они прошли въ церковный домъ. Пришлось пройти черезъ дворъ, который былъ общимъ для обоихъ причетниковъ. Куча ребятишекъ, принадлежавшихъ дьякону, въ самыхъ невозможныхъ костюмахъ бѣгала по двору и производила шумъ. Трое изъ нихъ держали въ рукахъ дыню и съ остервенѣніемъ грызли ее зубами. На порогѣ стояла дьяконнха, худая, блѣдная дама въ засаленной кофтѣ.

— Здравствуйте!—сказалъ ей докторъ:—зачѣмъ вы имъ позволяете ѣсть дыню, да еще кстати сырую? Вы знаете, какъ это теперь опасно!

— Э,—промолвила дьяконнха, махнувъ рукой: — ежели и убудетъ ихъ, не велика бѣда!.. Этого добра довольно Богъ посылаетъ...

Крыницкій осмотрѣлъ ея фигуру, которая свидѣтельствовала, что въ скоромъ времени Богъ еще «пошлетъ ей этого добра», и такимъ образомъ подтверждала ея слова.

— Это она такъ...—Вы не вѣрьте! — сказалъ дьякъ въ сѣнцахъ своей квартиры. — Это одинъ только разговоръ. А какъ прошлой осенью умеръ у нихъ младшій сынокъ, она страшно убивалась. Она добрая женщина. Конечно, нужда... А вотъ и моя дочка! Глядите: вся въ покойницу!..

Въ комнатѣ на диванѣ сидѣла (а при ихъ появленіи встала) дѣвочка лѣтъ двѣнадцати. Она была худенькая, длиннолицая, черноглазая, съ робкимъ ученическимъ взгля-

домъ. На ней было коричневое форменное платье съ пелеринкой и черныммъ передникомъ. При рекомендаціи Амвросія она покраснѣла.

— Очень пріятно познакомиться! — сказалъ докторъ. — Мы съ вашимъ папой большіе пріятели!

— Да, — сказалъ дьякъ: — пріятели сдѣлались. — А посмотрите: правда, похожа на мать, какъ двѣ капли воды!

Докторъ сразу замѣтилъ, что между дѣвочкой и покойной дьячихой, насколько онъ ее помнилъ, не было никакого сходства. Скорѣй она походила на Амвросія. Но дьякъ находилъ это сходство. Можетъ-быть, оно утѣшало его и было ему дорого. Поэтому Крыницкій подтвердилъ.

— Да, да! Есть сходство!—сказалъ онъ.—Только отчего она у васъ такая худенькая?

— Монастырка! Тамъ при монастырѣ у нихъ корпусъ устроенъ такой. Ну, извѣстно, взаперти держать, только по воскресеньямъ къ бабушкѣ пускаютъ, а пищу даютъ скудную. Притомъ же и наукъ у нихъ страшная пропасть, даже по-французски учатъ... Оттого и худа!.. Да тамъ онѣ все такія! И не понимаю я, зачѣмъ духовной дѣвицѣ такое множество наукъ знать? Вѣдь все одно: либо попадьей будетъ, либо дьяконшей. А тутъ наука простая: дѣтей своихъ няньчить да смотрѣть за хозяйствомъ...А она крѣпко учится! Отмѣтки какія привезла! Все пятерки да четверки!.. Только вотъ по-французскому тройки съ плюсомъ. Ну, да это Богъ съ нимъ... Въ четвертый классъ перешла. Мечтательница! Я, говоритъ, папа, когда кончу курсъ, въ учительницы пойду, тебя кормить буду, а ты будешь отдыхать отъ трудовъ. Умница. А зачѣмъ мнѣ отдыхать, когда я вовсе даже и не уморился!.. Вотъ какая она умница!..

Докторъ замѣтилъ, что на лицѣ дьяка, когда онъ говорилъ о дочери, было какое-то радостное сіяніе. А дѣвочка, слушая его похвалы, краснѣла и, наконецъ, выскользнула изъ комнаты...

— Ишь, удрала! Стѣсняется, что хвалю! совѣстливая!— замѣтилъ тихо дьячокъ и потомъ перемѣнилъ разговоръ.— Какъ же мнѣ теперь съ горохомъ да съ пшеномъ быть? На послѣзавтра мнѣ не изъ чего похлебки сдѣлать!.. Какъ оно будетъ?

— А вы сходите въ усадьбу, тамъ оно и выяснится, какъ будетъ!—сказалъ докторъ.

— И схожу! выгонять—уйду, а можетъ, и не выгонятъ!..

— Сходите, сходите, а я пойду на деревню, нѣтъ ли чего?

— Есть, есть! У коваля старикъ занемогъ сегодня ночью... Ужъ я ему всадилъ цѣлую кружку полынной настойки, да не знаю, что выйдетъ. Вотъ къ ковалю и сходите. Старикъ еще работящій, трудолюбивый, хорошо подковы ковалъ... Жалко!..

Они вышли и разошлись въ разныя стороны. Дьякъ издали указалъ Крыницкому хату коваля, хотя это было излишне, потому что ее можно было узнать по примыкавшей къ ней кузницѣ, а самъ пошелъ въ усадьбу.

Изъ трубы надъ кузницей выходилъ дымъ; значитъ, тамъ работали. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что въ домѣ все благополучно, но докторъ этого не подумалъ, потому что зналъ мѣстные нравы. Никакая болѣзнь въ домѣ не могла помѣшать работѣ здоровыхъ, потому что кормиться семьѣ надо было всегда.

Крыницкій зашелъ въ кузницу. Парень лѣтъ двадцати двухъ стучалъ молотомъ по наковальнѣ, на которой лежалъ кусокъ раскаленнаго желѣза.

— Помогай Богъ!—сказалъ Крыницкій.

Парень остановился и взглянулъ на гостя. Онъ сейчасъ же узналъ доктора, котораго въ Козляевкѣ всѣ знали.

— Покорно благодаримъ! — отвѣтилъ онъ, прекративъ работу.

— Какъ старикъ? — спросилъ докторъ.

— Батько? Худо, очень худо! Дьякъ Амвросій имъ-было помогли, да эта проклятая баба все опять испортила.

— Какая баба?

— Маломузиха! До снидaнка батько выпили лѣкарство, которое отъ дьяка... И имъ будто бы легше стало... Ну, и какъ старый человѣкъ, извѣстно... они и думаютъ по-старинному. Нѣтъ, говорятъ батько, безъ Маломузихи не обойдется. Чувствую, что помру безъ Маломузихи... Въ прошломъ годѣ Маломузиха какъ хорошо меня вызволила отъ бышихи!.. Подай имъ Маломузиху да и только!..

— Да кто такая эта Маломузиха?

— Баба такая! Она лѣчитъ заговоромъ, знахарка, значитъ... И пить даетъ... Мошенница, какъ есть!.. Я говорю: батько, это одинъ обманъ! А они стонутъ и отвѣчаютъ: что ты понимаешь? Какой обманъ? Это вы молодые въ школѣ грамотѣ заучились и ни въ Бога, ни въ чорта не вѣрите. Маломузиха духомъ лѣчитъ... Въ ей духъ такой лѣчебный есть... Позови мнѣ Маломузиху! Что-жъ я могу подѣлать!

Не могу же я перечить батьку родному! Позвалъ. Вотъ она и вылѣчила.

Крыницкій прошелъ къ больному. Старикъ лежалъ на печкѣ, прикрытый кожухомъ. Печка тоже была тепла, но ему все было холодно.

— Запричаститься бы! — говорилъ онъ слабымъ голосомъ:—за батюшкой послать бы!..

Докторъ взглянулъ на него и сказалъ себѣ мысленно: «Кончено! И батюшки не дождется!»

— А зачѣмъ, старикъ, бабъ слушаешь?—спросилъ онъ больного.

— У-у!.. Проклятая... Утрапла!.. — злобно прошепталъ старикъ.

— Не ругайся, не грѣши... Самъ виноватъ!..

Въ хатѣ стоялъ сынъ-кузнецъ, весь черный отъ кузнецкой работы; пришелъ и старшій сынъ, женатый; появились какія-то родственныя бабы.

Крыницкій сказалъ тихо старшему сыну:

— Не надѣйтесь! Сколотите гробъ, да поскорѣе съ похоронами-то... Медлить нельзя.

Родня нашла, что пора начинать плакать. У бабъ откуда-то взялись цѣлые потоки слезъ. Въ хатѣ раздались всхлипыванія, потомъ рыданія. Старикъ все это слышалъ и еще болѣе долженъ былъ убѣдиться, что пришла смерть. Послали за батюшкой. Докторъ ушелъ подъ самымъ тяжелымъ впечатлѣніемъ.

По дорогѣ онъ издали увидѣлъ дьяка, возвращавшагося изъ усадьбы. Но странно, что онъ шелъ не изъ помѣщичьяго дома, а, повидимому, изъ сада. Тамъ близко была экономія. Сказать бы, несъ онъ горохъ, либо пшено, — но руки его были свободны. Онъ шелъ съ опущенной головой и, кажется, о чемъ-то задумался.

«Любопытно, чѣмъ кончились его похожденія!..» — подумалъ Крыницкій и пошелъ навстрѣчу Амвросію.

— Что это вы, Амвросій Евлампіевичъ, въ саду прогуливались?—шутливымъ тономъ спросилъ Крыницкій дьяка, который, увидѣвъ его издали, дѣлалъ ему призывные знаки.

— Охъ, Господи! И смѣхъ, и грѣхъ!—воскликнулъ Амвросій, качая головой.—Просто не знаешь, какъ и понимать это дѣло!

— Что же такое?

— А вонъ видите, тамъ мужикъ стоитъ?—онъ указалъ по направленію къ усадьбѣ со стороны рѣки. Шагахъ во ста отъ

дома дѣйствительно стоялъ мужикъ.—Это подкучеръ ихній, Семенъ... А смотрите туда на экономію... Тамъ садовый сторожъ Пареентій... Это карантинъ. Отъ самого барина приказъ данъ, чтобы изъ села ни единая душа не пролѣзла... А ежели что кому нужно, такъ Пареентій докладъ сдѣлаетъ кухаркѣ Марьянѣ, которая у калитки вонъ тамъ сидитъ, Марьяна барынѣ доложитъ, а барыня барину... Ну, говорю я Пареентію, поди доложи своей Марьянѣ, что дьякъ пришелъ насчетъ гороху и пшена для комитетскихъ. Пошелъ, а я стою и смѣюсь себѣ. Вотъ, думаю, такъ порядки! Совершенно, какъ бы на военномъ положеніи. Прихожу въ садъ и хожу себѣ по дорожкѣ. Вдругъ вижу — Софья Николаевна идетъ одна, безъ супруга. На лицѣ у нея сѣтка надѣта, на рукахъ перчатки... Идетъ и кричитъ: «только очень не приближайтесь! Вы съ холерными обращаетесь!» Ну, я и не приближаюсь, стою себѣ, и она остановилась шаговъ за двадцать отъ меня. Такъ и бесѣду вели.

— О чемъ же вы бесѣдовали?

— Охъ, лучше бы мнѣ и не бесѣдовать! Теперь просто и не знаю, какъ мнѣ быть! Объявила, что они съ мужемъ завтра чуть свѣтъ уѣзжаютъ въ Кіевъ, потому ихъ дѣло требуетъ: но полагаю такъ, что въ Кіевѣ холеры нѣтъ. Я и говорю: а какъ же комитетъ? «А это, — говоритъ, — теперь будетъ батюшка вѣдать». А денегъ-то откуда взять? Денегъ у насъ всего пятьсотъ рублей, самъ батюшка говорилъ, а голодныхъ не убавляется, а прибавляется. «Что-жъ дѣлать! — говоритъ. — Намъ теперь самимъ деньги нужны, потому дѣла требуютъ, своихъ не можемъ дать... Ужъ вы какъ-нибудь перебейтесь, а мы, между прочимъ, по газетамъ объявленіе пустимъ. Мы, — говоритъ, — не надолго: можетъ-быть, на мѣсяцъ...» Это не надолго! Да за мѣсяцъ у меня тутъ отъ голода полдеревни перемретъ!.. «Мы, — говоритъ, — васъ уполномачиваемъ все дѣлать отъ имени комитета...» А? Да что дѣлать-то я буду безъ денегъ? «У всякаго, — говоритъ, — бываютъ свои дѣла... А затѣмъ, — говоритъ, — до свиданія!» И ушла. Я даже опомниться не успѣлъ, какъ ея не стало. Ну, что вы тутъ скажете, господинъ докторъ!

— Ничего не скажу! — отвѣтилъ Крыницкій: — я вамъ говорилъ, что они свиньи, вотъ и оказалось. Нѣтъ, вы лучше скажите, что вы будете дѣлать? Вѣдь пятьсотъ рублей вамъ на недѣлю едва хватитъ.

— Именно. Что я буду дѣлать? Въ земство поѣду и

скажу: давайте! Не помирать же людямъ зря! А не дадутъ,—побѣгу по городу и буду кричать во все горло: дайте, дайте, дайте! Въ городѣ есть богачи; можетъ, и дадутъ!..

— Васъ заберутъ въ полицію.

— Пускай заберутъ! Мое дѣло правое!

— Впрочемъ, поѣзжайте. Можетъ, и выгоритъ!.. А то вотъ что: пока судъ да дѣло, я... У меня есть скопленныхъ трудомъ своимъ тысчонки три. Я, разумѣется, много не дамъ, а пять сотенныхъ отвалю... Только не въ комитетъ вашъ, Боже сохрани, а въ ваше полное распоряженіе.

— Да ну-те! Господи, что за благодѣтель!

Дьякъ чуть не бросился цѣловать его, но постѣснялся на улицѣ.

— А то вотъ что еще,—продолжалъ Крыницкій:—надо сходить къ старшинѣ. Это ничего, что онъ уже далъ. Онъ богатый. Теперь у него падчерица умерла, такъ на падчерицыну душу попросите. Надо убѣдить его, что падчерицѣ отъ этого будетъ отлично на томъ свѣтѣ...

— И пойду! И это правда, что душѣ ея будетъ облегченіе! Вѣдь это милостыня, она помогаетъ!..

— Ну, такъ я вамъ завтра привезу деньги. А теперь прощайте. Мнѣ пора домой. Къ ковалю можете не ходить, развѣ что для отпѣванья души его.

— Неужто?

— Вѣрно вамъ говорю. Прощайте!

Дьякъ снялъ шапку и перекрестился.

— Царство ему небесное! Мретъ народъ! А славный кузнецъ былъ! Жалко!—съ чувствомъ произнесъ дьякъ.—А я надѣялся, что полынный чай ему поможетъ!

— Нѣтъ, вы спросите Маломузиху, какой она ему чай давала...

— А была-таки? Была? Ахъ, грѣховная баба! А божился старикъ, что не покличетъ!

Докторъ издали поклонился ему и пошелъ къ почтарю. Когда онъ выѣзжалъ изъ села, до слуха его донесся протяжный жалобный церковный звонъ. «Это по ковалевой душѣ звонятъ!»—рѣшилъ онъ, а ямщикъ снялъ шапку и набожно перекрестился.

— Еще кого-то Богъ прибралъ!—сказалъ онъ, не обращаясь къ сѣдоку.

— Да, братъ, прибираетъ по-маленьку! — отозвался докторъ.

— Видно, на землѣ много лишняго народу развелось!— философски замѣтилъ ямщикъ.

«Ахъ, шельма этакая!—подумалъ Крыницкій.—Онъ тоже мальтузіанецъ! Скажите, пожалуйста!»

Дома его ждали двѣ подводы изъ двухъ ближайшихъ селъ. Въ обоихъ мѣстахъ — больные съ корчами и подведеніемъ животовъ. Еще не удостовѣрившись на мѣстѣ, онъ послалъ уже куда слѣдуетъ извѣстія о появленіи болѣзни въ новыхъ мѣстахъ. Ошибиться было очень трудно. «Я,— говорилъ онъ:—діагнозъ ставлю по физіономіямъ возницъ, пріѣхавшихъ за мной. Это сейчасъ видно!»

V.

Печальный звонъ на козляевской колокольнѣ почти не прекращался. То онъ облегчалъ исходъ души изъ тѣла, то провожалъ чье-нибудь тѣло на кладбище.

Карантинъ, поставленный близъ усадьбы, былъ снятъ на другой же день, потому что Амосовы уѣхали. Съ батюшкой тоже стряслась бѣда: у него разыгрался ревматизмъ въ ногахъ, такъ что онъ не могъ даже изъ дому выходить, и потому разсчитывать на батюшку, какъ на члена комитета, не было никакой возможности. Амвросій успѣлъ до ревматической катастрофы забрать у него всѣ комитетскія деньги, но онѣ уже вышли, теперь расходовались докторскія, а дальше предвидѣлось полное безденежье.

Какъ-то онъ зашелъ къ старшинѣ, который тоже былъ членомъ комитета и его жертвователемъ.

— Съ просьбицей къ вамъ, Максимъ Тимофеичъ!—сказалъ дьякъ, присаживаясь на заваленкѣ, такъ какъ онъ встрѣтилъ старшину во дворѣ.

— Для васъ, Амвросій Евлампіевичъ, мы завсегда готовы! — любезно отвѣтилъ старшина, протягивая ему свою широкую, мозолистую руку.

— То-то, что не для меня! У меня все, слава Богу, имѣется... Я для себя, Максимъ Тимофеичъ, никогда не прошу...

— Такъ, такъ! Это справедливо! — подтвердилъ старшина: — этого обычая у васъ нѣтъ. А что же вамъ Богъ послалъ?

— Да вотъ что, Максимъ Тимофеевичъ... Теперь выходитъ, что комитетъ нашъ, — это вы одинъ и есть!

— Какъ такъ?

— А такъ: помѣщики уѣхали, а батюшка ногами стра-

дастъ, изъ дому не выходитъ и въ дѣла не мѣшается... Выходитъ, что вы одинъ и есть комитетъ...

— Какой же я могу дѣлать комитетъ, — сказалъ старшина:—когда я даже грамотѣ плохо умѣю?..

— Ну, что грамота! Грамота тутъ не нужна. Тутъ деньги нужны.

— Какъ деньги? Я же далъ денегъ... Двѣ тыщи далъ...

— Что двѣ тысячи, Максимъ Тимофеевичъ! У насъ больше тридцати тысячъ перебывало, да и то всѣ искормили!.. А теперь время самое трудное.

— Да вѣдь я же не мѣшокъ съ тыщами! — сказалъ старшина. — Да и кому давать? То все-жъ-таки Сергѣй Владиміровичъ былъ... А теперь никого и нѣтъ... Я такъ думаю, Амвросій Евлампіевичъ, — прибавилъ онъ разсудительно:—ежели паны уѣхали, а батюшка дѣловъ не хочетъ знать, то слѣдственно и этого самаго комитета нѣту... И выходитъ, что дѣло надобно прекратить...

— Какъ прекратить?—вскрикнулъ дьякъ.—Да вѣдь голоднымъ же кушать что-нибудь надо?!

— А извѣстно — надо! Какъ же не надо? Это всякій скажетъ, что надо!—отвѣтилъ старшина.

— Такъ какъ же ты говоришь—прекратить?

Дьякъ въ пылу увлеченія переходилъ на «ты», самъ того не замѣчая, а смягчившись, опять начиналъ на «вы».

— Да вѣдь ежели комитета нѣтъ, такъ что ужъ?..

— Комитета, комитета!—сердито передразнилъ его Амвросій и всталъ, какъ бы находя излишнимъ продолжать разговоръ. Но тутъ онъ вспомнилъ, что не пустилъ въ ходъ главнаго своего довода. Вѣдь докторъ совѣтовалъ ему упомянуть о падчерицѣ.

— А вотъ что! — сказалъ онъ, обернувшись къ старшинѣ:—у васъ, Максимъ Тимофеичъ, дочка умерла... Надо бы о душѣ ея подумать. Она хотя и не родная вамъ, а все же дочь.

— А развѣ я не думаю,—промолвилъ старшина.—Я и самъ думаю. Вотъ и сорокоустъ желаю заказать вамъ...

— То само собой. А вотъ ежели бы на голодныхъ пожертвовать,—покойницѣ большая бы польза была!.. Да!

— Да развѣ я отказываю? Это вы напрасно кипятитесь, Амвросій Евлампычъ!.. А я и не думалъ... Я говорю, конечно, такъ себѣ... А дать, отчего не дать? Много не могу, потому двѣ тыщи уже внесъ; а примѣрно — сторублевую могу пожертвовать...

— Это мало, Максимъ Тимофеичъ, ей-ей мало! Хоть бы три сотенныхъ... Нужда великая!..—сказалъ дьякъ.

Старшина подумалъ.

— Двѣ дамъ, а больше не дамъ!..—промолвилъ онъ, наконецъ:—и то не сейчасъ, а на той недѣлѣ.

— Ну, и за то спасибо.

Дьякъ шелъ домой и, послѣ такого счастливаго исхода, не радовался. «Капля въ морѣ! Капля въ морѣ! — твердилъ онъ себѣ.—И вотъ глупѣйшій мужикъ! Будь на моемъ мѣстѣ Амосовъ, либо какой другой панъ, онъ бы тысячу отвалилъ, непремѣнно отвалилъ бы! Награды ищетъ. Думаетъ, панъ, — такъ онъ можетъ шепнуть тому-другому, и медаль ему на шею повѣсятъ. Эхъ, и куда это у людей сердце дѣвается?»

Жертва старшины была такъ ничтожна, что приходилось почти не брать ее въ расчетъ. А между тѣмъ на-дняхъ уже нечѣмъ будетъ кормить ѣдоковъ. Дьякъ ломалъ голову надъ вопросомъ: откуда взять? Главное—и посовѣтоваться не съ кѣмъ. Такой членъ комитета, какъ Максимъ Тимофеевичъ, ничего дѣльнаго не посовѣтуетъ. Вонъ, по его мнѣнію, разъ комитета нѣтъ, то и дѣло прекратить надо. И это онъ сказалъ вовсе не отъ злостности, а единственно отъ глупости. Къ батюшкѣ нельзя подступиться. Странная у него болѣзнь въ ногахъ: не только самъ онъ со двора не выходитъ, а и къ нему нельзя зайти. Доктора теперь никакъ не поймаешь, все въ разъѣздахъ. Вишь, опять звонъ на колокольнѣ, — это, должно-быть, Чибрикъ скончался. Не помогъ ему и полынный чай. А Чибрикъ — одинъ изъ ѣдоковъ его столовой. Если теперь мрутъ, какъ мухи, что же будетъ, когда пищи совсѣмъ не хватитъ и станутъ голодать?

— Да что мнѣ!—сказалъ себѣ, наконецъ, дьякъ Амвросій.—Возьму-ка я у отца-дьякона повозку, да завтра, чуть свѣтъ, махну въ городъ, да въ земскую управу и скажу: давайте,—да и дѣлу конецъ! Должны же сжалиться!

На этомъ онъ и порѣшилъ и на утро собрался въ городъ. Машенькѣ онъ сдѣлалъ наставленіе, какъ вести себя цѣлый день безъ него. Она должна была провести день у дьяконши, причемъ ей было внушено, чтобы она старалась помогать ей въ работѣ.

На утро, едва только чуть-чуть поблѣднѣли звѣзды, онъ уже выѣхалъ на дорогу, но тотчасъ же услышалъ позади себя звонъ почтоваго колокольчика. «Кто бы это такъ рано

ѣхалъ? — подумалъ онъ и почему-то рѣшилъ, что это докторъ.—Кому другому быть? Онъ теперь рыскаетъ по уѣзду день и ночь. Вотъ ужъ именно кому покою нѣтъ. И какой человѣкъ! Никогда не сердится, всегда веселъ и шутки шутитъ!»

Почтовая таратайка нагнала его еще въ селѣ.

— Стой! — зычно крикнулъ докторъ! — Да это Амвросій Евлампіевичъ!

— Онъ самый и есть! А васъ куда Богъ несетъ?

— Въ городъ! Зовутъ на экстренное совѣщаніе земскихъ врачей. А вы куда? Держу пари, что насчетъ гороха или пшена!

— Именно. Ѣду въ земскую управу, денегъ просить. Какъ полагаете, докторъ, дадутъ?

Докторъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Бѣда мнѣ съ вами, Амвросій Евлампіевичъ, — сказалъ онъ.

— Какъ такъ?

— Порядковъ вы не хотите никакихъ признавать. А вотъ погодите, въ земской управѣ васъ научатъ порядку...

— Что-то я не понимаю этого, — промолвилъ дьякъ, глядя на него съ недоумѣніемъ.

— Понять не трудно. Вы кто такой? Дьякъ! Что есть дьякъ? Самый малый чинъ въ церковной іерархіи. Ваша дѣятельность благотворна, такъ. А полагается ли, чтобы человѣкъ съ малымъ чиномъ творилъ благо? Наврядъ! Онъ можетъ, ежели случится, спасти утопающаго, можетъ и милостыню подать, это не возбраняется. Но чтобы такъ, какъ вы, организовать широкую помощь, устроить столовую и прочее, для этого надлежитъ имѣть чинъ побольше...

Дьякъ внимательно слушалъ, но все-таки не понималъ его ироніи.

— Какіе же порядки?—спросилъ онъ.

— Э, что мы будемъ впередъ забѣгать! — сказалъ докторъ.—Тамъ васъ всему этому научатъ.

Солнце поднялось уже довольно высоко, когда они пріѣхали въ городъ. Они заѣхали на постоялый дворъ, вытряхнули пыль изъ одежды, вымылись и напились чаю, а затѣмъ оба пошли въ земскую управу, такъ какъ совѣщаніе врачей должно было состояться въ ея помѣщеніи.

VI.

Когда они шли въ управу, Крыницкій сказалъ:

— Ахъ, батюшка, какая досада, что у васъ при великой

душѣ такой малый чинъ! Ну зачѣмъ вы не протопопъ или, по крайней мѣрѣ, не протодьяконъ?

Амвросію эта шутка понравилась, и онъ весело разсмѣялся.

— Гдѣ ужъ мнѣ! — промолвилъ онъ, махнувъ рукой, — Тридцать два года въ дьячковскомъ званіи состою и никогда не мечталъ о высшемъ!

Ангелъ вы мой, вотъ то-то и скверно, что званіе ваше малое! Когда бы оно было повыше, я поручился бы за успѣхъ! И отчего вы не заслужили протодьякона?

— Голоса не имѣю!—серьезно отвѣтилъ Амвросій:—для этой должности требуется басъ. Э, что протодьяконъ! Я даже иподьякономъ не могу быть, потому что въ этой должности теноръ требуется, а у меня и того нѣтъ.

— Жаль, жаль, что у васъ ни баса, ни тенора нѣтъ!

Когда они вошли въ зданіе управы, докторъ сказалъ:

— Ну, вамъ идти наверхъ, а я внизу останусь. Желаю вамъ успѣха!

Внизу, въ вестибюлѣ, висѣло нѣсколько накидокъ и пальто, сильно заношенныхъ. Крыницкій тотчасъ же встрѣтилъ трехъ товарищей и вступилъ съ ними въ разговоръ, а дьякъ поднялся наверхъ по узкой деревянной лѣстницѣ.

На площадкѣ онъ остановился, потому что здѣсь было три двери. На одной была надпись: «хозяйственная часть», на другой: «народное образованіе», на третьей: «часть продовольственная». Долго думалъ дьякъ, къ какой изъ этихъ частей относится его дѣло, и наконецъ рѣшилъ, что это будетъ по хозяйственной части.

Туда онъ и пошелъ, но сейчасъ же смутился. Въ большой комнатѣ, съ сквернымъ испорченнымъ воздухомъ, толпился народъ всевозможныхъ ранговъ. За рѣшеткой съ круглыми отверстіями сидѣли служащіе, что-то писали, вели переговоры съ публикой черезъ круглыя отверстія и усиленно курили.

Амвросій по привычкѣ оробѣлъ. Многолюдное собраніе, видъ чиновниковъ, пишущихъ съ чрезвычайно серьезнымъ, дѣловитымъ видомъ — все это производило на него подавляющее впечатлѣніе. Онъ, маленькій человѣкъ по самому положенію, но всегда чувствовавшій въ себѣ человѣческое достоинство, въ такихъ случаяхъ какъ-то терялся.

Онъ робко подошелъ къ одному отверстію въ рѣшеткѣ и сказалъ, запинаясь:

— Позвольте васъ побезпокоить... Гдѣ тутъ справиться?

— Что вамъ угодно, батюшка?—развязно спросилъ молодой человѣкъ съ усиками и бритымъ подбородкомъ.

— Я желалъ бы справиться насчетъ... по части кормленія,—сказалъ Амвросій.

— Кормленія? Какого кормленія? Здѣсь никого не кормятъ!—съ усмѣшкой промолвилъ молодой человѣкъ.

Другіе служащіе улыбнулись. Дьякъ сейчасъ же почувствовалъ, что тутъ къ нему относятся несправедливо, что онъ пришелъ за серьезнымъ дѣломъ, а они ухмыляются. И у него ужъ въ сердцѣ что-то закипѣло: робость его прошла. Онъ ощутилъ необходимость защитить себя.

— Я о дѣлѣ говорю, а не шутки шучу!—мягко, но съ достоинствомъ сказалъ онъ.—Можетъ, я не такъ изъясняюсь, такъ это ничего. Надо понять!

Молодой человѣкъ видимо сконфузился и скрылся за рѣшеткой. Въ отверстіи появился другой—постарше, съ черной бородой, съ бирюзовой булавкой въ галстукѣ.

— Вамъ, батюшка, должно-быть, по части столовыхъ?—съ усиленной вѣжливостью, какъ бы извиняясь за своего товарища, произнесъ онъ.

— Именно, именно... По части столовыхъ! — отвѣтилъ Амвросій.

— Такъ это не здѣсь! Вы пожалуйте въ продовольственное отдѣленіе... Григорій, проводи батюшку въ продовольственное отдѣленіе!

Служитель въ зеленой курткѣ появился передъ дьякомъ и пригласилъ его слѣдовать за собой. Его повели на площадку и опять ввели въ точно такую же комнату, съ такой же рѣшеткой, съ такими же чиновниками, только народу здѣсь было поменьше и воздухъ получше.

Служитель тотчасъ же исчезъ, а дьякъ и здѣсь подошелъ къ служащему и сказалъ:

— Позвольте васъ побезпокоить... Гдѣ тутъ справиться?

— Что вамъ угодно?—спросилъ точно такъ же служащій, но безъ усмѣшки и вполнѣ вѣжливо.

— Я по части продовольствія...

— То-есть что же собственно?

— Видите, у насъ въ селѣ есть столовая...

— Ахъ, это насчетъ голодающихъ?

— Вотъ именно!..

— Такъ это вы, батюшка, обратитесь къ самому члену управы... Вотъ я сейчасъ доложу ему. Онъ эти дѣла самъ вѣдаетъ...

Любезный служащій куда-то скрылся и черезъ нѣсколько минутъ пригласилъ Амвросія въ слѣдующую комнату.

Это была очень маленькая комната съ однимъ окномъ. На полу лежалъ коверъ, на коврѣ стоялъ письменный столъ, за нимъ—кресло, а въ креслѣ сидѣлъ коротенькій господинъ съ утинымъ носомъ и сѣдыми баками.

Дьякъ поклонился и откашлялся. Коротенькій господинъ привсталъ, держась обѣими руками за столъ, прищурился и произнесъ:

— Чѣмъ могу служить?

— Я дьякъ изъ села Козляевки, — отрекомендовался Амвросій.

— А-га-га! Знаю, знаю! Не угодно ли садиться? Козляевка, это... Амосовъ?.. Да, да! Сергѣй Владиміровичъ, Софья Николаевна... Да, да! Тамъ комитетъ!.. Знаю, знаю!.. Такъ что же вамъ угодно?

— Средствъ не имѣемъ на прокормъ!—сказалъ Амвросій.

Лицо члена управы выразило непритворное изумленіе.

— Какъ не имѣете? Мнѣ извѣстно, что дѣла комитета шли отлично!.. Вѣдь мы, по ходатайству Софьи Николаевны, отпустили вамъ крупную сумму...

— Издержали, всю искормили...

— Ну, господа, вы, я вижу, не кормите, а откармливаете... Такъ невозможно! Вѣдь у насъ вы не одни, а цѣлый уѣздъ. Мы обладаемъ весьма ограниченными средствами. Притомъ же, козляевцамъ, какъ и прочимъ, была выдана мука на три мѣсяца...

— Той муки хватило на двѣ недѣли...

— Знаю-съ!.. Знаю, что недостаточно... Но не разорваться же намъ!.. У насъ много... И притомъ, извините меня, зачѣмъ же было и комитетъ устраивать, если требовать отъ земства? Ну, мы тогда выдали, ради усиленнаго ходатайства Софьи Николаевны, потому что она почтенная женщина и всѣ ее уважаютъ!.. Но больше не можемъ...

— Откудова же взять?—сказалъ Амвросій:—у насъ еще болѣзнь, народъ мретъ, какъ мухи...

— Знаю-съ!.. Противъ болѣзни мы принимаемъ мѣры... Вотъ сегодня совѣщаніе врачей, они выработаютъ мѣры, и мы введемъ ихъ повсюду... Но это совсѣмъ другое дѣло!.. Да! Я такъ полагаю: Амосовы вѣдь очень богатые люди, неужели они не могутъ сами поддержать свое учрежденіе?..

— Да ихъ нѣту. Они уѣхали!

— Какъ уѣхали? Куда уѣхали?

— Куда,—не знаю, а только—какъ первый случай болѣзни произошелъ, сейчасъ и уѣхали... Очень они боялись заразы...

— Ба! Вотъ что! Гм... Странно! Слѣдовательно и комитета вашего нѣтъ?

— Да такъ надо сказать, что нѣтъ его!..

— Такъ кто же собственно къ намъ обращается?

Этотъ вопросъ показался Амвросію страннымъ. Не ясно ли, что обращается онъ, дьякъ Амвросій? Что же онъ спрашиваетъ?

— Собственно, я!—сказалъ онъ.

— Да! Да! Я это вижу!.. Но вы... вы не можете считать себя комитетомъ! Вы были членомъ комитета?

— Нѣтъ. Я только былъ у нихъ исполнительный органъ.

— То-есть?

— Все, значитъ, дѣлалъ. И столовая на моихъ рукахъ, и прочее...

— Да, да!.. Такъ видите ли... Мы не можемъ!.. Мы вообще въ принципѣ противъ выдачи средствъ частнымъ лицамъ. Еще комитетъ, какъ учрежденіе, утвержденное начальствомъ... Но у васъ уже нѣтъ комитета...

— Это дѣйствительно, что комитета нѣтъ, голодные-то есть...—сказалъ дьякъ, теряя всю свою почтительность.

Члена управы начала раздражать такая настойчивость дьяка. Онъ рѣшилъ сократить разговоръ тѣмъ средствомъ, которое всегда къ услугамъ желающихъ воспользоваться имъ.

— Вотъ что я вамъ скажу: вы понимаете, что я въ сущности вамъ сочувствую, но я одинъ ничего не могу рѣшить. Это можетъ рѣшить только вся управа. Итакъ, вы подайте прошеніе, въ которомъ объясните все положеніе дѣла. А мы васъ извѣстимъ о рѣшеніи...

— Такъ это будетъ долго... У насъ уже почти ничего нѣтъ...

Членъ управы развелъ руками.

— Не отъ меня зависитъ. Приложу стараніе, чтобы ускорить!

И онъ всталъ. Амвросій тоже поднялся. Онъ, по неопытности, не зналъ достовѣрно о значеніи этого оборота: но сердце его чувствовало, что отъ него хотятъ отдѣлаться. Членъ управы, чтобъ еще скорѣе выпроводить его, подалъ ему руку.

— Такъ я жду отъ васъ прошенія, а потомъ мы васъ извѣстимъ,—прибавилъ онъ.

Дьякъ вышелъ и пошелъ внизъ по лѣстницѣ, опустивъ голову. Онъ представлялъ все это себѣ иначе. Онъ, почти никогда не имѣвшій дѣла съ официальными учрежденіями, не имѣлъ понятія о сложныхъ разъ навсегда установленныхъ порядкахъ и правилахъ, замѣняющихъ личныя чувства и побужденія. Членъ управы, можетъ-быть, былъ предобрѣйшимъ человѣкомъ, способнымъ при видѣ голоднаго заплакать, вынуть и отдать свой кошелекъ; но разъ онъ дѣйствовалъ какъ членъ управы, — вмѣсто чувствъ, побужденій и простыхъ душевныхъ движеній, для него существовалъ и былъ обязателенъ цѣлый рядъ формъ, каковы: прошенія, рапорты, засѣданія, доклады, постановленія, резолюціи. Эти формы обладаютъ способностью охлаждать личныя чувства; этимъ и объясняется, что зачастую резолюціи, составленныя предобрѣйшими людьми, оказываются, въ силу обстоятельствъ, жестокими.

Внизу дьякъ нашелъ служителя, того самаго Григорія, который проводилъ его въ продовольственное отдѣленіе.

— А что, господинъ докторъ... Модестъ Степанычъ—не выходили еще?—спросилъ онъ.

— Э, они не скоро и выйдутъ! Тамъ теперь катавасія идетъ!—отвѣтилъ служитель.

— Какая катавасія?

— Насчетъ способовъ... Доктора съ предсѣдателемъ спорятся!.. Крикъ такой подняли, страсть!

«Видно, придется на постоялый пойти. Ужъ безъ доктора мнѣ не составить прошенія!»—подумалъ Амвросій и пошелъ на постоялый дворъ.

VII.

Но когда онъ уже былъ на полдорогѣ, его осѣнила мысль, которая показалась ему необыкновенно плодотворной.

«Само собою, они и не могутъ дать мнѣ, потому—совершенно не знаютъ меня, что я такое? Дьякъ Амвросій—больше ничего. Что такое дьякъ? Кто знаетъ дьяка? Вотъ ежели бы кто имъ властное слово сказалъ, то дѣло другое!..» И какъ только въ головѣ его сложилось это выраженіе: «властное слово», сейчасъ же онъ подумалъ объ архіереѣ. Всю свою жизнь проведшій въ узкой сферѣ церковныхъ и духовныхъ интересовъ, онъ привыкъ смотрѣть на архіерея, какъ на самую высшую и самую могущественную инстанцію рѣшительно по всѣмъ вопросамъ. Для духо-

венства такъ оно и было, а Амвросій не умѣлъ отдѣлить своего маленькаго міра отъ остального.

«Разумѣется, пойду къ преосвященному владыкѣ, паду къ ногамъ его и скажу: заступитесь! И онъ заступится»,— съ увѣренностью думалъ дьякъ. Но прежде чѣмъ исполнить это дѣло, онъ рѣшилъ пойти къ тестю и посовѣтоваться съ нимъ.

Тесть встрѣтилъ Амвросія дружелюбно и спросилъ: «Что новаго?»

— Плохо! — сказалъ дьякъ: — плохо у насъ! Въ пищѣ недостача, а тутъ болѣзнь...

— У тебя, что ли, въ пищѣ недостача, что такъ повѣсилъ голову?—спросила теща.

— Нѣтъ, у меня, слава Богу, хватаетъ... Народу плохо!..— отвѣтилъ Амвросій.

— Экій ты безпокойный человѣкъ, Амвросій! Ужъ, кажется, и старъ сталъ, пора въ разумъ войти, а ты все мудришь!..

— Что-жъ, такъ уже я Богомъ созданъ!.. Вотъ былъ въ управѣ...

И дьякъ разсказалъ, что было съ нимъ управѣ.

— Само собою... Такъ оно и должно быть... Такъ и должно!—замѣтилъ тесть.—Что ты за птица такая, чтобы тебѣ сейчасъ взяли да и выложили денежки, — на, молъ, распоряжайся!

— Да я и самъ такъ думаю. И мнѣ пришло на мысль: пойду-ка я къ преосвященному...

— Что-о?—воскликнули разомъ тесть и теща.

— Пойду, говорю, къ преосвященному владыкѣ и попрошу у него заступленія...

— Да ты съ ума спятилъ, Амвросій! Ей-ей, ты съ ума спятилъ! Можно ли такое лицо безпокоить всякимъ сумасброднымъ вздоромъ?.. Охъ, ты, Господи! Погубишь ты себя, да и только!

— Зачѣмъ? — спокойно возразилъ Амвросій. — Вѣдь это дѣло милостивое; дурного тутъ ничего нѣтъ!..

— Какъ нѣтъ дурного? Да что тутъ хорошаго, ты мнѣ скажи, безумецъ, прямо безумецъ!? Какъ же можно безпокоить преосвященнаго? Вспомни, что у тебя дочка есть...

— А что же дочкѣ-то? Машенькѣ что?

— А то, что ты объ ней долженъ заботиться... А какъ тебя за это безпокойство да въ монастырь на покаяніе сошлютъ? А?

— За что же онъ меня можетъ сослать! Это дѣло милостивое!

— Да нѣтъ... Что съ тобой говорить! Ты—прямо малое дитя! Затвердилъ свое: дѣло милостивое, да дѣло милостивое, только отъ тебя и словъ! Не ходи, Амвросій! Не ходи!

— Нѣтъ, ужъ пойду... Пойду! Взбрело на умъ, такъ пойду!

— Ну, такъ запомни же мое слово: быть тебѣ въ монастырѣ!

Амвросій простился съ ними, оставивъ родственниковъ въ страшномъ безпокойствѣ.

Въ уѣздномъ городѣ жилъ викарный архіерей. Онъ былъ назначенъ сюда недавно, всего около года. Амвросій, рѣдко выѣзжавшій изъ Козляевки, никогда еще не видалъ его. Онъ слышалъ, что архіерей былъ сравнительно молодой, необыкновенно ученый и велъ строгую жизнь. Слышалъ Амвросій еще, что онъ въ большой дружбѣ съ губернаторомъ.

Дьякъ шелъ съ глубокой увѣренностью въ благополучномъ исходѣ своего дѣла. Ему казалось совершенно немыслимымъ, чтобы человѣкъ, занимающій такой постъ, не откликнулся на его призывъ.

Много хлопотъ стоило Амвросію добиться, чтобы о немъ доложили. Всѣ обстоятельства были противъ него. Во-первыхъ, какъ это всегда бываетъ, когда человѣкъ пришелъ съ важнымъ дѣломъ, пріемъ кончился. Во-вторыхъ, преосвященный собирался уѣзжать, и уже было приказано закладывать лошадей. Въ-третьихъ, келейникъ былъ не въ духѣ. Но Амвросій былъ настойчивъ.

— Я не по своему дѣлу пришелъ безпокоить его преосвященство!—говорилъ онъ.—По своему не посмѣлъ бы, а по мірскому: такъ и скажите его преосвященству...

Келейникъ посмотрѣлъ на него подозрительно.

— Вы, кажись, не въ своемъ умѣ! — сказалъ онъ, довольно нахально смотря ему въ лицо.

У дьяка задрожала голова. Смирный и уравновѣшенный во всѣхъ случайностяхъ своей жизни, онъ рѣшительно не могъ выносить нахальства, и тогда у него являлся какой-то задоръ и желаніе отвѣтить по заслугамъ.

— Слава Богу, и не въ твоемъ!—ѣдко сказалъ онъ, по обыкновенію въ гнѣвѣ переходя на «ты». — Доложи, говорю, а не то дождусь на улицѣ преосвященнаго и хуже обезпокою его.

Преосвященный терпѣть не могъ, когда его дожидались

на улицѣ. Онъ требовалъ, чтобы во всѣхъ экстренныхъ случаяхъ докладывали ему. Келейникъ зналъ это и, въ виду такой угрозы, пошелъ и доложилъ, что какой-то деревенскій дьячокъ, кажется, не въ своемъ умѣ, желаетъ быть принятымъ по какому-то не своему, а мірскому дѣлу. Архіерей велѣлъ тотчасъ же впустить его.

Какъ только Амвросій увидѣлъ архіерея, онъ сейчасъ же почему-то подумалъ, что его дѣло будетъ выиграно. Высокій, худой, съ блѣднымъ, истомленнымъ лицомъ, на которомъ еще мало было сѣдинъ, съ кроткимъ и внимательнымъ взглядомъ, архіерей стоялъ посреди комнаты и вопросительно смотрѣлъ на вошедшаго. Амвросій началъ съ того, что ударилъ передъ нимъ земной поклонъ.

— Откуда?—спросилъ архіерей отрывисто.

— Изъ села Козляевки, здѣшняго уѣзда, дьякъ Амвросій Яровой!..—отвѣтилъ дьякъ.

— Какое же у васъ дѣло?

Онъ все время смотрѣлъ на просителя пытливо, очевидно провѣряя заявленіе келейника, что онъ не въ своемъ умѣ. Но смиренная наружность Амвросія не подтверждала этого.

— Прошу защиты, ваше преосвященство, вашего властнаго слова прошу; только не для себя, а для христіанъ православныхъ...

Тутъ у архіерея мелькнуло въ головѣ сомнѣніе. Пожалуй, что келейникъ и правъ.

— Именно?—спросилъ онъ.

— Именно такъ, ваше преосвященство, что въ нашемъ селѣ множество голодныхъ людей... И былъ у насъ то-есть комитетъ, ваше преосвященство, жертвы собирали и кормили черезъ меня народъ какой-нибудь горячей похлебкой... То-есть больше увѣчныхъ, болящихъ, стариковъ и дѣтей, по мѣрѣ силъ... А нынѣ, ваше преосвященство, жертвы истощились, а помѣщики, которые комитетъ составили, уѣхали, заразы убоявшись, и я остался одинъ... Жалко смотрѣть, ваше преосвященство, какъ больные дѣти и старики вянутъ безъ пищи... А тутъ еще болѣзнь пришла, такъ и коситъ!.. А я одинъ и никакихъ способовъ... Добрые люди кой-чѣмъ помогли, вотъ докторъ нашъ и старшина... Да мало, не хватаетъ... И я пошелъ въ земство и говорю...

— Погодите!.. Присядьте-ка!..—сказалъ архіерей, указавъ ему на стулъ, а самъ сѣлъ въ кресло.

«Онъ обходительный и милостивый!—радостно подумалъ Амвросій.—Онъ непремѣнно сдѣлаетъ!» — и нерѣшительно сѣлъ на указанное мѣсто.

— Такъ это вы устроили столовую? Такъ я понялъ? — спросилъ архіерей, очевидно заинтересованный его разсказомъ.

— Комитетъ нашъ, ваше преосвященство, но черезъ меня... Я, какъ бы сказать, исполнительный органъ ихній.

На губахъ у архіерея скользнула легкая сдержанная улыбка.

— Продолжайте вашъ разсказъ!—произнесъ онъ.

— Теперь я пошелъ въ земство, а они, то-есть членъ управы, говорятъ: «Если бы комитетъ былъ, а то помѣщики уѣхали, слѣдственно комитета нѣтъ... Кому давать?» По всему видно, что сомнѣваются насчетъ меня; видятъ — дьякъ; чинъ, извѣстно, небольшой, ваше преосвященство...

Архіерей опять улыбнулся.

— А скажите, почему вы занялись этимъ дѣломъ?— спросилъ онъ.

— Жалостно смотрѣть, ваше преосвященство! Народъ православный погибаетъ... Вотъ и холера опять... Никакихъ способовъ нѣтъ... Даю чай изъ полыни, ставлю припарки... Да мало помогаетъ... А некому! фельдшеръ съ ногъ сбивается...

— Вы, значитъ, и лѣчите?

— Стараюсь, ваше преосвященство!..

— А вашъ священникъ?

— Больной человѣкъ, ваше преосвященство! Ревматическое страданіе ногъ...

Архіерей задумался, потомъ проговорилъ, какъ-то безпокойно, съ волненіемъ, и четки забѣгали въ его рукахъ:

— Истиннымъ Богомъ прошу васъ: скажите мнѣ правду! То, что вы говорите, хорошо, благородно, по-христіански, но оно такъ не похоже на обычное. Въ вашихъ глазахъ я не вижу лжи, но вѣрить боюсь...

Амвросій сильно обезпокоился и всталъ.

— Ваше преосвященство! — сказалъ онъ съ глубокимъ чувствомъ:—не посмѣлъ бы я сказать вамъ лжи! Солгать архипастырю не то же ли, что самому Богу солгать? Чистую истину вамъ говорю. Велѣли подать прошеніе въ земствѣ, а какъ я человѣкъ маленькій, то и не дадутъ ничего. А прошу я вашего властнаго слова. По вашему слову — дадутъ.

— Сядьте!.. Я вамъ вѣрю! И радуете вы меня. Жаль, что такіе, какъ вы, не правило, а лишь исключеніе. Я не могу вамъ помочь, какъ вы просите... Я поставилъ себѣ за правило не вмѣшиваться въ чужія дѣла и никого ни о чемъ не просить. А подумаемъ, какъ бы вамъ помочь другимъ способомъ... Подумаемъ!.. Вы идите себѣ съ Богомъ, а я переговорю съ ключаремъ. Кажись, у насъ есть такая сумма... кажется, что-нибудь и можно выдѣлить. А пока — отъ меня примите малую жертву, что могу...

Онъ поднялся и вышелъ въ сосѣднюю комнату, а вернувшись, вынесъ оттуда сторублевку и отдалъ ее Амвросію.

— Идите съ Богомъ! Село Козляевка? Дьякъ Яровой? Буду помнить!

Онъ благословилъ Амвросія и отпустилъ его.

Дьякъ вышелъ во дворъ, потомъ на улицу.

— «Господи!—размышлялъ онъ:—Какой свѣтлый человѣкъ! Какая справедливая душа! Понялъ вѣдь, постигъ! Изъ голоса понялъ, что не лгу! Ну, что теперь тесть скажетъ... Зайду на минуту, похвастаюсь!»

У тестя ждали его съ замираніемъ сердца. Боялись не только за него, но и за себя. Вѣдь родня онъ имъ, это всѣмъ извѣстно; въ случаѣ чего, можетъ и на нихъ пасть частица гнѣва! И когда дьякъ пришелъ, всѣ обратились къ нему.

— Былъ? Былъ-таки? Прогналъ тебя? А?—съ безпокойствомъ спросилъ старый дьяконъ.

Дьякъ вынулъ изъ кармана скомканную сторублевку и положилъ на столъ:

— Архіерейская! — сказалъ онъ съ радостно-сіяющими глазами.

— Далъ?

— Пожертвовалъ!.. Тронулся сердцемъ и обѣщалъ даже большими деньгами снабжать, съ ключаремъ поговоривши.. Какой человѣкъ! Какая душа!.. Понялъ суть!.. Истинный архипастырь!

Тесть и теща такъ и замерли съ удивленными взорами. Они не знали, что сказать, они не рѣшались вѣрить. Но Амвросію нельзя было не повѣрить.

— Смѣлый ты человѣкъ, Амвросій! Смѣлый человѣкъ!— сказалъ дьяконъ:—но не всегда такъ сходитъ съ рукъ! Можно и поплатиться...

— Правое дѣло всегда возьметъ верхъ!...— высказалъ

дьякъ свое любимое изреченіе, въ которое, несмотря на безпощадный скептицизмъ доктора, все-таки вѣрилъ.

Тесть махнулъ рукой и ничего не сказалъ на это. Но теща, послѣ такой почти невѣроятной удачи у архіерея, почувствовала потребность, какъ бы въ вознагражденіе за храбрость, накормить зятя.

Когда онъ собирался уходить, теща отозвала его въ сторону и сказала тихо:

— Слушай, Амвросій, говорю тебѣ — привези къ намъ Машеньку! Здѣсь ей способнѣй! Гдѣ тебѣ глядѣть за нею, когда ты съ мужиками возишься! Не ровенъ часъ...

— Ахъ, маменька (онъ называлъ такъ тещу), Богъ милостивъ! А Машенька меня утѣшаетъ! Приду домой — она тутъ... Ну, и сердцу отрадно!..

Теща покачала головой и больше не убѣждала его. Извѣстно было, что Амвросій, если что задумаетъ, — исполнитъ. Съ виду онъ мягкій и уступчивый, а въ душѣ — упорный человѣкъ.

Отсюда онъ пошелъ на постоялый дворъ. Было уже около трехъ часовъ, а докторъ все еще не приходилъ изъ управы. Дьякъ безпокоился. Пожалуй, къ ночи не поспѣютъ домой, а у него на завтра ничего не приготовлено для столовой. Онъ пошелъ на рынокъ и закупилъ изъ архіерейскихъ денегъ гороху и пшена.

«Пріѣду домой, скажу трапезникамъ, что это купилъ на архіерейскія деньги. Оно имъ вкуснѣе покажется!» — думалъ онъ, смѣясь въ душѣ.

Когда онъ входилъ во дворъ, таща въ обѣихъ рукахъ изрядные свертки, позади послышался возгласъ:

— Батюшка мой! Что это вы тащите? Провизію? Разбогатѣли небось? А?

Амвросій обернулся. Это былъ докторъ.

— Ну, слава Богу! — сказалъ онъ. — А я безпокоюсь, что къ ночи не поспѣемъ!

— Поспѣемъ! А я вижу, вамъ денегъ дали!?

— Эге! Дали, да не въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы думаете! — весело отвѣтилъ дьякъ.

— Держу пари, — сказалъ докторъ: — что у васъ было какое-нибудь приключеніе!..

Амвросій разсмѣялся.

— Именно приключеніе! Вотъ удивляться будете! Куплено это на архіерейскія денежки!

— Что вы? Разскажите, разскажите!

Они прошли въ отведенную имъ комнату. Дьякъ положилъ свои покупки на столъ и разсказалъ подробно все, что съ нимъ было въ этотъ день. Докторъ только качалъ головой.

— Вы просто удивительный человѣкъ, Амвросій Евлампіевичъ!—воскликнулъ онъ.—И откуда все это у вась берется? Экій вы молодчина! Ну, а изъ земства вамъ ничего не дадутъ! Это мнѣ достовѣрно извѣстно. Я нарочно спросилъ члена управы. Такъ онъ говоритъ: мы не можемъ давать частнымъ лицамъ. У насъ отчетность! Комитетъ — другое дѣло. Онъ утвержденъ... А то — какой-то дьякъ! Какъ же можно! Ergo—ничего вамъ на дадутъ!..

— Э, Богъ съ ними! Я и прошенья не подамъ. Мнѣ преосвященный владыка обѣщалъ. Ахъ, господинъ докторъ, какой это человѣкъ! Истинный свѣтильникъ!

Они скоро собрались въ дорогу.

Въ эту ночь Амвросій спалъ блаженнымъ сномъ.

VIII.

На другой день Крыницкій опять пріѣхалъ въ Козляевку и приступилъ къ устройству барака. Когда баракъ былъ готовъ, оказалось, что кандидатовъ на кровати вполнѣ достаточно. Но, сверхъ ожиданія, ихъ не такъ легко было залучить въ новое помѣщеніе. Крыницкій думалъ, что всякая семья обрадуется, получивъ возможность сбыть съ рукъ больного. На дѣлѣ же вышло, что приходилось умолять объ этомъ и иногда напрасно. Доктору было некогда возиться съ этимъ,—у него было слишкомъ много дѣла въ другихъ мѣстахъ, и эта миссія пала на Амвросія.

Дьякъ въ послѣднее время превратился въ фельдшера. Настоящій фельдшеръ, разумѣется, не успѣвалъ удовлетворять всѣхъ, но Амвросій такъ усовершенствовался во врачебномъ искусствѣ, что они могли подѣлить больныхъ. Чуть въ какой-нибудь хатѣ обнаружится «случай», дьякъ отправляется туда и заявляетъ:

— А мы его въ баракъ перенесемъ, въ больницу. Тамъ ему спокойнѣй будетъ, да и вамъ лучше...

— Нѣтъ, ужъ пусть лучше дома лежитъ, — возражаютъ ему.

— Други мои!—почти молитъ дьякъ:—говорю вамъ, что это вредно! Тамъ все для болѣзни прилажено... А тутъ у васъ никакихъ способовъ нѣтъ...

— Да нѣтъ ужъ... Дома оно какъ-то лучше!.. Ежели Богъ послалъ болѣзнь, такъ что-жъ уже...

— Послушайте вы! Богу не противно лѣченіе... А главное — вамъ лучше! Болѣзнь, — въ ней есть зараза, вы тутъ всѣ въ кучѣ живете, долго ли одному отъ другого заболѣть?..

— А онъ, значитъ, долженъ непремѣнно помирать? Тутъ еще какъ-ни-какъ отходить можно, а ежели снесли въ больницу, — все одно, что въ гробъ!..

Это былъ самый непреоборимый пунктъ, который, однакожъ, не былъ новостью для Амвросія. Онъ зналъ, что мужикъ вообще страшно боится больницы. Въ больницу, значитъ, — на смерть.

И далеко не всѣ соглашались уступать ему своихъ больныхъ, и съ этимъ ничего нельзя было подѣлать. Но больше всего препятствій было со стороны самихъ больныхъ. Они ни за что не хотѣли, чтобы ихъ переносили въ баракъ, и если это дѣлали, то кричали, умоляли и плакали.

Среди этихъ хлопотъ дьякъ не покидалъ и своихъ прежнихъ обязанностей. Онъ ежедневно выдавалъ провизію бабамъ, которыя варили обѣдъ для трапезниковъ, а во время обѣда обязательно присутствовалъ самъ и смотрѣлъ, чтобы всѣ были удовлетворены.

Однажды Крыницкій ѣхалъ изъ какого-то ближняго хутора. Дорога шла мимо села вблизи послѣдняго ряда хатъ. Тутъ какъ разъ расположились Амвросіевы трапезники, и самъ дьякъ, разумѣется, былъ здѣсь.

Докторъ велѣлъ ямщику остановиться и кликнулъ къ себѣ Амвросія.

— Кормите? — спросилъ онъ.

— Понемногу! — отвѣтилъ дьякъ.

— Однихъ на тотъ свѣтъ отправляемъ, другимъ поддерживаемъ жизнь! А вотъ что, батюшка мой, я вамъ хотѣлъ сказать...

И онъ заговорилъ тихо, очевидно съ тѣмъ расчетомъ, чтобъ не слышали трапезники и даже ямщикъ.

— Вы тово... Поосторожнѣй бы!..

— А развѣ что?

— Да какъ же, мой милый... Вы постоянно возитесь съ больными... Вамъ нельзя тутъ вертѣться... Ужъ вы это кому-нибудь другому поручите...

— А я и самъ думалъ, не опасно ли это? — сказалъ дьякъ.

— Душа моя, не въ томъ дѣло, что опасно. Бактерія при нашихъ порядкахъ свободно разгуливаетъ повсюду, и вы немного прибавите... А то, что заболѣй кто-нибудь изъ вашихъ обжоръ, сейчасъ скажутъ: дьякъ заразилъ! Потому, дьякъ возится съ больными, у него полные карманы заразы... Вотъ что!..

— А пожалуй, что и такъ! Скажутъ! Вѣрно, что скажутъ!..

— Ну, то-то и есть! Ужъ вы выбирайте, что вашему сердцу милѣе: холера, либо голодъ.

— Охъ, ужъ и то, и другое мило, нечего сказать!..

Дьякъ весь былъ поглощенъ своими хлопотами. Онѣ наполняли его жизнь и не оставляли ему времени подумать о своихъ дѣлахъ. Между тѣмъ, страшная гроза собиралась надъ его головой.

Однажды докторъ вернулся изъ своего объѣзда въ двѣнадцать часовъ ночи. Усталый и разбитый, онъ наскоро поужиналъ и легъ спать. Въ послѣднее время онъ дорожилъ каждымъ часомъ, когда можно было заснуть. Часа въ четыре утра, когда появились первые признаки разсвѣта, вдругъ со двора послышался страшный лай собакъ, а затѣмъ сильный стукъ въ дверь. Крыницкій сквозь сонъ слышалъ разговоръ, происходившій за дверью, между его кухаркой и какой-то бабой.

— Что тебѣ въ такую пору? И заснуть не дадите! — сурово говорила кухарка.

— Господина доктора!.. Сію минуту! — отвѣчала баба, очевидно усталая и тяжело переводившая духъ отъ быстраго бѣга.

— Куда? Отъ кого ты?

— Отъ дьяка... Отъ Амвросія!..

Эти слова заставили Крыницкаго открыть глаза. Но онъ сейчасъ же успокоился, подумавъ: «Кто-нибудь на селѣ заболѣлъ, трудный случай, и дьякъ волнуется по обыкновенію».

— А что тамъ?—крикнулъ онъ, не вылѣзая изъ-подъ одѣяла: — заболѣлъ кто?

— Дьякова дочка!..

— Машенька?

— Она!..

Докторъ въ одинъ мигъ соскочилъ съ постели. «Машенька... Утѣшеніе...—мелькнуло у него въ головѣ. — Бѣдный мой Амвросій!..»

Онъ быстро одѣлся и вышелъ къ бабѣ.

— Ты что же? Пріѣхала?

— Какой! Прибѣжала!

— Тридцать верстъ бѣжала?

— Бѣжала, батюшка, безъ отдыху!.. Вотъ еле духъ перевожу!..

— Ну, и опять бѣги... Я верхомъ поѣду!..

Уже разсвѣло, когда докторъ подъѣхалъ къ церковному дому. Онъ, съ тревогой въ сердцѣ, вошелъ въ квартиру Амвросія.

На диванѣ, закрытомъ чистымъ бѣльемъ, лежала дѣвочка и стонала. У изголовья стояла дьяконша съ заплаканными глазами. Фельдшеръ помѣщался у окна и безпомощно глядѣлъ на лежавшіе передъ нимъ медикаменты. Очевидно, онъ уже ихъ испробовалъ.

Какъ только Крыницкій вошелъ, къ нему бросился дьякъ. Онъ былъ страшно блѣденъ, глаза его расширились, жидкіе волосы, не заплетенные въ косу, свернулись на одну сторону. Кафтанъ былъ разстегнутъ, и подъ нимъ была видна бѣлая сорочка и волосатая грудь.

Дьякъ схватилъ обѣ руки доктора и началъ цѣловать ихъ.

— Батюшка мой! Дорогой мой! Спасите, спасите ее, голубку мою!.. Вѣдь одна она у меня!..

Слова вырывались изъ его груди вмѣстѣ со стонами отчаянья. Крыницкій отвелъ его руки, попросилъ его успокоиться и пошелъ прямо къ больной.

— Давно? — спросилъ онъ у дьяконши.

— Почти съ полуночи...

Онъ взглянулъ на дѣвочку. Въ эти нѣсколько часовъ она совсѣмъ измѣнилась. Лицо посинѣло и сдѣлалось длиннымъ, глаза были мутны и казались большими. Фельдшеръ доложилъ ему обо всемъ, что было сдѣлано. Кажется, было сдѣлано все. Забыли о припаркахъ, но докторъ хорошо зналъ, что припарки тутъ ничего не помогутъ. На столѣ, въ стаканѣ, стоялъ полынный чай Амвросія. Очевидно, его уже давали больной. Дьяконша и фельдшеръ принялись дѣлать припарки.

Дьякъ стремительно потащилъ доктора въ другую комнату. Здѣсь было еще полутемно и горѣла лампада. Онъ вдругъ бросился передъ докторомъ на колѣни и заговорилъ прерывистымъ шопотомъ:

— За что мнѣ? За что мнѣ такое наказаніе? За что ей? Что она сдѣлала? Что мы сдѣлали дурного? Спасите же, спасите!

Крыницкій осторожно поднялъ его и усадилъ на стулъ. Положеніе его было тяжелое. Машенька показалась ему безнадежной. Онъ, конечно, могъ ошибиться, молодой организмъ, можетъ-быть, и вынесетъ, но по совѣсти онъ не могъ обѣщать этого Амвросію. Между тѣмъ, нельзя было сказать ему: нѣтъ.

— Все, что въ нашей власти, сдѣлаемъ! Успокойтесь, мой другъ! — сказалъ онъ. — Сидите здѣсь и не мѣшайте намъ.

— Хорошо, хорошо, я буду сидѣть смирно-смирно! — покорно сказалъ дьякъ и остался на мѣстѣ.

Докторъ вышелъ въ первую комнату. Больная тяжело дышала и уже не могла стонать. Фельдшеръ подошелъ къ нему и сказалъ тихо:

— Кончается!..

— Молчите! — шепнулъ ему докторъ.

Но у Амвросія въ эту минуту всѣ чувства были страшно напряжены. Онъ услышалъ неосторожно сказанное слово и стрѣлой выбѣжалъ изъ кабинета. Въ одно мгновеніе онъ очутился на колѣняхъ у изголовья больной и, громко рыдая, склонилъ свою голову ей на грудь.

— Боже милосердый, Боже милосердый!.. Смилуйся, смилуйся же!—кричалъ онъ отчаяннымъ голосомъ, прерываемымъ рыданіями. — Машенька! Голу-у-бушка... Дитя мое дорогое... Утѣшеніе... Машенька!.. Что ты? Что ты?..

И онъ упалъ на полъ, лишившись чувствъ.

Машеньки уже не было. Онъ почувствовалъ, что руки ея холодны, и страшное, невыразимое отчаянье схватило его и лишило его сознанія.

Его перенесли въ кабинетъ, помогли ему очнуться. Когда онъ открылъ глаза, по лицу его можно было видѣть, что онъ знаетъ истину. Онъ не подвинулся съ мѣста и просидѣлъ долго-долго безъ движенія, безъ словъ. Несчастный старикъ боялся, что Машенька можетъ лишиться его, но никогда ему въ голову не приходила мысль, что онъ можетъ лишиться Машеньки. Какъ-то все думалось, какъ-то казалось неестественнымъ, что это юное, полное силъ, цвѣтущее, улыбающееся существо вдругъ завянетъ.

Къ вечеру собирались хоронить Машеньку. Дѣвочка лежала на столѣ въ первой комнатѣ. Лицо ея было изжелта-блѣдно и длинно, и теперь докторъ, глядя на нее, припоминалъ увѣреніе Амвросія, что она походитъ на покойную жену его. Въ самомъ дѣлѣ, Машенька была вылитая

мать. Докторъ и ту видѣлъ на столѣ, и она была совершенно такая же.

Страшная перемѣна произошла съ Амвросіемъ. Онъ не рыдалъ, не проливалъ слезъ, а тихо сидѣлъ въ уголку, опустивъ голову. Онъ былъ сраженъ этой страшной утратой и совсѣмъ потерялся.

Какъ ни боялся о. Макарій за свое здоровье, но не могъ не выйти изъ дому, чтобы похоронить дочку Амвросія. На похоронахъ было много народу. Амвросій шелъ позади всѣхъ, и скорбь его выражалась только въ томъ, что онъ ежеминутно теръ лобъ рукой и закрывалъ глаза. Что онъ думалъ въ эти минуты? Укорялъ ли онъ судьбу за несправедливость и жестокость? Смиренно ли преклонялся передъ волей Бога?

Когда Машеньку зарыли и насыпали надъ нею холмъ изъ мягкой сыроватой глины, Амвросій протискался къ могилѣ и припалъ къ землѣ всѣмъ тѣломъ. «Машенька, Машенька!» — беззвучно шептали его губы. И онъ долго прижималъ сырую землю къ своей груди, а потомъ всталъ и, какъ-то ни на кого не глядя, промолвилъ:

— Сирота я теперь, сирота, православные! Сирота!..

И съ понуренной головой пошелъ домой.

Когда докторъ, догнавши его, пришелъ вмѣстѣ съ нимъ къ церковному дому, онъ увидѣлъ подъѣхавшую къ воротамъ городскую коляску.

— Кто бы это могъ быть? — сказалъ онъ вслухъ.

Дьякъ, погруженный въ свои мысли, не слышалъ его вопроса и не видѣлъ коляски. Онъ прошелъ прямо въ свою квартиру.

Крыницкій подошелъ къ коляскѣ. Оттуда вышелъ незнакомый ему священникъ, старикъ, въ камилавкѣ, съ крестомъ на груди.

Гдѣ тутъ живетъ дьякъ Амвросій Яровой? — спросилъ старый священникъ.

— Онъ тутъ живетъ. А что?

— Я отъ преосвященнаго... Я — благочинный. Преосвященный приказалъ передать ему архипастырское благословеніе и денежныя средства прислалъ на его благотворенія... А позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь бесѣдовать?

— Я — здѣшній врачъ, земскій врачъ Крыницкій...

— Ахъ, вотъ! Скажите же, пожалуйста, что за благотворная дѣятельность такая этого дьяка? Знаете, преосвященнаго часто надуваютъ...

— Дьякъ — честнѣйшій человѣкъ! — съ глубокимъ убѣжде-

ніемъ сказалъ докторъ. — Онъ всего себя отдаетъ несчастнымъ... И вотъ пострадалъ, дочь потерялъ... Только-что хоронили.

— А-а, какое несчастье! И какого возраста дѣвица?

— Двѣнадцати лѣтъ.

— Подростокъ!.. Ну, а какъ же мнѣ его найти? Вѣдь вотъ преосвященный велѣлъ мнѣ самому тащиться... А я старъ, видите...

— Вы, батюшка, лучше ужъ не тревожьте его. Онъ въ страшномъ горѣ... Я вамъ совѣтую къ священнику заѣхать и ему передать... Кстати отецъ Макарій—членъ комитета...

Благочинный подумалъ, потомъ поблагодарилъ доктора, сѣлъ въ коляску и поѣхалъ къ отцу Макарію.

Крыницкій пошелъ къ дьяку. Амвросій сидѣлъ за столомъ и молча вытиралъ слезы.

— Вотъ и слезы явились, легче стало... А то было тяжко какъ!—сказалъ Амвросій:—какъ помяну, что она, моя голубка, была тутъ, сидѣла вотъ на этомъ мѣстѣ и нѣтъ ея... Охъ, Господи, Господи! Жестоко наказуешь!.. Жестоко!..

— Вамъ преосвященный свое благословеніе прислалъ!—промолвилъ докторъ.

— Неужто прислалъ?—спросилъ дьякъ, и на его блѣдномъ лицѣ появилось какъ бы нѣкоторое просвѣтлѣніе.

— Да, благочинный пріѣхалъ... и деньги отъ архіерея привезъ...

Дьякъ перекрестился.

— Слава Тебѣ, Господи! — грустнымъ голосомъ сказалъ онъ.—Видно, Богъ хочетъ, чтобы я еще поработалъ!.. Испытуетъ!.. Испытуетъ!.. Охъ!..

Онъ опять вытеръ слезы. Слезы въ самомъ дѣлѣ немного облегчили его горе. Докторъ остался съ нимъ до вечера.

На другой день дьяка видѣли за работой. Онъ опять возился съ больными и хлопоталъ насчетъ провизіи для своихъ трапезниковъ. Только съ лица его не сходила блѣдность, и глубокая грусть свѣтилась въ его заплаканныхъ глазахъ. Но архіерейское благословеніе сильно поддержало его духъ.

Докторъ заѣзжалъ къ нему каждый день и развлекалъ его своими шутками. Послѣ смерти Машеньки они крѣпко сблизились и сдѣлались закадычными друзьями. Крыницкій уже не смотрѣлъ на дьяка, какъ на «интересный психологическій экземпляръ». Онъ говорилъ про него: «Подъ этимъ засаленнымъ кафтаномъ великое сердце живетъ».

ОКТАВА.

ОКТАВА.

(Очеркъ).

I.

Дѣло было въ субботу. Пѣвчіе явились часа въ три дня на спѣвку, были всѣ въ сборѣ и никто ничего не подозрѣвалъ. Наблюдательность ихъ не шла настолько далеко, чтобъ замѣтить, какіе свирѣпые глаза были у регента Вертоградова, когда онъ взялъ въ руки скрипку, засучивъ предварительно рукава парусиноваго пиджака, и, сильно нажимая смычкомъ по струнамъ, началъ подтягивать квинту, которая не доносила. При этомъ регентъ щурилъ лѣвый глазъ, кривилъ ротъ и вообще дѣлалъ такія невѣроятныя гримасы, какъ будто хотѣлъ разсмѣшить весь хоръ. Но онъ, разумѣется, этого не хотѣлъ, и у него на душѣ было совсѣмъ другое.

Спѣвка была, такъ сказать, генеральная, потому что завтра, во время обѣдни, предполагалось исполнить въ первый разъ новое «Отче Нашъ». И пѣвчіе исполняли свои партіи совершенно правильно, но щепетильному регенту все казалось, что гдѣ-то чего-то не достаетъ, и онъ ежеминутно схватывалъ скрипку и бросался съ нею на помощь то къ тенорамъ, то къ дискантамъ, то къ басамъ. Особенно его почему-то безпокоили басы. Ему все казалось, что они сбиваются, и опять-таки, неизвѣстно почему, ему казалось, что сбивается не кто иной, какъ октавистъ Шакаловъ, и онъ усиленно наигрывалъ надъ его ухомъ, сопровождая свою игру выразительнымъ взглядомъ въ его сторону.

Шакаловъ, будучи по характеру своему человѣкомъ спо-

койнымъ и терпѣливымъ, долго терпѣлъ, но, наконецъ, поднялъ руку и закрылъ ладонью лѣвое ухо.

Вертоградовъ вскипѣлъ.

— Что же это вы закрываете уши, когда для васъ играютъ!—крикнулъ онъ, стуча смычкомъ по столу, что весь хоръ понялъ, какъ знакъ остановки, и замолкъ.

— Потому что напрасно играютъ! — пробасилъ Шакаловъ такимъ низкимъ и гремучимъ голосомъ, что, казалось, голосъ этотъ выходилъ изъ-подъ полу.

— Какъ напрасно? — продолжалъ кипятиться регентъ.

— А такъ напрасно!—спокойно и нисколько не повышая голоса, отвѣтилъ Шакаловъ.

— А вотъ мы увидимъ! Пойте дальше!

Хоръ запѣлъ, и никто не слышалъ, чтобы Шакаловъ сбивался, а Вертоградовъ слышалъ и искренно вѣрилъ въ это, хотя, на самомъ дѣлѣ, этого и не было. Впрочемъ, иначе и быть не могло, если принять во вниманіе, что въ душѣ регента было такое чувство противъ октависта, что если бы тотъ сидѣлъ передъ нимъ и молчалъ, то регенту все же казалось бы, что онъ сбивается.

Но все это было пустое въ сравненіи съ главнымъ, а главное-то было въ финалѣ. Допѣли до «отъ лукаваго», которое тянулось очень долго и величественно и вся суть котораго заключалась въ томъ, что въ унисонъ съ басами его тянула октава. Благодаря этому, получалось нѣчто поразительное. И вотъ тутъ-то Вертоградову и показалось, что октава окончательно не дотягиваетъ.

— Вы не доносите! — сказалъ онъ, опять остановивъ пѣніе и обращаясь къ Шакалову.

— Чего вы пристаете ко мнѣ? — вдругъ спросилъ тотъ.

— Не пристаю, а не доносите, говорю вамъ...

— Я не доношу?—съ легкимъ изумленіемъ воскликнулъ Шакаловъ.

— А то кто же, я, что ли?

— Гм!.. Это удивительно. Въ первый разъ въ жизни слышу, что октава можетъ не доносить! А я такъ думаю, что это у васъ уши не тово... не въ порядкѣ...

— Что такое?

— Уши, говорю, не въ порядкѣ...

— А я полагаю, что у васъ голова не въ порядкѣ! — промолвилъ регентъ, сверкнувъ очами.

— Гм... Чего добраго!—повидимому, добродушно замѣтилъ Шакаловъ и даже пощупалъ правой рукой свою го-

лову, какъ бы желая убѣдиться, въ порядкѣ ли она. Но вслѣдъ за этимъ онъ протянулъ свою длинную руку къ окну, взялъ свою фуражку изъ синяго сукна съ широкимъ прямымъ козырькомъ и направился къ двери.

Регентъ опѣшилъ, очевидно, не ожидая такого рѣшительнаго шага.

— Куда вы?—спросилъ онъ.

— Кто, я?—промолвилъ Шакаловъ, остановившись на полдорогѣ.—Я къ брату съѣзжу, въ Кардановку... Можетъ, тамъ и голову починю!..

— Да вы съ ума сошли!—воскликнулъ Вертоградовъ.— Завтра архіерейское служеніе, а онъ въ деревню ѣдетъ... Ей-Богу, вы съ ума сошли, Шакаловъ...

— А чего добраго! Можетъ, оно такъ и есть! Прощайте, братцы!

Послѣднее восклицаніе онъ произнесъ по адресу всего хора и затѣмъ неторопливо вышелъ изъ пѣвческой, надѣвъ фуражку на свою низко остриженную голову.

Вертоградовъ задумался. Шакаловскій нравъ былъ хорошо ему извѣстенъ. Человѣкъ-то онъ добродушный и мягкій, но бываютъ съ нимъ такіе случаи, что вдругъ взбредетъ въ голову что-нибудь нелѣпое, неосновательное, никуда негодное, онъ возьметъ да и сдѣлаетъ. И на этотъ разъ регентъ былъ совершенно увѣренъ, что Шакаловъ уѣдетъ въ подгородное село, гдѣ братъ его служитъ дьякономъ. А какія отъ этого произойдутъ послѣдствія, даже предвидѣть невозможно, и лучше о нихъ не думать.

И Вертоградовъ вдругъ опомнился. Онъ выскочилъ изъ пѣвческой безъ шапки и со смычкомъ въ рукахъ и крикнулъ вслѣдъ Шакалову, который успѣлъ уже пройти весь дворъ и приближался къ калиткѣ:

— Послушайте, Шакаловъ!.. Ѳедоръ Игнатьичъ! Вернитесь, да вернитесь же! Ну, я извиняюсь! Извините, Ѳедоръ Игнатьичъ! Ну?!

Но Шакаловъ, несмотря на то, что регентъ сдѣлалъ ему такую честь и назвалъ его даже Ѳедоромъ Игнатьичемъ, даже не обернулся, а только какъ-то позади себя махнулъ рукой, отворилъ калитку и скрылся.

Вертоградовъ постоялъ съ минуту, потомъ плюнулъ и возвратился въ пѣвческую.

— Окончательно съ ума спятилъ человѣкъ! — сказалъ онъ со злостью, швырнувъ смычокъ на столъ. — Ну, те-

перь «Отче Нашъ» надо бросить, потому что безъ октавы ничего не выйдетъ!..

И онъ распустилъ пѣвчихъ по домамъ.

II.

До всенощной оставалось часа два, и Вертоградовъ, даже не зайдя домой перекусить, тотчасъ же сталъ принимать мѣры. Прежде всего онъ зашелъ на квартиру къ Шакалову, но тутъ узналъ, что октавистъ забѣжалъ только на минуту, захватилъ четвертку табаку и уѣхалъ. Было ясно, что Шакаловъ рѣшился дѣйствовать безъ послабленій. Вертоградовъ взялъ самаго лучшаго извозчика, какой только былъ въ городѣ, и велѣлъ, что есть мочи, катить въ предмѣстье, гдѣ служилъ братъ октависта. Онъ разсчиталъ, что успѣетъ вернуться ко всенощной, и въ душѣ давалъ клятвы обнаружить передъ Шакаловымъ всю любезность, какая только найдется у него въ сердцѣ. Мало этого. Онъ рѣшился завести рѣчь о томъ, что служило у нихъ причиной раздора, и даже на этомъ пунктѣ готовъ былъ сдѣлать кой-какія уступки. Очевидно, что для него было слишкомъ важно, чтобы сегодня на всенощной и завтра въ обѣднѣ въ хорѣ звучала октава. И дѣйствительно, это было очень важно. Начать съ того, что хоръ безъ октавы напоминалъ бы собою домъ, который построенъ безъ фундамента и стоитъ даже не на пескѣ, а такъ, на воздухѣ. Какъ бы ни былъ жидокъ хоръ, но когда октава зароется въ низы и начинаетъ тамъ мелодически гудѣть, то пѣніе пріобрѣтаетъ полноту и стройность, и всѣ недостатки скрадываются. Это важно, но есть вещи еще поважнѣе.

Дѣло въ томъ, что преосвященный-то очень любитъ октаву вообще и Шакалова, обладателя ея, въ частности. Будучи человѣкомъ мало разговорчивымъ и даже суровымъ, владыко всякій разъ, когда встрѣчаетъ Шакалова, проясняется и непремѣнно вступаетъ въ разговоръ.

— Ну, что, октава? Ревешь, а?—шутливо спроситъ онъ.

А Шакаловъ осклабится и отвѣтитъ:

— Ревемъ, ваше преосвященство!

И чтобы сказать это, соберетъ всѣ свои силы и возьметъ тонъ какъ можно ниже. Преосвященный разсмѣется и потомъ долго остается въ пріятномъ настроеніи. Случалось даже такъ, что, когда онъ очень гнѣвается, а тутъ надо доложить ему какое-нибудь дѣло, такъ Шакалова нарочно подпускали къ нему, и онъ шелъ, когда

архіерей гулялъ въ своемъ саду, и дѣлалъ видъ, будто встрѣтился случайно. Происходилъ обычный разговоръ, результатомъ котораго являлось доброе настроеніе,—тогда и дѣло докладывали, и все кончалось благополучно.

Но и это еще не все. Къ Шакалову питалъ благодарность весь соборный причтъ, начиная отъ главнаго протоіерея и кончая послѣднимъ понамаремъ. Вѣдь не кто другой, какъ онъ, по праздникамъ собиралъ полную церковь народа, привлекая богомольцевъ изъ другихъ приходовъ. Это было изслѣдовано достовѣрно. Однажды Ѳедоръ Игнатьевичъ заболѣлъ и пролежалъ мѣсяцъ, и что же? Тотчасъ же было замѣчено, что богомольцевъ въ соборѣ стало меньше. Нѣтъ, что ни говорите, а октава въ хорѣ важная вещь, удивительно важная вещь. Да, наконецъ, и самъ губернаторъ... Впрочемъ, это будетъ видно дальше.

Итакъ, Вертоградовъ, рѣшившись поступиться многимъ, поѣхалъ въ догонку за Шакаловымъ. Конечно, онъ готовъ былъ пожертвовать многимъ, но не всѣмъ, далеко не всѣмъ. Тутъ, пожалуй, можно коснуться самаго главнаго вопроса и разсказать, что̀ собственно было причиной вражды между двумя столь необходимыми элементами архіерейскаго хора.

Впрочемъ, легко догадаться, что это была женщина, которую звали Марѳой Ильиничной. Это была довольно извѣстная въ городѣ особа, и притомъ весьма почтенная и уважаемая. Покойный мужъ ея, чахоточный мѣщанинъ Арефій Поспѣловъ, владѣлъ бакалейной торговлей, которую и ей оставилъ въ наслѣдство. Она овдовѣла очень рано. Ей теперь было всего двадцать восемь лѣтъ, а что она была пригожа и обладала бѣлымъ и полнымъ тѣломъ, въ этомъ были согласны всѣ.

Пристрастіе къ хоровому пѣнію Марѳа Ильинична обнаруживала еще при покойномъ мужѣ. Тотъ не особенно любилъ это, но такъ какъ онъ былъ безъ ума отъ Марѳы Ильиничны, то страсть эту допускалъ и поощрялъ. Послѣ его смерти хоровое пѣніе для Марѳы Ильиничны мало-помалу стало олицетворяться въ двухъ представителяхъ хора—въ регентѣ Вертоградовѣ и въ октавистѣ Шакаловѣ. Богъ знаетъ, почему она избрала эти двѣ противоположности,—такъ какъ у Вертоградова былъ совсѣмъ тоненькій голосъ, даже и не теноръ, а просто тоненькій голосъ. Должно-быть, это вышло роковымъ образомъ.

Но замѣчено было, что Марѳа Ильинична становилась въ церкви очень близко къ клиросу и внимательно смо-

трѣла то на регента, то на октависта. Необходимо пояснить, однако, что это она начала дѣлать не ранѣе, какъ по истеченіи шестинедѣльнаго срока послѣ смерти своего мужа. Затѣмъ регентъ и октавистъ стали бывать у нея, выпивать и закусывать. Сначала они дѣлали это мирно, а потомъ вдругъ поняли, что они враги и стоятъ другъ другу поперекъ дороги къ счастью. Счастье же состояло въ томъ, чтобъ получить руку и сердце Мароы Ильиничны, а вмѣстѣ съ этимъ и бакалейную торговлю.

Началась глухая вражда. Регентъ придирался къ октависту, гдѣ только могъ, а октавистъ выкидывалъ эксцентричности, зная, что этимъ досадитъ регенту. Возьметъ, и среди какого-нибудь пѣснопѣнія, какъ разъ гдѣ необходима октава, начнетъ лицемѣрно кашлять или сморкаться, а въ хорѣ въ это время получается пробѣлъ. Вертоградовъ это замѣчаетъ и понимаетъ, въ чемъ тутъ штука, но сказать ничего не можетъ, потому что кашлять и сморкаться—законное право всякаго человѣка.

Съ этихъ поръ они и къ Мароѣ Ильиничнѣ стали ходить врозь: одинъ выходитъ, другой входитъ. И такъ какъ шансы у обоихъ были довольно сильны, то ни одинъ изъ нихъ не рѣшался сдѣлать предложеніе. Сама же Мароа Ильинична пріятно колебалась между регентомъ и октавистомъ и такъ ласково принимала и того, и другого, что, казалось, не прочь была повѣнчаться съ обоими.

Описанный эпизодъ былъ однимъ изъ моментовъ этой борьбы.

Вотъ Вертоградовъ и обдумывалъ теперь, какъ бы это такъ усмирить Шакалова, не поступившись, однакожъ, ничѣмъ существеннымъ, иными словами, — какъ бы обойти его. Вертоградовъ не особенно былъ стоекъ въ словахъ и позволялъ себѣ иногда пообѣщать такое, чего никогда не имѣлъ въ виду исполнить. И въ настоящемъ случаѣ онъ, отчасти имѣя въ виду нѣкоторую простоватость Шакалова, разсчитывалъ на эту свою драгоцѣнную способность, впрочемъ, рѣшивъ прибѣгнуть къ ней только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

III.

Въ предмѣстьѣ въ это время прозвонили уже къ вечернѣ, дьякона не было дома, и въ то время, когда бричка, на которой пріѣхалъ Вертоградовъ, подкатила къ воротамъ дьяконскаго дома, Шакаловъ успѣлъ представиться не-

вѣсткѣ, стряхнуть съ себя пыль и теперь сидѣлъ уже на крылечкѣ за круглымъ столикомъ и благодушно попивалъ квасъ. Вечернее солнце спряталось за пригоркомъ, но его лучи чувствовались въ воздухѣ. Отъ рѣки вѣяло легкой прохладой. Ѳедоръ Игнатьевичъ разстегнулъ пуговицы пиджака и жилетки и, меланхолически глядя на розоватое облачко, мирно плывшее по небу, скручивалъ толстую папиросу, а свѣжая, только-что начатая четвертка табаку лежала передъ нимъ.

Когда бричка остановилась у воротъ, Шакаловъ повернулъ голову къ воротамъ.

— О! — густо пробасилъ онъ. — Еще гость! Кто бы это могъ быть? Святитель Николай угодникъ! — воскликнулъ онъ затѣмъ, разглядѣвъ Вертоградова, который переходилъ уже черезъ дворъ и приближался къ крыльцу. — Да это Вертоградовъ! Какими судьбами, Антонъ Михайлычъ? Какъ же это вы? Даже всенощное бдѣніе рѣшились прекратить? Вотъ такъ чудеса!

Само собою разумѣется, что Шакаловъ, несмотря на свое простодушіе, очень хорошо понималъ, зачѣмъ пріѣхалъ Вертоградовъ. Не даромъ же онъ, послѣ только-что происшедшей ссоры, принялъ шутливый, любезный тонъ. Это объяснялось отчасти и тѣмъ, что здѣсь онъ чувствовалъ себя немного хозяиномъ и любезность считалъ долгомъ гостепріимства. Верторградовъ подошелъ къ столику и укоризненно покачалъ головой.

— И не стыдно вамъ, и не грѣшно, Ѳедоръ Игнатьевичъ! Ну, можно ли такъ безбожно казнить человѣка? Ай-ай-ай!

— Какъ казнить? Зачѣмъ казнить? — съ лицемѣрнымъ удивленіемъ спросилъ Шакаловъ.

— Да какъ же? Вы не знаете, что безъ васъ хоръ, все равно, что — фу, вотъ что такое онъ безъ васъ! И вдругъ передъ самой всенощной уѣзжаете... Развѣ это не казнь?

Тутъ Вертоградовъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду слегка польстить октависту. Шакаловъ пододвинулъ ему стулъ и любезно сказалъ:

— Садитесь, Антонъ Михайловичъ. Да не хотите ли квасу?

— Спасибо. Некогда. Времени очень мало имѣю... Ну, какъ же, Ѳедоръ Игнатьичъ,—продолжалъ Вертоградовъ:— ѣдемъ со мной!

— Какъ ѣдемъ? Да зачѣмъ же я пріѣхалъ? Я отдохнуть

хочу... И притомъ насчетъ головы, какъ вы сами сказали, Антонъ Михайлычъ...

— Э, полноте, я погорячился... Это со всякимъ бываетъ, и съ вами можетъ случиться... Ей-Богу же, ѣдемъ, Ѳедоръ Игнатьевичъ... Сами посудите, всенощная, что преосвященный скажетъ? Вѣдь вамъ ничего, вы что-нибудь взболтнете, а мнѣ какой нагоняй будетъ!.. И за что вы такъ, право, на меня? Ахъ, Боже мой, Боже мой!..

Шакаловъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, ужъ я тутъ останусь... Что мнѣ! Вы какъ-нибудь обойдетесь, а зато по другимъ дѣламъ безъ меня лучше успѣете, право!

Это было сказано съ такимъ ехидствомъ, какого отъ Шакалова даже трудно было ожидать. Вертоградовъ, разумѣется, понялъ, о какихъ такихъ «другихъ дѣлахъ» онъ говоритъ, и нашелъ, что это и есть моментъ для того, чтобы «поступиться».

— Послушайте! — заговорилъ онъ съ сердечной ноткой въ голосѣ. — Зачѣмъ вы это говорите? Ни въ какихъ другихъ дѣлахъ я успѣвать не намѣренъ. И я вамъ по совѣсти вотъ что скажу, Ѳедоръ Игнатьевичъ: никогда я на нее, то-есть на Марѳу Ильиничну, серьезныхъ намѣреній не имѣлъ и не имѣю... Это я вамъ прямо говорю, по чистѣйшей совѣсти... И даже такъ вамъ скажу (тутъ Вертоградовъ подумалъ: «коли врать, такъ врать»), скажу я вамъ, что у меня совсѣмъ другой предметъ имѣется...

— Ой ли?—съ глубокимъ недовѣріемъ спросилъ Шакаловъ.

— Пусть я не буду больше регентомъ архіерейскаго хора, если это не такъ.

Тутъ Вертоградовъ помыслилъ: «регентомъ-то я все равно останусь, потому больше некому».

— О-го! — пробасилъ Шакаловъ.

— Увѣряю васъ, Ѳедоръ Игнатьевичъ! И дѣлайте вы, что хотите, со своей Марѳой Ильиничной. Совсѣмъ она мнѣ даже не по вкусу!.. Толстая очень, и носъ большой...

— Ну, это вы врете!—съ достоинствомъ вступился Шакаловъ.—Совсѣмъ она не толстая, а какъ слѣдуетъ, и насчетъ носа тоже неправильно: носъ у нея даже очень пріятный...

— Какъ вамъ угодно! А только ѣдемъ, ѣдемъ, Ѳедоръ Игнатьевичъ! Время не терпитъ! Черезъ сорокъ минутъ ко всенощной заблаговѣстятъ...

— А я все-таки не поѣду...

— Ѳедоръ Игнатьевичъ! — умоляющимъ голосомъ воскликнулъ Вертоградовъ.

— Нѣтъ, не поѣду! По правдѣ сказать, мнѣ-таки надо подышать свѣжимъ воздухомъ. Это и для октавы полезно. Это мнѣ одинъ докторъ говорилъ...

— Ну, что вамъ стоитъ?

— Не поѣду я, Антонъ Михайловичъ. Я вотъ посижу здѣсь вечерокъ и подумаю. Можетъ, и придумаю завтра къ обѣднѣ пріѣхать!.. А сегодня даже и не просите!..

Вертоградовъ чуть не плакалъ. А межъ тѣмъ времени у него больше не оставалось ни одной минуты. Осталось ровно столько, чтобы поспѣть ко всенощной. Онъ всталъ.

— Жестокій вы человѣкъ, Ѳедоръ Игнатьевичъ! Вполнѣ жестокій и безчеловѣчный!

Тутъ онъ махнулъ рукой, сѣлъ въ бричку и уѣхалъ. По дорогѣ онъ разсуждалъ съ досадой:

«Даромъ только порохъ потратилъ, и притомъ за извозчика восемь гривенъ придется заплатить. Вотъ чортъ! Вотъ скимень рыкающій, ужъ поистинѣ рыкающій... Хоть бы его надоумило къ обѣднѣ пріѣхать, все-таки легче. Сегодня, если преосвященный спроситъ, скажу, что заболѣлъ простудой!.. Ну, нѣтъ, однако, шалишь, Марѳы Ильиничны я тебѣ не уступлю! Тоже захотѣлъ! Главное тутъ бакалейная лавка... Дѣло хорошее! Можно будетъ и регентство бросить, и на всѣхъ Шакаловыхъ наплевать. Еще съ соборнымъ старостой сговорюсь, чтобъ забиралъ у меня деревянное масло для лампадокъ, непремѣнно сговорюсь. Нѣтъ, тутъ есть изъ-за чего потягаться!..»

Когда онъ подъѣзжалъ къ собору, раздался первый ударъ праздничнаго благовѣста.

«Охъ, многіе богомольцы будутъ сегодня недовольны! — со вздохомъ подумалъ онъ. — Оно и дѣйствительно: хоръ безъ октавы — такъ себѣ, ни то, ни сё, сухо какъ-то выходитъ. Все равно, что каша безъ масла...»

Съ этими мыслями онъ вошелъ въ соборъ, гдѣ пѣвчіе уже были въ сборѣ.

IV.

Какъ только раздалось пѣніе перваго возгласа, Вертоградовъ первый покрутилъ носомъ: «Не то, не то», — мысленно проговорилъ онъ; а по мѣрѣ того, какъ шла вечерня, въ прихожанахъ замѣчалось безпокойство. Они

сперва и сами не понимали, чего собственно имъ не достаетъ, но всѣ вмѣстѣ съ Вертоградовымъ чувствовали, что «не то, не то».

Неподалеку отъ клироса по обыкновенію стояла Мареа Ильинична. Вертоградовъ посматривалъ на нее искоса, однимъ только лѣвымъ глазомъ, и замѣчалъ, что лицо ея выражаетъ какъ бы легкій испугъ. Можетъ-быть, во всей церкви никто не былъ такъ огорченъ отсутствіемъ октавы, какъ эта почтенная женщина. И это вовсе не значило, чтобъ она уже рѣшила предпочесть Шакалова Вертоградову, о, нѣтъ, но для того, чтобы душа ея могла какъ слѣдуетъ умилиться, необходимо было, чтобъ въ хорѣ присутствовали они оба, чтобъ Вертоградовъ задавалъ тонъ и сдержанно махалъ рукой, а шакаловская октава тихо гудѣла, пронизывая и сдабривая всѣ голоса, придавая имъ мягкость, полноту, звучность. И она была смущена и не могла молиться такъ, какъ ей хотѣлось бы. Ея взоры то и дѣло направлялись въ то мѣсто клироса, гдѣ обыкновенно стоялъ Ѳедоръ Игнатьевичъ, словно она думала, что Вертоградовъ нарочно изъ ревности пряталъ его среди дискантовъ, и будто она не теряла надежды, что вотъ-вотъ среди могучихъ спинъ остальныхъ басовъ вырисуется прямая и стройная спина Шакалова. Но нѣтъ: вечерня шла своимъ порядкомъ, а Шакаловъ не появлялся.

Рѣшительно встревожились прихожане. Незамѣтно для самихъ себя, они всѣ перешли на правую сторону, гдѣ стоялъ хоръ, и съ недоумѣніемъ прислушивались. Но, наконецъ, вся церковь поняла, чего именно не достаетъ хору,— октавы. Въ особенности это стало ясно, когда запѣли тихое, таинственное «Слава въ вышнихъ Богу». Тутъ октава была совершенно необходима. Она должна была затягивать концы стиховъ и долго-долго отдаваться подъ глубокими сводами церкви.

Тревога начала выражаться активно. Первымъ всполошился церковный староста, толстый, почтенный владѣлецъ многихъ хлѣбныхъ баржъ на мѣстной рѣкѣ, тотъ самый, съ которымъ Вертоградовъ имѣлъ въ виду сговориться насчетъ деревяннаго масла для лампадъ. Онъ прислалъ на клиросъ церковнаго сторожа узнать, что такое случилось съ октавой.

— Скажи, что октава боленъ... Боленъ, скажи!—нетвердымъ голосомъ отвѣтилъ Вертоградовъ, и при этомъ всѣ пѣвчіе двусмысленно переглянулись.

— А какою болѣзнью, велѣно узнать? — спросилъ сторожъ.

— Болѣзнь? Гм!.. Простудная болѣзнь... Сквознымъ вѣтромъ прохватило...—съимпровизировалъ регентъ, и сторожъ понесъ эту печальную вѣсть церковному старостѣ.

Многіе изъ почтенныхъ прихожанъ подходили къ клиросу, тихонько толкали кого-нибудь изъ пѣвчихъ и шопотомъ освѣдомлялись о томъ, куда дѣвалась октава. Ихъ успокаивали тѣмъ, что повторяли слова Вертоградова про простудную болѣзнь. Но вотъ кто-то толкнулъ самого Вертоградова. Онъ оглянулся съ досадой, потому что это начинало надоѣдать и мѣшало пѣть. Но каково было его изумленіе, когда оказалось, что это самъ губернаторъ. Онъ всегда посѣщалъ службу въ соборѣ и очень цѣнилъ талантъ Шакалова. Вертоградовъ почтительно перегнулся черезъ рѣшетку такимъ образомъ, что его ухо пришлось у самаго губернаторскаго рта.

— Почему же сегодня господина октависта вашего нѣтъ?— огорченнымъ тономъ спросилъ губернаторъ.

— Онъ хвораетъ, ваше высокопревосходительство! — отвѣтилъ Вертоградовъ, подумавъ при этомъ: «коли врать, такъ ужъ и губернатору врать».

— Гм!.. И что же, серьезно хвораетъ?

— Нѣтъ, не то чтобы, а такъ, ваше высокопревосходительство...

— Гм!.. Какъ жаль, какъ жаль!.. У него такой пріятный голосъ... И это, знаете, придаетъ, такъ сказать, благолѣпіе... Вотъ что: я попрошу своего доктора зайти къ нему... Онъ гдѣ живетъ?

Вертоградовъ прикусилъ языкъ. Обычная находчивость измѣнила ему, и онъ не зналъ, что сказать. Но вдругъ его осѣнила мысль:

— Ваше высокопревосходительство, это не поможетъ... Онъ просто, какъ бы сказать, съ похмелья, что называется...

— А онъ развѣ пьетъ?

— Случается, ваше высокопревосходительство...

— Какъ жаль, какъ жаль!..

Губернаторъ отошелъ, а Вертоградовъ, поднявшись, почувствовалъ, что у него все лицо мокро отъ пота и красно. Тутъ онъ мысленно проклялъ Шакалова за всѣ огорченія, какія ему сегодня пришлось испытать изъ-за октавы. Но это было еще не все. Въ скорости послѣ разговора съ губернаторомъ, его потребовали въ алтарь къ самому архіе-

рею. Тутъ его спросили строго, — почему нѣтъ Шакалова. Но Вертоградовъ въ такой степени уже привыкъ къ своей собственной выдумкѣ, что почти вѣрилъ ей, и онъ отвѣтилъ архіерею безъ запинки и притомъ голосомъ, въ которомъ слышалось соболѣзнованіе:

— Не такъ-то здоровъ, ваше преосвященство!

Архіерей, не слишкомъ довѣрявшій словамъ регента и цѣнившій въ немъ только музыкальныя свѣдѣнія, пытливо посмотрѣлъ на него, но въ виду того, что время было молитвенное, не разспрашивалъ и отпустилъ его. Это объясненіе такъ легко досталось Вертоградову, что онъ даже не вспотѣлъ и вышелъ изъ алтаря съ легкимъ сердцемъ. И думалось ему, что всѣ главныя лица удовлетворены по части октавы, а между тѣмъ его ждало еще настоящее огорченіе.

Послѣ всенощной, когда онъ уже сошелъ съ возвышенія и направился къ выходу, имѣя въ виду догнать въ церковной оградѣ Мареу Ильиничну и, безъ конкуренціи, проводить ее до дому и попить у нея чайку,—къ нему подошелъ почтенный мужчина купеческаго вида, въ которомъ онъ тотчасъ узналъ торговца сѣномъ и соломой, Онучкина.

— Я имѣю къ вамъ дѣльце, господинъ Вертоградовъ! — сказалъ Онучкинъ, отводя его въ сторону, гдѣ меньше было народу.—Завтрашній день, вечеромъ, моя дочь имѣетъ вѣнчаться съ купеческимъ сыномъ Вьюшкинымъ, знаете, который на Рыбной держитъ торговлю вяленой и сушеной рыбой... Такъ этотъ самый... Желательно, чтобы архіерейскіе пѣвчіе пѣли.

— Что же, — отвѣтилъ Вертоградовъ: — мы съ полнымъ удовольствіемъ...

— А какая будетъ цѣна? — спросилъ Онучкинъ.

— Цѣна обыкновенная: ежели съ двумя полными концертами, кромѣ «Гряди, гряди», которое и такъ полагается, то пятьдесятъ рублей... А ежели безъ концертовъ, а съ однимъ «Гряди», то сорокъ...

— Такъ мы за этимъ не постоимъ. Мы желаемъ на пятьдесятъ, чтобъ все было какъ слѣдуетъ. Только условіе...

— Какое же собственно?

— А то, чтобы непремѣнно октава была... Потому безъ октавы и вѣнчанье какъ бы не полное...

— Гм... Вы желаете октаву?..

— Обязательно. А ежели безъ октавы, то больше двадцати пяти рублей никакъ не могу дать, потому никакой

полноты нѣтъ... Какъ, напримѣръ, сегодня. Притомъ же октава должна апостола выносить... За это, само собою, будетъ особая плата... Такъ по рукамъ, господинъ Вертоградовъ?

— Гм... Да... По рукамъ, по рукамъ!.. Само собою!.. — пробормоталъ Вертоградовъ, а самъ въ это время думалъ: «Октава, октава! А гдѣ я тебѣ возьму октаву, если этотъ быкъ упрется и завтра! Вотъ напасть! Хорошо еще, что онъ не знаетъ, что за него лишнихъ двадцать пять рублей даютъ. Тогда бы окончательно съ нимъ не сладить...»

Такъ былъ огорченъ Вертоградовъ, что, несмотря на рѣдкій случай отсутствія конкуренціи, не пошелъ даже чай пить къ Мароѣ Ильиничнѣ.

Ночь онъ спалъ плохо. Ужъ онъ всячески раскидывалъ умомъ, придумывая средство умилостивить Шакалова, но ничего не могъ придумать. Такъ и на обѣдню онъ пошелъ съ повѣшеннымъ носомъ.

Но какова же была его радость, когда въ тотъ самый моментъ, когда протодьяконъ вышелъ изъ алтаря, чтобъ начать службу, позади клироса послышался густой сочный кашель; весь хоръ оглянулся, и всѣ увидѣли Шакалова, шествовавшаго на клиросъ. Ѳедоръ Игнатьевичъ смиловался и пріѣхалъ.

Отлично пѣли въ этотъ день обѣдню архіерейскіе пѣвчіе. Шакаловская октава звучала какъ-то особенно густо и вкусно, очевидно, укрѣпившись на свѣжемъ воздухѣ предмѣстья. Прихожане перестали тревожиться, а ободренный Вертоградовъ думалъ:

«Ну, и пріударю же я теперь за Мароой Ильиничной! Вдвойнѣ! И бакалея будетъ-таки моя!»

А Мароа Ильинична стояла неподалеку отъ клироса и молилась съ совершенно успокоеннымъ сердцемъ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ РОМАНЪ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ РОМАНЪ.

(Изъ хроники южно-русской деревни).

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Дьявольское навожденіе.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ среди гладкаго, обнаженнаго поля большимъ оазисомъ раскинулось село Панычево съ своей миніатюрной церковью, съ огромнымъ барскимъ домомъ, окруженнымъ великолѣпнымъ фруктовымъ садомъ, съ широкимъ полутораверстнымъ кладбищемъ, своими размѣрами свидѣтельствовавшимъ о гибели многихъ поколѣній, съ двумя — на разныхъ концахъ села — каменными зданіями, съ вывѣсками на фасадахъ: «распивочно и на выносъ»,— Днѣпръ, приближаясь къ устью, разлился широкой полосой. Село Панычево высилось на крутомъ берегу, такъ что съ рѣки можно было разглядѣть только послѣдній — надъ самымъ берегомъ — рядъ мужичьихъ хатъ съ камышевыми крышами, да природную скалистую стѣну берега съ протоптанными тамъ и сямъ тропинками для спуска, а среди этихъ тропинокъ высѣченную лопатами и топорами широкую, отлогую и удобную для ѣзды дорогу, по которой спускались къ Днѣпру и подымались наверхъ крестьянскія телѣги. Стоялъ морозный декабрьскій день. Солнце щедро испускало свои яркіе, холодные лучи, превращая въ блестящій, играющій разноцвѣтными огнями кристаллъ—гладкую безснѣжную поверхность Днѣпра

На рѣкѣ было сильное движеніе. Здѣсь собрались чуть не всѣ панычевцы, исключая самыхъ немощныхъ стариковъ и старухъ, да грудныхъ младенцевъ. Желтые овчинные тулупы, засаленные отъ долголѣтняго употребленія, лоснились на солнцѣ, а которые были поновѣй, тѣ шуршали и издавали сильный, тяжелый запахъ. Въ воздухѣ стоялъ шумъ и гамъ отъ сотни здоровыхъ, звонкихъ голосовъ; парни налетали на дѣвокъ, съ крикомъ и свистомъ захватывали ихъ широчайшими полами своихъ кожуховъ и, разогнавшись, скользили по гладкому льду, пока не наталкивались на препятствіе въ видѣ другой такой же пары, мчавшейся съ другого конца. Дѣвки визжали для доказательства своей скромности и протеста противъ насилія, но въ то же время, тщательно кутаясь въ кожухи похитителей и дрожа всѣмъ тѣломъ, прижимались поближе къ парнямъ. Вонъ тамъ какая-то безшабашная пара, неловко поскользнувшись, полетѣла навзничь и продолжаетъ скользить по льду въ позѣ, которую публика находитъ романической, и потому неистово гогочетъ, выражая этимъ свое удовольствіе. Нѣкоторые изъ парней вооружились коньками мѣстнаго производства, а можетъ-быть, даже и изобрѣтенія. Это просто-на-просто — пара обломковъ отъ ребра издохшей лошади или коровы. Молодые панычевцы умудряются водрузить на нихъ широкія подошвы своихъ «чеботъ» и выдѣлываютъ на льду такія штуки, какимъ позавидовалъ бы любой мастеръ этого дѣла.

По средней линіи рѣки степенно двигались два ряда рыбалокъ, прикрѣпивши свои лямки къ канату, два конца котораго выходили изъ огромныхъ прорубей. Края этихъ прорубей, какъ края переполненной чаши, были окаймлены водой, которая разлилась по льду сажени на три кругомъ. Костюмъ рыбалокъ состоялъ изъ кожаной куртки, неразрывно посредствомъ шва соединенной съ кожаными штанами, къ которымъ плотно прикрѣплены огромные сапоги изъ толстой кожи, вооруженные особаго рода острыми подковами. Въ этомъ костюмѣ рыбалка можетъ входить въ воду, не боясь промокнуть.

Сильно наклонившись впередъ, они двигались медленно и безшумно, а вмѣстѣ съ тѣмъ по дну рѣки подвигался неводъ, запутывая въ своемъ лабиринтѣ попадающуюся по пути добычу. Два ряда рыбалокъ двигались параллельно на протяженіи полуверсты; но по мѣрѣ того, какъ съ каждымъ новымъ шагомъ тяга становилась чувствительнѣй,

они стали сближаться, сводя концы каната къ одной огромной проруби, изъ которой долженъ былъ показаться неводъ. Иногда который-нибудь изъ нихъ апатично замѣчалъ своему сосѣду:

— Эй, Охримъ! заснулъ, что ли? Гляди, лямка какъ у тебя болтается! — и замечтавшійся Охримъ налегалъ на лямку, которая опять натягивалась, какъ струна.

Бабы, въ ожиданіи добычи, степенно бродили по льду съ «лантухами» (мѣшками) въ рукахъ. Лантухи эти были такого размѣра, что не мало рыбы поубавилось бы въ Днѣпрѣ, если бы ихъ всѣ наполнить доверху. Ребятишки въ странныхъ костюмахъ кружились около матерей, наталкивались другъ на друга, падали, ревѣли и гоготали. Тотъ волочилъ позади себя полы кожуха, который вчера еще носилъ батько и въ который можно было упрятать половину его сверстниковъ. Другой, своими дѣтскими ножонками, едва подымалъ огромные батьковскіе сапоги и старался высвободить глаза изъ-подъ слишкомъ помѣстительной сивой наслѣдственной шапки; третій закуталъ голову въ старый материнъ платокъ и походилъ на дѣвочку. Всѣмъ имъ, повидимому, доставляло самое веселое наслажденіе осторожно ходить вокругъ проруби и «хлюпаться» ногами въ разлившейся по льду водѣ.

По одной изъ тропинокъ скалистаго берега робко спускалась къ рѣкѣ маленькая темная фигурка, на которую никто не обратилъ вниманія. Дойдя до рѣки, она остановилась и, повидимому, не рѣшалась двигаться дальше. Съ виду—это былъ мальчикъ, потому что на немъ были узкіе штанишки, обернутые внизу какими-то тряпками, которыя, вмѣсто башмачковъ, окутывали ступни ногъ. Голова его была повязана грязнымъ платкомъ, поверхъ котораго была надѣта фуражка военнаго покроя, а туловище защищалось отъ холода старой, изорванной женской кофтой; въ рукава этой кофты онъ тщательно пряталъ свои маленькія, сильно раскраснѣвшіяся руки.

Онъ сдѣлалъ два шага и очутился на льду. Повидимому, онъ не былъ знакомъ ни съ мѣстностью, ни съ людьми, потому что смотрѣлъ робко и разсчитывалъ каждый шагъ. Онъ дрожалъ отъ холода, и его сильно подмывало присоединиться къ толпѣ ребятишекъ, чтобъ размять члены и погрѣться. Но онъ боялся. Онъ издали присматривался къ лицамъ сонно бродившихъ по льду бабъ, какъ бы отыскивая между ними знакомое. Вотъ къ нему подбѣжала куча

ребятъ. Онъ робко посторонился; его толкнули, онъ поскользнулся и покатился по льду; черезъ него полетѣли другіе; все это кружилось и шумѣло, и, увлеченный этимъ потокомъ, онъ уже кувыркался по льду въ общей кучѣ ребятъ, толкая другихъ, самъ падалъ и съ наслажденіемъ «хлюпался» въ водѣ близъ большой проруби, довольный, что согрѣлся. На него никто не обращалъ вниманія, и дѣти играли съ нимъ, не спрашивая, откуда онъ пришелъ.

Со стороны помѣщичьяго дома къ рѣкѣ сошло небольшое общество, которое рѣзко отличалось отъ всей паныческой публики. Здѣсь было нѣсколько дамъ въ изящныхъ шубкахъ, въ бѣлыхъ мѣховыхъ шапочкахъ и два господина: одинъ—солидный чернобородый, внушительнаго роста; другой—помоложе, подвижной, вертлявый и изящный, съ пучкомъ длинныхъ кудрей, выглядывавшихъ изъ-подъ черной барашковой шапки. Этотъ былъ одѣтъ въ короткое пальто нѣсколько фантастическаго покроя, съ шнурами на груди. На ногахъ красовались ботфорты.

Это «паны» вышли погулять, посмотрѣть на рыбную ловлю. Одна изъ дамъ поднесла къ глазамъ бинокль и начала осматривать публику. Она увѣряла прочихъ, что это чудесная картина, напоминающая ей народную сцену изъ какой-то оперы, и убѣждала молодого человѣка съ шнурами взять рыбную ловлю сюжетомъ для одной изъ своихъ картинъ. Молодой человѣкъ, который, повидимому, былъ художникъ, соглашался съ нею, что это — прекрасный сюжетъ для картины, и въ то же время подвязывалъ себѣ коньки. Проходившіе мимо мужики издали снимали шапки, а которые были подальше — тихонько дѣлали на нихъ счетъ замѣчанія.

— Это она въ прозорную трубу смотритъ! — объяснилъ кто-то, указывая взглядомъ на даму, глядѣвшую въ бинокль.

— Въ ее, я чула, можно и звѣзды видѣть!—прибавила баба, взмахнувъ мѣшкомъ по направленію къ небу.

— Днемъ?—спросилъ одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ.

— Вотъ сказалъ! Днемъ! Какія же звѣзды бываютъ днемъ?!..

— Хе-хе-хе! — осмѣяли всѣ простака. — Днемъ, говоритъ, звѣзды!.. Хе-хе!.. Это развѣ ежели въ пьяномъ видѣ!.. Такъ тогда, бываетъ, и средь ночи солнце увидишь!.. Хе-хе!..

— Такъ это что-жъ ночью? Ночью я и безъ трубы всякую звѣзду увижу. Чего мнѣ труба?—защищался осмѣянный.

— Увидишь, да не такъ... Въ другомъ видѣ!.. Въ эту ежели въ трубу, такъ ты ее наскрозь можешь!..

Парни конфузились и при господахъ не рѣшались налетать на дѣвокъ. Публика вообще какъ-то притихла и разговаривала робко. Только ребятишки, увидѣвъ пановъ, сперва-было опѣшили, а потомъ продолжали свое занятіе.

Молодой человѣкъ съ шнурами принялся поражать присутствующихъ своимъ искусствомъ. Онъ держался молодцовато, очень искусно кувыркался и писалъ ногами разныя слова; преимущественно имена сопровождавшихъ его дамъ. Грамотные ребятишки бѣгали за нимъ и по складамъ прочитывали: «А-нн-а Е-го-ров-на», «Марья Се-ме-нов-на», но передъ однимъ словомъ стали втупикъ, потому что оно было изображено по-французски. Мужики не могли надивиться сугубой грамотности молодого человѣка.

— Тутъ рукою еле-еле выведешь: «Мо-сей Я-год-ка», а онъ тебѣ ногами валяетъ!..— удивился Ягодка, очень почтенный мужикъ, въ сивой шапкѣ и новомъ кожухѣ.

— Да ужъ ихъ столько учатъ, что... Господи прости!.. не токмо ногами, а... и всѣмъ прочимъ запишешь!..

— А вотъ я — такъ ни ногой, ни рукой! И ежели мнѣ расписку, либо тамъ что, такъ прямо крестъ ставлю! — откровенно сознался одинъ изъ рыбалокъ.

Въ это время вдали на рѣкѣ показались сани, запряженныя доброй тройкой. Кони красиво изгибали на-бокъ шеи, звеня бубенчиками и испуская густой паръ.

— Это откупщики ѣдутъ!—послышались голоса.

— Чтобъ имъ въ воду провалиться! — пожелали другіе, потому что появленіе откупщиковъ лишало ихъ возможности поживиться крупной рыбой.

Откупщики заберутъ ее, а панычевцамъ останется мелкота, да и ту придется брать съ бою. Но зато какъ прояснѣли лица рыбалокъ, тянувшихъ лямку? Они увидѣли свой трудъ превращеннымъ въ кредитные рубли.

Сани съ разгону остановились, и изъ нихъ вышли два молодца въ волчьихъ шубахъ, въ высокихъ сапогахъ съ подковками. У нихъ были здоровыя, красныя лица и русыя бороды. Они очень походили другъ на друга и обладали настолько сходными голосами, что трудно было отличить—когда говорилъ одинъ и когда другой. Манеры у нихъ были развязныя и властныя. Братья-откупщики смотрѣли на толпу свысока и отвѣчали кивкомъ головы, когда рыбалки сняли передъ ними шапки.

— А что, Остапъ Егоровичъ, тяжела? — спросилъ откупщикъ, обращаясь къ одному изъ рыбалокъ, шедшему впереди всѣхъ. Мужикъ этотъ былъ высокаго роста, съ худымъ скуластымъ лицомъ, съ густыми и длинными, совершенно сѣдыми усами. Среди рыбалокъ онъ былъ «атаманомъ», поэтому со всякими сдѣлками обращались къ нему.

— Не легка!—отрывисто отвѣтилъ Остапъ Егоровичъ.— Попробуйте, коли хотите!..

— Вижу, вижу! Ишь, какъ нажимаетъ! судакъ больше?..

— Судакъ!.. Ну, и... не безъ коропа тоже! Коропъ — онъ-то и нажимаетъ!.. Онъ завсегда норовитъ книзу.

Рыбалки въ это время еще больше нагнулись впередъ. Нѣкоторые на лицахъ своихъ изобразили, что имъ почти ужъ невмоготу, — такъ тяжела добыча. Въ этомъ собственно они хотѣли убѣдить откупщиковъ. Повидимому, они этого достигли.

— А сколько за-глаза? — спросилъ откупщикъ.

— За-глаза?.. Да намъ нѣту выгоды!—съ видомъ полнѣйшаго равнодушія отвѣтилъ атаманъ. — Этакая тяга когда-ни-когда случится!..

Помолчали, а затѣмъ атаманъ продолжалъ тѣмъ же равнодушнымъ тономъ:

— Сто пятьдесятъ карбованцевъ да ведерко... Этакъ еще куда ни шло, рискнуть можно!.. За судака, да за коропа... Ну, нехай и лещъ вашъ будетъ!.. А мелкота, извѣстно, бабамъ!..

Начался торгъ. Откупщики давали сотню, да притомъ хотѣли отбить себѣ и мелкоту, а бабамъ оставляли только раковъ. Но атаманъ на это никакъ не могъ согласиться. Бабы самого его съѣдятъ вмѣсто рыбы, если онъ это сдѣлаетъ. Это ужъ такъ изстари ведется, что бабамъ идетъ мелкая рыба. Наконецъ, сошлись на ста-двадцати рубляхъ съ ведеркомъ, а откупщикамъ въ придачу къ судаку съ карпомъ и лещемъ дана была щука. Ударили по рукамъ, и атаманъ получилъ половину условленной платы.

Вотъ уже изъ большой проруби стали показываться верхушки невода. Кругомъ все стихло. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали результата. Бабы молили Бога, чтобъ не было ни судака, ни карпа, ни леща, ни щуки, а все была бы мелкота одна; откупщики лелѣяли какъ-разъ противоположныя желанія. Изрѣдка сталъ появляться случайно запутавшійся въ крыльяхъ невода окунь, потомъ къ окуню присоединилась щука, наконецъ, показалась «матня» полная рыбы,

между которой было довольно и судака, и леща, и карпа, и всякой всячины. Все это вываливалось на ледъ нѣсколько въ сторонѣ отъ проруби, и изъ огромной кучи стали отбирать долю откупщиковъ. Потомъ напустили бабъ на оставшуюся мелкоту. Произошла давка. Каждая старалась набрать побольше, но стоявшій тутъ же атаманъ безстрастно посылалъ къ чорту и отталкивалъ всякую бабу, набравшую, по его мнѣнію, достаточно.

— Держи! Спасай! Караул-улъ!—вдругъ раздалось среди этой свалки, и всѣ въ одно мгновеніе оглянулись въ ту сторону, гдѣ была прорубь. Рыбалки кинулись туда съ канатами и шестами. Толпа обступила прорубь.

— Запуска-ай! Тащи-и! Канатъ! Эй, кто тамъ!?—орали со всѣхъ сторонъ.—Хлопченя, а можетъ и дивчинка, кто его знаетъ! Ишь, барахтается!

Въ проруби дѣйствительно барахталось и боролось со смертью маленькое существо. Трудно было опредѣлить полъ его; да и не до того было. Оно изо всѣхъ силъ глупо и совсѣмъ не цѣлесообразно размахивало ручонками, опускалось и вновь подымалось, чтобъ опять погрузиться. Напрасно къ нему протягивали шесты и забрасывали канаты; оно не понимало, въ чемъ дѣло, и не знало, за что ухватиться. Вся бѣда была въ томъ, что никто не рѣшался подойти къ самой проруби, изъ боязни попасть въ нее. Но вотъ маленькое существо видимо ослабѣваетъ. Оно уже не машетъ ручонками, только голова его дѣлаетъ страшное усиліе остаться на поверхности, но туловище тянетъ книзу—и вотъ уже кажется нѣтъ надежды. Въ это время молодой, безусый парень, съ веселымъ, счастливымъ лицомъ, порывисто сбрасываетъ съ себя кожухъ и, крѣпко ухвативши зубами конецъ каната, съ разгону кидается въ прорубь. Нѣсколько секундъ не видно ни его, ни маленькаго существа. Толпа замерла въ тяжкомъ, мучительномъ молчаніи; гдѣ-то вырвался вздохъ; многіе крестятся и шепчутъ молитву: «Господи! двѣ души христіанскія!..» Всѣ ждутъ, а рыбалки тихонько подтягиваютъ кверху канатъ, конецъ котораго остался въ зубахъ у парня. Появляется голова, плечи, и парень выбрасываетъ на ледъ недвижное полуокоченѣвшее существо. Его самого сейчасъ же вытаскиваютъ. Вырывается общій крикъ неистоваго восторга: «Яковъ! Яковъ! Яшка! Ай, да Яшка!» Повсюду прославляется имя парня.

Маленькое существо пролежало съ минуту на льду безъ

малѣйшаго движенія, пока вытаскивали парня. Потомъ кто-то поднялъ его на руки:

— Эй, бабы! у кого платокъ побольше?

Какая-то баба сняла съ головы платокъ. Маленькое существо положили на платокъ и принялись откачивать. Качали съ такой энергіей, что оно взлетало на воздухъ, но это не помогало.

— Три! что есть силы, три!

Тогда началась терка. Ему терли уши и виски, затылокъ, и щеки, и лобъ. Не помогало. Маленькое существо не обнаруживало никакихъ признаковъ жизни. Молодой человѣкъ съ шнурами на груди подлетѣлъ на конькахъ къ толпѣ и подалъ изящный пузырекъ съ жидкостью.

— Это спиртъ. Потрите имъ виски и дайте ему понюхать!—сказалъ онъ.

— Да чѣмъ нюхать-то будетъ, когда оно не дышитъ?!— возразили ему.

Тѣмъ не менѣе стали тереть виски и подносить флаконъ къ носу. Въ это время одна изъ дамъ, — та самая, что смотрѣла «въ прозорную трубу», узнавъ, что изъ проруби вытащили утопленника, упала въ обморокъ. Ей понадобился спиртъ, и молодой человѣкъ съ шнурами отобралъ флаконъ съ такою же изящной деликатностью, съ какой подалъ его. Такъ какъ маленькое существо отказывалось жить, а панычевцы хотѣли во что бы то ни стало настоять на своемъ, то было рѣшено употребить послѣднее и самое отчаянное усиліе. Постарались разнять его сильно стиснутыя челюсти и вновь стали качать. На этотъ разъ были приложены всѣ силы; качали съ какимъ-то остервенѣніемъ, всякій старался ухватиться за уголъ платка, какъ бы разсчитывая общими усиліями — «міромъ» — побѣдить смерть. Кто-то замѣтилъ, что этакъ и мертваго откачать можно.

— Дышитъ!—промолвило нѣсколько голосовъ разомъ, и работа остановилась.

Дѣйствительно, смерть была побѣждена. Всѣхъ охватилъ восторгъ, какъ будто это бѣдное, хилое, оборванное существо принадлежало всѣмъ панычевцамъ или было гордостью всего села. Оно дышало и даже взмахнуло рукой. Тогда стали присматриваться къ нему. До сихъ поръ всѣ видѣли передъ собой только погибающую человѣческую жизнь и необходимость спасти эту жизнь во что бы то ни стало. А его никто не видѣлъ. Что за странное существо! Голова окутана изодраннымъ платкомъ (шапка

военнаго покроя валялась въ сторонѣ); неуклюжая женская кофта съ изодранной подкладкой, изъ-подъ которой торчатъ клочья грязной ваты. На ногахъ, вмѣсто сапогъ, какія-то тряпки. Лицо худое, костлявое, почти безкровное. Губы посинѣли отъ холода и дрожатъ, и весь онъ вздрагиваетъ, словно его мучитъ бѣсъ. Всѣ присматривались и всѣ были поражены. Никто не зналъ его, въ Панычевѣ такого не было, и всѣ видѣли его въ первый разъ. Откуда же взялось это существо? какъ попало сюда? и какъ очутилось въ проруби?..

— Чье оно? — спрашивали изумленные панычевцы другъ у друга, и никто не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Господи! Да ужъ не навожденіе ли это?

«Приблудное какое-то!»— старались объяснить бабы:— шло, шло себѣ куда-нибудь, можетъ изъ города, либо съ хутора какого, и заблудилось! И какое чудное на видъ! Должно-быть, сирота.

Теперь его надобно на печку первымъ долгомъ! — сказалъ кто-то.

— Эге! Первымъ долгомъ на печку!—согласились всѣ:— чтобъ его хорошенько проняло жаромъ! Наскрозь чтобъ!

И всѣ стояли надъ нимъ, оставляя открытымъ вопросъ: кто же возьметъ его въ свою хату и положитъ на печку? Никто изъ присутствовавшихъ еще не ощущалъ въ груди своей такого желанія. У того у самого семья была велика, другой боялся, что это дьявольское навожденіе, которое принесетъ дому несчастье.

— Я думаю, горчишникъ бы ему поставить! Это тоже горячитъ! — продолжали совѣтовать.

— Горилки бы влить ему столбуху! Вотъ это дѣйствительно горячитъ!.. Это я по себѣ знаю!

А «дьявольское навожденіе» все лежало на платкѣ, который растянули на воздухѣ четыре мужика. Оно уже раскрыло глаза, но ничего еще не понимало. Ему было страшно и хотѣлось плакать, но оно и этого не смѣло сдѣлать. А холодъ между тѣмъ пронизывалъ его, и оно дрожало всѣмъ тѣломъ.

— Жинка! чи у насъ печка растоплена? — спросилъ у бабы сухощавый, приземистый мужикъ, въ старомъ полушубкѣ, съ множествомъ свѣжихъ заплатъ.

— Съ утра растоплена!—отвѣчала баба, утвердительно кивая головой, потому что угадывала мысль мужа.

— Такъ бери его въ охапку!—сказалъ мужикъ:—пускай грѣется!

Жинка взяла «дьявольское навожденіе», тщательно завернула его въ платокъ, на которомъ оно лежало, и понесла къ берегу.

— Эхъ! добрая душа у тебя, Ерема! За это тебѣ на томъ свѣтѣ хорошо будетъ! — чрезвычайно серьезно и съ большимъ чувствомъ говорили мужики и бабы. Ерема посмотрѣлъ на нихъ довольно холодно и не сказалъ ни слова, а только подумалъ: «каково-то вамъ будетъ на томъ свѣтѣ?»

— А у самого шесть душъ голышей! И куда только онъ его дѣнетъ?—сочувственно говорили бабы.—Вотъ душа-то!

— Одно къ одному! Бѣднота къ бѣднотѣ! — замѣчали другіе.—Такъ ужъ видно Господь захотѣлъ!

Откупщики наградили Ерему двумя лещами. Великодушный парень Яшка за свой подвигъ получилъ судака. Онъ теперь грѣлся, плотно завернувшись въ кожухъ и дѣлая по льду отчаянные прыжки. Отъ него сильно доставалось дѣвкамъ. Паны ушли домой. Раздача рыбы кончилась. Рыбалки гурьбой отправились въ кабакъ распивать откупщицкое ведро, да своихъ два. Публика расходилась, повторяя съ недоумѣніемъ:

— И откуда оно взялось, Господи ты, Боже мой?!.. Точно изъ воды, изъ-подъ коры ледяной вынырнуло!.. Чудо, какъ есть—чудо!..

II.

Чудо разъясняется.

«Приблудный», между тѣмъ, лежалъ уже на печи. Его положили туда вмѣстѣ съ платкомъ, въ который онъ былъ завернутъ. Сначала онъ ничего не ощущалъ и лежалъ безъ мысли и безъ движенія. Но вдругъ онъ подскочилъ на мѣстѣ; его сильно прижгло, печь была очень нагрѣта; онъ почувствовалъ боль и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то сладостное ощущеніе тепла.

Тогда у него явились мысли. Онъ оглядѣлся кругомъ. Полумракъ; слышится людской говоръ, смѣхъ и плачъ дѣтей. Гдѣ онъ и какъ попалъ сюда? Онъ начинаетъ припоминать. Вчера онъ вмѣстѣ съ другими ребятишками, такими же оборванцами, какъ онъ, бѣгалъ за экипажами при въѣздѣ въ городъ. Они протягивали руки и жалобными голосами кричали: «Дайте копеецку! Позалѣйте! Ѣсть хоцется!» И когда имъ кидали что-нибудь, они дрались между собой, вырывая другъ у друга добычу. Потомъ они

шли къ своимъ матерямъ. Его мамка жила въ какой-то темной, сырой и холодной трущобѣ. Она посылала его просить милостыню и, когда онъ приносилъ что-нибудь, покупала немного хлѣба и доставала водки. Она почти всегда была пьяна и иногда колотила его. Къ ней приходили какіе-то солдаты, ласкали ее, а иногда били, и она била ихъ, а его они тогда высылали вонъ. Спалъ онъ вмѣстѣ съ мамкой, она согрѣвала его своимъ тѣломъ и ему было тепло.

Въ этотъ день мамка встала рано утромъ и неизвѣстно куда исчезла. Онъ ждалъ ее, но не дождался и захотѣлъ отыскать. Онъ видѣлъ, что мамка иногда ходила куда-то, по направленію рѣки, и самъ пошелъ этой дорогой; но ея не встрѣтилъ, а встрѣтилъ село. Онъ никогда не видѣлъ глиняныхъ хатъ съ камышевыми крышами, потому что жилъ всегда въ трущобѣ, близъ города. Тутъ онъ увидѣлъ, что на рѣкѣ много людей, и подумалъ: «можетъ-быть, тамъ и мамка!». Тогда онъ спустился внизъ и смотрѣлъ въ лицо каждой бабѣ, но мамки между ними не было. Къ нему подбѣжали ребятишки и стали толкать его. Ему было холодно, хотѣлось погрѣться, и онъ сталъ играть съ ребятишками и согрѣлся. Играть было весело. Онъ позабылъ и о мамкѣ, и о томъ, что съ утра ничего не ѣлъ. Ему очень понравилось болтаться ногами по водѣ; онъ не замѣтилъ, гдѣ кончается ледъ и начинается прорубь, и вдругъ оказался въ рѣкѣ. А больше онъ ничего не помнитъ. Теперь ему хорошо, только бы поѣсть чего-нибудь, потому что его мучитъ голодъ.

— А оно, должно-быть, спитъ еще,—слышится ему женскій голосъ.

«Кто это—«оно»?—думаетъ онъ:—это, должно-быть, я!».

— Ему надо оставить леща. Ты ему хвостикъ оставь, Горпина! Оно, должно-быть, голодное. Пускай поѣстъ!

«А это вѣрно! — думаетъ онъ: — я очень голоденъ! Должно-быть, это добрые люди!».

Какъ бы имъ показать, что онъ не спитъ? Кашлянуть, сказать, вздохнуть — онъ боится, потому что онъ всего боится. Но онъ все-таки вздыхаетъ...

Тамъ же, на печкѣ, онъ съ наслажденіемъ съѣлъ хвостъ леща, съѣлъ съ костями и со всѣмъ, что у него было. Ему принесла это Горпина (такъ онъ догадывается). У Горпины маленькое лицо и сама она небольшая, такъ лѣтъ десяти. Она принесла и тоненькимъ голоскомъ сказала: «ѣшь!».

Ну, теперь онъ, кажется, совсѣмъ оправился. Въ пору бы и съ печи слѣзать. Печка такъ горяча, что онъ не только согрѣлся, а и высохъ, и, кажется, у него есть уже пузыри на тѣлѣ. Но онъ не можетъ сойти, пока его не позовутъ. Страшно...

— Ну, можетъ-быть, ты уже слѣзешь? Эй ты, хлопче или дивчина, кто тебя знаетъ, что ты такое! — слышится тотъ же женскій голосъ.

«Эге! — думаетъ онъ: — да они считаютъ меня дѣвочкой! Вотъ какъ!»

Онъ слѣзаетъ съ печи и довольно смѣло произноситъ:

— Я—хлопецъ!

Онъ видитъ передъ собой пожилую женщину небольшого роста, сухощавую. Лицо у нея доброе, такъ что онъ не боится. Около нея выстроилось въ рядъ четверо ребятъ одинъ другого меньше, и всѣ съ любопытствомъ смотрятъ на него. Одинъ на рукахъ женщины, совсѣмъ маленькій, плачетъ. Около печки стоитъ дѣвочка. У нея розовое личико и веселые, бѣгающіе глазки. Онъ узналъ Горпину. Ну, кажется, ему нечего бояться. Смотрятъ ласково и не собираются бить его.

— У тебя есть батько?—спрашиваетъ его женщина.

— Не знаю!—отвѣчаетъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ не знаетъ, есть ли у него батько. Да онъ никогда и не думалъ объ этомъ.

— А мамка?

— Мамка есть.

— Гдѣ жъ она?

— Не знаю!

— А откуда ты пришелъ?

— Изъ-подъ города.

— Что-жъ ты тамъ дѣлалъ?

— Жилъ!

— А какъ тебя зовутъ?

— Панасъ.

Женщина больше не спрашивала. «Погуляй съ ребятами»—сказала она ему, но онъ не умѣлъ играть съ ними, и они его боялись. Онъ сѣлъ на лавку и смотрѣлъ въ окно. Когда женщина вышла изъ хаты, къ нему подсѣла Горпина и стала разспрашивать. Неизвѣстно, почему у него развязался языкъ, и Горпинѣ онъ разсказалъ все, что припомнилъ, когда лежалъ на печкѣ. Горпина сказала ему, что онъ—«бѣдный хлопецъ». Онъ просидѣлъ на лавкѣ до

вечера. Въ это время передъ нимъ прошло много картинъ, какихъ онъ прежде не видѣлъ. Горпина укачивала въ люлькѣ грудного ребенка и напѣвала колыбельную пѣсенку. Вообще съ Горпиной они очень сошлись. Она предложила ему развязать свои тряпки и ходить босикомъ. Онъ это сдѣлалъ и нашелъ, что такъ лучше. Дѣти тоже бѣгали босикомъ! Мать ихъ часто входила въ хату, говорила о телятахъ, о какомъ-то квасѣ, который къ несчастью перекисъ, а одинъ разъ пришла очень взволнованная и разсказала о поросенкѣ, который по неопытности попалъ въ лохань съ водой и чуть-было не утонулъ. «Точь-въ-точь, какъ я— въ ополонку!»—подумалъ Панасъ. Дѣти выбѣжали на дворъ смотрѣть на поросенка; ему тоже очень хотѣлось пойти съ ними, но онъ не рѣшился.

Когда стемнѣло и въ хатѣ зажгли «каганецъ», вошелъ Ерема.

— Э, уже ожилъ!—по-пріятельски обратился онъ къ мальчику.—Ну, а я думалъ, что тебѣ капутъ будетъ!

Горпина разсказала ему все, что знала про Панаса. Сѣли ужинать. Ерема ѣлъ «затирку» съ звѣрскимъ аппетитомъ. Панасъ съ величайшимъ любопытствомъ наблюдалъ, какъ онъ опрокидывалъ въ ротъ ложку за ложкой, и при этомъ губы его издавали такой звукъ, будто онъ всякій разъ обжигался. И глаза Еремы въ это время какъ-то особенно блестѣли, такъ что по временамъ Панасу дѣлалось даже страшно. Ерема всегда такъ ѣлъ. Онъ работалъ, какъ волъ, буквально ни минуты не оставаясь въ покоѣ, и нарабатывалъ гигантскій аппетитъ, такъ что во время обѣда или вечери уже не разбиралъ, что̀ было въ мискѣ, и истреблялъ все, что ни давали ему. Если бъ ему положили вмѣсто галушекъ кусокъ старой подошвы, онъ и то съѣлъ бы впопыхахъ, лишь бы только присолили хорошенько. Онъ любилъ хорошо солить. Голова у этого человѣка была огромныхъ размѣровъ и казалась еще больше отъ того, что сидѣла на длинной шеѣ и украшала маленькое, сухощавое туловище. Но, несмотря на свои большіе размѣры, эта голова, кажется, не много работала, предоставляя главенство мускуламъ. Ерема былъ неразговорчивъ, говорилъ отрывисто и нескладно и вообще слылъ за мужика недалекаго. Жинка его, Марина, играла очень видную роль въ хозяйствѣ: она заправляла, а Ерема только выполнялъ то, что она находила благовременнымъ. Марина свершала свою миссію спокойно, съ какой-то медленной

разсудительностью, сама работала не меньше Еремы и никогда не жаловалась на бѣдность. И такъ эти люди прожили уже пятнадцать лѣтъ вмѣстѣ, почти молча, изрѣдка разговаривая только о предметахъ, необходимыхъ въ хозяйствѣ. Они очень подходили другъ къ другу.

— Ну, уже до завтра живи, хлопче! — сказалъ за ужиномъ Ерема, что сильно поразило Панаса.

«А что же завтра онъ будетъ дѣлать? Развѣ его отвезутъ къ мамкѣ? Но тамъ ему было гораздо хуже, чѣмъ здѣсь».

— Мы тебя держали бы, да у насъ у самихъ плохо!— прибавила Марина.

Это еще больше поразило Панаса.

«Какъ плохо? Когда у нихъ такая теплая хата, есть и обѣдъ, и ужинъ, и кожухъ? А вотъ посмотрѣли бы они, каково у его мамки, тамъ, гдѣ онъ жилъ съ нею!.. Тогда бы они знали, что̀ такое — плохо... А это хорошо, очень даже хорошо». И ему пришло въ голову, что мамка, можетъ-быть, и не вернулась домой, что ее гдѣ-нибудь раздавили, убили... Куда же онъ пойдетъ завтра? Да онъ замерзнетъ на дорогѣ. И ему стало очень страшно за завтрашній день, такъ страшно, что онъ никакъ не могъ проглотить затирки, которая была у него во рту. Вдругъ слезы закапали на столъ.

Онъ испугался еще больше,—можетъ, здѣсь нельзя плакать. Вообще онъ нѣсколько побаивался Еремы. Съ Мариной и съ дѣтьми онъ какъ-то свыкся за день, а большая голова Еремы пугала его. На его слезы, повидимому, не обратили вниманія. По крайней мѣрѣ никто не утѣшалъ его. Всѣ молчали.

— Чуешь, Ерема! Сходилъ бы ты до попа, може онъ возьметъ!..—сказала Марина послѣ ужина.

— А правда! я схожу!—отвѣтилъ Ерема, вытирая ротъ рукавомъ сорочки. — Надо, чтобъ взялъ. Не пропадать же ему. Можетъ, мамку его гдѣ-нибудь пришибли... Вѣдь она— шкура!...

Послѣднее замѣчаніе не было новостью для Панаса. Солдаты, приходившіе къ его матери, часто обращались къ ней съ этимъ привѣтствіемъ, и такъ какъ она никогда не обижалась, то онъ подумалъ, что это слово хорошее. Должно-быть, однако, этотъ Ерема знаетъ его мамку! А это было бы хорошо, если бы попъ взялъ его къ себѣ. Что такое попъ, онъ, правда, не зналъ хорошенько; онъ зналъ

только, что попы служатъ въ церкви и хорошо живутъ. Это онъ слышалъ отъ мамки. Зналъ также, что они ходятъ въ длинныхъ платьяхъ, потому что одинъ разъ попъ далъ ему копейку.

Послѣ ужина всѣ принялись креститься. Панасъ не зналъ, слѣдуетъ ли и ему дѣлать это.

— А ты отчего не молишься? — спросила его Марина.

Онъ молчалъ.

— Ты развѣ не умѣешь?

Онъ умѣлъ молиться, но все-таки молчалъ. Онъ уже струсилъ, вообразивъ, что его будутъ бить за то, что онъ не молится.

— Развѣ мамка твоя не молится?

— Нѣтъ, я не видѣлъ!—робко отвѣчалъ Панасъ.

— Я же говорю, что она шкура!—замѣтилъ Ерема. Онъ надѣлъ кожухъ и шапку и отправился къ попу.

Скоро послѣ его ухода въ хату вошли двѣ бабы.

Одна была старуха, съ отвислой кожей на щекахъ, съ большими, точно выкатившимися глазами, полусогнутая и постоянно опиравшаяся на палку. Другая — еще довольно молодая, вертлявая и плотная.

Обѣ онѣ удивились, что видятъ «дьявольское навожденіе» сидящимъ на лавкѣ, а не лежащимъ на печкѣ при послѣднемъ издыханіи. Молодая высказала свое удивленіе звонкимъ, крикливымъ голосомъ, старуха—шопотомъ: у нея совсѣмъ не было голоса, она ужъ лѣтъ семь тому назадъ, по ея словамъ, «порвала кишку». Звали ее Литвинкой и считали колдуньей. Страшные глаза ея поддерживали эту репутацію и дѣлали ее пугаломъ.

Какъ только бабы вошли, Еремины дѣти сейчасъ же спрятались за печку, потому что ихъ часто, когда они плакали, пугали Литвинкой. Даже Горпина сдѣлала шагъ назадъ. Бабы подробно разспрашивали Марину про Панаса и, повидимому, убѣдились, что Панасъ — настоящій человѣкъ, а не дьявольское навожденіе. Наслушавшись вдоволь, онѣ собрались уходить; тогда молодица, какъ бы мимоходомъ, заговорила о событіи на льду.

— А я, какъ осталась тогда простоволосая, такъ и домой дошла! Просто стыдъ и срамъ! Баба идетъ по улицѣ и косы распатланы.

Тогда Марина поняла, зачѣмъ пришли бабы.

Молодица была та самая, которая отдала свой платокъ для откачиванья Панаса. Очевидно, онѣ пришли за плат-

комъ; онѣ боялись, что платокъ пропадетъ. «Эхъ, народъ!— подумала Марина. — То-то жадность!» И она вспомнила, что молодица была женой зажиточнаго мужика, Семена Тонконога, у котораго была даже своя мельница. Когда Марина достала съ печи платокъ и подала ей, она сказала:

— Да нѣтъ, это я не къ тому!..

Но платокъ все-таки взяла и потомъ прибавила на прощанье:

— А попъ непремѣнно возьметъ его!.. У него ужъ есть одна сиротка... Сонькой прозывается! Вотъ они и будутъ вмѣстѣ! У попа хлѣба много!

Эти слова крѣпко засѣли въ маленькой головѣ Панаса. Первое—«у попа хлѣба много», второе—«сиротка Сонька». Ерема вернулся съ доброй вѣстью. Попъ принимаетъ къ себѣ Панаса. Батюшка сказалъ, что онъ не можетъ отказать по долгу христіанина и притомъ пастыря, а матушка—что у нихъ всякому найдется работа, и что мальчикъ безъ дѣла сидѣть не будетъ. Эти изреченія тоже нашли себѣ мѣсто въ головѣ Панаса.

Всѣ улеглись спать. Марина на дощатой кровати, рядомъ съ нею Горпина, а около нея—люлька съ груднымъ ребенкомъ. Ерема, по праву главы, полѣзъ на печку, и Панасъ ему не завидовалъ, потому что у него до сихъ поръ еще болѣли бока отъ обжоговъ. Дѣтямъ разостлали среди хаты рядно, подъ головы положили Ереминъ кожухъ, и всѣ они улеглись рядомъ «покотомъ». Тутъ же положили и Панаса.

Панасъ выспался на печкѣ и долго не могъ заснуть. Притомъ же въ этотъ день онъ вынесъ такъ много новыхъ впечатлѣній. Прежде всего его мысль перенеслась въ трущобу подъ городомъ, и дрожь пробѣжала по его маленькому костлявому тѣльцу. Господи, какъ тамъ холодно! И это онъ засыпалъ бы тамъ голодный, бокъ-о-бокъ съ мамкой, которая ругается и отъ которой несетъ водкой; а, можетъ-быть еще, какъ разъ въ это время пришли бы солдаты, и его прогнали бы на улицу, и онъ бѣгалъ бы вокругъ трущобы, дрожа всѣмъ тѣломъ. А что теперь съ мамкой? Гдѣ она! Можетъ-быть, гдѣ-нибудь убили? Ну, что-жъ, это можетъ быть: она такая задира, ко всякому лѣзетъ.

Онъ думаетъ это совершенно равнодушно, нисколько не содрогаясь отъ такого печальнаго предположенія. Еще бы! При мысли о мамкѣ, онъ непремѣнно вспоминаетъ о хо-

лодѣ, голодѣ, ругательствахъ и побояхъ. А теперь ему тепло, онъ сытъ, никто не ругаетъ, не бьетъ. А завтра еще къ попу поведутъ его, у попа же много хлѣба. И ему представляется широкій поповскій дворъ, весь заваленный хлѣбомъ. Тутъ и булки, и книши, и бублики, и калачи. Всего вдоволь. «А работа всякому найдется, и мальчикъ безъ дѣла сидѣть не будетъ!»—это сказала матушка. Какая же работа ожидаетъ его? Онъ рѣшительно не можетъ представить себя за работой. Онъ ничего не умѣетъ. Милостыню просить матушка не пошлетъ его, а больше онъ ни къ чему не пріученъ. А батюшка, должно-быть, святой,—вѣдь онъ постоянно Богу молится. Но что это за особа такая—сиротка-Сонька? Ее, вѣроятно, нашли гдѣ-нибудь въ лѣсу, либо на дорогѣ, все равно какъ его въ ополонкѣ. Должно-быть, такая же оборванная, какъ и онъ. А все же какъ-то страшно ему идти къ батюшкѣ, хотя у него и много хлѣба. Вдругъ заставятъ его Богу молиться, а онъ ни одной молитвы не знаетъ. Должно-быть, про эту работу и говорила матушка. Заставятъ по цѣлымъ днямъ Богу молиться. Такъ и есть, онъ напалъ на вѣрную мысль. Они будутъ вмѣстѣ съ Сонькой съ утра до вечера стоять передъ иконами и бить поклоны. Ну, что-жъ, это вовсе не трудно, въ особенности, если принять во вниманіе, что у батюшки много хлѣба. А вдругъ, откуда ни возьмись, придетъ мамка—пьяная, съ окровавленной мордой, возьметъ его съ собой и пошлетъ клянчить «копеецку»?! И ему опять сдѣлалось холодно. Какъ же! Такъ вотъ онъ и пойдетъ. Нѣтъ, онъ къ мамкѣ ни подъ какимъ видомъ не вернется.

Онъ заснулъ съ твердой рѣшимостью приложить стараніе въ битьѣ поклоновъ и никогда не возвращаться къ мамкѣ.

III.

Панасъ представляется своимъ благодѣтелямъ.

— А ты не бойся, дурачокъ! Батюшка добрый!—усовѣщевалъ Ерема своего протеже, который, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ батюшкиному дому, замедлялъ шаги и, повидимому, норовилъ повернуть назадъ.—Старайся угодить матушкѣ, потому она... съ характеромъ... любитъ порядокъ. А батюшка—ничего!

Видно, Ерема принялъ большое участіе въ Панасѣ,

если сказалъ ему такую длинную рѣчь. Было часовъ семь утра. Зимнее солнце только-что встало и уже обѣщало за день распустить и тотъ скудный снѣгъ, который лежалъ на землѣ и на крышахъ. Утро походило на весеннее и не имѣло въ себѣ ничего декабрьскаго, хотя это было въ декабрѣ. за три дня до Рождества. Они дошли до поповскаго дома. Изъ открытыхъ воротъ съ лаемъ вылетѣло полдюжины огромныхъ собакъ и набросились на фалды Еремина кожуха. Изъ двора выбѣжала дѣвочка лѣтъ десяти и закричала на собакъ. Панасъ подумалъ, что это, должно-быть, Сонька. Какое же у нея некрасивое лицо! Широкое, съ большимъ носомъ, смуглое. У Горпины лицо гораздо лучше. Они вошли во дворъ. Панасъ увидѣлъ, что дворъ былъ широкій, чистый и вовсе не былъ заваленъ хлѣбомъ, какъ онъ представлялъ вчера. Черезъ дворъ былъ протянутъ канатъ, а на канатѣ цѣпь, на которой бѣгалъ и заливался неистовымъ лаемъ мохнатый песъ. Все это сильно напугало Панаса. Какъ онъ будетъ жить здѣсь, среди этой стаи собакъ, изъ которыхъ каждая больше его? Какъ уйдетъ Ерема, онѣ его разорвутъ. Во дворѣ, у крыльца, стоялъ стулъ, а на стулѣ сидѣлъ батюшка. Было тепло, и онъ наслаждался воздухомъ. Батюшка былъ худощавъ и довольно старъ. Длинная борода его была почти бѣлая. Лицо у него было блѣдное, постническое, но доброе и какъ бы вникающее, вдумчивое. На немъ была черная ряса, на головѣ теплая мѣховая шапка, а въ правой рукѣ тяжелая, толстая палка изъ кипариса. Ерема сейчасъ же снялъ шапку и подошелъ къ батюшкѣ подъ благословеніе. Панасъ же стоялъ неподвижно. Такъ какъ батюшка размахнулся, чтобъ и его благословить, то произошло маленькое недоразумѣніе.

— Онъ этого не знаетъ!—сказалъ Ерема.

— Подойди, мальчикъ, не бойся,—ласково сказалъ батюшка. Но Панасъ не двигался съ мѣста.

Тогда Ерема насильно притащилъ его къ батюшкѣ, и тотъ благословилъ его.

— Такъ тебя зовутъ Аѳанасіемъ? — спросилъ батюшка. Мальчикъ съ недоумѣніемъ раскрылъ глаза. Вовсе его не такъ зовутъ. Такого имени онъ никогда и не слышалъ.

— Панасомъ! — отвѣтилъ онъ.

— Ну, это все равно. Аѳанасій или Панасъ — это все равно. А кто твоя мать?

— Шкура! — отвѣтилъ Панасъ съ большой увѣрен-

ностью, полагая, что этимъ онъ дастъ самый точный отвѣтъ.

— Ты очень испорченный мальчикъ! — строго замѣтилъ батюшка. — Развѣ такъ можно говорить про свою мать?

Панасъ былъ пораженъ этимъ замѣчаніемъ, — что же онъ такое сказалъ? Развѣ не вчера еще Ерема сказалъ то же самое, да еще два раза. Онъ молчалъ, а на глазахъ у него навернулись слезы.

— Это ничего, ничего! — утѣшилъ его батюшка: — мы тебя исправимъ!.. Конечно, ты, должно-быть, жилъ въ развратной средѣ, твоя мать, какъ видно, женщина порочная... Здѣсь ты будешь имѣть хорошіе примѣры. Нужно только, чтобы ты самъ захотѣлъ исправиться, потому что въ Писаніи сказано: «Безъ меня, Богъ не можетъ спасти меня»...

Ерема сообразилъ, что проповѣдь, вѣроятно, затянется, а у него дома ждала работа.

— Такъ я уже пойду до дому! — сказалъ онъ, низко кланяясь.

Панасъ возвелъ на него умоляющій взглядъ. Хотя въ Еремѣ не было ничего такого, что особенно привлекало бы его, но въ его хатѣ онъ провелъ лучшій день въ своей жизни. Ему сдѣлалось страшно съ глазу на глазъ съ батюшкой, который къ тому же замышлялъ исправить его. Но Ерема не видѣлъ этого взгляда и довольный, что его отпустили, сейчасъ же ушелъ, отбиваясь отъ поповскихъ собакъ. Батюшка продолжалъ:

— Ты сирота, Аѳанасій! Мать твоя покинула тебя, оставила на произволъ судьбы; заботиться о тебѣ некому, кромѣ Бога... Вотъ Онъ, какъ видно, о тебѣ и позаботился; ты не умрешь на улицѣ, а будешь жить у добрыхъ людей. Главное—слушайся старшихъ: никому не говори грубостей... Даже Степку слушайся... Это ничего, что онъ дурачокъ... А ты все-таки его слушайся, потому что въ простыхъ сердцахъ Богъ почиваетъ... «Буія Богъ избралъ, да посрамитъ премудрыя»... Ну, чего же ты плачешь? Кажется, я тебя не обижаю!..

Панасъ дѣйствительно плакалъ навзрыдъ, а отчего — этого онъ и самъ не зналъ. Испугали ль его невѣдомыя ему раньше батюшкины слова, въ которыхъ упоминался какой-то неизвѣстный ему Степка-дурачокъ, или такъ сильно повліялъ на него уходъ Еремы, — но онъ чувствовалъ себя ужасно несчастнымъ. Въ это время Сонька съ бичомъ въ рукѣ погнала черезъ дворъ три пары телятъ. Панасъ по-

дивился, какая она толстомордая, здоровая, цвѣтущая. Должно-быть, ей хорошо здѣсь. Это уменьшило его грусть. Послышалось трепетное шуршаніе женскаго платья, звукъ тяжелой поступи, и на порогѣ показалась высокая женщина, гигантскаго сложенія, съ блѣднымъ лицомъ, когда-то красивымъ, а теперь морщинистымъ. На ней было простое платье изъ темной фланели, а на головѣ шерстяной платокъ, но Панасъ сейчасъ же догадался, что это не мужичка. Это, должно-быть, матушка.

— Вотъ, душа моя, мальчикъ, котораго вчера вытащили изъ проруби! — обратился батюшка къ ней, и тогда Панасъ окончательно понялъ, что это была матушка.

Матушка пристально оглядѣла его съ ногъ до головы.

— Какой онъ несчастный! Кожа да кости... Сонька! — крикнула она.

Сонька въ одно мгновенье уже стояла передъ нею, точно изъ земли выросла. Она преглупо смотрѣла прямо въ глаза матушкѣ.

— Тамъ, въ горницѣ, отыщи старые сапоги паныча, въ маленькой хатѣ виситъ его куртка, знаешь — съ заплатой на рукавѣ... Да еще поищи въ грязномъ бѣльѣ парусиновые штаны; ихъ прежде нужно заштопать. Они, правда, лѣтніе, да все же хоть что-нибудь... А то у него вмѣсто штановъ какая-то бахрома... Вишь, отовсюду свѣтится... Да постой еще! Что ты вертишься, словно тебя на колъ посадили?.. У него и шапки тоже нѣтъ... Ну, хороша же у тебя мамка! Должно-быть, таскается съ солдатами, а тебя посылаетъ милостыню канючить!.. Вишь, у него и шапка солдатская, вдвое больше его головы!.. Отыщи тамъ панычевъ картузъ прошлогодній... Ну, мамка — нечего сказать!.. Да и онъ, должно-быть, сокровище! Воровать умѣешь?—заключила матушка, обращаясь уже прямо къ Панасу.

У матушки былъ громкій голосъ, и она не щадила его. Она говорила всегда съ большимъ увлеченіемъ, съ разнообразными интонаціями и въ сильныхъ мѣткихъ выраженіяхъ. Панасъ былъ совершенно уничтоженъ ея рѣчью. Главное, что она все угадала про мамку: и что она съ солдатами таскается, и что посылаетъ его милостыню просить. Грозный образъ матушки, ея могучій голосъ, ея прозорливость — уничтожили его. Онъ не смѣлъ даже плакать. На вопросъ матушки онъ не отвѣтилъ, отвѣтила сама матушка.

— Еще бы не умѣть! Я думаю — мамка только этимъ и живетъ!

Но это уже обидѣло Панаса. Онъ никогда не замѣчалъ, чтобъ мамка занималась воровствомъ. Съ солдатами таскалась—это такъ, а чтобъ воровать—этого еще не бывало.

— Нѣтъ, мамка не воруетъ!—рѣшился выговорить онъ.

— Ишь ты какой! Да онъ шустрый! Ему пальца въ ротъ не клади!.. Только у меня ты посмирнѣешь! — предрекла матушка.

— Видишь, Аѳанасій,—мягко сказалъ батюшка: — ты уже теперь грубо отвѣчаешь матушкѣ! Это нехорошо!..

— Э-эхъ!—вдругъ набросилась матушка на батюшку.— Аѳа-насій... Отъ земли его не видно, а онъ А-ѳа-на-сій! Еще—чего добраго—Аѳанасій Ивановичъ, или какъ тамъ его станешь звать?.. Тебя какъ по отцу-то?

— Я не знаю!..

— Ну, такъ и зовись Фанаськой, и все тутъ... Чего тамъ еще аѳанасничать!..

Панасъ готовъ былъ зваться, чѣмъ угодно, хоть барбосомъ, если бъ того захотѣла матушка, — только бы его перестали терзать. Въ сущности, это было большое терзаніе— стоять передъ матушкой и выслушивать отъ нея презрительныя замѣчанія насчетъ мамки и насчетъ его самого. Положимъ, о мамкѣ онъ не особенно печалился, но надо же правду говорить, она никогда не воровала и его не учила воровать. Его занималъ вопросъ: что же они съ нимъ въ концѣ концовъ сдѣлаютъ, и когда все это кончится?

А кончилось это такъ. Его отослали въ конюшню, куда Сонька принесла всѣ тѣ предметы, о которыхъ упоминала матушка, кромѣ, впрочемъ, сапогъ, которые еще не были отысканы. Здѣсь онъ сталъ переодѣваться. Въ конюшнѣ стояла тройка лошадей съ очень довольными мордами и полными боками. Очевидно, ихъ кормили хорошо. Здѣсь же на четырехъ подставкахъ были положены доски, на нихъ разостлана солома, прикрытая рядномъ, а на ряднѣ лежалъ парень въ ситцевой сорочкѣ, босой, съ высоко подкатанными штанинами. У парня была кудрявая голова, повидимому, очень мало знакомая съ гребнемъ; эта голова бросалась въ глаза своими малыми размѣрами, въ особенности по сравненію съ головой Еремы. Лицо у парня было сухое, неподвижное, на немъ не было ровно никакого выраженія; сѣрые глаза казались сонными. Парень, увидѣвъ Панаса, ухмыльнулся.

— Это тебя вчера вытащилъ Яшка? — хихикая, спросилъ онъ.

— Меня! — отвѣчалъ Панасъ.

— Такъ ты будешь жить тутъ? — продолжалъ парень и опять захихикалъ.

— Буду!

— Ну, ладно! Зададутъ тебѣ перцу!..

Послѣ этой фразы парень залился хохотомъ, но какимъ-то тихимъ, прерывистымъ. Панасъ вздрогнулъ отъ этого смѣха. Онъ тутъ же рѣшилъ, что это, безъ сомнѣнія, и есть Степка-дурачокъ, о которомъ говорилъ батюшка, и котораго нужно слушаться.

— Какой же ты, однако, плохенькій! Ты, должно-быть, три дня ничего не ѣлъ! — прибавилъ парень уже безъ смѣха, разсмотрѣвъ маленькое костлявое тѣльце Панаса, когда тотъ снялъ свои рубища, чтобъ надѣть другую одежду. Тутъ парень замѣтилъ еще, что у Панаса совсѣмъ нѣтъ бѣлья и что онъ надѣваетъ куртку на голое тѣло.

Изъ конюшни Панасъ вышелъ совершенно преображеннымъ. Куртка была длинновата, но по крайней мѣрѣ цѣла; штаны отличались весенней легкостью, но сквозь нихъ не «свѣтилось». Гимназическая фуражка была почти по головѣ Панаса. Послѣ переодѣванья его отправили на кухню завтракать. Кухня помѣщалась отдѣльно отъ «горницъ» и представляла самостоятельную постройку. Здѣсь собралась чрезвычайно разнообразная и нѣсколько странная публика. Предсѣдательницей по старшинству была, безъ сомнѣнія, почтенная кухарка Маланья, особа лѣтъ пятидесяти, своими размѣрами напоминавшая матушку, но лишенная одного глаза, который сама себѣ выколола въ припадкѣ бѣснованья; она явилась сюда изъ сосѣдней губерніи, и батюшка изгналъ изъ нея лютаго бѣса. Съ тѣхъ поръ она перестала бѣситься и только во время новолунія чувствовала какой-то необычайный приливъ энергіи, вслѣдствіе чего ей хотѣлось кого-нибудь побить. Но такъ какъ мужа ея здѣсь не было, то она отъ этого воздерживалась. Въ благодарность за лѣченіе она осталась у батюшки кухаркой. Рядомъ съ нею помѣщался Степка, который теперь не хихикалъ, а велъ себя очень солидно, что съ нимъ всегда бывало во время ѣды. Тутъ же помѣщалась широколицая Сонька. Эта, напротивъ, въ отсутствіе матушки отличалась чрезвычайно веселымъ нравомъ и вѣчно показывала свои большіе зубы. Очень скромно сидѣли два блѣднолицыхъ субъекта — это больные, пріѣхавшіе къ батюшкѣ лѣчиться отъ нечистой болѣзни, которую батюшка съ успѣхомъ изгонялъ. Они привезли батюшкѣ

по два мѣшка пшеницы каждый и за это пользовались у него столомъ, а также квартирой въ сараѣ, гдѣ стоялъ экипажъ. Они все время вздыхали и произносили какія-то молитвы. Была тутъ еще Дунька, матушкина горничная, единственная прислуга у батюшки, служившая за плату. Она очень цѣнилась, потому что умѣла хорошо гладить бѣлье, и это обстоятельство давало ей право относиться къ остальной прислугѣ немного свысока. У нея было молодое, цвѣтущее лицо, съ массой веснушекъ, и здоровая, вѣчно колыхавшаяся, грудь. Остальные были безплатны. Кухарка Маланья — изъ благодарности, Сонька — по сиротству, Степка — по глупости, и, наконецъ, только - что присоединившійся Панасъ — по случаю того, что его вчера вытащили изъ проруби.

Здѣсь Панасъ узналъ много новыхъ для него и отчасти неожиданныхъ вещей. Прежде всего подтвердилось его предположеніе, что батюшка — святой. Это единогласно утверждала вся кухня. Относительно матушки этого никто не рѣшался утверждать. Несмотря на ея высокій санъ, по общему мнѣнію, ей предназначалось угодить въ адъ, а Сонька высказала это даже въ видѣ пожеланія. Всѣ находили, что отъ матушки имъ житья нѣтъ, что она не доставляетъ никому изъ нихъ ни минуты отдыха, а Сонька при этомъ обнажила правое плечо и показала синякъ. А сколько самъ батюшка терпитъ отъ нея, такъ это и разсказать нельзя. Она его грызетъ, а онъ, знай себѣ,—Богу молится. Кромѣ того, она скупа, какъ дьяволъ (почему-то всѣ присутствовавшіе были увѣрены, что дьяволъ скупъ). Вотъ и теперь: вчера батюшка ходилъ съ молитвой и привезъ домой двѣ повозки всякаго хлѣба, а въ погребѣ стоитъ цѣлая бочка селедокъ. Между тѣмъ, они ѣдятъ квашеную капусту съ житними сухарями. Эти отрывочныя свѣдѣнія, сообщенныя Панасу, какъ бы для перваго знакомства, разумѣется, не могли особенно поднять его духъ, но нельзя сказать, чтобы они слишкомъ опечалили его. Право же, все это было гораздо лучше, чѣмъ голодная и холодная жизнь въ трущобѣ съ пьяной мамкой и бѣганье за милостыней.

Тѣмъ не менѣе Панасъ все-таки не узналъ хорошенько, какая предстоитъ ему роль на новомъ мѣстѣ. Впрочемъ, это не заставило долго ждать себя.

IV.

Матушка принимается за воспитаніе Панаса.

Вечеромъ того же дня выяснилось, что Панасъ будетъ спать въ конюшнѣ вмѣстѣ со Степкой. Оказалось, что это было удобно по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что у Степки былъ овчинный кожухъ, подъ которымъ спать было очень тепло; во-вторыхъ, потому, что самъ Степка едва успѣвалъ опуститься на доски, какъ уже храпѣлъ богатырскимъ сномъ и всю ночь лежалъ, какъ дубина, не перемѣняя положенія. Панасъ проспалъ эту ночь съ удовольствіемъ, но безъ всякаго удовольствія онъ проснулся, когда услышалъ сильный стукъ въ дверь, запертую изнутри. Сперва ему почудилось, что онъ въ трущобѣ и что Степка — это его мамка, къ которой пришли солдаты. Въ конюшнѣ было такъ же темно и холодно, какъ и въ трущобѣ, въ особенности явственно онъ почувствовалъ холодъ, когда выскочилъ изъ-подъ теплаго кожуха. Стукъ повторился, но на этотъ разъ сопровождался громкимъ восклицаніемъ:

— Эй, вы! лежебоки! Четвертый часъ! Вставайте!..

Панасъ узналъ голосъ матушки. Тонъ, которымъ были произнесены эти восклицанія, не заключалъ въ себѣ ничего грознаго.

— Я уже всталъ!—несмѣло отвѣтилъ Панасъ.

— Ну, такъ ты за это молодецъ!—похвалила матушка.— И всегда нужно рано вставать! Разбуди же того дурня!...

Панасъ принялся будить дурня, но дурень только мычалъ, не подавая никакой надежды на пробужденіе.

— Ну, что?—спросила матушка за дверью.

— Спитъ!—отвѣтилъ Панасъ.

— А ты его за волосы! Тащи, сколько силы есть! Это ничего! А то онъ будетъ спать до вечера.

Панасъ сильно колебался. Ему еще никогда не приходилось таскать за волосы такую почтенную особу, каковъ былъ Степка. Однако, во исполненіе приказанія матушки, онъ ухватилъ Степку за чубъ и началъ тащить къ себѣ съ такою осторожностью, какъ будто желалъ сдѣлать это по секрету отъ Степки. Это подѣйствовало.

— Карауль!—закричалъ съ просонокъ обладатель кудрей и пустилъ такой потокъ отборныхъ ругательствъ, что Панасъ началъ опасаться за его и свою жизнь въ случаѣ, если услышитъ матушка.

— Тише! матушка здѣсь!—прошепталъ Панасъ. и Степка немедленно смирился и сейчасъ же отперъ дверь конюшни. Тогда въ конюшню упалъ лучъ свѣта отъ фонаря, при свѣтѣ котораго матушка свершала свою ночную распорядительность; а вмѣстѣ со свѣтомъ въ конюшню ворвался потокъ свѣжаго холода. Кони вздрогнули и подняли уши. Внушительная фигура матушки, съ закутанной въ платокъ головой, съ фонаремъ и ключами въ рукахъ, произвела впечатлѣніе на Степку; онъ принялся почесывать затылокъ съ явнымъ смиреніемъ.

— Тебѣ бы все спать! — нравоучительно обратилась къ нему матушка. — А небойсь, и не подумалъ о томъ, что у коней въ ясляхъ нѣтъ ни крохи сѣна!..

— Чего еще имъ! Успѣютъ еще нажраться! У меня у самого еще ни крохи во рту не было! — съ добродушной улыбкой отвѣтилъ Степка.

— Онъ у насъ дурачокъ!—обратилась матушка къ Панасу, указывая на Степку и нисколько не смущаясь его присутствіемъ.—У него не всѣ дома...

Степка нимало не обидѣлся по поводу такой рекомендаціи. Онъ самъ о себѣ былъ совершенно такого же мнѣнія.

— А ты ступай на городъ. Тамъ Маланья уже подоила коровъ; такъ ты забери телятъ и отгони ихъ на водопой!— обратилась матушка къ Панасу. — Да смотри у меня—воронъ не считать! Слышишь?

Выраженіе «считать воронъ» означало у матушки — зѣвать по сторонамъ. Панасъ этого не понялъ и, вообразивъ, что матушка разумѣетъ настоящихъ воронъ, очень удивился, — съ какой стати придетъ въ голову считать воронъ. Ему дали бичъ и поставили его въ аріергардѣ маленькаго стада телятъ. Тутъ оказалось, что онъ не знаетъ, чтò съ ними дѣлать, куда гнать ихъ и гдѣ этотъ самый водопой.

— Ну, я вижу, что съ тебя мало будетъ толку, когда ты этого не знаешь! — рѣшила матушка. — Эй, Сонька, покажи ему, гдѣ водопой.

Изъ комнатъ вышла Сонька, распатланная и заспанная. Одинъ глазъ у нея еще былъ закрытъ, и она дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобы открыть его.

— Господи! И когда этотъ народъ выспится... — съ негодованіемъ воскликнула матушка. — Я, кажется, хозяйка и къ тому еще матушка, а встаю раньше васъ всѣхъ!..

Тутъ матушка забыла про одно обстоятельство—именно

что она позволяла себѣ отдыхать часика два-три послѣ обѣда, чего «этотъ народъ» не могъ дѣлать.

— Покажи ему водопой! Да смотри—не разлягься тамъ гдѣ-нибудь подъ деревомъ.

Въ этомъ случаѣ матушка опять-таки не приняла въ расчетъ, что дѣло происходило въ декабрѣ, когда лежать подъ деревомъ было не такъ-то удобно. Панасъ вмѣстѣ съ Сонькой погналъ телятъ на водопой. Было еще совсѣмъ темно. Ночное небо закуталось въ темно-синія облака, надулось и обѣщало быть сердитымъ въ продолженіе дня. Сонька спала на ходу, спотыкаясь на каждомъ шагу и рискуя вывихнуть ногу. Панасъ шелъ по ея слѣдамъ, стараясь разглядѣть мѣста, чтобъ въ другой разъ обойтись безъ помощи Соньки. Они дошли до крутого берега. Внизъ къ рѣкѣ вела широкая дорога. Мѣсто показалось Панасу знакомымъ. Телята смѣло бѣжали внизъ. Тогда и имъ пришлось бѣжать, и, благодаря этому, Сонька совсѣмъ очнулась.

— Чтобъ ее чортъ подралъ съ ея телятами! — промолвила она.

— Чего ты ругаешься?—спросилъ Панасъ.

— Погоди, ты еще не такъ будешь!.. Никогда не дастъ выспаться, вѣдьма долговязая...

— О-го! Какъ ты ее!—удивился Панасъ.

— А то какъ же?—мрачно продолжала Сонька.—Съ того дня, какъ я живу у нея, я еще ни разу не выспалась!.. Вотъ такъ и ходишь все, точно угорѣлая!.. И на кой только чортъ она меня взяла!?

— А ты гдѣ была прежде? у мамки?

— Гм! у мамки!.. Никакой у меня мамки не было!

— Какъ никакой?

Панасъ совершенно искренно удивился. Онъ понималъ, что можетъ у кого-нибудь не быть батьки, какъ у него, напримѣръ, но чтобъ мамки не было,—это ужъ какъ-то странно.

— Никакой! — повторила Сонька. — Я жила въ городѣ, въ пріютѣ... Тамъ много дѣтей живетъ. Меня туда подкинули, когда была я еще маленькой. Тамъ все такія. Тамъ я и выросла. А они взяли меня воспитать...

— А развѣ тамъ было лучше?

— Не знаю. Вездѣ скверно, когда нѣтъ ни батьки, ни матери.

— А вотъ у меня есть мамка!.. Только она пьяница... Я думаю, что тутъ лучше будетъ!..

Въ это время они уже спустились къ рѣкѣ. Стало свѣтать. Панасъ увидѣлъ себя на томъ мѣстѣ берега, откуда вчера онъ сдѣлалъ первый шагъ на ледъ. Вонъ посрединѣ рѣки та самая прорубь, въ которой онъ болтался. Она стала уже примерзать. На берегу тихо пробивалось множество маленькихъ ключей. Всѣ они легкой кристальной зыбью несли свою прозрачную воду въ рѣку, вслѣдствіе чего нѣкоторая часть рѣки у самаго берега не замерзла. Телята принялись тянуть воду своими мордами. Сонька вздумала «скользаться». Панасъ не могъ этого сдѣлать, потому что у него не было сапогъ, а босыми ногами ходить по льду не очень-то пріятно. Телята уже давно напились. Панасъ кричалъ, что пора домой, но Сонька увлеклась и не высказывала желанія спѣшить. Наконецъ, они поднялись на гору.

— Задастъ же она мнѣ, — совершенно равнодушно сказала Сонька.—Всѣ косы оборветъ!..

— Отчего у тебя такая широкая морда?—вдругъ спросилъ Панасъ.

— Такую Богъ далъ!.. А тебѣ завидно?

Этимъ окончился ихъ разговоръ для перваго знакомства. Сонькѣ дѣйствительно «задали», т. е. просто оттаскали ее за волосы, но она, какъ привычная, вынесла это хладнокровно. Панасу замѣтили, чтобъ онъ въ другой разъ не засиживался.

— Ты ихъ не слушай! Ни Соньки, ни Степки, никого— слышишь? Только меня слушай.

Панасъ сильно затруднялся, какъ съ этимъ приказаніемъ совмѣстить совѣтъ батюшки — слушаться всякаго, даже Степку-дурачка. Ему дали въ руки метлу, и онъ принялся выметать дворъ къ празднику. Тутъ онъ сдѣлалъ еще одно знакомство. Барбосъ, бѣгавшій на цѣпи и все утро ворчавшій на него, вдругъ почувствовалъ къ нему нѣжность и сталъ вилять хвостомъ, выражая тѣмъ свое расположеніе. Успѣлъ ли онъ приглядѣться къ Панасу, или перемѣнилъ свое отношеніе изъ уваженія къ панычевой курткѣ, которая была на Панасѣ, это осталось неизвѣстнымъ, но онъ уже больше не ворчалъ на Панаса, и съ этихъ поръ у нихъ завязалась трогательная дружба. Матушка возилась на дворѣ съ птицей. Сонька бѣгала, какъ угорѣлая, выполняя ея приказанія, а Панасъ мелъ и мелъ

до тѣхъ поръ, пока у него не заболѣла спина. Тогда онъ остановился отдохнуть.

— Эге, хлопче! Этакъ ты за три дня не выметешь! Чего присталъ?—замѣтила ему матушка, которая какимъ-то чудомъ видѣла одновременно все, что дѣлалось въ кухнѣ, на огородѣ, въ конюшнѣ, во дворѣ и даже въ комнатахъ. Панасъ налегъ на метлу. Въ это время во дворъ зашла жена церковнаго старосты—особа низенькаго роста, пожилая, бойкая и имѣвшая видъ человѣка, который любитъ выпить; къ матушкѣ она всегда заходила съ единственною цѣлью — пожаловаться на своего супруга, церковнаго старосту, который не хотѣлъ уступить ей первенства въ дѣлѣ выпивки и котораго она поэтому называла пьяницей.

— Это тотъ, вчерашній?—указала она на Панаса.

— Да, это — Фанаська... Мы его взяли на воспитаніе... Онъ — бѣдный сиротка! Надо же кому-нибудь пригрѣть его!—съ чувствомъ отвѣчала матушка.

Панасъ въ это время сильно налегалъ на метлу и дѣйствительно «пригрѣвался», потому что съ него лилъ потъ. А матушка продолжала:

— Мамка у него развратная, съ солдатами таскается, воруетъ... Ахъ, этихъ женщинъ я бы всѣхъ перевѣшала... Онъ тоже, я думаю, не лучше... Морока съ ними! Только грѣхъ на душу берешь!.. Я бы не взяла, да такъ ужъ — для спасенія души собственно... Вотъ и Сонька тоже. Была совсѣмъ почти голая, когда мы ее взяли... По недѣлямъ морды не мыла, вши прямо заѣдали ее, съ голоду опухла... А теперь, посмотрите, какъ ее разнесло! Одѣта, обута и сыта, а что съ нея толку? Такъ и норовитъ отвильнуть отъ работы! Отъ этого народа не жди благодарности, нѣтъ!.. Вишь,—который уже разъ онъ отдыхаетъ. Метнетъ разъ— и отдыхъ!.. А жрутъ, я вамъ скажу, каждый за троихъ!..

Старостиха, пособолѣзновавъ и пожаловавшись на «своего старика», удалилась, а на смѣну ей явилась супруга главнаго помѣщичьяго приказчика. Эта, по своей дородности, оставляла позади даже матушку. Она была, правда, не такъ толста—по причинѣ своей молодости (ей было съ небольшимъ тридцать), но у нея зато было много здоровья по той же причинѣ. Она пришла позаимствовать полдесятка сельдей.

— Гдѣ это вы взяли такого франта? — спросила она, указывая на Панаса.

— А это сиротка, котораго вытащили вчера изъ про-

руби! — отвѣтила матушка. — У него мамка — мошенница, занимается разбоемъ на большой дорогѣ и развратничаетъ съ цѣлымъ городомъ... А я его пригрѣла... Если бъ вы видѣли, какимъ онъ пришелъ!.. Какъ есть голымъ... У меня за одну ночь поправился...

Панасъ слышалъ всѣ эти разговоры и мигалъ глазами отъ удивленія. Одна за другой потомъ являлись еще — головиха, супруга фельдшера, супруга младшаго приказчика—и всѣмъ имъ матушка представляла его, рекомендуя его мамку въ самыхъ сильныхъ и неожиданныхъ выраженіяхъ. Ему стало больно отъ этихъ рекомендацій. Съ какой стати всѣ смотрѣли на него, какъ на какого-то маленькаго воришку, когда онъ ничего еще не укралъ? Онъ кончилъ мести дворъ.

— Теперь возьми-ка вотъ эту мокрую тряпку и вытри хорошенько всѣ стекла въ окнахъ! Пріучайся ко всему!— ласково скомандовала матушка, и онъ, не отдыхая, принялся исполнять новое порученіе.

За вытираніемъ стеколъ послѣдовала чистка экипажа; потомъ мытье тарелокъ, затѣмъ нужно было напоить лошадей и принести имъ сѣна, потому что Степка въ это время былъ занятъ починкой возка. Въ концѣ концовъ Панасъ не замѣтилъ, какъ прошло время до обѣда, и обѣдалъ съ такимъ аппетитомъ, какой видѣлъ вчера у Еремы.

— Ну, что? понравилось?—спросили его на кухнѣ.

Онъ промолчалъ. Послѣ обѣда опять закипѣла работа, и замѣчательно, что сама матушка ни на минуту не оставалась безъ дѣла. То возилась съ солеными огурцами, которымъ нужно было сдѣлать новый разсолъ; то лѣчила курицу отъ постигшаго ее типуна. Въ этотъ день (такъ какъ это было за два дня передъ праздниками) матушка даже не спала послѣ обѣда. Панасъ исполнялъ всѣ ея приказанія, и она одобряла его.

— Съ него будетъ толкъ! Будетъ толкъ! — повторяла она. — Какъ бы только онъ не сталъ воровать по старой привычкѣ...

Послѣ обѣда Панасъ ходилъ уже въ сапогахъ.

На слѣдующій день пришла записка отъ помѣщика. Молодой человѣкъ, катавшійся на конькахъ (онъ приходился двоюроднымъ братомъ помѣщицѣ), просилъ батюшку прислать къ нему на два часа того оригинальнаго мальчика, котораго вчера вытащили изъ проруби. Матушкѣ это не понравилось. Мальчикъ такъ нуженъ, а они отрываютъ его отъ

работы для какихъ-то тамъ глупыхъ затѣй. Однако, отказать было нельзя. Батюшка еще на прошлой недѣлѣ выпросилъ у помѣщика стогъ сѣна. Это было бы съ его стороны крайнею неблагодарностью. Панасъ отправился «во дворъ».

Помѣщичій домъ находился менѣе чѣмъ въ полуверстѣ отъ батюшкинаго.

Онъ состоялъ собственно изъ двухъ домовъ: большого каменнаго о двухъ этажахъ — въ немъ жилъ самъ помѣщикъ съ семействомъ — и маленькаго деревяннаго, стоявшаго особнякомъ. Въ этомъ обиталъ тотъ самый молодой человѣкъ, который носилъ пальто съ шнурами и котораго звали Ѳеденькой. Панаса повели прямо къ нему. Ѳеденька занималъ три небольшія комнатки, уставленныя безпорядочной, разнокалиберной мебелью. Невысокія стѣны были густо увѣшаны картинами безъ рамокъ. Сюжеты картинъ отличались безконечнымъ разнообразіемъ, начиная отъ Самсона, потрясающаго колонны храма, и кончая собирающейся купаться женщиной, въ самой откровенной позѣ. На окнѣ валялись кисти и краски; среди комнаты стоялъ мольбертъ, а на немъ — полотно съ начатой работой. Панасъ съ изумленіемъ и крайнимъ любопытствомъ разсматривалъ жилище Ѳеденьки, а Ѳеденька, въ свою очередь, вытаращилъ на него глаза.

— Какъ? Это ты? — воскликнулъ онъ.

— Я! — отвѣтилъ Панасъ, не понимая, почему могло возникнуть сомнѣніе въ его личности. Художникъ Ѳеденька сидѣлъ въ мягкомъ помѣстительномъ креслѣ, закинувъ ногу на ногу и посасывая сигару. На немъ была коротенькая куртка съ зелеными отворотами и съ шнурами на груди; очевидно, онъ былъ особенно пристрастенъ къ шнурамъ, потому что всѣ его сюртуки, кромѣ фрачной пары, были снабжены ими. Куртка была сильно измазана красками разныхъ цвѣтовъ.

— То-есть кто же это ты? — продолжалъ допытываться Ѳеденька.

— Я? Панасъ!..

— Гм!.. Что-жъ я съ тобой стану дѣлать? Мнѣ съ тобой нечего дѣлать, мой милый!..

Панасъ ровно ничего не понималъ. Зачѣмъ это съ нимъ необходимо было что-нибудь дѣлать?

— Развѣ ты тотъ самый мальчикъ, котораго вытащили...

— Изъ ополонки! — докончилъ Панасъ.

Ѳеденька изумился.

— Но тогда ты былъ совсѣмъ другой!.. Ты былъ нищій, я именно хотѣлъ списать съ тебя маленькаго нищаго... Это тебя матушка переодѣла... Ахъ, досадная дама, эта матушка!.. Ты поди, попроси ее, чтобъ тебя одѣли во вчерашнее платье, и тогда приходи!.. Слышишь?

Панасъ, разумѣется, слышалъ, но все-таки не могъ понять, что хочетъ сдѣлать съ нимъ этотъ красивый баринъ. Что такое «списать»? Вчера онъ видѣлъ, какъ этотъ баринъ писалъ по льду ногами какія-то слова, которыхъ онъ, за неграмотностью, не разобралъ. Но это совсѣмъ не то. Притомъ же у него не было ни малѣйшаго желанія опять наряжаться въ рубища. Но дѣлать было нечего; онъ пошелъ домой и изъяснилъ матушкѣ суть дѣла. Изъясненіе это было таково, что матушка ровно ничего не поняла. Во всякомъ случаѣ она еще больше утвердилась въ мысли, что Панаса отрываютъ отъ дѣла для какихъ-то пустяковъ. Когда же Панасъ упомянулъ слово «списать», то матушка догадалась, въ чемъ дѣло, и, скрѣпя сердце, принялась собственноручно наряжать Панаса. Ей очень хотѣлось угодить помѣщику, поэтому она не ограничилась простымъ переодѣваньемъ, а пустила въ ходъ свою собственную фантазію. Она повыдернула изъ куртки старую вату, которая вслѣдствіе этого живописно торчала въ разныя стороны; старые штаны Панаса она привела въ такое состояніе, что на нихъ трудно было найти такое мѣсто, гдѣ бы не «свѣтилось» (по выраженію матушки); ноги Панаса она обернула тряпками, предварительно испачкавъ ихъ грязью; густые, жесткіе волосы его она привела въ крайній безпорядокъ и надѣла ему солдатскую шапку совсѣмъ на затылокъ.

— Ну, теперь, я думаю, останутся довольны! — сказала она, любуясь своимъ искусствомъ.—И вотъ люди, съ жиру да съ гульбы не знаютъ, за что ухватиться!.. Малюютъ!.. Эхъ!..

Панасъ опять отправился на барскій дворъ. На этотъ разъ онъ сильно вздрагивалъ и зубы его стучали, потому что просвѣчиванье штановъ и всего прочаго было доведено до крайней степени искусства, и ему было такъ холодно, какъ будто онъ выбѣжалъ на улицу совсѣмъ голый.

— А! это другое дѣло!—весело встрѣтилъ его Ѳеденька.— Ну, теперь ты настоящій... Хе-хе! Да это — прелесть, что такое! Это—настоящій типъ! Прелесть, прелесть! Молодецъ.

ты, братъ! Mesdames, mesdames! Зайдите на минутку! Полюбуйтесь! Вотъ такъ типъ!..

Онъ постучалъ въ окно, и въ комнату вошли тѣ самыя дамы, что были на льду. Панасъ при видѣ дамъ сконфузился и неловко осматривалъ свой прозрачный туалетъ.

— Ахъ, какая прелесть! Какъ онъ типиченъ! Роскошь, роскошь! — воскликнули дамы.

Панасъ недоумѣвалъ,—за что онѣ хвалятъ его? Что за чудной народъ! Да онѣ, кажется, всѣ сумасшедшія. Хвалятъ его за то, что у него штаны просвѣчиваютъ!.. И еще барыни!

Когда дамы ушли, Ѳеденька усадилъ Панаса на полъ, по-турецки, и заставилъ его протянуть руку такъ, какъ будто онъ просилъ милостыню; кромѣ того, ему было приказано скорчить самую жалкую мину. Панасъ все это сдѣлалъ по мѣрѣ силъ своихъ и въ это время думалъ: «а ей-Богу, этотъ баринъ сумасшедшій!» Затѣмъ Ѳеденька принялся осматривать его съ различныхъ точекъ зрѣнія и подъ различными углами. Онъ часто подходилъ къ Панасу, то подымалъ ему руку, то опускалъ голову, то самъ корчилъ рожу, приглашая и Панаса сдѣлать такую же, причемъ Панасъ, по неопытности, дѣлалъ какъ разъ наоборотъ. Наконецъ, Ѳеденька пригласилъ его сидѣть смирно и принялся за карандашъ. Что онъ тамъ рисовалъ—этого Панасъ не видѣлъ, а только ему ужасно надоѣло сидѣть неподвижно на одномъ мѣстѣ и въ одной, притомъ самой ненавистной для него позѣ. Протянутая рука обомлѣла и упала на полъ. Ѳеденька, наконецъ, самъ усталъ и послѣ трехчасовой мазни отпустилъ Панаса домой.

— Скажи матушкѣ, что я очень ей благодаренъ и что я еще пришлю за тобой! — сказалъ на прощанье Ѳеденька.

Панасъ бѣгомъ пустился домой. Увы! Несмотря на честь, которую ему сдѣлали, избравъ его натурщикомъ, онъ вовсе не считалъ себя счастливымъ. Во-первыхъ, ему было очень холодно; даже въ мамкиной трущобѣ онъ не испытывалъ такого холода, потому что тогда онъ не вкусилъ еще кухоннаго тепла и теплой папычевой куртки, а также Степкина кожуха; а во-вторыхъ, благодаря этой чести, ему предстояло частенько наряжаться въ старыя рубища.

Въ этотъ день Панасъ былъ героемъ на кухнѣ. Его десять разъ заставляли разсказывать, какъ его рисовалъ молодой баринъ. Нѣкоторые рѣшительно завидовали ему и выражали съ своей стороны желаніе быть срисованными.

Степка же, напротивъ, заявилъ, что если бъ ему отрѣзали даже руку, онъ все-таки ни за что не позволилъ бы рисовать себя, потому что это — грѣхъ.

V.

Панасъ оказывается совершенной бездарностью.

Положеніе Панаса въ батюшкиномъ домѣ постепенно опредѣлялось. Сначала его хотѣли прикомандировать спеціально къ кухнѣ, причемъ на обязанности его лежало приносить съ горôда и подкладывать въ печь солому, ловить куръ и гусей, предназначенныхъ къ жаркому, мести кухню, выносить золу и помои, но у Панаса не оказалось таланта для этой спеціальности. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняла матушка на томъ основаніи, что Панасъ однажды выронилъ золу и разсыпалъ ее среди кухни. Въ сущности же матушка просто сообразила, что, имѣя такого шустраго помощника, какъ Панасъ, Маланья избалуется и перестанетъ выполнять свои обязанности. Тогда его прикомандировали къ Степкѣ, но и тутъ Панасъ оказался бездарностью, потому что Степка взвалилъ на него свою работу, а самъ заваливался спать и ночью, и днемъ. Тогда было рѣшено, что у Панаса не будетъ никакой спеціальности. Но зато уже трудно было назвать такое дѣло въ хозяйствѣ матушки, въ которомъ не участвовалъ бы Панасъ. Спѣшная ли работа въ кухнѣ—Панасъ тамъ вертится и, какъ угорѣлый, мчится изъ кухни въ погребъ, изъ погреба въ ледникъ, на горôдъ, въ комнаты и тащитъ солому, муку, ледъ, все, что въ данный моментъ нужно въ кухнѣ. Случится ли такъ, что Степку куда-нибудь ушлютъ, а тутъ вдругъ у батюшки треба, — Панасъ, кряхтя и потѣя, выкатываетъ бричку и закладываетъ коня. Онъ еле подымаетъ дугу и не можетъ достать рукой до лошадиной морды, чтобы зануздать ее, — это ничего: онъ подставляетъ скамейку и при помощи ея выполняетъ всѣ функціи кучера, и ѣдетъ съ батюшкой на требу. Была у него одна своеобразная спеціальность. Уже никто въ батюшкиномъ домѣ не осмѣливался рѣзать куръ и всякую птицу. У Панаса была хорошая рука; подъ его ножомъ птица немедленно издыхала, тогда какъ у другихъ она еще долго мучилась послѣ смертоносной операціи. Онъ не извѣдалъ еще одной только работы. Никогда не удавалось ему состоять при Дунькѣ и убирать горницы, а ему очень хотѣлось. Особенно интересовался онъ батюшкинымъ

кабинетомъ, какъ мѣстомъ, гдѣ онъ молится. Но это было еще впереди.

Мало-по-малу Панасъ сталъ забывать о мамкиной трущобѣ, и мысль, что онъ можетъ опять туда вернуться, казалась ему дикой, неосуществимой. Онъ поправился и раздобрѣлъ и, хотя не пріобрѣлъ такой широкой морды, какъ у Соньки, тѣмъ не менѣе, смотрѣлъ здоровымъ малымъ. Помѣщикъ остался очень недоволенъ наружностью Панаса, когда пригласилъ его на второй сеансъ. Хотя матушка опять нарядила своего питомца самымъ «художественнымъ» образомъ, но «типъ» тѣмъ не менѣе много терялъ, вслѣдствіе отсутствія прежней худобы. Матушка была, повидимому, очень довольна Панасомъ. Она почти не подвергала его наказаніямъ, если не считать двухъ-трехъ случаевъ, когда у него ухо оказалось въ крови. Принимая во вниманіе тѣ способы, которыми матушка наставляла на путь истины Соньку, Панасъ ставилъ ни во что эти два-три случая. Сонька вѣчно ходила съ заплаканными глазами, и это происходило отъ того, что она, по своимъ обязанностямъ, постоянно вертѣлась «въ горницахъ» и, такимъ образомъ, слишкомъ часто попадалась на глаза матушкѣ.

Матушка принадлежала къ почтенному роду людей, у которыхъ при видѣ человѣка босого, или несущаго метлу въ рукахъ, или вообще выполняющаго черную работу, — начинаютъ чесаться руки. Въ село Панычево она переселилась съ батюшкой въ дни своей молодости, когда панычевцы были еще крѣпостными людьми помѣщика Гуляева. Покойный Гуляевъ былъ человѣкъ набожный и оказывалъ почетъ духовнымъ особамъ. Онъ не могъ придумать большаго одолженія для батюшки, какъ отдать въ его пожизненное распоряженіе четыре души—двѣ мужскихъ и столько же женскихъ. Эти четыре души несли на плечахъ своихъ все матушкино хозяйство. Матушка, несмотря на то, что не была столбовой дворянкой, а лишь дочерью деревенскаго дьякона, умѣла обращаться съ злополучными «душами» такъ, какъ будто она была кровная помѣщица. Съ утра до вечера грозныя приказанія перемѣшивались съ тумаками и пощечинами; «души» работали и выли, ругались и молились. Напрасно батюшка, знавшій наизусть половину Писанія, всякій разъ увѣщевалъ ее, приводя разные, подходящіе къ случаю, тексты, — матушка не могла уняться, потому что у нея расходилась рука. И такъ мучились зло-

счастныя «души», какъ будто онѣ обрѣтались въ чистилищѣ для искупленія своихъ великихъ грѣховъ. Но вдругъ объявили волю, и матушка осталась въ самомъ безвыходномъ положеніи. «Души» первымъ дѣломъ разбѣжались. Напрасно матушка сейчасъ же предложила имъ жалованье, стала называть ихъ «вы» и, вмѣсто презрительныхъ «Сашка», «Машка», величественно произносила «Александръ», «Марія». Тогда матушка претерпѣла много мукъ. Пришлось нанимать городскую прислугу и обращаться съ нею мягко, почтительно. А у нея, между тѣмъ, руки неистово чесались, и подчасъ она чувствовала такую же потребность дать кому-нибудь пощечину, какъ потребность—каждый день обѣдать. Тогда она ловила на мѣстѣ какого-нибудь сомнительнаго преступленія дворовую собаку и отпускала ей ударъ,—послѣ чего чувствовала облегченіе. Но такъ не могло тянуться долго. Матушка болѣла и разстраивала свои нервы, благодаря невозможности удовлетворять своимъ старымъ привычкамъ, да и кромѣ того ее просто тошнило при видѣ этой нѣженки — городской прислуги, за которою нужно ухаживать больше, чѣмъ она ухаживаетъ за матушкой. Жажда неограниченной власти искала выхода и, наконецъ, къ величайшему благополучію матушки, нашла его. Матушка вдругъ возгорѣлась человѣколюбивыми чувствами. Она вспомнила о долгѣ истинной христіанки и придумала взять къ себѣ сиротку для воспитанія. Батюшка искренно обрадовался возможности совершить доброе дѣло и безпрекословно согласился. Результатомъ этого было появленіе въ батюшкиномъ домѣ маленькой Соньки, воспитаніемъ которой матушка энергично занялась по-своему. То же сознаніе христіанскаго долга заставило матушку взять къ себѣ Степку, котораго вся деревня, въ томъ числѣ и матушка, считала дурачкомъ. Наконецъ, къ этимъ «сироткамъ» присоединился Панасъ, что для матушки представлялось новымъ шансомъ заслужить райское блаженство.

Изъ всѣхъ этихъ счастливцевъ Панасъ болѣе всѣхъ прочихъ радовалъ матушку. Онъ оказался вполнѣ воспріимчивымъ къ тѣмъ нравственнымъ правиламъ, которыя матушка внушала своимъ питомцамъ. Шустрый и подвижной по природѣ, онъ плохо чувствовалъ себя, когда ему приходилось сидѣть безъ дѣла. Впрочемъ, это случалось очень рѣдко, потому что дѣла всегда было довольно. Послѣ того, какъ его признали неспособнымъ къ какой-нибудь опредѣ-

ленной спеціальности, онъ оказался совершенно пригоднымъ для всѣхъ спеціальностей одновременно.

Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ Панасъ обрѣтался на воспитаніи у матушки,—а онъ уже сдѣлался необходимымъ. Въ особенности это обнаружилось съ того времени, какъ началась весна и домашняя птица занялась продолженіемъ своего рода. Матушка никогда еще не собирала такъ много яицъ, какъ въ этомъ году,—и причиной тому былъ Панасъ. У него была какая-то особенная способность сыщика по птичьимъ дѣламъ, и онъ доставалъ яйца изъ такихъ потайныхъ мѣстъ, куда даже зоркій глазъ матушки ни разу не проникалъ. Хитрыя куры, не желая рисковать своимъ потомствомъ (въ томъ смыслѣ, что оно прежде появленія на свѣтъ пойдетъ на яичницу), вырывали ямки среди густого колючаго бурьяна, прятались въ глубь скирды сѣна, забирались на чердакъ — и тамъ вели уединенную семейную жизнь, несли яйца и собирались тайкомъ высиживать цыплятъ, увѣренныя, что перехитрили матушку. Но Панасъ проникалъ во всѣ эти потайныя мѣста, накрывалъ злонамѣренную курицу на мѣстѣ преступленія, отбиралъ у нея яйца и торжественно несъ ихъ къ матушкѣ въ погребъ; виновную же наказывалъ, обливая ее холодной водой, что для нея представлялось не только адской мукой, но и оскорбленіемъ. Вообще по птичьему дѣлу у него былъ особенный талантъ, поэтому ему почти безконтрольно былъ порученъ надзоръ за птицей. Но такое пустое занятіе не могло, конечно, считаться спеціальностью, поэтому оно не лишало Панаса удовольствія помогать на кухнѣ, возиться съ лошадьми, телятами, коровами и проч., и проч.

Матушка очень боялась, чтобъ Панасъ не зазнался, и поэтому не только никогда не хвалила его, а, напротивъ, отъ времени до времени находила поводы обличить его въ какой-нибудь неисправности и оттянуть ему ухо или чубъ — въ видахъ благодѣтельнаго поощренія къ дальнѣйшему усовершенствованію, думая въ то же время про себя: «изъ него выйдетъ золотой работникъ, ежели не изворуется». А что онъ долженъ изворoваться — это матушкѣ казалось неизбѣжнымъ.

Къ началу весны Панасъ отлично познакомился какъ съ мѣстностью, такъ и съ обывателями села Паньичева. Его часто посылали на деревню—въ кабакъ ли за водкой, или въ лавку за гвоздями. Тогда онъ не пропускалъ слу-

чая завернуть къ Еремѣ. Что-то тянуло его туда. Вѣроятно, это было воспоминаніе о единственномъ днѣ его жизни, который онъ провелъ вполнѣ спокойно, въ теплѣ, среди добрыхъ людей, ни о чемъ не заботясь. Онъ рѣдко заставалъ дома Ерему и Марину. Зато Горпина всегда была дома и возилась съ дѣтьми. Она сильно подросла за эти мѣсяцы, лицо ея вытянулось и изъ круглаго превратилось въ продолговатое. Панасу она бывала рада и принимала его, какъ настоящая хозяйка. Жаль только, что ему нельзя было засиживаться, потому что это противорѣчило бы тѣмъ нравственнымъ правиламъ, которыя внушала ему матушка. А то они затѣяли бы игры въ «бабки», либо строили бы хаты изъ песку и грязи, и Панасъ съ удовольствіемъ просиживалъ бы тамъ цѣлые дни. Хата Еремы представляла для него нѣчто въ родѣ дома родственниковъ, куда изрѣдка отпускаютъ благонравныхъ школьниковъ.

Разъ какъ-то, когда Панасъ шелъ по селу съ пустою бутылью подъ мышкой, направляясь къ кабаку, по дорогѣ ему встрѣтился парень, лицо котораго было ему совсѣмъ незнакомо, а между тѣмъ парень пристально смотрѣлъ на него.

— Ишь, собачья дытына! — промолвилъ парень. — И не признается! Какъ попалъ на поповскіе хлѣба, да разжирѣлъ, такъ и смотритъ въ сторону. Кабы я это зналъ...

— Да я васъ и не знаю!

— Ты развѣ забылъ, какъ барахтался въ ополонкѣ? А?

— Не забылъ!

— Ну, а знаешь ты, что не будь тамъ Яшки Моргуна, то можетъ ты и по сей день барахтался бы?

Панасъ согласился съ этимъ, но все-таки не понималъ, чего собственно добивается отъ него парень.

— Да я жъ и есть тотъ самый Яшка Моргунъ!..

— Ну!?

Панасъ сконфузился. Въ самомъ дѣлѣ, какая это съ его стороны неблагодарность! Но вѣдь онъ тогда ничего не видѣлъ и не слышалъ.

— И то правда! — сообразилъ, наконецъ, Моргунъ. — Я и позабылъ, что ты тогда былъ все равно какъ мертвый!.. Ну, такъ знай же, что я тебя спасъ!

Панасъ обѣщалъ, что отнынѣ онъ будетъ знать это.

— А вотъ, гляди — это хата моего батьки, тутъ и я живу... Ты заходи когда-нибудь,—прибавилъ парень.

Въ это время къ нимъ присоединилось нѣсколько парней.

— Эге! Да это тотъ самый поросенокъ, который тогда чуть-было не нырнулъ на тотъ свѣтъ!—восклицали парни.

Мало-по-малу вокругъ Панаса собралась изрядная кучка народа. Тутъ были и парни, и бабы, и старики, и дѣвки. Всѣ съ любопытствомъ осматривали его костюмъ. Въ особенности была почтена вниманіемъ гимназическая фуражка. Всѣ находили, что Панасъ поправился и немножко выросъ. Многіе старались опредѣлить, сколько ему лѣтъ. По росту ему давали около девяти, но проницательныя бабы читали на лицѣ его много опыта житейскаго и увѣряли, что ему не меньше двѣнадцати. Панасъ, окруженный толпой, нисколько не смутился. Онъ уже давно пересталъ робѣть и былъ, напротивъ, очень развязенъ. Его спрашивали, какъ ему живется у матушки. Онъ совершенно просто отвѣчалъ, что матушка больно прижимаетъ, а батюшка—святой.

— Ишь, какъ разсуждаетъ! точно большой! а?! — говорили бабы. — А какое было тогда несчастное! Кажется, ногтемъ раздавила бы, а теперь — поди-ка, поговори съ нимъ!...

Однажды, когда батюшка съ матушкой пили вечерній чай, поставивъ столъ среди двора, Панасу случайно удалось подслушать ихъ разговоръ. Надо сказать правду, что Панасъ, несмотря на строгіе принципы, постоянно внушаемые ему матушкой, услышавъ двѣ-три фразы, даже не подумалъ уклониться отъ столь предосудительнаго поступка, какъ подслушиваніе. Напротивъ, онъ приставилъ руку къ лѣвому уху, чтобъ не проронить ни одного слова. Въ извиненіе ему можно сказать, что разговоръ отчасти касался его.

— А знаешь, душа моя!—говорилъ батюшка матушкѣ.— Это хорошо, что мы взяли Панаса... Вотъ скоро пріѣдетъ на каникулы Алеша... Все же ему будетъ веселѣй съ этимъ мальчикомъ.

— Ну, ужъ это ты извини, отецъ Макарій, — отвѣтила матушка. — Фанаську отрывать отъ дѣла я не очень-то охоча!—Слава Тебѣ, Господи, работы полонъ ротъ! А безъ него—знаешь—я какъ безъ рукъ.

Это выраженіе очень понравилось Панасу. Его живое воображеніе сейчасъ же нарисовало матушку, у которой съ обѣихъ сторонъ, вмѣсто рукъ, виситъ по Панасу. Онъ даже тихонько разсмѣялся.

— Ну, все же иногда... отчего мальчику и не побаловаться!—Батюшка очевидно смягчилъ свои требованія.

— То-то, побаловаться! А ты не боишься, что этотъ мальчуганъ дурно повліяетъ на Алешу? Развѣ ты не знаешь, гдѣ онъ выросъ и какіе примѣры онъ видѣлъ! Вѣдь это здѣсь ему негдѣ развернуться... А то бы онъ показалъ себя!.. Нѣтъ, отецъ Макарій, тутъ нужно смотрѣть въ оба!.. А когда ты посылаешь за Алешей?

— Да думаю—на той недѣлѣ...

Тутъ Панаса окликнулъ Степка, и онъ долженъ былъ отказать себѣ въ наслажденіи дослушать разговоръ. Но онъ узналъ самое существенное — скоро пріѣдетъ поповичъ, и, можетъ-быть, позволятъ иногда гулять съ поповичемъ. Остальное не было для него новостью, такъ какъ матушка частенько напоминала ему о развратной средѣ, въ которой онъ выросъ.

VI.

Новый кругъ обязанностей.

Поповичъ пріѣхалъ. Это былъ бойкій, подвижной мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати, по имени Алеша, въ изящно скроенномъ мундирѣ, въ новой кепи, которую надѣвалъ нѣсколько на-бокъ, какъ истый франтъ, знающій, чѣмъ можно прельстить женское сердце. У него была недурная наружность. Умные, быстрые глазенки темнаго цвѣта выдавали зародыши сообразительности и дѣтскаго лукавства. Значительно подрѣзанные волосы (о чемъ онъ много скорбѣлъ) онъ ухитрялся зачесывать вверхъ («противъ шерсти»—говорила матушка), что придавало ему воинственный видъ. Вообще всѣмъ своимъ видомъ онъ выдавалъ сокровенное желаніе—казаться, по крайней мѣрѣ, на три года старше самого себя.

Ему устроили довольно торжественную встрѣчу. Не говоря уже о томъ, что его очень любили, какъ надежду семьи, тутъ немаловажную роль играло еще то обстоятельство, что онъ, первый разъ въ жизни, умудрился перейти въ слѣдующій классъ, просидѣвъ въ предыдущемъ не два года, какъ это всегда дѣлалъ, а только одинъ. Такое небывалое усердіе въ наукахъ глубоко тронуло родительскія сердца—отца Макарія и матушки. Батюшка встрѣтилъ его въ атласной рясѣ, а матушка въ свѣтломъ платьѣ (что было ей даже не по лѣтамъ), точь-въ-точь какъ встрѣ-

чаютъ архіерея. Когда бричка, привезшая поповича, вкатилась во дворъ, всѣ наличные обыватели батюшкина дома выбѣжали изъ своихъ мѣстъ и занялись разсматриваньемъ поповича. Нѣкоторые видѣли его только въ первый разъ, какъ, напримѣръ, Маланья, и имъ другіе объясняли, что когда-то поповичъ былъ «вотъ такимъ» (показывали нѣсколько вершковъ отъ земли), и они тогда его знали, а теперь онъ сдѣлался «вонъ какимъ». Тѣ удивлялись, какъ будто у нихъ существовало убѣжденіе, что поповичи рождаются на свѣтъ въ аршинъ ростомъ, въ гимназическихъ мундирахъ и кепи.

Прежде всего, разумѣется, его угостили жареной поросятиной, которая была собственно для него заготовлена. Потомъ батюшка принялся извлекать изъ него городскія новости, преимущественно разспрашивая о томъ, какъ служитъ въ церкви новый архіерей, и что о немъ говорятъ, строгъ онъ или мягокъ. Алеша, однако, отвѣчалъ разсѣянно. Его тянуло во дворъ, гдѣ въ это время ярко свѣтило лѣтнее солнце; хотѣлось бѣжать въ помѣщичій садъ, гдѣ пахнетъ зеленью и поспѣвающей грушей. Ему также очень хотѣлось познакомиться съ Панасомъ, о которомъ ему разсказалъ Степка дорогой. Поэтому онъ то и дѣло заглядывалъ въ окно. Наконецъ, онъ вырвался и сейчасъ же побѣжалъ въ конюшню. Лошади были его страстью, — онъ хотѣлъ поздороваться съ ними. Въ конюшнѣ возился Панасъ. Поповичъ слегка разсмотрѣлъ его.

— Ты—Фанаська?—спросилъ онъ прямо?

Панасъ не отрицалъ этого. Поповичъ въ это время гладилъ рукой лошадиныя морды.

— Побѣжимъ въ садъ!—предложилъ онъ.

— А матушка!...—несмѣло возразилъ Панасъ, которому давно хотѣлось побывать въ саду.

— О, это ничего! Положись на меня!—авторитетно сказалъ поповичъ.

Панасъ больше не пытался возражать. Они стрѣлой вылетѣли изъ конюшни, пробѣжали черезъ дворъ и помчались по направленію къ помѣщичьему саду.

— Фанаська! Фанаська! Ты куда? Вернись! Надо коней напоить! — кричала черезъ окно матушка, видѣвшая ихъ бѣгство. Панасъ невольно остановился. Но это было одно только мгновеніе.

— Не оборачивайся, будто не слышишь!—тихо сказалъ ему поповичъ, и Панасъ уже больше не останавливался.

Когда прибѣжали въ садъ, поповичъ убѣдился, что нашелъ въ Панасѣ превеселаго товарища. Панасъ за все пребываніе у матушки впервые почувствовалъ себя свободнымъ. У него на рукахъ не было никакого дѣла. Имъ овладѣлъ такой неистовый восторгъ, что онъ просто не находилъ себѣ мѣста. Онъ прыгалъ, какъ дикая коза, кричалъ, свисталъ; говорилъ какія-то, ничего не означающія слова, которыя казались ему смѣшными, въ родѣ «барлыбалды», и по поводу этихъ словъ хохоталъ до упаду. Съ ловкостью обезьяны онъ карабкался на деревья, срывалъ плоды, пряталъ въ карманы и запазуху, что̀ не успѣвалъ съѣсть. Плоды были далеко не зрѣлы, тѣмъ не менѣе онъ ѣлъ ихъ не только съ аппетитомъ, но даже съ жадностью. Поповичъ, обрадовавшійся и деревнѣ, и дому, и садовой зелени, нисколько не отставалъ отъ него и съ такимъ же рвеніемъ наполнялъ свой желудокъ всякой дрянью. Словомъ, первый день знакомства поповича съ Панасомъ былъ чуть ли не самымъ веселымъ днемъ въ жизни ихъ обоихъ. Панасъ разсказалъ поповичу, какъ его вытащили изъ проруби, отрекомендовалъ свою мамку и приходившихъ къ ней солдатъ. Поповичъ, съ своей стороны, растолковалъ Панасу, что̀ такое гимназія. На основаніи этого толкованія Панасъ рѣшилъ, что поповичъ — самый несчастный человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ. Дальше поповичъ изобразилъ, какую рожу корчитъ учитель латинскаго языка, когда входитъ въ классъ; какъ заикается учитель ариѳметики, когда начнетъ сердиться, и т. д. Все это было изображено съ несомнѣннымъ талантомъ, и Панасъ хохоталъ отъ души, позабывъ и о матушкѣ, и о лошадяхъ и курахъ. Онъ скорчилъ очень печальное лицо, когда поповичъ объявилъ, что ему хочется ѣсть и что потому пора вернуться домой. Панасу вовсе не хотѣлось ѣсть. То-есть, можетъ-быть, и хотѣлось, но онъ былъ въ такомъ восторгѣ, что не замѣчалъ этого. Очевидно, онъ былъ крайній идеалистъ. Когда они вернулись домой, матушка, къ большому изумленію Панаса, очень мало сердилась на него и даже не прикоснулась къ его ушамъ и чубу. Она только сказала, что не слѣдовало такъ засиживаться. Это было сдѣлано во вниманіе къ тому, что поповичъ перешелъ въ высшій классъ, а можетъ-быть, причина заключалась въ томъ, что по случаю пріѣзда Алеши родительское сердце матушки размягчилось. Въ самомъ дѣлѣ, даже Сонька, которая, какъ всѣ были увѣрены, создана для того, чтобъ матушка могла чесать объ нее

свои руки,—даже она въ этотъ день получила только одно поощреніе въ затылокъ и совсѣмъ не плакала. Однако, Панасъ убѣдился, что вся работа, которая въ этотъ день выпадала на его долю, такъ и осталась за нимъ: кони не были напоены; телята торчали въ загонѣ и ждали, пока жестокосердый Панасъ отгонитъ ихъ «въ череду»; амбары не заперты, — словомъ, у него еще было довольно работы. Въ этотъ день онъ копался до полуночи и только тогда, совершивъ все, что отъ него требовалось, легъ спать и въ ту же минуту захрапѣлъ, какъ самый отъявленный счастливецъ.

На другой день произошло очень странное совпаденіе обстоятельствъ. Поповичъ объявилъ, что онъ не можетъ встать съ постели. Когда же стали будить Панаса, то онъ началъ стонать и объявилъ то же самое. Тщательное изслѣдованіе показало, что оба они страдаютъ сильнымъ разстройствомъ желудковъ, что произошло вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія незрѣлыхъ плодовъ. Имъ дали по пріему слабительнаго, и это общее несчастіе, какъ всегда бываетъ, уже совсѣмъ сблизило ихъ, несмотря на неравенство ихъ общественнаго положенія. Къ вечеру они уже взлѣзли на скирду сѣна и тамъ старались привести все въ крайній безпорядокъ. Въ этотъ день Панасъ, по случаю лестнаго для него сходства болѣзни съ болѣзнью поповича, былъ даже освобожденъ отъ работы.

Какъ ни радостенъ для Панаса былъ пріѣздъ поповича, тѣмъ не менѣе тягота, которую онъ несъ на своихъ плечахъ, нисколько не уменьшалась. Матушка никакъ не могла допустить нарушенія разъ установленныхъ правилъ. Отъ этого пострадалъ бы порядокъ въ хозяйствѣ. Поэтому Панасъ подымался теперь гораздо раньше солнца, несмотря на то, что лѣтнее солнце на югѣ отличается крайней дѣловитостью и подымается не позже четырехъ часовъ. Поповичъ просыпался часовъ въ десять, когда Панасъ уже удовлетворилъ и телятъ, и коней, и кухарку Маланью, — словомъ, исполнилъ все, что всегда исполнялъ утромъ,—и ожидалъ поповича во дворѣ. Поповичъ былъ очень изобрѣтателенъ по части игръ, но самымъ капитальнымъ его изобрѣтеніемъ была игра въ «лошадки», послѣ которой Панасъ всегда оставался въ проигрышѣ. «Лошадки» предполагались верховыя; одинъ изъ играющихъ долженъ былъ изображать лошадь, другой—сѣдока. Послѣдній взлѣзалъ первому на плечи и примѣрно хлесталъ его кнутомъ. Нечего и

говорить, что для перваго раза роль лошади выпала на долю Панаса. Поповичъ, который былъ половиной головы выше Панаса и значительно плотнѣе его, взобрался къ нему на плечи и пришпорилъ своего коня твердыми каблуками сапогъ. Онъ залихватски накренилъ свою кепи набокъ, подставилъ полукругомъ лѣвую руку къ боку и, принявъ молодецкую осанку истаго наѣздника, хлестнулъ кнутомъ по икрамъ своего ретиваго коня. Панасъ подпрыгнулъ и выразилъ нетерпѣніе. Поповичъ далъ ему въ ротъ довольно толстый шнуръ, концы котораго онъ держалъ въ рукахъ и который изображалъ уздечку.

— Но-о!—крикнулъ поповичъ, и конь-Панасъ помчалъ его по двору.

У него была осанка самаго лучшаго породистаго рысака, онъ фыркалъ, пыхтѣлъ, топалъ ногами; когда же поповичъ пускалъ въ дѣло кнутъ, породистый рысакъ начиналъ ржать и при этомъ очень ловко поддѣлывался подъ настоящее лошадиное ржанье. Эта выдумка произвела фуроръ. Всѣ выбѣжали во дворъ смотрѣть, какъ поповичъ катается на Панасѣ. Вышелъ даже самъ батюшка. Онъ, впрочемъ, не одобрялъ.

— Это не хорошо, душа моя, что ты позволяешь Алешѣ такія шалости! — сказалъ онъ матушкѣ. — Не слѣдуетъ унижать человѣка, хоть бы и Фанаську... Каковъ онъ ни есть, — все-таки человѣкъ отъ Адама... Какъ же можно уподоблять его лошади!?..

— Ты говоришь пустое, отецъ Макарій,—возразила матушка. — Алеша легонекъ, какъ перышко... Посмотри — Фанаська даже и не гнется!.. Фанаськѣ, должно-быть, даже пріятно, что можетъ побѣгать!.. Пусть себѣ дѣти играютъ!..

Батюшка только возвелъ очи къ небу и, тихо бормоча какую-то молитву, удалился въ свой кабинетъ, чтобъ не видѣть, какъ одинъ изъ потомковъ Адама, именуемый Фанаськой, уподобляется лошади.

— Будешь ты отвѣчать за все на страшномъ судѣ, — проговорилъ онъ уже у себя въ кабинетѣ, когда матушка не могла его слышать.

Увы! онъ не имѣлъ никакого вліянія на матушку, и его угрозы страшнымъ судомъ на нее очень мало дѣйствовали.

— Тпру! — раздалось надъ самымъ ухомъ матушки, и ретивый конь, какъ вкопанный, остановился у самаго крыльца. Поповичъ сошелъ на землю.

— Ну, теперь я буду конемъ, а ты садись! — сказалъ онъ, желая поступить по-рыцарски. — Твоя очередь!..

Матушка содрогнулась при такомъ предложеніи. Панасъ невольно взглянулъ на нее и прочиталъ въ ея лицѣ нѣчто очень знакомое.

— Я не хочу! — сказалъ онъ.

— Почему же ты не хочешь? Садись! — убѣждалъ Алеша.

— Зачѣмъ же ты его насилуешь, Алеша, — сказала матушка. — Если онъ не хочетъ, такъ и не надо... Притомъ — пора уже прекратить эту игру. У Фанаськи есть работа!..

Но Алеша вовсе не былъ расположенъ прекратить игру. Онъ рѣшилъ, что такъ какъ Панасъ отказался отъ наѣздника, то значитъ ему больше нравится роль лошади, и согласился пропустить его очередь. Онъ съ прежней легкостью возсѣлъ на плечи, и «игра» продолжалась.

— Ну, тоже игра хорошая, нечего сказать! — говорила Маланья, обращаясь къ Сонькѣ.

— А меня уже, должно-быть, скоро въ коровы произведутъ! — отвѣтила на это Сонька.

Поповичу очень понравилась игра «въ лошадки», поэтому онъ предпринималъ ее чуть не каждый день. Панасъ при этомъ обнаружилъ непоколебимую стойкость убѣжденій и роль лошади продолжалъ предпочитать роли наѣздника. Они значительно расширили предѣлы своего ипподрома и перешли за городъ. Здѣсь разстилалась необъятная гладкая степь, по которой ретивый Панасъ мчалъ своего сѣдока съ такимъ искреннимъ увлеченіемъ, что иногда они оказывались въ двухъ верстахъ отъ села. Тутъ они отдыхали, бесѣдовали, кувыркались и потомъ тѣмъ же способомъ «пріѣзжали» домой.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней въ домѣ батюшки можно было замѣтить нѣкоторую торжественность настроенія. Батюшка, несмотря на то, что это былъ будній день, служилъ обѣдню съ молебствіемъ, сама матушка, не взирая на чадъ и дымъ, возилась на кухнѣ около какого-то удивительнаго тѣста. Объяснялось это тѣмъ, что въ этотъ день были именины поповича. Впрочемъ, особенно важнаго ничего не произошло, кромѣ одного обстоятельства, доставившаго несказанную радость поповичу. Въ числѣ именинныхъ подарковъ батюшка поднесъ ему небольшое, изящное и доброкачественное ружье, со всѣми охотничьими принадлежностями, исключая соколовъ и собакъ. Настроеніе

было настолько радостное, что матушка позволила Алешѣ брать съ собой на охоту Панаса. Въ сущности иначе и быть не могло, потому что на охотѣ случаются такія затрудненія, изъ которыхъ Алеша едва ли вышелъ бы безъ помощи Панаса. Иначе *говоря*, въ лицѣ Панаса матушка дарила Алешѣ охотничью собаку. И вотъ они стали охотиться. Поблизости отъ Папычева находились обширныя пространства, занятыя камышомъ, который въ изобиліи произрасталъ на болотистой почвѣ. Тамъ неслись и водили дѣтенышей дикія утки и курочки. Иногда среди камыша попадалось мелководное озеро, покрытое тиной. Здѣсь можно было выслѣживать куликовъ и бекасовъ. Наши охотники обыкновенно сюда и направлялись. Поповичъ несъ ружье, потому что не могъ довѣрить Панасу такую драгоцѣнность. Панасъ тащилъ сумку съ порохомъ и дробью. Кромѣ того, онъ изображалъ обозъ и былъ нагруженъ разными съѣстными припасами, которыхъ они всегда забирали вдоволь. Когда они достигали подходящаго мѣста, гдѣ, по ихъ соображеніямъ, близко была дичь, Панасъ дѣлалъ стойку и оставался позади, а поповичъ подкрадывался и стрѣлялъ изъ-за камыша. Если выстрѣлъ былъ удаченъ, то роль поповича на этомъ и кончалась, Панасъ же разставался на время съ ролью оруженосца, снималъ съ себя доспѣхи, раздѣвался до-нага и превращался въ охотничью собаку. Барахтаясь въ грязи и натыкаясь на острые пни, оставшіеся отъ прошлогодняго камыша, онъ на четверенькахъ достигалъ того мѣста, гдѣ лежалъ побѣжденный врагъ, и съ крикомъ радости тащилъ его къ панычу. Тутъ онъ смывалъ съ себя грязь, насколько это было возможно, облачался въ свои доспѣхи и снова вступалъ въ прежнюю роль.

Нужно замѣтить, что Панасъ нисколько не тяготился этой не слишкомъ почетной ролью. Напротивъ, въ эти моменты онъ чувствовалъ себя очень хорошо и готовъ былъ бы съ такой же охотой исполнять роль сокола, если бъ у него были крылья. Въ дни охоты они уходили изъ дому до восхода солнца, а возвращались только къ вечеру. Тутъ ужъ матушка никакъ не могла заставить Панаса выполнить за вечеръ тѣ работы, которыя онъ могъ бы выполнить за день. Это было невозможно, и Панасъ старался задержать Алешу подольше на охотѣ, чтобъ это сдѣлалось еще невозможнѣе. Напрасно матушка наказывала имъ возвращаться пораньше. Они съ каждымъ разомъ больше и

больше опаздывали. Кромѣ этой льготы, Панасъ находилъ еще одно удобство. Матушка, влюбленная въ своего Алешу, напихивала его «торбочку» самыми лучшими продуктами своей кухни. Тутъ были и жареные цыплята, и пирожки съ рисомъ, и яблоки, и сдобные коржики. Панасъ никогда подобнаго не ѣлъ на кухнѣ, а поповичъ, который вообще велъ себя по-рыцарски, дѣлалъ его равноправнымъ участникомъ своей трапезы. Черезъ каждые полчаса они садились отдыхать на какомъ-нибудь стволѣ стараго, повалившагося дерева и, такъ какъ оба отличались хорошимъ аппетитомъ, непремѣнно открывали благодѣтельную «торбочку» и уплетали ея вкусное содержимое, поминая матушку добрыми словами. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, Панасъ сдѣлался страстнымъ охотникомъ, постоянно звалъ Алешу на охоту и предпочиталъ ее даже такому пріятному занятію, какъ игра «въ лошади».

VII.

Панасъ дурно вліяетъ на поповича.

Мальчики провели вмѣстѣ уже больше мѣсяца и не могли представить себѣ того момента, когда ихъ разлучатъ.

Панычъ часто разсказывалъ Панасу о городской жизни, которая, несмотря на его скромный возрастъ, была ему, повидимому, довольно хорошо знакома. Онъ въ точности описывалъ, что̀ дѣлается на бульварѣ, и обнаружилъ большія свѣдѣнія по части гимназистокъ младшихъ классовъ. Панаса особенно удивляли тѣ мѣста Алешиныхъ повѣствованій, когда онъ употреблялъ выраженія приблизительно такого рода: «Эта была влюблена въ меня и даже однажды прислала мнѣ записочку съ конфеткой... Я сказалъ ей, что она—дура». Или: «Когда я прохожу мимо женской гимназіи, на меня весь третій классъ смотритъ... Одна сказала мнѣ, что я — душка... Ха-ха! А я отвѣтилъ, что она — дура!» Или, наконецъ, въ такомъ родѣ: «За этой я уже цѣлый годъ ухаживаю!» Такого рода похожденій у Алеши было такъ много, что Панасъ совершенно серьезно спросилъ:

— А вы еще ни разу не женились?

На это Алеша залился бѣшенымъ хохотомъ и отечески объяснилъ Панасу, что жениться можно только одинъ разъ и что для этого нужно быть большимъ и имѣть усы.

Часто также Алеша распространялся о томъ, чему его

учатъ въ гимназіи, и нерѣдко излагалъ ему цѣлыя научныя теоріи, которыя самъ усвоилъ. Онъ очень ясно доказалъ ему, что земля кругла, а также и то, что Панасъ ужасно ошибается, полагая, что солнце вертится, а земля стоитъ, тогда какъ въ дѣйствительности дѣло происходитъ наоборотъ. Иногда Алеша поражалъ Панаса цѣлыми латинскими изреченіями, и такъ какъ самъ онъ остановился не четвертомъ склоненіи, и заставилъ Панаса вызубрить по-латыни знаменитое изреченіе, полное глубокаго философскаго смысла «tolle me, mu, mi, mis, si declinare domus vis». Панасъ же, съ своей стороны, поражалъ своею мудростью всю кухню.

Однажды, подъ вліяніемъ латинскихъ изреченій, Алешѣ пришла въ голову странная идея.

— Хочешь, Панасъ, я научу тебя читать по-латыни?— предложилъ поповичъ.

— Да я еще по-русски не умѣю! — резонно возразилъ Панасъ.

Поповичъ былъ пораженъ его невѣжествомъ и рѣшилъ, что сначала онъ научитъ Панаса читать по-русски. Уроки происходили въ конюшнѣ, гдѣ Панасъ позналъ первую сладость складовъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ очень быстро воспринималъ науку, тѣмъ не менѣе онъ уже готовился отъ складовъ перейти къ гладкому чтенію, какъ вдругъ однажды, во время урока, въ аудиторію вошла матушка.

— Это что такое?—удивилась она.

Алеша объяснилъ, что Панасъ поучается грамотѣ, и не безъ гордости прибавилъ, что дѣло это идетъ какъ нельзя лучше.

— Вотъ еще выдумки! — сказала матушка. — Очень нужна ему эта грамота! Что онъ съ телятами, что ли, по книжному разговаривать станетъ?.. Чтобы этого впредь не было! Слышишь?.. Да тогда онъ совсѣмъ отъ рукъ отобьется! Очень нужны мнѣ ученые работники!..

И желая искоренить зло въ самомъ корнѣ, матушка отобрала книжку и торжественно предала ее огню. Такимъ образомъ это злонамѣренное предпріятіе было своевременно пресѣчено, и ученость Панаса не пошла дальше складовъ.

Однажды, когда молодые друзья только-что покончили игру «въ лошадки», и Панасъ занялся вытираніемъ пота, обильно выступившаго у него на лицѣ, поповичъ скорчилъ очень кислую гримасу.

— Заешь что, Фанаська!—сказалъ онъ въ высшей степени таинственно:—мнѣ ужасно хочется курить!

— Какъ курить?—спросилъ Панасъ, совершенно пораженный этимъ сообщеніемъ.

— Курить!.. Папироску!.. Я уже два года курю! У насъ въ гимназіи почти всѣ курятъ!.. Когда пріѣзжаю домой, бросаю, потому что папа считаетъ это грѣхомъ, а мама не любитъ табачнаго запаха!.. Но теперь мнѣ ужасно захотѣлось!.. Такъ, знаешь, что даже... тошнитъ!

— А развѣ вамъ въ городѣ позволяютъ?—спросилъ Панасъ.

— Мало ли что! Мы куримъ въ...—тутъ Алеша назвалъ то мѣсто, гдѣ гимназисты курятъ.

— Что жъ вы курите? Махорку?—продолжалъ удивленно спрашивать Панасъ, не знавшій ни одного сорта табаку, кромѣ махорки.

— Ну, вотъ еще! Я курю первый сортъ!—обидчивымъ тономъ отвѣтилъ Алеша.

Онъ объяснилъ дальше, что у него нѣтъ ни одной папироски, и сейчасъ же придумалъ выпросить у матери на орѣхи, что и было приведено въ исполненіе. Обязанность Панаса состояла въ томъ, чтобъ незамѣтно пройти въ лавку и купить табаку и бумажки, всего на пятнадцать копеекъ. Когда Панасъ исполнилъ порученіе, Алеша предложилъ ему раздѣлить удовольствіе. Но Панасъ былъ настолько невѣжественъ, что не умѣлъ даже скрутить папироски; поповичъ долженъ былъ показать ему всѣ пріемы. Затѣмъ оказалось, что табачный дымъ не доставляетъ Панасу никакого удовольствія. Профанація съ его стороны дошла до того, что онъ выпускалъ дымъ изо рта, не затягиваясь. Алеша научилъ его затягиваться. Это происходило въ конюшнѣ, въ тѣ часы, когда Степка отсутствовалъ. Курильщики наслаждались уже съ недѣлю, и Панасъ начиналъ входить во вкусъ. Случилось, однакожъ, что самъ о. Макарій пожелалъ лично освѣдомиться, въ должномъ ли порядкѣ содержится конюшня. И это случилось какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда надъ лошадиными мордами носились облака табачнаго дыма, вслѣдствіе чего коренные обитатели конюшни принялись чихать, а молодые преступники только-что заплевали свои папиросы. Батюшка, который считалъ куреніе однимъ изъ наиболѣе смертныхъ грѣховъ, поблѣднѣлъ отъ гнѣва.

— Кто курилъ?—спросилъ онъ гнѣвнымъ голосомъ. Преступники молча дрожали передъ нимъ.

— Это... должно-быть... Степка! — насилу выговорилъ Алеша.

— Степки дома нѣтъ! Ты лжешь! Подойди сюда! — и онъ привлекъ къ себѣ Алешу.—Дыши!

Алеша долженъ былъ дышать, чуть не касаясь своимъ ртомъ усовъ о. Макарія. Алеша попытался схитрить, и вмѣсто того, чтобы выпускать воздухъ, онъ, напротивъ, потянулъ его къ себѣ. Но батюшка, повидимому, былъ знакомъ съ этой уловкой и заставилъ его дышать какъ слѣдуетъ.

— Мерзавецъ!—сказалъ батюшка, отталкивая его отъ себя.

Потомъ пришлось дышать Панасу. Этотъ сразу обнаружилъ ужасную истину.

— Негодяй!—сказалъ ему батюшка и, крѣпко ухвативъ обоихъ за уши, повлекъ черезъ дворъ къ себѣ въ кабинетъ. Алеша оглашалъ дворъ зычнымъ крикомъ, продолжая увѣрять, что курилъ Степка. Панасъ покорно слѣдовалъ за батюшкой, глубоко сознавая всю свою вину. Ихъ встрѣтила матушка, и ей объяснили, въ чемъ дѣло. Матушка, увидавъ гнѣвное лицо о. Макарія, ужаснулась при мысли, что Алешу ожидаетъ порка.

— Да ты постой, отецъ Макарій. Нужно прежде разобрать дѣло!—остановила его супруга.—Не можетъ же быть, чтобъ онъ (матушка указала на Алешу) самъ, ни съ того, ни съ сего, выдумалъ это! Вѣдь кажется онъ у насъ не видитъ дурныхъ примѣровъ!..

— Ахъ, мать моя (это выраженіе о. Макарій употреблялъ вмѣсто «душа моя», когда онъ былъ въ гнѣвѣ)! Ты всегда балуешь его... Я не могу прощать такихъ мерзостей!..

— А я говорю тебѣ, что это дѣло надо разслѣдовать!—настаивала матушка.—Я и прежде говорила, что Фанаська дурно повліяетъ на Алешу! Вотъ оно и выходитъ! Ему-то это не впервые! Я думаю, вмѣстѣ съ мамкой еще затягивался!..

Это соображеніе заставило батюшку отсрочить наказаніе. Дальнѣйшее разслѣдованіе показало, что въ лавку за табакомъ ходилъ Панасъ (это разъяснилъ лавочникъ), а отсюда послѣдовалъ выводъ, что иниціаторомъ былъ также не кто иной, какъ Панасъ. Результатомъ разслѣдованія было то, что иниціатора собственноручно выпоролъ самъ батюшка, и замѣчательно то, что Панасъ ни однимъ словомъ не выдалъ своего молодого господина. Впрочемъ, батюшка былъ

справедливъ и не оставилъ безъ наказанія и Алешу. Алеша былъ умнѣйшій и потому долженъ былъ вразумить глупѣйшаго — Фанаську. И такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ, то былъ оставленъ на два дня безъ обѣда. Нечего и говорить, что въ эти дни онъ, будучи лишенъ обѣда, завтракалъ по три раза въ день.

Но все это пустяки въ сравненіи съ главнымъ результатомъ, который вытекъ изъ этого обстоятельства. Панасъ, какъ оказавшійся опаснымъ развратителемъ, былъ отлученъ отъ Алеши. Имъ уже было окончательно воспрещено ходить вмѣстѣ на охоту, играть въ «лошадки» и бесѣдовать о міровыхъ явленіяхъ и городскихъ гимназисткахъ. Неизвѣстно, которая изъ двухъ сторонъ теряла отъ этого больше, но ясно было, что съ этого дня поповичъ испытывалъ отчаянную скуку и рѣшительно не зналъ, куда дѣвать свое время. Панасъ же не скучалъ нисколько, потому что онъ попрежнему всецѣло предавался телятамъ, птицѣ, лошадямъ, кухаркѣ и прочимъ отраслямъ домашняго хозяйства. Съ поповичемъ онъ встрѣчался очень рѣдко, и такъ какъ это случалось чаще всего въ присутствіи матушки, то встрѣчи отличались холодностью. Алеша хотѣлъ показать, что онъ совершенно раскаялся и исправился, въ виду чего относился къ Панасу свысока и даже проявлялъ относительно его нѣкоторую брезгливость, какая вполнѣ приличествовала Панасову званію. Но это была одна только внѣшность, душа же Алеши рвалась въ конюшню, къ Панасу. Случился одинъ денекъ, когда молодымъ друзьямъ удалось-таки соединиться.

Дѣло въ томъ, что въ началѣ августа супругѣ panычевскаго старшины Богъ послалъ дочку. Такъ какъ старшина былъ человѣкъ почтенный и притомъ ежегодно засѣвалъ около двухъ сотенъ десятинъ земли, то батюшка съ матушкой, будучи приглашены къ нему на крестины, не имѣли никакихъ резоновъ отказываться. Но извѣстно, что хорошій тонъ ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ дѣтямъ присутствовать на крестинахъ, и поэтому Алеша долженъ былъ остаться дома. Да онъ и не выражалъ желанія ѣхать, какъ потому, что ему были небезызвѣстны требованія хорошаго тона, такъ и потому, что онъ разсчитывалъ на свиданіе съ Панасомъ. Матушка нисколько не боялась этой послѣдней случайности, потому что вѣрила въ искренность Алешина раскаянья. И вотъ Алеша остался одинъ. Присутствіе горничной Дуньки не могло смутить его, такъ какъ

вся оставшаяся прислуга, въ томъ числѣ Маланья и Сонька, сейчасъ же послѣ отъѣзда матушки завалилась спать. Всѣ они давно ожидали этого праздника. Алеша заглянулъ въ конюшню.

— Фанаська! — позвалъ онъ.

Тотъ отозвался.

— Пойдемъ въ комнаты!

Отъ этого предложенія Панасъ не имѣлъ силъ отказаться, потому что увидѣть внутренность батюшкиныхъ покоевъ было его давнишней мечтой. Онъ, робко оглядываясь, послѣдовалъ за поповичемъ. Они вошли въ большую комнату.

— Это зала! — отрекомендовалъ Алеша.

Зала эта далеко не отличалась роскошной обстановкой: пара неуклюжихъ креселъ, обитыхъ шерстяной матеріей зеленаго цвѣта, дюжина стульевъ съ твердыми клеенчатыми сидѣньями, широкій диванъ подъ орѣхъ, два стола и старое висячее зеркало. Но Панасъ никогда въ жизни не видѣлъ такой роскоши. Главное, что его поразило, это зеркало, въ которомъ онъ увидѣлъ свой образъ. Онъ минуты двѣ стоялъ передъ нимъ, раскрывъ ротъ и не рѣшаясь нарушить тишину. Потомъ вдругъ онъ ухватился за бока и принялся неудержимо хохотать, не спуская глазъ съ своего изображенія.

— Чего это ты? — удивился Алеша.

— Это я такой смѣшной!.. Ха-ха-ха! Панасъ! Эй, ты, Панасъ!.. Ха-ха-ха-ха!..

И онъ началъ дѣлать невозможныя гримасы, которыя, отражаясь въ зеркалѣ, приводили его въ неописанный восторгъ. Больше всего занимало и смѣшило его то обстоятельство, что онъ ясно видѣлъ собственныя уши. Но пытливость его дошла до того, что онъ пожелалъ увидѣть и затылокъ, и долго приспособлялся, пока, наконецъ, въ извѣстной степени не достигъ этого.

— А это кабинетъ! — продолжалъ знакомить его Алеша.

Войдя въ кабинетъ, Панасъ прежде всего отступилъ на два шага назадъ. Это была небольшая комната, стѣны которой почти сплошь были увѣшаны иконами въ кіотахъ, съ серебряными и даже золочеными ризами. На столикѣ лежало большое Евангеліе въ бархатномъ переплетѣ, двѣ просфоры, нѣсколько большихъ металлическихъ крестовъ, связка восковыхъ свѣчей, а посрединѣ ярко горѣла лампада. Въ комнатѣ слышался смѣшанный запахъ ладана и

деревяннаго масла. Панасъ немедленно ударилъ поклонъ и сталъ креститься.

— А батюшка совсѣмъ, должно-быть, святой!—съ благоговѣйнымъ вздохомъ произнесъ Панасъ.

Алеша улыбнулся.

— Пойдемъ въ лошадки играть! — пригласилъ онъ.

Панасъ согласился, но, проходя черезъ залъ, еще разъ заглянулъ въ зеркало и показалъ себѣ языкъ.

Послѣ игры въ лошадки, которая производилась по прежнему способу, Алеша нашелъ, что теперь удобно было бы и покурить. У него въ жилетномъ карманѣ остался мелкій табакъ, и онъ, скрутивъ себѣ папироску, предложилъ Панасу сдѣлать то же.

— Нѣтъ, ужъ я не стану! Чортъ съ ней!—сказалъ Панасъ, вспомнивъ, какъ тогда батюшка выпоролъ его.

Когда матушка съ батюшкой вернулись, они нашли всю прислугу за работой, причемъ работа производилась съ какой-то особенной энергіей. Панасъ въ это время отгонялъ телятъ «въ череду», а Алеша самымъ скромнымъ образомъ сидѣлъ въ кабинетѣ и дочитывалъ послѣднюю страницу Евангелія отъ Іоанна. Это очень понравилось батюшкѣ. Онъ похвалилъ Алешу, погладилъ его по головкѣ и далъ ему яблоко, которое захватилъ на крестинахъ собственно для него.

Этотъ день былъ послѣднимъ праздникомъ для Панаса. Наступило роковое пятнадцатое августа—Леша уѣхалъ въ гимназію.

VIII.

Панасъ получаетъ сюрпризъ.

Осень была дождливая и вѣтреная, благодаря чему главная отрасль хозяйства, подлежавшая вѣдѣнію Панаса, именно птичья часть—требовала особенныхъ усилій. Чрезвычайно старательнаго ухода требовало семейство индѣекъ. Эта порода, какъ извѣстно, отличается крайней чувствительностью и нервностью. Малѣйшее измѣненіе погоды отражается на настроеніи духа этой столь же величественной, сколь и глупой птицы. Панасъ изощрялъ всѣ свои умственныя способности, изобрѣтая способы предохраненія индюшекъ отъ дождливой погоды. Но его старанія не всегда увѣнчивались успѣхомъ, и нерѣдко онъ долженъ былъ докладывать матушкѣ о внезапной кончинѣ одной изъ своихъ воспитанницъ. Тогда ему приходилось нести такую же кару,

какъ если бы онъ былъ невольнымъ виновникомъ гибели человѣческаго существа, съ тою разницею, что въ послѣднемъ случаѣ наказаніе ограничивается церковнымъ покаяніемъ, у Панаса же страдали уши, чубъ и затылокъ.

Вообще этотъ годъ былъ тяжелѣе для Панаса, чѣмъ предыдущій. Тогда онъ перешелъ къ матушкѣ прямо изъ трущобы, гдѣ ему жилось слишкомъ уже плохо, и новое житье, которое такъ хулила Сонька и прочая дворня, показалось ему раемъ. Теперь у него для сравненія было лѣтнее житье. Благодаря пріѣзду поповича, онъ вкусилъ настоящей райской сладости. Онъ познакомился съ прелестью помѣщичьяго сада, съ просторомъ полей, съ увлекательностью дѣтскихъ игръ, съ томительными, пріятно-раздражающими превратностями охоты. У него уже не было прежней энергіи въ исполненіи домашнихъ работъ; онъ ясно ощущалъ скуку и усталость. А когда на кухонномъ столѣ появлялся не очень сложный «людской» борщъ въ сопровожденіи ячменной каши и ржаныхъ сухарей, ему вспоминались вкусные пирожки, сдобные коржики и разныя пряности, которыми они съ Алешей такъ обильно угощались на охотѣ. И онъ ѣлъ «людскую» пищу безъ прежняго удовольствія, а только для того, чтобъ брюхо не было пусто. Словомъ, онъ находился въ положеніи человѣка, который вкусилъ сладкаго и котораго поэтому при видѣ горькаго тошнитъ.

Зоркое око матушки, разумѣется, все это видѣло. Матушка то и дѣло повторяла, что «Фанаська начинаетъ портиться... это все охота да грамота! Я и тогда еще говорила!» — и сильно налегала она на Панасовы уши, стараясь привести его къ тому совершенству, которое было свойственно ему до грѣхопаденія.

Пришла зима—холодная, безснѣжная, обильная вьюгами. Панасъ, по роду своей дѣятельности, продолжалъ вертѣться цѣлые дни подъ открытымъ небомъ. Для него не существовало ни холода, ни вьюгъ. Только когда наступала ночь— онъ находилъ убѣжище въ конюшнѣ, подъ теплымъ кожухомъ Степки. Въ эту зиму на селѣ появлялось какъ-то особенно много нищихъ. Оборванные, дрожащіе, полуокоченѣлые и голодные, — они терпѣливо стояли у воротъ съ протянутыми впередъ полуобнаженными, костлявыми руками, пока имъ не выносили краюху хлѣба. Эту обязанность часто исполнялъ Панасъ, и когда онъ видѣлъ этихъ несчастныхъ, ему вспоминалась мамкина трущоба, съ ея

холодомъ и голодомъ. Тогда онъ мысленно благодарилъ Бога за то, что у него есть и хлѣбъ, и тепло, —и въ эти дни работалъ съ большей энергіей.

Однажды, когда, послѣ снѣжной вьюги, вся дворня, съ лопатами въ рукахъ, занялась расчисткой снѣга, а матушка тутъ же давала необходимыя указанія,—калитка медленно открылась и во дворъ вошла нищая. Ея полусогнутое туловище было облечено въ такія прозрачныя рубища, какихъ обитатели матушкина двора въ жизнь свою еще не видѣли. Она протянула руки и слабымъ голосомъ просила хлѣба. Панасъ сбѣгалъ въ кухню и принесъ ей краюху. Но въ тотъ самый моментъ, когда онъ подавалъ ей хлѣбъ, женщина взглянула на него. Панасъ чуть не уронилъ свою ношу.

— Мамка!—крикнулъ онъ на весь дворъ и вдругъ залился неудержимымъ плачемъ.

Онъ страшно испугался. Ему почудилось, что мамка встала изъ гроба и пришла, чтобъ взять его съ собой — въ могилу, которая еще тѣснѣе и холоднѣе ея прежней трущобы. Всѣ обступили его и нищую.

— Это твоя мамка? — спросила матушка.

— Мамка!—отвѣчалъ Панасъ, напрасно стараясь удержать слезы.

— Господи Ты, Боже мой! — заговорила нищая. — Вотъ привелось-таки... А я уже думала, что его и на свѣтѣ нѣтъ!.. Добрые люди, добрые люди!.. У кого жъ это тебя Господь пристроилъ?..

— У матушки, вотъ!—промолвилъ Панасъ, указавъ глазами на матушку.

Тогда нищая бросилась къ ногамъ матушки, обняла ея колѣни и цѣловала ея башмаки.

— Благодѣтельница!.. Спасительница!.. Благодѣтельница!—шептала она, и руки ея дрожали отъ холода.

Этотъ неожиданный маневръ сначала испугалъ матушку, а потомъ растрогалъ. Матушка была очень падка на благодарность. Едва ли что-нибудь другое могло такъ размягчить ея сердце, какъ униженное признаніе ея благодѣяній.

— Поди на кухню, милая, отогрѣйся!—сказала матушка, дѣлая видъ, что старается приподнять Панасову мамку.

Ее отвели въ кухню и посадили на лавку. Пока она согрѣвалась, всѣ принялись разсматривать ее. Она была почти высокаго роста. Худоба ея тѣла превосходила всякое вѣ-

роятіе. Синія, тонкія губы сохраняли постоянное выраженіе муки, какъ будто какое-то огромное страданіе, внезапно поразивъ эту женщину, оставило на лицѣ ея глубокій, вѣчный слѣдъ. Зрачки ея подвижныхъ глазъ расширились и блестѣли. Одежда состояла изъ такихъ предметовъ, которымъ нельзя было подыскать названія. Это былъ просто сборъ поднятыхъ на улицѣ тряпокъ и лоскутьевъ всевозможныхъ цвѣтовъ. Панасъ никакъ не могъ прекратить рыданій. Теперь онъ уже не боялся, что мамка возьметъ его въ могилу, онъ ясно представлялъ, въ чемъ дѣло: мамка не умерла, она просто нищенствуетъ и случайно забралась въ Panычево. Но онъ никогда прежде не видѣлъ мамку въ такомъ ужасномъ положеніи. Когда онъ съ нею разстался, она была страшно худа, и ему казалось, что человѣкъ не можетъ уже болѣе похудѣть, а теперь онъ видитъ ее вдвое похудѣвшей. Онъ никогда не былъ къ ней привязанъ, а между тѣмъ теперь не можетъ смотрѣть на нее безъ слезъ: у него до боли сжимается сердце и слезы текутъ неудержимо.

— Она, должно-быть, голодна, какъ собака!—сообразила Маланья.

Передъ ней поставили миску съ борщомъ. Всѣ съ ужасомъ смотрѣли, какъ жадно она поглощала ложку за ложкой, какъ горѣли при этомъ ея глаза и дрожали руки. Еще бы! Сегодня третій день, какъ у нея не было во рту ни крохи хлѣба. Вьюга сбила ее съ пути и задержала гдѣ-то въ камышахъ. Какъ она не окоченѣла тамъ совсѣмъ! Видно, Богъ хотѣлъ, чтобъ она еще разъ увидѣла своего Панаса. Поѣвши, она перестала дрожать и начала несвязно и отрывочно разсказывать о своихъ путевыхъ невзгодахъ. Надъ непроходимой чащей камыша вѣтеръ свистѣлъ и гудѣлъ, а она была одна-одинешенька безъ хлѣба и въ этой ужасной одеждѣ. Она слышала вой волковъ и молилась о своей грѣшной душѣ, увѣренная, что больше уже не увидитъ людей. Какъ она выбралась оттуда и какъ доплелась до села—не знаетъ; должно-быть, Богъ пожалѣлъ ее и оставилъ жить для покаянія.

Матушка прислала ей свое старое платье, платокъ и башмаки. Она переодѣлась. «Пусть она выспится!»—приказала матушка, и ее отвели въ маленькую комнату, рядомъ съ кухней. Въ этой комнаткѣ зимой помѣщались гуси и индѣйки, а иногда телята и поросята, если имъ приходилось въ это время появляться на свѣтъ Божій. Здѣсь,

около печки, разостлали рядно, и Панасова мать улеглась на покой. Она заснула въ ту же минуту, несмотря на свирѣпый крикъ гусей и поросятъ. Ее оставили одну. Панасъ мало-по-малу успокоился и пересталъ плакать.

Въ этотъ день обращеніе матушки съ Панасомъ странно измѣнилось. Она сдѣлалась мягче, снисходительнѣй; отдавала ему приказанія голосомъ умѣреннымъ, въ которомъ не слышалось прежняго раздраженія, прежней обиды. Что повліяло такъ на матушку? Растрогалъ ли ее видъ этой несчастной женщины или неудержимыя рыданія Панаса?.. У матушки въ сущности было не злое сердце, и ее не трудно было растрогать. Она облекалась суровостью только въ отношеніи прислуги, потому что у нея на этотъ счетъ были крутые принципы. Можетъ-быть, перемѣна съ ней произошла и оттого, что Панасу, на котораго всѣ смотрѣли, какъ на беззащитнаго, какъ на такого, за котораго въ цѣломъ мірѣ некому вступиться, — судьба вдругъ послала защитницу... Хоть и нищая, а все-таки мать! Кто можетъ помѣшать ей подставить свою грудь, когда въ сторону Панаса направится ударъ; сказать горькое слово упрека, когда на его долю выпадетъ обида? Развѣ она не имѣетъ власти взять его за руку и увести съ собой въ безконечныя странствованія?.. Въ глубинѣ же души матушка сознавала, что Панасъ сдѣлался для нея почти необходимымъ, что уйди онъ—хозяйство ея потерпитъ явный ущербъ.

Къ вечеру навели справки, и оказалось, что нежданная гостья еще спитъ. Ее оставили спать до слѣдующаго утра. Но настало и утро, а она не просыпалась. Тогда къ ней стали прислушиваться — дышитъ ли она. Оказалось, что она дышитъ преисправно. Тѣмъ не менѣе, когда она не проснулась и къ вечеру другого дня, матушка начала тревожиться. Самъ батюшка пришелъ въ маленькую комнату съ крестомъ и совершилъ краткое молебствіе. При этомъ ему понадобилось упомянуть ея имя, и Панасъ объявилъ, что зовутъ ее Параской. Но и послѣ молебствія Параска продолжала видѣть сладкіе сны.

— Должно-быть, она съ недѣлю не спала! — говорила матушка:—либо уже очень намерзлась...

Ближайшіе сосѣди, какъ-то: старшій и младшій приказчики съ супругами, старостиха, церковный сторожъ, помѣщичья ключница—поочередно посѣтили маленькую комнату, и о появленіи Панасовой матери, а также о ея удивительной спячкѣ скоро узнало все село. Бабы приходили

съ дальняго конца села и высказывали разныя соображенія. Большинство раздѣляло то мнѣніе, что Параска «замираетъ», т. е. претерпѣваетъ временную смерть. Душа ея на время оставила тѣло и носится по разнымъ мытарствамъ, чтобы видѣть разныя муки и потомъ, возвратившись къ тѣлу, раскаяться. Слухи о необычайномъ состояніи Параски дошли даже до помѣщичьяго двора, и самъ Ѳеденька, нѣкогда срисовывавшій Панаса, явился и сказалъ, что это — летаргія, чѣмъ, понятно, нисколько не уяснилъ дѣла и нимало не поколебалъ мнѣнія о «замираніи». Онъ выразилъ желаніе срисовать Параску, но батюшка не дозволилъ.

Параска проснулась на третій день къ вечеру. Она ужасно удивилась, увидѣвъ себя окруженною толпою бабъ. Особенно поразило ее присутствіе батюшки, котораго она видѣла въ первый разъ въ жизни и который осѣнялъ ее крестомъ? На разспросы — что она видѣла на томъ свѣтѣ—она не могла дать очень опредѣленныхъ отвѣтовъ. Видѣла она вьюгу, снѣжные сугробы, слышала волчій вой и все въ такомъ родѣ. Тѣмъ не менѣе убѣжденіе въ томъ, что она путешествовала на тотъ свѣтъ, нимало не поколебалось. Рѣшено было, что она со временемъ припомнитъ вещи, болѣе соотвѣтствующія такому далекому путешествію, а пока это сбудется—ей дали хорошенько поѣсть.

Какъ-то уже само собой вышло, что Параска осталась жить у матушки. Ей никто не напоминалъ о томъ, что надо собираться въ дорогу, она же сама не находила никакихъ поводовъ спѣшить.

— Пускай отъѣдается!—говорила матушка.

— Богъ припомнитъ это въ день страшнаго суда!—повторялъ въ свою очередь батюшка.

И Параска дѣйствительно отъѣдалась. Въ двѣ недѣли она уже перестала походить на то страшное чудовище, которое Панасъ принялъ за мертвеца, вставшаго изъ могилы. Она какъ-то очень быстро ознакомилась съ порядками, господствовавшими въ домѣ матушки, и умѣла сдѣлаться полезной. Всюду для нея находилась работа. То въ погребѣ что-нибудь переставитъ, и глядишь — такъ именно и слѣдуетъ; то въ кухнѣ устроитъ какое-нибудь вововведеніе — и опять же какъ нельзя болѣе кстати. Главное же — ее видѣли постоянно занятой; хоть надъ пустякомъ какимъ-нибудь, хоть гвоздь въ стѣну вколачиваетъ—а все-таки занята. Очевидно, такая ужъ натура дѣльная.

— Эге! Да она бой-баба! У нея такой же характеръ, какъ и у Фанаськи,—говорила матушка, смѣясь.

Но самымъ главнымъ было то, что смѣтливая и прошедшая за многотрудную жизнь огонь и воду — Параска инстинктивно угадала одну матушкину слабость, составляющую общую слабость всѣхъ бдительныхъ хозяекъ...

— А ваша Сонька, матушка, у-ухъ какая! — конфиденціально говорила она матушкѣ. — Такъ и норовитъ, чтобы присѣсть гдѣ-нибудь... Отвиливаетъ, отвиливаетъ...

— Да ужъ и не говори, голубушка моя, и не говори! Развѣ я не вижу? Я все вижу, моя милая: да развѣ съ ними что-нибудь подѣлаешь?.. О-охъ-охъ! Нынче, скажу я тебѣ, не прислуга намъ служитъ, а мы ей!—И матушка изливала всю свою душу, совершенно довольная, что у нея нашлась сторонница.

— Эхъ, матушка! Какъ погляжу я на ваше житье!.. Да у васъ словно у Бога за пазухой! — заводила въ другой разъ Параска:—чего имъ, этимъ лодарямъ, не достаетъ?.. Ѣды по горло; работа совсѣмъ, можно сказать, дѣтская! Хоть бы и эта, какъ ее... Маланья!.. Развѣ такую вамъ кухарку надобно? Вялая какая-то, истинно вялая!

— Терплю, голубушка, терплю! Уже, я думаю, мнѣ за одно это терпѣніе можно бы въ райскую обитель!.. А посмотрѣла бы ты, какъ они ѣдятъ...—и матушка долго описывала Параскѣ, «какъ они ѣдятъ».

Этимъ способомъ Параска овладѣла сердцемъ матушки. Она сдѣлалась повѣренной ея тайнъ, относящихся до несовершенствъ прислуги. «Вялая» Маланья, однакожъ, тоже не была лишена наблюдательности и ясно видѣла, что подъ нее подкапываются. Она была «баба съ гоноромъ» и не хотѣла ждать, пока ей откажутъ, тѣмъ болѣе, что и жалѣть-то особенно было нечего. Она нашла, что уже достаточно отблагодарила батюшку за изгнаніе бѣса, и объявила, что соскучилась за «чоловикомъ». Ее отпустили съ миромъ, а на ея мѣсто, какъ и слѣдовало ожидать, водворилась Параска. Съ этихъ поръ положеніе Панаса нѣсколько измѣнилось. Начать съ того, что онъ ѣлъ нисколько не хуже, чѣмъ батюшка съ матушкой. Во время возни своей съ курами и телятами, онъ находилъ достаточно поводовъ часто забѣгать на кухню. А тутъ уже были на-готовѣ — либо жирный кусочекъ мяса, либо свѣже-испеченный пирожокъ, либо лакомство съ господскаго стола. Всѣ кухонные обѣдальщики удивлялись, что Панасъ, который прежде такъ

образцово ѣлъ, потерялъ всякій аппетитъ и за обѣдомъ едва прикасался къ пищѣ. Другая перемѣна состояла въ томъ, что Параска иногда брала его на ночь къ себѣ, и тогда онъ спалъ на печкѣ, гдѣ ужъ не могъ жаловаться на холодъ. Въ такія ночи она разсказывала ему о своихъ скитаньяхъ по Божьему свѣту, о своихъ мукахъ и обидахъ, которыя она претерпѣла отъ людей. Эти разсказы были чувствительны и правдивы; они не разъ заставляли Панаса проливать слезы. Эти-то ночи незамѣтно сблизили его съ Параской, и онъ, кажется, впервые почувствовалъ, что мамка для него кое-что значитъ и, какова она ни на есть, а ближе, роднѣе, чѣмъ она, нѣтъ у него существа на свѣтѣ. И онъ подумалъ, что теперь онъ ужъ ни за что не разстался бы съ нею.

Перемѣна произошла и въ томъ отношеніи, что матушка стала какъ будто скупиться на тумаки и dранье за чубъ и за уши и прибѣгала къ нимъ только въ крайнихъ случаяхъ. Можетъ-быть, кромѣ присутствія Параски, причиной этой перемѣны было одно открытіе, которое всѣхъ очень удивило.

Дѣло въ томъ, что Панасъ остался почти такимъ же маленькимъ, какимъ былъ вытащенъ изъ проруби. Когда возникалъ вопросъ о его лѣтахъ, самое большее, что давали ему,—лѣтъ двѣнадцать. Но Параска заявила, что, насколько ей не измѣняетъ память, Панасъ ужъ по крайней мѣрѣ четырнадцатый, а то и пятнадцатый годъ вкушаетъ сладости жизни.

— Эге! Да онъ уже скоро будетъ парнемъ! — сказали всѣ.

— Онъ, должно-быть, сразу выростетъ, въ одну недѣлю. Это бываетъ! Сначала отъѣстся, какъ слѣдуетъ, а тамъ и расти начнетъ! А то ему и расти то было не изъ чего!..

Параска совершенно раскаялась и увѣряла батюшку, что ея прежняя грѣховная жизнь представляется ей смутнымъ и отвратительнымъ сномъ.

Она отговѣлась и открыла батюшкѣ всѣ свои грѣхи. Эти грѣхи составляютъ батюшкину тайну, поэтому, къ сожалѣнію, намъ нѣтъ никакой возможности познакомиться съ ними. Очень вѣроятно, однако, что въ нихъ главную роль играли солдаты, которые остались памятными и Панасу. Но не было не только грѣхомъ, но и секретомъ, что Панасъ — плодъ совершенно законнаго сожительства Параски съ ея мужемъ, котораго взяли въ солдаты, да такъ

и не возвратили Параскѣ. Батюшка узналъ даже, что обрядъ крещенія надъ Панасомъ былъ совершенъ въ церкви Воздвиженія, что на кладбищѣ губернскаго города. А это было очень важное свѣдѣніе, потому что оно открывало слѣдъ къ Панасовымъ документамъ.

IX.

Повышеніе.

Въ тотъ годъ была хорошая весна. Къ концу зимы выпало много снѣга, а теперь онъ растаялъ и увлажилъ землю, и поля покрылись зеленымъ ковромъ. Панычевцы съ веселыми лицами выѣзжали въ поле и звонко посвистывали, шествуя позади своихъ первобытныхъ плуговъ. Повсюду высказывалась надежда на урожай.

Въ это время Панасу показалось, что его мамка какъ будто облѣнилась. Она уже не проявляла прежней энергіи въ работѣ и даже замѣтно худѣла съ каждымъ днемъ. Это не ускользнуло отъ вниманія матушки.

— Что-то затѣвается недоброе! — говорила сама себѣ матушка. — Не я буду, если ей опять не захотѣлось на волю!

И она стала зорко слѣдить за поведеніемъ Параски. Она не услѣдила только за однимъ, что въ эти дни Параска проявляла особенную нѣжность къ своему Панасу. Чуть выпадетъ свободная минута, глядишь—она зазоветъ его въ кухню и расчешетъ ему голову, либо просто прижметъ къ себѣ и поцѣлуетъ. Потроха (когда къ обѣду готовилась птица) совсѣмъ исчезли на господскомъ столѣ, несмотря на то, что батюшка былъ большой охотникъ до куринаго пупа. Ихъ заблаговременно истреблялъ Панасъ, а Параска докладывала матушкѣ, что «ихъ слопала проклятая кошка».

— Затѣвается, затѣвается!—повторяла матушка.

Въ одно раннее весеннее утро оказалось, что матушка была права. Параска исчезла, и никто не могъ сказать — въ какое время и куда. Во дворѣ поднялась страшная возня, и при этомъ обнаружились ужасныя вещи. Изъ погреба исчезъ большой кусокъ окорока; не досчитывали трехъ серебряныхъ ложекъ; безслѣдно пропалъ матушкинъ шерстяной платокъ. Матушка была внѣ себя отъ бѣшенства.

— Га! развѣ я не говорила! развѣ я не предсказывала!—кричала она на весь дворъ, такъ что слышно было

въ церковной оградѣ.—Да это ужъ такая воровская семья! Она, должно-быть, давно уже таскала по мѣркѣ жита, да передавала своимъ солдатамъ! Жди отъ нихъ благодарности! Я ее отогрѣла, откормила, разъѣлась она на моихъ хлѣбахъ, какъ свинья—и вотъ благодарность! А вы думаете, Панасъ этого не зналъ? О, да онъ-то, я думаю, и помогалъ ей! Куда ушла мамка? Говори, куда ушла мамка?...

Эти вопросы сопровождались внушительными тумаками. Панасъ не зналъ, куда ушла мамка. О, если бъ онъ зналъ это, развѣ онъ не ушелъ бы вмѣстѣ съ нею? Пускай ему пришлось бы голодать, нищенствовать,—по крайней мѣрѣ, онъ зналъ бы, что дѣлаетъ это для мамки. Онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, покинутымъ, и никогда еще матушкинъ домъ не казался ему до такой степени чужимъ, какъ въ эти минуты. Зачѣмъ мамка покинула его? Она хотѣла, чтобъ ему было лучше, она не рѣшилась заставить его голодать съ собою. А самой ей захотѣлось воли, разгула, той самой грѣховной жизни, въ которой она раскаялась передъ батюшкой. Панасъ почти не чувствовалъ ударовъ, сыпавшихся на него отъ матушкиной руки. Въ глубинѣ души своей онъ ощущалъ гораздо болѣе глубокое горе.

Положеніе его вдругъ перемѣнилось. У него даже отняли прежнее имя, и презрительное «Фанаська» должно было показаться ему очень почетнымъ, потому что его стали называть просто «воришкой». И главное—его презирали всѣ, не исключая дурака-Степки и даже Улиты, новой кухарки, которая только по разсказамъ знала его исторію. Изъ всей матушкиной дворни только одна Сонька оказывала ему расположеніе. Она значительно подросла и похудѣла. Матушкины побои уже не заставляли ее плакать, зато они всякій разъ вызывали въ ея глазахъ зловѣщій блескъ. Матушка замѣтила это и стала побаиваться бѣды.

— Ей ничего не стоитъ поджечь домъ,—разсуждала она.

Сонька, между тѣмъ, частехонько заглядывала въ конюшню. Здѣсь она садилась рядомъ съ Панасомъ и изливала ему всю желчь, которая накопилась у нея на сердцѣ.

— Знаешь, Панасъ, — шопотомъ сообщала она ему: — не выживу я тутъ долго... Иной разъ такая тоска заберетъ, что, кажется, ушла бы, куда глаза глядятъ... А то бы хоть и въ колодецъ, внизъ головой... Вотъ бы взбѣсилась вѣдьма-то моя! Нѣтъ, я хотѣла бъ повѣситься у нея въ спальнѣ, передъ самымъ ея носомъ!...

Панасъ, между тѣмъ, оправдывалъ предсказанія насчетъ его роста и началъ быстро подростать. Къ началу лѣта онъ уже почти догналъ Степку.

— Ишь, какъ его выгнало! — говорила матушка. — Небось, на мамкиныхъ хлѣбахъ на всю жизнь остался бы карликомъ!

— Это обстоятельство сдѣлало возможнымъ взвалить на Панаса всѣ обязанности работника, тѣмъ болѣе, что Степка подалъ къ этому основательный поводъ.

Этотъ покорный и робкій исполнитель матушкиной воли, дѣлавшій все, правда — неохотно, лѣниво и неумѣло, но тѣмъ не менѣе ни разу не посмѣвшій ослушаться, однажды вдругъ неожиданно отказался отъ работы.

— Что жъ ты сидишь, сложа руки? — ужаснулась матушка.

— Такъ. Не хочу!—просто объяснилъ Степка.

Матушка всплеснула руками.

— Какъ такъ—не хочешь?!

— Надоѣло!—еще опредѣленнѣе пояснилъ лѣнивый рабъ.

— Господи Iисусе! Ему надоѣло работать! А жрать не надоѣло?

— Жрать не надоѣло! Это никогда не можетъ надоѣсть: — совершенно резонно разсудилъ Степка и даже ухмыльнулся по поводу своего глубокомыслія.

— Такъ что же мнѣ прикажешь любоваться на тебя? а? красавецъ ты мой ненаглядный! А?

Но Степка упорно продолжалъ отказываться отъ работы. Онъ спалъ до девяти часовъ утра, потомъ шелъ завтракать, затѣмъ ложился спать, послѣ чего отправлялся обѣдать, опять спалъ, полудневалъ и завершалъ свой многотрудный день безмятежнымъ сномъ. Матушка просто не знала, что предпринять. На минуту она допустила предположеніе, что Степка съ ума сошелъ, но тутъ же возразила себѣ, что ему «сходить не съ чего». Наконецъ, Степка рѣшился открыть тайну своего сердца. Для этого онъ намазалъ волосы коровьимъ масломъ, причесался, хорошенько умылся, вымазалъ саломъ сапоги и проникъ въ батюшкинъ кабинетъ. Тутъ были батюшка съ матушкой.

— Батюшка, и вы, матушка! — торжественно началъ онъ свою рѣчь.—Я пришелъ просить, чтобы вы обвѣнчали меня!..

Можно представить себѣ ужасъ, который изобразился на лицахъ батюшки и матушки.

— Съ кѣмъ? Кто за него пойдетъ, за дурака? — посыпались разспросы.

— А уже есть такая! — лукаво ухмыльнулся Степка: — Гапка, что на хуторахъ, Гарбузина племянница!..

Гапку, Гарбузину племянницу, всѣ очень хорошо знали: она была такая же дурочка, какъ и Степка, только немножко поглупѣе. Про нее тоже говорили, что у нея «не всѣ дома».

— Вѣдь вотъ таки снюхались! — сказала матушка: — не даромъ говорится: «дуракъ дурака видитъ издалека»!

— Я не имѣю права вѣнчать тебя... Ты вѣдь знаешь, что и ты, и Гапка—оба слабоумны...

— Я знаю, батюшка... Такъ развѣ жъ мы виноваты?..

— Ну, вотъ видишь! А законъ воспрещаетъ вѣнчать завѣдомо-слабоумныхъ!..

— Такъ значитъ придется такъ... безъ вѣнчанья... грѣшнымъ дѣломъ! — откровенно заявилъ Степка.

Но батюшка не могъ допустить такого грѣха. Онъ скорѣе рѣшался поступить противозаконно и понести кару, чѣмъ допустить незаконное сожительство. Было рѣшено, что Степку обвѣнчаютъ.

Много было смѣху въ Паничевѣ, когда молодые съ беззаботнѣйшимъ видомъ шли изъ церкви на хуторъ. Степка получилъ отъ батюшки телушку — въ вознагражденіе за долголѣтнюю службу. Эта телушка немедленно была продана жиду за пять рублей, и на эти деньги молодые питались въ продолженіе медоваго мѣсяца. А чѣмъ они будутъ жить всю остальную жизнь, — этотъ вопросъ совсѣмъ не интересовалъ ихъ.

Панасъ же съ этого времени сдѣлался настоящимъ работникомъ, и тутъ матушка увидѣла, какая разница между нимъ и Степкой. Въ конюшнѣ у него была отмѣнная чистота: лошади всегда сыты и во-время напоены; дворъ выметенъ еще тогда, когда матушка лежала въ постели; экипажъ вымытъ; ворота починены; словомъ, — на всемъ появилась печать энергичной и умѣлой Панасовой руки. Панасъ носилъ въ душѣ своей стремленіе къ дѣятельности. Какъ только онъ почувствовалъ себя главнымъ работникомъ, онъ не могъ удержаться, чтобы не внести всюду своей поправки. Онъ скорѣе былъ польщенъ этимъ повышеніемъ, чѣмъ огорченъ прибавкой работы. Да и очень нравилось ему это полновластное распоряженіе конюшней и амбарами.

Въ ночную пору онъ разляжется себѣ среди гордда на высокой перинѣ изъ свѣжаго сѣна, а вокругъ него цѣлая стая огромныхъ дворовыхъ собакъ, подъ предводительствомъ его лучшаго друга Барбоса, котораго на ночь спускали съ цѣпи. Они своими горячими языками лижутъ руки и лицо Панаса и готовы по одному слову кинуться на перваго встрѣчнаго и разорвать его на части. Въ эту минуту Панасъ чувствовалъ себя царемъ. На него теперь смотрѣли уже какъ на взрослаго, какъ на парня. Онъ не могъ не поддаться тому тщеславному увлеченію, которое всегда свойственно дѣтямъ, поставленнымъ въ положеніе взрослыхъ людей, и захотѣлъ доказать, что онъ въ самомъ дѣлѣ парень сильный, умѣлый, который ни передъ чѣмъ не спасуетъ. Въ это лѣто онъ выучился косить и не уступалъ въ этомъ искусствѣ любому хозяину. Когда пріѣхалъ Алеша, все такой же маленькій и низенькій, какъ прежде, — Панасъ отнесся къ нему покровительственно. У нихъ теперь не было ничего общаго.

Матушка не могла нарадоваться на своего новаго работника. Она уже давно перестала называть его воришкой, а, совершенно напротивъ, всѣмъ говорила, что Панасъ (теперь уже его нельзя было называть Фанаськой)—«золотой человѣкъ». Она только одному дивилась: что у Панаса съ возрастомъ какъ будто и нравъ перемѣнился. Прежде разбитной и веселый — онъ теперь сдѣлался сосредоточеннымъ и молчаливымъ, не любилъ людского общества. Что съ нимъ сталось?

А сталось съ Панасомъ то, что онъ никакъ не могъ забыть мамку. Голова его постоянно была занята вопросомъ: гдѣ она теперь? Что-то она переживаетъ? Какія еще новыя муки выпали ей на долю? Часто представлялась она ему въ томъ ужасномъ видѣ, въ какомъ явилась къ матушкѣ. Въ эти минуты онъ готовъ былъ кинуть все: и любимыхъ собакъ, и готовый обѣдъ, и матушку съ батюшкой,—готовъ былъ идти на край свѣта искать ее. Но гдѣ искать? Кто ее знаетъ? Да и жива ли она? Однако, ему всегда почему-то казалось, что онъ непремѣнно опять встрѣтится съ мамкой. Ну, на этотъ разъ онъ ее отъ себя не отпуститъ. Тогда онъ будетъ уже настоящимъ парнемъ, станетъ работать, какъ волъ, и прокормитъ и себя, и ее. Придетъ же когда-нибудь время, когда и онъ будетъ жить, какъ люди!..

Въ ожиданіи этого золотого времени прошла новая зима,

новое лѣто — и все осталось по-старому. О Параскѣ не было никакихъ слуховъ.

X.

Степанида-кузнечиха.

Былъ въ Панычевѣ кузнецъ — Евстафій Коваль, и не было человѣка въ селѣ или окружныхъ хуторахъ, которому онъ не сковалъ бы какой-нибудь желѣзной штуки для хозяйства. Онъ и прозывался Ковалемъ потому, что былъ имъ отъ рожденія. И дѣдъ его, и батько занимались кузнечествомъ, да и его научили этому ремеслу. И былъ Евстафій здоровый парень, съ крѣпкими мускулами, съ высокими плечами и здоровою, широкою грудью. Стоило посмотрѣть на него въ праздничный день, когда онъ, выкупавшись въ Днѣпрѣ, смоетъ съ лица и рукъ сажу и копоть,—что это былъ за красавецъ! что за ловкій кавалеръ! какіе свѣтлые, ясные глаза смотрѣли изъ-подъ его густыхъ и ровныхъ бровей! Зато ему и жинка досталась такая, какой ни у кого не было во всемъ Панычевѣ. Степанидой звали ее, а самъ Коваль называлъ ее Стешей. Румяная, круглолицая да чернобровая; глаза — какъ двѣ звѣзды, да еще самыя яркія, что горятъ на темномъ небѣ въ лѣтнюю ночь, когда не бываетъ мѣсяца. Когда, бывало, идетъ она по улицѣ съ коромысломъ на плечѣ, либо гонитъ свою коровенку въ череду, — ни одинъ парень не пройдетъ мимо нея, не сказавши:

— Ахъ, да и молодица! Не ходитъ, а горитъ и тебя сжигаетъ!..

Нехорошо завидовать счастливому человѣку, а парни завидовали Ковалю. Оттого, должно-быть, съ нимъ и приключилось такое, отъ чего давно уже не видать его на селѣ. Да и Степанида рѣдко въ немъ показывается; а если и выйдетъ... эхъ, не та ужъ походка! нѣтъ того взмаху!.. Смирилась...

Взяли Евстафія въ солдаты, да такъ съ тѣхъ поръ его и не видно. И куда только они дѣваютъ людей, Господи ты, Боже мой?! Уже и пора бы ему, кажется, вернуться къ своей Степанидѣ: семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Панычево осталось безъ Коваля,—нѣтъ, не идетъ.

«Что-то тамъ куетъ онъ теперь на чужой сторонѣ?— думаетъ горькую думу Степанида.—Можетъ, уже выковалъ себѣ гробъ, а можетъ, и другую жинку!?..»

Развалилась Евстафьева кузница, засорились мѣхи, которыми раздувалъ онъ огонь, устало ждать сердце Степаниды, утомилось оно въ одиночествѣ, въ опустѣвшей хатѣ, въ бѣдности, въ поденной работѣ... Не выйди ни на улицу въ праздникъ, когда парни и дѣвки весело перебрасываются шутками, ни на вечерницу, гдѣ поютъ они пѣсни и переглядываются долгими, многозначительными взглядами!.. Покажись только тамъ Степанида, сейчасъ по всему селу пойдетъ худая слава... И чего только тогда не наскажутъ объ ней, Боже!.. А придетъ Евстафій, все ему передадутъ... все, чего и не бывало. Что тогда будетъ?...

— Ну, что, Степанидушка? Не идетъ Евстафій?—спроситъ иной разъ батюшка, отецъ Макарій, у котораго она часто стирала бѣлье.

Степанида только рукой махнетъ. Да ужъ она была почти увѣрена, что Евстафій не придетъ. Завелъ онъ себѣ тамъ другую, о ней же и думки у него нѣтъ.

Хата Степаниды стояла на пригоркѣ особнякомъ, потому что при ней была кузница. Мимо нея шла дорога, по которой паныческцы ѣздили, когда большая улица превращалась въ озеро грязи. Это бывало весной. По ней же хаживали тѣ, кому хотѣлось идти подольше, потому что она была круговая. Пошлетъ ли приказчикъ или батюшка свою работницу въ лавку, либо въ кабакъ, — она ужъ непремѣнно пойдетъ этой дорогой, еле передвигая ноги, чтобъ подольше быть на свободѣ. Этой дорогой ходилъ и Панасъ и часто поглядывалъ на окна Степанидиной хаты, и тогда казалось ему, что у окна торчитъ голова и чьи-то блестящіе глаза провожаютъ его. Часто ему приходило въ голову глупое желаніе заглянуть, что она тамъ дѣлаетъ въ своей хатѣ — одна-одинешенька. Скучаетъ баба, должно-быть! Такая здоровая, кровь съ молокомъ — и молодая... А глаза у нея, точно огонь, такъ и пылаютъ... Правда, онъ немного словъ сказалъ съ нею за все время своего знакомства. Когда-никогда встрѣтится съ нею у батюшки на кухнѣ за общимъ обѣденнымъ столомъ, либо на горо̀дѣ, когда она забираетъ солому для топки, а онъ сгребаетъ сѣно для лошадей. Ну, тутъ не до долгихъ разговоровъ, развѣ только и успѣешь, что перекинуться двумя-тремя словами. Да и о чемъ онъ станетъ говорить съ нею? Что онъ противъ нея? Ему всего какихъ-нибудь лѣтъ семнадцать, а ей, пожалуй, ужъ до тридцати добирается. Онъ и называлъ ее не иначе, какъ «теткой».

Иной разъ она попроситъ его принести воды для стирки и скажетъ:

— Спасибо, хлопче!

А въ другой разъ еще прибавитъ:

— Ишь, какой чернобровый!

Въ сущности Панасъ вовсе даже и не чернобровый, потому что брови у него такого цвѣта, какъ шерсть у гнѣдого батюшкина коня. Но это ужъ такъ, ради похвалы говорится.

Въ послѣднее время онъ замѣтилъ, что она стала довольно часто просить его принести воды, а еще чаще приходить на горо̀дъ за соломой и уже не пропуститъ случая, чтобъ назвать его чернобровымъ. А главное—глаза у нея въ это время... Охъ, что за глаза! Такъ и прожигаютъ тебя насквозь. Нѣтъ, она не то, что всякая другая баба, до которой Панасу нѣтъ никакого дѣла. Въ ней есть что-то такое, отъ чего у него въ глазахъ темнѣетъ.

Вотъ тебѣ и тетка! Ну, сравнить ее хоть бы съ Сонькой. Вѣдь эта Сонька (чортова дѣвка, эта Сонька! еще и не выросла, какъ слѣдуетъ, а уже, поди, какія штуки выдѣлываетъ и какія слова говоритъ!), придетъ къ нему въ конюшню (да еще не когда-нибудь, а именно позднимъ вечеромъ, когда всѣ уже улягутся спать!), присядетъ рядомъ съ нимъ и обнимаетъ, да еще прижмется. Говоритъ, говоритъ (ну, что она тамъ говоритъ? — все больше про матушку, что она—вѣдьма), а тамъ и умолкнетъ и спать не хочетъ, проклятая, даромъ что набѣгается за день. А ему — ничего; какъ будто ея и нѣтъ тутъ. Степанида не то. Степанида только слово скажетъ да глазами вскинетъ, а у него ужъ дрожь по тѣлу пробѣжала. Не даромъ про нее говорятъ, что когда она въ дѣвкахъ была, то другой такой дѣвки въ цѣлой губерніи не было. Ну, то, должно-быть, и дѣвка же была.

И всякій разъ, когда Панасъ проходилъ мимо хаты Степаниды, у него билось сердце и дрожали колѣни. А одинъ разъ онъ ее увидѣлъ. Это было зимой. Только-что зашло солнце и пріударилъ морозъ. Панасъ несъ подъ мышкой бутыль съ водкой и спѣшилъ, потому что у батюшки были гости, да и морозъ здорово пронималъ его. У Степаниды въ хатѣ свѣтился тусклый огонекъ. Только-что онъ поровнялся съ ея хатой, какъ скрипнула дверь, и она появилась на порогѣ.

— Небось, холодно, парень? — окликнула она.

У нея былъ мягкій, пѣвучій голосъ. Панасу нравился этотъ голосъ. Понравилось ему также, что эта красивая молодица называетъ его парнемъ. Положимъ, онъ уже выросъ изъ хлопцевъ, но у него было еще совсѣмъ безусое лицо, и многіе еще кричали ему: «Ей, хлопче!»

— Да вѣдь у тебя не погрѣешься, тетка Степанида! — отвѣтилъ онъ, какъ отвѣтилъ бы всякій настоящій парень.

— А отчего бы и не погрѣться? Хата у меня теплая, а печка широкая! — отвѣтила Степанида.

Неизвѣстно, почему у Панаса слегка закружилась голова и передъ глазами точно пронесся легкій туманъ.

Онъ не сказалъ больше ни слова и ускорилъ шаги. А вслѣдъ ему послышалась и какъ бы догоняла его пѣсня:

Батька дома немае,
Батько въ шинку гуляе!
А ты, сердце, ходы,
Мене вирно любы!..

— Чортова молодица!—вслухъ выругался Панасъ и почувствовалъ, что еще если разъ съ нимъ случится такая исторія, то ужъ онъ непремѣнно заглянетъ въ хату Степаниды.

Скоро онъ опять увидѣлъ ее. На этотъ разъ Степанида ни слова не сказала. Она стояла на порогѣ и тихонько что-то напѣвала.

— Холодно, тетка Степанида? — сказалъ Панасъ, и голосъ его дрожалъ. А Степанида стояла передъ нимъ и молча глядѣла на него. Ему показалось, что у нея было печальное лицо и въ глазахъ какъ будто стояли слезы.

«Должно-быть, ей дуже плохо живется!» — подумалъ Панасъ, и ему стало такъ жалко Степаниду, какъ жалѣлъ онъ развѣ одну мамку, когда вспоминалъ о ея скитаньяхъ.

— Ты — сирота? — спросила она.

— Сирота, — отвѣчалъ Панасъ.

И она опять долго глядѣла на него молча.

— А ты знаешь, парень, что я мужняя жена? — опять проговорила она.

«Зачѣмъ она говоритъ это?» — подумалъ Панасъ.

— А что, какъ увидитъ тебя тутъ, у моей хаты, которая-нибудь баба, да въ позднюю пору?!..

А глаза ея въ это время впились въ него. Страсть, которая въ нихъ искрилась, передавалась Панасу, и ему показалось, точно какая-то горячая струя пробѣжала у него по тѣлу.

«Уйду лучше!» — подумалъ онъ, потому что руки его дрожали и, казалось, противъ его воли готовы были протянуться къ ней.

— Ну, такъ прощай!—промолвилъ онъ и почти бѣгомъ пустился по широкой дорогѣ.

Онъ слышалъ, какъ съ шумомъ захлопнулась дверь.

Послѣ этого онъ долго не видѣлъ Степаниды. Какъ будто нарочно она и къ батюшкѣ не приходила, а между тѣмъ его тянуло къ ней. Часто, среди ночной темноты, когда онъ открывалъ полусонные глаза, она чудилась ему, какъ живая. Пара блестящихъ глазъ впивалась въ него, какъ тогда, когда онъ стоялъ у порога ея хаты; раскраснѣвшіяся щеки почти касались его щекъ, и ему чудилось, что онъ ощущаетъ ея горячее дыханіе. Тогда всего его охватывалъ огонь, и онъ готовъ былъ бѣжать къ ней. Но какая-то робость удерживала его на мѣстѣ... «Что она подумала тогда?»—размышлялъ онъ иногда.—«И зачѣмъ я убѣжалъ, словно глупый мальчишка?» И ему казалось, что этимъ бѣгствомъ онъ унизилъ себя, и она, пожалуй, теперь смѣется надъ нимъ.

Но она не смѣялась, а сгорала съ каждымъ днемъ. Къ концу зимы она пришла къ батюшкѣ стирать. Панасу показалось, что она измѣнилась за это время. Щеки ея были блѣдны, взглядъ блестящихъ глазъ тревожно искалъ чего-то. Когда передъ вечеромъ она собралась уходить, Панасъ вышелъ за городъ. Тутъ они встрѣтились, но онъ глядѣлъ на нее молча и не могъ проговорить ни слова.

— Эхъ, парень! — промолвила Степанида, и въ этихъ словахъ Панасу послышалась насмѣшка.

— А что?—спросилъ онъ.

— Что же ты не утекаешь?.. Я думала, что ты всегда такъ!.. Ха-ха!

«О, да она взаправду смѣется!»—подумалъ Панасъ.

— А можетъ, и не всегда!—не безъ лукавства сказалъ онъ и при этомъ молодецки поправилъ свою шапку. Къ сожалѣнію, это была не сивая овечья шапка, какъ приличествуетъ настоящему парню, а все та же поповичева кепи.

— Побачимъ! — донеслось до него издали, такъ какъ Степанида ускорила шаги и была уже далеко.

— Побачимъ!—повторилъ Панасъ и долгимъ взглядомъ измѣрилъ разстояніе отъ батюшкина тока до ея хаты.

Съ этой минуты онъ уже принялъ твердое рѣшеніе.

Что сказала бы матушка, если бъ узнала, что въ эту ночь конюшня была заперта извнѣ, а въ ней не было никого, кромѣ тройки лошадей, которыя, впрочемъ, жевали сѣно такъ же сосредоточенно, какъ и въ прежнія ночи!..

Она, конечно, перевернула бы весь домъ, собрала бы всѣхъ сосѣдей и объявила бы имъ, что Панасъ увезъ у нея пять мѣшковъ пшеницы и многое другое. Но матушка этого не знала, и потому все обошлось благополучно, тѣмъ болѣе, что Панасъ вернулся домой раньше, чѣмъ на небѣ начали блѣднѣть звѣзды. Вернувшись, онъ уже совсѣмъ не ложился спать, а сейчасъ же принялся за чистку коней, такъ что, когда матушка, въ обычное время, т. е. въ началѣ четвертаго часа, пришла будить его, то очень удивилась и похвалила его. Если бъ она не была такъ недальновидна, то дальше могла бы наблюдать, что это была не единственная ночь, когда конюшня запиралась извнѣ и когда Панасъ оказывался слишкомъ старательнымъ кучеромъ, вставая раньше самой матушки.

XI.

Подарки.

Матушка всегда держалась того мнѣнія, что за вѣрную и старательную службу слѣдуетъ награждать. Она была настолько безпристрастна, что не могла не видѣть ту заботливость, съ которой Панасъ относился къ ея хозяйству. Въ особенности она была тронута тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, повидимому, не довольствовался дневной работой, а часто вставалъ въ два часа ночи и принимался чистить коней. Это-то послѣднее обстоятельство и натолкнуло ее на мысль о поощреніи. Укрѣпившись въ этой мысли, она начала обдумывать практическій вопросъ—какой изъ предметовъ въ ея хозяйствѣ обладаетъ достоинствами, которыя можно было бы противопоставить услугамъ, оказываемымъ ей Панасомъ. По тщательномъ размышленіи, она наконецъ нашла такой предметъ и сочла своимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія батюшки, который, хотя и не принималъ участія въ хозяйственныхъ дѣлахъ, тѣмъ не менѣе былъ глава.

— Я хочу поговорить съ тобой, отецъ Макарій,—обратилась матушка къ своему главѣ, когда однажды они пили вмѣстѣ вечерній чай.

— А что такое, душа моя?—вопросилъ отецъ Макарій.

— Я хочу поговорить съ тобой о Панасѣ, — отвѣчала

матушка, и отецъ Макарій, разумѣется, готовъ былъ слушать ее.

— Парень онъ (если бъ это слышалъ Панасъ, онъ, конечно, остался бы очень доволенъ тѣмъ, что сама матушка признавала его парнемъ), какъ я вижу, старательный и, кажется... вполнѣ исправился!..

— Если ты это находишь, душа моя, то конечно... Тебѣ лучше знать! — сказалъ на это глава.

— Я полагаю, — продолжала матушка: — что его надо наградить! Какъ ты думаешь, отецъ Макарій?

— Я именно думаю, что его надо наградить! — отвѣчалъ отецъ Макарій.

— Такъ вотъ я и назначила ему бычка, котораго будущей весной приведетъ наша бурая корова!

— Какъ же ты, мать моя, назначаешь ему то, что еще, можно сказать, мы не получили?.. А если вдругъ что-нибудь случится?..

— Что же такое можетъ случиться съ бурой коровой, отецъ Макарій? Слава Тебѣ, Господи, она каждый годъ исправно приводитъ по бычку!..

— Ты легкомысленно разсуждаешь, мать моя! — очень серьезно возразилъ отецъ Макарій. — Очень легко можетъ случиться, что бурая корова въ этомъ году не приведетъ бычка...

— Странный ты человѣкъ, отецъ Макарій! Съ чего ей именно въ этомъ году не привести бычка, когда она каждый годъ приводила? Я никакъ не могу понять, отчего именно тебѣ кажется, что въ этомъ году бурая корова не приведетъ бычка!.. Такъ я, говорю, назначила этого бычка Панасу...

— Какъ хочешь, мать моя! — не безъ раздраженія произнесъ отецъ Макарій. — Дѣлай, какъ знаешь, а я умываю руки!..

Но матушка привыкла къ этимъ предупрежденіямъ и не обращала на нихъ вниманія.

— Еще я хотѣла сказать тебѣ вотъ что. Такъ какъ Панасъ хорошо служитъ, то ему слѣдуетъ купить кожухъ, да кромѣ того шапку, потому что онъ до сихъ поръ ходитъ въ Алешиной фуражкѣ, и я сама слышала, какъ парни смѣялись надъ нимъ. Ты, какъ поѣдешь въ городъ, возьми его съ собой и купи все это.

Въ этомъ предложеніи батюшка не нашелъ ничего такого, чего не могъ бы одобрить, поэтому и принялъ его

безпрекословно. Сонькѣ было приказано позвать Панаса. Во время разговора она приготовляла матушкѣ постель въ сосѣдней комнатѣ и, конечно, не преминула принять безмолвное участіе въ разговорѣ. Когда ей дали приказаніе, она едва не прыснула со смѣху. А когда пришла въ конюшню, то Панасъ не могъ понять, въ чемъ дѣло,— такъ силенъ былъ у нея припадокъ смѣха.

— Иди, Панасъ... получай награду!.. то-то!.. разбогатѣешь!.. Да смотри — не зазнайся, насъ, бѣдныхъ, не забывай!..

— Вотъ, съ ума сошла дѣвка! Куда идти? Что ты говоришь?—спрашивалъ Панасъ.

— Иди въ горницы! Тамъ батюшка съ матушкой будутъ награждать тебя! — пояснила Сонька, не переставая заливаться смѣхомъ.

Панасъ все-таки не понималъ.

— Матушка кличетъ! — ясно выразилась наконецъ Сонька.

Тогда Панасъ отправился въ горницу. Онъ остановился у самаго порога. Взоръ упалъ на столъ, накрытый бѣлой скатертью, на которой красовался шипящій самоваръ, посуда, хлѣбъ, половина жаренаго гуся, графинчикъ съ водкой и рюмка.

«Можетъ, водкой захотѣли попочтовать!»—подумалъ Панасъ, который сроду еще не пробовалъ водки, а помнилъ очень хорошо, что его предшественнику Степкѣ иногда допускалось это баловство. Но вмѣсто водки его ожидала цѣлая рѣчь.

— Вотъ, Аѳанасій... ты уже теперь приходишь въ возрастъ!—такъ началъ рѣчь свою батюшка. — Ты вспомни, какимъ ты пришелъ къ намъ, и посмотри, какой ты теперь!.. Ты пришелъ въ рубищахъ, голодный и хилый...

— Господи, что за несчастное созданіе это было! — пояснила отъ себя матушка: — кажется, подуй только вѣтеръ, такъ тебя бы и не стало...

— Погоди, душа моя, ты не перебивай меня, — остановилъ ее отецъ Макарій, который имѣлъ въ виду сказать настоящее «слово», и опять обратился къ Панасу: — до этого ты жилъ въ средѣ развращенной, но, видно, самъ твой ангелъ-хранитель о тебѣ позаботился, когда направилъ твои стопы въ нашъ домъ. Теперь ты сталъ вполнѣ человѣкомъ...

Быть-можетъ, рѣчь батюшки вышла бы очень длинной, и очень вѣроятно также, что въ ней заключались бы весьма

поучительныя вещи, но матушка рѣшительно не въ силахъ была выдержать. Она подумала, что отецъ Макарій напрасно только тратитъ слова, изъ которыхъ никакого толку не будетъ. Высокій слогъ, по ея мнѣнію, былъ умѣстенъ только въ церкви, въ проповѣди, поэтому она буквально ворвалась въ середину батюшкиной рѣчи и заговорила по-своему.

— Однимъ словомъ, — громко заговорила она, такъ что батюшкѣ оставалось только возвести очи къ потолку,—мы тебя, можно сказать, подобрали на улицѣ — голаго, голоднаго и холоднаго, выкормили тебя, выпоили, одѣли и выростили... Теперь ты — парень хоть куда! Ишь, какой выросъ, хоть сейчасъ женить тебя. Правда!

Матушка, повидимому, очень гордилась тѣмъ, что Панасъ у нея выросъ, и всю честь возращенія его приписывала исключительно себѣ, упуская изъ виду, что тутъ немного помогала ей и природа.

— Ты у насъ былъ все равно какъ родной! — продолжала матушка. — Мало этого: пришла твоя мамка, мы и ее приняли, одѣли, обласкали, а она, дрянная, насъ обманула... Да, она, собачья дочь, обманула и обокрала насъ! Но Богъ съ нею, мы этого зла не помнимъ! Она отъ этого, должно-быть, не разжилась!..

«Вотъ такъ награждаютъ, нечего сказать!» — подумалъ Панасъ и рѣшилъ, что его, должно-быть, позвали не для награды, а для того, чтобъ помучить.

— Ты, Панасъ, лучше твоей мамки! — утѣшила наконецъ его матушка. И такъ какъ въ это время она остановилась, то батюшка воспользовался удобнымъ моментомъ, чтобъ продолжать свою рѣчь.

— Ты, Аѳанасій,—подобно той потерянной овцѣ, которой пастырь радуется больше, чѣмъ девяноста девяти оставшимся, — радуешь насъ своимъ исправленіемъ! — заговорилъ батюшка, стараясь не останавливаться, чтобъ не дать возможности матушкѣ перебить его. — Вѣрной своей службой и рачительностью ты заслужилъ награжденіе, потому что мы не можемъ оставлять безъ награжденія видимое усердіе. Ты не зарылъ талантъ свой въ землю... И вотъ за такое усердіе...

Тутъ батюшка долженъ былъ остановиться, такъ какъ онъ не находилъ возможнымъ сулить бычка, притомъ еще не явившагося на свѣтъ. А потому рѣчь продолжала матушка.

— Бычокъ, котораго приведетъ весной бурая корова, пускай будетъ твой! — торжественно заявила матушка. — Да къ этому еще батюшка купитъ тебѣ кожухъ и шапку... Я думаю также, что и чоботы ему слѣдуетъ купить. Какъ думаешь, отецъ Макарій?

— И чоботы я куплю! — отвѣтилъ отецъ Макарій.—Въ понедѣльникъ поѣдешь со мною въ городъ!

— Покорно благодарю!—сказалъ Панасъ и, какъ всегда водится въ подобныхъ трогательныхъ случаяхъ, поцѣловалъ руку сначала у батюшки, а потомъ у матушки.

Онъ уже хотѣлъ уйти, но матушка взялась за графинчикъ и налила изъ него въ рюмку.

— Вотъ выпей за то, чтобъ бурая корова была здорова, а бычокъ бы былъ крупный да породистый!—сказала она и протянула къ нему рюмку.

— За ваше здоровье! — сказалъ Панасъ, обращаясь къ матушкѣ и, проглотивъ водку, скорчилъ невѣроятную гримасу. Это была первая рюмка, выпитая имъ, и надо сказать, что онъ ожидалъ отъ нея бо̀льшаго удовольствія.

— Ну, а теперь иди ужинать!—сказала ему матушка.

— Покорно благодарю! — еще разъ поклонился Панасъ и вышелъ.

Во дворѣ онъ сталъ размышлять, что̀ собственно подарили ему. Зиму онъ проходилъ безъ кожуха и безъ теплой шапки, а на весну ему дарятъ то и другое, затѣмъ рюмка водки, а ко всему этому — бычокъ, котораго еще на свѣтѣ нѣтъ! «Вотъ такъ подарки! Не даромъ Сонька заливалась!..»

Въ этотъ вечеръ на кухнѣ былъ превеселый ужинъ. Панасъ разсказывалъ о своихъ подаркахъ, и всѣ старались разрѣшить вопросъ, что онъ долженъ дѣлать со своимъ бычкомъ? Злоязычная Сонька увѣряла, что теперь Панасъ ночей не будетъ досыпать. Ему все будетъ казаться, что бычокъ убѣжалъ. Дунька съ своей стороны прибавляла, что теперь у Панаса по крайности лѣто будетъ теплое, такъ какъ онъ можетъ не выходить изъ кожуха.

Въ понедѣльникъ поѣхали въ городъ. Панасу хорошо были знакомы грязныя улицы губернскаго города. По этой грязи въ былое время онъ часто бѣгалъ вслѣдъ за какимъ-нибудь пѣшеходомъ, прося милостыню, пока не замѣчалъ гдѣ-нибудь вдали городового. Тогда онъ убѣгалъ и прятался между двухъ деревянныхъ будокъ, въ которыхъ евреи вели свою торговлю галантерейными товарами.

Понедѣльникъ—базарный день, поэтому въ городѣ было много panычевскихъ мужиковъ, которые, сидя на возахъ своихъ и проѣзжая мимо батюшки, снимали шапки. Впрочемъ, отца Макарія знали мужики чуть ли не всего уѣзда, такъ какъ онъ славился своей святостью и къ нему пріѣзжали молебствовать, въ случаѣ какой-нибудь важной бѣды. Вслѣдствіе такого обширнаго знакомства, проѣздъ отца Макарія черезъ городской базаръ былъ настоящимъ тріумфомъ. Батюшка то и дѣло снималъ шляпу и раскланивался направо и налѣво. Такъ же хорошо знали его и торговцы. Русскіе кланялись ему потому, что молебствовали у него, а иные (въ особенности ихъ жены) пріѣзжали къ нему даже говѣть, потому что ни одинъ батюшка въ городѣ не исповѣдовалъ такъ долго, основательно и строго, какъ отецъ Макарій. Евреи же знали его потому, что, заходя къ нимъ въ лавку, отецъ Макарій непремѣнно начиналъ спорить съ ними о религіи и увлекался до того, что забывалъ о своихъ покупкахъ. Онъ спорилъ серьезно и безъ всякихъ насмѣшекъ. Такъ какъ евреямъ приходилось видѣть это очень рѣдко, то они за это уважали отца Макарія, хотя, конечно, оставались при своихъ старыхъ убѣжденіяхъ.

Во всемъ этомъ тріумфѣ невольно участвовалъ и Панасъ, такъ какъ онъ сидѣлъ на козлахъ и не безъ граціи управлялъ парою лошадей. Когда они подъѣхали къ лавкѣ, гдѣ продавались готовыя платья, Панасъ вмѣстѣ съ батюшкой пошелъ въ лавку и съ наслажденіемъ примѣрилъ кожухъ и шапку. Батюшка, разумѣется, отрекомендовалъ его торговцамъ.

— Это мой воспитанникъ!—сказалъ онъ. — Мы его подобрали на улицѣ, когда онъ былъ еще маленькимъ. Теперь, какъ видите, онъ выросъ!.. Сирота!.. Мать его пьяница, обокрала насъ!.. Развратная женщина!...

Это объясненіе Панасъ получилъ въ придачу къ кожуху, который пришлось свернуть и положить въ бричку, потому что на дворѣ стояла весна. Шапку онъ тѣмъ не менѣе надѣлъ, потому что кепи слишкомъ уже мало ему нравилось. Потомъ они прошли въ другую лавку, гдѣ Панасъ выбралъ себѣ чоботы. Батюшка и здѣсь не оставилъ его въ неизвѣстности. Пока онъ примѣрялъ сапоги, до него доносились съ другого конца лавки отрывочныя фразы: «Его вытащили изъ проруби... Она унесла полдюжины ложекъ серебряныхъ...» И все въ такомъ же родѣ. Очевидно.

отецъ Макарій хорошо усвоилъ себѣ то, что такъ часто повторяла матушка.

Когда отецъ Макарій бывалъ въ городѣ, онъ не имѣлъ обыкновенія заѣзжать къ знакомымъ обѣдать. Это было въ привычкахъ матушки. Отецъ же Макарій всегда спѣшилъ домой, потому что его ожидали разные больные. Поэтому онъ ограничивался тѣмъ, что заходилъ въ бакалейную лавку, гдѣ всегда забиралъ и гдѣ его очень хорошо знали, выпивалъ рюмку водки и съѣдалъ коробку сардинокъ. Совершенно такъ онъ поступилъ и на этотъ разъ. Панасу же вручилъ монету въ пятнадцать копеекъ, присовокупивъ:— «купи себѣ связку бубликовъ и ѣшь на здоровье». Несмотря на то, что число лѣтъ, которыя Панасъ прожилъ па свѣтѣ, превышало на два цифру, обозначенную на вышеупомянутой монетѣ, — тѣмъ не менѣе онъ въ первый разъ въ жизни обладалъ такой значительной суммой. Правда, онъ былъ обладателемъ еще такого капитала, какъ бычокъ, имѣющій явиться отъ бурой коровы,—но этотъ капиталъ ранѣе будущей весны никоимъ образомъ не могъ быть реализованъ. Панаса не мало затруднялъ вопросъ, на какой именно предметъ будетъ наиболѣе цѣлесообразно употребить это богатство, такъ какъ за пріобрѣтеніемъ связки бубликовъ (она стоитъ, какъ извѣстно, всего пять копеекъ) у него оставалось десять копеекъ. Онъ видѣлъ на базарѣ много разнообразныхъ вещей, изъ которыхъ каждая могла бы не безъ торжественности быть положена на столъ въ хатѣ Степаниды. Тутъ были и намисты, и платочки разныхъ цвѣтовъ, и крестики, и башмаки,—и Панасъ подходилъ къ торговцамъ, бралъ все это въ руки, освѣдомлялся о цѣнѣ и съ ужасомъ узнавалъ, что онъ владѣетъ слишкомъ ничтожнымъ капиталомъ. Тогда его разобрала злость, потому что мысль о поднесеніи подарка Степанидѣ сильно засѣла у него въ головѣ. Онъ положилъ свой гривенникъ обратно въ карманъ, проговоривъ сквозь зубы: «выслужилъ, нечего сказать». И въ эту минуту опять вспомнилъ объ имѣющемъ появиться на свѣтъ бычкѣ и о лежащемъ въ бричкѣ кожухѣ.

Батюшка благополучно доѣлъ свои сардинки, не было болѣе никакихъ препятствій къ отъѣзду въ обратный путь,—и бричка покатила за городъ. Уже вечерѣло. Заходящее солнце обливало красноватымъ свѣтомъ гладкую, безконечную степь, на которой тамъ и сямъ показалась уже ранняя зелень. Въ трехъ верстахъ отъ города широ-

кая дорога пересѣкалась балкой, которая тянулась на разстояніи нѣсколькихъ верстъ и, густо усаженная садами, казалась благодатнымъ оазисомъ среди гладкой равнины полей. На этой балкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она пересѣкала дорогу, торчало покосившееся набокъ строеніе съ рѣденькой крышей и съ вывѣской: «Распивочно и на выносъ.» Неподалеку отъ трактира, почти у самаго колодца, постоянно сидѣлъ какой-нибудь сѣдобородый слѣпецъ, читавшій наизусть и выкрикивавшій во все горло цѣлыя каѳизмы изъ псалтыри, или женщина съ изувѣченными ногами, которыя она старалась выставить на видъ, чтобы этимъ тронуть сердца проѣзжихъ. Проѣзжіе изрѣдка останавливались и клали копейки въ небольшія деревянныя посудины, которыя были въ рукахъ у нищихъ. Отецъ Макарій всякій разъ на обратномъ пути изъ города останавливался на этомъ мѣстѣ и посылалъ кучера съ подаяньемъ. На этотъ разъ онъ вручилъ Панасу пятакъ, и когда тотъ приблизился къ женщинѣ, протянувшей къ нему руку, то онѣмѣлъ отъ изумленія, потому что въ этой женщинѣ онъ узналъ свою мамку — Параску.

— Молчи! — чуть слышно проговорила Параска. — Я на старомъ мѣстѣ!..

Панасъ машинально вынулъ изъ кармана свой гривенникъ и присоединилъ къ батюшкину пятаку. У него дрожали руки. Ему хотѣлось разспросить Параску о ея житьѣ-бытьѣ, но онъ понималъ, что нужно молчать.

— Я приду! — прошепталъ онъ и, кинувъ глубокій, выразительный взглядъ на Параску, быстро повернулъ къ бричкѣ.

Все это произошло моментально, и батюшка, конечно, не подозрѣвалъ, что̀ происходило въ душѣ Панаса, когда онъ, встряхнувъ своей новой шапкой, натянулъ возжи и крикнулъ лошадямъ:

— Гей-гей! Чего заснули? — и при этомъ пронзительно свистнулъ.

XII.

Старые друзья.

— А тебя, должно-быть, въ городѣ добре угостили, хлопче! Или, можетъ, галушки тебѣ не по вкусу?..

Это восклицаніе принадлежало Улитѣ, замѣнившей въ матушкиной кухнѣ Параску, совершенно такъ, какъ по-

слѣдняя нѣкогда замѣнила Маланью. Впрочемъ, нельзя сказать «совершенно такъ», потому что матушка далеко не была довольна Улитой, тогда какъ въ Параскѣ она не находила ни одного недостатка, разумѣется—до извѣстной катастрофы. Улита болѣе походила на предшественницу Параски: она была такая же «вялая», неповоротливая и отличалась отъ Маланьи только тѣмъ, что имѣла очень маленькое, тщедушное туловище и глядѣла на оба глаза. Къ этому нужно еще прибавить, что она обладала веселымъ нравомъ и никогда не говорила спроста, а всегда имѣла въ виду поддѣть кого-нибудь своимъ двусмысленнымъ словцомъ. Наконецъ, чтобъ сказать о ней все существенное, необходимо еще добавить, что изъ нея батюшка никогда не изгонялъ бѣса, такъ какъ бѣсъ никогда не избиралъ своимъ мѣстопребываніемъ Улиту. Ко всему этому Улита не считала себя сиротой (у нея былъ женатый сынъ, который служилъ у помѣщика при коровахъ), и никто не допускалъ, чтобъ она была отъ природы слабоумна (а даже совершенно напротивъ). А потому у нея не было основанія служить батюшкѣ даромъ, и она получала по три рубля въ мѣсяцъ. Можетъ-быть, именно вслѣдствіе этого матушка и была менѣе довольна ею, чѣмъ двумя ея предшественницами.

Ея восклицаніе, обращенное къ Панасу, было, какъ и все, что она говорила, преисполнено тонкой ироніи, которая заключалась въ допущеніи, что Панасу могутъ не придтись по вкусу галушки.

Панасъ сидѣлъ за столомъ рядомъ съ Сонькою. Тутъ же присутствовала и Дунька. Панасъ, кажется, не слышалъ обращеннаго къ нему восклицанія. Можетъ-быть, онъ не видѣлъ и стоявшей посрединѣ стола миски съ галушками, а вмѣсто нея представлялъ себѣ мамку, сидящую на балкѣ съ протянутой рукой.

— Нѣтъ, онъ нынче и смотрѣть не хочетъ на галушки!—продолжала иронизировать Улита. — Что-то значитъ съѣздить въ городъ!.. Онъ теперь паномъ уже сталъ!.. Панасъ! Эй, Панасъ!..

Очнувшійся Панасъ схватилъ ложку и впопыхахъ набросился на галушки съ такимъ рвеніемъ, какъ будто это были не куски обыкновеннаго ржаного тѣста, сваренные въ водѣ съ солью, а, напримѣръ, гречневые вареники съ сыромъ и сметаной, плавающіе въ маслѣ, или какіе-нибудь коржи съ макомъ, приправленные свѣжимъ, души-

стымъ медомъ. Впрочемъ, убѣдившись, что это ни то и ни другое, онъ сейчасъ же умѣрилъ свой пылъ.

— Это онъ оттого, должно-быть, загордился, что ему купили новый кожухъ и шапку, да еще и чоботы!.. — позлобствовала съ своей стороны Дунька.

— А чтобъ она подавилась тѣмъ кожухомъ, шапкою и чоботами!—отвѣтилъ на это Панасъ, причемъ всѣ знали, что она—была конечно не Дунька, а матушка.

— Нѣ-этъ! Это онъ заскуч-алъ! — промолвила Сонька настолько многозначительно и съ такимъ явнымъ лукавствомъ, что ея замѣчаніе никакъ не могло не вызвать вопроса.

— По комъ?—одновременно спросили Улита и Дунька.

— По стиркѣ!.. Что-то давно у насъ не стираютъ!..

— Вотъ оно что-о!..

— А ты, должно-быть, хочешь, чтобъ я тебѣ этой самой ложкой носъ раскровянилъ?! — спросилъ Панасъ у своей сосѣдки и при этомъ подарилъ ее такимъ взглядомъ, который заставилъ ее замолчать.

Да, въ этомъ взглядѣ было такъ много зловѣщей рѣшимости, что и другія собесѣдницы замолчали, и уже больше не было сказано ни слова, пока Панасъ не надѣлъ свою новую шапку и не ушелъ въ конюшню.

Глупые кони, конечно, не подозрѣвали, какая работа происходила въ эту ночь, въ двухъ шагахъ отъ нихъ, въ головѣ Панаса. Эта образцовая, но сильно запущенная мастерская получила заказъ на разрѣшеніе нѣкоторыхъ немаловажныхъ вопросовъ.

Вопросъ первый: «какимъ образомъ уйти?» — разрѣшался очень просто. Запереть конюшню извнѣ и отправиться, а къ утру возвратиться. Вопросъ второй: «съ чѣмъ пойти?»—получалъ менѣе благопріятное рѣшеніе, потому что нельзя же было считать благопріятнымъ такой, напримѣръ, отвѣтъ: «съ пустыми руками», или въ такомъ родѣ: «съ теплымъ словомъ». А Панасу приходили въ голову именно такіе отвѣты. Это значитъ—придти къ мамкѣ, полюбоваться на то, какъ она голодаетъ, и уйти назадъ. Этакъ лучше не ходить. Попросить у матушки? Сказать: для мамки, молъ, мамка нашлась? Такъ она ее сейчасъ къ суду притащитъ: «давай ложки» — скажетъ, и все другое. Но вѣдь онъ, кажется, заработалъ же что-нибудь? Слава Тебѣ, Господи, день и ночь топчется, и изъ этого толкъ выходитъ!..

Ничего не придумалъ Панасъ, чтобъ отвѣтить на свой трудный вопросъ, даромъ, что цѣлую ночь работала его голова. Въ эту ночь напрасно чуть не до свѣта въ хатѣ Степаниды горѣлъ тусклый огонекъ. Дверь ея хаты ни разу не скрипнула, и въ нее не вошелъ тотъ желанный гость, котораго тамъ ждали. До того ли ему было, чтобъ возиться съ бабами, когда у него въ головѣ царилъ образъ мамки и рѣшеніе во что бы то ни стало сдѣлать такъ, чтобъ мамка перестала нищенствовать. Надо же ей когда-нибудь успокоиться! Уже и старость подходитъ. Что же онъ за сынъ, коли не можетъ прокормить своей мамки, которая у него одна! А еще парнемъ называется!..

А, проклятыя бабы! Что сказала эта толстомордая Сонька вчера за ужиномъ? «По стиркѣ заскучалъ!» Значитъ, она знаетъ. А если уже знаетъ одна, то будутъ всѣ знать, ужъ это такъ всегда на свѣтѣ бываетъ. Что же тогда станется съ Степанидой? Увязался парень, смотри— какъ бы бѣды не вышло! Смотри, парень, во-оба! Это ничего, что въ конюшнѣ темно, какъ на днѣ глубокой ямы! Ты смотри! Вонъ уже собрались бабы въ очипкахъ *) и стрекочутъ, какъ стая шпаковъ, налетѣвшая на вишневое дерево. Онѣ говорятъ то, что было, а еще больше то, чего не было. Посмотри, какъ онѣ косятся на ободранную хату, стоящую особнякомъ, при круговой дорогѣ, какъ мигаютъ на развалившуюся кузницу. А вонъ по улицѣ идетъ молодица съ блѣднымъ лицомъ, съ опущеннымъ взоромъ... И онѣ отступили отъ нея, какъ отъ чего-то нечистаго, преступнаго. А еще не то будетъ. Придетъ солдатъ — и ему все разскажутъ. Ужъ онъ непремѣнно придетъ, потому что такъ уже всегда бываетъ: онъ не являлся, когда баба изнывала по немъ, когда съ каждымъ днемъ блѣднѣли, опадали ея щеки и тускнѣлъ взглядъ... А придетъ, непремѣнно придетъ, когда можно въ гробъ уложить ее...

Такъ нѣтъ же! Онъ всѣмъ докажетъ, что этого никогда не бывало. Онъ всѣмъ имъ заткнетъ рты, онъ всѣхъ ихъ проведетъ, надуетъ... Что за бѣда! Еще не поздно. Теперь онѣ только гадаютъ и станутъ присматривать. А что, если съ этой минуты онъ ни разу не пойдетъ въ хату Степаниды? Что видали? Что взяли, стрекотухи? А онъ вѣдь на это рѣшился, и ужъ, будьте покойны, не отступитъ.

Въ этотъ день Панасъ обнаружилъ страшную неблаго-

---

*) Головной уборъ замужнихъ женщинъ.

дарность и крайнюю загрубѣлость чувствъ. Онъ совсѣмъ не былъ любезенъ съ матушкой, которая пришла будить его по обыкновенію въ четвертомъ часу, съ фонаремъ въ рукахъ. Она была предупредительна, говорила съ такою мягкостью, съ такой, можно сказать, материнской ласковостью, что другой на мѣстѣ Панаса считалъ бы себя въ это утро счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

— Ну, что, Панасушка, не пора ли коней напоить? — нѣжно раздавался голосъ матушки, насколько, разумѣется, ему была доступна нѣжность.

«Панасушка! Фью-у! до чего дошло!» Да послѣ этого Панасу слѣдовало схватиться, кинуться къ матушкѣ и излить передъ нею свою благодарность за кожухъ, шапку и чоботы, такъ какъ вчера онъ не успѣлъ этого сдѣлать. Панасъ же медленно поднялся, почесалъ затылокъ и посмотрѣлъ на матушку такимъ мрачнымъ взглядомъ, какъ будто матушка обидѣла его. А о благодарности даже и не подумалъ.

— Ну, что — хорошо пришелся кожухъ? — спрашивала матушка, желая навести его на истинный путь.

— Н-ничего, хорошо! — сурово отвѣтилъ Панасъ, надѣвая уздечку на морду гнѣдого коня.

— А шапка и чоботы?..

— Пришлись! — нисколько не любезнѣе отвѣтилъ Панасъ, и ни слова благодарности.

Матушка было вскипѣла, но удержалась и не сказала ни слова.

«Что-то есть, что-то есть!—мысленно повторяла она.— Надо держать ухо востро».

Панасъ же повелъ коней на водопой и у рѣки встрѣтилъ Соньку, которая возилась тамъ съ телятами.

— Ты что это вздумала брехню распускать, кобыла поповская?—очень нелюбезно спросилъ онъ ее.

— Какую брехню?

— А про стирку?

Сонька порывисто захихикала. Но Панасъ послалъ ей такой выразительный взглядъ, что она вдругъ словно поперхнулась и перестала смѣяться.

— Смотри! — Дохихикаешься! Тоже еще съ ласками лѣзетъ!—прибавилъ Панасъ.

Сонька пошла домой съ видомъ собаки, которую заставили поджать хвостъ.

Когда Панасъ возвращался съ водопоя, сидя на гнѣ-

домъ конѣ съ видомъ человѣка, котораго посадили туда ради наказанія, — его вдругъ осѣнила мысль.

«А кожухъ! — неожиданно воскликнулъ онъ. — На кой чортъ онъ мнѣ? Что я буду дѣлать съ нимъ весну и лѣто?» А до зимы еще, Богъ знаетъ, Панасъ наймется куда-нибудь въ работники да и заработаетъ на кожухъ!

И онъ такъ хватилъ гнѣдого обѣими ногами, обутыми въ новые чоботы, что тотъ подскочилъ на мѣстѣ. Когда онъ на всемъ скаку въѣзжалъ въ ворота поповскаго дома, у него было веселое лицо, и онъ чуть не вслухъ произнесъ:

— Отнесу мамкѣ кожухъ! За него дадутъ хорошіе гроши!..

Никогда еще работа не казалась ему до такой степени противной, какъ въ этотъ день. Просто руки не подымались ни на какое дѣло, точно всякій разъ его останавливала мысль: «на кой чортъ оно мнѣ? Все одно, мнѣ отъ этого никакого проку не будетъ... мамкѣ не понесешь!» И батюшкины кони имѣли полное право негодовать на Панаса, потому что онъ забывалъ подкладывать имъ сѣна. Онъ даже рѣшился уйти со двора и съ этой цѣлью доложилъ матушкѣ, что у него болитъ голова, и что поэтому ему необходимо пойти къ фельдшеру. Напрасно матушка настаивала на томъ, чтобъ онъ воспользовался ея собственнымъ рецептомъ и обвязалъ голову мокрымъ платкомъ и приложилъ къ вискамъ по соленому огурцу.

— Нѣтъ, ужъ я схожу до фершала! — оказывалъ непокорность Панасъ. — Это у меня кровь!.. Я знаю! Можетъ, надо кровь пустить!..

И несмотря на то, что матушка прямо запретила ему дѣлать это, онъ пошелъ-таки, только, разумѣется, не къ фельдшеру. Ему рѣшительно было все равно, куда ни пойти, лишь бы отвильнуть отъ работы. Поэтому онъ зашагалъ по деревенской улицѣ, въ надеждѣ встрѣтить того-другого знакомаго парня и перекинуться двумя-тремя словами. Право, онъ ужъ и не помнитъ, когда съ людьми разговаривалъ; только и знаетъ, что возится съ бабами, такъ какъ у матушки вся прислуга — бабы.

Былъ веселый мартовскій день. Солнце растопило уже весь снѣгъ, обильно лежавшій на поляхъ и на крышахъ мужичьихъ хатъ. Большая деревенская улица на каждомъ шагу пересѣкалась массою ручейковъ, которые, начинаясь далеко въ степи, тончайшими струйками протекали по

Днѣпру и, чуть слышно журча, скатывались въ него по крутому скалистому берегу. Ясный, прозрачный воздухъ уже носилъ въ себѣ тонкій ароматъ весны, который предвѣщаетъ обильную зелень въ садахъ, на поляхъ, въ плавняхъ, и наполняетъ сердце земледѣльца надеждой на урожай. Это былъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ безоблачныхъ дней, какіе только бываютъ въ деревнѣ,—одинъ изъ тѣхъ дней, когда солнце обливаетъ влажную землю своими мягкими лучами и глядитъ на только-что выползшую изъ-подъ земли зелень, на едва начинающія распускаться почки деревьевъ, на всю эту весеннюю молодежь полей и садовъ,—глядитъ такъ ласково, какъ будто и не думаетъ черезъ мѣсяцъ-другой отобрать отъ земли всю ея влагу и своими раскаленными лучами окрасить въ желтый цвѣтъ, преждевременно состарить и покрыть морщинами все, что теперь съ наивной улыбкой юности выползаетъ изъ-подъ земли и зеленѣетъ.

Въ такой прекрасный день Панасъ шагалъ по селу, когда его окрикнулъ грубый, хриповатый и, какъ ему показалось, знакомый голосъ.

— Эй, Панасъ! Развѣ это не ты?—кричалъ голосъ издали, и такъ какъ онъ доносился съ той стороны, гдѣ было солнце, то Панасъ напрасно дѣлалъ усиліе разсмотрѣть того, кто кричалъ.

— Я!—отвѣчалъ онъ.—А то кто жъ еще?

— Гм!.. А я... развѣ я — не Ерема? — продолжалъ голосъ.

Ну, Панасъ, разумѣется, понялъ тогда, чей это былъ голосъ. Да и не мудрено было понять, потому что самъ Ерема, точно выпрыгнувшій изъ пучка яркихъ солнечныхъ лучей, предсталъ передъ нимъ. Онъ давно уже не видался съ Еремой, должно-быть, не меньше года. А что до Марины съ Горпиной, то ихъ Панасъ ужъ года два не встрѣчалъ.

— Э, хлопче?.. Да что я говорю—хлопче? Ты уже настоящій парень! Ну, такъ вотъ, парень, что же это ты совсѣмъ позабылъ дорогу къ Ереминой хатѣ? А? А меня только вчера еще Горпина про тебя спрашивала. «Чи онъ, говоритъ, еще живъ?» Гм!.. Ты, можетъ, забылъ уже, что на свѣтѣ есть такая — Горпина? А? Не забылъ Горпину?

— Не забылъ я, дядя Ерема! Спасибо ей за память! Я думаю, она уже дѣвкой стала?..

— Дѣвка — не дѣвка, а такъ какъ будто къ тому под-

ходитъ!.. Хе-хе! Да много ли имъ надо? Растутъ, какъ печерицы! А я тебѣ радъ, Панасъ, ей-Богу, радъ! Пойдемъ въ хату!

Панасъ не сомнѣвался, что Ерема радъ ему. Это явствовало уже изъ того, что — не охотникъ до словъ — Ерема былъ на этотъ разъ краснорѣчивъ и наговорилъ столько словъ, что и не пересчитаешь. Панасъ принялся объяснять, почему онъ не заходилъ къ Еремѣ. «Некогда вырваться. Съ утра до ночи въ работѣ. Матушка держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ».

— Да... она того... съ характеромъ, — подтвердилъ Ерема.—Ну, а все же спасибо ей!.. Пріютила!

Панасъ, не желая огорчать Ерему, не возражалъ и спросилъ, какъ идутъ дѣла Еремы.

— А!—махнулъ рукой Ерема, и въ этомъ состоялъ весь его отвѣтъ, изъ котораго Панасъ понялъ, что дѣла его идутъ такъ же плохо, какъ шли прежде.

Они вошли въ хату. Здѣсь было все по-старому. Перемѣна состояла развѣ въ томъ только, что наслѣдникъ Еремы, который когда-то лежалъ въ люлькѣ и которому маленькая Горпина пѣла колыбельную пѣсенку (славная то была пѣсенка!—вспомнилъ Панасъ), теперь бѣгалъ по хатѣ въ одной сорочкѣ и босой, а на рукахъ у Марины лежалъ новый претендентъ на Еремино имущество; да въ томъ еще, можетъ-быть, что сама Марина куда какъ постарѣла и сморщилась. Остальныхъ дѣтей не было въ хатѣ, а Горпина ушла по воду. Пошли долгіе разговоры, которые внесли какую-то теплую струю въ сердце Панаса. Разговоры были невеселые. Марина жаловалась (у ней лопнуло терпѣніе, и въ послѣднее время она стала жаловаться) на горькое житье, на непосильную работу, на боль въ поясницѣ. Жаловался и Ерема, да и Панасъ не отставалъ отъ нихъ. И, несмотря на такія печальныя темы, Панасу хотѣлось долго-долго сидѣть и слушать жалобы этихъ простыхъ и добрыхъ людей.

Въ хату вошла Горпина. Да, ей немного не доставало, чтобъ выйти изъ подростковъ. Руки ея были уже украшены мозолями, и на лицѣ ея (оно осталось все такимъ же маленькимъ и круглымъ) уже появилось выраженіе серьезной дѣловитости.

— Вотъ ни за что не узнаешь, Горпина, что за парень у насъ сидитъ! — обратилась къ ней Марина.

Горпина не долго всматривалась въ парня.

— Охъ, Ты, Господи! Да это жъ Панасъ!—проговорила она, всплеснувъ руками, и почему-то покраснѣла.

А Панасъ долго смотрѣлъ ей въ лицо, какъ будто навсегда хотѣлъ запечатлѣть ея черты. У нея были ровныя, черныя брови, и большія рѣсницы окружали ея темные глаза. Тѣ глаза понравились Панасу, они смотрѣли на него прямо, такъ же просто и съ такой же добротой, какъ въ тотъ день, когда онъ разсказалъ ей свою маленькую исторію и она сказала ему: «ты бѣдный хлопецъ!». И почему-то вспомнились ему другіе глаза, которые смотрятъ на него тоже прямо, но не такъ, о! совсѣмъ не такъ! Эти смотрятъ лучше. Отъ тѣхъ у него темнѣетъ въ глазахъ и дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, а эти... Такіе глаза онъ видѣлъ въ церкви на иконѣ, когда онъ говѣлъ въ Великомъ посту и усердно-преусердно молился.

Они стали теперь припоминать тотъ день, когда Панаса вытащили изъ проруби и когда онъ лежалъ на печкѣ. Все припомнилось: и какъ онъ соскочилъ съ печи и сказалъ: «я—хлопецъ», и какъ ѣлъ, на печкѣ лежа, и какъ Горпина пѣла свою пѣсенку. Все, все вспомнилось, и эти воспоминанія какъ будто еще больше породнили его съ Ереминой семьей. Эхъ, никогда бы не ушелъ изъ этой тѣсной хаты, да надо: матушка тамъ, должно-быть, всѣми чертями клянетъ его!

— Заходи же, Панасъ!—сказали ему хозяева, а Горпина не произнесла ни слова, но ея глаза сказали то же самое.

XIII.

Первый шагъ.

Что за чудная была ночь, когда Панасъ шелъ окольными тропинками, отыскивая полуразвалившійся пріютъ своихъ первыхъ дней! Луна серебрила окрестную равнину и свѣтила такъ ярко, что можно было издали видѣть верхушки церквей губернскаго города. Широкій Днѣпръ тихо покоился въ своемъ удобномъ, помѣстительномъ ложѣ, и на его поверхности только изрѣдка тамъ и здѣсь появлялись капризные узоры зыби, свидѣтельствовавшіе о томъ, что онъ не спитъ, а только дремлетъ и въ дремотѣ продолжаетъ свою вѣчную работу. Вотъ онъ извернулся красивой дугой и вмѣстѣ съ своими камышами и десятками узенькихъ притоковъ ушелъ куда-то въ долину и словно спрятался подъ землю, а тамъ, глядишь, онъ опять выползаетъ и блещетъ, отражая въ себѣ все небо.

Панасъ шагаетъ быстро,—матушка научила его ходить. Еще бы ему медлить, когда нужно пройти верстъ съ десятокъ да столько же обратно и притомъ — вернуться къ разсвѣту. Онъ даже не можетъ идти по большой дорогѣ, а долженъ пробираться окольнымъ путемъ, потому что въ эту ночь по дорогѣ ѣдутъ земляки на базаръ: они, конечно, узнаютъ его и удивятся. Кожухъ свой онъ свернулъ и несетъ на плечѣ. Сначала онъ-было надѣлъ его, но отъ быстрой ходьбы стало жарко, и онъ распахнулъ даже воротъ холщевой сорочки. Уже онъ прошелъ балку, на которой тогда встрѣтился съ мамкой; до города осталось версты три. Да ему и не нужно въ городъ. Онъ повернулъ налѣво. Неподалеку отъ города раскинулась слобода; десятка три миніатюрныхъ землянокъ лѣпились одна къ другой, какъ будто собираясь общими силами защищаться отъ опасности, грозившей имъ со стороны города. Здѣсь ютилось бѣднѣйшее населеніе и, какъ ходили слухи, эти мѣста были не совсѣмъ безопасны для ночныхъ прогулокъ мирныхъ и обезпеченныхъ гражданъ. При землянкахъ не было ни дворовъ, ни огородовъ, ни построекъ, словно обитатели ихъ пріютились здѣсь не на всю жизнь, а лишь на нѣсколько дней, готовые послѣ отдыха подняться и отправиться въ дальнѣйшій путь.

Панасъ хорошо зналъ эти мѣста. Они не напоминали ему ничего пріятнаго. Здѣсь не было ни одного мѣстечка, которое заставило бы его остановиться и предаться на минуту тому или другому отрадному воспоминанію. Здѣсь, въ зимнюю пору, одѣтый въ рубище, высматривалъ онъ виднѣющіеся на большой дорогѣ экипажи или повозки; здѣсь— въ глубокой темнотѣ осенней ночи, подъ вѣтромъ и дождемъ, дрожа и плача, бѣгалъ онъ вокругъ этихъ землянокъ, когда къ мамкѣ приходили солдаты и его выгоняли на улицу. Въ такомъ родѣ были всѣ его воспоминанія объ этихъ прекрасныхъ мѣстахъ. У одной изъ землянокъ онъ остановился и постучалъ въ окно. Въ этомъ окнѣ не было стеколъ; вмѣсто нихъ была наклеена синяя, толстая бумага. Панасъ, однако, могъ разглядѣть, что въ хатѣ зажгли огонь. Онъ подошелъ къ двери и услышалъ шелестъ босыхъ ногъ, ступавшихъ по земляному полу.

— Кто тамъ?

— Панасъ!—нетерпѣливо отвѣтилъ онъ, потому что то былъ голосъ Параски.

Ему отперли дверь. Передъ нимъ стояла Параска въ

изодранной юбкѣ, въ сорочкѣ, не вѣдавшей стирки, босая и съ распущенными жиденькими волосами.

— Мамка! — взволнованнымъ голосомъ произнесъ Панасъ и поцѣловалъ ее въ губы—тонкія, сморщенныя, старческія губы, такъ какъ Параска казалась теперь совсѣмъ старухой, хотя ей не было еще пятидесяти лѣтъ.

Изъ сѣней они вошли въ хату. Панасъ окинулъ взоромъ свое прежнее жилище и нашелъ, что оно мало измѣнилось. Пустая хата съ низенькимъ потолкомъ, съ темнымъ окномъ, безъ стеколъ, съ холодной, полуразвалившейся печью, не знавшей, что̀ такое огонь; никакихъ украшеній, ничего такого, что хотя бы по случайному сходству могло бы назваться мебелью: ни стола, ни лавки, ни кровати. На землѣ (настоящей сырой землѣ) была настлана солома, а на ней лежала женщина въ лохмотьяхъ и, повидимому, спала.

— А это кто? — спросилъ Панасъ, указывая на женщину.

— Это такъ себѣ... женщина! — отвѣчала Параска.

И она не могла дать другого отвѣта, потому что субъектъ, о которомъ шла рѣчь, не имѣлъ никакого общественнаго положенія. Это было такое же бездомное существо, какъ и она, жила тѣмъ же ремесломъ и страдала тѣмъ же порокомъ, который обѣимъ имъ давалъ возможность забывать объ ужасной обстановкѣ, который украшалъ и дѣлалъ сколько-нибудь переносимымъ ихъ жалкое существованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ днемъ заставлялъ ихъ опускаться все ниже и ниже.

Параска сѣла на соломѣ, поставивъ посреди хаты свѣчку и протянувъ впередъ полунагія, грязныя и исцарапанныя ноги. Она не выражала ни радости, ни волненія, лицо ея, казалось, утратило способность отражать на себѣ состояніе ея духа. Панасъ стоялъ среди хаты, слегка наклонивъ голову, потому что она касалась потолка; онъ держалъ въ рукахъ свой кожухъ, которому было предназначено обрадовать Параску,—и молчалъ. Если бъ его спросили, что̀ онъ чувствовалъ въ эти минуты, едва ли онъ былъ бы въ состояніи дать отвѣтъ. Онъ видѣлъ только одно, что мамка его валяется въ грязи и сохнетъ отъ голода, холода и всякой нужды, тогда какъ онъ — здоровый, молодой парень въ цвѣтѣ силъ, образцовый работникъ, надрывается для другихъ и ничего не можетъ сдѣлать для нея. Въ груди его закипѣла злоба на все прошлое

(онъ на него теперь оглянулся), которое онъ съ такимъ рвеніемъ посвящалъ матушкѣ, и оттого не сталъ ни на одинъ грошъ богаче.

— Мамка, вотъ я принесъ вамъ кожухъ!.. Онъ новый!.. Вы его продайте!..—какъ-то глухо произнесъ онъ, глядя въ сторону, точно извиняясь передъ Параской, что принесъ ей только кожухъ, а не теплую хату, въ которой, какъ у добрыхъ людей, стояли бы и лавки, и столы, и сундукъ съ кое-какимъ добромъ, висѣли бы образа и картинки, въ печи горѣлъ бы огонь, а на столѣ появилось бы варево.

— Спасибо, я продамъ! — отвѣтила Параска.

У нея былъ хриплый голосъ, выдававшій ея образъ жизни. Панасъ поискалъ глазами, куда бы положить кожухъ, но, убѣдившись, что подходящаго мѣста нѣтъ, положилъ его въ уголъ на землю. Онъ продолжалъ стоять молча, смутно сознавая, что молчать въ этой обстановкѣ будетъ самымъ пріятнымъ времяпровожденіемъ. О чемъ ни заговори — на все отвѣтомъ будутъ самыя горькія жалобы на бѣдность, на голодъ и холодъ. Такъ, повидимому, думала и Параска, потому что она тоже молчала. Она глядѣла на Панаса сонными глазами, и на лицѣ ея было такое выраженіе апатіи, безразличія, какъ будто стоявшій передъ нею человѣкъ былъ слишкомъ частымъ гостемъ въ этой лачугѣ, и она нетерпѣливо ждала, когда же онъ наконецъ уйдетъ. Панасу пришла въ голову мысль, что если бъ Параска не ушла тогда отъ матушки, то ничего этого не было бы, или по крайней мѣрѣ — если бъ она тогда взяла его съ собою...

— Мамка!—произнесъ онъ и вздрогнулъ, потому что голосъ его какъ-то дико, какъ въ могилѣ, раздавался въ пустой хатѣ:—зачѣмъ вы тогда покинули меня?.. Я пошелъ бы съ вами!..

Параска подняла на него глаза.

— А ты думалъ, что у твоей мамки на мѣсто сердца кусокъ гнилого дерева? а? — тихо захрипѣла Параска. — Развѣ я не знала, на какую жизнь иду? Такъ чтобъ я и тебя взяла на эту муку — изъ теплой хаты да отъ готоваго хлѣба!.. Я не гадюка какая-нибудь!.. А что я только вынесла и какъ жалѣла, что не сидѣла на мѣстѣ!.. Не могла!.. Силъ не хватило! Воли захотѣлось! Охъ, воля, воля! То-то воля!

И она обвела глазами лачугу, которая олицетворяла со-

бой эту волю. Потомъ она уже не могла удержать потока словъ. Мало-по-малу она оживлялась, голосъ ея словно выросталъ, становился громче, крикливѣй; между словъ чаще и чаще попадались ругательства, которыя она произносила такъ же просто, какъ и прочія слова, не замѣчая между ними никакой разницы. Она бранила себя, бранила людей, бранила весь свѣтъ, потому что не могла найти настоящаго виновника своего несчастія. Она говорила съ пѣной у рта, и казалось, если бъ у ея ногъ въ эту минуту лежалъ ненавистный ей свѣтъ, она, не задумываясь, раздавила бы его ногой. Онъ, по ея мнѣнію, стоилъ этого, потому что въ немъ нѣтъ ничего хорошаго. Иногда въ ея словахъ нельзя было найти смысла. Иногда она говорила о такихъ предметахъ, которыхъ, повидимому, сама не знала, и въ эти минуты она походила на сумасшедшую. Ея громкія ругательства разбудили «женщину», которая повернулась лицомъ къ Панасу и, приподнявшись на локтѣ, стала разглядывать его. У нея было широкое, красное лицо, съ свѣжими слѣдами царапинъ на щекахъ; глаза казались распухшими; полуизодранная рубашка нисколько не закрывала ея сухую морщинистую грудь, и это, повидимому, нисколько не смущало ея.

— Это сынъ?—спросила она у Параски грубымъ, почти мужскимъ голосомъ. Тогда Параска какъ бы очнулась отъ своего бреда и перестала кричать.

— Какой молодецъ!—похвалила «женщина» и при этомъ показала свои изжелта-сѣрые зубы и вмѣстѣ съ ними блѣдныя, почти бѣлыя десны.

— Онъ принесъ кожухъ!—сказала ей Параска.—Завтра продадимъ.

— О-о!—еще разъ улыбнулась «женщина».—Это славная штука!—И она поднялась съ соломы въ своемъ ночномъ костюмѣ, который существовалъ, повидимому, для того, чтобъ обнажать ея грязное тѣло. Въ такомъ видѣ она прошла мимо Панаса въ уголъ и наклонилась, чтобъ осмотрѣть кожухъ. — Это славная штука! — повторила она и, какъ бы для доказательства этой мысли, ударила себя по бедрамъ.

— Мнѣ пора! — сказалъ Панасъ. — Къ разсвѣту надо быть тамъ.

— Ты, хлопче, приноси почаще! — сказала ему «женщина». — Я знаю славное мѣстечко, гдѣ можно всякую штуку продать!.. Ха-ха-ха!..

О, это, какъ видно, была веселая женщина! Она, должно-быть, однажды рѣшила никогда не огорчаться, что бы ни посулила ей жизнь, и на все смотрѣла съ веселой, хотя и отвратительной (какъ показалось Панасу) улыбкой.

— Ты у panычевской матушки служишь?—продолжала веселая женщина. — О, у нея есть много кой-чего!.. Я когда-то была у нея на заработкахъ... давно! У нея есть много кой-чего!—повторила она, подмигивая Панасу, какъ старому пріятелю.

— Прощайте, мамка!—промолвилъ Панасъ.

— Придешь?—спросила Параска, не вставая съ соломы.

— Буду заглядывать!.. Только... мамка... вы его не пропейте!..

— Кого это?—сердито спросила Параска.

— Кожухъ!.. А лучше хлѣба прикупите!..

— Ладно!—отвѣтила Параска, а веселая женщина залилась хриплымъ смѣхомъ, какъ будто Панасъ разсказалъ ей веселый анекдотъ.—Запри хату, Фроська, — прибавила Параска, еще больше нахмуривъ брови. Послѣдній совѣтъ Панаса, повидимому, очень не понравился ей.

Панасъ вышелъ въ сѣни, а Фроська пошла за нимъ.

— У матушки есть много кой-чего! — повторила она надъ самымъ его ухомъ и при этомъ, какъ показалось Панасу, прикоснулась къ нему всѣмъ своимъ тѣломъ. Это отвратительное прикосновеніе заставило его вздрогнуть, и онъ, какъ стрѣла, вылетѣлъ изъ сѣней на улицу.—У нея есть много кой-чего!.. — еще разъ раздался позади него хриплый голосъ, и дверь захлопнулась.

Панасъ никогда не былъ чувствительнымъ человѣкомъ, и никто не считалъ его такимъ. Но на этотъ разъ рукавъ его сорочки оказался влажнымъ, когда онъ провелъ имъ пониже лба. Онъ смотрѣлъ впередъ, но не видѣлъ, куда идетъ. Онъ какъ будто до сихъ поръ еще находился въ лачугѣ и видѣлъ передъ собой мамку—старую, изможденную, озлобленную до послѣдней степени. Тутъ мало было для него новаго. Эта лачуга съ ея ужасной пустотой и сыростью, съ ея холодными стѣнами и вѣчнымъ голоданьемъ—все это когда-то было его удѣломъ; но теперь онъ смотрѣлъ уже на все это иначе. Если бъ въ эту минуту передъ нимъ появилась матушка, онъ, кажется, прямо сказалъ бы ей:

— Отдай мнѣ то, что я заработалъ! Неужели за четыре года дьявольскаго труда я не заслужилъ ничего лучшаго, чѣмъ этотъ обѣщанный бычокъ и кожухъ?..

Онъ не привыкъ къ хорошей обстановкѣ и никогда не пользовался расположеніемъ судьбы; но эта ужасная трущоба, въ которой онъ только-что видѣлъ мамку, одно воспоминаніе о ней — кидали его въ дрожь. Было что-то страшное, зловѣщее въ этомъ babkѣ, сырости, пустотѣ, съ голодомъ и холодомъ... И ко всему—еще эта компаньонка Фроська, съ распухшимъ отъ пьянства и разврата лицомъ, въ этомъ невѣроятномъ костюмѣ... Эта, кажется, ужъ ни передъ чѣмъ не остановится. А развѣ мамка не живетъ, не дѣлится съ нею и не одинаково добываетъ средства? Для него было ясно, что эти двѣ женщины не прочь украсть что-нибудь для того, чтобъ добыть шкаликъ водки. И одна изъ нихъ—его мамка...

У него явилась мысль — бросить матушку и наняться куда-нибудь въ работники. Но тутъ же возникъ вопросъ—кто возьметъ его? Кто не знаетъ, что онъ служилъ у матушки, что принятъ ею, какъ сирота-бездомный? Развѣ она не кричитъ всякому въ уши, что облагодѣтельствовала его, что мамка его обокрала ее? И всякій подумаетъ (а она въ этомъ всякаго увѣритъ), что онъ—злодѣй и ушелъ онъ отъ нея только потому, что похожъ на свою мамку. Но какъ бы тамъ ни было, а Панасъ не можетъ оставить дѣла такъ, какъ оно есть. Не можетъ же онъ со спокойнымъ сердцемъ глядѣть, какъ мамка его задыхается въ нищетѣ, и въ это время прилагать всѣ старанія къ тому, чтобъ матушкино добро увеличивалось, когда ему отъ этого никакого толку нѣтъ. Ну, если уйти нельзя, то онъ сдѣлаетъ такъ, что она его прогонитъ. О, пусть тогда говоритъ, что хочетъ! Всѣ видѣли, какъ онъ работалъ, всѣ будутъ видѣть, какъ онъ, прогнанный, будетъ уходить съ пустыми руками, и никто тогда не повѣритъ ей, когда она будетъ говорить (а она непремѣнно будетъ кричать это всѣмъ), что онъ обокралъ ее. А чтобъ она прогнала его, для этого немного нужно. Надо только взбѣсить ее—и онъ это сумѣетъ сдѣлать.

Бѣдные кони о. Макарія! Какъ они фыркали въ это утро, когда Панасъ гладилъ ихъ бока желѣзной щеткой и обмахивалъ метелкой, составленной изъ ихъ собственныхъ хвостовъ! Имъ было больно, но они конечно простили бы Панаса, если бъ знали, что̀ у него было на душѣ, тѣмъ болѣе, что прежде они уже много разъ видѣли доказательства того, что Панасъ желаетъ имъ добра.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Веселые люди.

Степанида Ковалиха сгребала въ своемъ дворѣ остатки камыша для топки, когда изъ-за камышевой изгороди выглянуло широкое лицо, принадлежавшее Сонькѣ.

Степанида дѣлала свое дѣло, низко наклонившись, и при этомъ мурлыкала какую-то пѣсню, или, скорѣе, ворчала, потому что тонъ этой пѣсни былъ сердитый.

— Тетка! А, тетка!—окликнула ее Сонька.

Степанида подняла голову. Она не очень-то обрадовалась гостьѣ, потому что не питала нѣжнаго расположенія къ Сонькѣ. Въ особенности въ послѣднее время, когда было замѣчено, что Сонька кидаетъ нѣжные взгляды туда, куда, по мнѣнію Степаниды, ей нечего было соваться. Нельзя сказать, чтобъ и Сонькино сердце лежало къ Степанидѣ, и это происходило по той же самой причинѣ, т. е. потому, что такіе же взгляды и въ томъ же направленіи были замѣчены и за Степанидой, и Сонька именно полагала, что Степанидѣ эти взгляды были не къ лицу. Стоило, конечно, только взглянуть на Степаниду — на ея роскошный станъ и глубокіе, темные глаза, на ея величавую походку — на все, чѣмъ она издавна славилась въ селѣ; услышать ея пѣвучій грудной голосъ и потомъ сейчасъ же перенести взглядъ на Соньку — на ея широкое, блинообразное лицо, съ большими зубами и вѣчно распухшими глазами, на ея неуклюжія руки, короткій станъ и торопливую, какъ у зайца, походку,—стоило услышать ея грубый и крикливый голосъ, и сейчасъ же стало бы ясно, какъ день, что «гусь свиньѣ не товарищъ», такъ точно, какъ и Сонька Степанидѣ не соперница. Но Степанида, прекрасно все это знавшая, была, однакожъ, слишкомъ заинтересована въ этомъ дѣлѣ, чтобъ достаточно взвѣсить всѣ эти обстоятельства, и не могла отказать себѣ въ удовольствіи (такъ какъ это въ сущности—большое удовольствіе) имѣть соперницу.

— Тетка Степанида! матушка кличетъ стирать! — сказала Сонька.

— Ладно! Приду! — совсѣмъ не дружелюбнымъ тономъ отвѣтила Степанида и опять занялась сгребаніемъ камыша.

Сонька, между тѣмъ, продолжала стоять, хотя разговаривать, повидимому, было не о чемъ, такъ какъ она вполнѣ

точно исполнила свою миссію. Степанида дѣлала видъ, что не замѣчаетъ ея и считаетъ ушедшей, и опять замурлыкала свою пѣсню.

— Тетка Степанида! А воды уже наношено! — проговорила Сонька, приправивъ тонъ своего голоса огромной порціей коварнаго лукавства и даже подмигнувъ пролетѣвшей мимо нея въ это время ласточкѣ.

— Ну, такъ что жъ? — не поднимая головы, спросила Степанида.

— Да ничего! а за камышомъ на горо̀дъ я буду ходить!—продолжала Сонька, подмигивая воронѣ, сѣвшей въ это время на остаткѣ крыши полуразвалившейся Евстафіевой кузницы.

Степанида промолчала, но у нея вдругъ опустился приподнятый фартукъ, и изъ него съ шумомъ высыпался на землю мелкій камышъ. Степанида стала торопливо подбирать его, но онъ опять падалъ, потому что руки ея дрожали. Она чувствовала, что лицо ея покрылось краской, и потому нагнулась еще ниже. А жестокая Сонька, видя, что слова ея произвели желательный эффектъ, продолжала, на этотъ разъ подмигивая всѣмъ птицамъ, которымъ случилось въ это время пролетѣть мимо нея:

— А ей-Богу такъ! сама матушка велѣла; а то, говоритъ, Степанида долго копается, когда за камышомъ ходитъ, а стирка, говоритъ, спѣшная!.. И Панасову сорочку будемъ стирать!..

Эта маленькая прибавка окончательно вывела изъ терпѣнія Степаниду. Она швырнула въ сторону непокорный камышъ и грозно выпрямилась во весь ростъ.

— Да я тебѣ, голубка моя, задамъ тутъ такую стирку, что ты и къ матушкиной хатѣ дороги не найдешь! — закричала она, кидая дикіе взоры на Соньку, и при этомъ руки ея тряслись и, казалось, готовы были схватить за горло надоѣдливую гостью.—Ты чего тутъ вздумала корить?.. Ты видѣла? Говори: видѣла? а? Видѣла-а?..

И Боже мой, что показалось въ эту минуту Сонькѣ!.. Ей показалось, что у Степаниды выкатились изъ глазъ двѣ крупныхъ слезы и губы ея перекосились, какъ будто она сейчасъ готова была зарыдать.

— Тетка!.. Степанида!.. Я не хотѣла! — чуть не плача сама, проговорила она и въ это время уже никому не подмигивала.

Напротивъ, у ней сжалось сердце, и она чувствовала

себя преступницей. Эти двѣ крупныя слезы какъ будто объяснили ей всю глубину горя этой женщины, и она сама, не зная почему, почувствовала, что никогда, никогда уже больше не была бы способна смѣяться надъ ней. Она больше не рѣшилась сказать ни слова и пошла домой медленной походкой и опустивъ голову.

Степанида пришла къ матушкѣ мрачная и въ этотъ день стирала лѣниво, вяло, точно ее неволили: у нея былъ утомленный видъ, будто передъ этимъ ее въ конецъ измучила лихорадка; ей все казалось, что взгляды, которые она встрѣчала въ этотъ день, были не такіе, какъ всегда, что тонъ, которымъ съ ней говорили о такихъ простыхъ вещахъ, какъ бѣлье, мыло, вода и прочія принадлежности стирки, — былъ какой-то особенный, проникнутый тонкой, ядовитой насмѣшкой. И она старалась не поднимать головы и не отводить глазъ отъ работы. Послѣ того, что сказала ей Сонька, она быстро нарисовала себѣ цѣлую картину, которая привела ее въ ужасъ. Это, конечно, не кто иной, какъ Панасъ, разсказалъ всѣмъ. Ему, должно-быть, захотѣлось похвастаться, что вотъ дескать онъ, безусый пареиекъ, у котораго еще на губахъ молоко не обсохло, — завладѣлъ этой неприступной молодицей. И теперь про это уже трубятъ всѣ паничевскія бабы, особенно тѣ, которыя сами не безъ грѣховъ.

«Вотъ, молъ, она—неприступная! Первому хлопцу кинулась на шею! Мужняя жена! Посмотрите на нее, добрые люди!» Конечно, это все такъ, какъ она думаетъ, и теперь ужъ объ этомъ знаетъ и матушка, и батюшка, весь свѣтъ... Откуда же могла узнать это лупоглазая Сонька? А, Панасъ! Вотъ ты каковъ! Сколько лѣтъ томилась Степанида въ одиночествѣ и вотъ—отдала душу предателю-Іудѣ!

Какъ нарочно, въ этотъ день Панасъ ни разу не попался ей на глаза. Убѣгаетъ! еще бы! теперь ему стыдно ей въ глаза смотрѣть. Ну, а она все-таки подстережетъ его, и еще какъ подстережетъ.

Уже и солнце давно зашло и коровъ отогнали въ череду; совсѣмъ стемнѣло, а Панаса она до сихъ поръ не встрѣтила. Но вотъ ей слышится свистъ изъ-за горо̀да; это его свистъ, уже это она хорошо знаетъ. Никто во всемъ Паничевѣ не умѣетъ свистать такъ звонко и раскатисто, какъ Панасъ. Она попрощалась съ матушкой и пошла круговой дорогой, но потомъ круто повернула къ полю. Тамъ чернѣетъ какая-то фигура. Степанида неслышно ступаетъ,

едва прикасаясь къ землѣ босыми ногами. Онъ, конечно, не ждетъ ея, а ждетъ, можетъ-быть, Соньку, либо еще какую-нибудь третью. Ему что? Онъ—вольный казакъ!..

Панасъ стоялъ на пригоркѣ, онъ видѣлъ, какъ она шла къ нему и какъ потомъ остановилась въ пяти шагахъ отъ него. Лица ея онъ не разглядѣлъ, потому что было темно; но зналъ, что это Степанида.

— Не ждалъ меня? — какимъ-то страннымъ голосомъ спросила она:

— А кого жъ я ждалъ? — спокойно переспросилъ Панасъ. — Кого мнѣ больше ждать? матушку, что ли? Ха-ха-ха!..

— Найдутся и безъ матушки! А меня тутъ ждать нечего!.. Дорогу, я думаю, знаешь... Или позабылъ?..

— Не позабылъ, — угрюмо отвѣтилъ Панасъ: — а надо бы позабыть! Слушай, Степанида! — онъ подошелъ къ ней и положилъ руку на ея плечо. — Ты тамъ подумала Богъ знаетъ что... А я для твоей же пользы!.. Ты думаешь, мнѣ легко позабыть ту дорогу? Э-эхъ! А ты послушай, что разсказываютъ... Эта мордастая Сонька, должно-быть, выслѣживала, каторжная дѣвка... Юла! «Онъ, говоритъ, по сиркѣ заскучалъ!..» Да только это она и знаетъ!.. А что я ходилъ къ тебѣ, — этого она не посмѣетъ сказать! Я и подумалъ: — теперь про это болтовня пойдетъ; станутъ выслѣживать... Такъ пускай же эти собаки сто ночей простоятъ у твоей хаты и ни одна ничего не увидитъ...

— А ты не брешешь? Нѣтъ? — она прижалась къ нему и своей горячей рукой приглаживала его волосы. Панасъ любовно обнялъ ее и не могъ отвести глазъ отъ ея пылавшаго лица.

— Развѣ не видишь?—сказалъ онъ въ отвѣтъ.

— Милый хлопче! Какой ты хорошій да сердечный!.. А я подумала!..

— Чего тутъ думать, Степанида? Я только и думаю, что о тебѣ да объ...

— Ну? Объ комъ же еще?..

— Объ мамкѣ... Вотъ объ комъ!.. я ее встрѣтилъ... я былъ у ней!.. Эхъ, лучше бы мнѣ было не ходить туда!

Они присѣли рядомъ на влажной землѣ, и Панасъ разсказалъ ей о своемъ путешествіи къ Параскѣ.

— Кожухъ этотъ она пропьетъ, я знаю. И все пропьетъ, пока будетъ жить въ томъ гробу... Да заставь меня тамъ жить, такъ и я, даромъ что не люблю водки, кажись,

душу свою пропилъ бы съ тоски!.. А теперь она уже опять голодаетъ. Что я понесу ей? У меня ничего нѣтъ! — говорилъ онъ, разсказавъ ей все, какъ было.

Степанида порывисто сорвала платокъ съ своей головы.

— Панасъ, голубчикъ! возьми это! У меня есть дома другой!.. Господи! зачѣмъ я такая нищая?.. Ничего у меня нѣтъ!..

— Что это ты?.. Еще и тебя обирать стану?.. Возьми, надѣнь!..

Но Степанида не взяла и не надѣла, а положила ему платокъ за пазуху сорочки.

— Не обижай!—прибавила она.

— Иди домой, Степанида! Уже поздній часъ, я побѣгу туда, къ мамкѣ!..

— Посидимъ! — и она сильными руками притянула его къ себѣ.

Никто не мѣшалъ имъ такъ сидѣть, потому что въ полѣ не было ни одной живой души, а тучи закрыли и звѣзды, и мѣсяцъ.

Когда Панасъ вернулся домой, было уже поздно, всѣ спали. Ему предстояло длинное путешествіе. Прошла ровно недѣля съ того дня, какъ онъ былъ у Параски. Онъ не сомнѣвался, что отъ кожуха ужъ и слѣдовъ не осталось. Что же онъ понесетъ теперь? Степанидинъ платокъ? Онъ вынулъ его изъ-за пазухи и принялся разсматривать. Такъ — тряпка какая-то, за которую грошъ дадутъ. Ишь, какая добрая Степанида! Послѣднюю тряпку отдала! Все его богатство заключалось въ новой шапкѣ да въ чоботахъ, за которые что-нибудь дадутъ. Но отдать Параскѣ чоботы — невозможно. Завтра же матушка спроситъ, куда дѣвалъ ихъ. Что онъ тогда скажетъ? спряталъ? Да, такъ она и повѣритъ. Покажи — скажетъ. Нѣтъ, объ этомъ и думать было нечего...

И голова его напрасно работала и изощрялась надъ вопросомъ, что снести мамкѣ. Онъ сидѣлъ въ конюшнѣ. Передъ нимъ горѣла сальная свѣчка. Тусклый свѣтъ падалъ на лошадиныя спины, на стѣны, увѣшанныя сбруей, на самого Панаса. Онъ поднялъ голову и оглядѣлъ конюшню, какъ бы спрашивая взглядомъ: «нѣтъ ли тутъ чего подходящаго?». И было мгновеніе, когда на лицѣ его появилась странная улыбка, какой никогда еще не было на этомъ лицѣ,—улыбка, смѣшанная со страхомъ, съ вопросомъ, изумленіемъ. Потомъ улыбка исчезла, губы поблѣд-

нѣли и краска сошла съ его лица, принявшаго выраженіе какого-то страшнаго напряженія; брови сдвинулись, и на лбу появилась складка. Онъ всталъ и сдѣлалъ шагъ къ стѣнѣ, на которой были развѣшены разныя принадлежности сбруи. Взглядъ его остановился и какъ будто не могъ оторваться отъ новаго хомута, висѣвшаго въ углу. Этотъ хомутъ былъ купленъ недавно и предназначался для новой, еще даже не существовавшей, а только заказанной брички, которая должна была поразить міръ своей щеголеватостью. Бричка будетъ готова не раньше, какъ къ осени, а къ тому времени...

— Такъ, значитъ, воровскимъ манеромъ! — раздалось въ конюшнѣ среди глубокой тишины, и Панасъ тревожно оглянулся кругомъ, какъ будто не онъ сказалъ эти слова.

Кони повели ушами.

«Чуютъ, проклятые!—подумалъ Панасъ.—А развѣ я не заработалъ? а?—мысленно обратился онъ къ конямъ, какъ будто желая привлечь на свою сторону единственныхъ свидѣтелей своего преступленія. Ему пришелъ на память обѣщанный бычокъ. — Пускай же онъ ей достанется, а мнѣ хомутъ! Ха-ха! — Онъ почти громко засмѣялся, и этотъ смѣхъ какъ бы ободрилъ его.—За четыре года, кажется, можно хомутъ заработать! — привелъ онъ еще одинъ ободряющій доводъ и вспомнилъ въ это время, что уже довольно поздно. Если онъ еще будетъ копаться, то, пожалуй, не успѣетъ вернуться къ разсвѣту. Хомутъ уже былъ въ мѣшкѣ, свѣчка погашена. — Этого мамкѣ надолго хватитъ!»

Панасъ неслышно заперъ конюшню и воровской походкой, озираясь и прислушиваясь, прошелъ черезъ городъ. Барбосъ безмолвно прыгалъ вокругъ него, становился на заднія ноги и лизалъ его лицо.

— Смотри, никому не разсказывай!—пошутилъ съ нимъ Панасъ, и Барбосъ поглядѣлъ на него своими умными, блестѣвшими въ темнотѣ, глазами, словно одобряя Панасовъ поступокъ и обѣщая сохранить тайну въ своемъ собачьемъ сердцѣ.

Тяжела была ноша Панаса! Пробираясь окольной дорогой, еще болѣе окольной, чѣмъ въ ту ночь, когда несъ свой кожухъ, Панасъ изгибался подъ ея тяжестью, оглядывался и часто останавливался въ испугѣ, принявъ какой-нибудь пень за живое существо. Раза три онъ становился, какъ вкопанный, не чувствуя въ себѣ силы идти дальше,

и готовый вернуться назадъ. Но это длилось не больше одного мгновенія. Ему приходилъ на память бычокъ, и онъ смѣялся и вполголоса прибавлялъ: «Онъ уже ей достанется! онъ стоитъ хомута!» Тогда онъ шелъ дальше, стараясь поддержать въ себѣ веселое настроеніе. Когда впереди показалась слобода и онъ различилъ хату Параски, онъ съ удивленіемъ остановился. Въ такой поздній часъ (уже было за полночь) у мамки въ хатѣ свѣтился огонь. Что̀ бы это значило? Онъ подошелъ къ окну. Эге! Да тутъ большая компанія! Слышатся тутъ и мужскіе голоса. Значитъ, пропиваютъ кожухъ. Однако, имъ все-таки надолго хватило! И Панасъ съ минуту колебался, не отнести ли ему хомутъ обратно, въ батюшкину конюшню, и не повѣсить ли его на прежнее мѣсто? Что толку будетъ въ томъ, что онъ отдастъ его мамкѣ? Все равно пропьетъ въ компаніи, какъ пропила кожухъ! Но въ это время въ головѣ его ясно пронеслись слова, которыя онъ самъ же сегодня сказалъ Степанидѣ: «Заставь меня жить въ этомъ гробу, такъ я душу пропилъ бы чорту, даромъ что не люблю водки». И правда. Потому что это дѣйствительно былъ гробъ...

Онъ твердо постучалъ въ окно и тутъ же крикнулъ:

— Это я, Панасъ!

— Га-а! Панасъ!.. Вотъ такъ гость! — отвѣтили разомъ нѣсколько голосовъ. Тутъ былъ и голосъ его мамки, хриплый и пронзительный.

«Она совсѣмъ пьяна, должно-быть!» — рѣшилъ Панасъ, судя по голосу.

Его впустили въ хату. О, что это была за веселая компанія. Правда, ихъ было немного — всего четверо, но они производили такой шумъ, какъ будто ихъ была сотня. Фроська возсѣдала на колѣняхъ у военнаго человѣка, который по своей приличной внѣшности имѣлъ полную возможность подыскать себѣ болѣе опрятную подругу жизни. Онъ былъ моложавъ, статенъ, обладалъ густыми усами, которымъ, очевидно, не зналъ цѣны, вслѣдствіе чего содержалъ ихъ въ полномъ безпорядкѣ,—и бакенбардами рыжаго цвѣта. Фроська была въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ Панасъ увидѣлъ ее въ свой первый визитъ къ Параскѣ. Другой гость также принадлежалъ къ военному сословію, но былъ значительно постарше и гораздо менѣе изященъ. Лицо его обросло наполовину сѣдыми волосами, и эти волосы покрывали буквально все лицо, за исключеніемъ лба и носа; на головѣ лоснилась лысина, столь же

широкая, какъ и голова, притомъ сѣроватаго цвѣта, благодаря примкнувшимъ къ ней постороннимъ тѣламъ. Военные люди, несмотря на то, что костюмы ихъ не отличались слишкомъ большой изысканностью, все-таки казались въ Параскиной хатѣ и въ сообществѣ Фроськи и самой хозяйки слишкомъ изящными и производили такое впечатлѣніе, словно они попали сюда по ошибкѣ и совсѣмъ не въ свое мѣсто. Подумать только, что шинели ихъ были совершенно цѣлы, а у молодого—была даже новая, тогда какъ на хозяйкахъ висѣли лохмотья, да и все здѣсь имѣло видъ полнаго разрушенія. Для гостей нашлись стулья, которые были не что иное, какъ два большихъ камня, принесенныхъ съ улицы. На землѣ стояла воткнутая въ бутылку горящая свѣчка, штофъ, до половины налитый жидкостью, и щербатая чайная чашка. Закуски никакой не было видно. Ясно, что она здѣсь была не въ модѣ. Молодой гость невѣроятнымъ голосомъ выкрикивалъ пѣсню, которая чуть ли не вся состояла изъ припѣва: «Эй лю, эй лю, эй лю-ли!» и еще что-то въ этомъ родѣ. При этомъ онъ сильно увлекался, откидывалъ голову назадъ и жестикулировалъ всѣми своими составными частями, такъ что дама его, Фроська, противъ всякаго желанія подпрыгивала на его колѣняхъ чуть не до потолка. Солидный гость держалъ себя совершенно такъ, какъ требовала его солидность. Онъ сердился, и хотя очень громко выражалъ свой гнѣвъ по поводу того, что Параска, его дама, стара и беззуба, и что поэтому онъ не можетъ извлечь изъ нея никакого толку (такъ приблизительно онъ выражалъ свою мысль), тѣмъ не менѣе держался при этомъ устойчиво и не дѣлалъ никакихъ непристойныхъ тѣлодвиженій. Параска стояла, потому что не на чемъ было сидѣть, и всякій разъ, когда хотѣла выпить, невольно дѣлала земной поклонъ по направленію къ штофу. Молодой гость, при появленіи Панаса, немедленно вскочилъ съ мѣста, причемъ Фроська, благодаря неожиданности этого движенія, а можетъ-быть, еще потому, что она пила безъ всякой закуски, повалилась на землю и протестовала противъ этого сильнымъ крикомъ и безсмысленными движеніями ногъ. Гость представился Панасу и, какъ довольно цивилизованный человѣкъ, подалъ ему руку. Оказалось, что онъ обладалъ странной привычкой потрясать руку безчисленное число разъ и еще болѣе странной фамиліей—«Заковырка». Другой гость не имѣлъ привычки представляться. Онъ только прищурилъ лѣвый глазъ и

взглянулъ на Панаса правымъ; потомъ взялъ штофъ, налилъ изъ него въ чашку, наполнивъ ее по возможности до краевъ, и молча протянулъ ее къ Панасу. Панасъ уже положилъ свою ношу въ углу. Онъ нисколько не разсчитывалъ засиживаться въ пріятной компаніи, ему только хотѣлось сказать два-три слова Параскѣ, именно попросить ее, чтобъ она съ хомутомъ обошлась менѣе легкомысленно, чѣмъ, повидимому, обошлась съ кожухомъ.

— Я не пью!—сказалъ онъ.

Военный господинъ пристально посмотрѣлъ на него правымъ глазомъ, потомъ какъ будто нашелъ, что этого недостаточно—открылъ и лѣвый, затѣмъ открылъ и ротъ, вслѣдъ за этимъ уже сами собою поднялись брови, даже какъ будто волосы на лицѣ его раздвинулись, какъ у разсерженнаго ежа,—и все лицо его изобразило такой огромный вопросительный знакъ, какого, вѣроятно, не изображало еще ни одно лицо человѣческое. Онъ дѣйствительно былъ очень изумленъ. Въ самомъ дѣлѣ, что это за странная игра природы: Параска глотаетъ водку чашками, какъ воду, а онъ, ея кровный сынъ, не пьетъ? Тутъ очевидно нѣтъ ни малѣйшей послѣдовательности, и военный человѣкъ совершенно искренно не повѣрилъ Панасу. Онъ попрежнему безмолвно тыкалъ ему въ физіономію чашку съ водкой.

— Надо выпить!—сказалъ Заковырка.

— Будто не пьешь?—очень и очень недовѣрчиво спросила Параска.

Она была глубоко убѣждена, что только очень счастливые люди могутъ не пить, и не имѣла никакого основанія считать таковымъ своего сына.

— Ей-Богу, мамка, не пью!—отвѣтилъ Панасъ.

— Пе-э-эй!—провизжала Фроська и при этомъ сдѣлала замѣтное усиліе привстать, что, однако, ей не удалось.

— Какъ же можно въ компаніи не выпить?—деликатно убѣждалъ господинъ Заковырка.—Это будетъ неуваженіе... Ваша маменька тоже проситъ!..

— А ну, Панасъ! за мое здоровье!.. Ну!..—проговорила Параска, выхвативъ чашку у своего кавалера и чуть не выплеснувъ водку на его лысину.

— А ей-Богу же, мамка!.. — опять началъ - было упираться Панасъ, но чашка была уже у его рта, и онъ ощутилъ запахъ водки.

Тогда, чтобъ поскорѣе отдѣлаться, онъ выхватилъ ее и залпомъ осушилъ до дна. Крикъ восторга привѣтствовалъ этотъ подвигъ.

— А ну, что ты тамъ такое притащилъ? — спросила Параска и вытащила на средину комнаты Панасову ношу.

Заковырка помогъ ей вытащить изъ мѣшка хомутъ.

— Хомутъ!.. Хе-хе! Да еще какой славный! А! Тамъ, можетъ, и коняка есть, въ мѣшкѣ? Ха-ха-ха! — вскричалъ Заковырка.—Такъ это онъ самъ дѣлаетъ?..

Панасъ выразилъ на лицѣ своемъ удивленіе.

— Эге! онъ самъ дѣлаетъ хомуты! — сказала Параска очень серьезно:—онъ у меня мастеръ!..

— Гдѣ жъ вы выучились? — полюбопытствовалъ Заковырка, любовавшійся хомутомъ и находившій, что работа превосходна; онъ смыслилъ въ этомъ дѣлѣ, потому что до поступленія въ солдаты состоялъ кучеромъ у становаго пристава.

— У мастера!—кратко отвѣтилъ Панасъ, понявъ выразительный взглядъ Параски.

Но этотъ взглядъ подмѣтилъ не онъ одинъ, а также старшій изъ военныхъ людей, который по этому поводу еще болѣе выразительно подмигнулъ Заковыркѣ.

— Мнѣ пора! — прибавилъ Панасъ, которому уже становилось жутко и отъ водки, и отъ своей лжи, и отъ компаніи; но публика настаивала на томъ, что необходимо выпить за хомутъ.

— Да я же и такъ, никогда не пивши, выпилъ! — пробовалъ-было отбиваться Панасъ, но увидѣлъ, что это будетъ только лишняя проволочка времени.

Паракинъ кавалеръ подносилъ къ его рту наполненную чашку и при этомъ мычалъ: «з-за хо-м-му-тъ». Панасъ принужденъ былъ выпить. Послѣ этого онъ попрощался и вышелъ, забывъ даже сказать Параскѣ два слова.

— Ты приходи!—крикнула ему вслѣдъ Параска.

— Приду!—отвѣтилъ онъ себѣ подъ носъ и помчался по направленію къ Панычеву.

Отъ водки у него горѣло лицо и по всему тѣлу бѣгали мурашки.

«Надо вытащить мамку изъ этой ямы!» — твердилъ онъ цѣлую дорогу и чувствовалъ въ груди своей такую рѣшимость и увѣренность въ удачѣ, что ни одна мрачная мысль не пришла ему въ голову.

Уже немного оставалось до разсвѣта, поэтому онъ буквально бѣжалъ рысью.

Онъ прошелъ прямо на горо̀дъ и, наскоро повыдергавъ сѣна изъ скирды, схватилъ его въ охапку и понесъ къ конюшнѣ медленнымъ шагомъ. Въ это время изъ комнаты вышла матушка съ своимъ неизмѣннымъ фонаремъ. Она пристально поглядѣла на Панаса.

— Дуже рано встаешь, хлопче! — подозрительно замѣтила она.

Ей уже давно казалось, что съ Панасомъ дѣлается что-то особенное.

Панасъ, у котораго до сихъ поръ шумѣло въ головѣ, почувствовалъ противъ обыкновенія сильное желаніе вступить въ разговоръ съ матушкой.

— Господь его знаетъ, какъ и угодить!.. То дуже поздно, то дуже рано!—отвѣтилъ онъ слишкомъ твердо и слишкомъ грубо, чтобы не раздражить матушку.

Но матушка и на этотъ разъ смолчала и только сильно прикусила нижнюю губу.

«О-о! — подумала она: — его надо укоротить? А то онъ скоро на меня кидаться начнетъ! Тутъ что-то такое не ладно! Какъ бы онъ не снюхался съ кѣмъ-нибудь?»

И она рѣшила съ этихъ поръ усилить надзоръ за Панасомъ.

II.

Темныя ночи.

Въ знойную лѣтнюю ночь, когда утомленный мѣсяцъ, поручивъ звѣздамъ надзоръ за спящей землей, самъ уходилъ на покой; когда всѣ тѣни сливались въ одну необъятную тѣнь, разомъ покрывавшую огромную равнину и Днѣпръ, и село съ его хатами, церковью, кладбищемъ и кабаками; когда не было слышно ни лая собакъ, ни шелеста пожелтѣвшей отъ солнца травы и даже неугомонный вѣтеръ, не устающій въ продолженіе дня обдавать все живое и растущее своимъ знойнымъ дыханіемъ, затихалъ, какъ бы для того, чтобъ набраться свѣжихъ силъ для грядущаго дня; когда бодрствуетъ только тотъ, кто не можетъ свершать среди бѣлаго дня свое темное дѣло,—въ такую ночь, за помѣщичьимъ токомъ, въ глубокой балкѣ, происходили долгіе разговоры между Панасомъ и его подругой. Это мѣсто было защищено отъ случайнаго любопытства. Оно лежало вдали отъ большой дороги, къ нему не было про-

ложено ни одной тропинки. Во время свиданій Панасъ смотрѣлъ слишкомъ серьезно и сосредоточенно и мало походилъ на нѣжнаго любовника. Онъ почти всегда молчалъ, а Степанида не уставала говорить такимъ тихимъ шопотомъ, который даже въ этой тишинѣ ночи нельзя было разслышать на разстояніи одного шага. Панасъ едва ли сознавалъ, о чемъ была рѣчь. Онъ въ это время почти всегда думалъ о другомъ. Здѣсь они засиживались далеко за полночь, и только когда изъ села доносилось пѣнье вторыхъ пѣтуховъ, они тихо, неслышно отправлялись каждый въ свою сторону.

Въ такую же темную ночь, только когда дулъ ночной вѣтеръ, а еще лучше, когда звѣзды закрывались дождевой тучей,—можно было видѣть Панаса за его ночнымъ дѣломъ, которое давно уже перестало быть для него новымъ и сдѣлалось простой привычкой; какъ въ ту ночь, когда онъ впервые тащилъ свою преступную ношу, неслышно ступалъ онъ черезъ городъ, сопровождаемый вѣрнымъ Барбосомъ, который такъ же, какъ и Панасъ, привыкъ уже къ такимъ путешествіямъ. На мѣстѣ хомута перебывали разныя принадлежности хозяйства отца Макарія. Тутъ сыграли свою роль и просо, и жито, и ячмень, и куриныя яица, и даже однажды—пара жирныхъ гусей, которымъ Панасъ предварительно оторвалъ головы и исчезновеніе которыхъ изъ стада на другой день надѣлало много шума и извлекло изъ устъ матушки много горькихъ истинъ по поводу безнравственности сосѣдей, но чаще всего Барбосу приходилось обнюхивать мѣшокъ съ овсомъ. Этотъ продуктъ, составлявшій десертное блюдо батюшкиныхъ лошадей, находился въ полномъ распоряженіи Панаса. У него были ключи отъ кладовой, въ которой хранился овесъ.

Сначала у Панаса дрожали руки всякій разъ, когда онъ подымалъ мѣшокъ, чтобъ взвалить его себѣ на плечи. Тогда онъ вспоминалъ объ обѣщанномъ ему бычкѣ и утѣшался мыслью, что бычокъ достанется матушкѣ взамѣнъ того, что составляло его ношу. У него не было ни времени, ни охоты вести точные счеты. Въ противномъ случаѣ онъ могъ бы убѣдиться, что бычокъ былъ давно уже окупленъ по крайней мѣрѣ въ десять разъ. Но это было въ началѣ. Потомъ это стало входить въ привычку, руки, какъ и совѣсть, подчинились его волѣ и перестали дрожать; онъ перестал вспоминать о бычкѣ и дѣлалъ свое дѣло такъ же спокойно и равнодушно, какъ утромъ на другой день отво-

дилъ лошадей на водопой или садился въ кухнѣ обѣдать. Дѣло производилось почти механически и не стоило ему большихъ усилій. Въ эти ночи онъ могъ спокойно возвращаться въ конюшню и продолжать прерванный сонъ, потому что теперь ему не приходилось тащить свою ношу въ слободку. Благодаря частому опыту и нѣкоторой даже регулярности, дѣло само собой упростилось. Онъ относилъ свой мѣшокъ не дальше балки, въ которой проводилъ другія, болѣе поэтическія, ночи; здѣсь онъ покидалъ его, какъ ненужную вещь, и затѣмъ возвращался домой. Земляки частенько видѣли въ часы разсвѣта очень бѣдно одѣтую женщину, шагавшую по направленію къ городу съ тяжелой ношей на плечахъ. Иногда она слишкомъ низко изгибалась подъ своей ношей, тогда земляки жалѣли ее и брали бѣднягу на свои возы. Она разсказывала имъ, что живетъ на какихъ-то хуторахъ, верстахъ въ тридцати отъ города, а въ городѣ у нея дочка за солдатомъ. Вотъ дочкѣ-то она и несетъ кое-что. Эта женщина была Фроська, которая въ этихъ случаяхъ бывала совсѣмъ трезва и имѣла почтенный и внушающій довѣріе видъ.

Все это дѣлалось такъ просто и легко, что Панасу и въ голову не приходило осуществить свою мечту — покинуть матушку или довести ее до того, чтобъ она прогнала его. Онъ и работалъ теперь усерднѣе, потому что считалъ себя хорошо вознагражденнымъ,—работа не пропадала даромъ. Его часто видѣли веселымъ, иногда даже можно было подумать, что онъ выпивалъ. Разъ за обѣдомъ Улита прямо объявила, что отъ него несетъ водкой, а Панасъ и не подумалъ опровергнуть эту злостную клевету. Мрачныя мысли посѣщали его только тогда, когда онъ отправлялся на балку и, сидя рядомъ съ Степанидой, слушалъ ея безконечный шопотъ. Тогда онъ почему-то совсѣмъ иначе смотрѣлъ на свои ночныя дѣла. Онъ передавалъ Степанидѣ все, что было у него на душѣ, но объ этихъ дѣлахъ никогда не сказалъ ни слова. Сколько разъ порывался онъ разсказать ей все! И языкъ не повиновался ему: изъ устъ его выходили слова совсѣмъ не тѣ, которыя были въ головѣ. И всякій разъ, когда онъ убѣждался, что этого не можетъ разсказать ей, онъ вдругъ начиналъ ясно видѣть передъ собою пропасть, къ которой шелъ; его поведеніе рисовалось ему въ мрачномъ свѣтѣ, и онъ вздрагивалъ отъ присутствія и близости этого существа, не раздѣляющаго его преступленія. Иногда онъ питалъ къ Степанидѣ не-

дружелюбное чувство именно потому, что не въ силахъ былъ сказать ей всю правду. Въ эти минуты онъ страдалъ, но потомъ все это проходило, и онъ продолжалъ укрѣпляться въ своей привычкѣ. Всѣ замѣтили, что Панасъ худѣлъ съ каждымъ днемъ, и глаза его, смотрѣвшіе прежде такъ прямо, спокойно, теперь какъ будто избѣгали чужого взгляда. Больше всѣхъ замѣтила это Сонька. О, она многое замѣчала, потому что никто, не исключая самой матушки, не слѣдилъ такъ пристально за каждымъ шагомъ Панаса, какъ она. Она многому удивлялась, многаго не понимала и дѣлала широкіе глаза, но потомъ перестала удивляться. Она тоже худѣла, и еще замѣтнѣе, чѣмъ Панасъ.

Съ ней произошла большая перемѣна. Она возмужала, окрѣпла и уже не смотрѣла подросткомъ. Ея похудѣвшее лицо сдѣлалось менѣе широкимъ и много отъ этого выиграло. Взгляды, которые она посвящала Панасу, были долгіе и исполненные какой-то сладострастной тоски. Матушка утверждала, что она совсѣмъ «отбилась отъ рукъ», и для того, чтобъ приручить ее, несмотря на дѣвическій возрастъ Соньки, нещадно таскала ее за волосы. Сонька дѣйствительно только и дѣлала, что разбивала посуду, опрокидывала самоваръ съ горячей водой, причемъ обваривала случайно подвернувшагося цыпленка, наступала матушкѣ на платье, батюшкѣ на ноги, словомъ, — дѣлала все, что могло вызвать у матушки разлитіе желчи. На тумаки и дранье за волосы она не обращала вниманія и, казалось, даже не чувствовала боли при этихъ операціяхъ.

Наступила осень. Ея дождливыя, вѣтреныя ночи сдѣлались любимыми ночами Панаса, потому что прикрывали его работу. Въ одну изъ такихъ ночей, когда Панасъ взялъ на свои плечи слишкомъ большую ношу и, проходя черезъ городъ, долженъ былъ останавливаться и класть ее на землю для того, чтобы отдохнуть, — ему показалось, что изъ-за скирды сѣна выдвинулась человѣческая фигура. Онъ вздрогнулъ и, нагнувшись къ мѣшку, притаился. Фигура между тѣмъ придвигалась къ нему. Барбосъ, всегда сопровождавшій Панаса, началъ издавать тихое, недовѣрчивое ворчаніе, потомъ словно узналъ приближавшагося и завилялъ хвостомъ. Узналъ его и Панасъ. Онъ выпрямился во весь ростъ, и въ глазахъ его сверкнула страшная злоба.

— Всюду чортъ ее носитъ, эту собачью дѣвку!—съ бѣ-

шенствомъ произнесъ онъ. — Она стоитъ у меня, какъ кость, поперекъ горла!..

— Тс!.. Тише! развѣ ты меня боишься, Панасъ,—прошептала Сонька.—Я давно уже знаю... Что жъ, думаешь, выдавать стану? Да я помогать тебѣ хотѣла бы! Я хотѣла бы, чтобъ въ одну какую-нибудь ночь унесли все, что у нея есть, все ея добро!.. Она допекла меня!..

— Чего ты притащилась? — недружелюбно спрашивалъ Панасъ, и глаза его попрежнему блистали злобой.

Сонька въ одно мгновеніе подбѣжала къ нему и обвила его шею руками. Панасъ напрасно старался оттолкнуть ее. Она прижималась къ нему всѣмъ своимъ дрожащимъ тѣломъ и, казалось, готова была задавить его.

— Панасъ!.. Уйди отсюда и возьми меня съ собой!.. Я буду служить тебѣ, какъ работница... Я не могу такъ жить... Силъ нѣту! у меня силъ нѣту!.. Я слѣжу за тобой. Когда ты идешь къ ней туда въ балку... Я смотрю тебѣ вслѣдъ!.. Я подхожу издали, чтобъ посмотрѣть, какъ, ты ее обнимаешь!.. И ты видишь — я сохну!..

Ея рѣчи были похожи на бредъ. Панасу она показалась страшной, готовой на самый рѣшительный шагъ. Онъ старался мягко отстранить ее, потому что боялся рѣзко оттолкнуть. Притомъ онъ почувствовалъ сожалѣніе къ этой бѣдной, некрасивой, всѣми брошенной, осиротѣлой дѣвчонкѣ, и ему захотѣлось сказать ей какое-нибудь ласковое слово.

— Постой, дѣвка, постой! Не теперь... Я скоро уйду отсюда совсѣмъ!.. Тогда и пойдемъ вмѣстѣ!.. Теперь иди себѣ!.. Услышатъ — накроютъ... Иди, иди!..

— Тогда возьмешь? — спросила она, какъ будто вдругъ ослабѣвъ и опустивъ руки.

— Тогда, тогда! — пробормоталъ Панасъ, нагибаясь къ мѣшку.—Помоги мнѣ поднять на плечи!.. Поддай!..

Она взвалила ему на плечи мѣшокъ.

— Кому это? ей?—спросила она.

— Дура ты! Какой «ей»? Мамкѣ!..

Сонька изумилась.

— Мамка,—продолжалъ Панасъ: — живетъ на слободкѣ. Жрать ей нечего!.. Иди, Сонька, иди... Не то замѣтятъ!..

Она машинально повернула во дворъ и, шатаясь, побрела къ комнатамъ.

«Какъ бы съ нею не нажить бѣды? Охъ, бѣдовая дѣвка!»— подумалъ Панасъ. Но въ то же время онъ почувствовалъ,

что прежнее отношеніе его къ Сонькѣ послѣ этого разговора какъ-то вдругъ перемѣнилось. Произошло ли это отъ того, что она высказала ему горячую привязанность, или оттого, что она, и одна она — знала его тайну и этимъ какъ бы держала его въ рукахъ; или, можетъ-быть, онъ увидѣлъ, что Сонька теперь уже была не прежнимъ неуклюжимъ и глуповатымъ подросткомъ, котораго не обижалъ развѣ тотъ, кому было некогда, — что она превратилась въ дѣвушку, способную на горячую привязанность и на рѣшительное дѣло... Отъ чего бы это ни произошло (можетъ-быть, и отъ всего вмѣстѣ), — но онъ на этотъ разъ не могъ уже отнестись къ Сонькѣ такъ безразлично, какъ относился прежде. Онъ чувствовалъ, что этотъ разговоръ связалъ ихъ крѣпкой нитью и что съ этихъ поръ, гдѣ бы онъ ни былъ, часто будетъ думать, вспоминать о Сонькѣ. Кромѣ того, въ ней онъ увидѣлъ вѣрнаго и притомъ безкорыстнаго союзника. Теперь ужъ онъ не боялся, что она разскажетъ всѣмъ про его связь со Степанидой. Не такая она, чтобы подставила ему ножку. За что это, однако, такъ любятъ его бабы? Кромѣ Степаниды и Соньки, есть, кажется, еще одна, которая смотрѣла на него не такъ, какъ смотрятъ всѣ. Но у той было такое спокойное, правдивое лицо, она смотрѣла на него съ такою дѣтскою довѣрчивостью, что въ этотъ часъ, когда онъ несетъ на своей спинѣ преступную ношу, ему обидно вспоминать о ней. Та не для него. Пускай она будетъ счастлива съ хорошимъ человѣкомъ, съ честнымъ хозяиномъ, которому Богъ далъ свое поле и который не дрожитъ въ осеннюю ночь, оглядываясь по сторонамъ и боясь встрѣтить взглядъ другого человѣка.

Эхъ! Какъ, однако, далеко зашелъ онъ въ той работѣ, которая такъ просто и невинно началась съ его собственнаго новаго кожуха!..

III.

Хозяйскій глазъ.

Осень близилась къ концу. Подулъ холодный, пронзительный вѣтеръ; утренняя роса на пожелтѣвшихъ, опадающихъ листьяхъ деревъ превращалась въ иней. Панычевцы одѣлись въ кожухи; только самые прыткіе, и то больше изъ хвастовства, ходили въ однѣхъ сорочкахъ, а иные еще выставляли напоказъ свою волосатую грудь. Панасъ находилъ, что вовсе еще не такъ холодно, а иногда

даже увѣрялъ, что ему жарко. Пришелъ, однако, Филипповъ постъ, и выпалъ снѣгъ. Тогда уже всѣ паначевцы одѣлись потеплѣе, и не находилось между ними ни одного, который вздумалъ бы изъ хвастовства утверждать, что зима еще не пришла. Однажды матушка видѣла, какъ Панасъ, послѣ того, какъ привезъ съ Днѣпра бочку съ водой, крѣпко потиралъ свои руки и размахивалъ ими, какъ вѣтряная мельница своими крыльями. «Отчего это онъ кожуха не надѣнетъ?»—мысленно спросила она самое себя, и такъ какъ на этотъ вопросъ отвѣтить было нелегко, то она вышла къ Панасу.

— Эй, Панасъ! Чего это ты ежишься? Развѣ у тебя нѣтъ кожуха? — спросила она.

— Какъ нѣтъ кожуха? Куда же ему дѣваться? — спросилъ въ свою очередь Панасъ.

— Такъ что же ты его для лѣта, что ли, бережешь? а?

— Что же я буду съ нимъ дѣлать лѣтомъ? — неопредѣленно отвѣтилъ Панасъ.

— Отчего не надѣнешь?

— Еще рано! Развѣ это морозъ? Какой же это морозъ?

Нечего и говорить, что эти отвѣты въ вопросительной формѣ нисколько не удовлетворили матушку.

«Не я буду, если онъ его не пропилъ! — мысленно сказала она себѣ. — Пусть я не буду больше матушкой, если отъ этого кожуха хоть слѣдъ остался!»

Тутъ же матушка рѣшила произвести внезапную строгую и притомъ тайную ревизію. Она нашла, что воды привезено мало, и отослала Панаса за второй бочкой. Едва только онъ выѣхалъ со двора, какъ матушка дала порученія Сонькѣ и Улитѣ. Сонька должна была сходить къ супругѣ церковнаго старосты и освѣдомиться, не ѣдетъ ли ея мужъ завтра въ городъ. Улита получила приказаніе спуститься въ погребъ и тамъ заняться перестановкой кувшиновъ съ молокомъ. Убѣдившись, что изъ непріятельскаго лагеря никого не осталось во дворѣ, матушка направилась въ конюшню. Здѣсь она принялась рыться въ Панасовой кровати и кромѣ соломы, рядна и чего-то въ родѣ подушки ничего не нашла. Она заглянула въ ясли, осмотрѣла стѣны.

«Кожуха нѣтъ! Онъ его пропилъ, чтобъ мнѣ не дожить до Рождества, если это не правда!»—окончательно рѣшила матушка.

Въ это время взоръ ея дошелъ до того угла, гдѣ обыкновенно висѣлъ новый хомутъ.

— А-а! Новый хомутъ исчезъ! А-а! Завтра привезутъ бричку, а хомута нѣтъ! Эге-ге! Такъ вотъ оно что! Это не все! Нѣтъ, нѣтъ, это не все!

Она тихо заперла конюшню, сходила въ чуланъ и взяла тамъ ключи отъ всѣхъ сараевъ, амбаровъ и другихъ вмѣстилищъ ея добра. Она входила неслышно, какъ тѣнь, словно собиралась воровать собственное добро. Всюду она видѣла слѣды злодѣйской руки. Даже тамъ, гдѣ все было цѣло, ей казалось, что унесена половина. Она констатировала убыль жита, пшеницы, проса, а когда вошла въ чуланъ, гдѣ хранился овесъ, остановилась въ оцѣпенѣніи. Овесъ почти весь исчезъ, тогда какъ былъ сдѣланъ запасъ на всю зиму. Гнѣвъ ея не имѣлъ границъ, но у нея все-таки хватило твердости воздержаться отъ изліяній и уйти изъ чулана такъ же тихо, какъ вошла въ него. Она удалилась въ свою спальню и ни слова не сказала отцу Макарію, который въ это время въ сосѣдней комнатѣ любовно разговаривалъ съ канарейкой и перемѣнялъ ей воду.

— Смотри, душа моя, — обратился къ матушкѣ отецъ Макарій, глядя въ окно и указывая пальцемъ по направленію къ рѣкѣ, откуда, сидя на бочкѣ, ѣхалъ Панасъ:—отчего ты не распорядишься, чтобъ Панасъ надѣлъ свой новый кожухъ, который я купилъ ему? Посмотри, какъ онъ жмется! Пожалуй, еще простудится, и люди скажутъ, что мы плохо одѣвали его!..

— О! это пустое, отецъ Макарій! — совершенно равнодушно отвѣтила матушка. — Что ему станется! У этого народа кожа толста, какъ у кабана... Вотъ еще выдумалъ— простудится! Развѣ они когда-нибудь простуживаются?..

— Но какъ же, мать моя, ты говоришь «пустое», когда на дворѣ крещенскій морозъ стоитъ? Ты подумай, что люди скажутъ?..

— И все-таки я скажу, что это пустое! Притомъ я уже говорила ему. Онъ такъ и сказалъ мнѣ, что это еще не морозъ и что ему даже жарко!.. Кстати: завтра привезутъ новую бричку? а?

— Да, должно-быть, завтра. А что?

— Ничего. Ты прикажи Панасу вычистить новый хомутъ! Надо, чтобы все было готово.

Когда Панасъ вернулся, батюшка позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ.

— Завтра привезутъ новую бричку, Аѳанасій! Такъ ты приготовь сбрую. Мы завтра же покатаемся.

Панасъ вздрогнулъ и промолчалъ. Потомъ ему пришла хорошая мысль.

— Теперь снѣгу довольно. Можно бы на санкахъ...

— Это само собой! А бричку надо будетъ попробовать. Понимаешь?

— Понимаю! — отвѣтилъ Панасъ, потому что онъ дѣйствительно понималъ это, но не могъ только понять — откуда ему взять новую сбрую.

— Да вотъ еще что,—продолжалъ отецъ Макарій:—почему ты не носишь кожуха?

— Да мнѣ еще не холодно!..

— Смотри, не захвати простуды! Ну, ступай себѣ съ Богомъ.

Панасъ ушелъ опечаленный, даже потрясенный. Какое-то смутное предчувствіе подсказало ему, что случилось что-то особенное. Это совпаденіе разговора о кожухѣ съ прибытіемъ брички намекало ему на какую-то заднюю мысль, которая чудилась во всемъ этомъ его испуганному воображенію. Какова же была его радость, когда пріѣхавшій на другой день изъ города церковный староста привезъ извѣстіе, что бричка еще не готова и доставка ея отсрочена по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ. Къ этой радости прибавилась еще другая: солнце выглянуло изъ-за тучъ и распустило снѣгъ; оттепель позволяла позабыть о кожухѣ, и онъ почти успокоился.

Можно было подумать, что выглянувшее солнце не ограничилось тѣмъ, что растопило снѣгъ и окрасило прозрачный воздухъ въ яркій цвѣтъ весенняго дня; можно было подумать, что на этотъ разъ оно заглянуло въ глубь матушкина сердца, растрогало и размягчило его своимъ теплымъ лучомъ. Любезность, которую матушка стала проявлять относительно Панаса, не имѣла границъ. Казалось, матушка задалась цѣлью фактами доказать свое изреченіе, которое она предъявляла всѣмъ, находя, что для этого всѣ случаи удобны, именно: «мы его любимъ, какъ родного сына». Не успѣлъ Панасъ покончить свои утреннія ухаживанья за лошадьми, какъ къ нему уже шлютъ Соньку:

— Панасъ, иди, матушка зоветъ! Чай будешь пить!

— Ха-ха, — отъ души смѣется Панасъ.—Вотъ исторія! Панасъ будетъ чай пить!..

Тѣмъ не менѣе онъ отправляется къ матушкѣ и не куда-

нибудь, а прямо въ столовую. Здѣсь ему не дѣлаютъ только одной чести—не садятъ за столъ; но это ничего, онъ можетъ постоять и у порога. И вотъ онъ стоитъ у порога, держа въ одной рукѣ блюдце съ чаемъ, въ другой кусокъ сахару. Онъ прилежно дуетъ на блюдце и, издавая губами особый мелодическій звукъ, втягиваетъ въ себя теплую влагу. Это доставляетъ ему чисто идеальное наслажденіе, такъ какъ самый чай представляется ему очень страннымъ напиткомъ, которому онъ охотно предпочелъ бы кувшинъ хлѣбнаго квасу, но онъ не можетъ не цѣнить особую честь, оказанную ему матушкой. Предъ обѣдомъ его опять зовутъ къ матушкѣ.

— Вотъ, Панасъ, выпей! Ты трудишься! — говоритъ матушка, протягивая ему рюмку съ водкой, и какой у нея при этомъ ласковый голосъ!

«Ей-Богу, тутъ творятся какія то-чудеса! Матушка какъ будто бы другая; старая словно исчезла, а на мѣсто ея Богъ далъ новую, получше». Передъ ужиномъ опять рюмочка водки. «Да что это такое, наконецъ? Ужъ не вздумала ли матушка покаяться въ своихъ грѣхахъ? А оно и пора бы. Съ Сонькой тоже стала обращаться иначе. Вотъ уже третій день, какъ ея не таскаютъ за волосы». Словомъ, настали благодатныя времена. Оставалось только жалѣть, что они не настали раньше. Въ довершеніе же всего матушка однажды позвала въ себѣ Панаса и сказала ему:

— Смотри, Панасъ, хорошенько за бурой коровой! Потомъ она будетъ твоя. И бычокъ отъ нея твой, да и ее я тебѣ дарю.

Панасъ, изумленный и поверженный въ прахъ, трижды поцѣловалъ матушкину руку. А матушка прибавила:

— Мы о тебѣ, какъ о родномъ сынѣ, заботимся!..

Нужно замѣтить, что упомянутая корова не подавала еще никакихъ надеждъ на то, что она подаритъ Панасу бычка. До весны было еще далеко.

Между тѣмъ матушка распространила лучи своей любезности еще на нѣкоторыхъ особъ, которыя по своему общественному положенію не имѣли ни малѣйшаго права претендовать на это. Такъ, она, несмотря на то, что была очень тяжела на подъемъ и почти никогда не заходила дальше воротъ собственнаго двора, отправилась къ церковному сторожу, зашла въ сторожку, сдѣлала честь длинной скамьѣ — потому что сѣла на нее, дубовому столу —

потому что облокотилась на него обѣими руками, вслѣдствіе чего онъ слегка вздрогнулъ и пригнулся, сторожихѣ — потому что разспросила ее о разныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ, наконецъ, маленькой дочкѣ сторожа—потому что погладила ее по головѣ и сказала (впрочемъ, довольно мягко), что стыдно такой большой дѣвочкѣ (ей было лѣтъ пять) не умѣть самой держать въ порядкѣ собственный носъ. Оказавъ всѣ эти любезности, матушка отозвала самого сторожа въ церковную ограду и сказала, что имѣетъ сообщить два слова. Въ оградѣ сторожу были сообщены два слова, которыя оказались очень длинными словами, потому что матушка выговаривала ихъ въ продолженіе по крайней мѣрѣ четверти часа. Послѣ того, какъ они, наконецъ, были сказаны, лицо сторожа (лицо, нужно замѣтить, очень почтеннаго вида, такъ какъ на немъ былъ солидныхъ размѣровъ носъ съ ямочками отъ оспы,—носъ, имѣвшій притомъ еще ту своеобразную особенность, что онъ смотрѣлъ прямо на васъ своими обширными ноздрями, и вы вслѣдствіе этого могли видѣть все, рѣшительно все, что дѣлалось въ носу сторожа; кромѣ того, на лицѣ этомъ были кудрявыя бакенбарды удивительно мрачнаго цвѣта, какъ и все лицо сторожа, которое казалось выпачканнымъ сажей; а что до подбородка, то легко догадаться, что онъ всегда былъ выбритъ, такъ какъ сторожъ былъ безсрочно-отпускной воинъ и у него была очень хорошая бритва) — такъ вотъ это лицо выразило крайнее изумленіе, и ноздри сторожа до такой степени раскрылись, что, казалось, стоило только матушкѣ попристальнѣе вглядѣться въ нихъ — и она увидѣла бы не только то, что дѣлается у сторожа въ носу, но и то, что творится въ мозгу его, если, конечно, допустить, что тамъ что-нибудь творилось. Послѣ этого разговора, сторожъ поцѣловалъ у матушки руку, сказалъ, что онъ непремѣнно исполнитъ ея порученіе, и поблагодарилъ за кувшинъ кислаго молока, который она тутъ же пообѣщала ему.

Вслѣдъ за этимъ матушка пошла къ младшему приказчику, затѣмъ посѣтила объѣздчика, наконецъ сдѣлала честь церковному старостѣ. Вездѣ она была любезна съ женами, мужьямъ сообщала по два слова, — вездѣ дарила по кувшину молока (старостѣ сладкаго, а всѣмъ прочимъ кислаго) и вездѣ ей цѣловали руку.

И вотъ настала ночь—такая темная, беззвѣздная ночь, какихъ не бывало даже осенью. Снѣгъ падалъ тяжелыми

хлопьями, а вѣтеръ разрывалъ ихъ и развѣвалъ по всѣмъ закоулкамъ двора. Панасъ не могъ дождаться лучшей ночи для того, чтобъ снести свой мѣшокъ на балку. Этотъ мѣшокъ, наполненный до-верху всякой всячиной, уже два дня ждалъ своей участи, скромно помѣщаясь въ конюшнѣ, подъ Панасовымъ ложемъ. Съ Фроськой было условлено, что она придетъ на балку въ первую темную ночь. И вотъ онъ взвалилъ на плечи тажелую ношу и выходитъ изъ конюшни съ видомъ человѣка, который дѣлаетъ свое обычное дѣло увѣренно и твердо. Онъ, конечно, не обратилъ вниманія на то, что одна половинка ставни у окна, выходившаго во дворъ изъ матушкиной спальни, была на этотъ разъ пріотворена, и что въ то время, какъ онъ выходилъ изъ конюшни, чье-то широкое лицо припало къ стеклу и пара чьихъ-то зоркихъ глазъ съ напряженіемъ смотрѣла на дверь конюшни. Не могъ онъ знать и того, что тотчасъ же въ спальнѣ матушки произошло безшумное движеніе, открылась дверь въ сѣни, изъ сѣней во дворъ, и тяжелыя стопы, на этотъ разъ оказавшіяся легкими, какъ воздухъ, направились вслѣдъ за нимъ. Но онъ уже долженъ былъ ясно услышать, когда позади его, въ то время, какъ онъ проходилъ черезъ горòдъ, раздался громкій кашель:

— Кха, кха, кха!

Тогда ноша свалилась съ его плечъ и тяжело грохнулась о мерзлую землю. Первой пришла ему въ голову мысль о Сонькѣ. Но передъ нимъ стояла крупная фигура съ закутаннымъ въ платокъ лицомъ — слишкомъ знакомая ему фигура, чтобъ онъ могъ сомнѣваться. Кровь застучала у него въ вискахъ; было мгновеніе, когда онъ готовъ былъ кинуться на врага и сдавить ему горло. Но не успѣлъ онъ подумать объ этомъ, какъ увидѣлъ себя окруженнымъ. Съ разныхъ сторонъ подоспѣли: сторожъ, церковный староста, объѣздчикъ и младшій приказчикъ.

«Ловушка!»—подумалъ онъ и безсильно опустилъ руки. Сопротивленіе было безполезно.

— Молодецъ, хлопче! молодецъ! — промолвила матушка голосомъ, полнымъ самой горькой насмѣшки. — По мамкѣ пошелъ!..

— Такъ-то ты благодаришь матушку за благодѣтельство! а?—покачалъ головой церковный староста, той самой головой, которая еще вчера была пьяна.

Панасъ молчалъ, и какія-то смутныя мысли бродили въ его головѣ. То ему приходила мысль — вдругъ пуститься

со всѣхъ ногъ и исчезнуть подъ прикрытіемъ глубокаго мрака; то хотѣлось вдругъ высказать все, что у него накопилось противъ матушки — и про мамку, и про бычка, и про заработокъ... Потомъ пришла такая мысль: «Нѣтъ, про мамку-то я имъ ни слова не скажу, хоть бы они изъ меня жилы тянули». То казалось, что изъ этого ничего не выйдетъ, что теперь все кончено, потому что завтра вся деревня будетъ объ этомъ говорить. Въ результатѣ онъ рѣшилъ отдаться на волю судьбы; пусть будетъ, что будетъ.

— Вотъ какова благодарность! — говорила между тѣмъ матушка. — Повѣрите ли, я его ублажала, какъ родное дитя! Что ему было нужно? Одѣли его, обули, выкормили; я ему бычка подарила, а не дальше, какъ вчера, отдала ему бурую корову! И хотя бы на что-нибудь онъ могъ пожаловаться! Мало того, что на кухнѣ ѣдятъ они до того, что брюха ихнія чуть не трескаются, мало, говорю, этого — я его звала къ себѣ въ комнаты, поила его чаемъ: «на, Панасъ, пей!» Передъ обѣдомъ—рюмка водки, передъ ужиномъ—рюмка водки.

Въ это время Барбосъ, какъ бы почуявъ, что надъ его повелителемъ стряслась бѣда, поднялъ неистовый вой. Его примѣру послѣдовалъ весь наличный составъ матушкиныхъ собакъ. Разбуженные этимъ воемъ индѣйки, гуси, утки и куры—подняли негодующіе крики. Улита схватилась съ печи и, какъ сумасшедшая, съ раздирающимъ крикомъ, кинулась во дворъ, потомъ на городъ; Сонька вообразила, что случился пожаръ, и, безсмысленно размахивая руками, бѣгала по двору, напрасно стараясь отыскать, гдѣ горитъ. Батюшка, шепча молитву, спокойный и величественный, но смертельно блѣдный, вышелъ въ зимнемъ полукафтаньѣ. Нѣкоторые изъ сосѣдей, разбуженные воемъ и крикомъ, прибѣжали съ вилами, граблями, лопатами и разными другими земледѣльческими орудіями, такъ какъ въ деревнѣ эти орудія употребляются во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, начиная отъ пожара и кончая нашествіемъ саранчи. Все это собралось вокругъ Панаса, который стоялъ надъ своимъ роковымъ мѣшкомъ, блѣдный и дрожащій. Каждый новоприбывшій давалъ матушкѣ поводъ повторить разсказъ про рюмку водки передъ обѣдомъ, рюмку водки передъ ужиномъ, про чай, про бычка и про бурую корову. Принесли фонарь и заглянули въ мѣшокъ. Боже! чего только не было въ этомъ мѣшкѣ?! Церковный сторожъ, который вы-

нималъ изъ него вещь за вещью, съ каждой минутой все больше и больше раскрывалъ свои ноздри. Вотъ вывалилась пара безголовыхъ утокъ; вотъ новый коврчикъ, который недавно матушкѣ подарили прихожанки; вотъ четыре куска свиного сала; а подъ ними — старая сѣделка, которая давно считалась пропавшей; далѣе — шерстяной фартукъ матушки, накрахмаленная и выглаженная сорочка Алеши—съ отложными воротничками, торбочка съ гречневой крупой, бархатный поясъ отца Макарія, вышитый бисерными узорами, а на самомъ днѣ — плотно закупоренный казанокъ съ шинкованной кислой капустой. Вотъ такъ базаръ! Очевидно, сюда забиралось все, что попадалось подъ руку.

— Хорошъ! хорошъ! — повторяла матушка. — Вы думаете, это все? Какъ бы не такъ! Это, я полагаю, ведется уже года три. Онъ вытаскалъ у меня половину жита, пшеницы, проса, половину птицы перерѣзалъ, овесъ же весь чисто забралъ!!..

— А-а!—съ изумленіемъ протянула публика.

— Да и это еще не все! — продолжала матушка. — А ну-ка, пусть онъ скажетъ, гдѣ его новый кожухъ, который батюшка купилъ ему прошлой зимой? Гдѣ? Ну?

Панасъ молчалъ. Зачѣмъ ему говорить? Позоръ его доведенъ до крайнихъ предѣловъ. Уже и теперь, несмотря на глубокую ночь, какая-нибудь нетерпѣливая баба навѣрное побѣжала на село и оповѣстила, что Панаса поймали въ воровствѣ. Онъ не ощущалъ въ груди своей ни страха, ни желанія защищаться, сказать что-нибудь въ свое оправданіе. Да и что сказать? Пойманъ на мѣстѣ.— Значитъ — воръ. Вотъ и мѣшокъ и все, что изъ него вынули. Развѣ все это не убѣждаетъ всякаго въ томъ, что онъ—воръ? Одно только явственно ощущалъ онъ въ груди своей — это глубокую, бѣшеную ненависть къ матушкѣ, которая стояла передъ нимъ и съ каждой минутой все больше и больше унижала его передъ народомъ. Эта ненависть росла въ немъ съ каждымъ ея словомъ и доходила до страшныхъ размѣровъ. Отъ нея, а не отъ чего другого, дрожалъ онъ всѣмъ тѣломъ и глаза его искрились.

А матушка продолжала:

— Кожухъ онъ давно пропилъ! А вотъ пусть-ка онъ скажетъ, куда дѣвался новый хомутъ, за который отецъ Макарій заплатилъ сорокъ карбованцевъ? Пусть-ка онъ это скажетъ?! Молчишь? А? Пропилъ? А?..

— Пропилъ! — твердо отвѣтилъ Панасъ.

Всѣ переглянулись, какъ будто ожидали, что онъ станетъ отрицать свою вину. Въ это время изъ волостного правленія пришли двое десятскихъ. Имъ разсказали, въ чемъ дѣло.

— Связать его, что ли?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

Неужели его свяжутъ и поведутъ черезъ деревню въ то время, какъ будетъ всходить солнце? Всѣ выбѣгутъ на улицу и будутъ смотрѣть на него. И Горпина выйдетъ... Какъ-то она посмотритъ? И Степанида?.. Нѣтъ, Степанида не выйдетъ... Пусть лучше не выходитъ. Думала ли она, что ея милый парень окажется воромъ?..

— Не надо вязать. Оставьте! — великодушно рѣшила матушка. — Куда онъ уйдетъ? Всѣ видѣли, всѣ знаютъ! Идти ему некуда!.. Идите, добрые люди, по домамъ!.. Уже свѣжаетъ, скоро и солнце подымется!.. Я не хочу судиться!.. Богъ съ нимъ! Я не зла! Когда онъ такъ отплатилъ мнѣ за мою доброту, — пускай его Богъ накажетъ, а не я... Нѣтъ, не я!..

Добрые люди совсѣмъ неохотно стали расходиться. Они вовсе не были довольны тѣмъ, что представленіе такъ скоро окончилось. Они разошлись, сопровождаемые страшнымъ лаемъ Барбоса и его подражателей. Остались только церковный староста, сторожъ и приказчикъ. Панасу было позволено уйти въ конюшню. Тамъ онъ засѣлъ одинъ и хотѣлъ бы никогда не выходить оттуда, хотя бы тамъ пришлось околѣть съ голоду.

IV.

«Свой братъ».

Солнце не хотѣло глядѣть на позоръ Панаса и весь день оставалось за тучами. Хлопья снѣгу попрежнему сыпались съ высоты и, не долетая до земли, разрывались отъ вѣтра. Панасъ сидѣлъ въ темной конюшнѣ, и ему было легче оттого, что на дворѣ не видно солнца, что подъ небомъ было такъ же мрачно и холодно, какъ у него на сердцѣ. Улита принесла въ конюшню кусокъ хлѣба и селедку и, молча положивъ передъ нимъ, ушла. Панасъ даже не взглянулъ на нее и не прикоснулся къ завтраку. Ему почему-то казалось, что такъ именно бываетъ въ тюрьмѣ. Сидитъ человѣкъ въ какой-нибудь темной, холодной и сырой конурѣ, и ему приносятъ хлѣбъ, молча и сурово,

потому что разговоръ съ нимъ можетъ осквернить чистаго человѣка.

Въ это время въ кабинетѣ батюшки происходило экстренное и чрезвычайно дѣловое совѣщаніе. Висѣвшія по стѣнамъ иконы никогда еще не слышали здѣсь такихъ несдержанныхъ, пылкихъ рѣчей; онѣ, казалось, благословляли, когда раздавалась рѣчь о. Макарія, исполненная текстовъ и христіанскаго великодушія, и хмурились, когда слова сильныя и жестокія начинали вылетать изъ устъ матушки.

— Я прогоню его! Я не могу держать такого негодяя у себя въ домѣ:—шипѣла матушка.—Мало того, что я ему простила, что не захотѣла доводить дѣла до суда? Ты хочешь, чтобъ онъ вынесъ изъ нашего дома всю мебель? Онъ можетъ, можетъ! Онъ и ворота унесетъ! Ты погоди! Только развяжи ему руки! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я ни за что его не оставлю! Что ты тамъ такое городишь? Долгъ христіанина? А! Я исполнила свой долгъ! Я подобрала его на улицѣ, я сдѣлала его человѣкомъ!.. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!..

— Погоди, душа моя, ты меня выслушай!—кротко предлагалъ о. Макарій. — Онъ согрѣшилъ, это такъ. Онъ оказалъ намъ неблагодарность, онъ обидѣлъ насъ, нанесъ намъ ущербъ! Но развѣ можно прожить на свѣтѣ безъ огорченій? Огорченія—это крестъ, который намъ посылается отъ Бога. Чѣмъ терпѣливѣе несемъ мы этотъ крестъ, тѣмъ высшую награду получимъ мы тамъ (батюшка указалъ пальцемъ кверху). Ты подумай: онъ — заблудшая овца! Знаешь ли ты, что объ этой овцѣ, если мы ее спасемъ, возвратимъ на путь истины, — всѣ ангелы будутъ радоваться? Ты вспомни, душа моя, что всѣ мы подъ властію Бога и жизнь наша на волоскѣ виситъ!.. Вспомни, наконецъ, притчу о блудномъ сынѣ... А Панасъ—блудный сынъ нашъ, потому что они всѣ наши дѣти и всѣ блудны, а когда каются, мы должны принимать ихъ. А можетъ-быть, онъ покается? Можетъ-быть, онъ и теперь, сидя въ конюшнѣ, горько оплакиваетъ свое прегрѣшеніе?.. Вотъ слушай, я прочитаю тебѣ, что сказано на этотъ счетъ въ Евангеліи...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, отецъ Макарій! Я не хочу слушать! Слушать не хочу!—перебила матушка о. Макарія, который открылъ уже Евангеліе и чуть уже было не нашелъ притчу о блудномъ сынѣ.—Я прогоню его! Эту язву надо вырвать съ корнемъ! Пусть-ка теперь пройдется по деревнѣ! Же-

лала бы я знать, кто возьметъ его къ себѣ въ работники! Я хотѣла бы знать, кто возьметъ его на какихъ-нибудь хуторахъ. О, пускай онъ это узнаетъ!.. Вотъ тогда, тогда... Когда онъ увидитъ, что нигдѣ не берутъ его, — тогда онъ придетъ ко мнѣ, и я... я буду (матушка задыхалась) я буду изъ него... (матушка тяжело опустилась на стулъ) — я буду изъ него веревки вить!..

О. Макарій еще разъ попробовалъ-было открыть Евангеліе, но матушка такъ неистово замахала руками, какъ будто въ ней сидѣлъ бѣсъ, который боялся даже самаго вида этой книги.

— Ты будешь отвѣчать, мать моя, передъ Богомъ! Не я, нѣтъ, не я!—грозно привелъ наконецъ батюшка свой всегдашній доводъ, который вліялъ на матушку нисколько не больше, чѣмъ всѣ прочіе.—Позови мнѣ его!..

Матушка вышла, правильно разсчитавъ, что послѣ такого ужаснаго довода о. Макарію остается одно—прогнать Панаса. Его позвали. Онъ шелъ черезъ дворъ медленно, низко опустивъ голову, блѣдный, съ полузакрытыми глазами. Онъ не видѣлъ ни старосты, сидѣвшаго на завалинкѣ и зорко слѣдившаго за каждымъ его шагомъ, ни Улиты, стоявшей на порогѣ кухонной двери, ни Соньки, робко выглянувшей изъ-за посуднаго шкапа, стоявшаго въ сѣняхъ. Онъ вошелъ въ кабинетъ и остановился у порога.

— Ударь поклонъ, Аѳанасій, и покайся въ своемъ грѣхѣ!—сказалъ батюшка. Панасъ машинально грохнулся на колѣни и принялся бить поклоны.

— Встань теперь и слушай, что я скажу тебѣ.

Панасъ поднялся, и батюшка началъ излагать ему сущность христіанскаго идеала. Каждый истинный христіанинъ долженъ стремиться къ самосовершенствованію. Всѣ грѣхи, всѣ пороки происходятъ отъ плоти, отъ страстей. Надо умерщвлять плоть, дабы духъ возвысился и возликовалъ. Таковы были основные тезисы батюшкина ученія. Далѣе онъ нарисовалъ картину страшнаго суда и адскихъ мукъ. Вѣчный, неугасимый огонь, пламя и дымъ, вѣчныя муки угрызеній преступной совѣсти—вотъ удѣлъ грѣшника. Зато какая отрада ожидаетъ праведника! Тутъ слѣдовало описаніе райскаго блаженства. Панасъ долженъ стремиться къ тому, чтобъ сдѣлаться праведникомъ. Марія Магдалина вела грѣховную жизнь, но потомъ раскаялась и теперь во святыхъ. То же самое можетъ случиться и съ Панасомъ,

если онъ искренно раскается и по мѣрѣ силъ своихъ возвратитъ все, что унесъ. Наконецъ, была разсказана притча о блудномъ сынѣ.

— Теперь, Панасъ,—сказалъ батюшка въ заключеніе:— я тебя наставилъ, я исполнилъ свой пастырскій долгъ... Мы тебя простили — и я, и матушка простили тебя... но держать тебя не можемъ!.. Иди себѣ съ Богомъ, куда хочешь! Покаяться вездѣ можно! Сходи въ Кіевъ, тамъ есть опытные исповѣдники. Открой одному изъ нихъ свою душу!.. Ну, иди съ Богомъ!.. Вотъ тебѣ твой документъ! Это я самъ хлопоталъ для тебя... Ступай!—Панасъ машинально положилъ бумагу за назуху и повернулся къ двери.— Постой!

О. Макарій порылся въ столикѣ.

— Вотъ тебѣ на первое время!..

Панасъ сжалъ въ рукѣ поданную ему рублевую бумажку.

— Главное, — закончилъ батюшка: — будь истиннымъ сыномъ церкви, достигай совершенства!.. Ну, ну, иди, иди! Не надо благодарить!..

Панасъ тупо выслушалъ всѣ наставленія о. Макарія, почти безсознательно схватилъ его руку для поцѣлуя и съ отуманенной головой вышелъ изъ кабинета. Онъ прошелъ черезъ дворъ, мимо конюшни, не глядя ни на что; потомъ отворилъ знакомую калитку въ горо̂дъ, прошелъ его и вышелъ въ степь. Передъ нимъ разстилалась безконечная равнина, вся окутанная бѣлымъ покрываломъ. Холодный вѣтеръ пронизывалъ его до костей; на немъ только и было теплаго, что сивая шапка да сапоги, остальное было лѣтнее. Куда идти ему? Ни холодъ, ни голодъ, ни потребность разсказать кому-нибудь о своемъ несчастьѣ — ничто не гнало его назадъ въ деревню. Эта бѣлая равнина, на которой не было видно ни одного живого существа, манила его своей пустотой, своей молчаливостью. Тамъ онъ не встрѣтитъ ни одной пары глазъ, которая презрительно оглядѣла бы его съ ногъ до головы и потомъ гадливо отвернулась бы, какъ отъ нечистой твари. Тамъ шумитъ только вѣтеръ, который не знаетъ человѣческихъ словъ и не напомнитъ ему, что онъ—воръ, выгнанный, униженный. И онъ шелъ, шелъ, самъ не зная куда и зачѣмъ, не чувствуя ни холода, ни усталости. Уже Панычево давно исчезло позади него, уже солнце перевалило за полдень, а онъ не переставалъ идти съ такой энергіей, какъ будто спѣшилъ куда-нибудь по важному дѣлу. Наконецъ, онъ остановился. Холодъ

какъ-то вдругъ сжалъ его со всѣхъ сторонъ, онъ почувствовалъ, что если ночь застанетъ его въ полѣ, то онъ больше не услышитъ человѣческаго голоса. А зачѣмъ ему слышать человѣческій голосъ? Развѣ этотъ голосъ можетъ сказать ему что-нибудь, кромѣ обиднаго слова — «воръ»? Развѣ у кого-нибудь сорвется съ устъ слово утѣшенія? Степанида и та,—даромъ что любитъ,—навѣрно, встрѣтитъ его этимъ словомъ и еще упрекнетъ: «вотъ дескать я тебѣ душу отдала, а ты!..» Но какъ гордо поднялъ онъ голову, когда вспомнилъ о мамкѣ: онъ не выдалъ ея ни однимъ словомъ. Всѣ думаютъ, что онъ пропивалъ ворованное, а вѣдь онъ все это только для нея и дѣлалъ. Да, для нея! Пускай цѣлый свѣтъ говоритъ про него, что хочетъ, но онъ никогда не узнаетъ, для кого Панасъ опозорилъ себя. Да неужели же всѣ поголовно повѣрили, что матушка облагодѣтельствовала его, а онъ обокралъ ее? Неужели никому не придетъ въ голову, что онъ что-нибудь же заработалъ за четыре года, что не даромъ же онъ надрывался и потѣлъ? Да что же они всѣ съ ума посходили, что ли? Чего онъ убѣжалъ? Онъ вернется въ Панычево, и любой богатый мужикъ возьметъ его въ работники. Помѣщикъ — и тотъ возьметъ. Еще какую деньгу дадутъ ему! Развѣ не все село говоритъ, что такого работника, какъ Панасъ,— поискать поищешь, а найти—не найдешь!

И онъ повернулъ обратно въ Панычево. Лицо его, раскраснѣвшееся отъ холода, казалось, повеселѣло. «Я покажу, что Панасъ—не воръ! Мнѣ не для чего воровать, ежели хорошо платятъ!»—мелькнуло у него въ головѣ.

Вотъ и Панычево. Налѣво, у самаго выхода изъ большого фруктоваго сада, помѣщичій домъ — каменный, въ два этажа. Черезъ дорогу—валькован хата подъ деревянной крышей; здѣсь живетъ управляющій. Сюда-то Панасъ и направилъ свои стопы. Управляющій встрѣтилъ его во дворѣ. Это былъ толстенькій человѣкъ, небольшого роста, съ мясистыми червоными щеками, рельефно, какъ пара румяныхъ яблокъ, выступавшими изъ-за черной окладистой бороды. Его небольшое брюшко, повидимому, нимало не затрудняло его. Онъ носился по двору съ легкостью рысака. Новый овчинный полушубокъ, крытый сѣрымъ сукномъ, хорошо защищалъ отъ холода его круглое тѣльце. Большіе ботфорты небрежно и властно попирали попадавшійся подъ ноги снѣгъ. Управляющій былъ веселый человѣкъ и потому встрѣтилъ Панаса смѣхомъ.

— Что-о? Ха-ха-ха-ха! Тебя-а? Ха-ха-ха! Да что мнѣ— не жаль панскаго добра, что ли? Поди ты...

Панасъ попытался-было пробормотать что-то насчетъ своей невинности; онъ говорилъ, что если ему дадутъ жалованье, то не будетъ необходимости воровать. Но управляющій только хохоталъ. Панасу оставалось уйти.

«Нѣтъ, этому не понять простого человѣка! Свой, мужикъ—тотъ можетъ понять! А эти всѣ заодно»,—утѣшалъ себя Панасъ.

И онъ пожалѣлъ, что необдуманно лишній разъ напросился на обиду. Онъ пошелъ къ «своему брату» — мужику. Не много было въ Панычевѣ такихъ «братьевъ», которые нуждались въ работникахъ. Населеніе его почти сплошь состояло изъ голытьбы, которая сама не знала, какъ прокормиться; гдѣ ужъ тутъ думать о работникахъ! Изъ мужиковъ только и было двое—Воденюкъ, у котораго засѣвалось ежегодно десятинъ за сто, да еще, пожалуй, Семенъ Мурашка, который вдобавокъ къ своему надѣлу забиралъ у помѣщика десятка три десятинъ. Есть еще въ Панычевѣ два богатыхъ человѣка—это шинкари Шлема и Ицко, но эти земли не засѣваютъ, богатства ихъ не отъ земли идутъ, и у каждаго изъ нихъ только по одному работнику, которые ѣздятъ въ городъ съ бочонками за водкой. Къ нимъ и ходить нечего. Панасъ рѣшилъ начать съ Семена Мурашки.

Семенъ Мурашка жилъ на отдаленномъ концѣ села. Хата его отличалась отъ другихъ тѣмъ, что около нея былъ токъ пошире, чѣмъ у сосѣднихъ хатъ, да еще тѣмъ, что во дворѣ красовалась новая деревянная засѣка, которую Семенъ Мурашка не успѣлъ къ зимѣ обнести и прикрыть камышомъ. Самъ Мурашка былъ мужикъ дряхлый и богомольный. У него была огромная семья, причемъ женатые сыновья, которыхъ было четыре, какимъ-то чудомъ уживались, не требуя раздѣла и не строя собственныхъ хатъ. Они не хотѣли огорчать старика и терпѣливо ждали его смерти, чтобъ потомъ, на другой день послѣ похоронъ, увѣковѣчить память его генеральной дракой изъ-за отцовскаго добра.

Семенъ Мурашка былъ въ это время дома. Пріемъ, который оказалъ онъ Панасу, сразу обѣщалъ хорошій исходъ дѣла. Старикъ вглядѣлся въ него и узналъ.

— А! Тотъ, что у батюшки!.. Панасъ?! Я тебя знаю. Садись, парень.

Высокій ростъ и старческій горбъ на спинѣ заставляли Семена всегда держать голову опущенной. Онъ съ трудомъ подымалъ ее, когда нужно было разсмотрѣть что-нибудь. Панасъ не рѣшился сѣсть. Онъ продолжалъ стоять у порога, вертя въ рукахъ свою сивую шапку.

— Это ты нехорошо сдѣлалъ, парень, что обокралъ батюшку... Нехорошо это!—продолжалъ Семенъ. Онъ медленно и не совсѣмъ ясно произносилъ слова. Ему сильно мѣшалъ единственный передній зубъ, оставшійся во рту.—Оно конечно, красть грѣшно у всякаго... И у меня ежели украдешь—грѣшно... И у Трифона, моего сосѣда — грѣшно, и у вдовы Панибратихи — грѣшно. У вдовы еще грѣшнѣй, потому она — вдова!.. Грѣшно, говорю тебѣ!.. А у батюшки—какъ же можно красть у батюшки?.. Онъ за всѣхъ насъ душу кладетъ, какъ же можно его обижать?! Это уже такой грѣхъ, что и замолить нельзя... Такъ-то я говорю тебѣ.

Панасъ терпѣливо выжидалъ, пока Семенъ выскажется. Онъ уже почти былъ увѣренъ, что его примутъ въ работники, потому что въ противномъ случаѣ — зачѣмъ же съ нимъ разговариваютъ, да еще приглашаютъ садиться?

— Этотъ грѣхъ чтобы отмолить, надо на это дѣло всю жизнь положить, потому онъ нашъ молитвенникъ, онъ душу кладетъ!—продолжалъ Семенъ Мурашка.—А въ работники, ты говоришь? Въ работники? Въ работники я тебя не возьму... Нѣтъ, нѣтъ, не возьму!..

— Не возьмете?—спросилъ пораженный Панасъ.

— Никакъ, никакъ!.. Это чтобъ я твой грѣхъ на свою душу взялъ? У меня своихъ довольно!.. И такъ спина отъ нихъ гнется! Не знаю, какъ и донесу ихъ туда, передъ Судію!.. А-а! Какъ можно, какъ можно, чтобъ я тебя взялъ, паренекъ! Невозможно! Ты не гнѣвайся! На старика нельзя гнѣваться! Грѣхъ! А я тебя не возьму!..

— Прощайте!—промолвилъ Панасъ какимъ-то рѣзкимъ, сухимъ голосомъ и почти выбѣжалъ изъ хаты.

Уже начинало темнѣть. Кое-гдѣ на завалинкахъ сидѣли бабы и вели бесѣду о разныхъ деревенскихъ дѣлахъ, а больше всего о ночномъ событіи у батюшки.

Панасъ шелъ срединой улицы, стараясь не глядѣть по сторонамъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ его не замѣтили, и едва слышно ступалъ по дорогѣ, выбирая тѣ мѣста, гдѣ была мягкая земля. До ушей его долетали отрывочныя фразы, и онъ тотчасъ же узнавалъ, что вездѣ, во всѣхъ кружкахъ

рѣчь идетъ о немъ, какъ будто во всей деревнѣ разомъ пропали всѣ другія заботы.

— Не даромъ онъ и на свѣтъ появился не по-людски!— говорили въ одномъ мѣстѣ.—Изъ ополонки! Чудесное дѣло! И тогда еще бабы сказывали—не къ добру!..

Панасъ быстро проходилъ дальше, не разсчитывая услышать что-нибудь пріятное. Но вотъ опять кучка собесѣдницъ, и до него долетаетъ:

— Ежели бы это матушкѣ Богъ не помогъ... бѣда была бы!.. Гляди, всю деревню растаскалъ бы... Ужъ это вѣрно. Это такъ!.. Такое уже племя...

Панасъ ускорилъ шаги, но его уже догоняетъ изъ третьяго мѣста:

— А ты думаешь, онъ одинъ?.. Какъ же! Мамка-то его, сказываютъ, не съ пустыми руками сбѣжала!

— Такъ это значитъ у нихъ какъ бы компанія...

Панасъ, со злобой сжимая кулаки, быстро повернулъ къ полю. Онъ сильно боялся, что его замѣтятъ. Чего добраго— подымутъ на смѣхъ, снѣгомъ закидаютъ! О, этотъ «свой братъ»—узналъ онъ его! Всѣ они одинаковы! У кого есть хоть чуточку побольше собственной шкуры, такъ тотъ уже на него чортомъ смотритъ. А не дальше, какъ вчера, — всѣ были его пріятелями. «Панасъ, Панасъ! Куда идешь?» «Панасъ, заходи на чарку водки!» Дѣвки то и дѣло заигрывали съ нимъ. А теперь — пройдись-ка, — развѣ въ лицо кто-нибудь плюнетъ! Да и онъ всѣхъ ихъ ненавидитъ,—плевать ему на нихъ. Къ Воденюку онъ, конечно, не пойдетъ. Къ чему? Чтобы еще разъ выслушать все тѣ же обидныя слова? Но куда же? Куда? Къ Еремѣ? Да если бъ его золотомъ всего забросали, такъ и то онъ туда не заглянулъ бы. Что можетъ сказать ему этотъ добрый бѣднякъ? Онъ, конечно, приметъ Панаса. Скрѣпя сердце, дастъ ему ночлегъ и будетъ съ нимъ ласковъ, обходителенъ. Да что онъ будетъ чувствовать? Завтра узнаютъ сосѣди и скажутъ: «должно-быть, онъ съ Панасомъ въ компаніи состоялъ»... Ни за что! А какъ посмотритъ на него теперь Горпина? Э, ужъ теперь она никакъ не посмотритъ на него; отвернется, спрячетъ глаза свои—эти кроткіе, добрые, въ душу проникающіе глаза, чтобъ не показать написаннаго въ нихъ упрека.

Онъ шелъ полемъ, гдѣ не было дороги. Ноги его глубоко зарывались въ снѣгъ, онъ изнемогалъ отъ холода, голода и полученныхъ за день обидъ. Куда идти? Не рас-

тянуться же ему среди поля и не ждать, пока голодный волкъ придетъ и засверкаетъ надъ нимъ своими огненными очами. А темная ночь все больше и больше спускала на землю свое тяжелое покрывало. На деревнѣ уже не видно ни одного огонька. Все спитъ, только онъ противъ воли бодрствуетъ, нося по широкому полю свой позоръ. Все ли? Какъ? Неужели и Степанида спокойно сомкнула очи и, зная, что надъ нимъ стряслась бѣда, не ждетъ его, не подходитъ тревожно къ окошку и не выглядываетъ на улицу? Не можетъ этого быть. Она не спитъ, не такая она. Она терзается за него.

Такъ онъ же и пойдетъ къ ней! Нѣтъ, ужъ видно не въ добрый часъ сошлись они... А вмѣстѣ и страдать какъ-то легче.

V.

Теплая хата.

Степанида съ утра еще узнала о событіи, случившемся у батюшки на горо̂дѣ. Она шла по воду, когда ей встрѣтилась Сонька.

— Тетка! А у насъ бѣда,—сообщила ей Сонька и при этомъ боязливо оглянулась по сторонамъ.

— Какая тамъ у васъ бѣда?—небрежно и не останавливаясь спросила Степанида.

— Бѣда съ Панасомъ... Его поймали!..

Степанида чуть не уронила коромысло въ ведрами. Она кинула злобный взглядъ на Соньку, увѣренная, что та опять хочетъ издѣваться надъ нею.

— Тетка Степанида, я не смѣюсь, я взаправду... И вы меня не бойтесь! Потому хоть я и знаю, а пусть мнѣ голову отрѣжутъ—никому не скажу...

— Что знаешь? Что ты знаешь?—задыхаясь, прохрипѣла Степанида. Онѣ уже спустились къ Днѣпру. Степанида съ шумомъ швырнула ведра на каменистый берегъ.—Что же ты такое знаешь?—повторила она.

— Знаю я то, что видѣла. И на балкѣ по ночамъ, и про зимнія ночи... Говорю—не бойтесь, тетка... Пускай живьемъ закопаютъ—не скажу!..

— Не скажешь!—сквозь зубы процѣдила Степанида и ухватилась за ведро, но сейчасъ же опять швырнула его.

— А Панаса поймали!—продолжала Сонька.

— Гдѣ поймали! Что ты такое городишь? На чемъ?

— Ночью сегодня... Сама матушка... Онъ тащилъ мѣшокъ на плечахъ... Всякое добро тамъ... ворованное...

— Ворованное?! Панасъ воровалъ?!.. Ты брешешь, должно-быть, проклятая! Хочешь разбѣсить меня...

— Побей меня Богъ на этомъ самомъ мѣстѣ! Чтобъ я въ камень превратилась, если тутъ есть брехни хоть одно слово!.. Онъ давно уже такимъ манеромъ... И кожухъ свой, и хомутъ новый, и сало, и жито, и овесъ, и гусей...

– Панасъ?! Панасъ?!—блѣднѣя, спрашивала Степанида.

— Панасъ! — отвѣтила Сонька убитымъ, гробовымъ голосомъ, какъ будто закончила надгробное слово и собиралась бросить послѣднюю горсть земли на могилу Панаса.— Онъ все это къ мамкѣ своей носилъ, къ Параскѣ!..

— А-а! къ мамкѣ!..

Теперь Степанида совсѣмъ повѣрила. Для нея вдругъ стало ясно, почему Панасъ въ послѣднiй годъ такъ рѣдко бывалъ веселъ и почти никогда не говорилъ ей о своей мамкѣ; почему въ его глазахъ такъ часто читала она тревогу, и онъ отворачивалъ голову, когда она всматривалась въ эти глаза. Все поняла Степанида и допустила, какъ ни горько было ей допустить это про своего милаго. Какой жестокiй ударъ получило ея изстрадавшееся сердце! А тутъ еще эта Сонька бросаетъ ей въ лицо напоминанiе о лѣтнихъ ночахъ на балкѣ и о зимнихъ свиданiяхъ у нея въ хатѣ. Она клянется, что никому не скажетъ. Да развѣ этому можно повѣрить? Развѣ она не такая же баба, какъ всѣ прочiя? Развѣ баба можетъ удержать на душѣ то, что узнала про сосѣдку. Отъ нея еще надо ждать самаго худшаго. Недаромъ же она подглядывала, недаромъ ходила за Панасомъ, какъ вѣрная собака.

— Его уже прогнали! — продолжала свои сообщенiя Сонька.—Пошелъ степью куда-то... Охъ, что-то съ нимъ теперь будетъ?!. Тетка Степанида!.. А я такъ прямо сбѣгу отъ нея... Мочи нѣтъ!..

Степанида съ трудомъ поднялась на гору. Ей казалось, что все вокругъ нея движется и шумитъ, что ведра съ водой валятся съ плеча ея на землю, что Сонька, убѣжавшая впередъ, чтобъ ихъ не видѣли вмѣстѣ, скалитъ теперь зубы и гогочетъ на все село.

Въ этотъ день она не хотѣла выходить изъ хаты, но ее тянуло на село — послушать, что говорятъ бабы... Боже! Чего только не наслушалась она въ этотъ день!.. Панаса поймали въ тотъ моментъ, когда онъ прокрадывался въ

кабинетъ батюшки къ ящику, гдѣ хранились деньги. Въ то же время не забывался и знаменитый мѣшокъ, въ который воображеніе разсказчиковъ насовало столько разныхъ объемистыхъ предметовъ, что для помѣщенія ихъ потребовался бы цѣлый корабль. Ходилъ даже слухъ, что Панасъ увелъ бурую корову и бычка. Слухъ этотъ произошелъ, вѣроятно, оттого, что не были ясно разслышаны матушкины слова. Оставался только нерѣшеннымъ вопросъ— куда относилъ Панасъ свою добычу? Ицко и Шлема, обладатели кабаковъ, честью увѣряли, что не получили отъ Панаса ни одной вещицы. Ну, да этому народу нельзя вѣрить! Еще бы они сказали, чтобъ нарваться на судъ! Таковы были извѣстія, которыми бабы порадовали Степаниду. Позднѣй разнеслись слухи, что Панасъ ходилъ наниматься къ помѣщику и къ Семеңу Мурашкѣ. Нужно было видѣть благородное негодованіе мужиковъ и бабъ, когда они узнали о такой неслыханной дерзости Панаса. Какъ? Послѣ того, какъ онъ выкралъ чуть не все хозяйство у батюшки, онъ можетъ думать, что кто-нибудь возьметъ его къ себѣ! Да кому же не жаль своего добра?! Вотъ послѣ этого и выкармливай, отогрѣвай этакихъ щенковъ! А что онъ такое былъ, когда его вытащили изъ проруби? Не даромъ тогда говорили, что это — дьявольское навожденіе. Такъ оно и оказалось.

Когда на дворѣ стемнѣло, Степанида вернулась въ свою хату. Она зажгла «каганецъ» и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ малѣйшему стуку на улицѣ. Она боялась, что придетъ Панасъ, но въ то же время хотѣла, страстно желала, чтобъ онъ пришелъ. Что она скажетъ ему? У нея не было наготовѣ ни одного упрека, ни одного горькаго, обиднаго для него слова. Она только хотѣла вѣрить, что Панасъ не такъ виноватъ, какъ думаютъ бабы, что, не будь у него отчаянной крайности,—онъ никогда не рѣшился бы на такое дѣло. Но отчего онъ никогда не говорилъ ей объ этомъ? Неужели боялся, что она выдастъ его? Или, можетъ-быть, его удерживалъ страхъ, что она отшатнется отъ него, перестанетъ дарить ему свои ласки?! Э, онъ такъ не подумалъ бы, когда бы заглянулъ въ ея сердце и узналъ, до чего она дошла. Да кажись, если бъ ей сказали, что Панасъ грабитель, что его видѣли на большой дорогѣ въ ночную пору, — и то она не была бы въ силахъ оттолкнуть его, выгнать изъ своей головы постоянную мысль о немъ и все о немъ...

Тихій стукъ въ окно заставилъ ее однимъ прыжкомъ очутиться у двери. Когда она открыла дверь, слабый лучъ свѣта упалъ на лицо Панаса. На этомъ лицѣ лежалъ отпечатокъ всѣхъ тѣхъ обидъ и мученій, которыя испыталъ онъ въ этотъ долгій день, начавшійся съ полуночи. Ни быстрая ходьба, ни морозъ, ни злоба — ничто не могло вызвать въ лицѣ его румянца: оно было блѣдно.

— Не пожалѣлъ тебя... пришелъ! — хриплымъ голосомъ промолвилъ Панасъ и остановилъ на лицѣ Степаниды свой тревожный взглядъ.

Степанида поняла, что онъ голоденъ, и въ одну минуту, не произнеся ни слова, поставила на столъ миску съ похлебкой и кусокъ житнаго хлѣба. Панасъ былъ очень голоденъ и, не медля ни минуты, принялся ѣсть. Оба они молчали, и Панасу, повидимому, было пріятно это молчаніе. Степанида сидѣла у другого конца стола, опершись на столъ локтями и закрывъ лицо обѣими ладонями. Вдругъ Панасу показалось, что она плачетъ. Въ одинъ мигъ онъ отшвырнулъ отъ себя миску съ похлебкой и сидѣлъ уже рядомъ съ Степанидой.

— Степанида, голубка моя, не надрывайся!—дрожащимъ голосомъ говорилъ онъ, стараясь отнять ея руки отъ лица и заглянуть ей въ глаза.—Не вѣрь ты имъ, этимъ чортовымъ бабамъ!.. Я не такой еще злодѣй, какъ говорятъ онѣ!.. Ты же знаешь Панаса! Знаешь?.. А что я не говорилъ тебѣ, такъ это отъ жалости... Жалѣлъ тебя, Степанида! И боязно было. Что, думаю, какъ она отшатнется? А? Больно дорогà ты мнѣ... А я все разскажу тебѣ!..

И потокъ воспоминаній неудержимо полился изъ его устъ. Онъ припомнилъ все до мельчайшихъ подробностей, начиная отъ глубокаго дѣтства и кончая своимъ позоромъ. Но и тамъ, въ дѣтствѣ, развѣ не было позора? Развѣ не позоръ—полуобнаженному, голодному униженно протягивать руку за милостыней первому встрѣчному? И вся жизнь его была соткана изъ обидъ и униженій. Это шлянье по чужимъ людямъ, это постоянное напоминаніе о благодѣтельствѣ, о даровомъ жалованномъ хлѣбѣ! Не проходило дня, чтобъ кто-нибудь не намекнулъ ему, что его мамка — негодная, низкая женщина. И онъ видѣлъ эту мамку и долженъ былъ сознаться, что ниже уже нельзя опуститься. Пьянство, нищенство, воровство и развратъ—вотъ въ какой компаніи видѣлъ онъ ее постоянно... И развѣ могъ онъ спокойно смотрѣть на это, когда другіе живутъ по-че-

ловѣчески и когда у него есть здоровыя руки, чтобъ заработать, какъ всякій другой работникъ? Онъ воровалъ у матушки—это правда. А развѣ она не воровала у него его каторжный трудъ? Развѣ онъ не косилъ ей лѣтомъ, когда косарь получалъ по два рубля въ день? Развѣ не на его плечахъ лежало все ея хозяйство и развѣ этому хозяйству не отдавалъ онъ всѣ свои силы? За это хорошіе хозяева платятъ работникамъ по сотнѣ рублей въ годъ, а она что дала ему? Пускай дадутъ ему время оправиться, и всѣ увидятъ, что Панасу не для чего воровать, когда за его трудъ платятъ по-человѣчески. Только къ ней, къ матушкѣ, онъ уже не пойдетъ, нѣтъ! А если и пойдетъ, то развѣ для того, чтобъ напакостить ей. О, она его допекла! Всегда допекала, а въ этотъ день еще опозорила. Созвала полдеревни, все приготовила, все подстроила, чтобъ увеличить его позоръ!.. Ну, она дождется своего! Этотъ долгъ навсегда останется за нимъ, пока онъ не выплатитъ его сполна.

— Что ты сдѣлаешь? Что ты хочешь сдѣлать?—съ испугомъ спросила Степанида.

— Ничего!.. Что я могу сдѣлать? У меня отрѣзаны руки!.. Ничего не сдѣлаю! А что я сдѣлалъ бы?.. Знаешь, Степанида, мнѣ сегодня приходило въ голову... спалить ее, проклятую... съ четырехъ сторонъ!..

— Охъ, Господи!

— Не бойся! Я не стану пачкаться!.. Ничего я не сдѣлаю. Пускай уже Богъ разберетъ ее и меня!.. Что-то тамъ теперь мамка дѣлаетъ? Должно-быть, съ голоду околѣваетъ... Знаешь, Степанида, я не пойду къ ней... Что идти съ пустыми руками? Прежде потолкаюсь между людьми, не сыщется ли гдѣ работа. Пойду въ городъ на пристань—мѣшки таскать... Я видѣлъ, какъ ихъ таскаютъ. Гнется человѣкъ, натужится, кряхтитъ, словно изъ него душу выпираетъ... А все таскаетъ, таскаетъ... потому—жрать надо!.. Вотъ и я пойду туда! Ничего, не сдохну! Мнѣ надо убраться отъ тебя пораньше: не ровенъ часъ, какая-нибудь сосѣдка-сорока углядитъ, — такъ тебѣ и житья не будетъ!.. Э, не тужи, моя голубка! Что плакать! Вотъ погляди на мои руки,—крѣпкія, какъ желѣзо! Вывезутъ! Еще какъ вывезутъ! О-го-го!

Пѣтухи прокричали въ первый разъ, когда Панасъ заторопился. Въ хатѣ давно уже былъ потушенъ огонь, чтобъ не обратить вниманія людей. Сердце у Степаниды билось

спокойно. Онъ утѣшилъ ее своими долгими, тихими сердечными рѣчами и горячими поцѣлуями. Все пройдетъ, все поправится и нечего тужить. Онъ будетъ заглядывать къ ней въ темныя, ненастныя ночи. То-то сладко будетъ пригрѣться ему у горячаго сердца своей милой! И она на прощанье прижала его съ такимъ нѣжнымъ спокойствіемъ, какъ будто все уже было улажено и завтра они увидятся при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ.

Панасъ неслышными шагами пробирался далекой, обходной дорогой. Когда село осталось совсѣмъ позади его, онъ обернулся и остановился на минуту.

— Прощай, Паныческо, и ты, Степанида! Приведетъ ли еще Богъ свидѣться? И ты, Горпина, и ты, Сонька!— мысленно проговорилъ онъ. Потомъ лицо его перекосилось отъ злобы.—Ну, прощай же и ты!—прибавилъ онъ, потрясая въ воздухѣ своимъ могучимъ кулакомъ и представляя предъ собой величественный образъ матушки. — Только дай тебѣ Богъ не свидѣться съ Панасомъ!..

И онъ быстро зашагалъ по направленію къ городу. Ночной холодъ подгонялъ его. Вотъ уже небо просвѣтлѣло и видна слободка, вонъ — Параскина лачуга... Но онъ прошелъ мимо и взялъ путь черезъ городъ прямо къ пристани. Здѣсь съ разсвѣтомъ началась работа, и его руки и спина пригодились.

VI.

Карьера Соньки.

Исторія Панаса долго еще служила неистощимой темой разговоровъ для паныческцевъ. Когда нѣсколько бабъ собирались гдѣ-нибудь на завалинкѣ въ праздничный день послѣ обѣдни, для разговоровъ о разныхъ деревенскихъ событіяхъ, онѣ непремѣнно переходили къ исторіи Панаса, въ сотый разъ повторяя всѣмъ уже извѣстныя подробности. Въ концѣ бесѣды, передъ тѣмъ какъ разойтись по домамъ, двѣ-три изъ собесѣдницъ, понижая голосъ и подмигивая, прибавляли очень опредѣленное замѣчаніе насчетъ Степаниды:

— Жалко Ковалиху... Загубитъ она себя съ этакимъ разбойникомъ... Мужъ придетъ—убьетъ ее... Охъ-охъ-охъ!..

Мало-по-малу исторія Панаса сошла съ репертуара деревенскихъ бесѣдъ. Про Панаса какъ будто совсѣмъ позабыли; къ лѣту о немъ уже не упоминали. Но зато на

сцену явилась новая, свѣжая тема, которую подарилъ паныччевцамъ не кто иной, какъ Сонька.

Въ тотъ день, какъ Панасъ, по награжденіи рублемъ «на первое время», былъ великодушно выгнанъ изъ батюшкина дома, матушка увидѣла себя въ безпомощномъ положеніи. Точно вмѣстѣ съ Панасомъ вынули изъ-подъ ея дома фундаментъ и домъ грозилъ каждую минуту обвалиться. Все держалось на Панасѣ. Не говоря уже о томъ, что никто не умѣлъ такъ хорошо содержать лошадей, какъ онъ, — на немъ лежала высшая забота о всей птичнѣ, игравшей въ хозяйствѣ очень важную роль. Онъ, и одинъ только онъ зналъ счетъ гусямъ, индѣйкамъ и курамъ и характеръ каждой изъ нихъ. Онъ же и пахалъ, и косилъ, жалъ камышъ. Словомъ, въ хозяйствѣ онъ былъ все, и матушка поняла это, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою ошибку уже черезъ три мѣсяца послѣ ухода Панаса, т. е. тогда, когда начались полевыя работы и когда она совсѣмъ убѣдилась, что Панасъ не вернется къ ней съ униженной просьбой, чтобъ она «вила изъ него веревки». Тогда она поняла, что дѣло велось не такъ, какъ слѣдуетъ. Панасу слѣдовало платить жалованье и зорко слѣдить за нимъ—и изъ него вышелъ бы рѣдкій работникъ. Все это матушка поняла, но даже себѣ самой не захотѣла сознаться въ этомъ. Напротивъ, ея ненависть къ Панасу возрасла теперь до неимовѣрныхъ размѣровъ, и она не могла себѣ простить, какъ тогда отпустила его на волю. Нѣтъ, его нужно было связать и предать суду. Пусть бы посидѣлъ въ острогѣ.

Какъ бы то ни было, а безъ работника оставаться не приходилось. Время, между тѣмъ, было такое, когда порядочный работникъ ни за что не наймется на годъ, а если и наймется, то запроситъ такую сумму, которую матушка считала рѣшительно неприличной для работника. Въ это время Степка, успѣвшій уже вкусить сладости семейнаго счастья, пришелъ къ матушкѣ просить работы. Онъ былъ голоденъ, худъ и оборванъ. Жинка его, Гапка, начала уже пухнуть отъ голодовки. Былъ у него и сынишка, но этого Богъ прибралъ къ себѣ. Тяжело было матушкѣ сдавать свое образцовое хозяйство на руки этого неумѣлаго, глупаго и лѣниваго раба, но она все-таки сдала, удвоивъ собственную энергію. Разумѣется, Степка не получалъ жалованья, работалъ за хлѣбъ, который дѣлилъ съ Гапкой. За него матушка по крайней мѣрѣ не боялась, что онъ

станетъ воровать. А если и станетъ, то сейчасъ попадется, потому что глупъ, какъ стадо индюковъ.

Но ни на комъ такъ не отразился уходъ Панаса, какъ на Сонькѣ. Никогда прежде она не была охотницей до работы, за что и принимала ежедневно казни отъ руки матушки. Но она по крайней мѣрѣ дѣлала видъ, что занята, «у нея была хоть совѣсть», какъ опредѣляла матушка; теперь она «ходила, какъ очумѣлая» и, «потерявъ всякую совѣсть», вела себя такъ, какъ будто была у матушки въ гостяхъ. Сядетъ себѣ гдѣ-нибудь въ укромномъ уголку и вздремнетъ тутъ же, а въ это время, глядишь, самоваръ уже вскипѣлъ и поднялъ цѣлую бурю.

— Эй, ты! Солоха! — вдругъ изо всей силы толкнетъ ее матушка въ бокъ.

Сонька вскочитъ, обведетъ комнату взглядомъ и опять присядетъ, не понимая или не желая понимать, въ чемъ дѣло.

— Самоваръ готовъ! Ступай, сними трубу! Приготовь столъ! — вразумляетъ матушка, подкрѣпляя свои доводы пинками.

— Сейчасъ! — разсѣянно бормочетъ Сонька и тѣмъ не менѣе вновь погружается въ дремоту.

Тогда матушка, очень ловко прицѣлясь, обѣими руками хватаетъ ее за волосы и такимъ манеромъ тащитъ ее черезъ двое сѣней во дворъ, гдѣ стоитъ разгнѣванный самоваръ.

— Вотъ тебѣ! Видишь? — и тутъ еще прибавляетъ нѣсколько эпитетовъ.

Сонька начинаетъ возиться около самовара. Все у нея шумитъ и гремитъ. Посуду ставитъ она на столъ съ такимъ трескомъ, что испуганныя собаки, если имъ случайно пришлось быть въ это время у крыльца, разбѣгаются. Крышка приколачивается къ самовару такъ энергично, что потомъ ее нельзя снять безъ помощи желѣзнаго орудія.

— Нѣтъ, это ужъ изъ рукъ вонъ! Дѣвка съ ума сошла!— говоритъ матушка, но отчего дѣвка съ ума сошла,—этотъ вопросъ оставался неразрѣшеннымъ.

Однажды во время обѣда, когда у батюшки были въ гостяхъ становой приставъ и его письмоводитель, Сонька услышала маленькій отрывокъ изъ разговора.

— Я его простила, я никогда зла не помню!—говорила матушка.

— Вотъ это и жаль-съ! Вотъ этимъ мы и балуемъ народъ!—замѣтилъ становой приставъ.—Простили! А попадись онъ мнѣ на глаза,—не будь я становой приставъ, если я не засадилъ бы его въ острогъ! И засажу-съ!..

Въ это время Сонька держала въ рукахъ тарелку съ пирогами. Рѣшимость становаго пристава повліяла на нее такъ, что она выронила тарелку, которая тутъ же и разбилась, а пироги разлетѣлись по разнымъ угламъ передней. Матушка, разумѣется, немедленно выбѣжала на шумъ, и такъ какъ дверь изъ столовой была открыта, то она сообразила, что Сонька подслушала разговоръ. Тутъ же она поняла и настоящую причину гибели тарелки и постыднаго нахожденія пироговъ на полу.

— Э-э-э, дѣвка! Такъ вотъ оно что! Такъ вотъ отчего! она отъ рукъ отбилась! Страдаешь по Панасу? а? Ишь какая кобыла выросла! Немудрено,—отъѣлась! Испугалась, что его въ острогъ посадятъ? А? Ну, такъ что жъ? И ты проворуйся! И тебя посадятъ! Вотъ и будете вмѣстѣ сидѣть!

На этотъ разъ, по причинѣ близости гостей, преступленіе Соньки осталось не наказаннымъ. Но зато съ этихъ поръ матушка пользовалась всѣми случаями, чтобъ попрекнуть Соньку Панасомъ. Когда она бранила ее, то не иначе, какъ называя «любовницей Панаса», и другими синонимичными, менѣе скромными словами, но непремѣнно пріурочивая ихъ къ Панасу. Когда она таскала Соньку за волосы или просто многократно опускала на ея голову свою тяжеловѣсную руку, то непремѣнно мотивировала это такъ: «Ужъ я выбью изъ твоей головы Панаса!»

Сонька, дѣйствительно, томилась по Панасу. Работа опротивѣла ей до такой степени, что она сознательно осуждала себя на всѣ обиды, пинки и таканья за волосы со стороны матушки, лишь бы только ни къ чему не прикасаться. Оттого ли, что ее разнѣживали постоянныя грезы о Панасѣ, о жизни вмѣстѣ съ нимъ, — жизни, которая представлялась Сонькѣ въ самыхъ реальныхъ формахъ, причемъ ея чувственная натура сводила все къ ночной темнотѣ, къ уединенью; оттого ли, что во все время служенія у матушки Сонькѣ приходилось слишкомъ мало спать, — но ее постоянно тянуло ко сну: стоило ей только присѣсть, какъ она уже спала. Спала она и на ходу, съ открытыми глазами, и оттого, должно-быть, у нея все валилось изъ рукъ. Но вдругъ однажды въ ней какъ будто

проснулась какая-то новая сила, еще незнакомая ей, никогда не бывавшая въ ея груди. Въ одинъ день узнали, что прежней сонливой, лѣнивой и глупой Соньки не стало. Сонька что-то придумала, и это что-то совсѣмъ преобразило ее. Матушка узнала это самымъ неожиданнымъ образомъ. Однажды Сонька разбила стаканъ. Со стороны матушки было самымъ естественнымъ движеніемъ—протянуть обѣ руки къ Сонькинымъ волосамъ и поступить съ ними съ обычной строгостью. Она это и сдѣлала. Каково же было удивленіе матушки, когда Сонька не только не облегчила ея трудъ (подставивъ голову подъ ея руки), но даже затруднила, отскочивъ отъ нея на два шага! Матушка, безъ сомнѣнія, послѣдовала за ней. Но тутъ въ глазахъ Соньки ѳна увидѣла опасный огонь.

— А-ну, попрробуйте! — сказала Сонька, ставъ въ вызывающую позу.

— Что-о?—произнесла матушка, все еще не опускавшая рукъ, что придавало ей такой видъ, будто она собиралась благословлять Соньку.

— Попробуйте! — повторила Сонька, отступивъ еще на одинъ шагъ, и лицо ея въ это время было совсѣмъ не то, какое привыкла видѣть матушка. Откуда появилось на немъ выраженіе удали, задора, самоувѣренности!..

Послѣ этого матушка опустила руки, но не рѣшилась произнести окончательнаго рѣшенія. Она просто не понимала, что такое тутъ дѣлается и какъ это могло случиться. Это новое выраженіе такъ мало шло къ Сонькѣ, такъ было ей непривычно; за ней такъ прочно укрѣпилась роль глупой, безотвѣтной рабы, что допустить серьезно такую перемѣну не было никакой возможности.

Однако, въ жизни приходится допускать невѣроятныя вещи, и матушка скоро убѣдилась, что Сонька не шутитъ. Къ вечеру въ ея поумнѣвшей головѣ рѣшеніе окончательно созрѣло, а къ утру Соньки не оказалось въ Паничевѣ. Тогда матушка поняла вчерашнюю сцену. Она даже не удивилась и не особенно сильно негодовала. Въ послѣднее время Сонька была мало полезна и только портила ей кровь. Кромѣ того, матушка успѣла уже привыкнуть къ людской неблагодарности, такъ какъ Сонька убѣгала уже третьимъ номеромъ. Неестественнымъ казалось только одно обстоятельство—то именно, что, по самымъ тщательнымъ изысканіямъ, рѣшительно всѣ болѣе или менѣе цѣнные предметы въ хозяйствѣ матушки остались неприкосновенными. Не-

ужели отсюда слѣдовало заключить, что Сонька ушла съ пустыми руками, не прихвативши ничего «на первое время»? О, нѣтъ! Это было бы невѣроятно, и нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи окажется какой-нибудь значительный недочетъ. Такъ по крайней мѣрѣ утверждала матушка и утверждала не по злобѣ, а единственно потому, что была глубоко въ этомъ увѣрена.

А Сонька направилась въ городъ. У нея не было ни копейки денегъ, ни куска хлѣба, ни души знакомыхъ. Она не знала расположенія улицъ и домовъ. Когда она уходила изъ Панычева, у нея была единственная мысль—о Панасѣ. Въ городѣ она встрѣтится съ нимъ. Онъ теперь зарабатываетъ много денегъ и возьметъ ее къ себѣ, какъ обѣщалъ въ ту ночь. Но первый шагъ въ городѣ показалъ ей, что здѣсь не такъ легко встрѣтить знакомаго человѣка, какъ въ Панычевѣ. И она бродила, какъ въ лѣсу. Она исходила всѣ улицы, побывала у Днѣпра, видѣла пароходъ, зашла въ двѣ церкви. Но Панаса нигдѣ не встрѣтила. Такъ прошлялась она почти цѣлый день. Въ часъ сумерекъ голодъ подсказалъ ей убійственную мысль, что на свѣтѣ можетъ быть положеніе еще худшее, чѣмъ работницы у панычевской матушки. Еще бы. Настунаетъ ночь: Сонька голодна, и у нея нѣтъ ночлега. Когда на базарѣ торговки покинули свои мѣста, заперевъ свои подвижныя лавочки, когда возы пріѣзжихъ мужиковъ медленно уѣхали за городъ и базаръ превратился въ обширную пустынную площадь съ однимъ тусклымъ фонаремъ посрединѣ, — Сонька стала взоромъ искать мѣстечка, гдѣ можно было бы присѣсть. Ея растерянный видъ и боязливые взоры сразу обнаруживали въ ней существо, которое не знаетъ, что съ собою сдѣлать. У нея не было товарищей. Бродяги и люди ночныхъ профессій выбирали для ночлега мѣста менѣе видныя; она же, какъ нарочно, остановила свое вниманіе на площади. Это оттого, что ей было все равно. Она не знала ни городскихъ обычаевъ, ни благодѣтельной внимательности городовыхъ. Она боялась только, чтобъ не занять чужого мѣста. Когда она начала-было уже приспособляться у одной изъ наиболѣе жалкихъ лавчонокъ, мимо нея прошмыгнула тонкая, высокая и чрезвычайно вертлявая фигура еврея въ длиннѣйшемъ кафтанѣ и съ предлинной и преузкой бородкой. Это, конечно, была не случайность, потому что очень скоро еврей возвратился, но на этотъ разъ прошелъ уже медленнѣй и поближе. Въ третій разъ онъ былъ отъ нея

всего шагахъ въ пяти и уже довольно пристально оглядывалъ ее. Онъ охотился за нею совершенно такъ, какъ охотятся на дрофъ. Проходя въ четвертый разъ, онъ остановился въ двухъ шагахъ отъ Соньки и промолвилъ тихо и чрезвычайно ласково, съ своимъ специфическимъ акцентомъ:

— Ай, ай, ай! Бѣдная дѣвочка! Она тутъ хочетъ спать!

Сонька не знала, какъ отнестись ей къ незнакомцу,— благодарить ли его за ласковое участіе, или ждать отъ него обиды.

— Ничего! — сказала она и отвернулась лицомъ къ лавочкѣ.

Еврей съ минуту поглядѣлъ на нее и исчезъ. Но скоро онъ опять прибѣжалъ, и на этотъ разъ уже не прохаживался, а прямо подошелъ къ Сонькѣ.

— У меня есть мѣстечко!.. славное такое! Хочешь, сведу тебя? а?—шопотомъ произнесъ онъ.

Сонька молчала, потому что еврей стоялъ очень близко, и она боялась его.

— Ну? Говорю — просто прелесть! Веселое мѣстечко!— нетерпѣливо продолжалъ онъ.—Хочешь?

— Нѣтъ! — отвѣтила наконецъ Сонька. Она не понимала, о какомъ мѣстечкѣ говорилъ еврей, но ей просто было страшно.

— Отчего нѣтъ?

— Нѣтъ!—повторила Сонька.

Еврей сдѣлалъ кислую мину и исчезъ во мракѣ. Онъ больше не возвращался. Сонька очень плохо проспала ночь. Проснулась она до зари и поспѣшила уйти, боясь, чтобъ ея не застали торговки. Въ этотъ день голодъ страшно мучилъ ее. На базарѣ то и дѣло попадались на глаза съѣстные и притомъ, какъ ей казалось, неимовѣрно вкусные предметы: бублики, колбасы, копченая рыба, жареная печонка; видъ ихъ почти вызывалъ у нея слезы. Напрасно она заглядывала въ лицо всякому прохожему, — ни одинъ изъ нихъ не былъ Панасомъ. Хотя бы Параску встрѣтить,—но и Параска тоже не являлась. Въ этотъ день она уже съ трудомъ ходила и послѣ полудня безсильно опустилась на каменную ступеньку у большого магазина. Голодъ терзалъ ее. Вчерашній еврей медленно дважды прошелся мимо нея и кинулъ ей два-три взгляда. Она разглядѣла его. Онъ вовсе не былъ страшенъ, а скорѣе—жалокъ. Худое и до невѣроятности блѣдное лицо съ выдавав-

шимися скулами, ввалившимися щеками; длинная бородка прекомично виляла изъ стороны въ сторону при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра; согбенная спина; длинныя руки съ блѣдными, вытянутыми пальцами находились въ постоянномъ движеніи. Нѣтъ, куда ему обидѣть! Онъ самъ чуть не валится отъ вѣтру. Но на этотъ разъ онъ не подошелъ къ ней и не сказалъ ни слова. Опять наступила ночь. Сонька еле добрела до мѣста вчерашняго ночлега. Она чувствовала, что въ эту ночь можетъ умереть съ голоду, и во всякомъ случаѣ завтра едва ли въ силахъ будетъ подняться. А тонкая фигура была уже здѣсь.

— Н-ну?—кратко спросилъ еврей.

Сонька машинально поднялась и молча послѣдовала за нимъ.

— Я ѣсть хочу!—сообщила она ему по дорогѣ.

— Будетъ!—отвѣчалъ еврей:—о, еще какъ хорошо! Говядина, говядина! а?

Сонька вздрогнула при напоминаніи объ этомъ вкусномъ, питательномъ блюдѣ. Они шли пустыми улицами, часто поворачивая въ узкіе, грязные и косые переулки. Вонъ вдали замелькали два большихъ фонаря и освѣтили фасадъ одноэтажнаго каменнаго дома.

— Это!—сказалъ еврей, указывая на освѣщенный домъ.

Фонари помѣщались у крыльца. Сквозь полурастворенныя окна слышались музыка, пѣнье, крики. Сонька смутно предчувствовала, въ чемъ дѣло. Она только не знала этому имени. Она не то что испугалась, но ей показалось какъ-то дико — войти въ этотъ домъ, гдѣ такъ много людей, и притомъ веселыхъ и сытыхъ людей. Ее засмѣютъ съ ея жалкой одеждой и широкимъ лицомъ. «Говядина, говядина!» явственно повторилось у нея въ ушахъ, и словно что-то толкнуло ее впередъ. Они не вошли черезъ крыльцо,—еврей повелъ ее во дворъ.

Въ этотъ вечеръ она была сыта и пьяна.

VII.

Носильщикъ.

Пристань на Днѣпрѣ, гдѣ останавливались мелкія торговыя суда и буксирные пароходы, была самымъ оживленнымъ мѣстомъ въ цѣломъ городѣ. Эта пристань поддерживала значеніе города, такъ какъ она служила остановочнымъ пунктомъ для всѣхъ судовъ, направлявшихся съ верховьевъ Днѣпра въ море. Здѣсь происходила перегрузка

товаровъ съ барокъ и мелкихъ судовъ на пароходы и большія суда или паровыя баржи, потому что кое-какъ сколоченныя барки не годились для морского плаванья и, разобранныя по частямъ, служили предметомъ груза въ видѣ дровъ для топки и строевого лѣса. Не будь этой пристани, городъ давно исчезъ бы съ географической карты, поэтому граждане справедливо гордились ею.

Самая оживленная работа шла здѣсь весной и лѣтомъ. Тогда перегрузка производилась непрерывно, и съ ранняго утра до поздней ночи раздавались крики носильщиковъ и шумъ ломовыхъ телѣгъ. Но и зимой здѣсь далеко не было затишья. Капризная южная зима научила судовладѣльцевъ всегда быть наготовѣ. Иногда среди зимы, послѣ крѣпкаго мороза, вдругъ настаетъ полная оттепель, и Днѣпръ приходитъ въ движеніе. Тогда на пристани подымается суета. Тамъ нагружаютъ товары, здѣсь подвозятъ и цѣпляютъ къ готовымъ судамъ буксирный пароходъ, который, натужась и пыхтя, медленно тащитъ среди плавающихъ льдинъ цѣлый рядъ барокъ и суденъ, пока не привезетъ ихъ въ море. А въ морѣ—раздолье. Тамъ нѣтъ льда, и приходится ждать только попутнаго вѣтра.

Преобладающій людъ на пристани — носильщики. По внѣшнему виду это — самыя грязныя и неуклюжія существа въ мірѣ. Холщевыя рубашки и такіе же штаны по десяти разъ въ день мѣняли свои цвѣта, смотря по цвѣту товара, который переносили спины носильщиковъ. Мука, краски, каменный уголь, известь, — все это поочередно оставляло на нихъ свой слѣдъ, дѣлая ихъ лица то смѣшными, то страшными. Привыкнувъ постоянно гнуться подъ тяжестью, они и въ свободные часы ходили съ полусогнутыми спинами; грязь, ежечасно пристававшая къ ихъ рукамъ, западала глубоко въ трещины мозолей и никогда не отмывалась, поэтому ладони ихъ — широкія, тяжелыя и неуклюжія — казались какъ-то нелѣпо татуированными. Люди эти жили между собой дружно, но никогда не говорили другъ другу о своемъ прошломъ, и никто изъ нихъ не спрашивалъ объ этомъ у своего сосѣда, потому что почти у всѣхъ ихъ въ прошломъ было темное пятно. Трудъ носильщика—самый тяжелый и бѣдно оплачиваемый. Поэтому сюда идетъ тотъ, кому больше некуда дѣваться.

Въ часы работы они смотрятъ угрюмо и мало разговариваютъ. Разговоры ихъ состоятъ изъ короткихъ фразъ, почти всегда ругательныхъ и притомъ состоящихъ изъ та-

кихъ ругательствъ, которыя созданы здѣсь на пристани и которыхъ въ другомъ мѣстѣ не услышишь. Но въ часы отдыха эти люди становятся веселѣй и разговорчивѣй. У пристани стоитъ обширный и грязный кабакъ, который существуетъ почти исключительно для носильщиковъ. Здѣсь они большой компаніей проводятъ всѣ свободные часы, пропивая весь свой заработокъ, шумя и крича, болтая и ругаясь и часто кончая дракой. Это ихъ клубъ, въ которомъ они забываютъ о всѣхъ своихъ связяхъ житейскихъ. Иногда здѣсь появляются женщины — грязныя и жалкія представительницы самаго низменнаго, самаго дешеваго разврата. Иногда выпадаетъ счастливый денекъ, когда къ вечеру у нихъ особенно болятъ спины, а въ карманахъ звенитъ мелочи больше, чѣмъ обыкновенно. Тогда они расширяютъ поле своей дѣятельности, идутъ въ городъ и посѣщаютъ трактиры низшаго разбора.

Послѣ пятимѣсячнаго пребыванія въ этой компаніи, Панасъ уже ничѣмъ не отличался отъ своихъ товарищей. Онъ былъ такъ же грязенъ, такъ же грубъ, и рѣчь его была уснащена такими же ругательствами, какъ у прочихъ. Онъ не отставалъ отъ товарищей и въ пропиваніи своихъ заработковъ. За недѣлю въ карманѣ у него оставался свободнымъ какой-нибудь полтинникъ, который онъ относилъ мамкѣ. За пять мѣсяцевъ онъ всего два раза побывалъ у Степаниды. Когда она увидѣла его въ первый разъ,— на нее нашелъ столбнякъ: такъ грубъ и дикъ былъ его видъ. А рѣчь его, уснащенная отборными словами, вырывала изъ груди ея тяжелые вздохи. Но она попрежнему прижалась къ нему, не слыша ни запаха водки, ни отвратительныхъ ругательствъ (онъ сыпалъ ихъ на голову не одной матушки, а и всего Панычева); ей представлялся другой Панасъ — нѣжный, застѣнчивый юноша, красивый и статный, котораго она знала когда-то. О, какъ она страдала, когда глаза ея видѣли другого—грубаго, развращеннаго ругателя, пропитаннаго запахомъ спирта.

— Что мнѣ? Кого мнѣ жалѣть?—хриплымъ голосомъ говорилъ ей Панасъ, ударяя кулакомъ по столу.—Мамку? Ге! Все равно—ея теперь не оторвешь отъ водки! Хотя ты ее въ золото одѣнь,—все пропьетъ! Тебя? А ты развѣ пошла бы со мной, куда глаза глядятъ? Какъ же?! Придетъ мужъ— небойсь, про Панаса и помину не будетъ! Ха-ха! Какъ же, знаю я васъ! Всѣ на одинъ ладъ. А ей, ей (онъ указалъ кулакомъ въ ту сторону, гдѣ былъ домъ матушки)... ей—я

это такъ не оставлю. Заплачу̀, дай только крыльямъ вырости... Въ Сибирь пойду, а заплачу̀... Да и всѣхъ этихъ панычевцевъ я живьемъ въ землю закопалъ бы. Тутъ только и есть двѣ души—твоя да Еремина...

Степанида не осмѣлилась возражать, пугаясь его страшнаго взгляда и лица, налившагося кровью. Теперь она отдалась бы ему изъ одного страха, если бъ даже не любила въ немъ прежняго Панаса.

Въ одну изъ осеннихъ ночей, когда въ ожиданіи первыхъ морозовъ на пристани была спѣшная нагрузка судовъ и у носильщиковъ въ карманахъ звенѣло много мелочи,—огромная компанія, напившись предварительно въ своемъ клубѣ, отправилась по городскимъ кабакамъ. Когда перевалило за полночь, они пошли къ окраинамъ города и стали стучаться въ дома, освѣщенные парой фонарей. Они были такъ страшны, что ихъ не хотѣли впускать даже въ эти неразборчивые дома. Но они шли на-проломъ и врывались туда силой. Въ одномъ изъ такихъ домовъ Панасъ встрѣтилъ Соньку. Это была очень странная встрѣча. Панасъ широко раскрылъ глаза и въ первыя мгновенія ничего не могъ сказать.

— Вотъ гдѣ она!—наконецъ промолвилъ онъ.

А Сонька стояла передъ нимъ и покатывалась отъ смѣха. Она была въ яркомъ нарядѣ изъ свѣтлаго ситцу. Грудь ея была почти обнажена. Она нетвердо держалась на ногахъ, потому что въ этотъ вечеръ много выпила.

— Хохочетъ!—сердито процѣдилъ сквозь зубы Панасъ.

Однако, она увлекла его въ отдѣльную комнату. Здѣсь она была совсѣмъ уже другая. Ея подвижность и смѣшливость исчезли и на лицѣ выразилась крайняя усталость. Она долго не спускала глазъ съ Панаса.

— Какой ты сталъ!—тихо промолвила она.

— Да! Не такимъ еще станешь! Потаскала бы мѣшки на пристани! — угрюмо отвѣтилъ Панасъ. — Какъ это ты сюда попала?..

— Попала! По тебѣ заскучала, ха-ха! Думала—приду въ городъ, а тутъ и Панасъ навстрѣчу. А Панаса съ собаками не найдешь!.. Два дня бродила, да съ голоду сюда и пришла!.. Уже два мѣсяца!..

— Что жъ? Пойдемъ со мною! Тутъ гадость!..

— Ха-ха! Мѣшки таскать? Чего мнѣ? Мнѣ тутъ хорошо!

— Хорошо?—пытливо поглядѣлъ на нее Панасъ.

— Преотлично! Видишь? — и она указала на свой костюмъ.

— То-то ты и пьяна, какъ... какъ моя мамка!.

— А ты, небойсь, трезвехонекъ!? Ха-ха! — захохотала Сонька.

— И чего она хохочетъ? Дура! — разсердился Панасъ, котораго коробилъ этотъ глупый смѣхъ. — Должно-быть, обоимъ намъ одинаково хорошо!..

— Не пойду я съ тобой! Зачѣмъ тогда не взялъ, когда ушелъ?—продолжала Сонька, но уже совершенно серьезно.

— Ха! Да ты думаешь — я стану гоняться за тобой!? «Не пойду! Зачѣмъ не взялъ!» А не пойдешь, такъ и чортъ съ тобой! Кисни тутъ... все одно какъ въ тюрьмѣ!.. Что, думаешь, мнѣ любовь твоя, что ли, надобна?.. Я такъ, по дружбѣ, потому вмѣстѣ натерпѣлись отъ нея, отъ проклятой,—чтобъ ей никогда никто добра не сдѣлалъ!.. А она: «не пойду!»—Не ходи!

Панасъ поднялся и хотѣлъ уйти. Сонька подбѣжала къ нему и обвила его шею обнаженной рукой.

— Панасъ, голубчикъ, останься! — молящимъ голосомъ произнесла она.—Я это такъ тебѣ сказала. Надоѣло мнѣ здѣсь, вотъ какъ надоѣло (она провела рукой по своей шеѣ). Противно. Все чужіе, незнакомые, пьяны! Дерутся, ругаются! Я пошла бы, да не пустятъ. Я вся въ долгу!

— Уже! А много?—спросилъ Панасъ.

— Карбованцевъ съ тридцать!

Панасъ сѣлъ и задумался. Онъ рѣшилъ въ душѣ своей, что Соньку необходимо выкупить. Ему почему-то хотѣлось оказать ей большую услугу. Въ ней было для него что-то родное. Вотъ онъ встрепенулся и откинулъ назадъ волосы.

— Э, будутъ! Умру, а будутъ!—рѣшительно сказалъ онъ, и въ одно мгновеніе въ головѣ его возникъ дикій, смѣлый, рѣшительный планъ.

— Э! все равно — пропадать! Такъ ужъ пусть будетъ за что! Хуже моей славы не наживешь! — и онъ сильно тряхнулъ головой, какъ бы въ знакъ того, что ему нисколько не жаль этой самой головы.

Въ эту ночь Панасъ отсталъ отъ своихъ товарищей.

Когда онъ разстался съ Сонькой, ихъ уже не было. Онъ не пошелъ на пристань. Охваченный теплотой южной ночи и отуманенный винными парами, онъ чувствовалъ позывъ къ какому-нибудь рѣшительному, опасному дѣлу. Онъ по-

шелъ за городъ и, дойдя до слободки, повернулъ къ Параскиной лачугѣ. Тамъ было тихо и темно.

«Должно-быть, заснули голодныя!—подумалъ Панасъ:— и выпить было нечего!»—прибавилъ онъ, и ему стало жаль мамку и Фроську, потому что имъ нечего было выпить.

Онъ постучалъ въ окно. Вышла Фроська.

— Мамка спитъ?—шопотомъ спросилъ Панасъ.

Фроська кивнула головой.

— Слушай!—и Панасъ сталъ быстро говорить ей что-то почти на ухо. Фроська только кивала головой и принимала къ свѣдѣнію.

— Смотри же! У старой мельницы. Раньше зари! Я сейчасъ иду. Онъ вѣрный?—спросилъ Панасъ въ заключеніе.

— О! Все одно, какъ ты самъ для себя! — отвѣтила Фроська.

Она была блѣдна и дрожала. Хоть она и была готова на все, но это ужъ было нѣчто очень крупное и опасное.

— Смотри же! Потому — я пропаду, такъ и тебѣ не сдобровать. Да и всѣ вы тогда прахомъ пойдете!..

Панасъ сдѣлалъ уже шагъ, чтобъ идти, но въ это время Фроська пошатнулась и отскочила въ сторону, точно отброшенная какой-то посторонней силой. Панасъ почувствовалъ, что чья-то рука вцѣпилась въ его руку. Онъ оглянулся и увидѣлъ Параску.

— Ой, Панасъ! Не ходи! Голубчикъ, не ходи туда!— шептала она, въ то время какъ Панасъ дѣлалъ усиліе вырваться.

— Что вы, мамка? Спятили, что ли? Пустите! — грубо отвѣчалъ Панасъ.

Но Параска, повидимому, рѣшилась употребить всѣ силы, чтобъ удержать его.

— Не ходи, Панасъ! Я знаю, куда ты идешь! Вы тутъ шептались, думали — я сплю! А я все слышала! Ой, не ходи, не ходи! Послушай свою старую, пьяную мамку!.. Пана-асъ!

Панасъ порывисто двинулся впередъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ; Параска свалилась съ ногъ и, не выпуская его руки, тащилась за нимъ. Тогда Панасъ остановился и злобно оглядѣлъ ее.

— Пустите, мамка, а не то... — и онъ занесъ надъ ея головой правую руку, энергично потрясая кулакомъ въ воздухѣ.

— Ну, убей, ей-Богу, убей! А только не ходи!—съ от-

чаяніемъ шептала Параска.—Чуешь? Не ходи! Потому—тамъ тебѣ конецъ будетъ!.. А я все же таки мать! Пьяная, а все-таки...

Но въ это время Панасъ рванулся впередъ съ такой силой, что Параска со стономъ отскочила въ сторону.

— Не хо-ди! Пана-асъ! — прохрипѣла она вслѣдъ ему, но онъ уже не оглядывался.

— Пьяная дура!—сердито проворчалъ онъ.—Жрать нечего, а туда же лѣзетъ! — и онъ скорыми шагами направился къ бѣлѣвшей невдалекѣ большой дорогѣ.

Онъ шелъ хорошо знакомой дорогой, въ Панычево. Вонъ внизу показались панычевскія плавни; вонъ виденъ помѣщичій садъ, а вонъ и батюшкинъ домъ съ обширнымъ городомъ, и Панасъ зашелъ со стороны горда. Когда онъ подошелъ къ воротамъ, къ нему свирѣпо кинулась стая собакъ, но въ ту же минуту, не успѣвъ издать ни одного звука, онѣ узнали своего прежняго повелителя и завиляли хвостами. Барбосъ съ восторгомъ кидался къ нему на плечи и лизалъ ему щеки. Панасъ остановился и принялся разглядывать, что дѣлается на городѣ. По его соображеніямъ, въ теплую осеннюю ночь кони не должны были оставаться въ конюшнѣ. Имъ мѣсто было на дворѣ, подъ открытымъ небомъ, у скирды свѣжаго сѣна. Тутъ же неподалеку долженъ спать Степка, въ качествѣ сторожа. Но Панасъ очень хорошо зналъ, что это былъ за сторожъ. Проснуться среди ночи его заставишь развѣ раскаленнымъ желѣзомъ. Онъ прошелъ на городъ. Все оказалось такъ, какъ онъ разсчитывалъ. Тройка лошадей мирно жевала сѣно у скирды, изъ-за которой таинственно раздавался счастливый храпъ Степки. Добыча сама лѣзла въ руки. Панасъ, какъ хозяинъ, отвязалъ лошадей, но увидѣлъ, что на нихъ нѣтъ уздечекъ, а только «оборотьки», которыми нельзя зануздать. Безмятежный сонъ Степки, пріятельская встрѣча съ собаками и остатки хмеля — все это породило въ немъ какую-то преувеличенную храбрость. Онъ вновь привязалъ коней, направился въ конюшню, захватилъ пару уздечекъ и вернулся на городъ. Все это онъ дѣлалъ съ толкомъ, не спѣша, не какъ воръ, а какъ человѣкъ, желающій совершить свое дѣло основательно. Среди двора, съежившись, спала какая-то баба, должно-быть — Улита. Она проснулась и подняла голову, но потомъ опять опустила ее и продолжала спать. Очевидно, она приняла Панаса за Степку. Еще бы! Какой же воръ станетъ такъ

смѣло расхаживать по двору? Да никому это не пришло бы и въ голову. Панасъ снялъ «обротьки» и на мѣсто нихъ надѣлъ уздечки и тихо повелъ пару коней въ ворота, которыя выходили въ поле. Изъ-за скирды же продолжалъ раздаваться безмятежный храпъ Степки. Въ степи онъ взлѣзъ на одного изъ коней и, искусно намотавъ на руку конецъ уздечки другого, помчался безлюдной степью нѣсколько наискось отъ города.

«Ха-ха! — смѣялся онъ. — Ну, сторожа же! Ха-ха! Попробовалъ бы кто это сдѣлать, когда я былъ у нея!.. Взялъ бы, какъ же! Да я бы ему обѣ руки оторвалъ, а не далъ бы!..»

И Панасъ всю дорогу издѣвался надъ Степкой по поводу того, что тотъ не оторвалъ ему рукъ.

У старой мельницы, что безъ всякаго дѣла торчала на сѣверъ отъ города, на разстояніи версты отъ него, — Панасъ передалъ свою добычу «вѣрному человѣку». «Вѣрный человѣкъ», по всѣмъ признакамъ, принадлежалъ къ цыганскому племени, члены котораго цѣлымъ лагеремъ палатокъ раскинулись за городомъ, занимаясь днемъ кузнечнымъ мастерствомъ, причемъ, кажется, по цѣлымъ недѣлямъ ковали все одну и ту же подкову, потому что никто не давалъ имъ работы,—а ночью воровствомъ, чѣмъ собственно и питались. «Вѣрный человѣкъ» былъ крупный и плечистый дѣтина, съ курчавой головой и длинными усами на темномъ лицѣ. Когда онъ смѣялся, два ряда бѣлыхъ, какъ молоко, зубовъ его поражали своей красотой. На немъ былъ длинный синяго цвѣта кафтанъ и черная барашковая шапка. Панасъ молча передалъ ему коней.

— Я тебя видѣлъ! — сказалъ «вѣрный человѣкъ»: — у Фроськи! Ты выходилъ, а я входилъ!..

— А-га!—разсѣянно отвѣтилъ Панасъ:—дѣло вѣрное?

— Какъ тò, что мы съ тобой въ первый разъ разговариваемъ! Дай Богъ, чтобъ не въ послѣдній! Барыши пополамъ!

И «вѣрный человѣкъ» сѣлъ на коня и исчезъ во мракѣ. Панасъ шелъ по направленію къ Параскиной хатѣ.

VIII.

Панычевскія событія.

Панасъ уже больше не заглядывалъ на пристань. Трудно было сказать, гдѣ находилось его постоянное мѣстопребываніе.

Его можно было видѣть на базарѣ, въ Параскиной лачугѣ, въ кабакахъ и публичныхъ домахъ, а если приглядѣться попристальнѣе, то и среди степи въ ночное время, бѣшено скачущимъ на лошади. Онъ не имѣлъ ни постояннаго пристанища, ни опредѣленнаго источника доходовъ. Но источники тѣмъ не менѣе у него были, и притомъ очень капризные, какъ о томъ свидѣтельствовалъ его внѣшній видъ. То онъ являлся въ Параскину землянку въ новомъ кафтанѣ изъ темно-синяго сукна, въ большихъ сапогахъ и даже въ сорочкѣ съ манжетами. Тогда онъ походилъ на заѣзжаго купца, пріѣхавшаго издалека скупать товары мѣстнаго производства. И этотъ костюмъ очень шелъ къ его смуглому лицу, кафтанъ плотно стягивалъ его талію и выпрямлялъ спину, привыкшую гнуться подъ тяжестью кулей на пристани. Въ другой разъ на немъ висѣли жалкіе остатки холщевой одежды носильщика, потому что свой купецкій костюмъ онъ закладывалъ въ кабакѣ. И въ этой грязной одеждѣ онъ ходилъ, не смущаясь, до тѣхъ поръ, пока новая удача не позволяла выкупить изъ кабака кафтанъ и сапоги. Знакомства его сосредоточивались преимущественно въ томъ мѣстѣ, гдѣ цыгане раскинули свои шатры. Во многихъ палаткахъ онъ проводилъ время, какъ свой человѣкъ, но больше всего водился съ «вѣрнымъ человѣкомъ», потому что онъ дѣйствительно оказался вѣрнымъ и добросовѣстно дѣлилъ добычу пополамъ, принимая на себя весь рискъ предпріятія. Сонька была выкуплена, но неизвѣстно, получился ли отъ этого какой-нибудь толкъ. Она хотѣла жить съ Панасомъ, слѣдовать за нимъ по стопамъ, раздѣлять его участь, но это было невозможно. Ремесло Панаса заставляло его не имѣть опредѣленнаго пристанища, да и Панасъ вовсе не имѣлъ желанія повсюду таскать ее за собой. Пришлось помѣститься ей у Параски.

Здѣсь, въ Параскиной лачугѣ, произошли большія перемѣны. Землянка была заново вымазана извнѣ и изнутри. Въ окна, на мѣсто сахарной бумаги, были вставлены настоящія стекла. Въ самой хатѣ полъ былъ тщательно вымазанъ желтой глиной, и на немъ появилась мебель: столъ, лавка, двѣ кровати, кой-какая посуда. Въ исправленной печи каждый день топилось и варилось, и Панасъ могъ утѣшиться, что идеалъ житья, котораго онъ искалъ для мамки, осуществился. И какъ же весело было въ этой хатѣ! Чуть только успѣло закатиться солнце, хата наполнялась

гостями. Это были по преимуществу люди военные, въ числѣ которыхъ засѣдалъ и Заковырка со своимъ пріятелемъ. На столѣ появлялся штофъ, а въ запасѣ имѣлся другой. Была тутъ и закуска. И вотъ начиналась попойка, кончавшаяся къ утру, когда гости и хозяева, охрипнувъ отъ криковъ, ругательствъ и пѣсенъ, потерявъ сознаніе, сваливались въ общую кучу и засыпали, слабо отличая мужчину отъ женщины. Сонька какъ нельзя больше вошла во вкусъ такого времяпрепровожденія и находила, что веселѣй этой жизни нельзя сыскать. Она даже нисколько не претендовала на Панаса за то, что тотъ не обращалъ на нее вниманія, и скромно довольствовалась Заковыркой. Панасъ же, между тѣмъ, никогда не присутствовалъ на этихъ попойкахъ. Онъ теперь боялся многолюднаго общества, находилъ другія, болѣе безопасныя мѣста, гдѣ не менѣе весело, чѣмъ Параскины гости, проводилъ время, а неизмѣннымъ компаньономъ его былъ «вѣрный человѣкъ», который никакъ не хотѣлъ выпустить его изъ рукъ и ради этой цѣли предоставлялъ въ его распоряженіе и свой шатеръ, и свою жену, и свою черноглазую дочку.

Одинъ только разъ собрался онъ къ Степанидѣ. Это было осенью. Въ глубокую осеннюю ночь онъ пробрался въ Панычево и постучался къ ней. Какъ она была поражена его видомъ! Сначала она-было не узнала Панаса въ его молодецкомъ кафтанѣ, въ панской сорочкѣ и съ большимъ серебрянымъ перстнемъ на рукѣ. Но потомъ она быстро сообразила, что произошло нѣчто недоброе. И вдругъ къ ней вернулся тотъ страхъ, который она впервые ощутила, когда онъ явился къ ней носильщикомъ.

— Не узнала? — спросилъ Панасъ. — Это — матушкины кони! Что? Поблѣднѣла? Трясешься? А-га!..

— Матушкины?!—тихо переспросила Степанида.—А можетъ, и помѣщичьи, и Мурашкины, Воденюковы?.. А?

— А можетъ и... можетъ. А ты помалкивай!—грубо произнесъ онъ и кинулъ въ ея сторону сердитый взглядъ.

Въ послѣдніе два мѣсяца дѣйствительно были уведены кони у помѣщика, у Мурашки и у Воденюка.

— Гдѣ жъ ты живешь теперь?—спросила Степанида.

— Гдѣ я живу? Нигдѣ! Развѣ такому, какъ я, полагается?.. Хе! Такъ, гдѣ случится!.. На слободкѣ, все тамъ!.. Хату подмазали! Ничего, веселѣй стало! Пьянствуютъ!..

Панасъ замолчалъ и принялся что-то обдумывать.

— А ты, Степанида, не бросишь?—спросилъ онъ.

— Кого?

— Хату свою и Панычево, и всю эту дрянь? Ишь, они, должно-быть, грызутъ тебя, окаянный народъ!.. Вонъ какая ты стала! Смотрѣть больно!..

Степаниду дѣйствительно «грызли». Въ селѣ уже открыто говорили, что она живетъ съ Панасомъ, что Панасъ заходитъ къ ней по ночамъ, и что, чего добраго, она помогаетъ ему укрывать ворованное добро. И Панасъ говорилъ правду, что на нее больно было смотрѣть,—такъ она постарѣла и похудѣла за эти послѣднія недѣли.

— Нѣтъ, не брошу!—тихо отвѣтила она.

— А я бы тебѣ въ городѣ славную хату нашелъ!.. Часто заходилъ бы... Бросай, Степанида!.. Чуешь?

— Не брошу я!.. Знаешь, Панасъ!.. Не ходи ты ко мнѣ!.. Позабудь!.. Или брось это дѣло поганое!.. Лучше брось!.. Ей-Богу, брось!.. Тогда я пойду съ тобой, куда хочешь! На край свѣта пойду!..

Панасъ всталъ и выпрямился во весь ростъ.

— Боишься, значитъ?! — злобно промолвилъ онъ. — «Брось и иди мѣшки таскать!» Ха! ха! Н-нѣтъ, я не брошу! Не для чего мнѣ бросать! Все равно — теперь нигдѣ не примутъ! Уже обезславили Панаса на всю губернію!.. А кто обезславилъ? Свой же братъ-мужикъ! И еще когда я ему никакого зла не сдѣлалъ!.. Нѣтъ, они меня еще не узнали, а узнаютъ! Я покажу имъ, что̀ я такое! Ежели кричатъ они всюду про Панаса, что онъ—воръ и разбойникъ, такъ пускай же такъ оно и будетъ!.. Прощай, Степанида!.. Пускай тебѣ Богъ дастъ всякаго добра!.. Не буду я больше безславить тебя!

Степанида неслышно плакала, закрывъ лицо руками, но у нея не хватило силъ остановить его. Съ замирающимъ сердцемъ глядѣла она ему вслѣдъ, когда онъ выходилъ изъ хаты, и слышала скрипъ запирающейся двери. Она поняла, что все кончено, кромѣ позора, который навсегда останется связаннымъ съ ея именемъ. Поняла она и то, что теперь ужъ не нужна была Панасу. И по мѣрѣ того, какъ въ ея душу проникало это сознаніе, въ сердцѣ подымалась и закипала злость. Гигантски-быстро выростала эта злость, и вотъ она ужъ охватила ее всю и мигомъ высушила слезы на ея глазахъ. Нѣтъ, она уже не могла плакать. Всѣми силами души своей она теперь ненавидѣла Панаса, ради котораго такъ легкомысленно опозорила свое

доброе имя и который теперь выбросилъ ее, какъ ненужную, истершуюся тряпку.

А позоръ ея былъ великъ. Всѣ проклятія, вызванныя несчастьями послѣдняго времени въ Паныческѣ, сыпались на ея голову, потому что ея голова была ближе, чѣмъ виновная голова Панаса. На нее указывали пальцами, съ ней не хотѣли разговаривать.

А событія въ Паныческѣ приняли угрожающій характеръ. Началось это съ батюшкиной пары. Матушка ни на минуту не сомнѣвалась, что это была «Панасова штука». Кому же больше? Кто такъ хорошо знаетъ ея домашніе порядки, характеръ Степки и даже помѣщеніе уздечекъ? Въ особенности уликой Панасу служило смѣлое похищеніе уздечекъ изъ конюшни. Наконецъ, кому бы позволили ея собаки безпрепятственно увести коней? Всѣ знали, что̀ это были за собаки. Попадись имъ — въ клочья разорвутъ. Итакъ, было ясно, какъ день, что кони уведены Панасомъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ не стало тройки въ помѣщичьей конюшнѣ, и всякіе розыски оказались безуспѣшными. «Слава Богу, мужика не трогаетъ»—утѣшались промежъ себя паныческцы и были нѣсколько поражены, когда исчезло по парѣ коней сначала у Мурашки, а потомъ у Воденюка. Тогда паныческцамъ оставалось только одно утѣшеніе: Мурашка и Воденюкъ были мужики богатые. Но вотъ разносится слухъ объ исчезновеніи лошади у одного хозяина средней руки, потомъ у другого, у третьяго... Очевидно, воръ уже больше не хотѣлъ отличать богатаго отъ бѣднаго. Тогда въ Паныческѣ поднялся вопль. Озлобленіе увеличивалось еще вслѣдствіе того, что въ числѣ пострадавшихъ не было ни Ицки, ни Шлемы, и почтенные кабаковладѣльцы, повидимому, даже не боялись, что ихъ ожидаетъ общая участь. Ихъ клячи стояли въ ночное время на городѣ подъ открытымъ небомъ безъ всякихъ сторожей и оставались неприкосновенными. Между тѣмъ, у мужиковъ уводили послѣднюю лошадь изъ-подъ носа. «Э, проклятые іуды! Должно-быть, у нихъ тутъ руки не чисты!»,—говорили мужики и зорко слѣдили за кабатчиками, но ничего не услѣдили.

Съ легкой руки матушки рѣшительно всѣ были увѣрены, что эти недобрыя дѣла принадлежатъ Панасу. Мало-помалу начали сговариваться о мѣрахъ сообща и однажды собрали даже для этой цѣли сходъ. На сходѣ выяснилось, что къ поимкѣ Панаса нѣтъ никакихъ путей. Больно ужъ

ловко онъ обдѣлывалъ свои дѣла. Ужъ кажется, и стерегли, и запирали въ сараи, и дежурили по ночамъ,—а онъ все таскаетъ да таскаетъ. Самое большое зло въ томъ, что онъ—свой человѣкъ, что въ Панычевѣ онъ выросъ и знаетъ всѣ закоулки и порядки. Его знала и жаловала вся деревенская псарня, такъ что собаки не только не оказывались сторожами, а можно сказать, помогали вору. И сходъ ровно ни къ чему не пришелъ бы, если бъ не выступилъ изъ толпы одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ мужиковъ, и притомъ недавно самымъ безчеловѣчнымъ образомъ ограбленный. У него увели лошаденку, которая была единственнымъ его достояніемъ и съ потерей которой у него опустились руки. Звали его Яковомъ Майбородой. Это былъ мужикъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, костлявый и некрасивый, съ лицомъ пепельнаго цвѣта и жиденькой, бѣлявой бородкой. Онъ глуповато щурилъ свои маленькіе глаза и сильно заикался. Выйдя изъ толпы, онъ поманилъ рукой, словно подзывая къ себѣ земляковъ для секретной бесѣды. Потомъ онъ нервно закивалъ головой, что дѣлалъ всегда, когда хотѣлъ что-нибудь сказать, и наконецъ вымолвилъ:

— Ст... Ст... Степ-панида!...

И въ этомъ состояла вся его рѣчь. Всего одно слово сказалъ Яковъ Майборода, но этого было довольно, чтобъ въ головахъ всѣхъ земляковъ разомъ возникла геніальная мысль.

— Правда! Правда! — слышались тихіе голоса. — Она знаетъ! Ее надо прижучить!.. Гляди же, земляки, помалкивай!.. До ночи!..

Отрывочныя замѣчанія въ такомъ родѣ переходили изъ устъ въ уста, и какъ-то само собой рѣшилось и всѣми было понято, что необходимо дѣйствовать черезъ Степаниду. Земляки разошлись со схода молча, какъ заговорщики, и во весь этотъ день самымъ добросовѣстнымъ образомъ избѣгали всякаго разговора съ бабами, боясь обмолвиться о мірскомъ рѣшеніи. Вѣдь бабѣ только слово скажи—какъ въ ту же минуту весь свѣтъ узнаетъ и то, что есть, и то, чего никогда не было и не будетъ.

Степанида была уже въ постели, когда ей почудилось, что раздались сильные удары въ дверь. Она схватилась и, впопыхахъ накинувъ на себя кое-какъ верхнее платье, зажгла свѣчу. Это, конечно, не Панасъ пришелъ. Онъ никогда не стучитъ такъ громко. Или, можетъ-быть, онъ напился и пришелъ за тѣмъ, чтобъ окончательно нанести ей

позоръ на всю деревню? Удары повторились сильнѣе. Она пошла въ сѣни и отперла дверь. Толпа земляковъ ввалилась съ разгону и чуть не свалила ее съ ногъ. Они были въ полушубкахъ, съ батогами и дубинами въ рукахъ. Степанида почувствовала, что у нея какъ будто останавливается дыханіе, она онѣмѣла и не могла произнести вопроса.

— Доброй ночи, Ковалиха!—промолвило нѣсколько голосовъ разомъ. — Вотъ... мы къ тебѣ честью пришли!.. Эй, братцы! Поддержи ее!..

Поддержка была необходима, потому что Ковалиха, блѣдная, обезсиленная, зашаталась и готова была упасть. Ее поддержали и повели въ хату. Здѣсь усадили ее на лавку. Она оправилась и уставила глаза на гостей, словно собираясь внимательно слушать.

— Слухай, Ковалиха! Грѣхъ твой всему селу извѣстенъ... Мы тебя не осуждаемъ и пришли, говоримъ, честью... Ты одна это можешь...

— Что̀ я могу?—почти прошептала Степанида, не спуская глазъ съ говорившаго.

— Можешь ты довести насъ до этого разбойника, грабителя, который все село помутилъ... Честью мы тебя просимъ!..

Степанида тупо смотрѣла на нихъ, какъ будто не понимала, въ чемъ дѣло.

— Честью, Степанида, честью!—повторяли мужики.

Но Степанида не двигалась.

— А коли не хочешь честью, такъ и силой возьмемъ!—послышался громкій, грубый голосъ изъ толпы.

— Силой?..—Степанида соскочила съ лавки.—А что ты съ меня силой возьмешь? А? Меня?.. возьмешь! А языкъ, языкъ... можешь ты заставить его сказать слово? А?

И она гордо оглядѣла всѣхъ своихъ незваныхъ гостей. Мужики укоризненно поглядѣли на своего товарища.

— Силой мы не хотимъ! Это онъ пустое смололъ!.. А ты посуди: онъ, прямо какъ звѣрь лютый, ограбилъ всю деревню. У самаго бѣднаго мужика послѣднюю коняку увелъ!.. Какъ же онъ послѣ того не воръ, не грабитель? Да и тебя, Степанида, онъ броситъ... Это ты ужъ повѣрь намъ!..

— Меня?.. Уже бросилъ!..—какъ-то непроизвольно вырвалось у нея.

— Вотъ то-то оно и есть!..

— А если я сама не знаю?.. Я никогда не была у него!..

— Ну, какъ же тебѣ не знать, Степанида? Не была, такъ онъ тебѣ сказывалъ!.. Нельзя же безъ того!.. Ты намъ хотя слѣдъ покажи!..

Они не замѣчали, что у Степаниды въ это время былъ почти безумный взглядъ. Никто изъ нихъ не зналъ, что̀ накопилось у нея въ душѣ съ тѣхъ поръ, какъ Панасъ въ послѣднiй разъ былъ у нея, какая буря тамъ клокотала и сколько разъ ей приходила въ голову мысль—пойти отыскать его, сдавить ему горло за то, что онъ опозорилъ ее и бросилъ, какъ ненужную вещь,—бросилъ такъ легко, будто зналъ ее всего одинъ день и словно она не отдала ему свою честь, свою душу и всю себя. Обрадовался, что она сказала ему тогда: «не ходи ко мнѣ», точно не зналъ, что она не остановилась бы передъ позоромъ и всюду пошла бы за нимъ, если бъ видѣла, что онъ этого хочетъ. И въ эту минуту въ головѣ у нея возникла мысль—разомъ отомстить ему за весь свой позоръ, а тамъ... Тамъ уже конецъ придетъ самъ собой.

Она молча, порывисто напяливала свитку и платокъ и надѣвала башмаки.

— Ѣдемъ!—крикнула она, и земляки разступились передъ ней и дали ей дорогу.

Пять телѣгъ, нагруженныхъ мужиками, мчались по направленiю къ городу. На передней сидѣла Степанида. Она молчала, и никто не рѣшался заговорить. Земляки понимали уже, что Ковалиха находится въ какомъ-то особенномъ состоянiи изступленiя, что «на нее нашло». Каждый боялся своимъ неосторожнымъ словомъ «привести ее въ разсудокъ». Вотъ уже видна слободка, и Степанида видитъ, что въ одной изъ землянокъ слабо мелькаетъ огонь. Она припоминаетъ частыя описанiя Панаса и рѣшаетъ, что это, должнобыть, и есть Параскина хата.

— Тамъ! — говоритъ она совсѣмъ тихимъ голосомъ, словно боится, что этотъ звукъ долетитъ до землянки и предупредитъ Панаса. Телѣги остановились, и пятеро мужиковъ пошли на огонекъ.

Нужно же было именно въ эту ночь Панасу придти ночевать къ мамкѣ. Онъ сидѣлъ за столомъ въ своемъ франтоватомъ нарядѣ; бабы уже расположились на кроватяхъ. Когда запертая дверь съ трескомъ разлетѣлась и передъ нимъ, словно изъ земли, выросли пять знакомыхъ лицъ—и все это были дюжiе молодцы, Панасъ не только не струсилъ, а даже разсмѣялся. Трусить или предпринимать что-

нибудь было поздно. Бабы даже не крикнули, а какъ-то безсознательно спрятали головы подъ подушки и, притаивъ дыханіе, замерли.

— Нашли-таки! Надыбали! — съ стоическимъ равнодушіемъ промолвилъ Панасъ и съ дѣланнымъ достоинствомъ далъ связать себя канатомъ.

Во все время, пока его вязали, онъ старался показывать полное равнодушіе и презрѣніе къ опасности, ожидавшей его.

— А-га! Не бойтесь, узнали, что̀ такое Панасъ! Ха-ха! Шкуры заболѣли! Я вамъ показалъ себя!.. А тогда всѣ набросились, какъ на паршивую собаку!.. Ха-ха!..

Но такія благородныя рѣчи не мѣшали лицу его быть мертвенно-блѣднымъ, а голосу дрожать. Въ сущности онъ зналъ, какая пытка ожидаетъ его, и ясно представлялъ себѣ весь ея ужасъ. Мужики дѣлали свое дѣло молча, а когда привели его къ товарищамъ и усадили на заднюю телѣгу, то замолчалъ и Панасъ. Здѣсь онъ окончательно упалъ духомъ, его покинула вся напускная храбрость.

Еще бѣшенѣй помчались кони въ обратный путь, словно чуяли, что везутъ для возмездія своего кровнаго врага.

Верстахъ въ двухъ отъ Панычева, среди необозримой степи, мужики слѣзли съ возовъ — и началась расправа. Повозка на которой сидѣла Степанида, стояла въ сторонѣ, и Панасъ не видѣлъ своей милой. А Степанида жадными, пылающими глазами слѣдила за всѣмъ, что происходило. Всякій, случайно взглянувшій на нее въ этотъ моментъ, не затруднился бы сказать, что она—безумная.

Она видѣла, что появилась «мазница» съ дегтемъ, что между Панасомъ и земляками происходила отчаянная борьба, слышала потомъ частые удары батога, отчаянные крики Панаса и неистовыя ругательства земляковъ, въ которыхъ припоминались всѣ преступленія Панаса, всѣ изъяны, какіе онъ нанесъ вскормившему его селу; припоминалось и то, что онъ «опозорилъ и бросилъ молодицу, которая была примѣромъ прочимъ».

— А-га-га-а!—раздался среди ночной темноты бѣшеный женскій крикъ, и Панасъ, несмотря на удары, ругательства и страшную боль, услышалъ этотъ крикъ и оглянулся.

Въ темнотѣ ему почудился образъ Степаниды, вся ея фигура во весь ростъ, стоящая на телѣгѣ. Онъ сжалъ кулаки и заплакалъ отъ злости, потому что понялъ все, понялъ ту роль, которую играла его любовница въ этой исторіи.

Но Степаниды уже не было на телѣгѣ. Путаясь въ собственномъ платьѣ и спотыкаясь на каждомъ шагу, не видя впереди ничего, кромѣ своего позора, который, наконецъ, ея собственнымъ предательствомъ былъ доведенъ до послѣдняго предѣла, она мчалась туда, гдѣ берегъ Днѣпра былъ наиболѣе высокъ и каменистъ и гдѣ внизу нельзя было различить ничего, кромѣ грознаго шума вѣчно катящейся волны. Добѣжавъ до берега, она остановилась только на одно мгновеніе для того, чтобъ осѣнить себя крестомъ, и тотчасъ же вмѣстѣ съ своимъ позоромъ похоронила и себя въ днѣпровскихъ волнахъ.

Панаса оставили на волѣ, и только ему извѣстно, съ какими муками къ утру доползъ онъ до шатра «вѣрнаго человѣка»—обнаженный, избитый, измазанный дегтемъ и укатанный въ пыль, смѣшанную съ пескомъ, и какой обѣтъ далъ онъ себѣ въ ту ужасную ночь.

Съ тѣхъ поръ прошла цѣлая зима, и настала новая весна, такая же молодая и зеленая, какъ и прежнія весны. Землянка Параски стояла съ заколоченными окнами и навсегда запертой дверью. Ни разу не свѣтился въ ней огонь съ той памятной ночи, когда схватили и увезли Панаса. Тотчасъ послѣ того, какъ Панаса вывели изъ хаты, бабы выбѣжали на улицу и, не помня себя отъ страха, ничего не видя во тьмѣ, разбѣжались въ разныя стороны и больше уже не встрѣчались. Фроську видѣли послѣ того на балкѣ просящей милостыню. Параску однажды нашли на улицѣ города полураздавленную извозчичьей телѣгой, подъ которую она попала въ пьяномъ видѣ. Ее привезли въ участокъ, а оттуда отправили въ больницу, гдѣ она черезъ нѣсколько часовъ отправилась на тотъ свѣтъ. Сонька долго блуждала по городскимъ улицамъ и кончила тѣмъ, что вернулась на старое мѣсто, гдѣ нѣкогда продала всю себя за кусокъ мяса и стаканъ водки.

Панаса уже больше никто не видѣлъ при обыкновенной обстановкѣ. Онъ не появлялся даже въ шатрѣ «вѣрнаго человѣка», чѣмъ приводилъ въ уныніе весь мирный цыганскій лагерь. Но однажды его увидѣли въ часъ глубокой, темной ночи эффектно освѣщеннымъ яркимъ заревомъ пожара. Эффектность картины дополнялась страшнымъ движеніемъ народа, криками, плачемъ, неимовѣрной толкотней и давкой.

Въ Паныческѣ въ эту ночь было разомъ два пожара.

Горѣли въ одномъ концѣ сараи, скирды сѣна и соломы на дворѣ матушки, въ другомъ — обильный токъ Семена Мурашки. Все смѣшалось тогда въ безумномъ движеніи, только багровое небо неподвижно глядѣло съ своей далекой вышины да Панасъ, стоя поодаль и взявшись въ бока, съ невозмутимымъ спокойствіемъ любовался дѣломъ рукъ своихъ, какъ художникъ, любующійся своимъ лучшимъ созданіемъ.

Онъ осуществлялъ обѣтъ, который далъ себѣ въ ту ночь, когда, избитый и униженный, ползъ въ шатеръ «вѣрнаго человѣка». Ему не приходила въ голову мысль убѣжать, скрыться.

Ему до боли надоѣло жалкое, преступное, обидное существованіе. Онъ боялся только одного—что его возьмутъ слишкомъ рано, не давъ доглядѣть, какъ до тла, до послѣдней соломинки сгоритъ матушкино достояніе.

Съ невыразимымъ наслажденіемъ глядѣлъ онъ на безполезныя усилія половины батюшкиныхъ прихожанъ, безъ толку разламывавшихъ крышу сарая, бѣгавшихъ съ шестами, съ вилами, кричавшихъ, охавшихъ и пытавшихся при помощи ведеръ затушить клокочущее пламя. Вонъ Улита безсмысленно бѣгаетъ вокругъ кухни, размахивая руками и оглашая воздухъ дикими воплями. Вотъ Степкадуракъ пытается вытащить изъ загорѣвшейся конюшни пару уздечекъ, тогда какъ тройка лошадей осталась тамъ и задыхается, окруженная непроницаемымъ дымомъ, а вотъ одна изъ нихъ бѣшено вырвалась изъ пламени и, обезумѣвшая, мчится сквозь толпу, сбивая съ ногъ и раздавливая людей... Издали внимательно присматривается къ пожару знакомая фигура въ пальто со шнурами. Это—художникъ Ѳеденька. Что-то онъ теперь нарисуетъ? По двору бѣгаютъ все знакомые, все панычевцы, которыхъ онъ ненавидитъ всѣмъ сердцемъ. Всѣхъ, всѣхъ... кромѣ развѣ одного Еремы съ Мариной и Горпиной... И что-то заныло внутри у него, когда онъ вспомнилъ объ этихъ людяхъ... Ни позоръ, ни пьянство, ни развратъ — ничто, ничто не могло заглушить въ немъ теплаго чувства благодарности къ этимъ людямъ за одинъ, всего только одинъ въ его жизни день, вполнѣ счастливо и беззаботно проведенный въ ихъ бѣдной хатѣ.

Наконецъ, его замѣтили. Вся нестройная толпа, казалось, на мигъ позабыла о пожарѣ и кинулась въ ту сторону, гдѣ стоялъ Панасъ. Странное дѣло! На него не накинулись, не прокололи его вилами, не разорвали его на

части. Видъ его глубоко поразилъ панычевцевъ. Они никогда не видѣли такого худого, изможденнаго, страдальческаго лица, такихъ блестящихъ большихъ глазъ, такой жалкой, изодранной одежды. Онъ походилъ на страшное привидѣніе, и многіе изъ панычевцевъ, глядя на него, дрожали, вспоминая давнишнюю рыбную ловлю и мысленно спрашивая себя—ужъ не былъ ли тогда къ нимъ посланъ дьяволъ въ образѣ человѣка?

— Берите, земляки! Будетъ съ меня! Э-эхъ! Теперь хотя бы опять въ ополонку!—промолвилъ Панасъ сухимъ, беззвучнымъ голосомъ.

Многіе отвернулись, другіе, сами не зная отчего, заплакали, а третьи крестились, но нашлись и благоразумные люди, которые подошли къ Панасу и взяли его.

На этотъ разъ онъ былъ переданъ властямъ.

Въ этомъ же году на одной изъ художественныхъ выставокъ столицы появились двѣ картины, принадлежавшія кисти Ѳеденьки. Одна называлась «Нищій», другая—«Поджигатель». Въ чертахъ лица героевъ той и другой публика находила сходство. Картины привлекли общее вниманіе, автора называли молодымъ талантомъ, подающимъ большія надежды.

ЖЕНЫ.

ЖЕНЫ.

(Разсказъ.)

I.

Отецъ Харитонъ вернулся отъ вечерни въ очень пріятномъ настроеніи. Положимъ, онъ и вообще принадлежалъ къ людямъ, которымъ земля кажется самымъ лучшимъ мѣстомъ во всей вселенной, а жизнь на землѣ—самой удачной выдумкой, къ людямъ, которые вполнѣ довольны нынѣшнимъ днемъ и потому никогда особенно не заботятся о завтрашнемъ, къ людямъ, относительно которыхъ никакъ нельзя разобрать, почему они никогда не дѣлаютъ вреда ближнимъ: потому ли, что они добры, или потому, что имъ лѣнь поднять для этого руку.

Солнце только-что зашло, но было такъ свѣтло, словно его на минуту заслонило мимолетное облачко. Начался длинный лѣтній вечеръ, съ шумливымъ говоромъ птицъ, прилетавшихъ съ поля и торопливо разсказывавшихъ другъ другу свои дневныя приключенія, разсаживаясь въ то же время по гнѣздамъ на ночлегъ, съ прозрачно-розовыми клочками облаковъ на западѣ, постепенно темнѣющими и незамѣтно сливающимися съ цвѣтомъ ночного неба, съ тихо загорающимися звѣздами, съ прозрачно-сѣроватымъ воздухомъ, пропитаннымъ прянымъ ароматомъ полевой зелени, почуявшей вечернюю прохладу послѣ знойнаго дня, когда она вся изнывала и млѣла, затаивъ дыханіе, и вдругъ принялась теперь дышать дружно и свободно. Чудный лѣтній вечеръ!

Посреди небольшого дворика, чистаго, только-что выметеннаго церковнымъ сторожемъ Трифономъ, который съ

одинаковымъ искусствомъ владѣлъ трезвономъ и метлой и такимъ образомъ, какъ самъ онъ выражался, угождалъ и Богу и мамонѣ, т. е. служилъ церкви и матушкѣ,—стоялъ четырехъугольный столикъ, два стула и простой табуретъ. На столѣ была чайная посуда, сдобные коржики и сливки, а на табуретѣ въ то самое время, когда батюшка входилъ во дворъ, появился шипящій самоваръ. Здоровая, краснощекая Олена, въ работѣ не отличавшаяся слишкомъ большимъ рвеніемъ и торопливостью, всякій разъ, когда несла впереди себя кипящій самоваръ, почему-то мчалась полной рысью, причемъ переливавшійся черезъ верхъ кипятокъ попадалъ ей прямо на босыя ноги, а это дѣйствовало на нее такъ, какъ будто сзади хлестали ее кнутомъ, и она еще больше прибавляла прыти.

Поставивъ съ разгону самоваръ на табуретку и увидавъ отца Харитона, который стоялъ уже у крыльца снявъ рясу и разстегнувъ кафтанъ, — она побѣжала къ нему тѣмъ же стремительнымъ шагомъ и съ такимъ видомъ, словно собиралась и его схватить подъ-руки и, какъ самоваръ, снести къ столу и швырнуть на стулъ. Но она ограничилась тѣмъ, что взяла у отца Харитона рясу, шляпу и палку и унесла все это въ домъ. Отецъ Харитонъ сказалъ ей вслѣдъ:

— Кликни матушку! Скажи, что я пришелъ.

Затѣмъ онъ не спѣша направился къ чайному столику, сѣлъ подлѣ него и довольно благосклонно посмотрѣлъ на шипящій самоваръ, на сдобные коржики и на жирныя сливки.

Отецъ Харитонъ столь же благосклонно смотрѣлъ не только на эти завѣдомо вкусныя вещи, но и на все на свѣтѣ. Объ этомъ можно было догадаться уже по одной его наружности. У человѣка съ мало-мальски тронутой печенью никоимъ образомъ не могло быть такого дивнаго цвѣта лица, какимъ обладалъ отецъ Харитонъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что печень у него была превосходна. Въ самомъ дѣлѣ, его пышныя круглыя щеки походили на двѣ большія розы, и не было на нихъ ни морщинъ, ни какихъ-либо подозрительныхъ припухлостей или складокъ. Сочныя розовыя губы, казалось, были созданы для того, чтобы вѣчно благодушно улыбаться изъ-подъ густыхъ черныхъ усовъ, что онѣ и дѣлали очень часто. Смолистаго цвѣта борода, не длинная, но пышная и кудрявая, такъ хорошо оттѣняла нѣжность кожи; темные глаза смотрѣли

такимъ тихимъ, спокойнымъ, незлобивымъ взглядомъ, а густыя черныя брови дугой нимало не придавали этому взгляду суровости. Небольшой, но зато совсѣмъ открытый лобъ, а надъ нимъ — черные кудри, длинные, шелковистые и всегда старательно расчесанные, хотя это и представляло собою не малый трудъ. Ясно, что репутація красавца досталась отцу Харитону не съ вѣтру, и совершенно понятно, почему никто не хотѣлъ вѣрить, что ему было сорокъ лѣтъ. Одного только не доставало ему—высокаго роста, который такъ шелъ бы къ его львиной головѣ съ голубинымъ взглядомъ. Ростъ у него былъ только средній, благодаря чему его довольно умѣренная плотность пріобрѣтала такой видъ, будто онъ былъ толстъ, между тѣмъ какъ при высокомъ ростѣ это казалось бы какъ разъ въ мѣру.

Матушка вышла изъ дома и, остановившись на порогѣ, сладостно потянулась, заложивъ обѣ руки за голову въ видѣ кренделя.

— А я прилегла на минутку, да нечаянно и вздремнула!—промолвила она какимъ-то смутнымъ голосомъ, свидѣтельствовавшимъ, что очарованія сна еще и теперь не покинули ея, и тихими, плавными шагами подошла къ столику и сѣла.—Не знаю,—прибавила она:—далъ ли кто-нибудь безъ меня корму птицѣ... Эта лѣнтяйка Олена только и дѣлаетъ, что спитъ... Ты со сливками, отецъ Харитонъ?—спросила она, приступивъ къ разливанію чая.

— Пожалуй, и со сливками!—сказалъ отецъ Харитонъ, вмѣстѣ со стуломъ придвинувшись къ столу.

Онъ получилъ стаканъ чаю со сливками, захватилъ съ полдюжины сдобныхъ коржиковъ и съ сосредоточеннымъ видомъ принялся за питаніе. Матушка занималась тѣмъ же, и оба они, наслаждаясь этимъ здоровымъ и совершенно законнымъ удовольствіемъ, молчали, пока не осушили до дна — батюшка свой стаканъ въ мельхіоровомъ подстаканникѣ, а матушка — свою большую чашку. При этомъ количество коржей на тарелкѣ значительно уменьшилось, что также было вполнѣ естественно.

— Вотъ я говорю, Симочка, какъ судьба, говорю... тово... удивительно!—промолвилъ батюшка басистымъ, но въ то же время мягкимъ и, такъ сказать, воркующимъ голосомъ.

— А?—спросила матушка, которой лѣнь было сказать что-нибудь подлиннѣе.

— Какъ, говорю, судьба,—продолжалъ ворковать отецъ

Харитонъ:—разбросаетъ людей въ разныя стороны—того сюды, этого туды, а тамъ и опять, говорю, сведетъ...

— Ну?—продолжала матушка быть лаконичной. Сонная нѣга еще не окончательно отлетѣла отъ нея, и она, несмотря на подкрѣпленіе въ видѣ чашки чаю со сливками и коржами, еще потягивалась и позѣвывала.

— Вотъ, напримѣръ, говорю, сейчасъ бумага получена... Къ намъ въ Чурбановку второго назначили на мѣсто покойнаго отца Досифея...

— Какъ? уже назначили? Скажите пожалуйста, какъ скоро!..—воскликнула матушка съ живымъ интересомъ. Извѣстіе это, очевидно, затронуло ее глубоко, разогнало всѣ остатки сна и оживило ея лицо и голосъ.—А неизвѣстно, кого?

— Вотъ я и говорю, какъ судьба, напримѣръ...—объяснялъ отецъ Харитонъ: — мы съ отцомъ Ниломъ на одной скамейкѣ сидѣли и общія намъ книги казенныя на двоихъ выдавались... Кончили курсъ и—въ разныя стороны, говорю. Пятнадцать лѣтъ не видались, а теперь судьба, напримѣръ, опять свела... Вотъ оно что!

— Какой это отецъ Нилъ? Я что-то не помню никакого отца Нила.

— А ты и не можешь помнить его, Симочка... Ты его не знаешь. Отецъ Нилъ Благонравскій, говорю!.. Мы съ нимъ на одной скамейкѣ и общія книги!.. А теперь вдругъ судьба... Вотъ удивительно! Налей-ка мнѣ еще стаканъ, Симочка, только безъ сливокъ. Жирныя очень сливки... Да!.. Нилъ Благонравскій! Вотъ судьба, говорю!..

— Какъ же онъ назначенъ?.. То-есть въ какомъ качествѣ? Не настоятелемъ же онъ будетъ! Если ты говоришь — вмѣстѣ кончили, такъ, значитъ, равные. А какъ мы здѣсь раньше были, то слѣдственно...

— Слѣдственно — ничего!..

— Какъ ничего?

— Такъ, говорю, ничего. Объ настоятельствѣ въ бумагѣ не сказано, но тутъ, напримѣръ, можетъ быть разное.

— Какъ разное? Не тебя къ нему, а его къ тебѣ назначаютъ, ну...

— Разно, говорю, можетъ быть. Ты не понимаешь этого, Симочка. У меня, напримѣръ, набедренникъ и скуфія, а у него, можетъ случиться, камилавка есть, либо наперстный крестъ. Ну, вотъ онъ и старше, а слѣдственно и настоятель...

— Да этого не можетъ быть, отецъ Харитонъ! Какъ я не понимаю? Я отлично понимаю. Кончили, говоришь, вмѣстѣ, такъ отчего же ему быть старшимъ? Отчего жъ, я не понимаю? Ежели у него камилавка, такъ это очень просто: возьми трехъ самыхъ лучшихъ индюковъ и свези къ благочинному,—вотъ тебѣ и камилавка!.. Не можетъ онъ быть старшимъ, этотъ твой отецъ Нилъ... А ежели и назначатъ его настоятелемъ, такъ это — несправедливость, и я къ его матушкѣ все-таки не пойду, пока она ко мнѣ не придетъ!..

— Э, что тамъ загадывать?! Еще ничего не извѣстно, а она ужъ тово... А по мнѣ пускай онъ не только настоятелемъ, а хотя бы игуменомъ назывался, мнѣ все единственно. Я себѣ служу и свою часть получаю, а часть — одинакова, поровну, говорю. Чего же мнѣ?

— Еще бы! Тебѣ все — все единственно, отецъ Харитонъ. Такой ужъ ты уродился — безобидный какой-то... А я такъ не могу: у меня гордость есть!

— Э!—и отецъ Харитонъ махнулъ рукой: — Не стòитъ даже говорить объ этомъ. А я такъ весьма радъ назначенію отца Нила Благонравскаго. Весьма, говорю, радъ... Потому мы съ нимъ на одной скамьѣ и общія книги... Да, весьма радъ!..

Въ это время по двору прошла, направляясь изъ погреба въ кухню, Олена, но при этомъ у нея такъ тенденціозно отдувалось что-то подъ фартукомъ, что матушка начала пристально слѣдить за нею взглядомъ.

— Что-нибудь стибрила! Либо кусокъ сала, либо тараньку!—подозрительно проговорила она, поднялась и пошла по слѣдамъ Олены.

II.

Несмотря на то, что бумага, извѣщавшая о назначеніи въ Чурбановку отца Нила Благонравскаго, состояла всего изъ двухъ четвертушекъ и препровождалась въ обыкновенномъ «казенномъ» конвертѣ изъ скверной сѣрой бумаги, а отецъ Нилъ тянулся на новый приходъ съ женой, тещей, двумя малолѣтними дѣтьми и множествомъ хозяйственнаго скарба,—вышло такъ, что бумага прибыла всего лишь на нѣсколько часовъ раньше отца Нила и чурбановскіе обыватели въ тотъ часъ, когда на небѣ уже горѣли всѣ звѣзды и когда, слѣдовательно, вся деревня должна была отправляться на покой, видѣли какъ, по направленію къ церкви

тянулись возы съ мебелью, сундуками, посудой, вилами, граблями, словомъ, всѣмъ тѣмъ, отъ чего такъ пахнетъ хозяйственностью и домовитостью. Подобное необычное въ ночное время явленіе могло бы удивить мирныхъ обывателей Чурбановки, если бы церковный староста Лаврентій Гончаръ не сообщилъ одной бабѣ, что ожидается новый батюшка, а баба не оповѣстила все село. Такимъ образомъ, хотя ни на одномъ изъ возовъ со скарбомъ не сидѣло ничего, сколько-нибудь похожаго на духовное лицо, всѣ, кто сидѣлъ на завалинкахъ и видѣлъ движеніе возовъ, въ одинъ голосъ сказали:

— Это новый батюшка прибылъ.

Въ домѣ о. Харитона узнали объ этомъ тотчасъ же, какъ только возы пріѣхали къ мѣсту назначенія. Это легко было понять по шуму отъ передвигаемой рухляди и по говору подводчиковъ, потому что дома обоихъ чурбановскихъ священниковъ помѣщались рядомъ и то, что дѣлалось во дворѣ одного, было видно и слышно на дворѣ другого.

И вотъ въ тотъ моментъ, когда о. Харитонъ пошелъ въ кабинетъ, чтобы совершить полагающіяся передъ воскресной службой молитвы, а матушка въ спальнѣ разстегнула уже корсажъ, тогда какъ мягкая широкая постель съ свѣжимъ бѣльемъ манила ее въ свои объятія, — въ комнату вошла Олена и объявила, что новый батюшка пріѣхалъ.

— Ну, вотъ еще что̀ выдумала! Чего ему по ночамъ ѣздить?! — недовѣрчиво возразила матушка.

— А ей-Богу же пріѣхали! Самихъ еще не видно, а подводы уже здѣсь. Четыре подводы и добра, добра сколько, не приведи Богъ! — убѣждала матушку Олена.

— Удивительно! Первый разъ вижу, чтобы люди по ночамъ переѣзжали со скарбомъ, — сказала матушка съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ презрѣнія въ голосѣ: — а впрочемъ, мнѣ что за дѣло, хотя бы и въ полночь! Уходи себѣ, Олена, я спать хочу!

Матушка, конечно, и сама еще не знала, что въ глубинѣ души у нея уже завелось что-то недоброе по отношенію къ новымъ сосѣдямъ. А между тѣмъ это не подлежало сомнѣнію. Что̀ преступнаго было въ томъ, что люди, нѣсколько запоздавъ, пріѣхали ночью? Не заночевать же имъ было въ полѣ только потому, что матушкѣ никогда не приходилось видѣть людей, переѣзжающихъ ночью со скарбомъ? И тѣмъ не менѣе это простое обстоятельство искренно возмущало матушку. И потомъ эта прибавка: «мнѣ что за

дѣло, хотя бы и въ полночь»,—развѣ она не ясно показываетъ, что матушкѣ было до этого дѣло и что не дай Богъ, если бы они еще пріѣхали въ полночь, — тогда бы они окончательно вооружили противъ себя матушку.

Нечего и говорить, что корсажъ былъ вновь застегнутъ, матушка накинула на плечи легкій вязаный платокъ и пошла въ кабинетъ. Отецъ Харитонъ еще не становился на молитву; онъ сидѣлъ въ мягкомъ креслѣ и думалъ о томъ, что пора бы ему стать на молитву. На немъ уже не было кафтана, а была какая-то сѣрая полотняная куртка, широкіе штаны и высокіе сапоги.

— Ты знаешь, Тоша (такъ иногда, особенно по вечерамъ, когда близилось время отхода ко сну, матушка называла отца Харитона), ты знаешь, Тоша,—прибыли подводы твоего отца Нила! — сообщила она.

— Что? Такъ онъ пріѣхалъ?—спросилъ отецъ Харитонъ, тряхнувъ головой.

— Подводы пріѣхали, а его еще нѣтъ... Какой странный этотъ твой отецъ Нилъ!

— А что?—промолвилъ отецъ Харитонъ, въ простотѣ сердечной не замѣчавшій ни ядовитаго тона матушки, ни презрительнаго, дважды повтореннаго выраженія: «твой отецъ Нилъ».

— Да какъ же: вдругъ ночью съ четырьмя возами въѣзжаетъ! Кто жъ это ночью перевозится? Никогда этого не видала!..

— Не вижу тутъ страннаго ничего!—просто и разумно отвѣтилъ отецъ Харитонъ. — Онъ, должно-быть, пріѣхалъ на чугункѣ въ Цыбулькино, напримѣръ, ну а тамъ что же было ему дѣлать? Онъ и поѣхалъ. А тутъ ночь застигла...

— Да... Ну, а все-таки странно: переѣзжать—и вдругъ ночью! — настаивала на своемъ матушка.

Въ это время на порогѣ изъ гостиной въ кабинетъ появилась Олена. Уже одно то, что она рѣшилась войти прямо въ кабинетъ, да еще въ такой часъ, когда, какъ ей было хорошо извѣстно, батюшка стоитъ на молитвѣ, показывало, что она очень взволнована и что произошло какое-нибудь изъ ряда вонъ вы́ходящее событіе.

— Ты чего? Развѣ я тебѣ не велѣла убираться?—спросила ее матушка, но по глазамъ ея было видно, что она сильно заинтересована предстоящимъ сообщеніемъ и что для нея не было бы бо́льшей обиды, если бы Олена сейчасъ же убралась, не промолвивъ ни слова. Батюшка, при

неожиданномъ появленіи Олены, стыдливо застегнулъ свою куртку.

— Пріѣхали! — промолвила Олена задыхающимся голосомъ, будто сообщала о пожарѣ или о томъ, что воры увели тройку батюшкиныхъ коней.

— Кто тамъ такой пріѣхалъ!—съ разсѣяннымъ видомъ спросила матушка, хорошо знавшая, о комъ идетъ рѣчь.

— Новый батюшка пріѣхали! И матушка, и ихныя дѣти и еще какая-тось старая барыня,—рапортовала Олена.

— Ну и поди, поцѣлуйся съ ними!—совсѣмъ-таки сердито проговорила матушка, словно ее чѣмъ-нибудь обидѣли. Олена, никакъ не ожидавшая, что ея сообщеніе произведетъ такой неблагопріятный эффектъ, моментально стушевалась, исчезнувъ въ темнотѣ сѣней. А матушка продолжала:

— Сосѣдство, нечего сказать, послалъ Господь! Куча дѣтей, да еще какая-то старуха, должно-быть, родственница... Будетъ шляться сюда, въ горшки носъ совать и разныя сплетни разводить... Ты пожалуйста, отецъ Харитонъ, вели починить камышевую стѣну, что отдѣляетъ нашъ дворъ отъ ихняго... Тамъ свиньи продѣлали дырья, такъ ужъ эти мальчишки—у нихъ, навѣрно, куча мальчишекъ— будутъ ежеминутно лазать къ намъ и всячески гадить...

— Не понимаю я, чего ты злобствуешь! — промолвилъ о. Харитонъ, довольно, впрочемъ, спокойно пожавъ плечами:—не понимаю, говорю, причины, Симочка!.. Люди сейчасъ только пріѣхали и ничего неизвѣстно, что и какъ, напримѣръ, а ты уже и то, и другое, и третье... Можетъ, они предобрые и прелюбезные люди!?

— Нѣтъ, не лежитъ у меня къ нимъ сердце, не лежитъ!—сказала матушка: — вотъ и не знаю ихъ, никогда и не видала, а сердце не лежитъ, что подѣлаешь!

— А я такъ думаю зайти туда, съ отцомъ Ниломъ повидаться... Все-таки пятнадцать лѣтъ не видались... Однокашники...

И о. Харитонъ поднялся съ кресла съ очевиднымъ намѣреніемъ осуществить свое желаніе.

— Боже тебя сохрани! Боже сохрани, отецъ Харитонъ,— съ ужасомъ воскликнула матушка и даже всплеснула руками:—чтобы ты побѣжалъ къ нему первый, какъ какой нибудь мальчишка! Люди только-что пріѣхали, а ты уже бѣжишь... Да они, Богъ знаетъ, что возмечтаютъ о себѣ! Удивляюсь тебѣ, отецъ Харитонъ; кажется, ты умный человѣкъ и не какой-нибудь недоучка, а богословіе кончилъ; но

иногда такое сморозишь, что даже уши вянутъ! Удивляюсь! Нѣтъ, ты пожалуйста этого и не думай, чтобы бѣжать къ нему. Ни сегодня, ни завтра, ни когда тамъ... Пускай-ка онъ прежде придетъ къ тебѣ! Ты—старожилъ тутъ, а онъ—пріѣзжій... Кажется, я знаю правила приличнаго обхожденія. Такъ всѣ дѣлаютъ, а мы тоже не какіе-нибудь! Нѣтъ, это я тебѣ безъ шутокъ говорю, отецъ Харитонъ, ты и не думай объ томъ, чтобы идти къ нему... Этимъ ты меня такъ огорчишь, такъ огорчишь, что я и не знаю какъ...

Однимъ словомъ, были употреблены всѣ тѣ выраженія, которыя обыкновенно заставляли о. Харитона махнуть рукой и подчиниться. Онъ опять сѣлъ въ кресло и опять разстегнулъ свою куртку. А матушка, повторивъ еще разъ просьбу о починкѣ камышевой стѣны, пошла къ себѣ въ спальню.

Подчинившись женѣ больше изъ лѣни, чѣмъ по убѣжденію, о. Харитонъ утѣшился на томъ, что сталъ размышлять обо всемъ происшедшемъ.

«Странно, — думалъ онъ: — какъ у этихъ женщинъ все тово... неосновательно. Такъ ни съ того, ни съ этого—на-тебѣ да и только. Съ чего это Симочка вдругъ, напримѣръ, выдумала: не лежитъ сердце? Никогда въ глаза не видала, и вдругъ сердце не лежитъ... И опять — не ходи, говоритъ, правила приличнаго обхожденія не дозволяютъ. Что за правила такія, чтобы къ старому товарищу не пойти? И гдѣ это моя Симочка наслышалась объ нихъ? Кажись, живемъ мы съ нею, можно сказать, съ глазу на глазъ въ Чурбановкѣ полныхъ пятнадцать лѣтъ, и никакихъ такихъ особенныхъ правилъ не было. Такъ жили себѣ, да и только. Прямо по совѣсти... А тутъ вдругъ—правила!.. Удивительное дѣло! И любопытно знать, всѣ ли прочія дамы такія же неосновательныя, или, напримѣръ, только однѣ попадьи?.. А хотѣлось бы повидаться съ отцомъ Ниломъ. Вотъ если бы онъ самъ взялъ да и пришелъ! Славно бы было, ей-ей славно».

Да, очень хотѣлось о. Харитону повидаться съ о. Ниломъ, но, разумѣется, изъ этого ничего не вышло. Посидѣлъ онъ еще съ полчаса, размышляя о неосновательности всѣхъ вообще женщинъ и въ частности попадей, а потомъ сталъ на молитву.

III.

Въ домѣ пріѣзжаго батюшки была страшная суматоха. Нечего было думать о разстановкѣ мебели. Кое-какъ разло-

жили кровати да тюфяки, вытащили самоваръ и еще нѣкоторые самые неизбѣжные предметы и уложили дѣтей. Дѣти пріѣхали усталыя и совсѣмъ сонныя. Они ѣхали семьдесятъ верстъ по желѣзной дорогѣ, да верстъ двадцать пять на лошадяхъ. Пріѣхавъ, они подняли крикъ и вой, и стоило большихъ хлопотъ уговорить ихъ лечь въ постели.

Немного оріентировавшись, пріѣзжіе захотѣли чаю. Прислуги у нихъ не было, но какая-то баба все вертѣлась у нихъ во дворѣ. Подобная баба всегда гдѣ-нибудь отыщется. Кажется, если бы вы были заброшены въ пустыню, гдѣ нѣтъ ни жилья, ни звѣря, ни дерева, и вамъ захотѣлось бы поставить самоваръ, то и тамъ явилась бы баба, совершенно приспособленная къ тому, чтобы ставить самоваръ. И эта, которую, какъ сейчасъ же объяснилось, звали Марьей, уже возилась съ самоваромъ. Но тутъ же обнаружилось, что нигдѣ нѣтъ трубы. Очевидно, труба была потеряна во время переѣзда.

— Э, ничего, мы достанемъ! — сказала Марья и въ ту же минуту перебѣжала во дворъ о. Харитона. Для этого она воспользовалась той самой дырой въ камышевой изгороди, которую, согласно наблюденіямъ матушки, продѣлали свиньи. Марья бросилась къ Оленѣ и потребовала трубу.

— Да я не могу безъ матушки! — сказала Олена: — узнаетъ, не приведи Богъ, что подымется!

И пошла къ матушкѣ.

— Ну, вотъ, уже началось, началось!..—промолвила матушка, которая, несмотря на выказанное ею равнодушіе къ пріѣзду сосѣдей, почему-то не ложилась спать.—Пойдутъ теперь бѣгать!.. Дай имъ трубу, только гляди—не новую, а ту, дырявую... Новую непремѣнно зажилятъ!..

Олена отыскала старую трубу, которую недаромъ матушка назвала дырявой. Она дѣйствительно вся состояла изъ дыръ и издали могла показаться какой-нибудь изящной вещицей ажурной работы, но вблизи—просто никуда не годилась. Вручая Марьѣ трубу, Олена, само собою разумѣется, передала ей и все то, что сказала матушка, причемъ нечаянно отъ себя прибавила два-три мѣткихъ слова насчетъ сосѣдей, приписавъ и ихъ матушкѣ.

— Ну, люди!—громко произнесла Марья, вернувшись къ мѣсту своего случайнаго служенія: — ну сосѣди, нечего сказать!..

— А что?—спросили ее.

— Да какъ же! Прихожу это я...

И Марья разсказала все, что передала ей Олена, вмѣстѣ съ ея двумя-тремя словами, но такъ же присоединила сюда и своихъ полдюжины, приписавъ все матушкѣ.

— Ну, что вы на это скажете, отецъ Нилъ?—произнесла теща, скрестивъ на груди руки и раскуривая папироску.

— А я же это предсказывала! Знаемъ мы этихъ старыхъ товарищей!—прибавила съ своей стороны пріѣзжая матушка.

О. Нилъ ничего не сказалъ, а только сдвинулъ плечами въ отвѣтъ той и другой.

О. Нилъ не былъ такъ красивъ, какъ о. Харитонъ, даже напротивъ, онъ былъ просто-таки некрасивъ, потому что лицо у него было длинное и чуть-чуть тронутое оспой, борода рѣденькая, волсы на головѣ жидкіе, хотя до лысины еще было далеко; фигурой онъ тоже похвастаться не могъ,—худощавъ и сутуловатъ, и въ то время, какъ на о. Харитонѣ ряса сидѣла такъ, будто онъ въ ней и родился, на о. Нилѣ она производила такое впечатлѣніе, словно ее повѣсили ему на плечи для просушки, какъ вѣшаютъ бѣлье па сучокъ высохшаго дерева. Но были у о. Нила достоинства, какихъ не водилось у о. Харитона. Взять хотя бы глаза небольшіе, сѣрые, умные и высокій лобъ—тоже умный, тогда какъ у о. Харитона въ глазахъ и въ очертаніи лба никакого особеннаго ума не обозначалось. Лицо о. Нила было всегда оживленно,—видно было, что этотъ человѣкъ жилъ не зря, не какъ-нибудь, лишь бы прожить назначенный вѣкъ, а съ размышленіемъ, съ толкомъ. Опять же—послушать, какъ говоритъ о. Нилъ, и потомъ послушать какъ говоритъ о. Харитонъ... Впрочемъ, нѣтъ, нельзя слушать о. Харитона послѣ о. Нила. О. Нилъ говоритъ плавно, кругло, слова у него все подходящія къ дѣлу и разставлены какъ слѣдуетъ, каждое на своемъ мѣстѣ, и нѣтъ ни одного лишняго слова, просто любо слушать. А о. Харитонъ какъ пойдетъ вставлять свои любимыя словечки,—одно спереди, другое сзади, третье съ боку,—такъ за этими словечками до настоящаго смысла и не доберешься. Одно было у нихъ общее: когда жены начинали настойчиво требовать отъ нихъ чего-нибудь такого, что они не считали разумнымъ,—они почти не возражали, почти не приводили разумныхъ доводовъ, считая это излишнимъ и непроизводительнымъ трудомъ, и оба признавали, что женщина, а въ особенности попадья, крайне неосновательное созданіе.

Такъ точно поступилъ и въ этомъ случаѣ о. Нилъ. Дѣло

въ томъ, что еще на старомъ приходѣ, когда онъ узналъ, что его товарищемъ будетъ однокашникъ Харитонъ Вертутенко, о. Нилъ выразилъ большое удовольствіе. Онъ вспоминалъ добрыя качества о. Харитона, вспоминалъ о томъ, что у нихъ были общія на двоихъ казенныя книги, въ которыя они довольно дружно старались не заглядывать, и говорилъ вслухъ:

— Будетъ весьма пріятная встрѣча! То-то обрадуется отецъ Харитонъ!

— Ну, это еще неизвѣстно! — возражала матушка о. Нила:—то было Богъ знаетъ когда, а теперь онъ, можетъ, совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ!

— Все зависитъ отъ жены: какая жена!—философски замѣчала теща, очевидно, женщина, умудренная опытомъ и хорошо знавшая жизнь.—Человѣкъ можетъ быть ангеломъ, а ежели жена у него—дьяволъ, то все его ангельство пропадаетъ...

Хотя это убѣжденіе и было результатомъ жизненнаго опыта, но никакъ нельзя сказать, что теща о. Нила вывела его изъ своей собственной жизни. Теща о. Нила, въ противность общепринятому обыкновенію и, можетъ-быть, даже въ противорѣчіе съ законами природы, была женщина безобидная и не только никогда не мутила семейную жизнь о. Нила, а напротивъ, всячески старалась водворить въ ней миръ и спокойствіе. Это была женщина лѣтъ шестидесяти, съ лицомъ желтымъ и крайне худощавымъ, но необыкновенно добродушнымъ и, такъ сказать, доброжелательнымъ ко всему на свѣтѣ. Казалось, ничто не могло разстроить ее и вывести изъ терпѣнія. Шаловливые внучата ежеминутно тормошили ее, напяливали на нее всевозможныя тряпки и куски бумаги, заставляли ее участвовать въ своихъ играхъ, а она улыбалась имъ и покорно исполняла ихъ желанія. Она же охотно вела хозяйство, дѣлала изъ сметаны масло, кормила куръ и утокъ, заваривала чай и штопала бѣлье. Все это проистекало изъ убѣжденія, что дочь ея, супруга о. Нила, существо необыкновенной нѣжности и сама ничего не можетъ дѣлать безъ посторонней помощи. У старухи было множество дѣтей, которыя всѣ въ разное время перемерли, и потому такое исключительное пристрастіе къ единственной оставшейся въ живыхъ дочери слѣдуетъ считать естественнымъ. Надо же было ей куда-нибудь дѣвать свою любовь. Но не подлежало сомнѣнію, что съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ свѣтъ, не было еще такой мирной тещи,

какъ теща о. Нила, которую, кстати сказать, звали Агафьей Өедоровной. Единственная ея слабость, которую о. Нилъ считалъ недостаткомъ, состояла въ томъ, что Агафья Өедоровна курила папироски, и курила ихъ несмѣтное количество. Самъ о. Нилъ тоже не отказывалъ себѣ въ этомъ баловствѣ, но полагалъ, что дамѣ, особенно принадлежащей къ духовному сословію, это занятіе не приличествуетъ; однакожъ, никогда не дѣлалъ ей иныхъ замѣчаній, кромѣ шутливыхъ. Онъ уважалъ Агафью Өедоровну.

— Нѣтъ, отчего же ты молчишь, Нилъ? — настойчиво приставала къ нему матушка.—Ты скажи что-нибудь. Вѣдь вотъ ты слышалъ, чтὸ говоритъ Марья...

— Что же я такое слышалъ?—спросилъ о. Нилъ.

— Ну вотъ: должно-быть, то же, чтὸ и мы слышали... Ты просто виляешь, вотъ и все. Ты видишь, что я была права, и тебѣ неловко признаться...

— Да въ чемъ признаться? Чего такого виляю я? Не могу же я основывать свое мнѣніе о людяхъ на какой-то глупой болтовнѣ глупой бабы...

Такъ какъ дверь въ кухню была раскрыта, то послѣ этого отзыва оттуда долетѣлъ какой-то дикій грохотъ, словно всѣ кухонные горшки разомъ шарахнулись на землю. Марья была возмущена этимъ несправедливымъ отзывомъ, но такъ какъ отзывъ исходилъ отъ самого батюшки, то она не рѣшилась протестовать словесно, а ограничилась только тѣмъ, что при помощи кухонныхъ орудій произвела грохотъ.

— Да вѣдь видно же, видно, чтὸ за люди! Скареды какіе-то! Имъ трубы порядочной жаль,—твердила матушка.— Ну какъ я пойду къ ней съ визитомъ, скажи пожалуйста? Что я ей скажу? Благодарю васъ за дырявую трубу? а? Да я просто не выдержу и съ перваго же раза отпою ей такъ, что не поздоровится. Сосѣдство, нечего сказать! Да нѣтъ, я просто не пойду къ ней, да и только!

— Какъ же ты не пойдешь?—возразилъ о. Нилъ.—Это невозможно. Ты должна пойти...

— Я? Ни за что! Послѣ такого отношенія—ни за что!

— Ну, какъ хочешь. Это твое дѣло. А я завтра же отправлюсь къ отцу Харитону.

— Ты? Ты къ нему первый отправишься? Съ какой стати? На какомъ такомъ основаніи? Я этого не понимаю, отецъ Нилъ, рѣшительно не понимаю!

— Что-жъ тутъ понимать? Я пріѣхалъ и долженъ по-

сѣтить его, а потомъ онъ меня посѣтитъ—вотъ и все. Надо же кому-нибудь начать.

— Такъ пускай же онъ и начнетъ!

— Почему же онъ?

— А почему же ты?

О. Нилъ вздохнулъ. Онъ часто вздыхалъ по поводу женской безтолковости, какъ приходилось спорить съ матушкой.

— Да вѣдь я же тебѣ сказалъ, что *я* пріѣхалъ, а не онъ!—убѣдительнымъ тономъ промолвилъ онъ.

— А я тебѣ говорю, что ты настоятель, и слѣдовательно онъ первый долженъ тебѣ представиться! Такъ оно и будетъ, такъ о-н-о и бу-детъ!

— Нѣтъ, это несправедливо!

— Будетъ, будетъ и будетъ... А иначе...

— Ну, что же иначе, мой другъ?

— А то, что я съ тобой навѣки поссорюсь! Вотъ что!

О. Нилъ опять вздохнулъ и покачалъ головой.

— Ахъ, какая неосновательность! Боже, какая неосновательность! Ну, можно ли, чтобы жена говорила мужу: я съ тобой навѣки поссорюсь? Это даже ненатурально!...

— Ну, какъ бы тамъ ни было, а ты не пойдешь первый!—еще разъ заявила матушка.

— Посмотримъ!—сказалъ о. Нилъ.—Посмотримъ!

Это «посмотримъ» для матушки означало гораздо больше, чѣмъ значитъ это слово по своему смыслу. Когда о. Нилъ послѣ какого-нибудь спора говорилъ «посмотримъ», то это означало, что онъ уже началъ поддаваться и почти навѣрняка уступитъ.

Скоро въ обоихъ церковныхъ домахъ улеглись спать, и обѣимъ матушкамъ видѣлись сны вполнѣ мирнаго характера. Матушкѣ о. Нила снилась великолѣпная новая самоварная труба весьма искусной работы, а матушкѣ о. Харитона—три большихъ индюка, предназначенныхъ для благочиннаго на предметъ полученія о. Харитономъ камилавки. Что же касается батюшекъ, то оба они долго не спали, вспоминая мысленно о томъ времени, когда у нихъ были общія казенныя книги.

IV.

Случилось такъ, что когда о. Нилъ на утро проснулся, то почувствовалъ, что у него голова болитъ и стучитъ въ вискахъ. Агафья Ѳедоровна приложила руку къ его головѣ

и объявила, что жару нѣтъ. Она никогда не училась медицинѣ, но обладала лѣкарскими способностями отъ природы и вполнѣ удачно врачевала отъ всѣхъ болѣзней при помощи компресса, свѣчного сала, горчишниковъ, ромашки и полынной настойки, которая иногда замѣнялась водкой съ перцемъ.

— Это вы, отецъ Нилъ, просто въ дорогѣ утомились!— объявила она. — Ну, и не доспали... Вы бы не вставали такъ рано, а лучше бы выспались...

— Гм... Надо бы церковь посѣтить... Нынче воскресенье!..—сказалъ о. Нилъ.

— Ну, уже въ другой разъ... Богъ проститъ вамъ это, потому вы съ дороги...

О. Нилъ не сомнѣвался, что «Богъ проститъ», но у него была другая тайная мысль. Онъ, конечно, разсчитывалъ пройти въ алтарь и тамъ повидаться съ о. Харитономъ. Ясное дѣло, что матушка никакъ не могла воспретить ему пойти въ алтарь, ибо это — его право и обязанность, а ужъ какъ они тамъ встрѣтятся съ о. Харитономъ, — этого ей ни за что не увидать. Встрѣтились бы они по-христіански, облобызались бы, словомъ, такъ обошлись бы другъ съ другомъ, какъ будто на свѣтѣ совсѣмъ не существовало матушекъ.

Но голова у него въ самомъ дѣлѣ очень болѣла, и пришлось остаться въ постели.

Что касается матушки, то она и вообще не любила вставать рано, а послѣ утомительнаго путешествія нельзя было и надѣяться поднять ее съ постели раньше полудня. Агафья же Ѳедоровна возилась съ дѣтьми и, кромѣ того, давала необходимыя указанія импровизированной кухаркѣ Марьѣ, которая, какъ сейчасъ же выяснилось, умѣла образцово готовить только галушки съ саломъ и пампушки съ чеснокомъ.

Такимъ образомъ все семейство о. Нила оказалось отсутствующимъ въ церкви, чтò, разумѣется, должно было въ набожныхъ прихожанахъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе. Но до прихожанъ намъ нѣтъ никакого дѣла, ибо въ числѣ героевъ нашего разсказа есть люди несравненно болѣе солидные и имѣющіе больше правъ на наше вниманіе, какова матушка о. Харитона и, пожалуй, самъ о. Харитонъ.

Что о. Харитонъ былъ въ церкви, это не требуетъ особаго заявленія. Онъ служилъ утреню и обѣдню и даже сказалъ маленькое «слово», что съ нимъ случалось очень

рѣдко. Впрочемъ, мы еще будемъ имѣть случай сказать объ этомъ. Но нужно заявить также, что и матушка была въ церкви.

Она была одѣта по-праздничному. Шелковое платье, отливавшее всевозможными цвѣтами, начиная отъ чернаго и кончая малиновымъ, и издававшее непрерывный шелестъ, шелковое платье, сшитое чуть ли не въ первый годъ послѣ вѣнчанія ея съ о. Харитономъ и потомъ перешивавшееся по мѣрѣ постепеннаго утолщенія матушкиной фигуры, — сидѣло на ней величественно. Плечи прикрывались такъ-называемой персидской шалью съ большими пестрыми фигурами неопредѣленнаго значенія, а на головѣ красовался капоръ съ бѣлоснѣжными кружевами, съ широкими голубыми лентами, завязанными на шеѣ великолѣпнымъ бантомъ.

Нельзя и на минуту усомниться въ томъ, что матушка молилась весьма усердно, и всѣ прихожане видѣли, какъ она во время чтенія Евангелія и пѣнія «Херувимской пѣсни» становилась на колѣни, била поклоны и шептала молитвы. Но мірскія мысли нѣтъ-нѣтъ да и приходили въ ея голову и мѣшали молитвенному настроенію. Она пришла передъ самой обѣдней, еще когда начали читать часы, и все время смотрѣла на боковыя двери алтаря, куда долженъ былъ войти пріѣзжій батюшка, но ничего подобнаго не случилось. «Какъ же это такъ? Можетъ-быть, онъ вошелъ въ алтарь черезъ понамарню?—думала она.—Можетъ-быть, можетъ-быть!» Взоры ея устремились въ алтарь, не мелькнетъ ли тамъ какая-нибудь ряса, но никакой рясы не мелькало. Матушка также довольно усердно осматривала молившійся въ церкви народъ. Она узнавала всѣхъ своихъ прихожанъ, которыхъ знала наперечетъ, и среди нихъ не было ни одного незнакомаго лица. Конечно, пріѣзжую матушку она отличила бы по одному костюму, но въ церкви были только свитки, запаски, ситцевые платки и чоботы. «Значитъ, и матушка тоже не пришла! Странные люди! очень странные люди! Что̀ могутъ подумать прихожане?!» И ей казалось, что въ этомъ состоитъ ея главная забота: что̀ подумаютъ прихожане, а не въ томъ, что сама она разочаровалась. Вѣдь если говорить правду, то едва ли она одѣла бы сегодня свое шелковое платье и персидскій платокъ, если бы не надѣялась встрѣтить въ церкви пріѣзжую матушку. Наконецъ, развѣ это было не любопытно — посмотрѣть, какая будетъ встрѣча,—поклонится ли ей прі-

ѣзжая матушка или сдѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ. Отъ подобныхъ мелочей зависятъ существенныя отношенія между людьми, потому что человѣкъ весь виденъ въ мелочахъ.

Такимъ образомъ матушку о. Харитона постигло полное разочарованіе. Батюшка, стоя въ алтарѣ, очень хорошо понималъ, почему о. Нила не было у заутрени. Человѣкъ измаялся въ дорогѣ, и ему не грѣхъ поспать дольше. Но зато онъ былъ совершенно увѣренъ, что о. Нилъ появится во время обѣдни. До того былъ увѣренъ въ этомъ о. Харитонъ, что въ свободное время между утреней и обѣдней обсудилъ и слегка набросалъ на бумагѣ карандашомъ «слово», въ которомъ имѣлъ въ виду объявить прихожанамъ о пріѣздѣ товарища по приходу и при этомъ привѣтствовать о. Нила добрыми словами.

Добродушному о. Харитону казалось, что этимъ торжественнымъ «словомъ» онъ разомъ пресѣчетъ всякія недоразумѣнія между ихъ семействами, примиритъ между собою матушекъ, и сосѣдская жизнь наладится и потечетъ мирно. Поэтому онъ заранѣе велѣлъ понамарю своевременно поставить аналой для проповѣди. И онъ ждалъ, но напрасно: о. Нилъ не являлся. «Нѣтъ, онъ придетъ, придетъ, это онъ просто не привыкъ къ нашимъ порядкамъ. Можетъ-быть, онъ позднѣе начинаетъ обѣдню!» — думалъ о. Харитонъ и все поглядывалъ на боковыя двери, — вотъ, вотъ войдетъ о. Нилъ.—«Что̀ бы такое значило?—думалось ему.—Не можетъ же быть, чтобы онъ такъ небрежно относился къ службѣ церковной. А какъ бы мы здѣсь встрѣтились по-братски! Въ алтарѣ, передъ святыней облобызались бы!»

Такъ прошла большая часть обѣдни. Уже понамарь поставилъ аналой, и о. Харитонъ вышелъ къ народу. Тутъ только онъ вспомнилъ, что приготовленное имъ слово никакъ не можетъ быть произнесено за неявкой о. Нила въ церковь. Смущенный о. Харитонъ постоялъ, подумалъ и долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что вкрацѣ объяснилъ прихожанамъ смыслъ Евангелія, читаннаго въ этотъ день въ церкви.

Сейчасъ же послѣ проповѣди онъ послалъ понамаря къ о. Нилу узнать, почему батюшка не явился въ церковь, и получилъ въ отвѣтъ извѣстіе, что о. Нилъ нездоровъ.

«Ну, что-жъ, нездоровъ! Всякій человѣкъ можетъ быть нездоровъ!» — подумалъ о. Харитонъ и, ни на минуту не усомнившись въ нездоровьѣ о. Нила, нашелъ эту причину вполнѣ удовлетворительной.

Когда онъ пришелъ домой, матушка была уже въ ситцевомъ капотѣ и въ домашнихъ туфляхъ. Въ столовой на бѣломъ фонѣ свѣжей скатерти стояла разная соленая закуска, самоваръ и прочія принадлежности порядочнаго завтрака. О. Харитонъ тоже переоблачился въ лѣтній кафтанъ и, прочитавъ молитву, съ миромъ усѣлся за столъ. Матушка не начинала разговора, и если бы о. Харитонъ былъ не такъ голоденъ и хоть немного понималъ въ психологіи, которую онъ совсѣмъ напрасно изучалъ въ семинаріи, то онъ по лицу ея сейчасъ же понялъ бы, что на душѣ ея лежитъ какая-то обида. Но ничего этого не замѣтилъ о. Харитонъ и, приступивъ съ чистымъ сердцемъ къ закускѣ, выпивъ предварительно рюмку водки, сказалъ тономъ искренняго соболѣзнованія:

— А бѣдный отецъ Нилъ занемогъ!.. Должно-быть, въ дорогѣ порядкомъ растрясло его!..

— Бѣдный отецъ Нилъ!?—саркастически произнесла матушка:—чѣмъ это онъ такой бѣдный, хотѣла бы я знать? Чѣмъ это онъ такъ тебя растрогалъ?..

О. Харитонъ поднялъ голову и взглянулъ на свою супругу. Только теперь понялъ онъ, что тутъ есть какая-то загвоздка.

— А какъ же?—сказалъ онъ:—я думаю, это непріятно, когда человѣкъ боленъ... Всякаго человѣка, напримѣръ, жалко, а отецъ Нилъ все-таки, какъ бы сказать, мой товарищъ и по семинаріи, и, такъ сказать, по служенію...

— Гм... товарищъ, товарищъ!.. Вотъ онъ скоро покажетъ тебѣ, какой онъ товарищъ!.. А съ чего ты взялъ, что онъ занемогъ?

— Какъ съ чего? Я посылалъ тово... понамаря посылалъ узнать, напримѣръ...

— Что-о?—стремительно спросила матушка.—Ты посылалъ понамаря? Ты, значитъ, забѣгаешь? заискиваешь?..

— Куда же я, напримѣръ, забѣгаю, скажи на милость?

— Я удивляюсь, какъ ты еще самъ не пошелъ да не поклонился ему въ ноги-то, да не сказалъ: отецъ Нилъ, милости просимъ! окажите честь! Удивляюсь, удивляюсь тебѣ, отецъ Харитонъ. Ты... ты совершенно овца!..

— Ну, вотъ это ужъ какъ бы сказать... уподобленіе не тово... не подходящее... — слегка обидѣвшись, промычалъ о. Харитонъ.

— Какъ же ты не овца, отецъ Харитонъ, самъ посуди! Онъ сказалъ «боленъ», а ты и повѣрилъ сейчасъ. Но от-

чего онъ будетъ боленъ? Не успѣлъ пріѣхать, и уже боленъ... Это удивительно...

— Что-жъ тутъ удивительнаго? Человѣкъ съ дороги... Плохо спалъ... растрясло!..

— Все это — однѣ штуки, и больше ничего! — рѣшительно сказала матушка. — Почему же тогда *она* не была въ церкви, *она*, его матушка, и теща не была и никто изъ ихъ семьи не былъ?

— А развѣ никого не было? Я не замѣтилъ, — промолвилъ о. Харитонъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

Послѣдній доводъ немного смутилъ его. «Странно въ самомъ дѣлѣ: отчего такъ-таки никто не пришелъ въ церковь? Не можетъ же быть у нихъ какая-нибудь повальная болѣзнь!»

Матушка между тѣмъ продолжала:

— И я тебѣ говорю, отецъ Харитонъ, что никакой тутъ болѣзни нѣтъ. Все штуки, штуки и штуки! Ужъ ты мнѣ повѣрь. Это они вообразили себя настоятелями, да-а! И желаютъ, чтобы мы сперва пошли къ нимъ на поклонъ. А этого никогда не будетъ! Ни-ког-да!..

— Что ты говоришь?

— Истину! Ты мнѣ повѣрь, отецъ Харитонъ. Ты самъ въ житейскихъ дѣлахъ ничего не понимаешь, потому что ты младенецъ. Тебя можно между двумя пальцами провести за носъ!.. А это—однѣ штуки, и больше ничего! И я эти штуки вижу насквозь, но ни ты, ни я первые не пойдемъ, хотя бы тутъ самъ благочинный вмѣшался...

О. Харитонъ впалъ въ задумчивость. Рѣчи матушки дѣйствовали разъѣдающимъ образомъ на его невозмутимо-безмятежную душу...

«Да, это удивительно!—думалъ онъ:—неужели же отецъ Нилъ тово... сдѣлался такимъ, какъ бы сказать, гордецомъ? А какой былъ славный товарищъ! Какъ же, Боже мой, Боже мой! Вѣдь мы же вмѣстѣ тово... учились, и общія у насъ были книги!»...

V.

— Ну вотъ же, вотъ же! я была права. Я всегда бываю права!—говорила матушка о. Нила своему супругу.—Вотъ тебѣ и товарищъ! Какой же онъ товарищъ? Вчера еще узналъ, что ты нездоровъ, и хоть бы носъ показалъ!.. И повѣрь, что если бы ты провалялся въ постели недѣлю, мѣсяцъ, годъ,—чего я, само собою, не желаю,—то онъ все-

таки не навернулся бы, этотъ твой добрый товарищъ... И это все отъ того, что ему хочется быть настоятелемъ и досадно, что не онъ, а ты будешь имъ... Все отъ того!

Когда матушка о. Нила произносила эти ядовитыя рѣчи, о. Нилъ лежалъ еще въ постели: онъ уже второй день недомогалъ. Правда, ничего не было серьезнаго, но все же надо было лежать. На завтра, однакожъ, онъ разсчитывалъ подняться и вступить въ отправленіе своихъ обязанностей.

На рѣчи матушки онъ не отвѣтилъ ни слова, изъ чего матушка заключила, что онъ безсиленъ возразить что-нибудь и совершенно согласенъ съ нею. Но о. Нилъ въ дѣйствительности не былъ согласенъ съ матушкой. Изъ этого, однакожъ, не слѣдуетъ, что онъ могъ сдѣлать ей какое-либо существенное возраженіе. Мысли о. Нила въ то время, какъ онъ лежалъ въ постели вотъ уже второй день, принимали все болѣе и болѣе меланхолическое направленіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это такъ? Ну, положимъ, всякому человѣку свойственно имѣть слабости, и у о. Харитона можетъ быть чувствительное самолюбіе. О. Нилъ легко допускаетъ, что о. Харитонъ желалъ бы быть настоятелемъ, хотя онъ, о. Нилъ, не виноватъ въ томъ, что ему дали камилавку, а о. Харитону не дали. Ему дали камилавку въ награду за образцовое обученіе Закону Божію въ школѣ въ прежнемъ приходѣ. Самъ онъ нисколько не славолюбивъ и вовсе не претендуетъ на настоятельство, тѣмъ болѣе, что это не приноситъ ровно никакихъ преимуществъ: такъ, просто—одно названіе. Но, съ другой стороны, это было бы не въ порядкѣ вещей, если бы настоятелемъ сдѣлался не имѣющій камилавки, въ то время какъ имѣющій таковую былъ бы младшимъ. Что-жъ тутъ подѣлаешь? Но какъ бы тамъ ни было, а когда человѣкъ боленъ, когда боленъ старый товарищъ, то можно бы, кажется, хоть на время забыть о подобныхъ вопросахъ. Ну, какъ же не навѣстить стараго товарища, когда онъ боленъ? Онъ, о. Нилъ, навѣстилъ бы. Человѣкъ пріѣхалъ въ незнакомое село и заболѣлъ; у него на рукахъ семейство; можетъ-быть, онъ въ чемъ-нибудь нуждается, можетъ-быть, ему надо оказать нравственную поддержку. Какъ же тутъ не зайти на минутку? Неужели же у о. Харитона такое черствое сердце? Боже, какъ мѣняются люди! Въ семинаріи онъ былъ такой мягкій, уступчивый, даже чувствительный. Какъ мѣняются люди!

Такъ размышлялъ о. Нилъ, лежа въ постели. Въ это же

время матушка вела оживленные разговоры съ Агафьей Θедоровной на ту же тему, и такъ какъ дѣятельность обѣихъ этихъ дамъ очень близко соприкасалась съ кухней, то въ разговорахъ отъ времени до времени принимала участіе и Марья. Вечеромъ же она на минутку забѣжала въ кухню о. Харитона и въ краткихъ словахъ подѣлилась впечатлѣніями съ Оленой. Олена разсказала ей кое-что изъ того, что слышала отъ своей матушки, Марья ушла домой, потомъ опять зашла, Олена кое-что передала матушкѣ... Трудно прослѣдить послѣдовательно всѣ дѣйствія обѣихъ кухарокъ; можно только сказать, что послѣ собесѣдованія съ ними обѣ матушки настраивались все энергичнѣе, а во вторникъ, когда о. Нилъ совсѣмъ оправился и всталъ съ постели, положеніе дѣлъ приняло весьма опредѣленный характеръ, а именно:

— Ты знаешь, отецъ Нилъ, новость? Твой пріятель, отецъ Харитонъ, ѣдетъ въ городъ къ благочинному подкапываться подъ тебя...

— Какъ подкапываться?

— Да ужъ тамъ какъ, это онъ лучше знаетъ, а только ѣдетъ... Матушка чуть не въ шею гонитъ его. Ты, говоритъ, долженъ требовать, чтобы тебя сдѣлали настоятелемъ...

— Вотъ какъ?! Чудеса!

— Но этимъ чудесамъ не бывать! Чего добраго, онъ тамъ еще добьется чего-нибудь. Вѣдь добиться можно всего при желаніи. А ты вотъ что, отецъ Нилъ: ты тоже поѣзжай и заяви благочинному, что противъ тебя—интрига и что ты этого не потерпишь.

— Жаловаться? Да ну его къ Богу! Никогда въ жизни ни на кого не жаловался... Что это ты мнѣ навязываешь? Пускай себѣ ѣдетъ, а я останусь...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Это ты долженъ сдѣлать! Если не сдѣлаешь, я не знаю, что̀ со мной будетъ... Я заболѣю, умру... я... я... просто сама поѣду къ архіерею и подыму такую бучу, такую бучу, такую бучу... Ты проси, требуй, чтобы тебя перевели на другое мѣсто; скажи, что съ такими разбойниками, какъ отецъ Харитонъ и его жена, особенно его жена, ты служить не можешь...

Агафья Θедоровна съ своей стороны не столь энергично, но зато болѣе вразумительно изъявила, что ѣхать въ городъ къ благочинному необходимо, потому что неизвѣстно, что̀ такое тамъ наплететъ отецъ Харитонъ. Мо-

жетъ-быть, онъ обвинитъ его въ покражѣ дырявой самоварной трубы?!

Отецъ Нилъ рѣшился. Взглянувъ на часы и убѣдившись, что къ отходу поѣзда поспѣетъ, онъ послалъ Марью достать подводу у какого-нибудь мужика.

— Только смотри,—шепнула ей матушка:—чтобы ни одна душа не знала, зачѣмъ батюшка ѣдетъ...

Марья поклялась, что сохранитъ тайну, и въ виду этой клятвы, пока дошла до мужика, а отъ него домой, успѣла разсказать, въ чемъ дѣло, только четыремъ бабамъ — не болѣе.

Когда отецъ Нилъ ѣхалъ на трясучей телѣгѣ, торопя возницу, чтобы не опоздать къ поѣзду, впереди по той же дорогѣ на значительномъ разстояніи виднѣлось что-то черное, очевидно тоже двигавшееся впередъ, и отецъ Нилъ никакъ не могъ опредѣлить, что̀ бы это такое было. Въ особенности мѣшало этому облако пыли, которое все время сопровождало черный предметъ.

— Что тамъ такое движется впереди насъ?—спросилъ онъ наконецъ возницу. Возница сталъ внимательно приглядываться.

— Кто-то ѣдетъ въ городъ,—сказалъ онъ:—а кто, не разберу... Эге, да это, кажись, отца Харитона бричка... Ну да жъ, это она и есть... А сидитъ... кто такой въ ней сидитъ? Да чуть ли не самъ отецъ Харитонъ... Да онъ и есть... Вотъ и встрѣтитесь, батюшка, и веселѣй будетъ вамъ ѣхать на машинѣ...

«Да,—подумалъ отецъ Нилъ:—хороша встрѣча, хорошее веселье, нечего сказать! Однако оказывается, что это сущая правда... А я все-таки надѣялся, что это бабская выдумка. Хорошъ отецъ Харитонъ, нечего сказать! Вотъ тебѣ и старый товарищъ, вотъ тебѣ и общія книги! охъ-охъ-охъ!»

И отецъ Нилъ вздохнулъ съ искреннимъ сокрушеніемъ. Ему въ самомъ дѣлѣ было очень непріятно разочароваться въ старомъ товарищѣ.

Черный предметъ, въ которомъ возница узналъ бричку отца Харитона, двигался все дальше и раньше ихъ прибылъ на станцію. Отецъ Нилъ пріѣхалъ за нѣсколько секундъ до отхода поѣзда и вошелъ въ первый попавшійся вагонъ. Онъ скромно сѣлъ на скамейкѣ и глядѣлъ въ окно на мало знакомую ему мѣстность; когда же поѣздъ двинулся и вошелъ кондукторъ спрашивать билеты, онъ по-

вернулъ голову и къ ужасу своему увидѣлъ на противоположной скамейкѣ сидящаго отца Харитона.

Отецъ Нилъ смѣшался, поблѣднѣлъ и не зналъ, куда дѣвать глаза, а отецъ Харитонъ смотрѣлъ прямо на него своими большими глазами, и казалось отцу Нилу, что въ этихъ глазахъ онъ читаетъ невыразимый укоръ. На скамейкахъ, гдѣ они сидѣли, другихъ пассажировъ не было и вообще въ вагонѣ было пустовато. Смущенно бѣгавшіе глаза отца Нила, наконецъ, какъ-то невольно остановились на розовомъ лицѣ отца Харитона, и нѣсколько секундъ они какъ бы старались проникнуть другъ другу въ душу.

Но отецъ Нилъ, какъ человѣкъ нервный, не выдержалъ, быстро поднялся, подошелъ къ окну и сталъ пристально глядѣть въ него. Сердце у него билось сильно, словно онъ случайно и неожиданно встрѣтилъ свою старую любовь и вспомнилъ забытую романическую исторію. Долго стоялъ онъ такимъ образомъ у окна. Поѣздъ два раза уже останавливался, до города оставалось десятка два минутъ. Отецъ Нилъ все стоялъ и думалъ:

«Возможно ли? Возможно ли? Какъ онъ прямо смотритъ мнѣ въ глаза! Ежели бы онъ строилъ противъ меня интригу, могъ ли бы онъ смотрѣть такъ?.. Ужъ не обманъ ли это, не заблужденіе ли? Не заговорить ли съ нимъ?»

И съ этой послѣдней мыслью отецъ Нилъ обернулся, но отца Харитона уже не было на скамейкѣ. Исчезъ и его кожаный чемоданчикъ. Отецъ Нилъ осмотрѣлъ весь вагонъ, нигдѣ не оказалось отца Харитона. Очевидно, ему стало неловко и онъ перебрался въ другой вагонъ.

«Ну что жъ, пойдемъ къ благочинному; пусть разберетъ наше дѣло!—думалъ отецъ Нилъ.—А онъ-таки любитъ ябедничать, видно, что любитъ! Господи, до какой степени можетъ перемѣниться человѣкъ!»

Поѣздъ пришелъ въ городъ. Отецъ Нилъ взялъ уже свой сакъ и хотѣлъ выйти изъ вагона, но въ это время на платформѣ передъ окномъ промелькнула крупная фигура отца Харитона, и онъ остановился. «Нѣтъ, лучше подожду. Пускай онъ отъѣдетъ. Не хочу больше встрѣчаться съ нимъ!»—подумалъ отецъ Нилъ и переждалъ двѣ минуты.

Затѣмъ онъ вышелъ. Уже вечерѣло. Ѣхать прямо къ благочинному не было расчета, потому что благочинный принималъ по утрамъ, да къ тому же и поѣздъ обратный шелъ только завтра въ два часа. Все равно надо ночевать

въ городѣ. Гораздо будетъ лучше, если онъ завтра ранёнько встанетъ и пойдетъ прямо къ благочинному и такимъ образомъ упредитъ отца Харитона.

Такъ и было рѣшено. Отецъ Нилъ вышелъ изъ вокзала, взялъ извозчика и сказалъ ему:

— Поѣзжай, братецъ, въ Саксонію.

«Саксонія» — это было нѣчто среднее между скверной гостиницей и порядочнымъ дворомъ. Здѣсь обыкновенно останавливались духовныя лица, и имъ ужъ давалось преимущество передъ другими гостями. Во время ежегодныхъ съѣздовъ—по учебному ли дѣлу или для выбора благочиннаго—«Саксонія» вся бывала переполнена духовными лицами, которыя всѣ безъ исключенія были знакомы между собой. Завязывались оживленные разговоры, передавались епархіальныя сплетни, однимъ словомъ, добывался и разрабатывался тотъ запасъ свѣдѣній, которымъ потомъ, по пріѣздѣ домой, батюшки долго занимали своихъ матушекъ.

Отцу Нилу дали номерокъ — маленькій, узенькій, въ одно оконце, съ кроватью, столомъ и двумя твердыми стульями. Онъ снялъ рясу, спросилъ себѣ самоваръ и расположился такимъ образомъ, чтобы вполнѣ предаться отдохновенію. Но тутъ его потревожило одно обстоятельство, котораго онъ никакъ не ожидалъ, хотя, если бы хорошенько подумалъ, долженъ былъ бы ожидать его.

VI.

— А я вижу, что ты ѣдешь на извозчикѣ... Дай, думаю, зайду въ «Саксонію»... Ужъ навѣрняка онъ въ «Саксоніи» остановится!..

Это донеслось до слуха отца Нила изъ сосѣдняго номера, который соединялся съ его комнатой тонкой запертой дверью.

— Ба! Да это ты, отецъ Дороѳей! Какимъ родомъ?—воскликнулъ другой голосъ, и когда отецъ Нилъ услышалъ этотъ голосъ, по тѣлу его пробѣжала дрожь и сердце усиленно забилось. Знакомый голосъ! Удивительно знакомый!

— Ну, какимъ родомъ? Я тутошный житель... А вотъ ты какимъ родомъ?

— Э, братъ, скверная исторія!.. Садись, попьемъ чайку... А то не хочешь ли тово... квасу не хочешь ли...

«Тово... тово... кто это имѣлъ такую привычку? Вѣдь это тоже что-то знакомое»...—подумалъ отецъ Нилъ.

— Скверная исторія!.. Понимаешь, прислали къ намъ

второго священника, и онъ, примѣрно, оказался... кто бы ты думалъ? Товарищъ мой и другъ, отецъ Нилъ Благонравскій...

Отецъ Нилъ вскочилъ съ мѣста, подбѣжалъ къ двери и весь превратился въ слухъ.

— Ну?—спросилъ посторонній голосъ.

— Ну, и вотъ тово... Помнишь, какой это былъ душевный человѣкъ и какъ мы съ нимъ жили! У насъ были общія книги.

«Общія книги!»—прошепталъ отецъ Нилъ.

— А какъ человѣкъ перемѣнился! Вообрази, напримѣръ, пріѣхалъ и изъ дому не выходитъ, это—чтобы я къ нему на поклонъ пошелъ... А теперь къ благочинному ѣдетъ ябедничать на меня, будто я распустилъ прихожанъ и самъ съ ними водку пью и будто я поклялся, что ему никогда не дадутъ камилавки... И вообрази себѣ это, какъ бы сказать...

Но отецъ Нилъ дальше уже ничего не слышалъ. Онъ вышелъ изъ своего номера, быстро прошелъ черезъ сѣни, дернулъ дверь и очутился лицомъ къ лицу съ отцомъ Харитономъ.

— Отецъ Нилъ!—трепетнымъ голосомъ произнесъ отецъ Харитонъ.

— Отецъ Харитонъ!—воскликнулъ отецъ Нилъ и прибавилъ: — и не грѣхъ тебѣ говорить про стараго товарища такія вещи?!

Отецъ Харитонъ замигалъ вѣками, потому что глаза его наполнились слезами. Разомъ вспомнилась ему старая дружба, общія казенныя книги, и много-много другихъ сладостныхъ воспоминаній наполнили его душу. Онъ двинулся къ отцу Нилу, и старые друзья горячо обнялись и звонко поцѣловались.

— Такъ-то лучше...—дрожащимъ голосомъ произнесъ отецъ Харитонъ. — А то что же это, напримѣръ...

Они сѣли и долго смотрѣли другъ на друга, а отецъ Дороѳей, который былъ пріятелемъ ихъ обоихъ, глядѣлъ съ улыбкой умиленія. Поднялись разговоры, воспоминанія, наступилъ вечеръ, пришла ночь, а рѣчи все лились и лились безъ конца.

— Такъ какъ же мы будемъ, отецъ Харитонъ? Вѣдь это все жены виноваты!—говорилъ далеко уже за полночь о. Нилъ.

— Все онѣ! — подтвердилъ о. Харитонъ. — Все онѣ!

— Вѣдь ни тебѣ, ни мнѣ не надобно настоятельства! Богъ съ нимъ! Какъ же намъ быть?

Такъ какъ друзья были очень взволнованы, то ничего путнаго не могли придумать. Тутъ вмѣшался въ дѣло о. Дороѳей и далъ имъ хорошій совѣтъ:

— Вы вотъ что, отцы!—сказалъ онъ:—идите вы завтра къ благочинному вмѣстѣ и разскажите ему все, какъ есть. И пусть онъ дастъ вамъ такую бумагу, то-есть предписаніе, что оба вы одинаковы по службѣ и оба вы отцы настоятели. А потомъ поѣзжайте домой, да не въ двухъ повозкахъ, а въ одной, рядышкомъ. И пускай ваши матушки это видятъ и соображаютъ. Такъ-то вотъ!..

Благочинный очень много смѣялся, когда на другой день о. Нилъ и о. Харитонъ изложили ему свое дѣло. Но такъ какъ ему самому была хорошо знакома неукротимость женскаго характера, когда дѣло шло о гордости, то онъ согласился выдать бумажку, въ которой было сказано, что о. Нилъ назначается въ приходъ «на равныхъ правахъ съ о. Харитономъ». Въ тотъ же день оба батюшки въѣзжали въ село въ одной бричкѣ, а именно, въ бричкѣ о. Харитона.

Въ заключеніе мы должны сказать, что если бы кому-нибудь понадобился примѣръ добраго сосѣдства, то ему слѣдовало бы посмотрѣть на мирную жизнь нашихъ двухъ матушекъ. Онѣ сдѣлали другъ дружкѣ визиты, очень сошлись между собой, и потомъ каждая находила про другую, что у нея прекрасный характеръ.

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

(Очеркъ.)

I.

Къ большому четырехъэтажному дому, на одной изъ широкихъ улицъ губернскаго города, подъѣхалъ экипажъ чрезвычайно страннаго вида. Это былъ длинный ящикъ, выкрашенный въ зеленую краску, до половины накрытый кожаной палаткой и напоминавшій цыганскую кибитку. Толстыя оглобли и грубая тяжелая дуга прямо указывали на свое деревенское происхожденіе, и это подтверждалось тѣмъ, что ящикъ былъ щедро набитъ свѣжимъ, еще зеленоватымъ сѣномъ, прикрытымъ ряденцами, да еще тѣмъ, что на передкѣ сидѣлъ и правилъ парой лошадей космахый хохолъ въ сѣрой свиткѣ и барашковой шапкѣ. Колеса были желтыя, а рессоры отсутствовали.

Кибитка подъѣхала къ воротамъ, и изъ кожаной палатки выглянула голова въ широкополой черной шляпѣ, изъ-подъ которой нависали длинные прямые волосы, сѣрые отъ дорожной пыли.

— Стой, Михайло, стой! — крикнула кучеру голова густымъ, немного хриплымъ басомъ: — кажись, тутъ и есть восемнадцатый нумеръ!

Михайло остановилъ лошадей; голова скрылась въ палаткѣ, но тотчасъ же на смѣну ей появилась широкая спина въ темно-коричневомъ одѣяніи, затѣмъ высунулись двѣ очень длинныя ноги въ высокихъ дебелыхъ сапогахъ и при посредствѣ желѣзной приступки спустились на землю, а тамъ ужъ ко всему этому присоединилась и голова въ длиннополой шляпѣ, и въ результатѣ—на мостовой стояло

духовное лицо огромнаго роста, широкоплечее, съ небольшимъ брюшкомъ, съ лицомъ загорѣлымъ, темнымъ, обросшимъ роскошной черной бородой.

Духовное лицо повернуло голову къ воротамъ дома и еще разъ внимательно вглядѣлось въ кружокъ, на которомъ была написана цифра 18.

— Нумеръ-то восемнадцатый, да все же надо бы спросить!—сказало духовное лицо и затѣмъ обратилось къ человѣку въ бѣломъ фартукѣ, вышедшему изъ подворотни:— послушайте, вы дворникъ здѣсь?

— Я дворникъ!—отвѣчалъ тотъ, неизвѣстно чему усмѣхаясь. По всей вѣроятности его развеселилъ общій видъ косматаго Михайлы, цыганской кибитки, набитой сѣномъ, и духовнаго лица въ поярковой шляпѣ. — А что вы желаете, батюшка?

— Живетъ ли въ этомъ домѣ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Василій Леонтьичъ Ливанскій?

— Ливанскій? Адвокатъ?

— Ну да, именно, адвокатъ!..

— Какъ же, живутъ! Только ихъ нѣту дома теперь, они еще по дѣламъ ходятъ!

— А въ которомъ нумерѣ?

— Номеръ пятьдесятъ-четвертый. Какъ пройдете первый дворъ, то будутъ ворота, а пройдя ворота, возьмете вправо, по лѣстницѣ, четвертый этажъ...

— Ну, вотъ и ладно! Ты, Муся, посиди тутъ, а я сперва справку наведу! — обратилось духовное лицо внутрь кибитки, а въ отвѣтъ ему оттуда послышался мягкій женскій голосъ:

— И посижу!

Батюшка вошелъ во дворъ, прошелъ его, встрѣтилъ другія ворота, потомъ другой дворъ, повернулъ вправо и сталъ подыматься по узкой и не слишкомъ чистой лѣстницѣ.

— Высоконько, высоконько! — ворчалъ онъ себѣ подъ носъ, пыхтя и отдувая щеки. — Высоконько живутъ господа адвокаты!... Пф!... Этакъ задохнешься, пока достигнешь!

Но онъ-таки достигъ четвертаго этажа и позвонилъ въ ту дверь, на которой стояли 54 нумеръ и визитная карточка помощника присяжнаго повѣреннаго Василья Леонтьича Ливанскаго.

Ему отперла дверь толстая дама, лѣтъ, какъ ему пока-

залось, подъ сорокъ, съ широкимъ краснощекимъ лицомъ, слегка подпудреннымъ.

Онъ спросилъ, дома ли Ливанскій.

— Онъ скоро придетъ,—отвѣтила дама.—А вы по дѣлу, батюшка?

— Не то, чтобы... Но и не безъ дѣла!.. — отвѣтилъ батюшка.

— Такъ, можетъ-быть, подождете?

— Да ужъ не знаю... Меня тамъ лошади ждутъ! — промолвилъ батюшка, почему-то вспомнившій о лошадяхъ и позабывшій упомянуть о матушкѣ, сидѣвшей въ кибиткѣ.—Я изъ деревни!—прибавилъ онъ.

— Вы, можетъ-быть, родственникъ Василья Леонтьича?

— А какъ же не родственникъ? Да я же его родной братъ!

— Боже мой! — воскликнула дама, всплеснувъ руками. — Да что же вы такъ сразу не сказали? А я смотрю, смотрю — кажись, знакомое лицо! А вы на Василья похожи, да и портретъ вашъ вонъ тамъ виситъ въ кабинетѣ. Ну, такъ позвольте поздороваться! Очень, очень пріятно!

Она протянула ему свою пухлую руку, а батюшка сказалъ:

— А вы, должно-быть, теща Василья?

Но тутъ батюшка словно поперхнулся. Ему показалось, что дама, такъ любезно принявшая его, вдругъ смутилась и покраснѣла до ушей. «Ей-Богу же я, должно-быть, сказалъ что-нибудь не подходящее! — подумалъ батюшка. — И всегда это со мной случается; не умѣю я съ дамами разговаривать!»

— Н-нѣтъ, не теща, а... я жена его!..—сказала дама.

— Да, я такъ и думалъ... А оно какъ-то съ языка слетѣло — теща... Какъ же можно, чтобы молодая женщина была тещей... Ужъ вы мнѣ извините, ради Бога... Я—человѣкъ деревенскій! —промолвилъ батюшка, искренно желая загладить свою вину. —Такъ это вы, значитъ, и есть супруга Васильева? Братъ писалъ, писалъ... На свадьбу звалъ даже, да куда тамъ тащиться за пятьдесятъ верстъ зимой... Да, да, да! Очень пріятно познакомиться! Надѣюсь, побываете у насъ и поживете въ деревнѣ... Право! У насъ отлично! Воздухъ какой! Чудо!..

Батюшка, чтобы окончательно загладить свою неловкость, рѣшился сказать ей все, что только могъ сказать

пріятнаго. Но онъ въ то же время думалъ: «Да неужто Вася не нашелъ себѣ жены помоложе? Ахъ, ты, Боже мой! Да она ему подлинно въ тещи годится! Гм... женили, должно-быть, обкрутили какъ-нибудь! Вѣдь онъ-таки мямля порядочная!» Хозяйка между тѣмъ отдѣлалась отъ смущенія и приглашала родственника садиться.

— Да какъ же садиться-то, — воскликнулъ батюшка:— когда у меня тамъ на улицѣ лошади...

— Это ничего, онѣ постоятъ...

— Оно такъ, да въ дилижансѣ попадья сидитъ...

— Какая попадья?

— Да моя собственная попадья!..

— Ахъ, ты, Господи! Да что же вы давно не сказали? Ваша супруга здѣсь... Такъ почему же вы ее оставили? Да я сейчасъ сама схожу за нею.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ужъ позвольте... Это я схожу! Мнѣ и насчетъ лошадей надо распоряженіе сдѣлать!

Батюшка даже какъ будто немного испугался ея предложенія. Онъ боялся, чтобъ и съ попадьей не вышло какой-нибудь неловкости, и потому самъ отправился на улицу.

— Нашелъ?—спросила матушка, выставивъ изъ кибитки свое бѣлое, совсѣмъ еще молодое лицо, обрамленное голубымъ вязанымъ платкомъ.

Батюшка энергично махнулъ рукой.

— Ну, и срѣзался же я, ухъ!.. Вообрази: дама встрѣчаетъ лѣтъ сорока, да еще съ хвостикомъ... Я и говорю: вы, говорю, теща Васильева? А она какъ вся покраснѣетъ... Нѣтъ, говоритъ, жена...

— Ну?

— Ей-Богу! Я такъ и сгорѣлъ на мѣстѣ... Вотъ такъ сподобилъ Господь Василья-то!

— Старая?

— Богъ ее знаетъ! Можетъ, только на видъ такая!.. Ну, слѣзай, пойдемъ... Только смотри, и ты еще не сморозь какъ-нибудь... Я ужъ и то поправился, говорю, это съ языка слетѣло, а вы такая молодая!.. Ну, и еще тамъ разное наплелъ. А она толщины съ меня будетъ, а лицо—тарелка!.. Идемъ! А ты, Михайло, заѣзжай на постоялый дворъ да накорми лошадей! Къ вечеру и домой двинемся! Да вотъ тебѣ пятакъ на булку!..

Михайло звонко потянулъ носомъ воздухъ, что означало, что онъ понялъ и принялъ къ свѣдѣнію. Матушка вылѣзла

изъ кибитки и оказалась стройной женщиной средняго роста, съ мягкой поступью и плавными движеніями.

По дорогѣ батюшка успѣлъ разсказать матушкѣ всѣ свои наблюденія, которыя онъ сдѣлалъ за пять минутъ: живетъ Василій неважно, сейчасъ видно, что неважно. Видно, что многаго не достаетъ. Этажъ высокій,—идешь, идешь, словно на башню вавилонскую. Квартира тѣсная и кухней пахнетъ. При томъ и прислуги никакой не видно, сама дверь отпираетъ. Диванчикъ стоитъ малюсенькій, потертый, столъ да стулья,—вотъ и вся гостиная... Нѣтъ, это сейчасъ видно, что братъ въ недостаткѣ живетъ. И женился на старой... Непонятно! Сказать бы — деньги взялъ, а то нѣтъ, не видно этого...

Вторичное поднятіе по лѣстницѣ было для батюшки настоящимъ подвигомъ. Человѣкъ онъ былъ тяжелый и къ тому же въ деревнѣ не привыкъ ходить по лѣстницамъ.

Какъ только онъ вновь увидѣлъ хозяйку, то тотчасъ же сообразилъ, что она успѣла подправиться. На ней была теперь свѣтлая кофточка, она привела въ порядокъ прическу и воткнула въ волосы гребенку съ гранатовой спинкой. Шея у нея была открыта, а на лицо была положена свѣжая пудра. Отъ всего этого она сдѣлалась моложе, и теперь по крайней мѣрѣ можно было сказать, что не такъ еще давно, лѣтъ пять тому назадъ, она была очень недурна.

Родственники усѣлись въ гостиной и разговорились. Былъ августовскій солнечный день. Яркіе лучи солнца обильно освѣщали комнату, и отъ этого неказистая мебель казалась еще менѣе привлекательной. Лидія Павловна тотчасъ же плѣнила ихъ своею любезностью. Она сама развязала матушкѣ платокъ и сняла его съ головы. Нѣжное бѣлое лицо матушки стало еще милѣе, и Лидія Павловна не замедлила высказать свой восторгъ.

— Ахъ, вы такая молоденькая, что мнѣ рядомъ съ вами и сидѣть страшно!—воскликнула она, и тутъ же повѣдала, что она на пять лѣтъ старше Василья, но что это ничего, потому что за нимъ надо смотрѣть, какъ за малымъ ребенкомъ.

«На десять!»—подумали одновременно батюшка и матушка, но надо сказать, что простота и любезность Лидіи Павловны значительно смягчили ихъ, и они теперь уже какъ бы примирялись съ ея возрастомъ.

— А видно, заработки Василья плоховаты! — брякнулъ

батюшка, вообще всегда говорившій безъ предисловій и неожиданно.

Матушка, которая, напротивъ, всегда держалась дипломатическихъ пріемовъ, посмотрѣла на него съ ужасомъ.

— Что ты, отецъ Гавріилъ? Развѣ мы можемъ это знать?—воскликнула она.

— Нѣтъ, что-жъ, видно!.. Я что вижу, то и говорю!.. По-родственному. Чего скрываться? Имъ извѣстно, что я отъ доброй души...

Лидія Павловна слегка покраснѣла, но нисколько не обидѣлась.

— Не скрою, — сказала она: — Вася зарабатываетъ немного...

— Вотъ то-то и оно!

— Отецъ Гавріилъ!—укоризненно произнесла матушка, но о. Гавріилъ не смутился.

— Да вѣдь я по-братски!—отвѣтилъ онъ. — Чужому бы не сказалъ, а своему отчего же?..

— О, разумѣется! — ободрила его Лидія Павловна. — Но вы знаете, Вася только недавно началъ свою карьеру. Онъ только два года помощникомъ... Будетъ присяжнымъ повѣреннымъ, тогда и дѣла станутъ лучше...

— Нѣтъ, не станутъ! Никогда не станутъ!.. — рѣшительно объявилъ батюшка, чѣмъ на этотъ разъ смутилъ и Лидію Павловну.

— Отчего же вы такъ думаете? — спросила она, слегка даже обидѣвшись.

— Оттого, что Василій—мямля, вотъ отчего! Въ этакомъ дѣлѣ, какъ я понимаю, надо, чтобы человѣкъ былъ на всѣ руки, и въ огонь и въ воду, разбитной, бывалый, бойкій,— тамъ ухватить, здѣсь помѣшать, тамъ напутать, здѣсь распутать... Я такъ понимаю. А Василій мямля, гдѣ ему! Я же знаю его...

— А это есть, это есть!—съ грустью подтвердила Лидія Павловна. — Ему не достаетъ... какъ бы это сказать?.. Предпріимчивости!..

— Ну, я же и говорю!—подхватилъ отецъ Гавріилъ. — Я же это самое и говорю. И вѣдь вотъ что обидно: когда еще онъ семинарію кончалъ и, задравши кверху носъ, въ университетъ стремился, я ему говорилъ по-братски: эй, Василій, подумай о томъ, что дѣлаешь! Къ чему тебѣ университетъ? Чѣмъ ты будешь? Адвокатомъ? Такъ изъ тебя такой же адвокатъ, какъ изъ меня, напримѣръ, танцовщица

балетная... Ахъ, говорю, оставался бы ты въ духовномъ званіи, надѣлъ бы рясу, да и жилъ бы себѣ у Христа за пазухой!.. А онъ это: фрр... брр... Молчи, говоритъ, — ты закоснѣлъ въ матеріальныхъ привязанностяхъ, а у меня, говоритъ, стремленіе къ высшимъ интересамъ... Тогда, знаете, линія такая была, что всѣ наши бурсачки къ высшимъ интересамъ стремились, ну, и иные, дѣйствительно, достигли... Напримѣръ, Подольскій теперь прокуроромъ, или Семибратовъ, напримѣръ, химическимъ заводомъ завѣдуетъ и уже свой хуторъ имѣетъ... Но это же немногіе. А Василью никогда этого не добиться... Потому у него духа такого нѣтъ... Вы извините, я прямо говорю, по-братски... И тогда говорилъ и теперь говорю! Василью лучше всего попомъ быть! Чего ему? Жизнь спокойная, всего вдоволь... благодатная жизнь!.. Не такъ ли я говорю, Муся?

— Это что кому по душѣ... —дипломатически отвѣтила матушка: — одному то приходится, а другому это... Такъ нельзя говорить, отецъ Гавріилъ...

Отецъ Гавріилъ нетерпѣливо тряхнулъ головой и всколыхнулъ при этомъ всю свою кучу волосъ.

— Да я не о томъ!—возразилъ онъ.—Я насчетъ жизни. Я говорю: наша жизнь съ тобой развѣ не благодатная?

— Жизнь, слава Богу, хорошая... Не могу сказать, чтобы что!—снисходительно отвѣтила матушка.

— Ну, вотъ я это самое!.. Напримѣръ, извините... Имя, отчество не знаю...

— Лидія Павловна!

— Напримѣръ, извините, позвольте спросить,—вы хлѣбъ покупаете?

— А какъ же? По шести копеекъ за фунтъ, а ржаной по три...

— Такъ-съ! — батюшка насмѣшливо улыбнулся въ сторону матушки. — Хлѣбъ покупаютъ да еще на фунтъ!.. А курицу, позвольте справиться?

— Какъ курицу? — съ удивленіемъ спросила Лидія Павловна.

— Курицу? Да очень просто — курицу на жаркое или, напримѣръ, утку или гуся?..

— Разумѣется, покупаемъ! Кто же даромъ даетъ?

— Ну, вотъ, кто же! А мы своихъ разводимъ... Ну, и топливо покупаете да, можетъ, еще на фунтъ?

— Само собою!

— Такъ какая же это жизнь? Вѣдь это на все надо

имѣть расчетъ: того купи, этого купи... Отъ одного этого голова заболитъ. Гдѣ жъ тутъ покой? А у насъ истинный покой. Землица есть. Топимъ соломой и камышомъ, а это—свое, хлѣбъ имѣемъ отъ панихидъ, худобу держимъ, и никакихъ заботъ. Служи себѣ и живи спокойно!..

— Неужели никакихъ заботъ? — съ горячимъ любопытствомъ спросила Лидія Павловна.

— Ну, какъ сказать! Служба—какъ служба! Иной разъ и ночью подымутъ, ежели, напримѣръ, причастить больного или соборовать. Но это рѣдко, притомъ же знаешь, что этимъ утѣшеніе человѣку приносишь, и никому обиды,—оно и спокойно. Это не то, что адвокатъ. Онъ дѣло выигралъ, одного утѣшилъ, а другому насолилъ да не всегда и выигралъ. Да и съ народомъ—мошенникомъ имѣть дѣло приходится, а мы—съ простотой. Нѣтъ, это я вамъ истинно говорю, что Василью самая настоящая дорога была—въ попы!..

Лидія Павловна задумалась. Мысль о томъ, чтобы ея мужъ могъ сдѣлаться духовнымъ лицомъ, а она попадьей, никогда не приходила ей въ голову. Сама она никогда не имѣла никакихъ отношеній съ духовными лицами, совсѣмъ не знала этого міра и не задавалась вопросомъ, какъ онъ живетъ. Слыхала она, что въ деревняхъ попы живутъ хорошо, ѣдятъ кныши и толстѣютъ, но до этого ей не было дѣла. Съ Васильемъ Леонтьичемъ она познакомилась, когда онъ уже кончилъ университетъ. Онъ жилъ у ея матери на квартирѣ, она сильно засидѣлась въ дѣвицахъ и, разумѣется, окружала квартиранта вниманіемъ и заботливостью. Ливанскій свыкся съ нею и, послѣ двухлѣтняго квартирантства, обвѣнчался, больше по лѣности, не желая мѣнять обстановки, къ которой привыкъ. Поженившись безъ увлеченія, они, однакожъ, были довольны другъ другомъ и дружно боролись съ житейскими невзгодами, которыхъ было множество. Дѣла Ливанскаго шли плохо. Онъ уже второй годъ бѣгалъ по мировымъ судьямъ, выбиваясь изъ силъ, тратя время на грошовыя дѣла, и никакъ не могъ добиться успѣха. Въ то время, какъ товарищи его подчасъ на лету хватали бойкія дѣла и зарабатывали изрядные куши, онъ еле сводилъ концы съ концами, жилъ на второмъ дворѣ и не могъ порядочно обставить квартиру. Нерѣдко они вдвоемъ обсуждали свое положеніе и задавали вопросъ: почему это такъ? И отвѣчали, что Василью Леонтьичу не везетъ, но при этомъ надѣялись, что въ будущемъ ему повезетъ.

И вдругъ о. Гавріилъ съ перваго же знакомства, какъ молніей, освѣтилъ всѣ ея недоумѣнія. «Мямля!..» Такъ и есть! Василій—мямля, это несомнѣнно, и адвокатура — не его дорога.

Когда она слушала описаніе спокойной деревенской жизни, гдѣ все подъ рукой, всего вдоволь, гдѣ не надо гоняться за кускомъ хлѣба, гдѣ концы съ концами сами собою сходятся,—у нея явилось какое-то ощущеніе тепла и уютности. Вѣдь, въ сущности, она всю жизнь нуждалась. При отцѣ, весьма маленькомъ чиновничкѣ, жили скудно, а безъ него, въ качествѣ содержательницъ меблированныхъ комнатъ, еще того хуже. Вотъ, наконецъ, и замужъ вышла, и хорошо вышла, не за мелкоту какую-нибудь, а за адвоката и порядочнаго человѣка, а все нужда осталась съ нею. Тутъ поневолѣ заслушаешься, когда тебѣ начнутъ напѣвать сладкія рѣчи про тихую, спокойную, довольную жизнь... Но она спохватилась и встала.

— Охъ, что же это я заговорилась и ничѣмъ васъ не угощаю!—воскликнула она.—Надѣюсь, не откажетесь кофейку выпить, а потомъ будемъ завтракать, когда Вася придетъ!..

Гости, разумѣется, отказывались, но хозяйка настояла и пошла въ кухню хлопотать.

Когда батюшка съ матушкой остались глазъ на глазъ, они многозначительно переглянулись, но взглядъ каждаго изъ нихъ выражалъ различныя мысли. Взглядъ батюшки говорилъ: «А что? Напѣлъ я ей! Кажись, и во вкусъ вошла! Вишь, какъ глазки затуманились!» Взглядъ матушки говорилъ: «Какъ тебѣ не стыдно, отецъ Гавріилъ! Можно ли такъ задѣвать человѣка?» Отецъ Гавріилъ поднялъ брови и обѣ руки,—дескать, «что-жъ подѣлаешь, когда это правда, а я люблю рѣзать правду!» Матушка покачала головой. Потомъ они оба какъ бы задумались. Первый поднялъ голову о. Гавріилъ и, указавъ взглядомъ въ сторону кухни, тѣмъ же самымъ взглядомъ выразилъ слѣдующую мысль: «Ну, какъ по-твоему, — старовата? а?» На это матушка сложила въ трубочку губы, прищурила глаза и тихонько утвердительно покачала головой: «Стара, молъ, не стара, для чего ужъ такъ обижать человѣка? Но и не то, чтобы первой молодости». Тутъ о. Гавріилъ пустилъ въ ходъ такой выразительный взглядъ, который прямо говорилъ: «Ну, и сколько же ей, по-твоему?»

— Мало тридцать пять! — прошептала матушка, наклонивъ къ нему голову.

Раздался звонокъ, и черезъ полминуты вошелъ Василій Леонтьичъ. Родственники цѣловались, восклицали, выражали удовольствіе, хлопали другъ друга по плечу. А Лидія Павловна въ это время изъ силъ выбивалась и ломала голову надъ вопросомъ, какъ бы изъ купленнаго на сегодня полутора фунта мяса устроить завтракъ, за который не было бы совѣстно передъ деревенскими гостями.

II.

Василій Леонтьичъ искренно обрадовался брату, котораго онъ не видалъ года три. Они всегда жили дружно, вмѣстѣ терпѣли нужду въ домѣ своего отца, деревенскаго дьячка, вмѣстѣ учились въ семинаріи, гдѣ Гавріилъ шелъ на два класса старше, и только немного разошлись, когда Василій, кончивъ богословіе, вдругъ объявилъ о своемъ намѣреніи бросить духовное званіе и идти въ университетъ. О. Гавріилъ, бывшій уже на приходѣ въ селѣ Варваровкѣ, получивъ объ этомъ извѣстіе, счелъ своимъ долгомъ пріѣхать въ городъ и образумить брата. Но эта поѣздка кончилась для него грустнымъ разочарованіемъ. Онъ не узнавалъ брата, онъ словно встрѣтилъ въ немъ другого, чужого ему человѣка.

И когда Гавріилъ сталъ рисовать Василію заманчивыми красками всю прелесть духовной карьеры, очень долго останавливаясь на обезпеченности, спокойствіи, довольствѣ, то Василій не понялъ его, потому что разсматривалъ жизнь совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Съ своей стороны и Гавріилъ не понялъ Василья, когда тотъ, въ отвѣтъ на его увѣщанія, сказалъ возвышеннымъ, почти торжественнымъ тономъ такую рѣчь: «Братъ Гаврюша! Не стану тебѣ много говорить, потому что ты не поймешь меня! Хотя ты всего на три года старше меня, а по семинаріи на два курса, но, тѣмъ не менѣе,—ты человѣкъ другого закала и другого направленія. Твои стремленія не идутъ далѣе матеріальныхъ благъ,—какъ бы поудобнѣе да потеплѣе устроиться, обезпечить старость и тому подобное. Мы же, я и мои товарищи, хотимъ достигнуть высшаго, мы желаемъ быть полезными гражданами и работниками на пользу родины! А потому—оставь это, братъ Гаврюша! Живи по-своему, а я буду жить по-своему!»

Послѣ такой рѣчи, въ которой все было туманно, а для о. Гавріила даже непонятно, онъ только развелъ руками и сказалъ: «Какъ знаешь, Вася, какъ знаешь! Только... чтобы

не сожалѣть потомъ... Я, какъ старшій братъ, говорю... То, что ты сказалъ, конечно, очень высоко для меня, но все же подумай: съ нашими ли крыльями парить въ такую высь!.. Подумай, братъ!»

И, сказавъ это, обнялъ брата и поѣхалъ въ свой приходъ. Съ тѣхъ поръ братья видались разъ десять, но кратко, когда о. Гавріилъ пріѣзжалъ по своимъ дѣламъ въ губернскій городъ. Старшій братъ помогалъ младшему деньгами, но большой помощи оказать не могъ, потому что и свое семейство увеличивалось, и онъ привыкъ видѣть Василія бѣдно одѣтымъ, но всегда по-студенчески веселымъ и довольнымъ своимъ положеніемъ. Но послѣ того, какъ Василій кончилъ курсъ, братья не видались, и для Василья Леонтьича эта встрѣча была пріятной неожиданностью.

Братья разспрашивали другъ друга о дѣлахъ. Василію не пришлось много разсказывать. Стоило только взглянуть на его обстановку, чтобы понять, какъ плохи его дѣла. Поэтому онъ, сказавъ нѣсколько общихъ фразъ, поспѣшилъ задать брату кучу вопросовъ. У нихъ было множество духовной родни, и о. Гавріилъ принялся повѣствовать, а хозяинъ внимательно слушалъ.

Они сидѣли въ той же комнатѣ, которая за полчаса передъ этимъ была гостиной,—теперь ее превратили въ столовую, накрывъ столъ бѣлой скатертью и поставивъ на него приборы. Матушка замѣтила, что въ кухнѣ шевелилось еще какое-то живое существо, но оно къ гостямъ не вышло. Она тотчасъ же рѣшила, что это, должно-быть, мать Лидіи Павловны, «но такая какая-нибудь замухрышка, что ее стыдно людямъ показать».

Лидія Павловна поддерживала разговоръ съ матушкой, но при этомъ внимательно разсматривала обоихъ братьевъ, сидѣвшихъ рядомъ. О. Гавріилъ рѣшительно поражалъ ее своими размѣрами, розовыми щеками, внушительнымъ голосомъ, великолѣпнымъ аппетитомъ, рѣшительными движеніями и прямымъ, смѣлымъ взглядомъ. Но она также внимательно разсматривала Василія, какъ будто видѣла его въ первый разъ, какъ и старшаго брата. И это сравненіе изумляло ее. Вася былъ не что иное, какъ тѣнь о. Гавріила. Чѣмъ больше она всматривалась въ нихъ, тѣмъ болѣе поразительное сходство находила между ними. Одинаковый большой ростъ, тѣ же черты лица—носъ, губы, подбородокъ, лобъ, тѣ же каріе глаза, такіе же густые темные волосы и даже одного качества голосъ. Но у о. Гавріила черты лица

оживлялись здоровой полнотой и яркимъ румянцемъ, глаза его смотрѣли увѣренно и твердо, какъ у человѣка, знающаго себѣ цѣну и спокойнаго за свою будущность, а лицо Василія было блѣдно и худо, бородка на немъ росла скудно, а волосы на головѣ какъ-то безпомощно торчали въ разныя стороны, вся фигура его согнулась, какъ у человѣка, обремененнаго заботами, а взглядъ выражалъ не то грусть, не то боязнь, не то равнодушіе. Лидіи Павловнѣ пришла въ голову странная мысль, что Василій Леонтьичъ есть какъ бы общипанный о. Гавріилъ. Ей казалось, что если бы на о. Гавріила вдругъ навалились со всѣхъ сторонъ тяжкія заботы или жестокая болѣзнь нѣсколько мѣсяцевъ продержала его въ постели, то онъ послѣ этого былъ бы такимъ же, какъ Василій. А главное — «мямля, мямля», такъ это и сквозило во всѣхъ его словахъ, во всѣхъ движеніяхъ. До сихъ поръ она этого не замѣчала. Онъ только казался ей тихимъ, спокойнымъ и, пожалуй, безхарактернымъ человѣкомъ, а теперь, когда она увидѣла ихъ рядомъ и разглядѣла энергичное, самоувѣренное лицо о. Гавріила, она ясно поняла, что Василій—мямля, «круглая мямля», какъ она мысленно выразилась.

Затѣмъ, когда она стала думать, отчего это произошло, ей припомнился разговоръ съ о. Гавріиломъ, и мысли ея приняли странное теченіе. Она смотрѣла на Василія и воображала его другимъ. Ей представлялось, что онъ надѣлъ рясу и сталъ попомъ. Это была такая же темно-коричневая ряса, какъ у о. Гавріила, съ широкими рукавами, изъ-подъ которыхъ выглядывали узенькіе рукавчики полукафтанья. Это смѣшно, но ничего, къ этому можно привыкнуть. При этомъ Василій на ея глазахъ видимо толстѣетъ и розовѣетъ, у него густо отростаетъ борода, волосы смѣлыми прядями спускаются съ головы на плечи, взглядъ перестаетъ быть жалкимъ, подавленнымъ, пріобрѣтаетъ смѣлость, твердость, увѣренность... Да нѣтъ же, это недурно, это очень недурно. Длинная ряса нисколько не портитъ дѣла; по крайней мѣрѣ—мужчина, какъ мужчина. Это хорошо. А тутъ еще полѣзли въ голову заманчивые разсказы о. Гавріила о томъ, какъ у нихъ всего вдоволь, ни о чемъ не надо заботиться, жизнь спокойная, блаженная. Да вѣдь это—то, о чемъ она мечтала всю жизнь! Вѣдь это, и только это, и есть настоящая жизнь,—успокоиться, перестать мучительно думать о завтрашнемъ днѣ, упрочиться...

— А мы тутъ съ твоей женкой разговорились о дѣлахъ,—

шутливо промолвилъ о. Гавріилъ, кончивъ отчетъ о родственникахъ.

Лидія Павловна встрепенулась и подняла голову.

— О какихъ дѣлахъ?—спросилъ Василій Леонтьичъ.

Матушка насторожилась и тонкимъ движеніемъ бровей дѣлала о. Гавріилу знаки предостереженія. «Вѣдь такъ и ляпнетъ сейчасъ что-нибудь!»—подумала она, зная хорошо нравъ о. Гавріила.

— А такъ, вообще!.. — сдержанно отвѣтилъ батюшка, уступивъ мимическимъ увѣщаніямъ своей супруги, и при этомъ громко и многозначительно кашлянулъ.

— Что же такое вообще?—сказалъ Василій.—Лида, кажется, ни въ какихъ дѣлахъ ничего не смыслитъ...

— Нѣтъ, не скажи!.. Лидія Павловна отнеслась, какъ бы сказать... весьма симпатично.

Лицо матушки выразило напряженное опасеніе. Уже было почти несомнѣнно, что о. Гавріилъ сейчасъ «ляпнетъ».

— Къ чему отнеслась? — спросилъ Василій Леонтьичъ, сильно заинтересованный недоговорками о. Гавріила.

Тутъ матушка нашла необходимымъ вмѣшаться.

— Ну, отецъ Гавріилъ всегда что-нибудь такое сочинитъ!—промолвила она.—Пустое что-нибудь, а онъ...

— Такъ, вѣдь, ты же не была тутъ, Мусечка! — осторожно отклонилъ ея вмѣшательство о. Гавріилъ. — Это мы съ Лидіей Павловной вдвоемъ бесѣдовали, когда ты еще въ дилижансѣ сидѣла...

Матушка покраснѣла съ досады. Было очевидно, что о. Гавріилъ желаетъ во что бы то ни стало выйти изъ повиновенія и для этого рѣшился даже отступить отъ истины. Она пожала плечами, и лицо ея выразило ту мысль, что она умываетъ руки и предоставляетъ, кому угодно, говорить, что угодно.

— Да о чемъ же вы бесѣдовали? — уже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ спросилъ Василій.

— А видишь,—отвѣтилъ батюшка:—я вспомнилъ, какъ ты кончалъ курсъ семинаріи, и я тебя уговаривалъ въ попы идти!..

Василій Леонтьичъ разсмѣялся.

— Ахъ, вотъ что! Ну, и правда, что старину же ты вспомнилъ, Гаврюша!

О. Гавріилъ употребилъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать ди-

пломатическое лицо, но, несмотря на это, на лицѣ его можно было прочитать всѣ его намѣренія.

— Оно конечно... не вчера это было!..—промолвилъ онъ.— Только у меня такая есть мысль, что, можетъ, оно и теперь пришлось бы...

На эти слова Василій Леонтьичъ еще пуще прежняго разсмѣялся.

— Это чтобы я теперь рясу надѣлъ? Изъ фрака да въ рясу? Ну, и мысли же у тебя, Гаврюша!

— Нѣтъ, что-жъ, бываетъ!.. И притомъ я такъ это... Между прочимъ!—сказалъ о. Гавріилъ, и разговоръ какъ-то самъ собой, но, кажется, благодаря нѣкоторымъ мѣрамъ, принятымъ со стороны матушки, принялъ другое направленіе.

Въ маленькой комнатѣ вдругъ раздались рѣчи объ арбузахъ и дыняхъ этого года, потомъ перешли на проса, а кончили какимъ-то образомъ опять двоюроднымъ братомъ, который нагрѣшилъ и попалъ въ монастырь.

Было уже около четырехъ часовъ, когда матушка поднялась и объявила, что имъ пора ѣхать.

— А это именно, что пора!—подтвердилъ о. Гавріилъ и тоже всталъ.

Хозяева выразили-было удивленіе по поводу того, что они не остаются у нихъ до завтра, но такъ какъ обѣ стороны прекрасно сознавали, что въ маленькой квартиркѣ гостямъ помѣститься будетъ негдѣ, то эта тема не была поддержана.

— А вы къ намъ пріѣзжайте какъ-нибудь на недѣльку!— любезно и, кажется, искренно приглашала матушка, обращаясь на прощанье къ Лидіи Павловнѣ. — Погостите у насъ, воздухомъ попользуетесь! Намъ будетъ очень пріятно!

О. Гавріилъ положилъ свою тяжелую руку на плечо брата и сказалъ:

— А вѣдь это еще не ушло, Вася, ей-ей!

— Что такое?—спросилъ Василій Леонтьичъ.

— Да вотъ насчетъ священства говорю... Только не знаю... ужъ извините меня, Лидія Павловна... когда братъ женился, такъ вы дѣвицей были или вдовой?..

Лидія Павловна вся зардѣлась, вспомнивъ о томъ, что рѣчь идетъ о ея очень позднемъ дѣвичествѣ. Но она никакъ не могла понять, зачѣмъ о. Гавріилъ объ этомъ спрашиваетъ. Она отвѣтила:

— Дѣвицей, а что?

— А я къ тому, что ежели кто женатъ на вдовѣ, то ему священство закрыто...

— Неужто?

— Истинно такъ... Такъ это хорошо, что вы дѣвицей были... Подумай-ка, брате!

Все это, разумѣется, было сказано въ тонѣ шутки и, если Василій Леонтьичъ ничего противъ этого не возражалъ, то единственно потому, что объ этомъ нельзя было говорить серьезно.

Когда гости ушли, Лидія Павловна сказала:

— Славный у тебя братъ. Мнѣ онъ очень понравился!..

— Да,—отвѣтилъ Василій Леонтьичъ: — онъ добрый и простой, только часто говоритъ глупости!

Она вышла и изъ другой комнаты наблюдала, какъ Василій сперва задумчиво сидѣлъ на диванѣ, а затѣмъ всталъ и началъ шагать по комнатѣ. Она поняла, что у него въ головѣ безпокойныя мысли.

«О чемъ онъ думаетъ? О чемъ онъ думаетъ?»—мысленно спрашивала она себя.

III.

Василій Леонтьичъ думалъ о томъ, какъ это вышло.

Въ семинаріи классъ ихъ состоялъ изъ двадцати-трехъ человѣкъ, и жили они дружно; всѣ, какъ на подборъ, были хорошіе товарищи. Былъ среди нихъ юноша, по фамиліи Марининъ; онъ составлялъ центръ класса, его душу. Впечатлительный, способный, начитанный съ малолѣтства, онъ никогда не былъ первымъ ученикомъ, потому что не гонялся за этимъ. У него былъ братъ студентъ и хорошее знакомство среди университетской молодежи. Онъ посѣщалъ даже одного профессора, у котораго нерѣдко собирались студенты. Въ предпослѣднемъ классѣ можно было замѣтить, что Марининъ подчинилъ классъ своему вліянію. Трудно сказать, какъ это вышло,—онъ ничего не предпринималъ для этого, это было простое, естественное вліяніе сильнѣйшаго на болѣе слабыхъ. Но классъ уже не галдѣлъ безпорядочно о духовныхъ сплетняхъ, о слабостяхъ учителей, о невѣстахъ и мѣстахъ. На немъ лежалъ какой-то отпечатокъ серьезности, вдумчивости. Марининъ доставалъ книги, самыя простыя, свѣтскія книги, которыя читаетъ любой студентъ и гимназистъ, но которыя для семинариста считались запретнымъ плодомъ.

Начались общія чтенія, горячіе юношескіе споры, вти-

хомолку издавали журналъ, сами сочиняли статьи и сами же читали ихъ,—словомъ, обыкновенная исторія тайнаго и тщательно скрываемаго умственнаго развитія въ стѣнахъ заведенія, гдѣ требовались только точные отвѣты на урокахъ, внѣшнее благонравіе и обязательно дурныя манеры, потому что семинаристъ съ хорошими манерами походилъ на свѣтскаго человѣка, и на него косились. Изъ всего этого родилось скептическое отношеніе къ духовной карьерѣ и дружное стремленіе скорѣе съ нею покончить. Казалось всѣмъ, что университетъ—единственная дверь, сквозь которую можно пройти на поприще честнаго служенія родинѣ, и весь классъ—всѣ двадцать-три—чуть не поклялись, кончивъ семинарію, поступить въ университетъ. Такъ и сдѣлали, сильно поразивъ этимъ свое вѣдомство.

«Почему я сталъ юристомъ?—спрашивалъ себя теперь Василій Леонтьичъ.—Почему я, напримѣръ, не остался естественникомъ, а предпочелъ потерять цѣлый годъ ради юриспруденціи? Развѣ у меня былъ вкусъ къ юридическимъ наукамъ? Да, вѣдь, я объ нихъ не имѣлъ понятія. Или—къ адвокатской дѣятельности? Но въ тѣ годы я не видалъ въ глаза ни одного адвоката и очень смутно представлялъ себѣ, что это за дѣятельность. Но почему же? Почему?»

Да такъ, ни почему. Толпа молодежи валила тогда на юридическій факультетъ. Одни, въ комъ незамѣтно тлѣли инстинкты пріобрѣтательности и наживы, смутно чуяли, что это самый вѣрный путь, чтобы прожить жизнь пріятно, другіе увлекались наиболѣе гражданскимъ колоритомъ этой дѣятельности, третьихъ, наконецъ, привлекала сама наука. А Ливанскій не принадлежалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, ни къ третьимъ.

«Есть изъ нашего брата ходкіе, развязные, нахальные, есть всякіе,—размышлялъ Ливанскій:—но приглядись къ нимъ и сейчасъ увидишь семинариста».

Вошла Лидія Павловна, и на лицѣ ея было ясно написано, что она расположена поговорить.

— О чемъ это ты такъ все думаешь, Вася?—спросила она, садясь у стола на диванѣ.

Василій Леонтьичъ остановился и посмотрѣлъ на нее очень внимательно. Почему-то ему вдругъ вспомнилась Марья Игнатьевна, жена Гавріила. Какая она молодая, свѣжая, несмотря на то, что у ней трое дѣтей! Гавріилъ женился на ней, когда ей было восемнадцать лѣтъ, значитъ, теперь ей всего двадцать-семь, а женаты они уже

десять лѣтъ. Онъ женатъ всего какихъ-нибудь полгода, онъ на три года моложе Гавріила, а женѣ его тридцать-семь лѣтъ. Онъ какъ будто только-что узналъ это, ему вдругъ стало нестерпимо досадно. «На кой чортъ я женился, спрашивается?—подумалъ онъ.—Вѣдь въ этомъ нѣтъ никакого смысла! Ну, теперь еще ничего, положимъ. Лида еще ничего себѣ... Но лѣтъ черезъ пять она будетъ для меня старухой!.. И опять же это оттого, что я — семинаристъ, до мозга костей семинаристъ. Поухаживали за тобой, приласкали тебя, вотъ ты и раскисъ и женился, потому что никогда ни отъ кого не слыхалъ добраго, ласковаго слова. Гавріилъ этого не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать. Это ужъ такъ заведено, что когда семинаристъ кончаетъ курсъ и идетъ въ попы, его ждутъ въ своемъ кругу молодыя невѣсты: выбирай любую. Ему иначе и нельзя, потому что попу полагается только одна жена. Мы съ Лидой, въ случаѣ чего, и разойтись можемъ, я, можетъ, еще встрѣчу другую женщину и полюблю ее, а попу этого нельзя. Вотъ поэтому-то идущій въ попы почти застрахованъ отъ того, чтобы жениться на старшей себя. Сама жизнь какъ-то все это устраиваетъ!..»

Впрочемъ, надо сказать, что Ливанскій думалъ это совершенно беззлобно. Онъ, въ сущности, былъ порядочно привязанъ къ своей женѣ и вовсе не думалъ расходиться съ нею. Это былъ только невинный потокъ мыслей, вызванный сравненіемъ.

Онъ отвѣтилъ на вопросъ жены:

— О чемъ? Да ни о чемъ!.. Такъ... Дѣла наши не важно идутъ!..

— А вотъ отецъ Гавріилъ совѣтуетъ тебѣ идти въ священники!—полушутя сказала Лидія Павловна и, осторожно поднявъ глаза, слѣдила за тѣмъ, какое это произведетъ впечатлѣніе.

Василій Леонтьичъ иронически усмѣхнулся.

— А ты хотѣла бы быть попадьей?

— Да развѣ попадьи не такія же женщины, какъ всѣ?..

— Положимъ, что такія же... Я знаю очень почтенныхъ попадей! Только все-таки очень странно, что ты объ этомъ говоришь... почти серьезно!..

— Но почему же?

— Почему? А вотъ почему: неужели ты думаешь, что мнѣ, отказавшемуся разъ отъ духовной карьеры, не будетъ унизительно теперь, когда дѣла идутъ плохо, просить и

клянчить, чтобы меня опять приняли? Какъ ты думаешь? Да еще надо знать, какъ мы отказались! Когда мы, кончивъ курсъ въ семинаріи, заявили ректору о нашемъ рѣшеніи поступить въ университетъ, и ректоръ началъ увѣщевать насъ, говоря, что не слѣдуетъ измѣнять преданіямъ нашихъ отцовъ, что это заблужденіе, будто пользу можно принести только въ свѣтскомъ званіи, что священникъ можетъ быть, если захочетъ, очень полезенъ своимъ прихожанамъ, — такъ мы такими взглядами на него смотрѣли, словно онъ училъ насъ самому дурному дѣлу. Кто-то изъ насъ даже какое-то неразумное слово сказалъ, которое очень огорчило старика... Не помню ужъ что̀, но что-то гордое и презрительное. И чтобы я теперь пошелъ къ нимъ съ поклоннымъ видомъ и сказалъ: «виноватъ, ошибся!..» Никогда!

Василій Леонтьичъ волновался, сердился, какъ будто его въ самомъ дѣлѣ заставляли сейчасъ же идти и просить прихода.

— Но чего же ты разсердился?—спросила Лидія Павловна. — Я сказала такъ себѣ, а ты понялъ въ серьезъ, что ли?

Но Василій Леонтьичъ не на нее сердился, а на себя. Онъ поймалъ себя на странной мысли, которая сначала показалась ему смѣшной, а потомъ досадной: «а что, если бы и въ самомъ дѣлѣ взялъ да и пошелъ?..»

— Нѣтъ, это совершенно, совершенно невозможно! — сказалъ онъ вслухъ. — Буду тянуть лямку. Авось, какой-нибудь счастливый случай выведетъ и сразу поставитъ на ноги!..

Лидія Павловна нисколько не потеряла желанія поговорить, но она нашла этотъ моментъ неудобнымъ и отложила свое намѣреніе на послѣ.

IV.

О. Гавріилъ поѣхалъ не прямо домой, а завернулъ къ о. благочинному, съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, и который крестилъ у него дѣтей. Было у о. Гавріила маленькое дѣльце — что-то насчетъ метрическихъ книгъ,—но будь это одно, онъ не заѣхалъ бы, тѣмъ болѣе, что солнце уже сильно клонилось къ закату. Положеніе, въ которомъ онъ засталъ брата, произвело на него почти потрясающее впечатлѣніе, и онъ всю дорогу высказывался матушкѣ.

— Не могу успокоиться, ей-ей не могу успокоиться!..— горячо говорилъ онъ.—Я полагалъ, у него царскія палаты, думалъ, сильныя дѣла дѣлаетъ, тысячами ворочаетъ, а онъ—прямо сказать — какъ нищій живетъ. Чудные люди, ей-ей! Учатся, учатся, все имъ мало, давай еще учиться; въ семинаріи зудятъ десять лѣтъ да въ университетѣ пять, всего пятнадцать; ну, по крайности за это какая-нибудь награда была бы! А то нѣтъ ничего! Пятнадцать лѣтъ учился, и нѣтъ ничего! И еще этого бобра убилъ! Ну, зачѣмъ ему? Чуть не вдвое старше его! Положимъ, можетъ-быть, она добрая женщина, такъ вѣдь тутъ доброты мало!.. Нѣтъ, нѣтъ, надо это оборудовать, чтобы онъ на старую дорогу пошелъ... Поговорю съ отцомъ-благочиннымъ!

И когда о. благочинный, принявъ его радушно, какъ пріятеля и кума, спросилъ: что новаго? онъ совсѣмъ забылъ про метрическія книги, а прямо сказалъ:

— Эхъ, отецъ-благочинный, былъ я сейчасъ у брата моего Василья...

— А! у адвоката!?

— Адвокатъ! Какой онъ адвокатъ!?

И о. Гавріилъ безнадежно махнулъ рукой.

О. благочинный зналъ Василья Леонтьевича по семинаріи, но помнилъ очень смутно, потому что былъ гораздо старше его. Это былъ одинъ изъ тѣхъ удачниковъ, которые, не обладая никакими выдающимися способностями, всюду занимаютъ первыя мѣста. Кончивъ семинарію съ «умѣреннымъ» аттестатомъ, онъ случайно женился на родственницѣ важнаго каѳедральнаго протоіерея и, благодаря этому, получилъ мѣсто въ городѣ.

И вотъ онъ сталъ благочиннымъ, а со временемъ непремѣнно будетъ какимъ-нибудь ревизоромъ и членомъ консисторіи. Обыкновенно для всего этого требуется академическій дипломъ, но удачникъ достигаетъ этого и безъ диплома, такъ, просто потому, что онъ удачникъ, каковымъ и былъ о. Гервасій Пурпуровъ.

— А какъ же? А я всегда считалъ его адвокатомъ! — спокойно сказалъ о. благочинный, не понявъ восклицанія о. Гавріила.

— Гм... Адвокатъ-то онъ—адвокатъ! Да толку отъ этого, признаться, мало!—пояснилъ о. Гавріилъ. — Дѣла плохія! Еле перебивается.

— А-а! Да, да! Это бываетъ! Соревнованіе большое!

Очень многіе этимъ дѣломъ занимаются. Дѣло неосновательное, случайное!..

— Вотъ именно это самое я и говорю! А онъ, отецъ-благочинный, то-есть мой братъ, къ этому не приспособленъ. Сами посудите, можетъ ли человѣкъ, рожденный и воспитанный для духовнаго званія, обернуться въ такомъ дѣлѣ? Вѣдь, онъ, можно сказать, совсѣмъ изъ другого тѣста сдѣланъ, такъ ли я говорю?

— Однакожъ, многіе изъ нашихъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ преуспѣваютъ!—замѣтилъ благочинный.—Напримѣръ, у меня былъ товарищъ Забытовъ; онъ пошелъ по свѣтской дорогѣ и въ настоящее время товарищемъ прокурора въ судѣ состоитъ...

— Это такъ, только мой братъ къ этому не пригоденъ. А какъ вы думаете, отецъ-благочинный, если бы ему теперь возвратиться на прежній путь, возможно бы это было?

— Какъ возвратиться?

— А то-есть просить рукоположенія?

Благочинный подумалъ.

— Н-не знаю! Не могу сказать!.. У насъ такихъ не жалуютъ. Сами подумайте, человѣкъ измѣнилъ своему сословію, презрѣлъ, такъ сказать... Какъ же послѣ этого?..

— Положимъ, такъ... Но ежели онъ покается, напримѣръ?

— Такъ что-жъ, что покается? Вѣдь, этакъ всякій можетъ пренебречь, а потомъ, увидѣвши, что плохо, покается... Это, конечно, я не отъ себя говорю.. Я желалъ бы ему добра, ради васъ, отецъ Гавріилъ. Но предугадываю, что такъ скажутъ въ консисторіи...

— Такъ-то—такъ, но я полагаю, что ежели отецъ Гервасій захочетъ...

— Гм... А развѣ онъ изъявляетъ желаніе?

— Н-нѣтъ пока еще... Неловко ему, сами понимаете... Но думаю, что къ этому придетъ.

— Женатъ онъ?

— Недавно женился и... Просто не понимаю! Старше его лѣтъ на десять!..

— Вотъ это жаль, что женился. Если бы, напримѣръ, монастырскую воспитанницу взялъ, то это облегчило бы... Но, безъ сомнѣнія, на дѣвицѣ?

— Это, слава Богу... Она хоть и перезрѣлая, но дѣвица была...

— Вотъ что я вамъ скажу, отецъ Гавріилъ: если я что

успѣю, то единственно для васъ, потому что самъ я не сочувствую этимъ отщепенцамъ. Попробую поговорить, а за успѣхъ, разумѣется, ручаться не могу...

— Вотъ и спасибо! А я на него разумными увѣщаніями дѣйствовать буду. Хочется мнѣ очень на путь его поставить. Заблудился человѣкъ, не въ свои сани сѣлъ... Все же братъ родной, знаете, и человѣкъ хорошій, смирный, жаль...

О. Гавріилъ теперь былъ совершенно увѣренъ, что дѣло выгоритъ. Надо только, чтобы о. Гервасій принялъ къ сердцу. Ужъ если онъ «поговоритъ», то непремѣнно будетъ толкъ. Этотъ человѣкъ умѣетъ какъ-то особенно говорить, у него есть слова такія, не даромъ онъ назначенъ благочиннымъ и вообще далеко пойдетъ.

Когда дилижансъ выѣхалъ въ поле, о. Гавріилъ, до сихъ поръ крѣпившійся, чтобъ не сказать матушкѣ о своемъ разговорѣ съ благочиннымъ, не выдержалъ и признался.

— Я-таки просилъ отца Гервасія насчетъ брата, и онъ обѣщалъ...

Матушка всплеснула руками.

— И кто же тебя просилъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, отецъ Гавріилъ?—воскликнула она.

— Какъ въ чужія? Да, вѣдь, онъ мнѣ не чужой, а братъ, я думаю!

— Что-жъ изъ того, что братъ? А коль отецъ Гервасій ему похлопочетъ, а онъ вдругъ, поднявши носъ, скажетъ: не желаю! Какъ ты тогда въ глаза будешь смотрѣть отцу Гервасію?

— Никогда не скажетъ, никогда! — съ глубокимъ убѣжденіемъ сказалъ о. Гавріилъ.—Я вотъ въ пятницу поѣду опять въ городъ, зайду къ нему и поговорю съ нимъ одинъ-на-одинъ! Я съ ножомъ къ горлу пристану! Надо же человѣку въ голову хоть коломъ разумъ вшибить!

— Смотри, не наживи только хлопотъ, отецъ Гавріилъ!

Но о. Гавріилъ не боялся хлопотъ. Онъ твердо вѣрилъ, что, перетаскивая брата въ духовное званіе, онъ благодѣтельствуетъ ему, потому что для Василья одно спасеніе въ рясѣ, а «иначе пропадетъ человѣкъ ни за грошъ,—думалъ онъ.—Прямо ни за грошъ. Тамъ въ этихъ судахъ все народъ — дока, а онъ мямля-человѣкъ, вполнѣ мямля, и заклюютъ его тамъ, какъ коршуны цыплятъ!..»

Въ пятницу о. Гавріилъ дѣйствительно былъ въ городѣ, и между братьями произошло объясненіе. Произошло оно

при нѣсколько странныхъ обстоятельствахъ, а именно: о. Гавріилъ зашелъ къ Василію и сказалъ:

— Хочу я тебя, Вася, взять съ собой, чтобъ ты мнѣ помогъ по одному дѣльцу!

— Какое дѣльце? Ты судишься, что ли? — спросилъ Василій Леонтьичъ.

— Да, въ родѣ какъ бы сужусь! — съ полуусмѣшкой отвѣтилъ о. Гавріилъ.

— Вотъ не повѣрилъ бы!

— Повѣрь, повѣрь! Я не задержу. Всего на часокъ.

Василій Леонтьичъ, дивясь тому, что у мирнаго о. Гавріила оказалась тяжба, одѣлся и вышелъ.

— Теперь намъ надо бы куда-нибудь въ чайное заведеніе зайти, — сказалъ на улицѣ о. Гавріилъ. — Да только, чтобы отдѣльная комната была и задній ходъ, потому мнѣ не приличествуетъ...

Василій Леонтьичъ съ возрастающимъ изумленіемъ глядѣлъ на него.

— Да что ты, Гаврюша? у тебя что-то секретное?

— Именно, братъ, секретное. Сейчасъ все и разскажу!

Василій Леонтьичъ зналъ подходящій трактиръ и ввелъ брата черезъ задній ходъ въ отдѣльную комнату.

— Ну, теперь скомандуй, братъ, закусочки и чайку на запивку!—предложилъ о. Гавріилъ.

Скомандовали, и вотъ братья сидѣли за столикомъ, уставленнымъ вкусными вещами, а о. Гавріилъ снялъ рясу и остался въ полукафтаньѣ.

— Ну, а теперь, Вася, я тебѣ свое дѣло скажу!—промолвилъ о. Гавріилъ. — Хочу я тебя непремѣнно попомъ сдѣлать!

Надо замѣтить, что когда о. Гавріилъ обдумывалъ свой разговоръ съ братомъ, онъ далъ себѣ слово—вести его въ высшей степени тонко и дипломатично, но по своей прямотѣ не могъ этого сдѣлать, а высказался прямо.

Василій Леонтьичъ улыбнулся скептически.

— Такъ это твое дѣло?—спросилъ онъ.

— Оно самое и есть! Какое же другое? Неужели въ самомъ дѣлѣ ты думалъ, что я по судамъ таскаюсь? Гдѣ же мнѣ этимъ дѣломъ заниматься? Нѣтъ, Вася, говорю тебѣ: просись во священники, — превосходное будетъ дѣло.

— Объ этомъ не стоитъ и говорить! — рѣшительнымъ тономъ отвѣтилъ Василій Леонтьичъ.

— Будемъ говорить начистоту!—сказалъ о. Гавріилъ.— Вася, ты не сердись, потому что я—по-братски. Объясни мнѣ, чѣмъ ты живешь? Есть у тебя какія-нибудь опредѣленныя средства?

— Никакихъ! — громко отвѣтилъ Василій Леонтьичъ, и въ его нѣсколько неестественномъ голосѣ слышалось какъ бы хвастовство тѣмъ, что у него нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ.

— Значитъ, гдѣ перепадетъ? Тамъ рубликъ, а здѣсь полтинникъ... Такъ, такъ! А если не перепадетъ, то впроголодь живемъ?.. Ты извини, Вася, я по-братски.

— Но, вѣдь, и ты же, Гаврюша, такъ живешь! — возразилъ Василій. — Вѣдь, тебѣ перепадаетъ: тамъ рубликъ, здѣсь полтинникъ, а то и гривенникъ!..

— Э-э, совсѣмъ не то, совсѣмъ не то, Вася!—прервалъ его о. Гавріилъ, энергично махая головой и руками. — Какъ же ты можешь сравнивать? Примѣрно, приказчикъ изъ бакалейной лавки, скажемъ, проворовался, выручку укралъ, и надо ему передъ судомъ отвѣтъ держать. Ну, значитъ, надобно взять адвоката. Такъ сколько же васъ такихъ, какъ ты, на него налетитъ? Цѣлая стая! Всѣ голодны, всѣ кушать желаютъ, и всякій можетъ его дѣло справить. Я думаю, на части разорвать его готовы. Кто позубастѣе, тому и достанется, тому онъ и полтора или тамъ два рубля заплатитъ за его разговоръ. Соревнованіе большое! И ужъ навѣрняка тебѣ онъ не достанется, развѣ дуракъ какой-нибудь,—потому ты, Вася, мямля, человѣкъ ты смирный, я всегда это говорилъ... Теперь возьми ты меня. Какое же можетъ быть сравненіе? У меня приходъ, скажемъ, въ шестьсотъ душъ, и уже всѣ эти души непремѣнно ко мнѣ придутъ. Это и правда, что и я собираю съ міру по ниткѣ,—тамъ крестины, тутъ похороны, здѣсь вѣнчаніе и прочее. Но это уже въ природѣ человѣческой лежитъ, чтобы рождались, и умирали, и вѣнчались. Безъ этого никакъ невозможно обойтись. И ужъ ежели хоронить, такъ никто другой въ моемъ приходѣ не можетъ, какъ я, или какую другую требу... Понимаешь ты? У тебя всякій изъ-подъ носу вырвать можетъ, а у меня жизнь обезпечена самой, можно сказать, природой человѣческой! Понялъ? То-то!

То, что говорилъ о. Гавріилъ, нисколько не убѣждало Василія Леонтьича, но самое состояніе было пріятно. Жизнь какъ-то вся, отъ выпитой рюмки водки, окрашива-

лась въ розовый цвѣтъ; все, что было въ ней мучительнаго, незамѣтно заволакивалось туманомъ, и оставались однѣ только свѣтлыя точки. Лицо его оживилось, и онъ съ улыбкой смотрѣлъ на брата, любуясь его мощной фигурой, цвѣтущимъ лицомъ и густымъ голосомъ. Возразить ему онъ могъ бы многое, но ему нравилось, чтобы Гавріилъ все говорилъ и говорилъ. Поэтому онъ слушалъ молча.

— Вотъ и превосходно!—сказалъ о. Гавріилъ, одобряя этимъ сговорчивость брата. — Теперь скажи мнѣ откровенно, Вася, какъ ты самъ думаешь: надѣешься ты жить лучше?

— Надѣюсь ли я?—нетвердымъ голосомъ спросилъ Василій Леонтьичъ и повторилъ:—надѣюсь ли я?

И въ этомъ возгласѣ послышалось что-то меланхолическое. Онъ подперъ голову руками и задумался.

— Что-жъ не отвѣчаешь, Вася? — участливо спросилъ о. Гавріилъ.

Онъ уже видѣлъ, что отвѣтъ будетъ отрицательный, и жалость къ брату заговорила въ немъ сильнѣе. «Гм... — думалъ онъ: — значитъ, онъ тогда только храбрился, а въ душѣ-то онъ и самъ знаетъ, что несчастливъ! Нѣтъ, ужъ его сегодня такъ не выпущу, я его доконаю».

— Ну, Вася, ну! — прибавилъ онъ, нѣжно положивъ руку на склоненную голову Василья Леонтьича.

Вдругъ онъ поднялъ голову.

— Отвѣчать? Ты хочешь, чтобъ я отвѣтилъ? а?—произнесъ онъ съ горящими глазами. — Изволь! Я самый несчастный человѣкъ на свѣтѣ! Вотъ тебѣ!

И онъ откинулся на спинку стула съ видомъ человѣка, котораго-таки заставили сказать рѣшительно долго скрывавшееся слово.

— Вася!—воскликнулъ о. Гавріилъ, пораженный этимъ признаніемъ.

— Да, самый несчастный, если ужъ ты хочешь знать,— повторилъ Василій Леонтьичъ. — Ты думаешь, оттого, что бѣденъ? Нѣтъ! Бѣдность что? Ее снести можно; насъ съ тобой не пріучили къ роскоши! А то, братъ, что глупо это, очень глупо и оттого обидно!.. Вотъ что!

Это было совершенно темно для о. Гавріила. Оно, конечно, глупо, но самая-то главная бѣда, что дѣла плохи. Это-то собственно и глупо, а онъ говорилъ, что не это!

— Что же, собственно, Вася?—спросилъ о. Гавріилъ.

— А то, что дѣлалось это во имя какой-то идеи и очень

это благородно выходило, а когда оглядѣлся,—идея, чортъ ее знаетъ, куда дѣвалась, а осталось самое простое добываніе корма... Проклятая борьба за существованіе!.. Вотъ что оскорбительно!

— Ну, это конечно... Это само собой!.. — замѣтилъ о. Гавріилъ, никогда въ жизни не задававшійся такими вопросами, но желая поощрить Василья къ откровенности.

Но Василій Леонтьичъ задумчиво умолкъ. О. Гавріилъ, былъ какъ-то сбитъ съ толку и не зналъ, какъ приступить къ продолженію разговора. Онъ началъ-было: «Ты, Вася, меня послушай»... Но, увидавъ, какъ энергично Василій Леонтьичъ мотнулъ головой, остановился.

Минуты двѣ длилось молчаніе. Затѣмъ Василій Леонтьичъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Ты не сердись, Гаврюша!—проговорилъ онъ хмурымъ голосомъ. — Я вижу твое доброжелательство и то, что ты хочешь сдѣлать для меня лучше... И не думай, что я артачусь, нѣтъ... Тутъ совсѣмъ другое! Можетъ, мнѣ тысячу разъ самому приходило это въ голову! Что же, на приходѣ жить хорошо, что и говорить! Когда-то мечталъ объ этомъ, какъ о Богъ знаетъ какомъ блаженствѣ! Положимъ, вѣдь, мы съ тобой были дьячковскія дѣти, росли въ бѣдности и съ завистью смотрѣли на то, какъ дѣти священника какъ сыръ въ маслѣ купались. Все-то у нихъ было: и теплыя шубейки, и сласти, и игрушки, а мы ходили оборванцами, по праздникамъ получали бублики да скверные грошовые пряники, а играли старымъ колесомъ отъ водовозной бочки. И тогда я мечталъ: стану хорошо учиться, чтобы быть попомъ! Хорошо быть попомъ! Но пришли другія времена, и сталъ я о другомъ мечтать! Эхъ, Гаврюша, ты этого не понимаешь! Можетъ, оно и слава Богу, что ты этого не понимаешь! Хотѣлось бы жить такъ, чтобы не только пить да ѣсть да въ гости ходить, но чтобы и польза какая-нибудь отъ твоего существованія была... Вотъ она, идея! Простая, не замысловатая, а и ее мы въ карманъ спрятали. Кто у насъ такъ живетъ? Никто! А я развѣ живу такъ? Нимало! Только и думаешь о томъ, гдѣ бы денегъ достать, чтобы прокормить себя и семейство. Вотъ оно что глупо и обидно!.. Эхъ, пьянствовать начать, что ли? Видишь, уже самъ наливаю! Хе-Хе!..

Онъ, дѣйствительно, самъ налилъ четвертую рюмку и выпилъ.

— А вотъ больше и не дамъ! Довольно! — сказалъ

о. Гавріилъ и переставилъ графинъ на другой столъ. — Довольно, Вася!

— Довольно, такъ довольно! Я на все согласенъ! — съ какой-то неестественной развязностью произнесъ Василій Леонтьичъ.—Слышишь, Гаврюша, на все согласенъ! Ну, хочешь, сейчасъ вотъ пойду и подамъ прошеніе въ попы? Скорчусь, съежусь, скажу: виноватъ, простите! А? желаешь? Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ? Ты думаешь, мнѣ это не надоѣло? Вотъ сейчасъ, напримѣръ, передъ твоимъ приходомъ дворникъ въ пятый разъ приходилъ за квартирной платой... Двадцать-семь рублей... И тѣхъ нѣтъ! Не глупо ли? А? Желаешь?

— Вася!—тихо, вкрадчиво сказалъ о. Гавріилъ.—Если бы ты это въ другомъ видѣ сказалъ...

— Въ какомъ видѣ? Ты думаешь, что это я четыре рюмки выпилъ, такъ отъ того? Ошибаешься! Ну, хочешь, я тебѣ признаюсь... Еще за два мѣсяца до твоего перваго пріѣзда я думалъ объ этомъ... Да, думалъ, только никому не признавался... Знаешь ли ты, что меня такъ и тянетъ въ рясу, куда-нибудь на приходъ, въ глухую деревеньку, чтобъ никто о тебѣ не слышалъ, чтобъ подальше было отъ этихъ проклятыхъ дѣлишекъ, отъ всей этой гадости... Съ дѣтства мечталъ, подумай! Вѣдь срослось это съ душой и тѣломъ... Иной разъ у меня бываетъ какая-то необъяснимая тоска... И все по немъ — по приходу, по спокойной жизни, по душевному миру... Да, живи себѣ съ мужичками, возись съ ихъ маленькими нуждами и ни о чемъ не заботься.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало, Вася?—почти радостно спросилъ о. Гавріилъ.

— Самолюбіе не позволяетъ! Больно ужъ побѣдоносно это тогда мы отказались отъ духовнаго званія, и вдругъ... Вотъ въ чемъ причина.

— И никакой причины нѣту!.. Я уже просилъ отца-благочиннаго, и онъ пообѣщалъ устроить!..

Василій Леонтьичъ нахмурился.

— Просилъ? Какъ же ты могъ просить? Кажись, я тебѣ не поручалъ...

— Ты, Вася, не сердись... Вѣдь, добра тебѣ хочу... Только поэтому собственно и рѣшился... И еще я хотѣлъ сказать тебѣ... Ты не обидься... Вотъ ты говорилъ, что за квартиру нечѣмъ отдать. Возьми у меня сотенную... Побратски!.. На приходѣ заработаешь, разсчитаемся...

Василій Леонтьичъ будто ничего этого не слышалъ и не видѣлъ, какъ о. Гавріилъ вынулъ откуда-то изъ-за пазухи толстый бумажникъ и началъ отсчитывать рублевки. Онъ крѣпко задумался. Легкій хмель помогалъ ему дѣлать быстрые мысленные скачки и рѣшительныя заключенія. Подогрѣтая фантазія слишкомъ ярко рисовала ему разницу между его теперешнимъ мучительнымъ прозябаніемъ, когда всѣ мысли и чувства поглощены однимъ вопросомъ: гдѣ и какъ заработать? — съ той беззаботной жизнью среди деревенской тишины, простоты нравовъ и полной независимости. И ему уже казалось, что остаться въ теперешнемъ положеніи ему немыслимо. Какимъ-то холодомъ его обдавало при мысли, что завтра онъ опять пойдетъ къ патрону, съ трудомъ выпроситъ какое-нибудь пустяшное пятирублевое дѣло о похищеніи фунта гвоздей, затѣмъ одѣнетъ фракъ и отправится къ судьѣ и станетъ выжимать изъ себя слова и всячески распинаться ради выѣденнаго яйца... Противно это, не по вкусу ему, не по характеру... И такъ всю жизнь, всю жизнь! Тогда какъ всѣ его вкусы, всѣ мечты дѣтства, всѣ воспоминанія—влекутъ его въ другую сторону. Не глупо ли это?

Онъ поднялъ голову и ударилъ ладонью по столу.

— Знаешь что, Гаврюша? Пойдемъ къ благочинному! Пойдемъ сейчасъ! Такая минута нашла, а другой разъ, пожалуй, и не найдетъ...

Онъ говорилъ торопливо и при этомъ быстро всталъ и взялъ шапку, какъ будто бы боялся, что «минута» можетъ сейчасъ пройти. О. Гавріилъ немного растерялся, но скоро оправился, убралъ свои рублевки «пока», поспѣшно позвонилъ и расплатился.

— Вотъ и хорошо, вотъ и превосходно!.. — говорилъ онъ.—Отецъ-благочинный будетъ радъ, очень будетъ радъ! Онъ добрый—отецъ-благочинный и непремѣнно все уже устроилъ!..

Они сѣли въ извозчичью пролетку и поѣхали къ о. Гервасію.

V.

Прошло три недѣли. Въ воскресный день губернскій соборъ былъ набитъ народомъ, шумно и гулко звенѣли колокола. Служба кончилась; архіерейская карета, запряженная четверней цугомъ, подъѣхала къ главному входу, вышелъ архіерей, сѣлъ и уѣхалъ, а колокола долго еще

гудѣли, и народъ толпой сыпалъ изъ церкви, расходясь затѣмъ по площади во всѣ стороны.

Уже толпа значительно порѣдѣла, когда на паперти показалось духовное лицо въ новенькой черной рясѣ, съ короткими волосами на головѣ. Къ нему подошла дама въ пестрой шляпкѣ, въ широкой лѣтней накидкѣ, и они, разговаривая, пошли по площади.

Въ духовномъ лицѣ не такъ-то легко было узнать недавняго адвоката, появлявшагося у мировыхъ судей во фракѣ, съ портфелемъ, съ взъерошенной прической непокорныхъ волосъ, съ мрачнымъ, подавленнымъ, а иной разъ и злымъ видомъ. Теперь у него былъ видъ человѣка, совершенно присмирѣвшаго послѣ того, какъ долго и неукротимо бунтовалъ. Ряса и черная поярковая шляпа шли ему необыкновенно. Всякій, взглянувъ на него, сразу сказалъ бы, что онъ рожденъ для этой одежды. Высокій, слегка сутуловатый, неловкій, съ блѣднымъ лицомъ, обрамленнымъ небольшой бородкой, онъ, еще не побывавъ на приходѣ, уже походилъ на сельскаго священника, пріѣхавшаго сдать благочинному метрическія книги и кстати купить женѣ и дѣтямъ на платья. Какъ нельзя болѣе, подходила къ нему и шедшая съ нимъ дама. Это уже почти правило, что у худощавыхъ батюшекъ бываютъ толстыя и внушительныя матушки, и наоборотъ. А Лидія Павловна глядѣла именно такой матушкой, которая лѣтъ десять откармливалась на вкусныхъ панихидныхъ хлѣбахъ и вкушала беззаботный деревенскій покой.

Они шли быстро, и лица у нихъ были чрезвычайно серьезны. Видно было, что они вполнѣ освоились съ своей новой ролью, нимало не смущались и, вообще, знали что̀ дѣлали.

Когда среди прохожихъ попадался кто-нибудь знакомый, останавливался и, взглянувъ на нихъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, кланялся съ улыбкой, они отвѣчали ему степенными поклонами, не признавая ни этого удивленія, ни улыбки.

— Ты теперь куда?—спросила Лидія Павловна.

— Я зайду въ Московскую гостиницу и возьму номерокъ на четыре дня. А потомъ выпровожу васъ съ мамашей!.. — дѣловымъ тономъ отвѣтилъ Василій Леонтьичъ, который теперь былъ уже собственно — отецъ Василій. — А ты иди домой, уложи послѣднія вещи и расплатись за

квартиру. Изъ ста-то рублей, которые далъ братъ, много ли осталось?

— Семьдесятъ!.. Хватитъ на все. Только въ деревню пріѣдемъ съ тремя рублями...

— Ничего. Вамъ на четыре дня хватитъ, а тамъ я пріѣду...

— И сейчасъ же начнется доходъ?

— Сейчасъ же и начнется!.. — съ усмѣшкой отвѣтилъ о. Василій.

— Какъ хорошо! И за квартиру ничего платить не надо?!

— Ничего! Домъ церковный. Да еще земля есть. Сорокъ десятинъ! Хлѣбъ сѣять будемъ, свой баштанъ заведемъ, арбузовъ, огурцовъ, баклажановъ — сколько хочешь! Своя птица, домашній скотъ... Лошадь заведемъ!..

— Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо!

— Только первымъ долгомъ — надо брату отдать сто рублей!..

— Да, да, непремѣнно... Ахъ, твой братъ такое золото! Мнѣ его расцѣловать хочется!..

На перекресткѣ они разошлись. Лидія Павловна пошла на свою старую квартиру. Тутъ, во дворѣ, уже стояли двѣ подводы, готовыя забрать весь ихъ домашній скарбъ. Приходъ, который получилъ о. Василій, назывался Мурзаки и отстоялъ отъ города верстахъ въ тридцати. О. Василій долженъ былъ четыре дня служить въ церкви архіерейскаго дома: это было положеніе для всѣхъ новопосвященныхъ.

Достиженіе сана и прихода стоило ему гораздо меньшихъ усилій, чѣмъ онъ ожидалъ. О. Гервасій сказалъ кому слѣдуетъ, и, благодаря его консисторскимъ связямъ, дѣло не встрѣтило никакихъ затрудненій. «Для васъ, отецъ Гервасій,—сказалъ ему секретарь: — мы всякаго можемъ посвятить». А когда Ливанскій представился архіерею, то услышалъ отеческое внушеніе, но все относившееся къ прошлому, т. е. къ измѣнѣ своему призванію. На возвращеніе же его смотрѣли, повидимому, даже съ удовольствіемъ. Принято было во вниманіе и то, что Ливанскій учился въ университетѣ, и ему ради этого дали одинъ изъ порядочныхъ приходовъ и недалеко отъ города. Была также подана надежда, что, если онъ хорошо себя зарекомендуетъ, то его со временемъ переведутъ въ городъ, «потому что,—какъ объяснили ему: — намъ нужны ученые

люди»; но Ливанскій, которому до боли надоѣла жизнь въ городѣ, въ душѣ заранѣе отказался отъ этого блага, рѣшивъ навсегда похоронить свою «ученость» въ деревнѣ.

Черезъ полчаса пришелъ и о. Василій, и началось дѣятельное укладываніе скарба на подводы. Дамы торопились, потому что надо было поспѣть къ вечеру. Дворникъ, еще три недѣли тому назадъ довольно презрительно смотрѣвшій на плохонькаго адвоката, не платившаго за квартиру на заднемъ дворѣ, теперь подобострастно помогалъ укладываться, снявъ шапку и все время держа ее въ рукѣ. Онъ то и дѣло подбѣгалъ къ Ливанскому и Лидіи Павловнѣ и обращался къ нимъ съ вопросами изъ-за пустяковъ, чтобы лишній разъ назвать ихъ «батюшкой» и «матушкой». Дамы, наконецъ, уѣхали, а за ними потянулись двѣ подводы съ немногочисленнымъ имуществомъ помощника присяжнаго повѣреннаго; но имуществу этому, послѣ того, какъ оно стало имуществомъ сельскаго священника, безъ сомнѣнія, было суждено изрядно умножиться. А черезъ четыре дня и самъ о. Василій катилъ на почтовыхъ въ Мурзаки, уже теперь чувствуя себя человѣкомъ, который послѣ долгихъ скитаній пришелъ, наконецъ, въ свой домъ, гдѣ уютно, тепло, гдѣ ему по-себѣ, гдѣ столько насиженныхъ мѣстечекъ, знакомыхъ угловъ и сладкихъ и горькихъ воспоминаній.

Всю дорогу ему мерещилась «Притча о блудномъ сынѣ».

КРЫЛАТОЕ СЛОВО.

КРЫЛАТОЕ СЛОВО.

(Очеркъ.)

I.

— Охъ, ты, горе мое, горе! Ничего ты съ толкомъ не умѣешь сдѣлать! И живетъ же человѣкъ на свѣтѣ, пятьдесятъ восемь годковъ живетъ, и никакому понятію не научился... Горе, да и только! А еще тытарь, староста церковный. Не пойму я, за какую благость тебя только выбираютъ. О, Господи, прости мои прегрѣшенія!

— Хе-хе-хе-хе! за какую благость! А за такую вотъ благость, что взяли да и выбрали. И не то, чтобы какъ, а на четвертое трехлѣтіе... И тоже похвальный листъ имѣю. А похвальный листъ даромъ не дадутъ. А тебя вотъ не выбрали, потому ты есть баба; бабъ не выбираютъ, и похвальнаго листа тебѣ, сколько ты тутъ ни хорохорься, ни вовѣкъ не дадуть, потому ты опять же таки баба... Хе-хе-хе!

— Да ты мнѣ не разводи, сама знаю, что я баба... А ты скажи, хорошо ли ты батюшку просилъ?

— А извѣстное дѣло—хорошо. Какъ слѣдуетъ. Говорю: батюшка, мы для васъ всей душой, ужъ такъ бы обрадовали, что и объяснить не могу, вотъ какъ обрадовали бы. Всю бы, говорю, жизнь помнили!

— Ну, а онъ?

— А онъ мнѣ въ отвѣтъ: и радъ бы, говоритъ, Омельянъ Григорьевичъ, да не могу по своей старости. У тебя, говоритъ, народъ будетъ все пьющій, а я, самъ знаешь, по своей старости не употребляю... Что-жъ, я только, го-

воритъ, другихъ-прочихъ конфузить буду... по своей старости...

— Гм... А у Скорохода, небойсь, былъ! Скороходъ, можно сказать, простой мужикъ, а у него онъ былъ, а ты — тытарь... Какъ же это такъ? Скороходиха теперь по всему селу трубитъ: «а у насъ батюшка былъ, а у насъ батюшка былъ!» А теперь еще прибавитъ: «а у тытаря не былъ, къ тытарю не пошелъ!» Вотъ ты какая мямля, Господи прости мои прегрѣшенія!

— Э, пускай ее горланитъ! Ей же хуже,—глотка заболитъ. А зато у насъ будетъ старшина и писарь сказалъ—всенепремѣнно буду. Учитель такъ даже съ превеликой радостью! Ну, о дьякѣ, Андронѣ Андроновичѣ, и говорить нечего... Нѣтъ, а знаешь, кто еще обѣщалъ прибыть? Самый-то главный...

— Ужъ не церковный ли сторожъ Сидорка на закуску?

— И нисколько не сторожъ. А обѣщалъ прибыть самъ господинъ урядникъ...

— Ну?

— Чтобъ я съ этого мѣста не всталъ! Я его, можно сказать, поймалъ за конскій хвостъ прямо среди дороги. Онъ катилъ верхомъ къ Буцыловку,—тамъ на первый день праздника мужики кабакъ разнесли и шинкаря-Абрамку на воротахъ за ноги внизъ головой повѣсили... Этакій народъ—разбишака эти буцыловцы. Такъ вотъ онъ и скакалъ туда—Абрамку спасать. А я ему дорогу перерѣзалъ, да коня за хвостъ: постойте, говорю, господинъ урядникъ, такъ и такъ, вечеркомъ на третій день праздника пожалуйте въ мою хату, ужъ не обезчестьте, говорю... Съ удовольствіемъ, говоритъ, только вотъ Абрамку выручу, тамъ, говоритъ, въ Буцыловкѣ мужики нахваляются его внизъ головой повѣсить, а можетъ, уже и повѣсили, такъ онъ, бѣдняга, внизъ головой висѣвши, еще чего добраго зальется... И супругу, говоритъ, приведу... Вотъ какъ!

— Гм... Оно такъ, а все же жалко, что батюшки не будетъ... Хоть бы часокъ одинъ, минуточку одну посидѣлъ, все бы сердцу моему легче было!.. А то вѣдь Скороходиха теперь... Ахъ, ты...

И тутъ Горпина, не докончивъ своего восклицанія, и вмѣсто этого махнувъ только рукой, схватила рогачъ и порывисто сунула его въ печь. Печь была широкая, помѣстительная, и въ ней въ это время совершались интересныя явленія, которыя можно было познавать одновременно тремя

органами чувствъ: зрѣніемъ, слухомъ и обоняніемъ. Тамъ красовались и издавали свойственный имъ ароматъ такія вкусныя вещи, что даже самъ батюшка, несмотря на свою старость, на которую онъ такъ любилъ ссылаться, не устоялъ бы передъ такимъ соблазномъ. Въ самомъ центрѣ печки, посреди пылающихъ кирпичей, на длинномъ желѣзномъ листѣ лежалъ молоденькій поросенокъ съ тоненькимъ хвостикомъ, свернувшимся колечкомъ, и съ наивно-удивленной мордой. Его нѣжная, молочная шкурка уже начала подрумяниваться, а самъ онъ слегка подпрыгивалъ на своемъ желѣзномъ ложѣ. Бока его были раздуты, изъ чего надлежитъ заключить, что внутри у него была превкусная начинка изъ гречневой крупы, ибо всякій мало-мальски понимающій дѣло человѣкъ знаетъ, что никакой другой начинки поросенокъ переносить не можетъ. Направо, на круглой сковородкѣ, жарилась индюшка, почтенная, мясистая индюшка; но сейчасъ же было видно, что она безъ начинки. Слѣва же скромно кипѣли въ сметанѣ пять небольшихъ карасиковъ, которымъ, какъ пищѣ по преимуществу постной, собственно здѣсь было и не мѣсто, но въ томъ-то и дѣло, что дьякъ Андронъ Андроновичъ никакой другой закуски послѣ водки, кромѣ карасей, не признавалъ и даже на первый день Пасхи, разговляясь, все-таки карасемъ закусывалъ. Что же касается того снадобья, что клокотало въ огромномъ горшкѣ въ самой глубинѣ печки, то составъ его былъ извѣстенъ только одной Горпинѣ, но, должнобыть, тамъ заключалось что-то очень важное, потому что Горпина именно туда торопливо направила рогачъ и переставила горшокъ на легкій огонь. При этомъ снадобье, появляясь отъ времени до времени на верхушкѣ горшка въ видѣ мельчайшихъ пузырьковъ, какъ-то загадочно мурлыкало, поросенокъ издавалъ энергическое шипѣніе, иногда даже переходившее въ свистъ, индюшка, плавающая въ кипящемъ маслѣ, разсыпалась перепеломъ, а караси, несмотря на что, что испытывали горькую участь, спокойно и разсудительно балагурили между собой, медленно и основательно пропитываясь сметаной, и изъ всего этого получалась своеобразная аппетитная симфонія, какой не сочинить ни одному музыканту въ мірѣ.

Переставивъ горшокъ, Горпина придвинула къ себѣ поближе поросенка и, придавъ ему болѣе удобную позу, отодвинула его обратно; потомъ то же самое сдѣлала съ индюшкой, затѣмъ перевернула карасей на другой бокъ, по-

правила еще кирпичъ въ печи и тогда только отошла прочь. Омельянъ Григорьевичъ, въ виду столь серьезнаго занятія, какому предавалась Горпина, разговора не продолжалъ и сидѣлъ молча на лавкѣ. Онъ положилъ обѣ руки на колѣни и опустилъ свою сѣдую голову съ такимъ безнадежнымъ видомъ, словно на душѣ у него было великое горе; такъ поняла это и Горпина. Она остановилась передъ нимъ съ раскраснѣвшимся отъ печного жара лицомъ, съ высоко подтыканной юбкой, опираясь правой рукой на рогачъ.

— Чего ты голову повѣсилъ? — спросила она не безъ нѣкотораго оттѣнка участія въ голосѣ.

— Да я себѣ думаю: и для какой надобности время дарма пропадаетъ?—серьезно отвѣтилъ Омельянъ Григорьевичъ:—уже и солнце зашло и въ хатѣ сумрачно. Собирались бы люди и дѣлали дѣло. Ей-Богу!..

— Ахъ, ты-и! Дѣло дѣлать! Слава тебѣ Господи, еще два раза сегодня успѣешь нализаться! Ишь, зачѣмъ человѣкъ убивается! Ну, такъ ступай, зови гостей! А я къ тому времени управлюсь! Да не забудь фершала съ жинкой покликать!

— Вотъ это дѣло! Ей-Богу! Вотъ это я люблю! Эхъ, да и старуха же у меня! Сама любитъ выпить и мнѣ не мѣшаетъ!

Эти слова Омельянъ Григорьевичъ сказалъ весело и радостно и, совершенно сбросивъ съ себя всякую тѣнь унынія, схватилъ свитку и шапку и вышелъ изъ хаты.

Омельянъ Григорьевичъ Конопленко, а по-уличному Щербатый, любилъ выпить, но только по праздникамъ. Въ будніе дни его ничѣмъ нельзя было заставить пропустить лишнюю рюмку, т. е. седьмую, потому что шесть рюмокъ не производили на него никакого дѣйствія. Зато въ праздникъ онъ уже считалъ своимъ долгомъ быть пьянымъ и, кажется, думалъ, что это долгъ всякаго порядочнаго человѣка. Когда же наступали святки или Рождество, онъ хватался за нихъ, какъ школьникъ хватается за каникулы, и старался не пропустить даромъ ни одного дня.

Деревенская улица, куда вышелъ Омельянъ Григорьевичъ, была вся засыпана свѣжимъ снѣгомъ. Крыши хатъ, верхушки деревьевъ, стоговъ сѣна и соломы, поверхность рѣки, а за рѣкой степь, которой конца не было видно, — все это было покрыто бѣлоснѣжной пеленой, отъ всего вѣяло пріятной радостной свѣжестью. Омельянъ Григорьевичъ, полусогнувъ по привычкѣ свою высокую фигуру и

надвинувъ шапку на уши, пересѣкалъ поперекъ широкую улицу, роясь своими высокими сапогами въ снѣжныхъ сугробахъ. Онъ обошелъ всѣ хаты, гдѣ жили его званные гости. Трудно опредѣлить, какъ долго ему пришлось путешествовать по снѣгу, но когда онъ возвращался домой съ самаго дальняго конца села, гдѣ обиталъ урядникъ, то было уже совсѣмъ темно, небо все было закрыто тучами и на немъ не свѣтили ни звѣзды, ни мѣсяцъ. Когда же Омельянъ Григорьевичъ пришелъ домой и зашелъ въ хату, но не въ ту хату, гдѣ происходилъ у него разговоръ съ Горпиной и гдѣ жарился поросенокъ съ компаніей, а въ другую, которая была черезъ сѣни и называлась горницей, — то онъ засталъ тутъ уже почти всѣхъ своихъ гостей, сидѣвшихъ за длиннымъ дубовымъ столомъ, накрытымъ бѣлой скатертью съ узорчатыми краями. Въ комнатѣ было свѣтло и пахло по преимуществу жаренымъ поросенкомъ, который и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ преобладалъ надъ прочими предметами, стоявшими на столѣ.

II.

— А, Омельянъ Григорьевичъ! — радостно воскликнули разомъ дьякъ Андронъ Андроновичъ и фельдшеръ. — Вотъ такъ хозяинъ, позже гостей приходитъ!

Старшина, его супруга, а также супруга фельдшера выразили то же самое чувство радости на лицахъ.

— Одначе это... не порядокъ... ге!.. — промолвилъ старшина, въ сильной степени не отличавшійся краснорѣчіемъ и почему-то оканчивавшій каждую свою фразу неопредѣленнымъ звукомъ «ге».—Не порядокъ, Омельянъ Григорьевичъ! Мы уже по четвертой прошлись, а ты... ге!.. Догоняй-ка, догоняй!..

— Это справедливо!—подтвердилъ фельдшеръ.—Должо̀нъ догонять!

— Гдѣ ужъ мнѣ угнаться за вами?!—сказалъ Омельянъ Григорьевичъ такимъ смиреннымъ тономъ, будто и въ самомъ дѣлѣ четыре рюмки для него что-нибудь составляли. И при этомъ онъ ни слова не сказалъ о томъ, что, зайдя на минутку къ уряднику, онъ просидѣлъ у него добрыхъ полчаса, причемъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ, они благополучно дошли до шестой. Онъ только прибавилъ:—господинъ урядникъ съ супругой скоро прибудутъ!

Дьякъ Андронъ Андроновичъ молча взялъ полштофъ, выстроилъ рядышкомъ четыре рюмки, наполнилъ ихъ и

выразительно подмигнулъ на нихъ лѣвымъ глазомъ Омельяну Григорьевичу. Дьякъ Андронъ всѣ свои чувства выражалъ преимущественно лѣвой частью лица, которая у него была очень подвижна. Особенно глазъ умѣлъ изображать самые тонкіе оттѣнки чувствъ, то закрываясь совсѣмъ или наполовину, то вздрагивая, то широко раскрываясь, то Богъ знаетъ еще что выдѣлывая. Остальныя же части лица въ это время спокойно бездѣйствовали, въ полной увѣренности, что лѣвый глазъ выразитъ все, что нужно. Дьякъ Андронъ представлялъ изъ себя субъекта жиденькаго во всѣхъ отношеніяхъ. Самъ онъ былъ щуплый и худосочный, лицо у него было круглое и маленькое, и онъ самъ называлъ его «мордочкой», рыжая бородка давала возможность пересчитать всѣ составлявшіе ее волосы, а ужъ косичка, которая торчала на затылкѣ, имѣла до того жалкій видъ, что о ней лучше и не говорить.

— Ну, Омельянъ, наляцы и успѣвай! — проговорилъ Андронъ сильно охрипшимъ отъ праздничнаго пѣснопѣнія и отъ другихъ причинъ голосомъ.—А доколѣ не выпьешь мы съ тобой и разговаривать не станемъ!

— Справедливо! — подтвердилъ фельдшеръ: — Омельянъ Григорьевичъ имѣетъ выпить всѣ четыре разомъ, въ противномъ случаѣ и мы отъ дальнѣйшаго отказуемся!

— Ге...—сказалъ старшина въ знакъ того, что онъ присоединяется къ этому заявленію.

Омельянъ Григорьевичъ сталъ надъ рюмками и задумался, какъ будто въ самомъ дѣлѣ ему предстояло совершить трудный подвигъ.

— Попробую!—промолвилъ онъ:—а доберусь ли до четвертой, не знаю.—Онъ взялъ рюмку и, обращаясь къ старшинѣ, прибавилъ:—за ваше, панъ старшина!—и выпилъ.— Попробую еще!—проговорилъ онъ и взялъ другую рюмку:— за ваше, панъ фершалъ!—и тоже выпилъ.—А уже третью какъ Богъ дастъ. Боюсь, какъ бы не поперхнуться!—взялъ третью и, не поперхнувшись, выпилъ.—Охъ, одна осталась, сиротка! Да иди уже, иди, Богъ съ тобой!

И тутъ Омельянъ Григорьевичъ выпилъ четвертую, стремительно бросился къ поросенку, схватилъ цѣлую ногу и сталъ закусывать.

— Не дай Богъ: — говорилъ онъ, напихивая въ ротъ хлѣба:—этакъ-то запоздать на цѣлыхъ четыре рюмки!

Гости поощрили его одобрительными восклицаніями. Въ это время дверь растворилась, и на порогѣ показались двѣ

фигуры. Одна принадлежала Горпинѣ, которая, любовно обхвативъ обѣими руками блюдо съ только-что поспѣвшими пирогами, жеманно пятилась назадъ и въ бокъ, уступая кому-то дорогу.

— Проходите, милости просимъ, пожалуйте! — говорила она тономъ любезной и радушной хозяйки.

— Нѣтъ, сперва вы, у васъ ноша... Прошу васъ!—промолвилъ гость, съ своей стороны пятясь назадъ и въ бокъ.

— Э, господинъ прохвессоръ наукъ!—воскликнулъ фельдшеръ, старшина произнесъ свое «ге», а Андронъ сдѣлалъ соотвѣтствующее движеніе лѣвымъ глазомъ.

Послѣ такого дружнаго привѣтствія, учитель Сиромахинъ рѣшился войти, забывъ долгъ вѣжливости по отношенію къ Горпинѣ, обремененной пирогами. Вслѣдъ за нимъ вошла и Горпина.

Сиромахинъ снялъ длинное коричневое пальто и положилъ его на табуретъ поверхъ старшиноваго кожуха. Онъ подошелъ ко всѣмъ по очереди и съ солидной вѣжливостью пожалъ всѣмъ руки, а потомъ занялъ предложенное ему мѣсто на стулѣ. Андронъ сейчасъ же началъ настаивать на томъ, чтобы учитель догналъ компанію, и уже готовъ былъ выстроить въ рядъ четыре рюмки, на что фельдшеръ замѣтилъ, что это справедливо, но Сиромахинъ сказалъ вѣжливо, но въ то же время и непоколебимо:

— Нѣтъ, я не могу. Я не привыкъ. Со второй рюмки пьянѣю.

И при этихъ словахъ онъ почему-то покраснѣлъ. Сиромахинъ краснѣлъ чуть ли не послѣ всякой сказанной имъ фразы. Онъ недавно только былъ выпущенъ изъ учительской семинаріи, учительствовалъ всего только годъ, былъ молодъ и необыкновенно застѣнчивъ. Его обычнымъ занятіемъ въ обществѣ было—теребить свою русую бородку и кусать зубами концы ея. Какъ бы ни было общество весело и оживлено, онъ почти все время молчалъ и имѣлъ видъ человѣка, который собирается съ мыслями и вотъ-вотъ скажетъ что-нибудь значительное. Происходило это оттого, что Сиромахинъ, получившій извѣстное образованіе, справедливо считалъ себя стоящимъ выше всѣхъ деревенскихъ обывателей, за исключеніемъ развѣ батюшки, и полагалъ, что на его обязанности лежитъ всегда говорить умно и такъ, чтобы всякій видѣлъ, что это умно сказано. Между тѣмъ мысли у него все были какія-то неповоротливыя, приходили слишкомъ поздно, такъ что иногда случа-

лось, что только на другой день онъ придумывалъ какой-нибудь необыкновенно удачный отвѣтъ на вчерашнее замѣчаніе. Простыхъ же мыслей онъ совсѣмъ не хотѣлъ выпускать въ свѣтъ и поэтому всегда изображалъ молчаливую фигуру. Андронъ говорилъ по этому поводу: «Ну, когда-нибудь Сиромахинъ-таки огорошитъ насъ! Не даромъ онъ все сидитъ да думаетъ». А фельдшеръ такъ выражался: «Прохвессоръ наукъ завсегда должо̀нъ мышленіемъ заниматься».

По случаю прихода учителя, выпили по пятой, которая для Сиромахина была первой, а для Омельяна Григорьевича—одиннадцатой. На этотъ разъ закусывали горячими пирогами съ рисомъ, яйцами и вязигой. Пироги оказались до того вкусными, что Андронъ рѣшился измѣнить карасямъ и великодушно сдѣлалъ честь пирогу, промолвивъ при этомъ: «Ну, и пироги же! Прямо можно сказать — пряники!»

Не успѣли гости крякнуть хорошенько послѣ пятой, какъ въ горницу ввалились новыя лица, а именно урядникъ и писарь со своими супругами. Такъ какъ никто больше не былъ приглашенъ, то пиршество можно было считать формально установившимся. Урядникъ, послѣ того какъ онъ снялъ съ своихъ плечъ волчью шубу, оказался въ полной формѣ, съ погонами на плечахъ, въ высокихъ сапогахъ и съ шашкой. Это былъ высокій, стройный мужчина, краснощекій, далеко еще не старый, съ самоувѣреннымъ, вызывающимъ взглядомъ и дерзко торчавшимъ кокомъ на головѣ. Жена его — худенькая, сильно помятая женщина, въ шерстяномъ платьѣ и дамской шляпкѣ съ бѣлыми кружевами, совершенно терялась передъ нимъ. Совсѣмъ обратное отношеніе представляла другая пара. Писарь Антіоховъ былъ на видъ полнымъ ничтожествомъ передъ своей супругой, которая въ длину была подъ-стать самому уряднику, а въ ширину — не имѣла себѣ никого равнаго среди присутствовавшихъ. Съ лицомъ краснымъ, здоровымъ и энергичнымъ, она наводила Андрона на мысль, что ее правильнѣе было бы повѣнчать съ урядникомъ, а судьбу Антіохова соединить съ судьбой урядничихи, каковую мысль онъ не разъ и высказывалъ. Антіоховъ во всѣхъ отношеніяхъ напоминалъ блоху, и притомъ мелкую и голодную. Маленькій, худенькій, съ черными головой, усами, бородкой, глазами и даже зубами, онъ не ходилъ, а прыгалъ и казался прыгающимъ даже тогда, когда сидѣлъ на

мѣстѣ. Языкъ у него былъ—жало; онъ то и дѣло норовилъ кого-нибудь уязвить, обидѣть, обезчестить словомъ, и даже самый голосъ его не былъ способенъ ни къ какому другому выраженію, кромѣ ѣдкаго и обиднаго. Таковъ былъ писарь Никодимъ Петровичъ Антіоховъ; но къ этому всѣ привыкли и на его обидныя слова никто не обращалъ никакого вниманія.

III.

Урядникъ сразу и не поморщившись «догналъ» компанію, а писарь согласился только на половину.—Не могу, печонкой страдаю! — пояснилъ онъ. Что же касается дамъ, то онѣ пользовались льготнымъ положеніемъ и пили вино и вишневку; это не мѣшало глазкамъ смазливой и бойкой фельдшеровой супруги щуриться и блестѣть по-соловьиному, а Андрону, жена котораго уже три года, по причинѣ болѣзни ногъ, не вставала съ постели, двусмысленно посматривать на нее.

Присутствіе урядника естественно повернуло разговоръ на событія въ Буцыловкѣ, причемъ публика больше всего интересовалась тѣмъ, какъ висѣлъ на воротахъ Абрамка.

— Да неужто же внизъ головой?—спрашивалъ Омельянъ Григорьевичъ, который никакъ не могъ себѣ представить почтеннаго Абрамку въ такомъ странномъ положеніи.

— Въ полномъ смыслѣ! — отвѣчалъ урядникъ звонкимъ, яснымъ голосомъ, напоминавшимъ звукъ трубы, раздающійся въ открытомъ полѣ при крѣпкомъ морозѣ.—Можете себѣ представить: прискакалъ это я въ Буцыловку, торопился, все одно — какъ бы на крыльяхъ летѣлъ, коня въ пѣну вогналъ, вообразите себѣ,—и что же я вижу! Вокругъ кабака — толпа. Я, само собою подразумѣвается, нагайкой направо и налѣво, «дорогу» — кричу,—дали дорогу... Подъѣзжаю къ кабаку, вижу—можете себѣ вообразить—бѣдный Абрамка виситъ пятками вверхъ, а головой внизъ, полы кафтана отвернулись и закрыли ему лицо; виситъ бѣдный Абрамка и даже не кричитъ, а только стонетъ хриплымъ голосомъ, а жена его, Рузька, сидитъ на землѣ, то-есть прямо на снѣгу, и воетъ, прямо по-волчьи воетъ. Вотъ народъ! А мужики стоятъ и смѣются. И замѣтьте, этакимъ манеромъ онъ уже больше часу виситъ! — За что? — спрашиваю. «А за то, говорятъ, что у него въ кабакѣ на первый день праздника уже водки не хватило!» А? какъ вамъ покажется? За то, что водки не хватило! А? Такъ это жъ,

говорю, оттого, что вы, такіе-сякіе, еще съ сочельника пьянствовать начали, да и водки жрете столько много, что на васъ и трехъ кабаковъ не хватитъ... «А они мнѣ: что-жъ, это намъ было очень обидно. Праздникъ—и вдругъ водки нѣтъ. Коли взялся кабакъ держать, такъ и исполняй свою обязанность!» Каково? «Вотъ мы, говорятъ, его и повѣсили для острастки!» Я, разумѣется, Абрамку сейчасъ же снялъ съ воротъ и отдалъ Рузькѣ. Вотъ какія дѣла дѣлаются!

— Н-да! — сказалъ Антіоховъ, и уже по одному этому звуку можно было понять, что онъ собирается сказать какую-то ѣдкость:—Н-да!—Абрамка вамъ за это не привезъ два ведра водки?

— Привезъ, только не два, а одно! Что-жъ такое, что привезъ? Я не вижу ничего! Сегодня привезъ, и мы съ Омельяномъ Григорьевичемъ попробовали...

— Хороши урядники!—язвительно продолжалъ писарь.

— А что-жъ такое? Это не взятка! Я такъ смотрю: съ моей стороны лицепріятства никакого не было. А ежели человѣкъ благодарность чувствуетъ, я не препятствую... Такъ, Марко Ивановичъ?—обратился урядникъ къ старшинѣ.

— Оно... Такъ оно есть...: ге!..—подтвердилъ старшина, у котораго передъ глазами уже началъ разстилаться первый туманъ.

— Старшина ничего не понимаетъ! Что онъ можетъ понимать супротивъ меня?—настаивалъ Антіоховъ, желчно блистая своими маленькими черными глазками.

— И охота вамъ! — съ добродушной усмѣшкой промолвилъ Андронъ: — вѣдь у него, у Антіохова, печонка страдаетъ! Вотъ онъ и злобитъ!

— Нѣтъ, что-жъ, я хочу правильно разсудить,—говорилъ урядникъ: — ежели я человѣку жизнь спасъ, такъ неужели запретить ему благодарность чувствовать?..

Тутъ и старшина, и фельдшеръ, и всѣ дамы жестами и восклицаніями засвидѣтельствовали, что урядникъ совершенно правъ, а Омельянъ Григорьевичъ налилъ по восьмой, придерживаясь, разумѣется, домашняго счета.

Учитель Сиромахинъ все время, по обыкновенію, сидѣлъ молча, но мысленно онъ принималъ дѣятельное участіе въ разговорѣ. Онъ чрезвычайно серьезно обсуждалъ вопросъ: можно ли запретить человѣку чувствовать благодарность, ежели ему спасли жизнь? Вопросъ этотъ онъ разрѣшалъ въ утвердительномъ смыслѣ, но только не зналъ, какъ быть

съ ведромъ водки, присутствіе котораго рядомъ съ чувствомъ благодарности казалось ему какъ бы неумѣстнымъ. И это обстоятельство помѣшало ему выразить вслухъ свое мнѣніе.

Послѣ того, какъ прошлись по восьмой, фельдшеръ откашлялся и сказалъ:

— Нѣтъ, отчего же благодарность не взять! Да это что? Вотъ я вамъ разскажу случай, который имѣлъ мѣсто въ бытность мою въ томъ же фершальскомъ званіи въ мѣстечкѣ Станиславѣ, знаете? Это было, какъ бы не впасть въ ошибку, въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ первомъ году... Да, да, семьдесятъ первомъ...

Надо замѣтить, что фельдшеръ считалъ себя неотразимо занимательнымъ разсказчикомъ и никакъ не могъ допустить, чтобы въ какомъ-нибудь обществѣ другой разсказчикъ взялъ надъ нимъ верхъ. Не разскажи урядникъ про Абрамку и не заинтересуй онъ этимъ слушателей, быть-можетъ, фельдшеръ промолчалъ бы, и гости Омельяна Григорьевича Щербатаго никогда не узнали бы о томъ, что было въ 1871 году. Но разъ это случилось, фельдшеръ почувствовалъ себя призваннымъ разсказать. Здѣсь будетъ кстати пояснить, что разсказчикъ происходилъ изъ военныхъ и сообразно съ этимъ носилъ усы и бакенбарды, пробривая подбородокъ. Волосы на головѣ онъ стригъ очень низко, вслѣдствіе чего его большія уши еще болѣе рѣзко выдавались. Наконецъ, остается прибавить, что фамилія его была Отрыганенко, и что Андронъ называлъ его въ глаза— Авдѣемъ Савичемъ, а за глаза — «рудой собакой», потому что онъ, по выраженію того же Андрона, былъ «весь рыжій».

— Въ томъ году въ нашей мѣстности проявилась сильная ипедемія, то-есть, по просторѣчію сказать—болѣзнь,— продолжалъ Отрыганенко: — болѣзнь, надо сказать, непонятная, и даже самъ земскій докторъ, когда онъ пріѣхалъ, и я его, какъ по моей должности, спросилъ, что за болѣзнь и какое ей то-есть латынское будетъ названіе, такъ онъ мнѣ сказалъ: «а чортъ ее знаетъ; и самъ не разберу! Давайте на всякій случай олеумъ рицини съ эмульсіей амигдаліи и притомъ оттяжной горчишникъ ставьте. А тамъ посмотримъ».

Андронъ перебилъ его:

— Нѣтъ, ужъ вы, Авдѣй Савичъ, по-латынски съ нами не разговаривайте. Я, хотя и дошелъ до третьяго класса

уѣзднаго училища, по ей-Богу даже латынской азбуки не помню!...

— Ахъ, прошу извиненія! Я упустилъ изъ виду, что вы не спеціэнты этого дѣла!—съ улыбкой превосходства промолвилъ Отрыганенко:—олеумъ рицини, это просто касторка или рецынка, которой мажутъ юхтовые чоботы для мягкости, а эмульсія амигдаліи, это — миндальное молоко. Такъ-съ. Сказалъ это докторъ и уѣхалъ. А болѣзнь, имѣйте въ виду, большею частью на желудокъ падала, животы то-есть подводила, но, между прочимъ, и въ жаръ, и въ холодъ бросала. Вотъ я и началъ приспособлять. Первой попалась мнѣ одна баба; закатилъ я ей этого самаго состава и оттяжной горчишникъ, то - есть, на поясницу поставилъ. И извольте видѣть, на другой день она Богу душеньку свою грѣшную отдала. Что-жъ, я тутъ виновенъ? Докторъ приказалъ, а я должонъ выполнять...

— Постойте, постойте! — опять перебилъ его рѣчь Андронъ:—А какъ звали бабу?—при этихъ словахъ онъ налилъ водки во всѣ рюмки.

— А на что вамъ? Право, не помню доподлинно. Кажись, Федосья...

— Ну, такъ за упокой души Федосьи надлежитъ выпить!—замѣтилъ Андронъ.

Это предложеніе вызвало общій восторгъ, и всѣ выпили за упокой Федосьиной души. А фельдшеръ продолжалъ:

— Впослѣдствіи того я приступился, по своей должности, къ одному парню и сталъ его лѣчить...

— За упокой, что ли?—спросилъ Андронъ и опять взялся за штофъ.

— Успѣешь. Сталъ я его лѣчить и лѣчилъ цѣлыхъ четыре дня. Крѣпкій парень былъ, устойчивый. Я ему восемь горчишниковъ предоставилъ, а этой самой микстуры влилъ въ него три чайныхъ стакана. Но на пятый день парень, какъ ни былъ крѣпокъ, не выдержалъ и пошелъ на свиданіе съ бабой...

— Я жъ говорилъ! Вы, Авдѣй Савичъ, скажите, сколькихъ вы еще лѣчили, такъ мы уже разомъ, сообща, за упокой выпьемъ, а то ежели за каждаго, такъ и водки не хватитъ!—замѣтилъ Андронъ.

— Да вы погодите, имѣйте терпѣніе! Самое-то главное впереди! — остановилъ его фельдшеръ. — Послѣ этого приключенія вышло такое дѣло, что всѣ моментально выздоровѣли. Хожу это я по мѣстечку, прихожу въ одинъ домъ:

нѣтъ ли кого больного? Нѣтъ. Въ другой—нѣтъ! Въ третій, пятый, десятый,—нѣтъ больныхъ, всѣ выздоровѣли. Что за казусъ такой? Невозможное событіе! Нѣтъ, думаю я себѣ, тутъ дѣло неладное, тутъ скрывается какой-то туманъ! И порѣшилъ я заходить въ хаты безъ опросу, прямо сказать—напроломъ. Захожу въ одну, въ другую, въ третью... Батюшки мои! Вездѣ больные валяются. Что такое? Что это означаетъ? «Ты чего, говорю я одному, бабу свою больную скрываешь?» А онъ беретъ меня за руку, отводитъ въ уголъ и, что вы думаете—говоритъ: «господинъ фершалъ! уже будьте такъ милостивы, не лѣчите ее, я вамъ за это два мѣшка жита принесу, ей-Богу, принесу!» Посмотрѣлъ я на него и подумалъ: что мнѣ? Два мѣшка жита—хорошо, а лѣченье мое и въ самомъ дѣлѣ никуда не годится. Согласился. Въ другую хату пошелъ: тамъ дѣвка за животъ держится. И тутъ Христомъ Богомъ просятъ не лѣчить, мѣшокъ проса и миску яицъ предлагаютъ. Эге, думаю я, такъ вотъ въ чемъ секретъ! Ну, ладно же, я теперь знаю, что дѣлать! И сталъ я дѣлать такую дипломатію: чуть прослышу, что въ которой-нибудь хатѣ больной завелся, сейчасъ беру свою стклянку съ микстурой и пакетъ съ горчишниками и иду. Смотришь, мѣшокъ какого-нибудь добра и заработалъ. И я вамъ скажу по совѣсти, что за время этой самой ипедеміи я свезъ въ городъ на продажу, чтобы не соврать вамъ, воза четыре зерна, да такъ еще деньгами карбованцевъ съ тридцать заработалъ. Вотъ какое приключеніе. Вы вотъ насчетъ благодарности сомнѣваетесь! А что такое благодарность? Нѣтъ, вы вотъ такую штуку придумайте, понимаете? Доктора, скажемъ такъ, берутъ за лѣченье, а я за нелѣченье брать умудрился! Вотъ какое приключеніе!

Разсказъ фельдшера произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что въ первую минуту всѣ молчали и только моргали глазами. Первымъ опомнился старшина и сказалъ:

— Н-да!.. Это ловко... ге!.. Это даже черезчуръ ловко... ге!..

— Вотъ такъ премудрый Соломонъ — Авдѣй Савичъ! Истинно, Соломонъ премудрый! — воскликнулъ въ свою очередь Андронъ, у котораго въ сущности отъ водки уже рябило въ глазахъ, но онъ на этотъ счетъ не подавалъ никакого виду. Самое глубокое впечатлѣніе произвелъ разсказъ на учителя Сиромахина. Онъ выпилъ всего лишь двѣ рюмки водки и уже перешелъ на вино; но голова его

совсѣмъ не привыкла къ хмелю, и въ этотъ моментъ онъ ощущалъ то пріятное волненіе, какое бываетъ при началѣ опьянѣнія.

Въ груди у Сиромахина боролись теперь два чувства. Какъ очень еще юный человѣкъ, хотя простой и недалекій, но почти не тронутый жизнью, онъ чувствовалъ, что разсказъ фельдшера есть въ сущности повѣствованіе о нѣкоей подлости, и въ немъ поднимался протестъ, о которомъ хотѣлось заявить публично. Но въ то же время онъ видѣлъ, что Отрыганенко послѣ своего разсказа сдѣлался героемъ, всѣ на него смотрѣли, всѣ признавали его ловкость, умъ. И тутъ у него выплывало наружу чувство тщеславія; хотѣлось и самому сдѣлаться хоть на минуту героемъ. Разсказать что-нибудь, какую-нибудь пакость, по поводу которой сказали бы: вотъ такъ ловко! Умно! Но увы! Онъ въ своемъ прошломъ не находилъ ничего подходящаго. Оно было блѣдно, безцвѣтно и пока — честно. И въ то время, какъ эти два чувства боролись въ немъ, причиняя ему страданіе, онъ краснѣлъ и молчалъ, изрѣдка потягивая изъ стакана глотокъ плохого вина.

— Удивительно!—нетвердымъ голосомъ, прищуривая посоловѣлые глазки, промолвилъ Омельянъ Григорьевичъ: — Вотъ если бы этакъ-то намъ съ тобой, Горпина! А? Славно бы?

— Дурень!—отвѣтила ему Горпина.—Туда же лѣзетъ!

— Дурень, такъ дурень! Выпьемъ, честные гости!

Выпили. У честныхъ гостей явилась необходимость почаще протирать глаза, потому что они никакъ не могли разглядѣть, гдѣ сидитъ Андронъ, гдѣ урядникъ, а гдѣ Антіоховъ. Самъ Антіоховъ, несмотря на «страданіе печонки», превысилъ мѣру до того, что, имѣя намѣреніе протянуть руку къ пирогу, попалъ пальцами въ самую глубину поросячьей начинки.

IV.

Тѣмъ не менѣе Антіохово «страданіе печонки» взяло свое, и онъ съ чрезмѣрной ядовитостью промолвилъ, не обращаясь ни къ кому:

— Не знаю, какъ кто думаетъ, а по моему мнѣнію, этто... поступокъ не того... не... благородный...

— Пф... Тоже сказалъ!..—презрительно заявилъ фельдшеръ:—неблагородный!.. Пф!..

— А что-жъ? И говорю, что неблагородный! И по-вто-

ряю: неблагородный поступокъ! Что же вы имѣете возразить?—высокимъ голосомъ вызывающе промолвилъ Антіоховъ.

— Оставьте его... Это у него страждущая печонка вопіетъ! — сказалъ Андронъ; но ни Антіоховъ, ни Отрыганенко не слышали его замѣчанія. У обоихъ гнѣвно блистали глаза, и они смотрѣли другъ на друга, какъ пѣтухи передъ боемъ.

— Что?—спросилъ фельдшеръ, гордо приподнявъ свою рыжую голову:—а то, что не вамъ бы, панъ писарь, говорить это! Вотъ что!

— Какъ такъ! — воскликнулъ писарь уже совсѣмъ какимъ-то взбудораженнымъ голосомъ и даже подскочилъ на мѣстѣ.

— А такъ!—отвѣтилъ Отрыганенко, все продолжая смотрѣть на него по-пѣтушиному.

— Да нѣтъ, *ты* говори, какъ! *Ты* не виляй! Пущай всѣ слышатъ!

— А такъ, что за *тобой* тоже грѣшки водятся!—крикнулъ фельдшеръ, отвѣчая ему «ты» за «ты».

— Какіе?

— Какіе? Ого-го! Можетъ-быть, сказать, какіе? а? Ты хочешь, чтобы я сказалъ? а?

Какъ ни рябило въ глазахъ у Омельяна Григорьевича, тѣмъ не менѣе онъ разомъ почувствовалъ двѣ вещи: что дѣло принимаетъ дурной оборотъ, и что онъ, какъ хозяинъ, долженъ какъ-нибудь успокоить разсвирѣпѣвшихъ гостей. Та же самая мысль пришла и Горпинѣ, и они, не сговариваясь, приступили къ выполненію хозяйскаго долга. Омельянъ Григорьевичъ обратился къ писарю:

— И охота вамъ, Никодимъ Петровичъ, раздражаться... Ей-Богу! Мало ли какое слово говорится въ компаніи!? Эхъ, ей-Богу...

Горпина же сказала фельдшеру:

— Да оны жъ больные! Ну, какъ можно на больного человѣка обижаться, когда у нихъ въ печонкахъ поврежденіе?..

Но ни писарь, ни фельдшеръ не поддались увѣщаніямъ.

— Говори, говори!—кричалъ Антіоховъ:—а я послушаю. Говори, рыжая собака!

— А-а! Такъ ты такъ! Изволь, сдѣлай такое одолженіе! Я скажу, сейчасъ, даже сею минуту! А помнишь Явдоху? а? Помнишь? Или забылъ?

— Явдоху? Какую такую Яв...доху?—спросилъ писарь, и голосъ его точно вдругъ перервался, словно крошка хлѣба или собственная слюна попала ему въ дыхательное горло.

— Какую? А ту самую, что сына ея, Антона, ты въ солдаты отдалъ на мѣсто Степана Швеця... А? Теперь помнишь? А Сказать тебѣ еще, сколько ты взялъ за это съ Швеця? Сказать? Полтораста карбованцевъ! Ну, что-жъ ты молчишь? Ну?

— Ты... ты... ты...—Антіоховъ буквально задыхался и никакъ не могъ сказать того, что хотѣлъ. Лицо его сдѣлалось зеленымъ, а глаза окружились почти черными пятнами. Ты... врешь, руд...ая с-со-бака! Ты... ты... я тебѣ въ м...м...орду...

И онъ уже простеръ свои щупленькія ручки по направленію къ «мордѣ» фельдшера, но былъ удержанъ урядникомъ.

Наблюдательный человѣкъ могъ бы замѣтить, что во время этого зловѣщаго діалога глаза старшины вели себя очень странно. До сихъ поръ они съ пьяной разсѣянностью смотрѣли то на фельдшера, когда онъ разсказывалъ свою исторію, то на Андрона, когда тотъ пускалъ свои юмористическія замѣчанія, то на полштофъ, когда изъ него наливали въ рюмки, то на рюмки, когда въ нихъ наливали изъ полштофа. Однимъ словомъ, видно было, что глаза его ничѣмъ не были стѣснены и свободно, хотя и безъ всякаго смысла, переходили отъ предмета къ предмету. Теперь же, какъ только было произнесено слово «Явдоха», глаза старшины въ одно мгновеніе перестали интересоваться всѣмъ на свѣтѣ и начали глубокомысленно изучать стоявшую передъ старшиной тарелку съ недоѣдками отъ поросенка, индюшки, пироговъ и прочаго.

— А, въ морду?—продолжалъ между тѣмъ фельдшеръ:— ты хотѣлъ дать мнѣ въ морду? Такъ я жъ тебѣ еще прибавлю: а недоимку съ Голоновскихъ крестьянъ кто два раза получилъ? а?..

Тутъ старшина не выдержалъ и вмѣшался въ разговоръ.

— Да ну же, господинъ фершалъ... Ге... Охота вамъ!.. Видите, онъ будто бѣшеная собака взбеленился... Дайте ему спокой!..

Слова эти были сказаны вполнѣ добродушно, съ искреннимъ желаніемъ водворить миръ. Но могъ ли простоватый

старшина предвидѣть, къ чему поведетъ его замѣчаніе? А вышло Богъ знаетъ что такое. Писарь Антіоховъ моментально, какъ мячъ, выскочилъ изъ-за стола и очутился среди горницы.

— Я бѣшеная собака? я бѣшеная собака?—хрипѣлъ онъ такимъ голосомъ, словно его давили за горло: — А-а! Такъ и ты на меня идешь, панъ старшина! Такъ вотъ же тебѣ! Пущай и объ тебѣ знаютъ: Явдохинаго-то сына мы съ тобой вмѣстѣ спровадили въ солдаты, и деньги, полтораста рублей, отъ Швеця—пополамъ раздѣлили, тебѣ семьдесятъ пять и мнѣ семьдесятъ пять... Да-а! Нѣтъ, нѣтъ, не качай головой. Еще ты на эти деньги пару воловъ купилъ на ярмаркѣ, и до сихъ поръ они у тебя есть, эти волы, да, да-а! Пущай знаютъ! Чего глазами заморгалъ?

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, честная компанія, что онъ такое говоритъ! — промолвилъ старшина дрожащимъ, испуганнымъ голосомъ. — Это все онъ выдумалъ!

— Выдумалъ? А недоимку тоже выдумалъ?—продолжалъ писарь, уже не помня себя отъ злости: — недоимку-то, я думаю, мы тоже пополамъ подѣлили! И еще ты мнѣ тогда, прохвостъ этакій, шесть рублей и восемь гривенъ не додалъ, зажилилъ! Обѣщалъ на Покрову отдать, а съ тѣхъ поръ уже четыре Покрова прошло... Ха!.. Да что-о? Я еще скажу! Кто водкой подпаивалъ мужиковъ, когда выбирали старшину? а? Нѣтъ, ты меня задѣлъ, такъ я уже не замолчу... Нѣтъ! я ничего не прощу!..

Фельдшеръ вытиралъ платкомъ лобъ, очень довольный, что писарь оставилъ его въ покоѣ и напалъ на старшину. При этомъ онъ взглянулъ на Андрона и выразительно подмигнулъ ему, какъ бы говоря: «каковы молодцы! А вѣдь это я ихъ вывелъ на свѣжую воду!» Андронъ отвѣтилъ ему лѣвымъ глазомъ. Онъ съ жаднымъ любопытствомъ слушалъ споръ между старшиной и писаремъ. Ничего въ свѣтѣ такъ не любилъ Андронъ, какъ подобныя сильныя столкновенія, и одного только отъ души онъ желалъ,—чтобы спорщики, наконецъ, подрались. Это было бы для Андрона настоящимъ блаженствомъ. Онъ боялся, чтобы пожаръ какъ-нибудь не потухъ, и находилъ, что старшина слишкомъ слабъ и мало кипятится. Онъ обдумывалъ, какъ бы его разжечь, и въ этихъ видахъ замѣтилъ, подмигивая со всѣмъ свойственнымъ ему лукавствомъ:

— Ого-го, панъ старшина, какъ онъ васъ не хвалитъ... Что-жъ вы ему спускаете?

— А ты, дяче, лучше уже молчи... Ге!.. Лучше, говорю, молчи!.. Не мѣшайся!—отрывисто и глядя на него исподлобья, отвѣтилъ старшина.

— А мнѣ чего молчать?—немножко обидѣлся Андронъ, потому что старшина обратился къ нему на «ты» и вмѣсто «Андрона Андроновича» сказалъ «дяче».—Мнѣ чего молчать? Мнѣ же изъ недоимки ничего не досталось...

— А можетъ, изъ другого чего досталось... ге!.. Такъ ты уже помалчивай!..

Андронъ вышелъ изъ себя и стукнулъ кулакомъ по столу.

— Ахъ, ты, свинячье рыло! Ты смѣешь мнѣ такъ говорить, необразованность ты толстокожая, скимень рыкающій!.. Изъ чего мнѣ досталось?

— А вотъ пущай тебѣ это Омельянъ Григорьевичъ скажетъ, ему лучше знать, ге!.. Онъ тытарь...

— Омельянъ Григорьевичъ! Изъ чего мнѣ досталось? Ну-ка, скажи, изъ чего мнѣ досталось!

— Нѣтъ, ты постой!—кричалъ между тѣмъ писарь, наступая на старшину: — я еще вотъ что скажу: третьяго года предписаніе было...

— Изъ чего мнѣ досталось? Говори же, Омельянъ, изъ чего мнѣ досталось? — не отставалъ въ свою очередь Андронъ отъ тытаря, который склонилъ-было уже голову на столъ.

Омельянъ Григорьевичъ махнулъ рукой:

— Э, что тамъ! Охота вспоминать старое!.. Ну, тамъ были грѣхи, такъ у кого жъ ихъ нѣтъ? Извѣстно, одинъ Богъ безъ грѣха...

— Какіе такіе грѣхи? Я желаю знать, какіе грѣхи?— настаивалъ Андронъ.

Ему приходилось сильно напрягать свой охрипшій голосъ, потому что между нимъ и Омельяномъ Григорьевичемъ сидѣлъ старшина, на котораго летѣли бѣшеныя стрѣлы Антіохова. Этотъ перекрестный огонь буквально потрясалъ низкіе своды горницы.

— Да оставьте, Андронъ Андроновичъ, охота же вамъ,— лѣниво отнѣкивался тытарь, которому хотѣлось спать:—за грѣхи передъ Богомъ отвѣчать будемъ...

— Да ты не юли, ты говори прямо!—Андронъ уже чувствовалъ, что его какая-то сила подмываетъ на бой. Дол-

жно-быть, это была сила дюжины рюмокъ.—Ты меня уже оконфузилъ! Какіе-такіе грѣхи? Я, братъ, свѣчами церковными не торгую и вино церковное не покупаю и муку для просвиръ не доставляю, такъ мнѣ не изъ чего наживаться... Вотъ что! А? скушалъ?

Послѣ этихъ словъ Андрона, съ Омельяномъ Григорьевичемъ сдѣлалось нѣчто страшное. Онъ выскочилъ изъ-за стола съ лицомъ багровымъ, съ налившимися кровью глазами. Онъ даже не кричалъ, а ревѣлъ и билъ себя кулакомъ въ грудь, и при этомъ почему-то глаза его наполнились влагой.

— Ты... ты мнѣ говоришь? Ты меня безчестишь? Вино? М...муку? с...вѣчи? Я—хозяинъ... Я—всему селу звѣстенъ... у меня по... похвальный листъ!.. А ты, ты что? Я—тытарь... я—четвертое трехлѣтіе... выбранъ міромъ... а?.. А ты что? Ты—метла церковная, ты... нѣтъ, ты докажи, докажи!.. Вино? какое вино? гдѣ оно?

— Ха-ха-ха-ха! похвальный листъ! Ха-ха-ха-ха! четырехъ индюковъ отвезъ благочинному, вотъ тебѣ и похвальный листъ! Самъ я тебѣ и посовѣтовалъ, ха-ха-ха-ха! А вино? Да вотъ оно самое и есть! Развѣ это не церковное вино? Сладенькое, всѣ жъ пробовали!..

Андронъ схватилъ со стола бутылку съ краснымъ виномъ и потрясъ ею въ воздухѣ. Омельянъ Григорьевичъ поднялъ кулаки и замахалъ ими надъ своей головой. Его всего трясло и передергивало.

— Честнáя компанія?—торжественно обратился онъ ко всѣмъ гостямъ:—я молчалъ, потому какъ самъ я хозяинъ и обязанъ... А теперь не могу. Силъ моихъ нѣту... Онъ говоритъ—вино... можетъ, и было когда, что бутылку какую взялъ... грѣшный человѣкъ... А онъ, Андронъ, это мнѣ вотъ какъ извѣстно,—съ начасточки воруетъ... Онъ, то-есть, просвиры пишетъ, и ежели, къ примѣру, баба даетъ за упокой душъ сродниковъ четыре копейки, такъ онъ двѣ на часточку, а двѣ въ карманъ... это я по чистой совѣсти говорю! А когда они съ батюшкой съ крестомъ по хатамъ ходили, такъ онъ самую лучшую колбасу, которую Скороходъ пожертвовалъ, въ своемъ собственномъ карманѣ отъ батюшки утаилъ и меня еще тою колбасою угощалъ... Вотъ вамъ!

Въ одно мгновеніе Андронъ сдѣлалъ кошачій прыжокъ и вцѣпился пальцами обѣихъ рукъ въ бороду тытаря, который, ради обороны, тузилъ его кулаками по спинѣ. Въ это же самое время старшина возсталъ во весь свой могу-

чій ростъ и своей огромной лапищей теребилъ густые черные кудри Антіохова. Антіоховъ пищалъ и царапался, какъ обозленный котенокъ. Бабы повскакивали съ своихъ мѣстъ и принялись уговаривать и разнимать враговъ. Все смѣшалось въ какую-то безобразную кучу. Гдѣ-то раздавался сиплый голосъ Андрона, повѣствовавшій о какой-то кадильницѣ съ серебряными бубенчиками, которые будто бы оказались мѣдными, а покупаль-то кадильницу Омельянъ Григорьевичъ. Антіоховъ, точно откудова-то изъ глубокой ямы, пищалъ о шести рубляхъ и восьми гривнахъ, не доданныхъ ему старшиной при дѣлежкѣ таинственной недоимки. Бабы плакали.

V.

Урядникъ окинулъ собраніе строгимъ, начальническимъ взглядомъ и властно подошелъ къ полю битвы.

— Постойте! — сказалъ онъ своимъ звонкимъ благороднымъ теноромъ:—драться я не могу дозволить!

И при этихъ словахъ онъ сталъ обѣими руками раздвигать кучу.

— Что-о?—послышался чей-то голосъ, ужъ нельзя было и разобрать—чей:—а ты кто такой?

— Я кто такой? я урядникъ... я—власть! Драться не могу дозволить! Этто безпорядокъ... этто нарушеніе тишины и спокойствія...

— Да ты не очень-то здѣсь хорохорься... Ге!.. я самъ тоже власть! и про тебя кой-что... Ге... кой-что знаемъ!.. съ Абрамки четыреста рублей взялъ за открытіе кабака... Въ незаконномъ сожитіи съ дѣвкой Аришкой находился и по сіе время состоишь... При живой женѣ... ге!.. Тоже!.. Власть!..

— А? какъ ты смѣешь? А? мнѣ? уряднику? Ахъ, ты... м-мужичье!.. М-мазепа ты неумытая!..

Совершенно естественно, что руки урядника, простершіяся-было въ толпу, чтобы водворить тишину и спокойствіе, оказались въ бородѣ старшины. Бабы, потерявъ всякую надежду унять расходившіяся страсти, принялись отчаянно выть.

Учитель Сиромахинъ въ сильномъ волненіи шагалъ взадъ и впередъ по земляному полу горницы, между дверью и печкой. Въ головѣ его,. разгоряченной хмелемъ, мысли перепрыгивали одна черезъ другую, а въ груди клокотало новое чувство, котораго онъ и самъ еще не понималъ

хорошенько. Всего двадцать одинъ годъ жилъ онъ на свѣтѣ и видалъ немного. Случалось ему видѣть пьяныхъ людей, изрѣдка приходилось и самому выпивать,—люди веселились, смѣялись, подчасъ и плакали; бывало, что и ссорились и дрались, но никогда еще онъ не слышалъ, чтобы люди съ такой откровенностью разсказывали про себя и про другихъ—имъ въ лицо такія исторіи. И вѣдь это ясно, какъ день, что всѣ эти исторіи достовѣрны, и тѣ, кому онѣ приписывались, даже не отрицали ихъ. Такъ что же это выходитъ? Выходитъ, что вся эта «честная компанія»—воры и взяточники; тотъ воруетъ церковное добро, другой—общественное, третій лицепріятствуетъ, взятку беретъ, четвертый злоупотребляетъ своей профессіей... И со всѣми этими людьми онъ, Спиромахинъ, считающій себя честнымъ человѣкомъ, живетъ, компанію водитъ, руки имъ жметъ, хлѣбъ-соль съ ними ѣстъ и считаетъ ихъ лучшимъ обществомъ въ селѣ...

Пока еще шли одни только разговоры, онъ вслушивался и недоумѣвалъ, никакъ не будучи въ состояніи признать, что это говорится не въ шутку и что все это правда. Но когда слова перешли въ дѣло, онъ возмутился, вскочилъ съ своего мѣста и, движимый клокотавшимъ въ немъ чувствомъ, бѣшено зашагалъ по комнатѣ. Онъ не зналъ, какъ ему быть. Разнимать ихъ, усовѣщевать—не стóитъ. Взять пальто и шапку и уйти—недостаточно. Вѣдь они тогда подумаютъ, что онъ просто струсилъ и убѣжалъ отъ драки. Нѣтъ, онъ уйдетъ изъ этой компаніи, но прежде покажетъ имъ свое глубокое возмущеніе. Они должны знать его мнѣніе о нихъ. Онъ долженъ имъ высказать его и тогда уйдетъ.

И Спиромахинъ, дѣйствительно, подбѣжалъ къ столу и крикнулъ такимъ гнѣвнымъ и зычнымъ голосомъ, какого и самъ въ себѣ не подозрѣвалъ:

— Послушайте! Всѣ вы мерзавцы и подлецы! Всѣхъ я васъ пре-зи-ра-ю!

— Ишь ты, нашелся святой... — попытался-было ему кто-то отвѣтить среди продолжавшейся всеобщей драки. Но онъ не остановился:

— Подъ судъ васъ всѣхъ отдать слѣдуетъ... Подъ су-удъ!

И, подкрѣпивъ свое возмущеніе громкимъ и презрительнымъ плевкомъ, онъ схватилъ пальто и шапку и стремглавъ вылетѣлъ изъ горницы въ сѣни, а потомъ на улицу.

Словно ударъ молніи съ громомъ ворвался въ хату Омельяна Григорьевича и попалъ въ самый центръ свалки и коснулся каждаго изъ принимавшихъ въ ней участіе. Всѣ отшатнулись въ разныя стороны и какъ бы опѣшили.

«Подъ судъ!» еще носилось въ воздухѣ полное горячаго возмущенія и гнѣва восклицаніе учителя Сиромахина и каждому ударяло въ ухо и сверлило гдѣ-то въ мозгу. «Подъ судъ!? А что, ежели и въ самомъ дѣлѣ подъ судъ?..»—мелькнуло у каждаго въ головѣ, и мигомъ прошелъ хмель, и всѣ стояли неподвижно, смущенные, боясь поднять глаза и посмотрѣть другъ другу въ лицо.

Первымъ пришелъ въ себя Андронъ. Онъ поправилъ рукой косичку, сбившуюся съ затылка на самое темя, и промолвилъ какимъ-то особеннымъ благолѣпнымъ голосомъ:

— Навожденіе!.. Воистину, навожденіе бѣсовское!

Старшина развелъ руками и сказалъ:

— Ге!..

— А нуте-жъ-бо выпьемъ по тринадцатой!—любезно проговорилъ Омельянъ Григорьевичъ, усердно почесывая лѣвой рукой затылокъ:—да забудемъ это... Ей-Богу!..

— Забудемъ!..—промолвилъ кто-то ему въ отвѣтъ.

Андронъ налилъ въ рюмки водки, и всѣ молча выпили по тринадцатой.

Было уже за полночь. Въ маленькое окошко видно было, какъ хлопьями падалъ снѣгъ и вѣтеръ разносилъ его по воздуху и въ разныхъ мѣстахъ нагромождалъ цѣлыя горы. Рослая писарша благочестивымъ голосомъ завела разговоръ о томъ, что надо ждать урожайнаго года, по причинѣ обилія снѣга. Писарь Антіоховъ тяжело дышалъ и сопѣлъ, изнывая отъ расходившагося «страданія печопки». Разговоръ тянулся вяло. Объ учителѣ Сиромахинѣ никто не заикнулся ни единымъ словомъ, какъ будто его и не существовало на свѣтѣ...

ИГРА СЛОВЪ.

ИГРА СЛОВЪ.

(Очеркъ).

Дьяка Арсентія звали въ два мѣста. Батюшка еще утромъ, послѣ обѣдни, сказалъ ему:

— Приходи къ намъ вечеромъ, Арсентій! Ты человѣкъ неженатый, тебѣ негдѣ... И матушка будетъ рада!

На это Арсентій, конечно, поклонился, не сообразивъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, и обѣщалъ непремѣнно быть.

Но когда уже вышли отъ обѣдни и весь народъ расползся по селу, и Арсентій направился изъ церковной ограды въ церковный же домъ, на пути ему встрѣтилась здоровая краснощекая дивчина въ цвѣтномъ шерстяномъ платкѣ на головѣ, въ городской ватной кофтѣ и въ высокихъ сапожкахъ. Эта встрѣча произвела на него такое впечатлѣніе, что у него щеки зардѣлись и глаза заблистали. Онъ приподнялъ свою черную поярковую шляпу, которая такъ шла къ нему, что онъ даже въ морозы не рѣшался замѣнять ее шапкой, и сказалъ, весь почему-то сіяя:

— Добраго здоровья, Горпина Игнатьевна!

— А вы приходите къ намъ вечерять!—вмѣсто привѣтствія отвѣтила ему Горпина.—И батька просилъ, и мамка наказывала!

Въ первую минуту онъ не сообразилъ, что̀ изъ этого можетъ получиться, но вдругъ вспомнилъ, что онъ далъ слово батюшкѣ. Онъ хотѣлъ-было возразить, обернулся, но Горпины уже не было: юркая, какъ кошка, она уже исчезла.

Арсентій взялся за голову и почувствовалъ въ ней боль, что съ этой головой случалось всегда, когда въ ней заводились «трудныя» мысли.

Дьякъ Арсентій... Не слѣдуетъ, однако, представлять его непремѣнно въ узенькомъ кафтанѣ, съ жиденькой бородкой, съ тонко заплетенной косичкой на затылкѣ. Ничего подобнаго не было. Это былъ дьякъ новой формаціи, не носившій ни кафтана, ни косички, ни даже бородки, а одѣвавшійся совершенно по послѣдней модѣ, разумѣется, той модѣ, какая была въ Збрыдловкѣ и даже въ уѣздномъ городѣ. Онъ брилъ то мѣсто, на которомъ у него не хотѣла расти борода, а росло Богъ знаетъ что, любилъ носить пестрые галстуки и отлично умѣлъ завязывать ихъ морскимъ узломъ и вообще одѣвался настолько франтовато, что о. Зиновій, очень строгій въ своихъ приговорахъ, называлъ его «вавилонской блудницей», намекая этимъ на пристрастіе Арсентія къ деревенскимъ дивчинамъ. Но Арсентій былъ молодъ, ему было всего какихъ-нибудь 25 лѣтъ, и, конечно, такое пристрастіе ему можно простить.

Но среди дивчинъ, къ которымъ у него было пристрастіе, все же онъ выдѣлялъ Горпину, и не потому, чтобы она была пригожѣй другихъ, — Боже сохрани, въ его глазахъ всѣ дивчины были хороши,—а единственно потому, что у ея батьки, Игната Шины, было двѣ мельницы, — одна на горѣ, а другая на ровномъ мѣстѣ, — и соотвѣтственно этому всякаго добра много. Арсентію надо же было когда-нибудь жениться, какъ и всякому другому человѣку,—мало ли что можетъ случиться. Ну, вдругъ захотятъ его дьякономъ сдѣлать, — а двѣ мельницы, да даже и одна мельница—вещи не вредныя. Что же касается Игната Шины, что же еще можетъ быть болѣе лестнаго для солиднаго хозяина, какъ выдать дочку за дьячка и такимъ образомъ породниться съ лицомъ духовнаго званія. А ужъ о Гарпинѣ и говорить нечего. Она спала и видѣла себя дьячихой...

Ну, такъ вотъ какое положеніе. Когда Арсентій вошелъ въ сѣни церковнаго дома, то окончательно понялъ, что сдѣлалъ непоправимую ошибку.

— Ахъ, ты, доля моя горькая! — воскликнулъ онъ вслухъ:—ну, и голова же у меня! Недаромъ еще въ семинаріи говорили, что это не голова, а бочонокъ съ квасомъ!

Эти слова онъ произнесъ, не замѣчая, что за столомъ у него сидитъ и смотритъ на него съ безконечной ироніей, прищуривъ лѣвый глазъ, гость.

— А ты на это дѣло наплюй, Аря! Да возьмись за

умъ! — промолвилъ гость, почему-то звонко щелкнувъ пальцами.

— Викеша! Ты откуда?—радостно воскликнулъ Арсентій, увидѣвъ своего неизмѣннаго друга и почуявъ въ его голосѣ что-то ободряющее. Это былъ Викентій Продумченко, человѣкъ съ очень длиннымъ носомъ, длинными ногами и съ столь же длиннымъ титуломъ «исправляющаго должность учителя приходской школы». Лицо у него было рябое и безволосое, хотя онъ и не брился. Дружба его съ Арсентіемъ завязалась еще въ семинаріи, гдѣ они оба вмѣстѣ и общими усиліями лѣнились. Разница между ними была та, что въ то время какъ у Арсентія въ трудныя минуты жизни умъ неизвѣстно куда прятался, Викентій въ такихъ случаяхъ проявлялъ необычайную находчивость, а также и въ томъ, что Викентій не признавалъ франтовства, одѣвался грязно, а Арсентія называлъ за его приличный видъ «кавалеромъ», и въ томъ, наконецъ, что Арсентію свойственна была любовь къ жизни и ко всѣмъ ея радостямъ, а Викентій говорилъ, что все это мѣднаго гроша не стоитъ, и что если бы ему объявили, что завтра его повѣсятъ, онъ только попросилъ бы позволенія выпить послѣднюю рюмку водки. Поэтому любимымъ его словомъ было слово «наплевать», которое онъ произносилъ съ такимъ выраженіемъ, что всякому присутствовавшему при этомъ тотчасъ хотѣлось плюнуть.

— Да ужъ тамъ откуда ни было... — отвѣтилъ Викентій на вопросъ Арсентія.—А ты чего носъ повѣсилъ? Наплюй, говорю, и возьмись за умъ!

— Гм... — скептически замѣтилъ Арсентій: — возьмись! Было бы за что взяться! А ка̀къ ты за него возьмешься, когда его нѣтъ? Откуда я его возьму?

— Откуда? А вотъ откуда!

И при этихъ словахъ Викентій вытащилъ изъ кармана гигантскую бутылку зеленаго стекла, а изъ другого бумажный свертокъ, и все это водрузилъ на столъ.

— Вотъ онъ—источникъ вдохновенія, ручей оживительной влаги! Понялъ? А прочее—одна игра словъ!

Разумѣется, Арсентій понялъ, что это была водка, а въ бумагѣ — соленый огурецъ, какъ потому, что былъ еще постъ, такъ и потому, что нѣтъ на свѣтѣ лучше закуски послѣ водки, какъ соленый огурецъ. Но и онъ, во всякое другое время способный отнестись къ этому только одобрительно, теперь взглянулъ на это неблагосклонно.

— Э, куда теперь! Я и такъ ума не приложу! Ты лучше посовѣтуй!

— И посовѣтую!—отвѣтилъ Викентій и, не обращая вниманія на его неодобреніе, разыскалъ двѣ рюмки, вытеръ ихъ бумагой и приготовился къ пиршеству. — Садись и разсказывай!

Арсентій сѣлъ и началъ разсказывать про свои затрудненія. Викентій же въ это время налилъ водку въ рюмки и такъ выразительно чокнулся своей рюмкой съ его рюмкой, что Арсентій, безъ всякой душевной борьбы, взялъ ее и выпилъ, а затѣмъ рука его естественнымъ путемъ сама потянулась къ огурцу. А тѣмъ временемъ рюмка была вновь полна, и такимъ образомъ дьякъ незамѣтно для самого себя осушилъ ихъ пять. Разсказъ его, начатый тихимъ, подавленнымъ голосомъ, уже сопровождался, повидимому, ненужными удареніями кулакомъ по столу и такими странными восклицаніями:

— Батюшка что? Развѣ я его боюсь? Даже нисколько! Ежели бы въ другое время, я бы и не посмотрѣлъ... Наплевать бы—и дѣлу конецъ! А то вѣдь—кутья, понимаешь? Все одно, какъ бы служба... Невозможно! Понимаешь ты?

Викентій только подмигивалъ ему и наливалъ вновь. Тогда Арсентій переходилъ къ другому затрудненію и высказывалъ тоже свободные взгляды.

— Опять же Шина... Что такое Шина? Мужикъ, и больше ничего. Что у него двѣ мельницы, эка важность! Мельница? Что такое мельница? Вѣтеръ, и больше ничего!.. Вѣтеръ дуетъ, а крылья вертятся... Вотъ тебѣ и мельница...

И онъ при этомъ губами изобразилъ вѣтеръ, который дуетъ, а руками—крылья мельницы. Но крылья дѣйствовали такъ рѣшительно, что зацѣпили лежавшіе на столѣ огурцы и кстати—метрическую книгу, веденіе которой лежало на обязанности дьяка Арсентія. И то и другое распласталось по полу.

— Ничего,—сказалъ Арсентій:—это не вредно.

— Наплевать!—подтвердилъ Викентій и налилъ еще по одной.

Должно-быть, прошло много времени, пока зеленая бутылка совсѣмъ опустѣла, потому что вотъ уже на дворѣ сумерки, которыя кажутся еще темнѣе отъ того, что идетъ густой лапчатый снѣгъ. Арсентій ни капли уже не безпокоится по поводу своего затрудненія. Онъ рѣшилъ его

такъ просто, какъ только могъ рѣшить истинный мудрецъ. Ему почему-то пришло на умъ выраженіе Викентія: «а прочее — одна игра словъ». Онъ и рѣшилъ, что батюшка и матушка, и Игнатъ Шпна, и его жена, и кутья съ взваромъ, и даже самая Горпина съ своимъ приданымъ въ видѣ двухъ мельницъ,—что все это есть не болѣе, какъ игра словъ, и что стòитъ ему только выйти изъ дому и пойти прямо, и онъ тотчасъ найдетъ все, что ему надо. А чтò ему надо, этого онъ и самъ не зналъ.

И онъ вышелъ на улицу. Вотъ батюшкинъ домъ. Знакомыя зеленыя ворота. Маленькій палисадникъ, обнесенный высокимъ плетнемъ. Онъ весь въ зелени. Цвѣты цвѣтутъ, и отъ нихъ такъ и вѣетъ чуднымъ ароматомъ ладана, смѣшаннаго съ смирной. Чудеса! Двадцать-четвертое декабря, на дворѣ стоитъ морозъ, снѣгу нападало по колѣно, а у батюшки въ палисадникѣ — весна... — «Ну, это игра словъ, это ясно!»—думаетъ Арсентій. А цвѣты зрѣютъ, зрѣютъ, и вотъ уже на нихъ появляются плоды. «Какія славныя просвиры!—думаетъ Арсентій, — какъ удались!— Дьяконшѣ ни за что такихъ не испечь! У нея все выходятъ какія-то приземистыя, а вѣдь деретъ по семи копеекъ! Гдѣ же справедливость?»

А у батюшки въ домѣ свѣтятся огни, значитъ трапеза готова. Отлично. Онъ входитъ во дворъ, на него накидываются собаки. У батюшки злыя собаки, огромныя, мохнатыя, онѣ бѣгутъ къ нему, становятся на заднія лапы, падаютъ въ его объятія и цѣлуются съ нимъ. Но онъ такъ привыкъ уже къ невѣроятному, что считаетъ его въ порядкѣ вещей.

— Однако, пожалуйте! Васъ ждутъ! Только за вами и остановка!—вдругъ раздается нѣжный тягучій голосъ матушки. Она стоитъ въ сѣняхъ, держа свѣчку въ рукѣ.

Онъ входитъ въ горницу. За столомъ сидитъ батюшка, по правую его руку—матушка, а по лѣвую—мельница, не та, что стоитъ на горѣ, а другая, которая — на ровномъ мѣстѣ. Мельница машетъ крыльями и улыбается ему, и говоритъ: «Я твоя!»

— Хорошо!—отвѣчаетъ Арсентій: — только какъ же ты моя, когда я еще не женился на Горпинѣ?

— Это ничего! — говоритъ мельница: — тебѣ и не надо на ней жениться, а ты женись на мнѣ!

— Какъ? На мельницѣ?

— Ну, да! что же тутъ такого? Развѣ ты не знаешь?

Вышло предписаніе! Всѣмъ дьячкамъ жениться на мельницахъ. Вѣдь я сирота, у меня ни отца, ни матери... И за это тебя дьякономъ сдѣлаютъ...

И мельница заплакала. Арсентію стало жалко ея. Какъ же въ самомъ дѣлѣ? Сирота, ни отца, ни матери. Кто ее возьметъ? И притомъ выгодно: дьякономъ сдѣлаютъ и своя мельница есть.

— Хорошо! я женюсь!—отвѣчалъ Арсентій.

— Такъ по рукамъ?—спрашиваетъ Шина, который неизвѣстно какимъ образомъ оказался здѣсь.

— По рукамъ!—отвѣчаетъ Арсентій. — А мельницы отдашь мнѣ?

— Одну теперь, а другую—когда умру!

— Ладно! Ну, Горпина, поцѣлуемся! Теперь ты почти-что дьячиха!

Онъ цѣлуется, но вовсе не съ Горпиной, а съ матушкой, а Горпина вмѣстѣ съ отцомъ-благочиннымъ, который пріѣхалъ, очевидно, дѣлать ревизію, возсѣдаетъ на облакѣ и носится надъ столомъ.

— Однакоже, надо и кутьи поѣсть!—говоритъ матушка, указывая на яства, стоящія на столѣ. Тутъ и кутья, и взваръ, и жареный лещъ съ кашей, и жидкій капустнякъ, и пироги съ рисомъ. И, сказавши эти слова, матушка поднялась и всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ сѣла въ блюдо съ пшеничной кутьей... Это было съ ея стороны такъ странно и такъ нехорошо, что даже батюшка на нее покосился и сказалъ:

— Негоже!..

...Кадильный дымъ клубами подымался изъ всѣхъ кадильницъ, пѣвчіе пѣли стройно и согласно, протодьяконъ гудѣлъ своимъ могучимъ басомъ. Гдѣ-то раздавалась музыка, но не обыкновенная земная музыка, а небесная, райская музыка. Вдали виденъ былъ пейзажъ: зеленая поляна, по ней ручеекъ течетъ, за ручейкомъ — горка, на горкѣ — мельница, на мельницѣ — крылья, а на одномъ крылѣ сидитъ Горпина и манитъ Арсентія пальцемъ. И слышится таинственный звонъ колокола...

Тогда Арсентій стремительно бѣжитъ на средину комнаты, падаетъ на колѣни и, сложивъ молитвенно руки, восклицаетъ:

— Ваше преосвященство! Я женюсь на Горпинѣ! сдѣлайте меня дьякономъ! Самымъ маленькимъ, хотя бы самымъ маленькимъ дьякономъ! Ваше преосвященство!

И вдругъ онъ получаетъ сильнѣйшій щелчокъ въ носъ... Что это? Передъ нимъ заспанное рябое лицо Викентія.

— Аря, Аря! вставай! къ заутренѣ звонятъ! Сейчасъ батюшка придетъ! Народъ собирается... Ну, и дрызнули же мы съ тобой, Аря!.. ой-ой-ой!

Арсентій осматривается. Онъ лежитъ на полу въ сосѣдствѣ съ огурцомъ и метрической книгой. Надъ нимъ стоитъ Викентій съ свѣчой въ рукѣ. И въ самомъ дѣлѣ звонятъ къ заутренѣ. Онъ схватывается и начинаетъ приводить себя въ порядокъ.

— Фу ты!—бормочетъ онъ, протирая глаза:—такъ это, значитъ, была одна игра словъ! Ахъ, ты Господи, Боже мой! Кутью, значитъ, мы проспали! Ну, будетъ же мнѣ нагоняй отъ батюшки, да и отъ Горпины!

— Наплюй!—философски замѣтилъ Викентій и, отворивъ настежь дверь, впустилъ въ комнату струю морознаго воздуха, чтобы окончательно привести въ чувство Арсентія.

НАДЕЖДА И УПОВАНІЕ.

НАДЕЖДА И УПОВАНІЕ.

Наконецъ-то онъ пріѣхалъ.

Старая попадья, неся на плечахъ дрожащую голову, украшенную сѣдыми волосами, вышла за ворота и, когда извозчичья бричка со станціи была уже отъ нея въ ста шагахъ, приготовлялась сказать и была увѣрена, что скажетъ:

— Милый мой сынъ! и какъ же я тебѣ рада! Дай же, я тебя къ сердцу прижму! И сколько же лѣтъ я мечтала о томъ, что увижу тебя, и ночей не спала, все ждала...

Но когда экипажъ остановился у воротъ и изъ него вышелъ такъ давно жданный гость, ей ничего не удалось сказать. Слезы сдавили горло, слова застряли гдѣ-то, и она вдругъ сдѣлалась нѣма.

Старый батюшка, отецъ Маркелъ, бодрый, побѣдоносно носившій свою длинную бѣлую бороду, съ быстрыми юными глазами, — надѣлъ новую рясу, чтобы достойно встрѣтить своего старшаго сына, и встрѣтилъ его на порогѣ дома, благословилъ, перекрестилъ большимъ крестомъ и въ глубокомъ молчаніи заключилъ его въ объятія.

А кругомъ и отовсюду выглядывало множество народа: и взрослые, и дѣти, все разные, но въ то же время и чрезвычайно схожіе. У всѣхъ на лицахъ было что-то общее: смуглый цвѣтъ кожи, темные глаза, какъ и у него. Но у каждаго было и что-то новое, свое.

Онъ спрашивалъ себя: кто это высокая дама съ такими строгими чертами лица? Ахъ, да, — вспомнилъ онъ: — это сестра его: она лѣтъ на десять моложе его, онъ помнитъ ее дѣвочкой. А эта — полная, съ такимъ простодушнымъ веселымъ лицомъ? Да, да, это другая сестра его. Ея онъ почти не помнитъ. Ее оставилъ онъ въ домѣ совсѣмъ ребенкомъ. А этотъ юноша, другой, мальчуганы, дѣвчонки въ коричневыхъ платьяхъ съ бѣлыми передниками, — это все ихъ дѣти, его племянники.

Его братья давно всѣ поженились и сдѣлались священниками, его сестры повышли замужъ и стали попадьями. Мужья ихъ остались на приходахъ, а ихъ съ семьями вызвалъ сюда старый отецъ Маркелъ ради пріѣзда сына.

«Вашъ старшій братъ, наша надежда и упованіе, обѣщалъ пріѣхать нынѣшнимъ праздникомъ, — писалъ отецъ Маркелъ: — пріѣзжайте и вы. Когда еще будетъ такой счастливый случай, чтобы повидать его?..»

И онъ со всѣми здоровается, всѣхъ цѣлуетъ, всѣхъ заключаетъ въ объятія, хотя почти никого не знаетъ. И всѣ смотрятъ на него, и у всѣхъ на лицахъ написано скрытое изумленіе, какое-то разочарованіе и какъ будто недовольство. И онъ самъ смотритъ на нихъ, потомъ на себя, и ему кажется, что онъ—человѣкъ изъ другого міра, съ другой планеты.

И ему писалъ старикъ: «Ты — наша надежда и упованіе, дорогой нашъ Григорій Маркеловичъ!» «Надежда и упованіе! — думаетъ онъ, глядя на свое отраженіе въ старомъ зеркалѣ, съ множествомъ черныхъ пятенъ на стеклѣ.— Это они — надежда и упованіе, — здоровые, цвѣтущіе, полные жизни, а я...»

Высокій, худощавый, съ блѣднымъ лицомъ пепельно-сѣраго цвѣта, съ вялыми, холодными глазами, слегка согбенный, съ рѣдкими волосами на головѣ, сквозь которые просвѣчивала блѣдная кожа черепа, съ скудными усами и бородкой, — онъ самъ себѣ казался мертвецомъ среди этой шумливой, энергичной, исполненной живыхъ, непочатыхъ силъ, семьи...

Старая мать смотритъ на него и тихонько качаетъ головой: «Какой онъ! какой онъ!» и всѣ—старшіе и младшіе— думаютъ то же.

Не такимъ представляли его самъ отецъ Маркелъ и вся семья. Григорій Маркеловичъ Благомысловъ оторвался отъ семьи очень давно, лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Богъ знаетъ, какъ это вышло. Всѣ младшіе — два брата и три сестры — остались въ духовномъ званіи и пошли по старой, протоптанной предками дорожкѣ. Братья кончили семинарію и сдѣлались священниками, сестры вышли за богослововъ, и всѣ размножились; если бы отецъ Маркелъ могъ собрать все свое племя, то домъ не вмѣстилъ бы его.

А онъ отдѣлился. Изъ семинаріи онъ пошелъ въ академію, потомъ свернулъ съ дороги и поступилъ на свѣтскую службу. Дѣльный, образованный, усердный, онъ сталъ на

хорошую линію, и вотъ теперь уже дѣйствительный статскій совѣтникъ. Онъ не прерывалъ отношеній съ родными. Аккуратно два раза въ годъ онъ посылалъ отцу Маркелу письма; изрѣдка приходилось ему хлопотать для родныхъ, устраивать какого-нибудь родственника на казенный счетъ или добиться для зятя скромной награды. Ему ничего не стоило сказать два-три слова, а имъ это казалось могущественнымъ покровительствомъ.

Родные уважали его, гордились имъ, и всѣ имъ завидовали, что у нихъ есть такой покровитель.

Въ этотъ годъ, ради движенія по службѣ, онъ взялъ важное мѣсто въ губернскомъ городѣ. Это была временная служба, которая должна была его быстро двинуть вверхъ, онъ это зналъ. Губернскій городъ отстоялъ отъ родного села верстахъ въ пятидесяти, и тутъ-то отецъ Маркелъ настойчиво позвалъ его къ себѣ. Трудно было ему рѣшиться. У него вѣдь своя семья — жена, всегда недостаточно здоровая, блѣдная, нервная, малокровная; сынъ, способный, но слишкомъ нервный мальчикъ, подававшій большія надежды. Онъ привыкъ быть съ ними, онъ сжился съ своей семьей. Отецъ Маркелъ звалъ его съ женой и сыномъ, но куда тутъ! Они не вынесли бы и одного дня безъ своей обычной обстановки.

Онъ пріѣхалъ дня за два до праздника. Сперва онъ какъ-то не могъ сообразить, много ли у него всѣхъ родственниковъ. На каждомъ шагу попадались разныхъ возрастовъ дѣти, но ему казалось, что все это одни и тѣ же. Но потомъ мало-по-малу онъ привыкъ различать ихъ. Въ тотъ же день въ домѣ отца Маркела былъ торжественный родственный обѣдъ.

— Ужъ извини, Григорій Маркеловичъ, — сказалъ о. Маркелъ: — пріѣхалъ ты въ постное время. Всѣ постимся; чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Тутъ, за обѣденнымъ столомъ, онъ узналъ, что родныхъ у него больше двухъ десятковъ. Всѣ сидѣли вокругъ длиннаго стола. Въ первый же день ему пришлось огорчить свою семью. На томъ краю стола, гдѣ сидѣлъ онъ, была поставлена закуска. Великолѣпный вяленый рыбецъ, чудные маринованные синіе баклажаны, которыми старая попадья гордилась на всю губернію, и отличные грибы. О. Маркелъ налилъ водки себѣ, ему и молодому богослову Виталію, который въ этомъ году собирался кончить курсъ и потому заранѣе уже отпустилъ не только усы и бородку,

но и волосы на головѣ, чтобы быть готовымъ къ будущему принятію сана.

— Ну, за наше свиданіе послѣ пятнадцати лѣтъ разлуки, Григорій Маркеловичъ! — сказалъ старикъ и, взявъ въ руки рюмку съ водкой, поднялъ ее.

— Но я не пью водки! — отвѣтилъ Григорій Маркеловичъ, отрицательно покачавъ головой.

— Что ты, Григорій Маркеловичъ? Какъ же можно передъ обѣдомъ не выпить водки. Да вотъ я—старикъ, а двѣ рюмки пью. А Виталій совсѣмъ еще молокососъ, а меньше трехъ не принимаетъ.

— Не пью!—какимъ-то рѣшительнымъ и въ то же время подавленнымъ голосомъ повторилъ Григорій Маркеловичъ.

— Но какъ же можно безъ рюмки водки? Вѣдь водка кровь горячитъ, аппетитъ придаетъ.

— Мнѣ вредно... Мой желудокъ не принимаетъ... Притомъ послѣ водки мозгъ утомляется. Я привыкъ утомлять его работой.

— Ну, такъ наливки! Эй, попадья, ты что же это не поставила наливокъ? Давай-ка, угостимъ дорогого гостя, похвастаемся. Наливка-то у насъ на рѣдкость!

И о. Маркелъ принялся хвастать наливкой, а попадья встала, чтобы идти за ней въ кладовую.

— Не трудитесь, мамаша, я наливокъ не пью! — остановилъ ее Григорій Маркеловичъ.

— Да что же ты пьешь въ такомъ случаѣ? — спросилъ о. Маркелъ.

— Ничего... А развѣ надо непремѣнно пить?

— Надо. Какъ же не надо? Коли намъ отъ Бога даны пища и питіе, значитъ—надо ѣсть и пить... Ну, хоть вина выпей... Вонъ я купилъ бутылочку какого-то иностраннаго; не разберу только. Хотя и латинскими буквами написано, а какъ-то ничего не выходитъ. Хамбертинъ какой-то, что ли!

— Шамбертенъ! сказалъ Григорій Маркеловичъ, взглянувъ на этикетъ и затѣмъ пристально всматриваясь въ марку. — Бауэръ — хорошая фирма, — какъ бы про себя прибавилъ онъ: — но я предпочитаю Рауля...

— Гм... Такъ выпьешь, что ли?

— Послѣ, послѣ, папаша. Я послѣ обѣда четверть стакана пью.

А дальше послѣдовалъ еще цѣлый рядъ огорченій. Григорій Маркеловичъ отказался и отъ маринованныхъ бакла-

жанъ, и отъ грибовъ; только рыбца, какъ бы для приличія, попробовалъ маленькій кусочекъ.

— Вспомнила я, — говоритъ попадья: — что, какъ былъ ты семинаристомъ, Григорій Маркеловичъ, и пріѣзжалъ домой, такъ до безумія любилъ постный борщъ съ сушеной рыбой, и сдѣлала я для тебя постный борщъ. Ужъ такъ хотѣла угодить, такъ хотѣла...

На лицѣ Григорія Маркеловича вдругъ легла густая тѣнь. Постный борщъ съ рыбой! Гдѣ-то въ глубинѣ души онъ ощутилъ ужасъ, а въ это время передъ нимъ уже стояла тарелка съ борщомъ. Да, да, онъ, дѣйствительно, обожалъ это кушанье! Но вѣдь это было двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ юнымъ семинаристомъ, вотъ такимъ, какъ этотъ племянникъ; который съ наслажденіемъ уплетаетъ постный борщъ изъ своей тарелки и при этомъ закусываетъ его огромнымъ пирогомъ съ рисомъ и грибами. Но тогда онъ еще не принимался дѣлать свою чиновничью карьеру. Тогда онъ еще не прошелъ школы загородныхъ ресторановъ, малыхъ и большихъ кутежей, когда въ желудокъ вливалось несмѣтное множество водокъ, коньяковъ, ликеровъ и винъ. Онъ еще не былъ отравленъ острыми соусами ресторанной кухни, прикрывающими плохіе продукты; его кровь не застаивалась отъ многочасового сидѣнія за письменнымъ столомъ надъ какимъ-нибудь головоломнымъ докладомъ, его легкія не отравлялись спертымъ воздухомъ канцеляріи, его тѣло не было изнѣжено и разрыхлено жарко натопленными комнатами, теплой шубой на улицѣ... О, да, тогда еще ничего этого не было. И желудокъ его варилъ исправно, охотно принимая въ себя все, что ни попадется. И онъ грустными глазами смотритъ въ тарелку и боится взять ложку и попробовать.

— Не могу... Не ѣмъ! — тихимъ голосомъ заявляетъ онъ.

— Да чѣмъ же мы тебя кормить будемъ? Господи ты, Боже мой! Да если бы я знала, — воскликнула попадья: — да хотя бы ты два слова написалъ объ этомъ! Я бы приготовила. Ну, вотъ, судакъ жареный и огурцы, ужъ это-то можно... Опять не годится?

— Нѣтъ, не то, — пытливо внюхиваясь въ запахъ судака, возразилъ Григорій Маркеловичъ: — судакъ, это хорошо; судакъ легко переваривается; рыба вообще хорошо усваивается желудкомъ; но... но вѣдь это на постномъ маслѣ. Постнаго масла мой желудокъ не переноситъ.

Старая попадья схватилась за голову.

— Ахъ, я окаянная! Да какъ же это я забыла, что у васъ въ городѣ постнаго не ѣдятъ! Да это же сейчасъ, въ одну минуту. У насъ еще свѣжій судакъ остался на завтра; сегодня только рыбаки вытащили неводомъ...

Онъ хотѣлъ остановить ее тихимъ мягкимъ жестомъ, но она убѣжала; старыя ненадежныя уже ноги несутъ ее, ради сына, въ кухню. Она распоряжается, гоняетъ дѣвку-Килину въ погребъ, приносятъ судака, чистятъ его, потрошатъ, рубятъ на куски; уже сковорода поставлена въ печь, масло шипитъ въ ней, и судакъ жарится. И вотъ его отнесли на столъ. И тѣни на лицѣ Григорія Маркеловича расходятся; судакъ пахнетъ правильно; онъ ѣстъ его, осторожно вынимая изъ него косточки.

— Ну, теперь винца выпей, — говоритъ о. Маркелъ: — теперь ужъ, я думаю, можно!

Григорій Маркеловичъ смотритъ съ сомнѣніемъ на него и на бутылку.

— А что, не годится?

— Нѣтъ, не то... Но послѣ рыбы я привыкъ пить бѣлое...

— Ахъ, ты, Господи! А я-то краснаго накупилъ! Думалъ, угожу, анъ вотъ что...

— Нѣтъ, ничего, потомъ можно будетъ и краснаго...

— А теперь никакъ нельзя?

— Нельзя. Что подѣлаете? привычка! Я рабъ привычки.

Потомъ принесли какое-то бѣлое кушанье, которое попадья назвала «бламанже». Въ сущности, Григорій Маркеловичъ и къ нему относился съ большимъ сомнѣніемъ, но не хотѣлъ дѣлать изъ этого вопроса и попробовалъ, а потомъ запилъ краснымъ виномъ.

— Эхъ,—воскликнулъ о. Маркелъ послѣ обѣда:—теперь мы тебя угостимъ такимъ напиткомъ, какого ты въ обѣихъ столицахъ не найдешь. Эй, попадья, вели-ка квасу.

Григорій Маркеловичъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ ужъ квасу я не стану пить...

— Да ты не знаешь, какой это квасъ! Вѣдь его сама попадья дѣлала. Игристый! Куда твоему шампанскому до него!..

Принесли квасъ и стали открывать его. Пробка съ шумомъ выскочила и ударилась въ потолокъ, изъ бутылки вылилась пѣна и залила и стѣну, и полъ. Налили въ стаканы; о. Маркелъ съ наслажденіемъ пилъ и приговаривалъ:

— Вотъ какой у насъ квасъ! Гдѣ ты видѣлъ еще такой квасъ? Да ты попробуй, ты увидишь, что у васъ и шам-

панскаго такого нѣтъ, какъ этотъ квасъ! Ты еще съ собой возьмешь и жену угощать будешь...

Но Григорій Маркеловичъ даже отвелъ глаза въ сторону. При одномъ только видѣ этого напитка у него въ желудкѣ являлось какое-то томленіе.

— Ну, можетъ, чаю выпьешь? Мы послѣ обѣда всегда чай пьемъ.

— Нѣтъ, чай я не пью; отъ чая безсонница у меня бываетъ.

— Такъ чего же?

— Вотъ если бъ чашечку чернаго кофе...

Но съ кофе вышла маленькая исторія. Въ домѣ его не оказалось, послали къ управляющему, а у управляющаго онъ былъ смѣшанъ съ цикоріемъ, между тѣмъ Григорій Маркеловичъ цикорія вовсе не признавалъ; вышло огорченіе.

Вечеромъ были въ церкви. Гость отстоялъ вечерню, потомъ пили чай, а Григорій Маркеловичъ, вмѣсто чаю, пилъ переваренную воду съ сахаромъ. Онъ говорилъ, что это возбуждаетъ пищевареніе. Во время чая родня доѣдала обѣденнаго судака и оставшіеся пироги.

— И какъ вы можете такъ много ѣсть?—говорилъ Григорій Маркеловичъ, съ ужасомъ глядя на родню:—вы даете желудку непосильную работу.

— А пусть его работаетъ!—отвѣчалъ о. Маркелъ.—На то онъ и желудокъ, чтобы работать; чего ему лодырничать?

Въ девять часовъ вечера всѣ улеглись спать; гостю отвели гостиную, которую превратили въ спальню. Ему предложили мягкій пуховикъ и три пуховыхъ подушки; ставни были притворены наглухо. Онъ пробовалъ лечь; не спится. Еще бы! Въ это время у нихъ только изъ-за обѣденнаго стола встаютъ. Онъ лежалъ съ раскрытыми глазами, потомъ всталъ, зажегъ свѣчу и началъ ходить по комнатѣ. Скрипнула дверь, и вошелъ о. Маркелъ въ старенькомъ кафтанѣ, съ тревожнымъ лицомъ.

— Что съ тобой, Григорій Маркеловичъ? Что не спишь?

— Да вѣдь рано еще...

— Какъ рано? Ужъ больше десяти часовъ; вся деревня спитъ.

— Мнѣ это рано. Я ложусь не раньше двухъ часовъ, а встаю въ одиннадцать. На службу ѣзжу къ часу. Нѣтъ ли у васъ какой-нибудь книжки? Попробую почитать.

У отца Маркела нашлась книжка; это была старая, въ свое время знакомая Григорію Маркеловичу «книжка»: «Слова и рѣчи преосвященнаго митрополита Филарета».

Когда-то онъ читалъ ее съ удовольствіемъ. И Григорій Маркеловичъ началъ вспоминать о прошломъ, о томъ, какимъ онъ былъ тогда здоровымъ юношей, какія у него были розовыя щеки, упругіе мускулы, горящіе глаза; а теперь вонъ старое зеркало при тускломъ свѣтѣ свѣчи отражаетъ его блѣдное, испитое, истерзанное нервной жизнью и однообразной служебной работой лицо? Спина его согнулась. И вѣдь ему всего только сорокъ первый годъ, а онъ уже старикъ,—того не можетъ, это ему вредно; онъ никуда не годится. Вотъ и мягкіе пуховики ему дали, и тепло, и тишина, и заботливость, а ему не спится. А этотъ старикъ, его отецъ, у него бѣлая борода, у него на плечахъ семьдесятъ лѣтъ, а его желудокъ легко принимаетъ и пироги, и водку, и эти ужасные маринады, при видѣ которыхъ у него дрожь по спинѣ пробѣгаетъ, и борщъ, и рыбу на постномъ маслѣ. Какимъ бодрымъ голосомъ онъ служилъ сегодня вечерню! Какой у него прямой станъ, какой юностью горятъ его глаза! И теперь онъ спитъ крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ. Да, карьера, карьера! Онъ сдѣлалъ отличную карьеру! Многіе, очень многіе ему завидуютъ, и онъ далеко пойдетъ. Но какъ онъ пойдетъ? Чѣмъ пойдетъ? Разбитыми, дрожащими ногами... И зачѣмъ? Развѣ онъ можетъ наслаждаться тѣмъ, что дастъ ему карьера? На все онъ смотритъ тусклымъ взоромъ пессимиста, ко всему относится съ осторожностью, съ боязнью. И много ли жить осталось? Съ его нервами, катарромъ, гемороемъ... Онъ сдѣлалъ карьеру, но сократилъ жизнь. Сократилъ и испортилъ, обезцвѣтивъ и тотъ остатокъ лѣтъ, который ему еще предстоитъ... Грустныя мысли, скверныя мысли! Книгу онъ отложилъ, ходить по комнатѣ онъ не можетъ; онъ боится, чтобы опять не разбудить и не встревожить о. Маркела; а межъ тѣмъ уже три часа ночи! Опять скрипнула дверь, и выглянула оттуда смѣшная голова попадьи, его матери, въ бѣломъ ночномъ чепцѣ.

— Открыла глаза,—говоритъ попадья:—и вижу,—у тебя огонь; встревожилась... А я ужъ встаю: Надо птицу кормить. Вѣдь безъ меня не сумѣютъ. Ложись, голубчикъ, что маешься!

Онъ легъ и, наконецъ, забылся тяжелымъ сномъ.

Наступилъ сочельникъ. Опять за большимъ столомъ собралась вся семья. Но, Боже мой, что за ужасныя вещи они ѣдятъ! Но ему отдѣльно сжарили рыбу на сливочномъ маслѣ. И странное чувство овладѣло Григоріемъ Маркеловичемъ: онъ началъ завидовать имъ, этимъ здоровымъ лю-

дямъ. Странное, непріятное чувство! Онъ завидовалъ и даже какъ будто ненавидѣлъ ихъ. За что? Да именно за то, что они здоровые, что имъ все можно, и у нихъ у всѣхъ цѣлая жизнь впереди. Да, да, и даже у этого старика съ длинной бѣлой бородой, у его отца, впереди, можетъ-быть, больше, чѣмъ у него.

А потомъ опять безсонная ночь, когда во всемъ домѣ два десятка здоровыхъ людей спятъ здоровымъ крѣпкимъ сномъ. Затѣмъ утро, день, праздникъ, у всѣхъ удивительно радостныя лица. О. Маркелъ, старый о. Маркелъ, отслужилъ утреню и обѣдню, и ничего — ноги его крѣпко держатъ. Онъ успѣлъ ужъ побывать съ поздравленіемъ у старой помѣщицы, у управляющаго—съ крестомъ, пѣть у нихъ тропарь и кондакъ, а потомъ еще будетъ ходить цѣлый день по деревнѣ, и вездѣ, въ каждой хатѣ, будетъ пѣть тропарь и кондакъ, а вечеромъ привезутъ они полный возъ всевозможныхъ даровъ и будутъ дѣлить между собой: онъ, дьяконъ и дьячокъ.

Теперь въ большой комнатѣ всѣ собрались разговляться. На столѣ — всевозможныя яства, нѣсколько колецъ колбасы, толстые, сочные куски соленаго сала, а въ сосѣдней комнатѣ какое-то движеніе.

— Ну, — говоритъ старая попадья: — ужъ отъ этого ты не откажешься! Помнишь, Григорій Маркеловичъ, какъ ты когда-то любилъ соляночку съ колбасой и саломъ! Бывало, всѣ праздники ничего другого хоть не давай. А, вотъ она!

И здоровая Килина, въ праздничной бѣлой рубахѣ съ красными разводами и въ яркой красной ситцевой юбкѣ, торжественно принесла и поставила на столъ, какъ разъ передъ Григоріемъ Маркеловичемъ, сковороду съ дымящейся солянкой. Острый запахъ поджаренной капусты, смѣшанный съ ароматомъ колбасы и сала, наполнилъ комнату. Григорій Маркеловичъ даже отодвинулся отъ стола. Да, въ тѣ времена, о которыхъ говоритъ попадья, онъ обожалъ это кушанье, и этотъ густой острый ароматъ будитъ въ душѣ его странныя воспоминанія.—Увы!—онъ чувствуетъ, что и теперь остался вѣренъ солянкѣ; но когда онъ подумалъ о томъ, что можетъ увлечься и проглотить хоть маленькую долю этого варварскаго кушанья, у него на головѣ зашевелились остатки волосъ. Онъ представилъ себѣ результаты: двѣ недѣли въ постели, по крайней мѣрѣ двѣ недѣли, обостреніе печени, доктора, микстуры, діэта и потомъ поѣздка въ Карлсбадъ...

— Ради Бога... — почти простоналъ онъ, отодвигая отъ себя роковую сковороду: — я не могу... Пощадите меня! Я вамъ безконечно благодаренъ за любовь, за вашу заботливость, но... отпустите меня домой... Мнѣ пора, я засидѣлся... У меня дѣла, семья...

И такимъ глубоко-страдающимъ голосомъ проговорилъ онъ эту свою просьбу, съ такою мольбой смотрѣли его вялые, утомленные глаза, что всѣ вдругъ поняли, что ему, дѣйствительно, пора ѣхать домой, что онъ засидѣлся, и даже никто не возражалъ.

— Ну, коли надо, такъ Богъ съ тобой! Храни тебя Христосъ! — сказалъ о. Маркелъ и, поднявшись, благословилъ его.

Всѣ встали и начали прощаться. Всѣмъ казалось, что даже было бы жестокимъ дѣломъ задержать его хоть на одну лишнюю минуту. На дворѣ быстро запрягли лошадей, чтобы довезти гостя до станціи; онъ перецѣловалъ всѣхъ и уѣхалъ.

До станціи было двѣнадцать верстъ. Вотъ показалось большое каменное зданіе. Бричка остановилась, и Григорій Маркеловичъ вошелъ въ буфетъ.

Вотъ онъ сидитъ за столомъ, украшеннымъ бутылками, стаканами, канделябрами; передъ нимъ стоитъ лакей во фракѣ, видимо, понимающій, кто съ нимъ разговариваетъ. До поѣзда еще часа полтора.

— Послушай, любезный,—довѣрчиво говоритъ ему Григорій Маркеловичъ:—можетъ ли вашъ поваръ приготовить мнѣ куриную котлету, но только мелко-мелко изрубленную и безъ жилокъ, понимаешь? Безъ жилокъ! При этомъ, чтобы масло было сливочное и самое свѣжее, и какъ можно меньше масла, и никакого соуса, понимаешь? На одномъ бульонѣ... И поскорѣе! Я голоденъ, понимаешь? Я страшно голоденъ. Меня плохо кормили. И потомъ, приготовь мнѣ маленькую чашечку чернаго кофе, но ни капли цикорія! И бутылку содовой воды. Понялъ?

— Слушаю-съ, ваше превосходительство! — почтительно отвѣтилъ лакей, какимъ-то нюхомъ угадавшій, что у господина генеральскій чинъ.

Затѣмъ Григорій Маркеловичъ потребовалъ газету и, терпѣливо ожидая рубленую куриную котлету, погрузился въ восиріятіе столичныхъ новостей, отъ которыхъ сильно отсталъ за послѣдніе три дня.

ИСКУШЕНІЕ.

ИСКУШЕНІЕ.

(Очеркъ.)

1.

Вечернее солнце закатилось за акаціи монастырскаго сада, и его красноватые лучи играли только на золотомъ куполѣ невысокой церкви да на потемнѣвшемъ отъ времени мѣдномъ крестѣ, возвышавшемся надъ куполомъ. Южный лѣтній вечеръ былъ тихъ, воздухъ пропитанъ ароматомъ цвѣтовъ, обильно насаженныхъ монашескими руками въ цвѣтникахъ посреди обширнаго двора, передъ окнами келій, вокругъ церкви, всюду, гдѣ только оказывалось свободное отъ построекъ мѣстечко. Ровныя, гладкія дорожки, тщательно усыпанныя пескомъ, нарядно блестѣли чистотой и порядкомъ. Кое-гдѣ мелькали по нимъ черныя фигуры монаховъ—по одному и по два; они шли въ разныхъ направленіяхъ, не спѣша, и вели разговоръ тихо, какъ бы боясь нарушить своимъ говоромъ чудную тишину вечера. На церковной паперти было неспѣшное молчаливое движеніе. Вечерняя служба кончилась.

По главной аллеѣ, пересѣкавшей монастырскій дворъ какъ разъ посрединѣ, шли два монаха, по внѣшнему виду до такой степени различные между собой, что, казалось, судьба свела ихъ нарочно для контраста. Одинъ былъ небольшого роста, съ маленькими костлявыми, почти дѣтскими ручками, съ худосочнымъ выцвѣтшимъ незамѣтнымъ лицомъ, на которомъ въ видѣ козлиной бородки безпомощно торчали рѣденькіе сѣдые волосы, что-то бѣлѣло надъ верхней губой, а на мѣстѣ бровей были только припухлости, совсѣмъ лишенныя волосъ. При этомъ онъ былъ сильно

сутуловатъ, ряска на его плечахъ висѣла старенькая и помятая, а голова была прикрыта простой поярковой шляпой, такъ какъ старый монашескій клобукъ отъ употребленія никуда не годился, а новаго ему было жаль. Другой былъ высокъ, плечистъ, мужествененъ, держался ровно, ступалъ твердо, лицомъ обладалъ цвѣтущимъ, красиво обрамленнымъ темною окладистою бородой. Что-то необыкновенно спокойное, уравновѣшенное и доброе свѣтилось въ его большихъ темныхъ глазахъ. Ряса на немъ была свѣжая и красиво облегала его могучее тѣло, а голову покрывалъ высокій клобукъ, отъ котораго книзу величественно спускалась черная матерія, доходившая до средины спины. Онъ шелъ не спѣша, слегка приподнявъ голову и вдумчиво глядя на розоватыя облачка, капризными узорами застилавшія западъ, а его спутникъ, сѣменя своими маленькими ножками, казалось, постоянно догонялъ его.

— Я говорю, какіе люди, какіе люди, отецъ Серафимъ!— жалобнымъ голосомъ заговорилъ сѣденькій монахъ: — толкуютъ, толкуютъ... Этакая нелѣпица, прости Господи!... И что имъ? зачѣмъ имъ? А, отецъ Серафимъ? Люди-то, говорю, какіе!..

О. Серафимъ посмотрѣлъ на облачко и произнесъ слегка басистымъ, но чрезвычайно мягкимъ, какъ бы воркующимъ голосомъ:

— Такіе самые, какъ и мы грѣшные, отецъ Пансій... Злоба въ человѣкѣ во всякое время сидитъ, и во мнѣ сидитъ, и въ тебѣ сидитъ... На то діаволъ!.. Такъ-то. А ты проходи мимо, какъ бы не объ тебѣ рѣчь... Такъ-то!..

О. Пансій замигалъ своими маленькими слезливыми глазками и прибавилъ шагу, потому что за время рѣчи своего спутника немного отсталъ отъ него.

— Какъ пройти мимо-то?—заговорилъ онъ снова.—Вамъ хорошо, вы ни при чемъ, а я при должности... Оно и тѣнь бросаетъ, отецъ Серафимъ... А я старикъ, и сердцемъ тоже недомогаю. Какъ же быть-то? Охъ, вотъ и сейчасъ страданіе имѣю... стучитъ, стучитъ окаянное и ноетъ...

— Заботливъ, очень ты, оттого и страданіе,—замѣтилъ о. Серафимъ послѣ того, какъ о. Пансій прижалъ руку къ тому мѣсту, гдѣ у него стучало и ныло сердце.—Примѣрно, я: живу правильно, оттого и страданій не имѣю. Такъ-то! Монашеская жизнь правильности требуетъ. Исполняй уставъ, и болѣе ничего. Я и исполняю все какъ слѣдуетъ. И притомъ въ святые не набиваюсь.

— А кто же это въ святые набивается, отецъ Серафимъ?—болѣе, чѣмъ съ простымъ любопытствомъ, поспѣшно спросилъ о. Паисій.

— Есть такіе, да не о нихъ рѣчь... Я о себѣ говорю. Я, примѣрно, совершилъ молитву по уставу и спать легъ, и сплю до утра и сновъ даже никакихъ не вижу, а если и вижу, такъ цвѣты, либо деревья... Третьяго дня вотъ пироги съ грибами видѣлъ и даже кушалъ ихъ въ сновидѣніи... Ну, что-жъ, это ничего. Пироги простые. А другой среди ночи вскакиваетъ и на молитву становится и поклоны бьетъ. А отчего? Рѣдко кто отъ усердія, а больше отъ неспокойныхъ мыслей, отецъ Паисій. Такъ-то! Діаволъ, онъ тоже не глупъ,—знаетъ на кого искушеніе напустить. У кого душа спокойная, къ тому онъ даже и не пробуетъ... Вотъ ежели бы меня искушалъ, такъ я бы плюнулъ, да на другой бокъ повернулся...

— Охъ, Господи, помилуй мя грѣшнаго... Соблюди и сохрани!—съ глубокимъ вздохомъ прошепталъ о. Паисій.

— Ну, вотъ, то-то и оно!—замѣтилъ о. Серафимъ, какъ бы отвѣчая на его молитвенный шопотъ.

Тутъ они дошли до длиннаго каменнаго зданія, построеннаго въ видѣ казармы. Монахи сидѣли на крылечкахъ, каждый у своей двери, и благодушествовали, спокойно вдыхая свѣжій вечерній воздухъ, въ ожиданіи трапезы. Тутъ была келья и о. Серафима, и онъ уже-было отдѣлился, чтобы покинуть своего спутника, но Паисій остановилъ его, осторожно взявъ за рукавъ.

— Какъ бы это хорошо было, отецъ Серафимъ, ежели бы вы за меня, старца, заступились!—промолвилъ онъ замѣтно пониженнымъ голосомъ. — Обидно мнѣ, отецъ Серафимъ, крѣпко обидно. Главное дѣло, какъ я должностное лицо... Откуда могутъ быть деньги? Кто ихъ видѣлъ? Обидно, отецъ Серафимъ!.. Трапезовать будете?—прибавилъ онъ уже громко, чтобы всѣ слышали.

— Для чего же нѣтъ? Буду,—отвѣчалъ о. Серафимъ, позабывъ откликнуться на его просьбу о заступничествѣ, и пошелъ вдоль каменнаго зданія.

О. Паисій постоялъ съ минуту, глядя ему вслѣдъ, слышалъ, какъ онъ весело о чемъ-то мимоходомъ заговорилъ съ монахами и послушниками, и затѣмъ, прошептавъ молитву, двинулся дальше, по направленію къ гостиницѣ. Онъ завѣдывалъ ею, и тамъ была его келья.

II.

Уже стемнѣло, когда о. Паисій пришелъ къ себѣ. Въ просторной кельѣ былъ полумракъ. На угольникѣ, густо уставленномъ иконами, теплилась лампада, и ея неровный свѣтъ скользилъ и дрожалъ на узенькой кровати, на коврикѣ, висѣвшемъ надъ нею по стѣнѣ, на некрашеномъ стульцѣ съ рукомойникомъ и умывальной чашкой, на столѣ съ уложенными въ чрезвычайномъ порядкѣ душеспасительными брошюрами, просфорой, толстой конторской книгой, чернильницей и песочницей и очками въ кожаномъ футлярѣ, на приземистомъ шкапикѣ и обтянутомъ желѣзомъ сундучкѣ съ горбатой крышкой. На кровати сидѣлъ келейникъ, молодой, здоровый паренекъ въ лоснящемся люстриновомъ кафтанѣ, съ тонкой таліей, перетянутой кушакомъ, съ густыми русыми кудрями на головѣ.

— Ты, Савва, пошелъ бы да воздухомъ прохладился?— изнеможеннымъ голосомъ сказалъ ему о. Паисій.—А какъ къ трапезѣ покличутъ, скажешь мнѣ! Я полежу... Неможется что-то.

Савва только этого и ждалъ. Ему давно хотѣлось воздухомъ прохладиться, но о. Паисій требовалъ, чтобы въ его отсутствіе онъ безвыходно сидѣлъ въ кельѣ.

Помѣстивши свое щуплое тѣльце на кровати и сложивши руки на животѣ, о. Паисій предался безпокойнымъ размышленіямъ. Собственно рѣчи о томъ, будто у него водятся накопленныя деньги, явились на свѣтъ не сегодня. И онѣ всегда досаждали ему, заставляли мучиться, мѣшали спать по ночамъ, но все у него хватало характера сказать себѣ въ концѣ-концовъ: «А ну ихъ... Пускай!» Но сегодня передъ вечерней, близъ церкви встрѣтился онъ съ старымъ игуменомъ. Тотъ привѣтливо поздоровался съ нимъ, далъ ему благословеніе, спросилъ о здоровьѣ, и когда о. Паисій пожаловался на сердце и плохой сонъ, игуменъ, какъ бы вскользь и полушутя, замѣтилъ:

— Отъ мірскихъ заботъ это бываетъ...—И потомъ еще прибавилъ: — Сказано бо есть: «не сберегайте себѣ сокровища на земли».

Вотъ, когда онъ произнесъ эти слова, о. Паисій вздрогнулъ. Онъ почиталъ этого старца, какъ потому, что онъ былъ настоятель, такъ и за его истинно-монашескую святую жизнь. «Дошло!—съ трепетомъ сердечнымъ подумалъ онъ:—дошло до него!.. Вотъ они люди-то какіе». Онъ хотѣлъ что-то воз-

разить, но игуменъ уже подымался по ступенькамъ на церковную паперть, а догнать его онъ не посмѣлъ. Такъ это и осталось.

Вотъ теперь онъ и мучился. Единственный человѣкъ, которому онъ повѣдалъ свою мучительную тайну, былъ о. Серафимъ. Они были дружны, хотя эта дружба была не похожа на обыкновенную. О. Серафимъ былъ гораздо моложе и, тѣмъ не менѣе, о. Паисій всегда говорилъ ему «вы», а тотъ всѣмъ, кромѣ настоятеля и еще трехъ почтенныхъ старцевъ, по-братски говорилъ «ты». О. Серафимъ подавлялъ его своимъ непоколебимымъ спокойствіемъ, своей мягкой, добродушной разсудительностью, своей терпимостью къ человѣческимъ слабостямъ, а можетъ-быть, и своимъ здоровьемъ, внушительнымъ видомъ. Онъ относился къ Паисію съ жалостью, нерѣдко, особенно когда старикъ недомогалъ, навѣщалъ его и успокаивалъ своими необыкновенно здоровыми житейскими сентенціями, которыя онъ нигдѣ не вычиталъ, а самъ придумалъ въ тѣ свободные часы, которыхъ у него послѣ исполненія монастырскаго устава оставалось такъ много.

О. Паисій по обыкновенію шепталъ молитву, но это не помогало. Онъ даже попробовалъ встать и пасть на колѣни передъ иконами, но тутъ же у него въ головѣ пронеслись слова о. Серафима (о томъ, что иной среди ночи вскакиваетъ и поклоны бьетъ, но рѣдко отъ усердія, а больше отъ неспокойныхъ мыслей), и ему стало стыдно и передъ Богомъ и передъ о. Серафимомъ.

Послѣ того какъ молитва не удалась, онъ прошелся раза два по тускло освѣщенной комнатѣ, и вдругъ его взглядъ остановился на кованомъ сундучкѣ съ горбатой крышкой. И опять, еще сильнѣе прежняго, сердце его забилось и заныло. Онъ постоялъ такъ съ минуту, потомъ отвелъ глаза и вдругъ вновь бросился на колѣни и сталъ со стонами бить частые поклоны.

— Господи прости, не осуди! Грѣшный человѣкъ, слабъ... Духъ бодръ, плоть немощна!..—шептали его тонкія, блѣдныя губы.—Избави мя отъ лукаваго!..

И въ то время, какъ онъ распростерся на коврикѣ, послышался троекратный осторожный стукъ въ дверь и возгласъ Саввы:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа... Пожалуйте трапезовать, отецъ Паисій!

— Аминь! ступай, ступай съ Богомъ! сейчасъ приду!—

тревожнымъ голосомъ отвѣтилъ о. Паисій, быстро поднимая голову съ полу. У него въ груди мелькнуло безумное ощущеніе, что Савва могъ подслушать его мысли. Но это прошло. Онъ поднялся совсѣмъ, взялъ шляпу, прикрылъ ею жидкіе волосы и вышелъ. Онъ тщательно задвинулъ засовъ на двери, привѣсилъ къ кольцамъ тяжелый замокъ, заперъ его ключомъ и, положивъ ключъ въ карманъ, отправился въ трапезную.

Когда онъ проходилъ мимо крыльца гостиницы, десятка два богомольцевъ поднялись съ своихъ мѣстъ и почтительно поклонились ему. Среди нихъ былъ здоровый парень въ красной рубахѣ, который почему-то очень не понравился ему своими умными, проницательными глазами. Ему даже показалось, что парень, кланяясь ему, усмѣхнулся. И уже всю дорогу до трапезной представлялся ему этотъ усмѣхающійся парень. «И зачѣмъ онъ здѣсь?—думалъ о. Паисій:—зачѣмъ такому молодому, здоровому на поклоненіе ходить? Работать лѣнь, должно-быть... Охъ, человѣки, человѣки!».

Вечерняя трапеза затянулась. Очередной монахъ, читающій по обыкновенію житіе, оказался полуграмотнымъ, тянулъ, запинался, останавливался и задумывался надъ каждымъ титломъ и грозилъ никогда не кончить. Паисію не сидѣлось. Никогда еще онъ не былъ такъ неспокоенъ, какъ сегодня. То настоятель припоминался ему съ его евангельскимъ замѣчаніемъ, то, Богъ знаетъ почему, возставалъ передъ нимъ во весь ростъ парень въ красной рубахѣ, и напрасно онъ старался вслушиваться въ житіе, ничего не выходило: отдѣльныя слова на мгновеніе попадали въ его голову, безсмысленно вертѣлись тамъ и уходили ни съ чѣмъ. А тутъ еще случилось, что, какъ только кончилась трапеза, его потребовалъ къ себѣ отецъ-экономъ для какого-то совѣщанія о передѣлкѣ печки въ гостиницѣ и продержалъ очень долго.

Когда онъ одиноко возвращался по боковой дорожкѣ, кругомъ стояла глубокая тишина. Весь монастырь безмятежно спалъ. Сторожъ началъ отбивать на колокольнѣ часы, и о. Паисій насчиталъ одиннадцать. Онъ прибавилъ шагу и скоро дошелъ до гостиницы.

Въ сѣняхъ тускло горѣлъ ночникъ, Савва, растянувшись на рядницѣ, постланномъ на полу, храпѣлъ и свисталъ носомъ, по монастырскому выраженію, на всѣ восемь гласовъ. О. Паисій не пожелалъ безпокоить его, тихонько отперъ замокъ, осторожно вынулъ засовъ, вошелъ въ комнату

и сейчасъ же по привычкѣ заперъ дверь на крючокъ. Онъ скинулъ ряску, разстегнулъ кафтанъ и мысленно приготовился стать на молитву. Мысли его какъ будто успокоились, сердце билось ровно и не болѣло. Но тутъ онъ вспомнилъ, что послѣ трапезы, за спѣшнымъ призывомъ къ отцу-эконому, не успѣлъ вымыть рукъ, и обернулся къ стульцу съ рукомойникомъ. Случайно его взглядъ упалъ на сундучокъ, и въ тотъ же мигъ руки его опустились и колѣни задрожали. Горбатая крышка сундука была поднята, вещи явно были перерыты, а замокъ валялся тутъ же на полу. Онъ бросился къ сундуку, охватилъ его обѣими руками и, дрожа всѣмъ тѣломъ, припалъ къ нему лицомъ. Руки его, прыгая отъ волненія, начали безпорядочно рыться въ вещахъ, но ничего не находили, и онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто попалъ въ бездонную глубину и напрасно ищетъ на что-либо опереться. А между тѣмъ дыханіе его какъ бы остановилось, и онъ каждое мгновеніе готовъ былъ грохнуться на полъ. Тогда онъ сдѣлалъ надъ собой страшное усиліе и началъ медленно, осторожно вытаскивать вещь за вещью. Вотъ уже все, что было въ сундукѣ,—бѣлье, книги, старыя чашки, пузырьки съ лѣкарственными пахучими маслами—лежитъ на полу, онъ шаритъ по дну пустого сундука, но того, что ему надо, не находитъ. И вдругъ изъ груди его, помимо его воли, вырвался дикій крикъ, онъ какъ-то затрясся всѣмъ тѣломъ надъ пустымъ сундукомъ и захныкалъ страннымъ плачемъ безъ слезъ. Должно-быть, этотъ крикъ былъ очень громокъ, потому что онъ разбудилъ мирно спавшаго въ сѣняхъ Савву, и уже оттуда слышался сонный голосъ:

— Во имя Отца и Сына...

О. Паисій быстро побросалъ всѣ вещи обратно въ сундукъ, захлопнулъ крышку и вскочилъ. Правая рука его крѣпко прижималась къ сердцу. Оно болѣло и стучало нестерпимо, и старику ясно представилось, что онъ умираетъ. Шатаясь, подошелъ онъ къ двери, откинулъ крючокъ и предсталъ передъ полуспящими очами Саввы такимъ страшнымъ, что тотъ мгновенно окончательно проснулся и смотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Отецъ Паисій! Что съ вами подѣялось? — спросилъ Савва.

— Бѣги къ отцу Серафиму!.. Скажи, что помираю... Помираетъ отецъ Паисій, скажи... Бѣги, бѣги!..—проговорилъ о. Паисій, выталкивая Савву изъ сѣней.

Тотъ побѣжалъ, и онъ вернулся въ комнату, сѣлъ на кровать и безпомощно опустилъ голову на грудь.

«Вотъ они разбойники, вотъ они богомольцы!»—шепталъ онъ наединѣ, и всѣ въ мірѣ богомольцы казались ему теперь разбойниками, и всѣ представлялись въ видѣ усмѣхающагося парня въ красной рубахѣ. Это онъ, онъ, кому же другому быть? Ну, что-жъ! Сейчасъ обыскать всю гостиницу, сію минуту, пока не поздно, а то унесутъ, скроютъ...

Обыскать? Да какъ же это сдѣлать? Чтобы весь монастырь узналъ о томъ, что у него, отца Паисія, были накопленныя деньги? Возможно ли это? Да вѣдь тогда хоть бросай монастырь, тогда ему житья не будетъ. У него много враговъ, всѣ враги ему, всѣ...

Новая мысль пришла ему, и онъ поднялъ голову. Какъ же это могло случиться? Вѣдь дверь была заперта, и замокъ и засовъ онъ нашелъ въ исправности. Да можетъ, онъ ошибся, не положилъ ли онъ деньги въ другое мѣсто?.. Гм... А раскрытый сундукъ, а валяющійся на полу замокъ?.. Тутъ онъ перенесъ взглядъ на окно и понялъ все: окно было раскрыто. Уходя, онъ забылъ запереть его.

Но вдругъ онъ вскочилъ съ мѣста и ударилъ себя ладонью по лбу. Несчастье такъ сразило его, что онъ забылъ о самомъ важномъ. Какъ истый скупецъ, осторожный и предусмотрительный, онъ раздѣлилъ свои сбереженія на двѣ части и пряталъ одну въ сундукѣ, а другую въ шкапчикѣ. Къ шкапчику онъ теперь и бросился, отперъ его, пошарилъ и нащупалъ небольшой свертокъ, плотно завернутый въ носовой платокъ и завязанный тугими узлами. Цѣло! Богъ наказалъ его только вполовину. Онъ заперъ шкапъ и опять перешелъ на кровать.

Въ это время въ сѣняхъ послышались шаги, и въ келью вошелъ о. Серафимъ. Онъ былъ въ кафтанѣ и въ скуфьѣ, его длинные шелковые волосы въ безпорядкѣ разсыпались по плечамъ и свѣшивались на лобъ.

— Что выдумалъ, отче?—промолвилъ онъ, подойдя къ кровати и положивъ свою могучую руку на слабое плечо о. Паисія.

— Отецъ Серафимъ! Отецъ Серафимъ! Худо мнѣ, худо!—простоналъ о. Паисій.

— Худо? Что же именно?

И онъ сѣлъ рядомъ съ нимъ на кровать.

— Худо, отецъ Серафимъ, худо... Богъ прогнѣвался.

— Гм... Прогнѣвался и помилуетъ... А ты молилъ его? а?

— Молилъ, не помогаетъ... Совсѣмъ, окончательно прогнѣвался... Грѣховъ моихъ множество лютыхъ, отецъ Серафимъ.

— Такъ, такъ!..

О. Серафимъ слушалъ его внимательно и видѣлъ, что предъ нимъ, дѣйствительно, сидитъ блѣдный, больной и разбитый старикъ. Но было въ голосѣ о. Паисія что-то странное; слышалась въ этомъ голосѣ о. Серафиму какая-то фальшь. Онъ давно замѣчалъ это за Паисіемъ, и когда пошли толки по монастырю о томъ, что у старика есть деньги, онъ въ глубинѣ души допускалъ это, но по своему принципу невмѣшательства, а можетъ-быть, и по лѣни, молчалъ. Теперь, послѣ эпизода съ настоятелемъ и видя, какъ тревожно велъ себя послѣ вечерни о. Паисій, онъ почти убѣдился въ этомъ, и ему почему-то казалось, что болѣзнь Паисія имѣетъ прямое отношеніе къ этому эпизоду.

— Слушай, отецъ Паисій,—сказалъ онъ очень мягкимъ голосомъ:—скажи мнѣ по-братски... Вонъ и Мать-Присно-дѣва на тебя съ иконы глядитъ... Скажи же по-братски, правду ли говоришь ты? Всю ли правду?

О. Паисій пугливо взглянулъ на образъ Богоматери и вздрогнулъ. Да, Она въ самомъ дѣлѣ прямо на него смотрѣла, и уста ея какъ бы раскрывались и шептали ему: «скажи, скажи правду, Паисій!». Какой-то могучій порывъ раскаянья вдругъ охватилъ его всего. Онъ припалъ лицомъ къ рукѣ о. Серафима и зарыдалъ. Горячія слезы теперь лились изъ его глазъ обильно. И среди рыданій изъ груди его вырывались слова:

— Не всю, не всю, отецъ Серафимъ!.. Утаилъ я, утаилъ!.. Деньги имѣлъ... Пятнадцать лѣтъ копилъ... И нынѣ украдены... украдены, отецъ Серафимъ, украдены!..

— Ну, вотъ то-то же!—успокоительно промолвилъ о. Серафимъ.—Мірская забота... Вотъ она тебя и изсушаетъ. Не надлежитъ честному монаху копить деньги: оттого Богъ у тебя ихъ и отнялъ. Такъ-то. А ты подчинись сему распоряженію, потому Онъ только исправляетъ твой грѣхъ, отецъ Паисій... И къ чему тебѣ деньги? Монастырь тебя кормитъ и одѣваетъ и жилище даетъ тебѣ. Живи себѣ, яко птица небесная. Любо! Легко, братъ Паисій, живется, когда ничего за душой не имѣешь! Повѣрь, легко! А то что? Ты старъ, съ собой вѣдь не возьмешь. Деньги-то на землѣ останутся, а грѣхъ тяжкій за тобой уцѣпится. Да какъ

окажется очень тяжелъ, да замѣсто райской обители въ адъ потянетъ!.. Охъ! Такъ-то! Посмотри-ка, вотъ нашъ настоятель: богатъ былъ, а все отдалъ бѣднымъ; а живетъ какъ? Бѣднѣе бѣднаго! Вотъ тебѣ и примѣръ. А всѣ ли деньги Богъ отнялъ? а?

— Нѣтъ, не всѣ, отецъ Серафимъ! Остатокъ есть!

— Это Онъ тебѣ для испытанія оставилъ. А ты возьми его, да отцу-настоятелю снеси, да покайся — и душа твоя успокоится... Такъ-то!..

О. Серафимъ долго еще успокаивалъ старца. Уже на небѣ поблѣднѣли звѣзды, и въ окно ворвалось первое свѣжее дыханіе утра. Тогда онъ ушелъ къ себѣ, а о. Паисій, съ размягченной душой, успокоенный собственными слезами, сталъ на молитву. Потомъ онъ подошелъ къ окну и задумался. Думалъ онъ о настоятелѣ, объ этомъ бодромъ, восьмидесятилѣтнемъ старцѣ, всегда ровномъ, привѣтливомъ, отечески любящемъ всѣхъ. Откуда такая сила берется? «Отъ чистой совѣсти»,—отвѣчалъ самъ себѣ о. Паисій. И ему уже представлялось, какъ настоятель ласково принимаетъ его раскаяніе, какъ онъ утѣшаетъ и благословляетъ блуднаго сына и какъ онъ, Паисій, уходитъ отъ него съ облегченною душой. И какъ хорошо! Никакихъ докучныхъ заботъ, спокойный сонъ... Птица небесная...

Уже разсвѣло, когда онъ вышелъ во дворъ въ рясѣ и въ новомъ клобукѣ. Въ одной рукѣ онъ держалъ четки, а въ другой—свертокъ, пряча его въ широкомъ рукавѣ рясы. Чудное лѣтнее утро всего его охватило своею мягкою свѣжестью. Лицо его было спокойно, глаза смотрѣли ясно. Давно уже онъ не былъ такъ бодръ тѣломъ, давно душа его не испытывала такой отрады. Отецъ-настоятель встаетъ рано и теперь навѣрно, совершивъ молитву, собственноручно поливаетъ цвѣты. А весь монастырь еще спитъ. Вотъ и птицы запѣли, и деревья закачали верхушками отъ свѣжаго утренняго вѣтра.

Онъ прошелъ черезъ монастырскій дворъ и вступилъ на кладбище. Келья настоятеля стояла какъ разъ посреди кладбища, чтобы почаще думалось о смерти. Посмотрѣлъ о. Паисій на кресты, на свѣжія могилы и на тѣ, что давно уже заросли травой, и подумалъ: «Все и для всякаго одинаково кончается... Сколько тутъ братіи лежитъ! Сколько на моихъ глазахъ сюда ушло! И ничего никто съ собой не взялъ, кромѣ грѣховъ...» И въ такомъ умильномъ настроеніи пошелъ дальше. Вотъ уже виденъ домикъ настоя-

теля, окруженный цвѣтникомъ. Все ближе и ближе. Вотъ и въ ногахъ дрожь появилась, а свертокъ точно прилипъ къ рукѣ или приросъ къ ней...

На востокѣ выглянулъ ярко-красный полукругъ, и первый лучъ восходящаго солнца заигралъ на верхушкахъ деревьевъ и на крышѣ настоятельскаго домика. Вотъ и домикъ передъ нимъ. Тутъ направо крылечко. Постучать, сказать келейнику, и сейчасъ все свершится. Но его почему-то бьетъ лихорадка, и какой-то туманъ встаетъ передъ глазами. Вмѣсто того, чтобы повернуть направо къ крылечку, онъ почему-то нерѣшительно, какъ-то бочкомъ идетъ влѣво... Но онъ еще не успѣлъ минуть настоятельскаго домика, какъ съ шумомъ раскрывается окно. Онъ стрѣлой мчится дальше, подобравъ полы ряски, и высокій клобукъ шатается на его головѣ. Какая-то сила толкаетъ его впередъ. Онъ бѣжитъ сквозь чащу акацій, все дальше и дальше и, наконецъ, достигнувъ мѣста, гдѣ его никто не можетъ видѣть, падаетъ на землю и судорожно прижимаетъ обѣими руками къ своей груди свертокъ.

— Охъ! нѣтъ... нѣтъ!.. Не могу!—шепчутъ его пылающія губы.—Дьяволъ искушаетъ... Господи, избавь же меня отъ лукаваго!.. Избавь!..

И долго такъ лежалъ онъ на влажной еще отъ утренней росы землѣ, въ самомъ дѣлѣ, въ конецъ обезсиленный борьбой, которую перенесъ за эту ночь...

И чудилось ему, какъ лукавый охватилъ его всего костлявыми руками и сжалъ въ своихъ холодныхъ и смрадныхъ объятіяхъ.

Проснувшіеся монахи дивились, почему о. Паисій въ такую раннюю пору идетъ черезъ монастырскій дворъ и притомъ въ новомъ клобукѣ, который надѣвалъ только по большимъ праздникамъ. А о. Серафимъ только взглянулъ изъ своего окна на о. Паисія, на его блѣдное перекошенное лицо, на его согбенную фигуру, и понялъ все.

Придя домой, о. Паисій положилъ свертокъ подъ подушку, а самъ повалился на постель. Раздался благовѣстъ къ заутренѣ, но онъ не перекрестился и не пошевельнулся. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ, совсѣмъ отверженнымъ и уничтоженнымъ.

ОВЦА.

ОВЦА.

Ученикъ богословскаго класса, Лука Колупненко, остался въ семинарскомъ корпусѣ совершенно одинокъ. У всякаго нашлись какіе-нибудь родственники, хоть самые дальніе, а у него не нашлось никого.

И вотъ ужъ два дня, какъ онъ не знаетъ, что̀ съ собою дѣлать.

На немъ былъ длинный черный сюртукъ и большіе, сильно стучащіе, казенные сапоги. Вообще на немъ все было казенное, и на казенный счетъ онъ третьяго дня сходилъ въ баню. И самъ онъ чувствовалъ себя какъ бы казеннымъ человѣкомъ.

И не было въ жизни Луки Колупненка такого момента, когда бы онъ не чувствовалъ себя казеннымъ человѣкомъ. Воспоминанія его о временахъ минувшихъ были самыя смутныя. Кажется, когда-то у него были родители, гдѣ-то въ глухой деревнѣ; кажется, было у него дѣтство. Но ничего этого навѣрно онъ не зналъ.

Маленькимъ мальчикомъ привезли его въ бурсу и сейчасъ же стали бить, за что—неизвѣстно. Било начальство, били ученики старшихъ классовъ—огромные бородачи, говорившіе басомъ, били товарищи—такіе же маленькіе, какъ и онъ. И должно-быть, отъ этого самаго онъ сдѣлался такимъ смирнымъ-смирнымъ, что его прозвали «овцой» и очень рѣдко называли по фамиліи.

Но затѣмъ вдругъ перестали бить, можетъ-быть, потому, что онъ тоже вдругъ и какъ-то для всѣхъ неожиданно выросъ и сдѣлался большимъ балбесомъ и у него стала расти борода; а, можетъ-быть, потому, что вообще все въ бурсѣ

сверху до низу измѣнилось, и даже самой бурсы не стало, а на ея мѣстѣ учредился семинарскій корпусъ.

Но все равно, какъ въ бурсѣ, такъ и въ корпусѣ, онъ остался казеннымъ человѣкомъ, ни разу за всю жизнь никуда не уѣзжалъ на праздники и продолжалъ оставаться смирнымъ и носить прозвище «овцы». Учился онъ плохо, и его нѣсколько разъ оставляли въ томъ же классѣ, но, во вниманіе къ тому, что у него не было никого, а еще, главнымъ образомъ, потому, что онъ былъ смиренъ, какъ овца, его не лишали казеннаго кошта, и такимъ образомъ онъ дошелъ до послѣдняго богословскаго класса, въ качествѣ казеннаго человѣка.

Наконецъ, Колупненку надоѣло ходить, и онъ сѣлъ. Но сѣлъ не просто, а какъ-то свирѣпо, какъ никогда еще въ жизни не случалось.

Но вдругъ онъ рѣшительно поднялся, ударилъ кулакомъ по партѣ и сказалъ самому себѣ:

«Нѣтъ, я больше не желаю! Не желаю я быть овцой, не хочу слушаться отца-инспектора и ходить на заднихъ лапкахъ передъ отцомъ-ректоромъ. Не хочу я быть смирнымъ! Я сдѣлаю что-нибудь такое... Я не знаю, что сдѣлаю! Мнѣ это надоѣло. Мнѣ э-т-о н-а-д-о-ѣ-л-о!»

И, рѣшивъ такимъ образомъ, Колупненко всталъ и опять началъ ходить по классу.

Въ это самое время на маленькой колокольнѣ семинарской церкви раздался звонъ.

«Ага,—сказалъ Колупненко:—это къ вечернѣ звонятъ... Ну, пусть звонятъ, если имъ угодно. А я въ церковь не пойду... Помилуй Богъ! Я четырнадцать лѣтъ каждую субботу и каждый канунъ праздника исправно хожу къ вечернѣ... Такъ можно же, я думаю, мнѣ одинъ разъ не пойти... Да просто я не хочу — и только... Ну, вотъ не хочу, да и не хочу!»

И онъ подошелъ къ окну, сѣлъ на высокій подоконникъ, скрестилъ на груди руки и смотрѣлъ на стеклянную дверь. Мимо двери прошли оставшіеся ученики перваго, потомъ второго, третьяго, а потомъ и четвертаго класса. Вышли двое изъ дверей напротивъ, гдѣ помѣщался первый богословскій классъ, и тоже направились въ церковь, а Колупненко все сидѣлъ и сидѣлъ, скрестивъ на груди руки.

Наконецъ, показалась смѣшная фигура помощника инспектора,—небольшого господина съ брюшкомъ и съ остро-

конечной головой, котораго называли «рѣдькой». Появился Рѣдька и заглянулъ въ старшій богословскій классъ.

У Колупненка почему-то руки опустились, и самъ онъ какъ-то сползъ съ подоконника. Но это произошло не по его винѣ, а какъ-то само собой.

Рѣдька нажалъ ручку двери, и острый конецъ его головы просунулся въ классъ.

— А вы, Колупненко, развѣ не хотите идти въ церковь?— спросилъ помощникъ инспектора.

«А, разумѣется, не хочу! Ну, вотъ не хочу да и только... Ну, что̀ ты со мной подѣлаешь, Рѣдька?.. Я посмотрю, что̀ ты со мной сдѣлаешь»...

Это Колупненко не сказалъ, а только подумалъ, а вслѣдъ затѣмъ отвѣтилъ помощнику инспектора:

— Я, Ардальонъ Орестовичъ, сейчасъ иду. Я сію минуту...

— А, ну, хорошо... Такъ идите же, Колупненко, а то вѣдь уже началось...

«Ну, вотъ... Скажите пожалуйста!.. Началось! Что-жъ такое, что началось? А если я, напримѣръ, не желаю... Ну, вотъ не желаю да и только»...—подумалъ Колупненко и при этомъ подошелъ къ другому окну, на которомъ лежалъ его картузъ, черный, въ видѣ блина, съ чернымъ плисовымъ околышкомъ, тоже казенный, и, взявъ его, тихими покорными шагами направился къ двери.

Колупненко вошелъ въ церковь, поклонился, какъ полагается, и ощутилъ въ своей головѣ слѣдующія мысли:

«Ну, хорошо. Въ церковь я, положимъ, пришелъ. Ладно. Не стоило ссориться съ Рѣдькой. Рѣдька человѣкъ хорошій; для чего съ нимъ ссориться? Но если онъ думаетъ, что я пойду на клиросъ и буду пѣть въ хорѣ, такъ это напрасно. Съ какой стати? Потому что у меня басъ, такъ я непремѣнно долженъ горло драть?.. Не желаю... Почему я долженъ всю жизнь горло драть? Когда былъ маленькимъ, пѣлъ дискантомъ, а потомъ выросъ и сталъ пѣть басомъ. Съ какой стати? Вотъ не желаю и не пойду. Пусть-ка онъ меня заставитъ. Не раздеретъ же онъ мнѣ рта, когда я не захочу...»

И, думая такимъ рѣшительнымъ образомъ, Колупненко прошелъ черезъ всю церковь, поднялся на одну ступеньку, отвѣсилъ низкій поклонъ передъ Архангеломъ Гавріиломъ, потомъ повернулъ направо, гдѣ нѣсколько семинаристовъ пѣли вечерню, и, поймавъ на лету начатое уже пѣснопѣ-

ніе, подхватилъ на полусловѣ довольно густымъ, хотя и не выходящимъ изъ предѣловъ благолѣпія, басомъ: «и Святому Ду-ху»...

А потомъ пошли другія пѣснопѣнія, все очень хорошо ему знакомыя, и онъ пѣлъ ихъ вмѣстѣ съ другими, всякій разъ слушая предварительно тонъ, который задавалъ регентъ,—семинаристъ, на два класса младшій его, стоявшій первымъ слѣва и ежеминутно кусавшій зубами свой камертонъ и подносившій его къ правому уху.

Колупненко смотрѣлъ на него и думалъ:

«И чего это ты свой камертонъ къ уху подносишь? Скажите пожалуйста — тонъ задаетъ. Очень мнѣ нужно слушать твой тонъ... Все равно, сколько ни задавай, а я не буду пѣть въ тонъ... Надоѣло мнѣ это. Надоѣло мнѣ пѣть въ тонъ! Четырнадцать лѣтъ пою въ тонъ. Вѣдь надоѣстъ же когда-нибудь! Вотъ возьму и рѣзану поперекъ... Вотъ тогда и злись и кусай губы»...

А въ это время регентъ кусалъ не губы, а камертонъ, а потомъ тихонько напѣвалъ: «м-гу-гу-гу-гу-гу»...

И Колупненко преисправно уловлялъ изъ этихъ «гу» именно то, которое годилось для баса, и стройно вступалъ въ общій аккордъ.

Такимъ образомъ пропѣлъ онъ всю вечерню. Когда вышли изъ церкви, и весь посторонній народъ удалился изъ предѣловъ семинарскихъ, въ глубинѣ коридора раздался очень звучный звонокъ. Въ это время уже стемнѣло, и наступилъ вечеръ.

«Ага,—мысленно сказалъ Колупненко. — Это зовутъ на вечерю. Тоже вѣдь съ затѣями: кутья и взваръ будутъ! какъ же! Мнѣ говорилъ экономъ, что это приготовлено! Кутья, должно-быть, на патокѣ, а взваръ изъ какихъ-нибудь прогнившихъ, не доѣденныхъ червями, грушъ и сливъ. И чтобы я сталъ ѣсть эту гадость! Да ни за что. Гм... тоже! Экономъ! Рыжая собака! На каждомъ бурсакѣ полсотни цѣлковыхъ наживаетъ. Знаю я. Въ банкѣ у него тысячи лежатъ... знаю, да молчу. Молчу потому, что я смирный, потому что я овца. И съ отцомъ - инспекторомъ пополамъ дѣлится. И это тоже знаю... Все знаю хорошо. Все. Не даромъ я четырнадцать лѣтъ терплю бурсацкую жизнь. Все узналъ досконально. Ѣлъ, ѣлъ, четырнадцать лѣтъ всякую дрянь ѣлъ. Господи, чего только не пришлось ѣсть, чѣмъ только не кормили меня? И гнилымъ мясомъ, и червивыми сухарями, и протухлой крупой, а я все ѣлъ,

все ѣлъ, и удивляться надо, какъ вынесъ, какъ живъ остался... Ну, а теперь вотъ на меня нашло... И я не желаю... Вотъ не желаю... Просто пойду на улицу да въ первый попавшійся домъ зайду и скажу: вотъ я бѣдный, несчастный бурсакъ, который четырнадцать лѣтъ подъ рядъ безъ передышки ѣлъ отъ руки рыжаго эконома тухлую крупу... А нынче вотъ праздникъ, такъ ради праздника посадите меня за свой столъ... Нѣтъ, погоди... Я прежде вотъ что сдѣлаю. Вонъ тамъ, въ концѣ коридора, какъ разъ они и стоятъ — отецъ-инспекторъ и рыжій экономъ. Вотъ я подойду къ нимъ и скажу: ахъ, вы, сякіе и такіе! вы думаете, что я стану ѣсть вашу тухлую крупу? Какъ бы не такъ... Ѣлъ я ее четырнадцать лѣтъ... И ничего не говорилъ, а нынче на меня нашло... Э, вы думаете, что Колупненко овца? Ну, да, какъ же. Вотъ вы сейчасъ узнаете, какая я овца. Не овца я, а...»

— Эй, Колупненко, ты что тамъ замѣшкался? Иди въ столовую. Не ждать же тебя...

Это кричалъ ему отецъ-инспекторъ съ другого конца коридора.

— Я сейчасъ, отецъ-инспекторъ!.. я сію минуту!—отвѣтилъ Колупненко и, скромно опустивъ голову, пошелъ въ столовую.

А въ столовой, гдѣ въ проходѣ между двумя столами ходилъ Рѣдька, онъ съ величайшимъ усердіемъ истреблялъ и скверную кутью, и подозрительный взваръ, и еще какіе-то пироги съ горохомъ. А Рѣдька, какъ на зло, еще взялъ и подошелъ къ нему и спросилъ:

— А что, Колупненко, вамъ, кажется, не нравятся пироги?

— Пироги? — голосомъ, полнымъ смущенія, отвѣтилъ Колупненко:—нѣтъ... что-жъ, пироги хорошіе... Отличные пироги, Ардальонъ Орестовичъ!

«Не стоитъ съ нимъ ссориться, не стоитъ!—думалъ въ это время Колупненко:—вотъ ужъ послѣ ужина удеру съ ними штуку, какой они отъ меня и не ждали... А, ну, такъ что-жъ, что не ждали? Все равно, удеру штуку, и еще какую штуку! Я возьму да и уйду со двора... Ну, да, эка важность, что отецъ-инспекторъ велѣлъ ворота и калитку запереть!.. Эка важность, скажите пожалуйста!.. Точно я не могу и черезъ стѣнку перелѣзть! Тамъ въ саду есть каменная ограда, а въ одномъ мѣстѣ даже желобки бурсаками продѣланы, чтобы удобнѣе было перелѣзать... И многіе

перелѣзали и уходили ночью, куда имъ хотѣлось... Положимъ, я, Колупненко, ни разу этого не дѣлалъ, потому что я былъ овца и еще потому, что если бы перелѣзъ, то мнѣ некуда было бы идти... Родни у меня нѣтъ, знакомыхъ ни души, а денегъ никогда ни одной копейки не было... Ну, а все-таки я перелѣзу... Сегодня уже непремѣнно перелѣзу и пойду... Куда я пойду? Ну, да ужъ пойду. Эка важность, что мнѣ некуда идти, что у меня нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ и что денегъ тоже нѣтъ... Эка важность, что денегъ нѣтъ!.. А я вотъ безъ денегъ приду въ трактиръ— ну, да, въ трактиръ, что-жъ такое? Многіе бурсаки ходятъ въ трактиръ и говорятъ, что тамъ весело — ну, приду въ трактиръ и скажу: дайте мнѣ стаканъ вина, а только у меня денегъ нѣтъ, но у меня деньги будутъ потомъ, когда я кончу семинарію и женюсь, и буду попомъ. Я отдамъ вамъ, да. И мнѣ дадутъ вина, и я напьюсь. Ага! А что? А что, Рѣдька? А что, отецъ-инспекторъ? а что, даже самъ отецъ-ректоръ, отецъ-архимандритъ? Не ожидали? Всѣ говорятъ: овца Колупненко! Покажу я вамъ, какая я овца. А вѣдь я женюсь когда-нибудь... правда! Вѣдь правда, въ самомъ дѣлѣ, женюсь. Ужъ этого мнѣ не можетъ запретить ни Рѣдька, ни отецъ-инспекторъ, ни даже самъ отецъ-ректоръ».

Но эти размышленія были прерваны благодарственной молитвой, которую читалъ одинъ изъ младшихъ воспитанниковъ. Колупненко, поспѣшно прожевывая еще пирогъ съ горохомъ, которымъ былъ наполненъ его ротъ, всталъ и началъ креститься по направленію къ углу, гдѣ была прибита икона.

Всѣ вышли изъ столовой. Изъ другой двери появился отецъ-инспекторъ и, поровнявшись съ Колупненко, сказалъ очень любезно:

— Что это у тебя, Колупненко, такой недовольный видъ, какъ будто ты собираешься поджечь семинарію?

«Ага! Вотъ такъ штука!—подумалъ Колупненко:—хорошая мысль—поджечь семинарію! Вотъ бы въ самомъ дѣлѣ! Ай-ай-ай—и Рѣдька сгорѣлъ бы! Вотъ такъ штука!»

— Нѣтъ, отецъ-инспекторъ, это вамъ показалось! — кроткимъ голосомъ отвѣтилъ Колупненко. — Это, должно-быть, оттого, что я очень наѣлся.

— А, наѣлся. Это хорошо! Пироговъ съ горохомъ? Хе-хе? Ну, только смотри, Колупненко, чтобы тебѣ что-нибудь страшное не приснилось! Отъ пироговъ съ горохомъ

это бываетъ! Ну, иди же теперь на молитву да и спать ложись. Завтра рано къ заутренѣ, а тамъ разговляться. Отецъ-экономъ отличныхъ колбасъ закупилъ; прекрасныя колбасы, я ихъ видѣлъ. А ты любишь колбасу, Колупненко?

— Люблю, отецъ-инспекторъ! Очень люблю! — отвѣтилъ Колупненко и при этомъ радостно улыбнулся.

Онъ въ самомъ дѣлѣ до страсти любилъ колбасу.

— Ну, вотъ и отлично. Такъ завтра будешь ѣсть колбасу. А теперь иди спать!

«Не пойду я спать... Не хочу я спать. Что въ самомъ дѣлѣ? Четырнадцать лѣтъ каждый вечеръ гонятъ тебя спать. Это, наконецъ, можетъ надоѣсть... Нѣтъ, я знаю, куда пойду... Гм... Поджечь семинарію! А оно бы хорошо! Ей-ей, хорошо! Отлично бы!»

Такъ думалъ Колупненко, направляясь въ общую залу, гдѣ происходила уже вечерняя молитва. Отслушавъ молитву, на которой былъ Рѣдька, онъ вмѣстѣ съ другими, подъ предводительствомъ Рѣдьки, поднялся во второй этажъ, гдѣ была спальня, раздѣлся и улегся.

Рѣдька ушелъ. Огни загасили. Стало совсѣмъ темно. Вотъ тутъ-то и произошло нѣчто такое, чего не ожидали не только Рѣдька, отецъ-инспекторъ и отецъ-ректоръ, архимандритъ, но и никто на свѣтѣ.

Колупненко тихонько поднялся и осторожно, чтобы не слышала ни одна душа, напялилъ на себя казенные штаны, казенный сюртукъ, казенный картузъ и казенные сапоги и при этомъ почему-то удивительно явственно чувствовалъ, что это не столько штаны, сюртукъ, картузъ и сапоги, сколько именно казенные, что все это казенное; а затѣмъ на цыпочкахъ вышелъ и спустился по лѣстницѣ внизъ.

Вотъ онъ идетъ по коридору, а въ коридорѣ ярко горятъ лампы, и навстрѣчу ему бредетъ Рѣдька.

— Какъ,—говоритъ Рѣдька:—это Колупненко? Это овца? Почему же ты не въ церкви? Въ церкви совершается всенощное бдѣніе, а ты здѣсь, а?

— Эге, — отвѣтилъ онъ: — я, конечно, дѣйствительно Колупненко, это вы правду сказали, госпожа Рѣдька, только ужъ я не овца. Нѣтъ, я далеко не овца. И вотъ вы скоро это узнаете...

И, сказавъ это, онъ идетъ дальше и встрѣчаетъ эконома, но только по странной случайности онъ не дьяконъ, какъ это было въ дѣйствительности, а архимандритъ: на немъ

высокая монашеская шапка и длинный клобукъ, изъ-подъ котораго торчитъ золотисто-рыжая борода.

— А,—сказалъ ему Колупненко.—Это ты, экономъ! Ты думаешь, я испугался твоей рыжей бороды? Какъ бы не такъ! Ты воображаешь, что я буду ѣсть твои пироги съ тухлымъ горохомъ? Какъ бы не такъ! Ты думаешь, что я до сихъ поръ овца? Какъ бы не такъ! Вотъ я вамъ всѣмъ покажу, какая я овца. Я вамъ покажу! Я вамъ покажу!.. Четырнадцать лѣтъ не показывалъ, а теперь покажу. Вы думаете, что я смирный, такъ ужъ ничего никогда и не покажу? А вотъ увидите, вотъ увидите!.. — И Колупненко пошелъ дальше.

Но тутъ уже произошло нѣчто необъяснимое. Какъ это все случилось, этого даже профессоръ философіи и психологіи, который всегда говорилъ, что только для дурака существуютъ необъяснимыя вещи, а человѣкъ съ умомъ и съ философскимъ взглядомъ всегда и все можетъ объяснить,—такъ даже и онъ не объяснилъ бы.

Прежде всего онъ отправился въ садъ и по тѣмъ самымъ желобкамъ, которые продѣлали семинаристы, перелѣзъ черезъ стѣну и очутился на улицѣ. Ну, въ трактиръ онъ зашелъ такъ себѣ, мимоходомъ, и тоже мимоходомъ выпилъ цѣлое ведро водки, да, цѣлое ведро.

Онъ первый разъ въ жизни пробовалъ этотъ напитокъ и нашелъ, что онъ ничѣмъ не отличается отъ воды, и ему даже страннымъ показалось, что онъ такъ много дурного слышалъ про водку; ничего въ ней дурного нѣтъ.

А выпивъ ведро водки, онъ пошелъ и женился...

Да, вотъ въ томъ-то и штука, что женился; взялъ пошелъ и женился. И никогда въ жизни онъ не могъ бы объяснить и разсказать, какъ это произошло; но только это не подлежитъ сомнѣнію: онъ женился и теперь онъ женатъ. Такъ что-жъ изъ этого? Экая важность, что онъ—семинаристъ и что семинаристамъ жениться не позволяютъ! Экая важность, скажите пожалуйста! Довольно того, что онъ четырнадцать лѣтъ не женился, а тутъ вотъ взялъ и женился...

Кого ему еще бояться? Можетъ-быть, отца-инспектора или отца-архимандрита? Или, чего добраго — ха-ха-ха — Рѣдьки? Ну, вотъ, скажите пожалуйста... Да онъ не только ихъ не боится, но даже знать не хочетъ.

И, чтобы разомъ, навсегда, покончить съ этимъ дѣломъ, онъ взялъ, зажегъ спичку и поднесъ ее къ самому фунда-

менту семинарскаго зданія. Зданіе въ одно мгновеніе вспыхнуло и горитъ, горитъ, горитъ...

Пламя подымается все выше и выше, и по всему городу идетъ звонъ... звонятъ на всѣхъ колокольняхъ, звонятъ на полицейскихъ каланчахъ, пожарные мчатся со всѣхъ концовъ, и колокольчики, подвязанные къ дышламъ, тоже звонятъ, звонятъ, звонятъ...

— Дзинь-дзилинь-дзилинь...

— Да вставай же, Колупненко! Экій ты какой! И во снѣ все время разговариваетъ. Вотъ говорилъ я тебѣ вчера, что отъ пироговъ съ горохомъ бываютъ страшные сны. Ну, вставай же... Съ праздникомъ тебя поздравляю, съ Рождествомъ Христовымъ.

Колупненко схватился, вскочилъ на ноги, тряхнулъ головой и съ усиліемъ открылъ глаза. Внизу служитель усиленно звонилъ, призывая семинаристовъ къ заутренѣ.

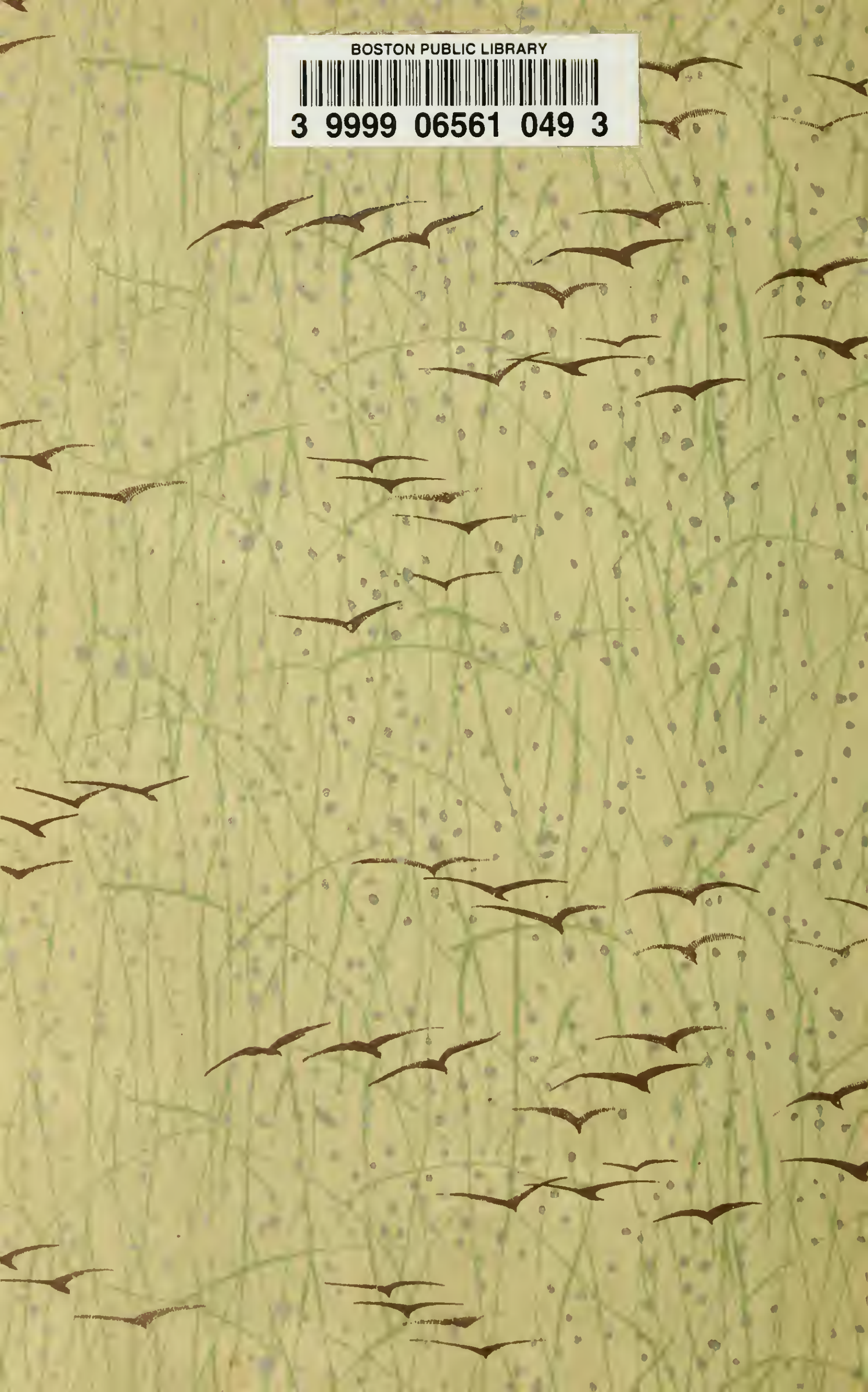
Подавленный, смущенный, съ сильно бьющимся сердцемъ, онъ старался разглядѣть, кто передъ нимъ стоитъ и поздравляетъ его, и, наконецъ, промолвилъ дрожащимъ голосомъ:

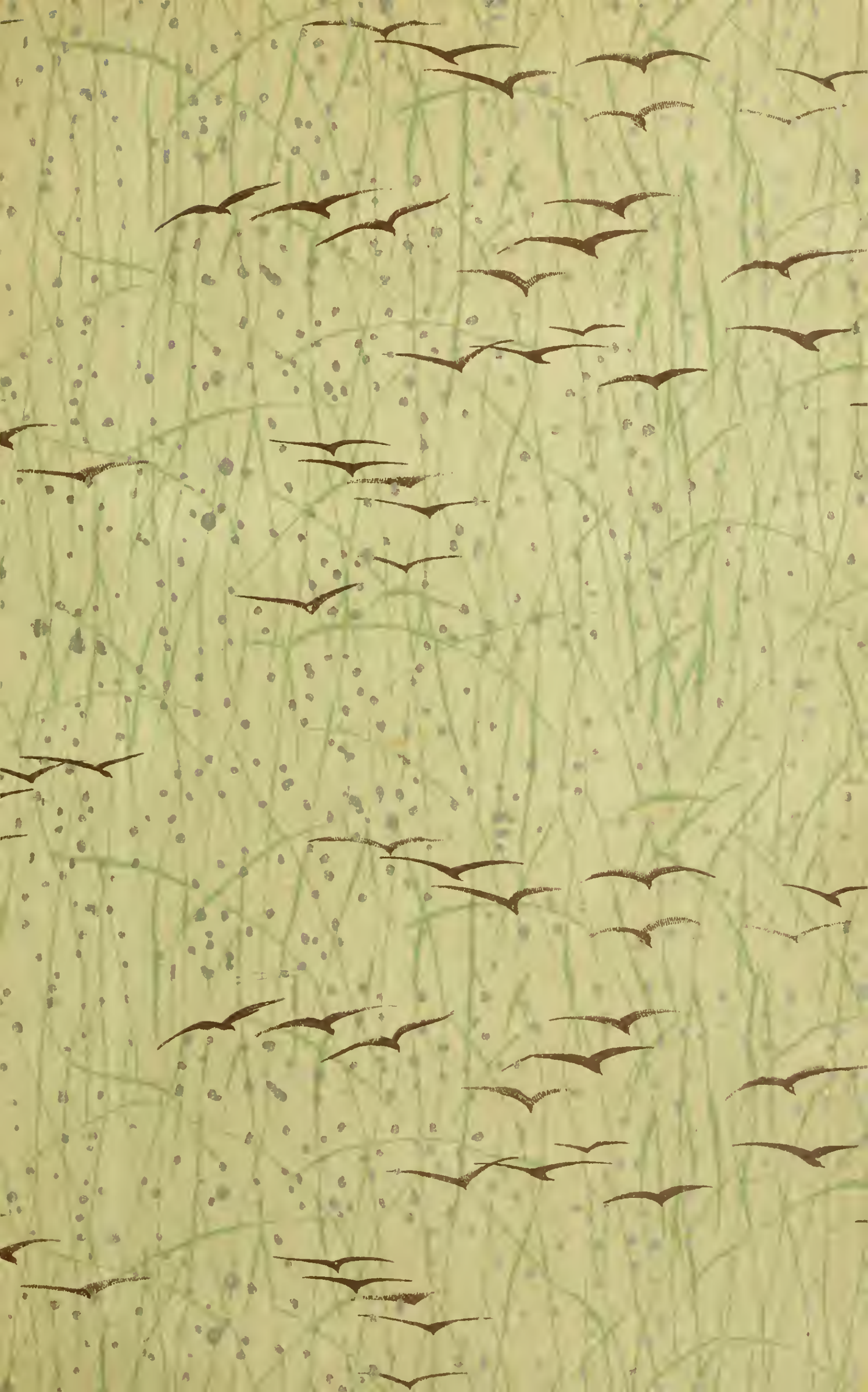
— Я... я сейчасъ... Я сію минуту, отецъ-инспекторъ...

Въ это время изъ-за спины отца-инспектора выглянула остроконечная голова Рѣдьки, и Колупненко тогда окончательно понялъ, что это былъ сонъ, что во всемъ виноваты пироги съ горохомъ, что, слава Тебѣ, Господи, Рѣдька не сгорѣлъ, а онъ, Колупненко, остался овцой... И это уже— на вѣчныя времена.

Оглавленіе.

	стр.
На дѣйствительной службѣ. (Повѣсть)	3
Шестеро. (Разсказъ)	147
Исполнительный органъ. (Разсказъ)	199
Октава. (Очеркъ)	247
Деревенскій романъ. (Изъ хроники южно-русской деревни)	263
Жены. (Разсказъ)	419
Блудный сынъ. (Очеркъ)	447
Крылатое слово. (Очеркъ)	479
Игра словъ. (Очеркъ)	503
Надежда и упованіе. (Разсказъ)	513
Искушеніе. (Очеркъ)	525
Овца. (Рождественскій очеркъ)	539

BOSTON PUBLIC LIBRARY
3 9999 06561 049 3

Переплетная „НИВЫ", СПБ